

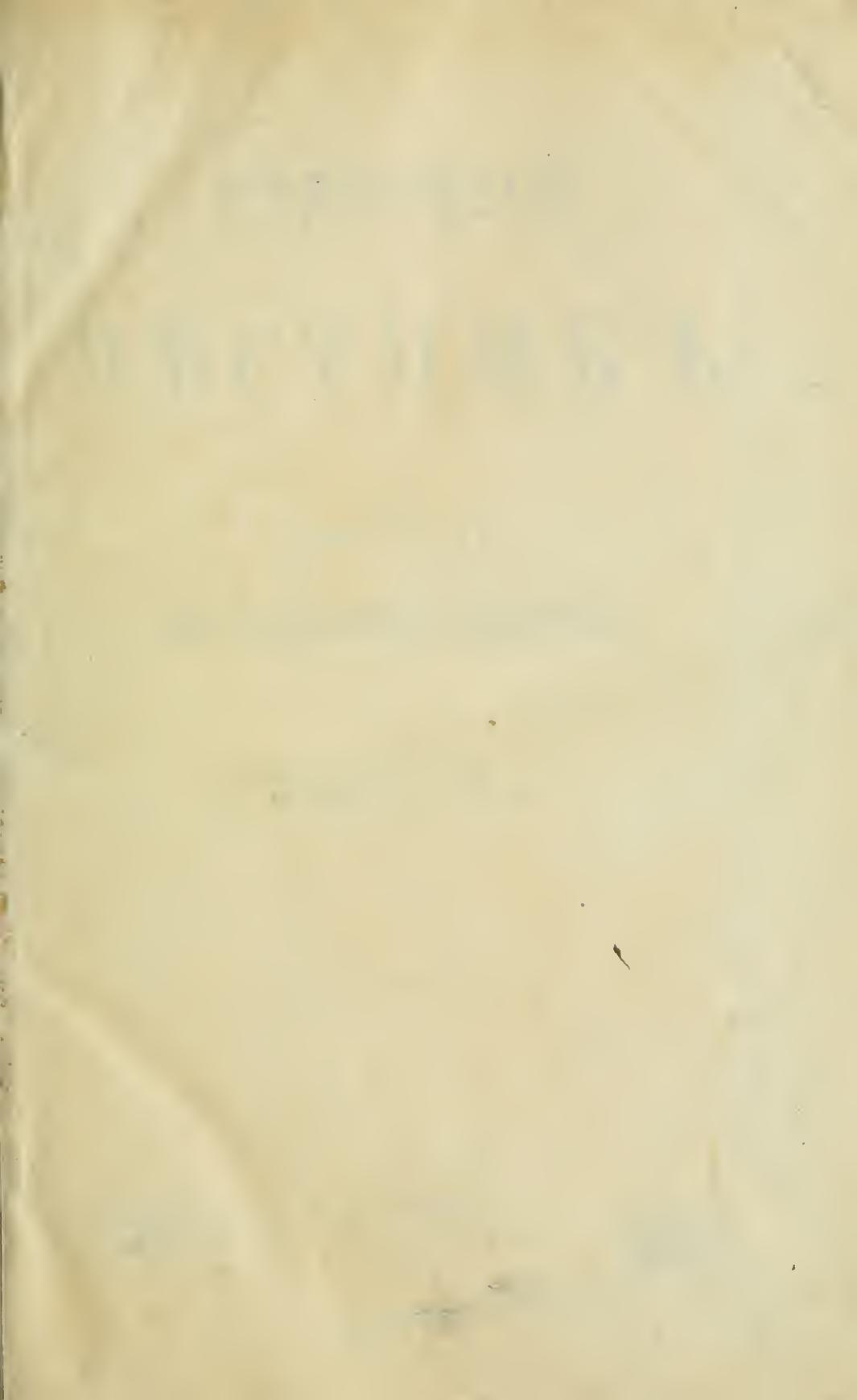

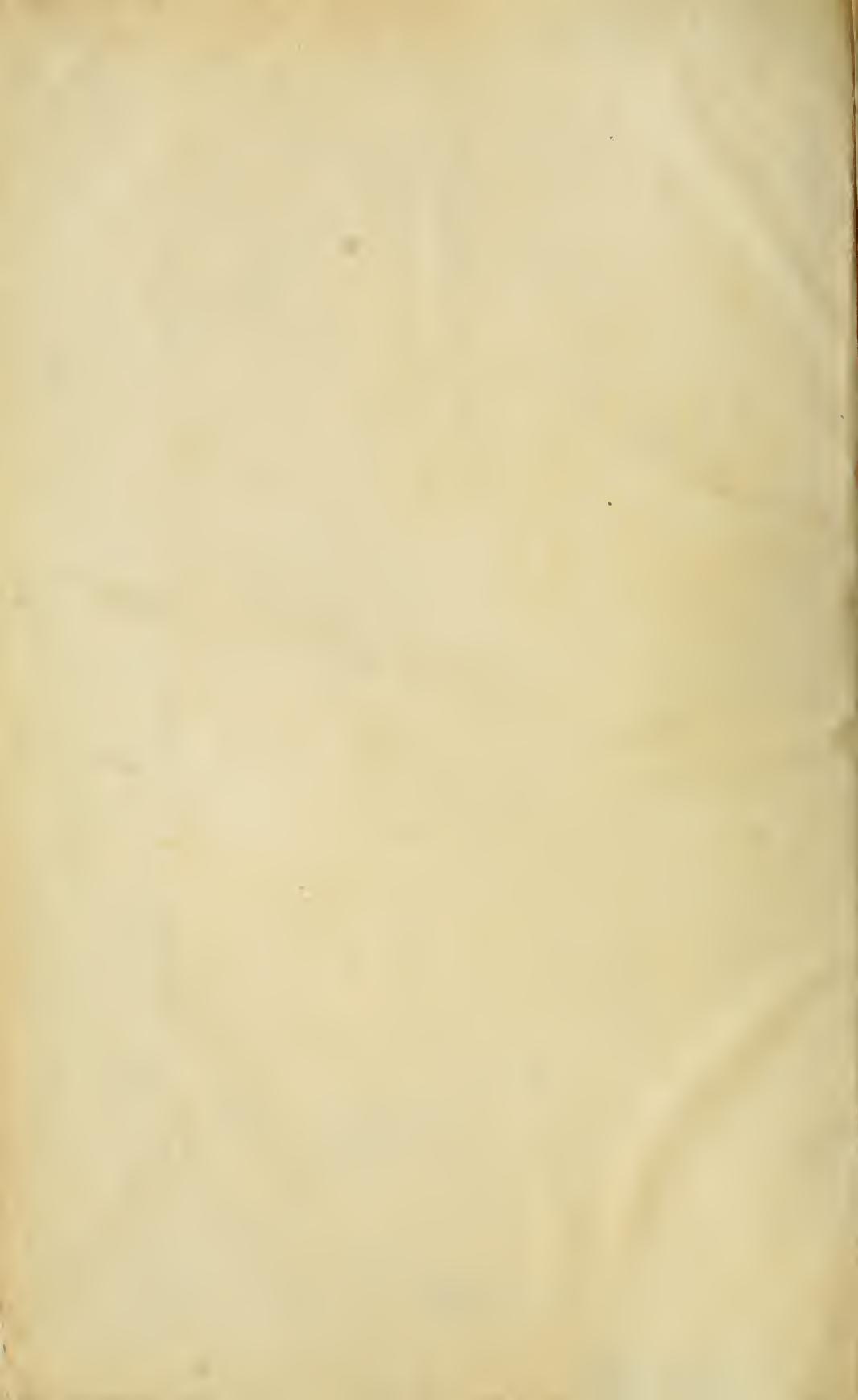
3 1761 081067142

TUN 311/85

DUPPLICATE

5892

СѢВЕРНЫЙ ВѢСТИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ.

Мартъ № 3.

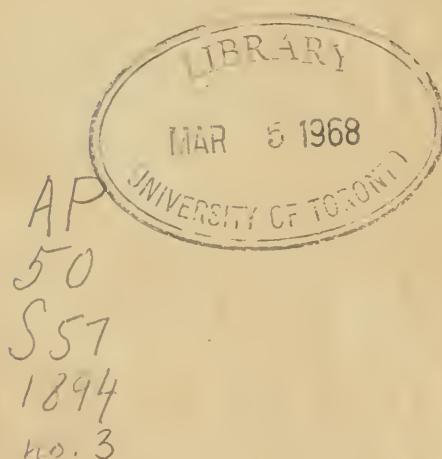
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. ДЕМАКОВА, Новый пер., д. № 7.

1894.

557
50833
1894
No. 3

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 февраля 1894 года.

Документ 2 из 12

Главная Контора «Сѣвернаго Вѣстника» по-
корнѣйше просить гг. подписчиковъ, пользующихся
разсрочкой, во избѣженіе задержки въ высылкѣ апрѣль-
ской книжки, поторопиться высылкой 2-го взноса съ
указаніемъ адреса и № бандероли.

СОДЕРЖАНИЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

СТРАН.

I.— НА РАЗНЫХЪ ДОРОГАХЪ. (Романъ въ 3-хъ частяхъ). Часть первая. Гл. XIV. Часть вторая. Гл. I—III. Вас. Немировича-Данченко	1
II.— СТИХОТВОРЕНИЕ. В. Уманова-Каплуновскаго	48
III.— ДВѢ СЛАВЯНСКИЯ ПОВѢСТИ: «Панъ Тадеушъ» и «Евгений Онѣгинъ». П. Боборыкина.	49
IV.— ЛУШКА. Разск. Ек. Лѣтковой	87
V.— СТИХОТВОРЕНИЕ Н. Минскаго	98
VI.— ЖЕЛЪЗНОДОРОЖНЫЙ СТОРОЖЪ ТИЛЬ. Разсказъ. Г. Гауптмана. (Переводъ съ пѣмѣцкаго)	99
VII.— СОНЕТЪ ПЕТРАРКИ. Стихотвореніе. К. Льдова	122
VIII.— ЗАПИСКИ А. О. СМИРНОВОЙ. (Изъ записныхъ книжекъ 1826—1845 гг.). Пушкинъ о происхожденіи его стихотворенія «Пророкъ».— Пушкинъ о Евангелии.— Разговоры о современной музыкѣ.— Улыбышевъ о Моцартѣ — Пушкинъ о Мицкевичѣ.	123
IX.— ПЕРВЫЙ ПУБЛИЦИСТЪ ВЪ ЕВРОПѢ. Проф. Л. Шепелевича	145
X.— СЕМЕЙСТВО ПОЛАНЕЦКИХЪ. Романъ. Часть вторая. Генрика Сенкевича. (Переводъ съ польского М. Кривошеева).	171
XI.— NOCTURNE. Стихотвореніе. Г. Работникова	192
XII.— ЗАРНИЦЫ. Разсказъ. В. Микуличъ	193
XIII.— ИЗЪ ДНЕВНИКА АМІЕЛЯ. Переводъ съ франц. гр. М. Толстой подъ редакціей гр. Льва Толстого	225
XIV.— ВСТРѢЧИ. Николая Ге.	233

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

I.— ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ: 1) ЗЕМСКОЕ СТРАХОВАНИЕ СЕЛЬСКИХЪ ПОСТРОЕКЪ. Ипп. Вернера	1
2) ВВЕДЕНИЕ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ ВЪ АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕРНИИ. В. В.	13

II. — ПРОВИНЦІАЛЬНА ПЕЧАТЬ. Вопросы модные и немодные. — Бомбы и фабрики динамита.—Убийства и истязания. — Дѣла: Штильмана, Романовского, Десятапчанко, Скарятинской, Кузиной и Старкуса. — Малолѣтніе въ ремесленныхъ заведеніяхъ. — О компиляторахъ и послѣднихъ словахъ науки. — Дѣло гг. Паниныхъ. — Литературный драмат. — «Одесский Листокъ», «Одесскія Новости», «Новороссійскій Телеграфъ», и «Орловскій Вѣстникъ». — «Гражданинъ» о томъ, кто умѣє. — «Московскія Вѣдомости» о дисциплинированномъ труде. — Возраженіе «Минскаго Листка». Л. Прозорова	17
III. — ПИСЬМО ИЗЪ ШВЕЙЦАРИИ. Referendum. — Народная инициатива.—Безвозмездное государственное лечение. — Обязательное страхование противъ болѣзней. В. Дингельштедта	36
IV. — ИЗЪ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ. Гансъ фонъ-Бюловъ. — О преподаваніи философіи въ лицейахъ. — Пріемъ Брюнеттера въ Академію.—Письма Тургенева.—Юбилей «Дѣтского Чтенія»	42
V. — ТЕАТРЪ. (Текущій репертуаръ). Муха укусila г. Крылова. — Новый драматургъ.—«Жизнь» г. Потапенко. — 40-лѣtie «Бѣдность не порокъ». — Бенефисъ М. Г. Савиной. — «Дворянское гнѣздо». Д. Д. К.	54
VI. — ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѦНІЕ. 75-ти-лѣtie петербургскаго университета. — Воспитательное значеніе высшей школы. — Вопросъ о приступленіи Россіи къ бернскій литературной конвенціи.—Огражденіе свободы перевода.—19 февраля — Обнародованіе закона о неотчуждаемости наѣльныхъ земель. — Циркуляръ о взысканіи сборовъ и комиссія по этому предмету. — Комиссія статьи-секретаря Грота и проектъ обѣ общественному призрѣніи. — Проектъ запѣданія дѣломъ народного продовольствія.—Пермскій кустарно-промышленный банкъ.	64
VII. — КРИТИКА И БИБЛIOГРАФИЯ. А) КРИТИКА. Стихотвореніе В. Л. Величко.—Рыбнинъ. Элеваторы и наше увлеченіе ими	84
Б) БИБЛIOГРАФИЯ. 1) Литература. Беллетристика. 2) Естествознаніе. Медицина. 3) Общественные науки. 4) Дѣтская книга.	88
VIII. — ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѦТКИ. Н. А. Добролюбовъ. (Статья третья). Философскіе взгляды Добролюбова. — Борьба съ напытывшемъ сантиментализмомъ подъ видомъ борьбы съ идеализмомъ.—Ученіе о гармоническомъ развитіи человѣка.—Роль личности въ исторіи. — Внутрення противорѣчія. — Мелкая критическая замѣтка Добролюбова.—«Очеркъ исторіи русской поэзіи» А. Милкова.—Орестъ Миллеръ. — Статьи о Гончаровѣ, Островскомъ, Тургеневѣ и Достоевскомъ.—Характеристика «Свистка». — Первые шаги Конрада Липленшвагера.—Протестъ литераторовъ противъ «Иллюстраціи». — Диспутъ Погодина и Костомарова.—Эпизодъ съ Якушкинымъ. — Общіе выводы. — Заключеніе. А. Волынскаго	97
IX. — ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛѦТОПИСЬ. Проф. А. Трачевского .	145
X. — КОМИССІЯ при Спб. Комитетѣ Грамотности для помощи нуждающимся ученикамъ народныхъ школъ	153
XI. — КНИГИ, поступившія въ редакцію для отзыва.	

НА РАЗНЫХЪ ДОРОГАХЪ.

(Р О М А НЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТИХЪ).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

XIV.

Простясь съ Натальей Григорьевной, Левъ Самойловичъ не долго оставался одинъ.

— Что это вы сегодня? *Seul et abandonné?* — Крикнула ему съ террасы, пившая тамъ послѣ завтрака свой кофе, Маргарита Францовна.

— Такъ... Наталья Григорьевна устала, ей хочется отдохнуть...

— Полагаю... Вы, я думаю, за эти мѣсяцы верстъ тысячу пѣшкомъ сдѣлали?

— Да, но это послѣ сидячей жизни Петербурга... — Началъ было онъ.

Марго откровенно захохотала.

— Чему вы это?

— Такъ... Это вы значитъ только въ гигиеническихъ цѣляхъ? Для мочіону?

Самсоновъ ей не отвѣтилъ, но про себя подумалъ: „отъ этого ministra въ юбкѣ не спрячешься! вотъ-бы ко мнѣ на заводы въ управляющіе“.

— Васъ мои сѣдые волосы не пугаютъ?

— Нѣтъ, а что? Обернулся къ ней Самсоновъ.

— Я хочу съ вами пройтись по берегу. Не бойтесь, не бойтесь, не подѣ-руку... Я терпѣть не могу ходить спѣшившись... Да и кромѣ того, не со всякою это пріятно, особенно-же съ такою, какъ я; вчера вѣсилась тутъ, и вдругъ девяносто восемь кило!.. Это, если перевести на пуды, сколько будетъ?

— Я съ удовольствіемъ, вы кончили свой кофе?

— Прибавьте съ коньякомъ. Отъ моего французскаго происхождения только и осталось, что любовь къ ликерамъ и къ fine. Я сей-часъ васть нагоню.

Она сбѣжала по каменнымъ ступенямъ на твердый песокъ морского пласта, гдѣ уже копошились десятки дѣтей, подвернувшихъ штанишки и храбро, босикомъ, шнырявшихъ то и дѣло въ воду на охоту за крабами и лангустами. Другие, въ томъ-же костюмѣ, возились въ пескѣ, строили воображаемыя валы, рыли канавы, тотчасъ-же наполнявшіяся водою, просачивавшуюся снизу, и воздвигали на грозныхъ редутахъ французскія и русскія знамена. Медовый мѣсяцъ нашего сближенія съ Франціей только начинался: желтый императорскій штандартъ съ двуглавымъ орломъ — былъ въ большой модѣ. Одинъ громадный даже вѣялъ надъ самыми фронтонаами колоссального отеля, хотя владѣльцемъ его былъ настоящій нѣмецъ, которому всего менѣе пріятны были франко-русскія симпатіи. Марго обѣжала нѣсколько такихъ грозныхъ укрѣплений. Босоногій гарнizonъ, часто состоявшій изъ прелестныхъ кудрявыхъ дѣвочекъ, высакивалъ изъ-за валовъ и дѣжалъ ей честь. Она по пути перепѣловала нѣсколько дѣтишекъ, а одного, безъ церемоніи, выхватила изъ середины неподѣлимой арміи, перекинула его себѣ на локоть и устремилась съ нимъ дальше.

— Вы любите дѣтей? — спросилъ ее Самсоновъ.

— Всякая женщина любить ихъ! Особенно тѣ, у которыхъ, какъ у меня, своихъ не было!

Они прошлись подальше къ скаламъ. Самсоновъ молчалъ, задумавшись... Онъ кажется забылъ даже, что не одинъ на этомъ берегу.

Марго нѣсколько разъ взглянула на него съ боку и, наконецъ, не выдержала, разсмѣялась. Тотъ удивленно оглянулся.

— Чему вы?

— Такъ, очень ужъ вамъ весело со мною! То-ли дѣло, если бы на моемъ мѣстѣ была другая.

— Какая другая? — совсѣмъ уже глупо переспросилъ Самсоновъ

— Вы хотите les points sur les i? Ну пожалуй, представьте, что вдругъ тутъ-бы оказалась Наталья Григорьевна Свѣтлинъ-Донецкая...

— Развѣ не все равно? для прогулки нуженъ веселый товарищъ. Старался онъ все обратить въ шутку.

— Удивительные вы, мужчины... Вы считаете себя умнѣе насъ... Несравненно умнѣе, А въ сущности вѣдь самый умный изъ васъ — бабыаго мизинца не стоитъ. Не удивляйтесь, не удивляйтесь! Я не говорю про ваши тамъ философіи, техническія производства и вообще всѣ эти скучныя вещи, до которыхъ намъ никакого дѣла нѣть, по крайней мѣрѣ мнѣ, я вѣдь женщина старого укола...

— Закала! — поправилъ ее Левъ Самойловичъ.

— Все равно, вѣдь вы поняли. Я говорю о простомъ житейскомъ умѣ. Посмотрите на Наталью Григорьевну, она женщина, и говори съ нею сколько хочешь о вѣсѣ, никакъ не узнаешь, какъ она къ вамъ относится, какъ къ постороннему или доброму другу, а вы...

— Что я?

— А вы... Страусъ спрячетъ, говорятъ, голову подъ крыло и ложится передъ охотникомъ, и думаетъ, что его никто не видитъ.

— Ну, а что вы видите...

— Я... все вижу...

И она остановилась, разматривая, какъ два краба схватились подъ сѣрымъ камнемъ, сплошь покрытымъ присосавшимися къ нему черными раковинами. Она зонтикомъ выхватила изъ воды крабовъ; большой красный грозно всталъ на щупальцы и поднялъ вверхъ свои клешни, храбро отражая ими легкіе удары. Маленький лежалъ на пескѣ — полумертвый. Очевидно противникъ началъ ужъ лакомиться имъ.

— Что-же все? Ваше все — великодѣнно. Чисто по женски. Вѣдь у вѣсѣ такъ: почему? — потому, какъ? — такъ... Что? — все! Нечего сказать, убѣдительно и ясно...

— Не волнуйтесь и не сердитесь. Этимъ вы себя еще больше выдаете, совсѣмъ съ головою. Вѣдь вы знаете, Левъ Самойловичъ, меня еще никто не считалъ за сплетницу.

— Да, это правда, Маргарита Францовна, вѣсѣ этой женской черты нѣтъ совсѣмъ.

— Это вовсе не женская черта, М-сье Самсоновъ. Если-бы мужчины не интересовали сплетни, мы бы никогда не сплетничали. Во всѣхъ нашихъ порокахъ вы виноваты, а добродѣтели наши... Какъ это *les vertues* — достоинства что-ли? — принадлежать намъ самимъ.

— И перетягиваніе до обморока, и прокалываніе ушей, и еще я не знаю что...

— А вѣтъ этомъ случаѣ je me souviens toujours de la reflexion échappée à un caniche-philosophe au moment où on lui coupait la queue: il faut souffrir pour être beau! Впрочемъ, что-же мы объ этомъ... Да, вы не умѣете прятаться, Левъ Самойловичъ.

— И не считаю нужнымъ, по крайней мѣрѣ отъ такихъ друзей какъ вы.

— Такъ? Ну, такъ позвольте мнѣ, какъ другу, сказать вамъ, что вашимъ путемъ вы все будете, какъ это, топтаться на мѣстѣ...

— Вы хотите сказать, топтаться на мѣстѣ!

— Ну, да. И ни шагу... Я лучше васъ понимаю Наталью Григорьевну. И вы и она всегда останетесь несчастными и все, знаете, издали будете молиться одинъ на другого, пока у обоихъ у васъ станутъ волосы такими-же сѣрыми, какъ у меня, и вы поймете, что

ваша жизнь погибла Богъ знаетъ изъ-за чего, и что настоящаго счастья вы не знали ни на минуту.

— Мне только кажется, что вы ошибаетесь. Наталья Григорьевна ко мнѣ относится только какъ къ другу... Только.

Маргарита Францовна удивленно посмотрѣла на Самсонова и, убѣдясь, что онъ говорить вполнѣ искренно, на сей разъ ужъ расхохоталась во всю и даже присѣла на скалу, не въ силахъ будучи держаться на ногахъ.

— Bon Dieu, какъ вы всѣ мужчины. Вы не обижайтесь, но... Какъ вы недалеки, непроницательны, даже слѣпы... Она, Наталья Григорьевна, на васъ смотритъ какъ на друга?..

— А какже? — радостно переспросилъ ее Левъ Самойловичъ.

— Ну такъ я вамъ открою глаза: она до безумія, понимаете, до безумія любить васъ. Она молится на васъ. Что она холодна съ вами, такъ развѣ вы не знаете сами сколько въ ней... гордости и даже не гордости, а... les principes. И изъ-за les principes она умреть, а не дастъ вамъ вотъ и этого, — указала она на бончикъ мизинца и даже прикусила его зубами. — И вы такъ и измучитесь, и состаритесь. Нѣть, этою дорогой вы никуда не придетѣ.

— Что-же мнѣ надо дѣлать?

— А вы даете слово слушаться меня?..

— Я не знаю еще, что вы мнѣ посовѣтуете.

— Margot de France, я вѣдь знаю, какъ меня шутники называютъ, Маргарита Французская, дурного не посовѣтуетъ. Вы знаете, что въ каждой пожилой француженкѣ непремѣнно сидитъ сваха. По нашему это грубѣе называется. Но мы вновь живемъ, когда устраиваемъ чье нибудь счастье... А васъ и Наталью Григорьевну я люблю. И потомъ, вы умный человѣкъ и понимаете сами, такихъ друзей выгодно имѣть женщинѣ, которая привыкла жить хорошо, но у которой нѣть, какъ у васъ миллионовъ.

— Я понимаю, я человѣкъ дѣловой...

— Ну вотъ... Наталья Григорьевна любить васъ до смерти... Это я правильно сказала?

— Да, правильно.

— Но она можетъ быть только, вы понимаете, только вашей женой, и безъ всякихъ компромиссовъ, безъ всѣхъ этихъ фокусовъ, къ которымъ прибѣгаютъ нынче люди, легко относящіеся къ такимъ вопросамъ.

— Ну, это дѣло, слѣдовательно, невозможное... — Уныло замѣтилъ Самсоновъ.

— Отчего невозможное?..

— Да что вы, Маргарита Францовна, — маленькая что-ли?.. Еще

умной женщиной слывете. А съ Владимиromъ Петровичемъ что-же намъ дѣлать? Въ чемоданѣ въ Америку отправите что-ли?.. Вѣдь она замужемъ.

— Я это отлично знаю... А разводъ?

— Какой разводъ?

— Такой... Какой бываетъ?

— Ей-Богу, вѣрно вы и порохъ выдумали. Я вѣдь и безъ васъ знаю о томъ, что на свѣтѣ противъ каждого яда есть противоядіе. Разводъ! Хорошо-же вы Наталью Григорьевну понимаете. Ее убить можно, а она никогда не станетъ добиваться такого развода. Она ни за что,—умретъ, а шагу не сдѣлаетъ. Она дорожитъ своей репутацией. Это намъ ничего развестись... а женщинѣ...

— Постойте... ne parlez pastros. Я никогда не имѣла въ мысляхъ, чтобы madame Свѣтлинъ-Донецкая сама добивалась развода. Я знаю, что ее ничѣмъ не заставишь искать его. Но я женщина и потому вижу широкую дорогу тамъ, гдѣ вы, les rois de cr ation, упираетесь лбомъ о стѣну и стоите на мѣстѣ. Да-съ... Потому что еще разъ вы должны признать, что мы женщины гораздо умнѣе. Да это и на мелочахъ видно. Попадись вамъ узель, вы сейчасъ-же, трахъ, и рвете его—а мы распутываемъ. И этой я вамъ распутаю.

— Какъ?

— А вотъ какъ: инициатива развода должна идти не съ этой стороны.

— Что? Маргарита Францовна, не томите вы меня. Говорите скорѣй.

— А не хотите: продолженіе въ слѣдующемъ номерѣ?

— Ей-ей я васъ въ воду брошу...

— Ну вотъ тогда—окончательно ничего не будетъ. Ну такъ слушайте, attention. Надо, чтобы разводъ ей предложилъ мужъ, чтобы онъ все принялъ на себя, чтобы—она тутъ ни въ чемъ не поступилась.

— Да какъ же добиться отъ ея мужа?.. Я Владимира Петровича знаю. Такая упрямая скотина... Ему удобно—онъ и не шевельнется...

— Это, Левъ Самойловичъ, сдѣлаю я.

— Вы? недовѣрчиво протянулъ онъ.

— Да—я! Вы знаете, я никогда еще даромъ ничего не обѣщала никому. Ну такъ я вамъ даю свое слово... Честное слово, если хотите... „На мечахъ“ клянусь. „И мечемъ и крестомъ“, что Владимиръ Петровичъ не только предложить ей разводъ, но станетъ добиваться этого всѣми силами, причемъ и право, и тогale будутъ на сторонѣ Натальи Григорьевны. И общественное мнѣніе тоже. Впрочемъ, я ее знаю, она своей совѣсти боится, а общественное мнѣніе для нея ноль.

— Да какъ же вы это сдѣлаете?

— У каждого есть секреты, а я своихъ никогда не выдаю. Только я должна васъ предупредить, Владиміру Петровичу нужны будутъ деньги... много денегъ.

— Что жъ объ этомъ толковать! Это самое пустое.

— И мнѣ тоже. Сколько ему, не знаю. Я человѣкъ честный. За ваши интересы постою.

— Я вамъ скажу одно: мнѣ безъ Натальи Григорьевны—зарѣзъ. Дерите съ меня шкуру, только устраивайте.

— Не бойтесь, это будетъ много для насъ съ нимъ, а для васъ пустяки. И при томъ, вы такъ и знайте, что деньги тутъ второстепенный аргументъ. У меня есть оружіе поважнѣе!

— Какое?

— Когда все устроится, тогда вы поймете. Только смотрите — мы съ вами въ заговорѣ... Слышиште?.. Если узнаетъ третій, даже если третьею будетъ Наталья Григорьевна, то все пропало и я умываю руки. Ей ни одного слова. Но вы должны быть черезъ мѣсяцъ въ Петербургѣ. Чтобы когда станутъ кашу варить...

— Когда каша заварится?..

— Да, такъ, чтобы вы были около нея, понимаете.

— Маргарита Францовна, да я вамъ... Всю жизнь...

— О, зачѣмъ такія громкія слова? Жизнь дороже, чѣмъ мои услуги. И потомъ я умѣрена. Я никогда не хочу слишкомъ многаго...

И она кончикомъ зонтика написала на мягкому и мокрому песку 25.000 р. Левъ Самойловичъ усмѣхнулся, зачеркнулъ это палкою и написалъ 50.000...

Марго де Франсъ осталась довольна. Она крѣпко пожала руку Леву Самойловичу...

— Я думаю отъ сотворенія міра въ первый разъ контрактъ былъ написанъ на пескѣ морского дна, обнажающагося только при отливѣ.

Левъ Самойловичъ повеселѣлъ. „А какое я вамъ колѣо куплю, Маргарита Францовна... Если хотите, даже жениха вамъ найду!“

— Нѣть, совершенно серьезно отвѣтила она, я своего глухого генерала люблю, и другого мнѣ не надо.

И она тихо пошла къ отелю. Приливъ уже начинался. Волны догоняли ее и не сколько разъ съ тихимъ шипѣniемъ вскидывались у ея ногъ. Левъ Самойловичъ, точно окрыленный, отправился вдоль берега. Ему хотѣлось теперь остаться одному со своими мечтами, лицомъ къ лицу съ радужнымъ признакомъ близкаго будущаго. Онъ только мелькомъ, проходя, взглянула на окно Натальи Григорьевны; оно было задернуто желтокою шелковою занавѣсью.

— Погоди, горда! Кинулъ онъ ей мысленно — будешь ты наконецъ моей...

И такъ бурный приливъ счастья захватилъ его, что ему самому показалось, будто онъ пьянъ. Все кругомъ завертѣлось, скалы перемѣшились съ террасою. Отель запрыгалъ, даже окна его закружились, и Самсоновъ долженъ былъ сѣсть, чтобы не упасть. Прошло нѣсколько минутъ, пока онъ опомнился. Къ нему издали подходилъ мѣстный рыбакъ, еще за двадцать шаговъ снимая черную вязаную баску съ кисточкой по срединѣ.

— Monsieur le prince! — Самойлова всѣ здѣсь звали принцомъ, какъ онъ не отбивался отъ этого... Monsieur le prince, къ вечеру вамъ будетъ готова именно та лодка, какую вы хотѣли. Я послыпалъ за нею въ Байону.

Самсоновъ на радостяхъ сунулъ ему какую-то бумажку и пошелъ дальше.

Рыбакъ опѣшилъ, посмотрѣлъ на сто-франковый билетъ, постоялъ, постоялъ и кинулся догонять Самсонова.

— Чего вамъ? круто обернулся тотъ.

— Pardon, monsieur le prince... Но, я честный человѣкъ. Страго Бенуа всѣ знаютъ. Вы ошиблись — и дали мнѣ слишкомъ много.

И онъ протянулъ ему деньги обратно.

— Merci, mon brave! Я дѣйствительно ошибся. Я хотѣлъ дать вамъ вотъ эту монету — и онъ завернулъ луидоръ въ пятисотъ-франковый билетъ и подалъ старику. Тотъ обезпамятѣлъ даже.

— Да я... я теперь свою лодку заведу! Кричалъ онъ... Il n'u a que les russes pour ça! Oh monseigneur! Моя жена, дѣти всѣ будутъ молиться за васъ.

Но „monseigneur“ былъ уже далеко.

— А еще увѣряетъ, что не принцъ. Кто-жѣ, кромѣ принца, можетъ сдѣлать это! Восторженно оралъ старый Бенуа, стремглавъ бѣжа къ отелю... Въ прошломъ году самъ Ротшильдъ, Альфредъ Ротшильдъ, жилъ здѣсь — а мы отъ него никогда больше сорока су не получали. А и въ самомъ дѣлѣ онъ долженъ быть prince! Не даромъ онъ такой большой и блокурый...

Когда черезъ два часа Самсоновъ вернулся въ отель, прислуга чуть не падала передъ нимъ на всѣ четыре колѣна.

Марго де Франсъ, входя въ отель, наткнулась на запыхавшагося Ивана Николаевича, тотъ весь въ поту тащилъ въ рукахъ какія-то картонки...

— И прощайте, и прощайте, и прощайте! Крикнулъ онъ ей.

— Куда это вы?

— Несеть меня лиса за темные лѣса, за высокія горы! Ку-

шайте на здоровье теперь Льва Самойловича подъ какимъ вамъ угодно соусомъ. Уѣзжаю—видите убладываюсь. Никто вамъ теперь мѣшать не будетъ...

— Да вы мнѣ и прежде не мѣшали. Куда-же вы?

— Домой, но сначала на недѣльку въ веселый городокъ Парижъ. Душу отвести.

А самъ онъ про себя думалъ: „постойте, я вамъ всѣмъ здѣсь устрою бенефисъ. Увижу Калерію Алексѣевну и такое ей разскажу, что она сломя голову прилетитъ сюда на живое мѣсто. Она васъ всѣхъ у меня шапкой накроетъ, и этому златокудрому богу Одину больше всего влетить. Будетъ онъ помнить Кузькину мать“.

Сообразивъ все это, онъ сдѣлался вдвое ласковѣе, даже наклонился и поцѣловалъ руку Маргаритѣ Францовнѣ.

— За что это? — Изумилась она.

— Да потому, что въ сущности я васъ очень люблю... Вы умная баба!

Маргарита Францовна дѣйствительно оказалась умна. Она пристально посмотрѣла на него и засмѣялась.

— Вы задумали пакость какую-то, Иванъ Николаевичъ... Но вамъ не удастся. Вамъ со мной не по силамъ бороться... Я даже догадываюсь... Вы думаете въ Парижѣ увидѣть Калерію Алексѣевну? Кланяйтесь ей отъ меня.

Приглядовъ такъ и остался съ разинутымъ ртомъ на лѣстницѣ.

— Тыфу ты!—отплонулся онъ.—Да это не женщина, а какой-то Соломонъ премудрый... Эхъ! Вотъ-бы тебѣ, Ваничка, такую жену!.. Умна, умна, бестія. Сразу въ голову клювомъ кокаетъ. Не даетъ промаху! Охотничья собачка—верхнимъ чутьюмъ дичь подымаетъ. Чортъ-бы тебя взялъ. И когда ты треснешь только!

Онъ видимо забылъ, что самъ толще ея оказывался.

— Неужели вы уѣзжаете?—кинулась къ нему Анна Федоровна.

— Да-съ, милая дѣвица, я въ пустыню удаляюсь отъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣсть! — фальшиво запѣлъ онъ.

— А как же вашъ братъ?

— Это съ раздвоеннымъ носомъ который?

— Ну, да! Я такъ хотѣла-бы съ нимъ познакомиться.

— Я его вамъ по почтѣ заказною бандеролью, а вы, пожалуйста, почтальону пятнадцать сантимовъ на чай.

И онъ, тяжело вздыхая, сталъ подыматься къ себѣ въ номеръ.

XV.

Бенуа сидѣлъ въ лодкѣ у берега, ожидая „altesse“, иначе теперь уже не звали Льва Самойловича. Старый рыбакъ какъ могъ, такъ и

выразилъ свою благодарность. Онъ борта лодки убралъ букетами цвѣтovъ и даже весла у ручекъ перевилъ ими. Досталь въ отелѣ ковровъ и уложилъ ими дно. Отъ мачты къ носу и кормѣ, къ снастямъ навѣсили китайскихъ фонариковъ. Лодка, вся свѣтлась ими, чуть колыхалась у пристани, собирая зѣвакъ, такъ что, когда Самсоновъ съ Натальей Григорьевной увидали ее, такъ невольно попятались.

— Точно изъ третьаго акта „Гугенотъ“! — засмѣялся Левъ Самойловичъ.

— А вѣдь красиво...

Бенуа самъ хотѣлъ остатся въ лодкѣ, и служить *altesse*, но Самсоновъ отпустилъ его домой, и нѣсколькими сильными ударами веселъ далеко отодвинулся отъ берега.

— Воображаю, теперь сплетень будетъ на нашъ счетъ! — засмѣялась Наталья Григорьевна, разсмотрѣвъ во всѣхъ освѣщенныхъ окнахъ отеля и на террасѣ сотни лицъ, слѣдившихъ за лодкой.

— А вы не боитесь?

Она подняла брови и удивилась.

— Сплетень, я? Да что-жъ мнѣ они. Я выше ихъ. Я презираю сплетни... Помните — девушкой была, не обращала на нихъ вниманія. Мнѣ важно чувствовать себя правой, и я спокойна, что-бы обо мнѣ не говорили!

— Гордость это у васъ.

— Нѣтъ... — грустно вырвалось у нее. — Даже вы меня не понимаете... Это — совѣсть.

— Вы еще жизни не знаете, съ ними надо считаться, со сплетніями. Это ядъ — незамѣтный, но сильный.

— Въ такомъ случаѣ и не хочу знать жизни, Богъ съ ней, если ради этого надо поступаться...

— Чѣмъ?

— А тѣмъ, что тутъ у меня! — дотронулась она до сердца. — Гордость это... это изъ головы... Ну, да будетъ обѣ этомъ, вотъ ночь!.. Я и не ждала такой.

Въ волнахъ благоуханій, слушаясь легкаго движенія веселъ, тихо плыла лодка въ задумчивое царство океана... Позади змѣился слѣдъ, гдѣ вода свѣтилась фосфорическимъ блескомъ. Вдали у берега мерещилась огнестая кайма прибоя. То и дѣло по сторонамъ за бортомъ въ глубинѣ мерцали, точно чудомъ, остановившися, не доходя до дна, серебряные блюда...

— Что это? — спросила Наталья Григорьевна.

Самсоновъ поднялъ весло и одно изъ этихъ блюдъ, бывшее ближе, ударили имъ. Блюдо вдругъ загорѣло радужными красками, и сжигаясь и разжигаясь по краямъ, стало опускаться внизъ, пока обратилось въ тусклое пятно.

— Медузы. Ихъ прощастъ. Опять наступаютъ жаркіе дни должно быть. Ишь сколько. Цѣлыми стаями.

Свѣтлые круги дѣйствительно плыли отовсюду, то вмѣстѣ, то въ разбивку... Чѣмъ глубже было море, тѣмъ они ближе и ближе подымались къ его поверхности. Движеніе воды отъ веселъ заставляло ихъ разгораться сильнѣе... Подъ ними можно было разглядѣть медленно и плавно шевелившіяся щупальцы, тоже мерцающія, хотя и слабо.

— Левъ Самойловичъ... нельзя-ли погасить эти фонари... Они мѣшаютъ. Въ самомъ дѣлѣ слишкомъ театрально!

Онъ послушно развязалъ веревки, снялъ мачту, загасилъ огни и уложилъ ее вдоль борта.

Теперь звѣзды ярче выступили въочныхъ небесахъ, и молодой мѣсяцъ засвѣтился позади, отраженный спокойнымъ зеркаломъ океана.

— Вы были нездоровы сегодня?

— Нѣтъ,—первно и недовольно отвѣтила Наталья Григорьевна.— Я вамъ уже говорила, что мнѣ надоѣло отдохнуть... Я чувствовала себя усталой, совсѣмъ усталой. Раскисла. И со мною это бываетъ, хотя я хвасталась тѣмъ, что у меня нѣтъ нервовъ.

— Это не оттого.

— А отчего-же?—и она, вспомнивъ свой сонъ, покраснѣла. Разумѣется въ темнотѣ это прошло для него незамѣтно.

— Не оттого... Подумайте хорошенько и вы сами поймете.

— И понимать нечего... Просто силь нехватило.

— А я думаю отъ неестественныхъ условій, въ которыхъ ставятъ себя люди, которые любятъ другъ друга и отказываются Богъ вѣсть ради чего и отъ счастья и отъ жизни.

— И вамъ не совсѣтно... Не того, что вы сказали, а вотъ этого самаго „Богъ вѣсть“?

Онъ промолчалъ и только сильнѣе заработалъ весломъ.

Совсѣмъ какъ во снѣ: также плавно скользитъ лодка по спокойному океану. Только нѣтъ золотистой дали — но эта ночь еще красивѣе. Какъ раздражено горятъ звѣзды. Млечный путь запалъ налѣво. Вонъ тѣхъ, на далекомъ югѣ, созвѣздій она никогда не видѣла въ Петербургѣ. Въ прохладномъ сумракѣ цвѣты, умирая, точно исходятъ благоуханіями. Она взяла одинъ букетъ. Прижалась къ нему лицомъ. Какимъ нѣжнымъ холodeкомъ полны лепестки этихъ цвѣтовъ. Наталья Григорьевна крѣпко вдохнула въ себя раза два ихъ запахъ и сильнымъ взмахомъ швырнула ихъ далеко въ море.

— Что это вы?

— Жертва океану, чтобы онъ былъ милостивѣе къ бѣднымъ пловцамъ...

Самсоновъ засмѣялся. Онъ оглянулся, теперь они были далеко отъ отеля. Онъ небольшимъ чернымъ пятномъ, искрясь окнами, лежалъ позади. Левъ Самойловичъ сложилъ весла, пересѣлъ рядомъ съ подвижущеюся Натальей Григорьевной и взялъ ея руку. Она съ силою вырвала ее.

— И этого нельзя?.. Что съ вами?

— Сегодня нельзя!

Если-бы онъ видѣлъ въ темнотѣ, онъ-бы замѣтилъ, какъ она опять нежданно и густо покраснѣла.

— Отчего?

— Такъ... Вы обѣщали меня слушаться.

Не могла-же она сказать ему, что послѣ этого сна она вся точно въ лихорадкѣ, что отъ его рукъ къ ней переходятъ какія-то искры, лишающія ее сознанія. И безъ того у нея кружилась голова, сладко-сладко кружилась, и какая-то слабость охватывала всю, таѣть что она не могла и не хотѣла шевельнуть ногою, хотя и чувствовала, что той неловко, что въ колѣнѣ уже больно и вся она точно затекаетъ. Она наконецъ собралась съ силами, сбросила съ себя шляпку и распустила косы, свернутыя до сихъ поръ на затылкѣ.. „Такъ будетъ легче, а то всю голову оттянули!“ Потомъ она наклонилась за бортъ, зачерпнула воды и брызнула себѣ въ лицо. Она не замѣчала или не хотѣла замѣчать, что Левъ Самойловичъ взялъ одну изъ ея косъ и, подумавъ: „какая тяжелая!“ сталъ тихо ее цѣловать... Коса будто змѣя лежала въ его рукѣ.

— Удивительные у васъ волосы! — проговорилъ онъ наконецъ.

Тутъ только она ее отняла у него.

— Удивительно! У русскихъ женщинъ вѣдь Богъ знаетъ что. Вода-ли у насъ такая или порода жидкая. Возьмите самыхъ красивыхъ и сравните ихъ съ южанками. Крысиные хвосты какіе-то, а не косы.

— Мы не слишкомъ далеко отшлили? — оглянулась она.

— Что это вы сегодня? И дальше слушалось.

— Такъ, сонъ вспомнила, во снѣ я слишкомъ, слишкомъ далеко была. Теперь и въ явь боюсь.

Самсоновъ оглянулся назадъ. Отеля ужъ не было видно, только маяки Байоны и Біаррица кидали полными горстями во мракъ и пространство цѣлые споны электрическаго свѣта. Левъ Самойловичъ сѣлъ опять за весла и вмѣсто того, чтобы вернуться, началъ сильно грести, все больше и больше увеличивая разстояніе...

— Это вы къ своему острову? — улыбнулась она.

— Да! Только до него не доплыvешь съ вами.

— Нѣтъ... Не доплыvешь! По крайней мѣрѣ на яву! — прибавила она про себя.

Мѣрные удары гнали по спокойной поверхности океана складку за складкой; до сихъ порь неподвижныя въ его отраженіи звѣзды задрожали серебряными зигзагами. Луна позади точно кисеей затянулась—невѣдомо откуда на нее наползло тонкое облачко. Свѣтъ ея стала совсѣмъ молочнымъ. Погасали медузы въ водѣ. Брызги летѣли вверхъ и тускло падали опять въ воду...

— Бросьте весла! — недовольно проговорила она.

— Чего вы сегодня?

— Боюсь, нѣтъ не боюсь. Минѣ скучно такъ. Я хочу, чтобы вы были около—здѣсь вотъ, опять отодвинулась она.

Онъ, невольно закачавъ лодку, перешелъ по ней, сѣлъ, и уже не спрашиваясь, обнялъ ее. Она хотѣла было что-то сказать, оттолкнуть его, но вместо этого точно какая-то посторонняя сила кинула ея голову къ плечу Льва Самойловича. Онъ боялся, чтобы не спугнуть ее и чувствовалъ, какъ у нея сильно поднимается грудь. Онъ слышалъ легкій шелестъ шолка, ревниво обвивавшаго ее, и ощущалъ у себя на шеѣ ея горячее дыханіе. Колѣно Натальи Григорьевны касалось его ноги и Самсоновъ замѣтилъ, что оно дрожитъ, точно въ лихорадочномъ ознобѣ. Онъ еще сильнѣе прижалъ къ себѣ дѣвушку, взялъ свободною рукою ея голову и властно повернулъ къ своимъ губамъ. Она, какъ тогда въ Санть-Себастіанѣ, отвѣтила ему на поцѣлуй подѣлуемъ и когда онъ, желаю вздохнуть, отодвинулъ было, она потянулась за нимъ. Онъ видѣлъ какъ полузакрылись ея глаза. Ночь ли это — или дѣйствительно поблѣдѣло ея лицо! Точно мраморное! И изъ полуопущенныхъ вѣкъ какой острый взглядъ, хотя, навѣрное, она ничего, ничего не видѣтъ теперь!

— Милый, милый! Слышишь ему... И онъ ушамъ своимъ не вѣрить. Неужели это та же недоступная женщина. Милый, милый... Какъ я люблю, люблю, люблю тебя... И всю жизнь одного тебя любила... И никого и ничего больше... Даже воспоминаніе о тебѣ было мнѣ всего дороже... Слышишь ли... Я никогда, никогда не забывала... Цѣлые вечера—тамъ, въ Петербургѣ, оставалась одна, думала о тебѣ... Мечтала, какъ институтка... У меня теперь никакихъ силъ нѣтъ. Я не могу, не могу больше. О, если-бы дѣйствительно—на этотъ островъ... на твой островъ... Безсвязно шептала она ему сквозь попѣлу... И теперь уже онъ не могъ-бы дать себѣ отчета—она-ли его это цѣлуетъ или онъ ее. Точно горячій дождь падалъ на него. Она упиралась ладонями въ его плечи, отталкивала его, пристально смотрѣла ему въ лицо, потомъ съ счастливымъ вздохомъ прижималась къ нему... Онъ дѣловалъ ея шею, горло, разстегнулъ пуговицу у этого горла и обжегъ ей сухими и горячими губами грудь — она точно вздрогнула вся и не сказала ему ни слова. „Моя, да?“ Тихо говорилъ онъ ей,

прижимаясь губами къ ея уху. Если-бы не порывистое дыханіе, можно было-бы подумать, что Наталья Григорьевна въ обморокѣ. Она, вдругъ, ни съ того ни съ сего повторила: „Да... сонъ...— сонъ“ и даже зажмурилась, чтобы не видѣть его лица, потому что оно отнимало у нея послѣднія силы... Онъ самъ не помнилъ потомъ, какъ онъ очутился у ея ногъ. У этихъ прелестныхъ и стройныхъ ногъ, кружившихъ ему голову... И ему казалось, что все замерло кругомъ, что ни лодки, ни моря, ни неба нѣтъ, что кругомъ какая-то пустота и въ пустотѣ единственный мірь—это они вдвоемъ. И никому до нихъ никакого дѣла, и они свободны, и все ихъ, потому что это все—они сами. О, пусть будетъ, что будетъ! Что ему за дѣло теперь до „завтра“... Сегодня такъ хорошо... Онъ чувствовалъ, что въ ней погасло всякое сопротивленіе, что она въ эту счастливую минуту только и жила его страстью. Отъ аромата цвѣтовъ кровь сильно била ему въ виски. Теперь, казалось, для нея весь мірь исчезъ. Она съ странною ясностью понимала — что вотъ-вотъ сейчасъ — и все кончится и она на всю жизнь связана съ нимъ и все, что было между ними невысказанного, все, что пугало ее своей таинственностью, все, къ чему шла ихъ любовь, отъ чего она такъ отбивалась, чего страшилась столько времени, все это оказалось сильнѣе ея и все это теперь ужъ у порога. И въ то же время она знала, что не она будетъ противиться этому. Она боялась только открыть глаза, чтобы не увидѣть его. Сонъ, сонъ! шевелилось въ ея головѣ со страшною ясностью. И ей даже не стыдно... „Милый, дорогой!..“ И вдругъ что-то пронзительной стужей охватило ее... Съ тихимъ журчанiemъ пролилось по дну — и она, вскочивъ, разомъ сообразила, что лодка отъ неосторожнаго движенія Самсонова качнулась, сильно качнулась и зачерпнула воды.

— Что это, что это? — дико оглянулась она.

И точно разомъ исчезло все. Очарованія какъ не бывало...

Онъ было двинулся къ ней. Но теперь ужъ передъ нимъ была прежняя Наталья Григорьевна. Она оттолкнула его... Пошла къ кормѣ... Сѣла. Опустила обѣ руки въ воду... Онъ сидѣлъ передъ нею совсѣмъ уничтоженный...

— Да... Я глупа была... Это сильнѣе насть!—вырвалось у нея.

— А если сильнѣе, зачѣмъ же сопротивляться.

— Зачѣмъ?.. Слушайте, Левъ Самойловичъ... Я вамъ скажу, зачѣмъ... Если-бы... эта... эта вода не спасла меня... я-бы все равно опомнилась и потомъ... вы... вы-бы вернулись домой одни... Я-бы не пережила этого. Понимаете, я-бы этого не пережила.

Она сказала это такъ, что Самсоновъ ни на секунду не усомнился, что все такъ-бы и случилось.

— Я не виню васъ. Что тутъ глупыя роли играть. Я сама также виновата, какъ и вы. Если тутъ вообще была чья-нибудь вина... Дайте мнѣ платокъ.

У нея зубъ не попадалъ на зубъ. Она еще плотнѣе обернулась въ теплую и плотную ткань.

— Я сама, сама виновата... Я люблю васъ... Я была неопытной дѣвчонкой, воображая, что это могло кончиться дружбой... Такъ больше нельзя... Поверните лодку... Пора назадъ... Знаете... Если-бы это случилось... И если-бы вамъ удалось спасти меня... Мы-бы навсегда, навсегда были чуждыми другъ другу... Только не удалось-бы... Гребите сильнѣе. Я домой, въ постель хочу. Ахъ, если-бы заболѣть!—съ отчаяніемъ заломила она руки.— Заболѣть до потери сознанія!

Черный, уже съ потухшими окнами, отель видимо выросталъ передъ ними. Лодка врѣзилась въ ясный, серебрившійся подъ луною песокъ отмели. Самсоновъ соскочилъ и подальше ей руку. Сонный шортъ отворилъ имъ... Они стали подниматься по лѣстницѣ. Было темно... Наталья Григорьевна шла впереди. Она порывисто обернулась, обняла его и крѣпко поцѣловала.

— Прощай!

— До свиданія? — тревожно спросилъ онъ ее.

— Ну, да... До свиданія... Прощай, мой милый, дорогой... Я люблю, люблю тебя... Ахъ... Какъ дорого придется расплачиваться за нѣсколько счастливыхъ дней... Прощай, родной... Не брани меня. Я тебѣ кажусь безумной. Да, я и въ самомъ дѣлѣ сумасшедшая...

И она исчезла за своей дверью.

На другой день она не вышла къ завтраку. Анны Федоровны не было тоже.

Левъ Самойловичъ постучался въ двери.

Свѣтлинъ-Донецкая сама ему отворила.

— Можно войти?

— Нѣтъ, нѣтъ. Я совсѣмъ разбита... Сдѣлайте мнѣ одолженіе... уѣзжайте куда-нибудь до вечера. Чтобы мнѣ не волноваться.

— Слушаю-сь!—съ недоумѣніемъ отвѣтилъ онъ, глядя въ ея уже успокоившися глаза.

„Удивительны эти женщины!“ — думалъ онъ про себя. — „Имъ все какъ съ гуся вода...“

— Послушайте, Наталья Григорьевна. Я только минуту останусь у васъ.

— У меня не убрано...

— Все равно, я ни на что смотрѣть не стану.

Она отодвинулась отъ двери... Онъ вошелъ и заперъ ее за собою,

и вдругъ опустился передъ ней на колѣни и, самъ, поддаваясь какому-то неудержимому порыву, зарыдалъ какъ ребенокъ.

Наталья Григорьевна ласково дотронулась до его волосъ.

— Полно, Левъ Самойловичъ... Полно... Будьте мужчиной. О чёмъ вы? Я вѣдь ни въ чёмъ, ни въ чёмъ не виню васъ.

— Такъ... такъ, это сейчасъ пройдетъ. Отвѣтьте мнѣ, Наталья Григорьевна... Если когда-нибудь случится... Ну положимъ, вы овдовѣете, что-ли... Согласны-ли вы тогда быть моей женой?..

— Развѣ обѣ этомъ спрятываются? Развѣ послѣ вчерашней ночи и вообще послѣ всѣхъ этихъ двухъ мѣсяцевъ могло-быть иначе? Я бы сама тогда пришла къ тебѣ и сказала: теперь я твоя, возьми меня!

Онъ благодарно посмотрѣлъ на нее, поцѣловалъ ей руку и пошелъ къ дверямъ.

— Левъ Самойловичъ, уѣзжайте куда-нибудь до завтра... Я должна прийти въ себя.

— Хорошо...

Въ самыхъ дверяхъ, когда онъ хотѣлъ открыть ихъ, она удержала его руку, пристально взглянула на него и перекрестила его... Потомъ взяла его за голову, притянула ее къ себѣ и поцѣловала его въ лобъ...

— Уѣзжай-же... Иначе... Иначе я слягу!..

Левъ Самойловичъ вышелъ, навялъ коляску въ Байону и, цѣлый день угоманивая себя, бродилъ по ея улицамъ... Возбужденіе вчерашней ночи не улеглось въ немъ. Оно душило его. Онъ нѣсколько разъ останавливался, чтобы совладать съ волненiemъ... Онъ переживалъ опять все вчерашнее, минуту за минутою и досадовалъ на себя, что допустилъ всему этому такъ глупо кончиться... Разумѣется, она бы не бросилась въ воду. Напротивъ, все было-бы устроено между ними. Они-бы поселились за-границей вмѣстѣ. Миръ великъ, есть гдѣ спрятаться и быть счастливыми... А такъ, такъ онъ съума сойдетъ. Нѣтъ, надо этому положить конецъ. Она, какъ дѣвушка, не понимаетъ, но онъ долженъ взять это на свою отвѣтственность; нельзя имъ обоимъ изводиться такъ и мучить другъ друга. Вѣдь онъ ни на что не похожъ теперь, да и она сегодня блѣдна какъ смерть была. И все это изъ-за какого-то осла — Владимира Петровича въ Петербургѣ. „Да этотъ Владимиръ Петровичъ, я думаю, самъ ее дурою считаетъ...“ А онъ, Левъ Самойловичъ, рѣшительно жить безъ нея не можетъ больше...

До вечера онъ ходилъ какъ пьяный. Взялъ комнату въ гостиницѣ, но не остался въ ней, и выскочилъ опять на улицу. Когда стемнѣло, знакомый угаръ охватилъ его голову.

„Что она ни дѣлай, а я приду къ ней... И силой заставлю ее взять свое счастье... Потомъ сама будетъ мнѣ благодарна. Кстати, теперь она меня не ждеть... И это вѣдь не въ лодкѣ... Я голову себѣ простилю, если она теперь отвѣтить мнѣ отказомъ, мнѣ смерть легче гораздо, чѣмъ такая жизнь. И она пойметъ это... У самой вчера сердце колотилось такъ...“ И его вдругъ обдало зноемъ, когда ему пришло на память, какъ страстно въ забытьи она его обнимала своими красивыми и сильными руками.

Онъ взялъ первыхъ попавшихся лошадей и полетѣлъ къ себѣ.

Луну затянуло облачками. Ночь была мутная; бѣльсоватое море глухо билось въ берегъ. Въ отелѣ еще не спали. Въ самомъ подъѣздѣ портье подалъ ему письмо.

— Отъ кого это? — удивился онъ.

— Отъ мадамъ la princesse!

— Какой?..

— Съ когою monsieur le prince все катался...

— Она спать легла такъ рано?

Портѣе поднялъ брови, но какъ благовоспитанный лакей, дальше своего удивленія не выразилъ.

— Нѣтъ. Она уѣхала сегодня. Къ тремъ часамъ заказала себѣ лошадей на поѣздъ... Мы сдали ихъ багажъ до Парижа... Письма онѣ приказали пересыпать всѣ въ Петербургъ прямо... Madame la generale фѣдила провожать ихъ...

Левъ Самойловичъ пришелъ къ себѣ, зажегъ свѣчу и распечаталъ конвертъ.

„Прощай, мой дорогой, милый, прости, что я обманула тебя — первый и послѣдній разъ въ жизни... Намъ нельзя видѣться. Когда я осталась одна, я поняла, что еще одно такое свиданіе и я погибла. Если бы даже я и могла пережить это, то я бы не дала тебѣ счастья. Я бы извела тебя, потому что сама была-бы страдалицей... Въ Петербургѣ мы встрѣтились, если вообще встрѣтился, чужими. Думай, что все это было сномъ, хорошимъ, чуднымъ сномъ, но только сномъ. Я не прошу тебя забыть, потому что забыть нельзя. Но никогда, никогда, ни словомъ, ни движеніемъ, ни взглядомъ, не напоминай мнѣ этого. Я вся горю отъ твоихъ поцѣлуевъ и чувствую, что настъ спасти можетъ только разстояніе. Такъ много-много хочется написать тебѣ, но мысли путаются и складывается совсѣмъ не то, что нужно. Прощай, забудь меня, если можешь... Нѣтъ, нѣтъ, не слушай меня. Никогда, никогда не забывай!.. Люби, но люби, какъ я люблю... И въ этомъ сознаніи, что за тысячи верстъ бѣется для одной меня вѣрное и преданное сердце, много счастья... Прости еще разъ, что я обманула тебя. Это была первая ложь во всю мою жизнь...“

Но я чувствовала, что иначе нельзя. Если бы сегодня ты дольше остался въ моей комнатѣ, ни ты бы не ушелъ отъ меня, ни я бы тебя не отпустила... Не вини меня... Прощай!"

Письмо обрывалось на этомъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

На avenue de Vagrasie случайно разбогатѣвшій художникъ выстроилъ прелестный отель. Отъ улицы и ея шума онъ заслонился старыми деревьями, изъ-за которыхъ весело смотрять большія зеркальныя окна и перевитые цвѣтами балконы. Цвѣты, впрочемъ, заполонили и садъ. Они пестрымъ ковромъ раскинулись вплоть до красивой бронзированной рѣшетки и цѣпкими стеблями заткали ее до половины—ровно на столько, чтобы снаружи нельзя было видѣть сидящихъ или гуляющихъ за нею. Почти каждый, проходя мимо, оглядывался на этотъ милый уголокъ, невольно завидуя его хозяевамъ. Дѣти часто срывали цвѣты, слишкомъ далеко высунувшіеся за рѣшетку, но домъ былъ на солнечной сторонѣ и ихъ, видимо, оказывалось такъ много, что весь тротуаръ около былъ осыпанъ ихъ лепестками. Во всемъ обнаруживалось столько вкуса, что строитель отеля справедливо называлъ его лучшимъ своимъ произведеніемъ. Онъ, впрочемъ, недолго жилъ здѣсь. Ему этотъ домъ не принесъ счастія. Случайно пришедшее богатство также случайно и ушло. Въ холодную парижскую зиму онъ захотѣлъ отогрѣться на южномъ солнцѣ у теплыхъ волнъ Средиземнаго моря и сѣѣздилъ какъ-то въ Монако. Разумѣется, онъ не былъ бы художникомъ, если бы не сталъ играть, и не спустилъ тамъ все, сколько съ нимъ было; желая вернуть проигрышъ, перевелъ свои деньги въ Ниццу, гдѣ титулованные и нетитулованные мошенники Cercl'a de la Mediterran e необыкновенно благородно и изящно обобрали его еще быстрѣе разбойниковъ Монте-Карло. Художникъ вернулся въ Парижъ — продалъ свой отель и попеволѣ обратился къ прежнему образу жизни, то есть, нанялъ себѣ дешевую квартиру въ Пасси, устроилъ тамъ небольшую мастерскую и заработалъ, какъ возовая кляча, на Гушиля и другихъ акуль французскаго „картичнаго рынка“. Новые владѣльцы Ch let des fleurs удовольствовались только тѣмъ, что на рѣшетку доска и на его подъѣздѣ приказали придѣлать нелѣпую княжескія короны. Садовникъ, по ихъ-же

требованію, на куртинахъ, вывелъ цвѣтами то же съ перевитыми именами Р и К. Громадную мастерскую преобразили въ большую залу съ какими-то фантастическими пестрыми гербами, гдѣ были и амуры, и ліліи, и сабли, и розы, и пушки, и руки, держащія стрѣлу, и корабли, и щиты съ полосами вдоль, и щиты съ полосами поперекъ, и Богъ знаетъ что еще. Любой знатокъ геральдики запутался бы въ толкованіи этой путаницы. Все остальное было по прежнему, какъ и при талантливомъ художнике, нося на себѣ отраженіе его причудливаго и оригинального вкуса; тунисскій востокъ, китайщина и японщина въ красивой яркости неожиданныхъ сочетаній переплетались со всѣмъ, что только было выдумано европейскимъ комфортомъ и прихотью.

— Шибко живутъ, подлецы! — по своему мысленно похвалилъ хозяевъ Иванъ Николаевичъ, останавливаясь передъ рѣшеткою ихъ отеля. — Плакали Самсоновскія денежки! Эхъ, братъ, Приглядовъ, жаль, что ты не дама. Много-бы ты заработалъ капиталовъ... И не такія-бы еще палаты соорудилъ...

Но тутъ, замѣтивъ, что изъ-за рѣшетки на него смотрить „человѣкъ“, который, очевидно по утреннему, былъ еще въ пижамѣ, строго спросилъ его:

— Monsieur est chez soi?

Человѣкъ проіѣде чѣмъ отвѣтить ему, осмотрѣлъ художника съ ногъ до головы, и такъ какъ этотъ экзаменъ былъ не въ пользу Ивана Николаевича, коротко отвѣтилъ:

— Это не мое дѣло, monsieur, я не портье!

И занялся разматриваніемъ мимо проходившей дамы и, даже, подмигнулъ ей.

— Ахъ ты болванъ этакій! — по русски выругался Приглядовъ.

— Да вы, баринъ, русскій? — радостно воскликнула тотъ, и выѣжалъ къ нему за рѣшетку.

— Русскій!.. И ты тоже?.. Чего-же ты устроилъ себѣ французскую образину... И обращеніе тоже...

— Мы будемъ костромскіе! Но, такъ какъ давно во всѣхъ заграницахъ живемъ, то совсѣмъ подъ здѣшнюю политуру облагородились... Даже баринъ приказалъ бриться по нонѣшнему — баки въ поль-уха, и аксанами къ носу...

— Вижу, вижу — все ваше безобразіе! Ахъ, быть васъ, подлецовъ, здѣсь некому!

— Да... это точно... — усмѣхнулся тотъ. — У насъ въ Парижѣ за мѣсто бою — сильвипле. За бой тутъ въ police-correctionnelle, и даже съ публикаціей...

— Какой еще?

— А въ газетахъ сейчасъ... на всю подселенную объявлять... le monstre или le bâgarage... У нихъ вѣдь на все свое распределеніе.

— Ну, васъ!.. Я вѣдь, пока, тебя бить не собираюсь... Романъ Викентьевичъ — дома.

— Дома! У нихъ баронъ сидитъ. Сейчасъ прїехали...

— Это кто-же будетъ?

— Изъ нашихъ, изъ православныхъ немцевъ. То есть, они прежде были... Заблуждающіе въ вѣрѣ, но, какъ ихъ сюда въ чиновники назначили, какъ они сейчасъ и возсоединились...

— Ничего не понимаю... Ну, да тамъ будетъ видно... А Калерія Алексѣевна?

— Тоже дома... Онѣ у себя и... Заперлись.

— Это еще что за новость?

— Съ мертвыми духами разговариваютъ. У нихъ дама одна. По этой части которая: гадалка, что-ли... Только безъ картъ и безъ кофейной гущи. А въ сигарномъ ящикѣ у нихъ такая животная стрѣлка дѣйствуетъ. Духомъ... Мертвымъ духомъ все.

Приглядовъ расхохотался.

— Что это ей вздумалось? Умирать то вѣдь еще не собирается. Съ чего бы кажется.

Человѣкъ принялъ важный видъ.

— Никакъ нельзя-съ иначе... Безъ этого — въ Парижѣ, кто въ хорошемъ обществѣ, почти невозможно... Всѣ образованные люди и духовное вѣдомство тоже... Третьяго дня съ, аббатъ одинъ ихній, съ бритымъ затылкомъ — папеньку Романа Викентьевича, съ того свѣта вызывалъ и показывалъ, даже съ фотографіей.

— Удалось? Заинтересовался Приглядовъ, вдругъ, почему-то, струхнувъ.

— Еще бы-съ... Какжѣ не удастся, когда за это пятьсотъ франковъ дадено... Въ лучшемъ видѣ. Страшно даже было, стуки по всему дому. Египетскій мертвецъ одинъ даже — въ ванной у барыни оказался; розу ей оставилъ въ знакъ памяти и по телефону разговаривалъ.

— Ты самъ видѣль?

— Ну... Стану я, — такую пакость, на мяѣ крестъ-съ! Горничная, Луиза, рассказывала... Потомъ барыня, Калерія Алексѣевна, дѣвицу Аглаиду вызывали.

— Какую Аглаиду?

— Была такая у нихъ — померла отъ собственной любви къ зуаву здѣшнему. Фосфорическая спички развела въ абсентѣ и бацѣ. Ну, съ той неудалось... Однѣ неприличныя слова на бумагѣ произошли. Какъ она душа нечистая, чего-же и ждать отъ нея?..

Своего термину не дождалась, померла безъ показанія... Потомъ всѣ помолились и стали танцевать. Господинъ Шмудевичъ французъ Горбуновскія сцены рассказывалъ. У насъ весело живутъ-съ.

— Ты у Романа Викентьевича должно быть недавно?

— Точно такъ-съ? Прежде мы у настоящихъ графовъ жили здѣсь, но, какъ они вернулись въ Россію, а мы на это не согласились...

— Отчего-же ты не согласился?

— Помилуйте... Какъ-же можно приравнивать: наше сѣреое невѣжество или здѣшнюю цивилизованность... Я къ умственнымъ людямъ привыкъ, ну, и правильный образъ жизни. Теперича, я отслужилъ свое—и сейчасъ надѣлъ смокингъ и въ Moulin Rouge или въ Folies Bergeres. Потомъ возьмите, напримѣръ, нашу Матрену или Луизу эту самую. Она вѣдь съ понятіемъ, духами по пяти франковъ флаконъ прыкается. Опонаксомъ. Руки у нея Конгой пахнутъ. Ее, по нашему-то, локтемъ въ бокъ не сунешь или не ущипнешь за спину. А надо: Mademoiselle Louise, voulez vous un bock? И подъ ручку, да если шляпа-то у тебя безъ глянцу, такъ она еще днемъ и не пойдетъ—и, чтобы сапоги маринованные были—а вечеромъ аглицкаго блеску.

Иванъ Николаевичъ выпучилъ на него глаза...

— Точно такъ-съ. Потому есть простые, которые всѣ носятъ, есть лакированные и есть красные... Маринованные... И носокъ, чтобы видѣнъ былъ, со стрѣлкой... Chaussettes! У нея чулки-то полушелковые и, какого цвета платье и чулокъ соотвѣтственный. У насъ и въ благородномъ собраніи такихъ дѣвицъ не найдешь.

— Глупъ-же ты, братъ... Ну теперь ступай. Я и безъ тебя найду дорогу. Кто это тамъ въ подъѣздѣ, кажется, Пьеръ? Вы дождите!

— Докладывать точно, что Пьеръ долженъ... Его сіательству.

— Давно-ли Романъ — сіательствомъ сталъ? — удивился Приглядовъ.

— А вотъ съ тѣхъ поръ, какъ на рѣшетку короны эти набили... Здѣсь вѣдь просто. Здѣсь графы и князья безпаспортны! Вотъ, господинъ Флигель—до сихъ поръ просто господинъ былъ, а съ прошлой недѣли началъ себя барономъ звать.

Пьеръ очень обрадовался Ивану Николаевичу. Художникъ, видимо, въ домѣ былъ persona grata. Слуга полетѣлъ съ докладомъ къ Роману Викентьевичу, который выѣжалъ самъ встрѣтить стараго пріятеля.

— Ну, здравствуй, здравствуй, шенапанъ!..—И Приглядовъ, по-русски, троекратно съ нимъ разг҃ловался.

— Давно-ли? Гдѣ тебя черти носили? Два года назадъ прошалъ — ни слуху, ни духу — а теперь вдругъ вынырнулъ...

— Да вотъ, покупался въ Біарицѣ, какъ Боткинъ нѣкогда

совѣтовалъ,—двадцать одинъ разъ, и теперь сюда на отдыхъ къ вамъ. Сегодня утромъ! И завтракать, только переодѣлся, прямо къ тебѣ... Ты не одинъ — у тебя тутъ кто-то есть?

— Да... Есть!.. Молодой человѣкъ изъ нашихъ нѣмцевъ. Онъ здѣсь, чортъ его знаетъ, что такое: не то шпіонъ, не то корреспондентъ, не то отъ какого-то министерства съ таинственными порученіями живетъ. Ты его не знаешь? Необыкновенно умный — изъ ветеринаровъ въ финансисты попалъ. Такъ, скотскій фельдшерокъ былъ прежде. Репортерствовалъ потомъ въ Питерѣ, били его здѣсь на выставкѣ, а теперь, вдругъ, на-ко, взялъ, да и объявился особой, и еще какой. Первые господа съ нимъ за ручку.

— Чѣмъ это онъ тебѣ такъ показался?

— То-есть понимаешь... Можетъ быть онъ и дуракъ; но удивительно умно молчитъ...

— Что-же, милый другъ, по нынѣшнему времени, и это для молодыхъ людей большое достоинство.

— Сядетъ, приметъ небрежную позу и глядитъ въ глаза тебѣ... И не моргаетъ. Два часа можетъ такъ смотрѣть, и все что-то думаетъ...

Романъ Викентьевичъ нѣжно, обнявъ Ивана Николаевича за талию, повелъ его было къ себѣ, но Приглядовъ вдругъ усмѣхнулся и остановился на лѣстницѣ.

— Чего ты?..

— Ну, что не правъ я, помнишь, когда-то — женѣ твоей докладывалъ, что ты по прямой линіи отъ обезьяны...

— По какой прямой, шутъ ты гороховый?

— Конечно, по Paris-Lyon-Mediterran  e, что-ли. Прямо изъ горилльаго царства — ну, самъ подумай, кто, кромѣ обезьяны, можетъ этакъ обнять меня. Это еще у Кузьмы Прutкова: кто обнимаетъ небольшое? А ты — вотъ можешь... Такія длинныя руки только у обезьянъ бываютъ — да и то у африканскихъ.

Романъ Викентьевичъ усмѣхнулся и защекоталъ Ивана Николаевича... Въ самомъ дѣлѣ, Селицкій былъ очень похожъ на обезьяну. У него даже челюсти выдавались, какъ у горилы, и на лбу волоса начинались чуть-ли не отъ бровей, черные, стоявшіе дыбомъ. Когда онъ смеялся, вокругъ носа у него дѣлались складки, еще болѣе усиливавшія подмѣченное Приглядовымъ сходство. Селицкій былъ высокъ ростомъ и до того худъ, что Иванъ Николаевичъ обыкновенно говорилъ ему: „Экъ васъ въ зоологическомъ саду скверно кормили — до сихъ поръ на хорошихъ хлѣбахъ отѣѣться не можешь. Ты на меня посмотри... Вотъ это, такъ embonpoint называется, настоящій — благонамѣренный животъ. Сейчасъ хорошаго человѣка видно. А ты, что? ну, если не горилла, такъ Равашоль, что-ли. Да и Равашоль,

вернувшійся съ того свѣта — обезглавленный... „Молодой человѣкъ“, какъ отрекомендовалъ Романъ Викентьевичъ господина Флигеля — необыкновенно важно издали кивнулъ головой Ивану Николаевичу и независимо перекинулъ ногу на ногу; но услышавъ его фамилію, съ прибавленіемъ „нашъ знаменитый“, взвился съ мѣста и изобразилъ на своей маленькой бѣлесоватой мордочкѣ что-то собачье... Онъ былъ лысъ, гниль — но, дѣйствительно, необычайно серьезенъ — и такъ пристально смотрѣлъ всѣмъ въ глаза, что художникъ тотчасъ же почувствовалъ на себѣ вліяніе его взгляда и, оглянувшись, спросилъ:

— Что вамъ?..

Флигель поперхнулся — и, сдѣлавъ еще болѣе серьезное лицо, ничего не отвѣтилъ.

Иванъ Николаевичъ, разумѣется, не могъ не выслушать его...

— Пріятно видѣть молодого человѣка, который все слушаетъ. Настоящій фонографъ.

Флигель снисходительно улыбнулся, показавъ ему черные зубы и неизвѣстно зачѣмъ поправилъ владимирскую ленточку въ петличкѣ. Надо замѣтить, что во Франціи онъ носилъ ее, а въ Россіи — красную бутоньерку почетнаго легіона, ибо ни того, ни другого креста у него не было. Потомъ, онъ питалъ слабость къ высокимъ воротничкамъ, такъ что его головка была похожа на засохшій букетъ въ громадномъ листѣ бумаги. Въ Россіи, начавъ ветеринарнымъ фельдшеромъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ былъ мелкимъ репортеромъ, не особенно цѣннимъ редакціями, даже третьестепенными изданій. Ужъ очень онъ оказывался безнадежно неграмотнымъ. Потомъ попалъ онъ на парижскую выставку, гдѣ вдругъ обнаружилъ такие коммерческие таланты, что гг. экспоненты, сначала по наивности оплачивавшіе его письма въ какую-то несуществующую газету, потомъ вышли изъ себя, и сдѣлали pronunciamento, т. е. поймавъ его въ какомъ-то увеселительномъ заведеніи, учинили надъ нимъ совсѣмъ неожиданно рукоприкладство на московскій ладъ... Послѣ этого г. Флигель точно куда-то провалился — и вынырнулъ уже опять въ Парижъ, и, ловко разыгравъ патріотическую пьесу на тему франко-руссихъ симпатій, получилъ какой-то заказъ отъ французского правительства. Тутъ уже онъ вдругъ оказался на высотѣ своего положенія — въ качествѣ вліятельнаго друга французовъ. Сихъ послѣднихъ въ наивности можно сравнить развѣ только съ мухами, позволяющими бить себя всякому дураку — лишь бы тотъ запасся хлопушкой. Наши союзники вѣрятъ каждому проходимцу. Это, между прочимъ, въ послѣдніе четыре-пять лѣтъ переполнило Парижъ такими представителями Россіи, что при одномъ видѣ ихъ за человѣка страшно становится. У насъ бы ихъ, пожалуй, и въ арестантскіе

роты задумались пустить! Неуклюжіе живоглоты, между которыми Флигель былъ звѣздой. Поэтому онъ такъ широко открылъ ротъ и глоталъ, не давясь, такие куски, что всѣ знашіе ранѣе его глупость, только диву дались, откуда это ему Богъ послалъ столько храбрости и аппетита. Благодаря нахальству и умѣнію необыкновенно умно и значительно молчать, онъ проникъ въ дома, куда обыкновеннымъ смертнымъ и думать нельзя попасть. Наглость большая сила. Онъ такъ всѣхъ увѣрилъ въ своемъ значеніи въ Петербургѣ, что въ концѣ концовъ этому повѣрили и тѣ, которые имѣли прямыхъ сношеній съ Петербургомъ. Случалось даже и въ министерствахъ его спрашивали: „Ну, какъ у васъ думаютъ въ Россіи?“ — На что г. Флигель успокойтельно отвѣчалъ: „Не беспокойтесь, пока я здѣсь“ и т. д. Понятно, что при этихъ условіяхъ, господинъ Флигель катался, какъ сырь въ маслѣ. Даромъ развѣзжалъ въ качествѣ представителя дружественной русской печати по всей Франціи, причемъ ему отводили купѣ и начальники станцій, предупрежденные по телеграфу, встрѣчали его, какъ сановника; являлся въ министерства и требовалъ всевозможныя свѣдѣнія такимъ тономъ, что никому и въ голову не приходило взять его за хвостъ, да покрутить немножко въ воздухѣ. Во всѣхъ театрахъ — тоже: какъ „критикъ союзной прессы“ — имѣлъ ложи и кресла на первыя представленія, его приглашали на официальные балы къ Карно, причемъ Madame ему ласково улыбалась и рекомендовала его: notre cÃ©lÃbre ami — l'Ã©crivain russe! Такъ что, когда Дрюмонъ усомнился въ его русскомъ происхожденіи и въ „La libre parole“ посвятилъ ему по этому поводу нѣсколько словъ, называвъ его курляндскимъ купцомъ, г. Флигель съ необыкновеннымъ достоинствомъ отвѣтилъ, что онъ не только кровный великороссъ древней фамиліи, но, что его знаетъ и цѣнить вся Россія, какъ крупнаго писателя и великодушнаго защитника интересовъ Франціи. Затѣмъ, намекнувъ на то, что, если союзъ обѣихъ народовъ состоялся, то во всякомъ случаѣ не безъ его Флигелеваго участія и содѣйствія, выразилъ сожалѣніе, что даже такой единомышленный ему, Флигелю — публицистъ, какъ Дрюмонъ, не умѣлъ отличить друзей отъ враговъ. Дрюмонъ такъ оторопѣлъ, что немедленно извинился передъ обиженнымъ имъ l'Ã©minent confrÃre russe и „великій товарищъ“, послѣ того, еще выше поднялъ свою крохотную головку.

— Гдѣ ты эту блоху нашелъ? — наклонился Иванъ Николаевичъ къ Селицкому.

— Развѣ блохъ находятъ? Онѣ, братъ, сами на насъ наскакиваютъ, — также тихо отвѣтилъ тотъ.

Приглядевъ внимательно оглядѣль Флигеля, причемъ тотъ сдѣлалъ еще болѣе строгое и умное лицо; наконецъ, вѣроятно, сообра-

зивъ, что дальше молчать невозможно и, принявъ снисходительно во вниманіе, что передъ нимъ сидитъ знаменитый живописецъ, вдругъ изрекъ:

— Вы знаете, что тамъ ни говори, а я держусь того мнѣнія, что Рафаэль былъ художникъ весьма талантливый.

Замѣтивъ оцѣненіе Приглѣдова, онъ принялъ позу еще величественнѣе, сдѣлалъ глаза свои глубокомысленными до нельзя и окончилъ:

— По крайней мѣрѣ, я его ставлю рядомъ съ Антокольскимъ. Оба они выглядятъ такъ, какъ будто представляютъ собою что-то особенное!..

И затѣмъ, до того мгновенія, когда въ дверяхъ показался лакей и доложилъ, что завтракъ поданъ, онъ уже не промолвилъ ни слова, только все время, не мигая, смотрѣлъ на Ивана Николаевича и наслаждался произведеніемъ имъ впечатлѣніемъ.

Сила пошлости г. Флигеля была такъ велика, что даже Приглѣдовъ, самъ нахаль не послѣдней руки, какъ-то опѣшилъ и, будто заинтизирированный, тоже смотрѣлъ на „молодого человѣка“; только, когда они двинулись въ столовую, онъ пришелъ въ себя, хлопнувъ его ладонью по головѣ, ткнулъ кулакомъ въ бокъ, такъ что тотъ изобразилъ изъ себя выборгскій крендель, и, расхохотавшись, спросилъ его:

— Что Рафаэль вамъ сдѣлалъ?.. Чего это вы его кости тревожите, а? А вотъ скажите-ка вы мнѣ, почему во цвѣтѣ лѣтъ у васъ темя босикомъ? А?

Флигель отодвинулся. Онъ съ тѣхъ поръ, какъ запросто пиль чай у нашего посла и удостоился пожимать руку мадамъ Карно, терпѣть не могъ фамильярности.

— Это отъ умственныхъ занятій! гордо отвѣтилъ онъ.

— А не отъ болѣзни ли какойнибудь?.. Держу пари, что у Романа Викентьевича на колѣнѣ больше волосъ, чѣмъ у васъ на всей вашей „умственной“ головѣ. Да кстати, — обернулся онъ къ хозяину, — скажи ты мнѣ пожалуйста, что это у тебя за новый русскій лакей объявился.

— Онъ прежде у графа Текинцева служилъ. А что?

— Тоже очень уменъ! Только у него волосъ больше, чѣмъ у господина Флигеля... Вы, господинъ Флигель, за горничной Луизой не ухаживаете? Нѣтъ? То-то. Онъ-бы у васъ ее изъ-подъ носу, потому у него шляпа съ глянцемъ и маринованные ботинки.

Столовая была надъ кабинетомъ Романа Викентьевича...

— Вотъ кого не ожидала!.. — пѣвуче раздалось на встрѣчу имъ.

Господинъ Флигель принялъ было это на свой счетъ и сунулся къ небольшой, полной и красивой брюнеткѣ, того возраста, про ко-

торый говорять: чортъ ее знаетъ сколько ей лѣтъ, не то двадцать пять, не то сорокъ; но Иванъ Николаевичъ проворно схватилъ его за хвостъ, оттянулъ назадъ, кинулъ ему на лету, „поперегъ батьки, въ пекло не суйся!“ и звучно чмокнулъ выхоленную руку Калеріи Алексѣевны... Она производила впечатлѣніе удивительной нѣжности: и сложена была нѣжно, и глаза у нея были нѣжные, мерцающіе синими огоньками, и кожа бархатная и нѣжная, но такая, подъ которой невольно чувствуются первы браваго боцмана и стальные мускулы. Она и ходила нѣжно, не слышно, точно скользила по комнатѣ, причемъ, не смотря на свою полноту, была гибка и красиво гибка. Волосы зачесывала гладко, они у нея были черны, какъ вороново крыло, что еще больше оттѣняло изумительную бѣлизну ея лица и тѣла, не болѣзnenную, анемическую, безцвѣтную бѣлизну, а такую, какая обыкновенно бываетъ у породистыхъ рижихъ женщинъ. Во всемъ чувствовалася у нея неудержимо страстный темпераментъ и въ то же время сильная воля, позволявшая ей владѣть имъ въ свою пользу и во время.

— Откуда вы, старый другъ! Совсѣмъ запѣла она. У нея и голосъ былъ нѣжный, точно она вѣсъ имъ по лицу гладила, лаская.

— Прямо изъ... — онъ сдѣлалъ невинные глаза и вздохнулъ.— Изъ-подъ Біарицца. Недалеко жилъ отъ этого мѣстечка.

— А-а-а! протянула та и внимательно всмотрѣлась въ Приглядова, но у того зрачки ушли ужъ куда-то, а губы сложились сердечкомъ. А у самого въ головѣ вертѣлось: „что, поймала меня?.. Шалишь. Скорѣе угра въ рукахъ удержишь“.

— Одинъ вы?

— Увы!.. Я всегда одинъ... Я не такъ счастливъ, какъ *некоторые* смертные... Которые никогда одни не бываютъ. Кому-же со мной? Ни капиталовъ у меня, ни красоты.

Калерія Алексѣевна еще пристальнѣе всмотрѣлась въ него.

— Романъ! Что у меня костюмъ въ порядкѣ? — внезапно обернулся къ ея мужу Иванъ Николаевичъ.

— Да, а что?..

— И лицо христіанско?.. По утвержденному образцу... Особыхъ примѣтъ не имѣется?

— Нѣтъ. Чего ты опять ломаешься?

— Такъ... То господинъ Флигель съ меня портретъ снималъ у тебя въ кабинетѣ, теперь жена твоя не можетъ отвести отъ меня глазъ. Вы-бы, Калерія Алексѣевна, не при другихъ, вѣдь вотъ лысый отъ умственныхъ занятій молодой человѣкъ можетъ вообразить меня счастливѣе, чѣмъ я есть.

Селицкая была слишкомъ умна, чтобы сейчасъ-же подвергнуть

Ивана Николаевича допросу. Сверхъ того она знала, что у сплетника зубы болать и подъ ложечкой сосетъ, пока онъ не выложить своихъ новостей, а Приглядовъ былъ сплетникъ настоящій и по характеру, и по лукавству, хотя это и пряталось подъ видомъ добродушной шутливости...

— А вы все хорошеете!.. То есть это даже удивительно... Вамъ и морскихъ купаній не надо, какъ инымъ прочимъ... которые... Потомъ, точно опомнившись, онъ хлопнулъ ладонью себя по рту и промолвилъ „цыцъ, душка, чужихъ тайнъ никому-же!“ сѣль за столъ, налилъ себѣ водки и даеж на свѣтъ ее стала разматривать.

— Повѣрите — три мѣсяца тоскую по ней... точно по родительскому благословенію... У, милушка... родимая! Насквозь тебя видно — совѣсть чиста, потому и очищенная...

— Ну, братъ, неудачно... — остановилъ его Романъ Викентьевичъ:

— Еще-бы!.. Я у тебя за эти полчаса на сто лѣтъ поглушилъ.

И онъ мигнулъ въ сторону, гдѣ сидѣлъ Флигель. Опроинувъ рюмку, онъ вдругъ вытаращилъ глаза на Калерію Алексѣевну, и выпалилъ.

— Наталью Григорьевну изволите знать...

— Какую Наталью Григорьевну?

— Свѣтлана-Донецкую?

— Нѣтъ... Слышала, красавица, говорятъ... Старая знакомая Льва Самойловича. Нѣтъ, не знаю.

— Какъ-же, она велѣла кланяться вамъ? Непремѣнно, говоритъ, побывайте въ Парижѣ у Калеріи Алексѣевны и ото всей души ей мой привѣтъ. Ахъ, впрочемъ, нѣтъ, виноватъ. Все это я, старый дуракъ, спуталъ. Кланяться вамъ приказала не она, а Маргарита Францовна.

— Марго де-Франсъ! — заставила себя разсмѣяться Селицкая, хотя у нея даже въ вискахъ проступили красные пятна. — Тамъ значитъ большое общество?

— Нѣтъ, не большое, но... интимное. Пріятно смотрѣть даже на нихъ. Совсѣмъ спѣлись. Я, знаете, точно изъ родной семьи уѣзжалъ оттуда... Нашъ поѣздъ отходилъ въ полночь, ну, я съ Маргошкой простился, а Льва Самойловича и Наталью Григорьевну такъ и не видѣлъ. Они въ эти часы всегда въ лодкѣ вдвоемъ катаются и Шиллера читаютъ.

— Ночью-то?

— Наизусть, Калерія Алексѣевна, наизусть. Очами сердца... Какъ это хорошо у него. Ты помнишь, — сентиментально обратился онъ къ Роману Викентьевичу:

Ахъ, почто на мечь воинственный
Л свой посохъ промѣяла...

Да, былъ великій поэтъ... Онъ для меня понятнѣе Гете. Гете слишкомъ олимпійски спокоенъ и величавъ... какъ господинъ Флигель... Ну, а Шиллеръ... Я безъ слезъ до сихъ поръ его читать не могу. Что хотите — такое у меня чувствительное сердце... Давно вамъ писалъ Левъ Самойловичъ? — точно безъ всякой цѣли спросилъ Приглядовъ и такъ неожиданно, что та, не сообразивъ, съ кемъ имѣть дѣло, отвѣтила:

— Два мѣсяца назадъ.

— Скажите... Это, значитъ, съ самаго прїѣзда Свѣтлинъ-Донецкой... Ахъ, заболтался онъ съ ней... Этакій вѣтряный, скажите пожалуйста.

Отношенія Калеріи Алексѣевны къ Самсонову ни для кого не были тайной и она сама, хотя не афишировала ихъ, но, какъ умная женщина, и не скрывала. Мужъ, когда заходилъ разговоръ о Львѣ Самойловичѣ, мечтательно смотрѣлъ въ окно и притворялся думающимъ о чемъ-то далекомъ-далекомъ. Когда у него освѣдомлялись о Самсоновѣ, онъ глубоко-tronутымъ голосомъ прочувствованно говорилъ: „Это — лучшій изъ людей и самый близкій другъ мой!..“ Иногда, впрочемъ, онъ вмѣсто „мой“, ставилъ „нашего семейства“.

— Когда же ему и писать-то! — словно оправдывалъ Льва Самойловича Приглядовъ. — Сегодня онъ въ Санъ-Себастіанѣ, завтра въ Фуэнтарабіи, послѣ завтра въ Ирунѣ, а тамъ еще Байона на носу. Одинъ-бы вспомнилъ, а когда вдвоемъ — такъ вѣдь даму не оставишь. Вашего брата занимать надо. Господинъ Флигель — вѣдь вы тоже были писатель — чье это четверостишие:

Ходить птичка весело
По тропинкѣ бѣдствій,
Не предвида отъ сего
Никакихъ послѣдствій?

Вспомните?.. Я забылъ: Державина или Пушкина?

— Должно быть Пушкина, потому что у Державина ода Богъ! — обрадовался слушаю обнаружить свои познанія г. Флигель.

— Хорошо-съ, господинъ Флигель. Очень хорошо-съ, господинъ Флигель. А чье это:

И новая любовь приходитъ къ намъ порой,
Какъ нѣжный свѣжій листъ на деревѣ весной?

Не знаете? и я не знаю... Романъ, гдѣ ты эту шельму, покупалъ? — показалъ онъ на бутылку съ краснымъ виномъ.

— А, что, хорошо?

— Да ужъ чего лучше. Всполоснешь утробу — и точно въ ней младенецъ взыграетъ.

— Ну, а представь: всего два франка бутылка!

— У тебя талантъ. Ты рожденъ для того, чтобы гостей кормить и поить. Ты не пропадешь. Тебя въ любой клубъ поваромъ возьмутъ.

— Вотъ погоди. Сейчасъ подадутъ котлеты моего изобрѣтенія, знаешь, въ три слоя: два куриные — а посреди трюфели съ... нѣтъ, ты сначала поломай голову, что я надумалъ положить туда.

— А къ котлетамъ ничего намъ, паниккамъ не будетъ, за хорощее поведеніе? Ты посмотри только на господина Флигеля — вѣдь ему сейчасъ двѣнадцать балловъ поставить можно... Какого воспитанія, экземпляр! Такъ какъ же?

— Эхъ, несътая твоя душа. Съ утра за шампанское...

— Привѣтъ такъ. Левъ Самойловичъ на радостяхъ, что старая знакомая приѣхала, каждый день почитай. То-есть я вамъ скажу, такъ мы провели эти два мѣсяца — короче, настоящія „folies bergères“. Левъ Самойловичъ — хоть сейчасъ съ него Париса пиши. А Наталья Григорьевна...

— Что она, дѣйствительно такъ хороша?

— Матуська! — И Иванъ Николаевичъ проворно всталъ, перебѣжалъ къ Калеріи Алексѣевнѣ и чмокнулъ ей руку. — Матуська. Развѣ при солнцѣ говорять о звѣздахъ... Ну, а когда солнца нѣтъ — тогда и звѣзды видны. Звѣзда же отъ звѣзды разнствуетъ во славѣ. А, впрочемъ, — не дурна. Особенно глаза у нея. Ахъ, глаза! Строгіе, сѣрые... Не такие, какъ у господина Флигеля — но тоже строгіе... Ростъ, гибкость, сложеніе... Губки... На губкахъ амуры спать. Бюстъ... И свѣжесть, свѣжесть. Ей двадцать шесть лѣть, а на видъ девятнадцать... Косы ея — такія я вамъ скажу — я такихъ косъ еще не видѣлъ! Убивцевъ на кобылѣ дратъ ими можно...

— Тыфу, какія у тебя низкія сравненія! — остановилъ его Романъ Викентьевичъ.

— Реальная, я тебѣ скажу, — въ нынѣшнемъ вкусѣ. Только и Льву-то Самойловичу — я не завидую! Ахъ, не завидую! — меланхолически замѣтилъ Приглядовъ, придавая своему лицу откровенно сокрушенное выраженіе. — Ужъ если на то пошло, — такъ вѣдь не шестнадцатилѣтній онъ гимназистъ, чтобы сидѣть два мѣсяца... Да и нынѣшняго гимназиста поди-ка, дѣвица, подержи такъ на омлетахъ, онъ ей живо носъ утретъ. „Пожалуйте мнѣ — антре-коту“, скажетъ... Я думаю за это время и руки-то двухъ разъ не поцѣловалъ... Любовь о fines herbes. Дама она правиль твердыхъ — прописи наизусть выучила. „Что на свѣтѣ прекраснѣе добродѣтели — нѣтъ ничего на свѣтѣ прекраснѣе добродѣтели“. Великій постыдъ насталъ для нашего „общаго друга“. Онъ ужъ и то по ночамъ на луну воетъ. Задеретъ голову къ своду небесному и верещитъ... Ко мнѣ пришелъ на верхъ — жи-летъ мнѣ весь испортиль. Упалъ ко мнѣ на грудь — и давай пла-

кать... „Ахъ, какъ я несчастенъ!“ Ну, я признаюсь, тутъ ему нотацио прочелъ въ родительскомъ стилѣ... съ междометіями. Знаете, въ моемъ вкусѣ.

Калерія Алексѣевна все это время внимательно прислушивалась къ голосу Ивана Николаевича и не сводила глазъ съ его лица. Очевидно она хорошо понимала своего пріятеля, и, по мѣрѣ того, какъ онъ все больше и больше впадалъ въ откровенность, она умѣло, точно шелуху отъ зерна, отдѣляла ложь отъ правды.

— Это, говоритъ, моя первая настоящая любовь. И со стихами: „Я помню чудное мгновенье — передо мной явилась ты“...

— Это изъ Пушкина! — Торжественно выпалилъ г. Флигель. — Это изъ Пушкина.

— Вы вѣрно знаете? — серьезно отнесся къ нему Приглядовъ.

— То-есть... Фигнеръ пѣлъ... На афишѣ стояло: слова Пушкина.

— Ну, изъ Пушкина, такъ изъ Пушкина. Потомъ ночью онъ давалъ ей серенаду подъ окнами — надѣлъ испанскую мантилью — на выхухоловомъ мѣху и съ кастаньетами танцевалъ... серабанду.

— Фу, до чего вы доврались. — Засмѣялась Калерія Алексѣевна. Впрочемъ, по ея лицу видно было, что она довольна сплетничествомъ Ивана Николаевича. — Я очень васъ люблю, какъ хорошаго искренняго друга...

— Что-же дѣлать — я ужъ такой — разорвусь для своихъ! — вскользь вставилъ онъ.

— Но зачѣмъ вы къ правдѣ всегда примѣщиваете столько лжи, что... иной разъ трудно и разобраться. То у васъ, напримѣръ, Левъ Самойловичъ счастливъ, то онъ же оказывается несчастливъ.

— Временами, знаете, какъ перемежающаяся лихородка: сегодня въ поднебесье буйнымъ соколомъ, а завтра по землѣ сѣрымъ волкомъ... Хотите, я вамъ подарю этотъ жилетъ? Съ надписью: „на сіе самое мѣсто падали крокодиловы слезы архи-милліонера Льва Самсонова“...

— Ну, довольно, а то я вамъ сквернаго кофе дамъ.

— Ну, нѣтъ... Я помню, у васъ по арабски мокку варили... Я потомъ во снѣ ее видѣлъ.

— А что же Марго, тамъ? — спросилъ Романъ Викентьевичъ.

— Съ нею не шути... Ее, братъ, въ болгарскіе министры финансъ прочатъ. Ужъ и теперь она учится по два часа въ день по мужскимъ штанамъ носить.

— Иванъ Николаевичъ, въ какомъ вы обществѣ! — Расхохотавшись, остановила его Селицкая.

— Въ дружескомъ... Въ интимномъ, если господинъ Флигель ничего противъ этого не имѣть. Боюсь я умныхъ, молодыхъ людей...

Вотъ и господина Флигеля тоже боюсь. Слушаетъ онъ, слушаетъ меня, а про себя думаетъ: пустой человѣкъ этотъ Приглядовъ.

Флигель придалъ моментально лицу такое выраженіе, какъ будто его мысли и мнѣнія извѣстны только одному Богу, да и тотъ ихъ никому не скажетъ.

— Три массажистки при ней... Съ утра животъ ей разминаютъ... Потому для фрака неблагообразно. Въ Парижъ пріѣдетъ—сами увидите. Она очень пріятно о васъ говорила: поцѣлуйте, говорить, за меня Калерію Алексѣевну въ самыя губы. Я, чоожъ, я съ удовольствіемъ. Отчего красивую женщину не поцѣловать. Романъ — отвернись къ окну... И, быстро поднявшись, онъ засѣмѣнилъ было къ Селицкой, но та навстрѣчу ему направила вилку...

— Это меня-то... A la broche!.. Merci... И вдругъ онъ жалостливо запѣль.

Законы осуждаютъ
Предметъ моей любви,
Но, ахъ! кто, сердце, можетъ
Противиться тебѣ.

— Пожалуйте хоть ручку. Вотъ это такъ рука... Не рука даже, а мечта!.. A la poulet.

Онъ елейно приложился къ руѣ.

— А теперь кофе-сь...

— Левъ Самойловичъ долго еще думаетъ тамъ остаться?

— Сколько имѣ будетъ угодно.

— Кому имѣ?

— Натальѣ Григорьевнѣ. Потому онъ, вѣдь вы сами знаете. У него своей воли нѣтъ. У него и шея такъ устроена, чтобы кто нибудь на нее сѣлъ и ноги свѣсилъ. Ну теперь на ней, на этой шеѣ сидитъ Свѣтлинъ-Донецкая... Продѣла ему въ поздри мундштука и отлично управляется... Кажется они что-то говорили... Вмѣстѣ хотятъ въ Томбукту поѣхать.

— Куда еще?

— Томбукту... Или въ Конго?.. Не знаю право... Въ центральную Африку. Ливингстонъ вѣдь съ женой, отчего-же Самсонову съ дамой...

— Вотъ ужъ тутъ и я не разберусь что правда и что вранье у васъ.

Приглядовъ обернулся къ Флигелю.

— Учитесь молодой человѣкъ: современники всегда несправедливы, а на потомство намъ съ вами наплевать, не такъ-ли. Нѣтъ, не могу я безъ душевнаго умиленія видѣть вашей „умственной“ лысины. Вотъ истинное сближеніе молодого поколѣнія со старымъ...

Отъ Ивана Николаевича не ускользнуло что Калерія Алексѣевна

стала вдругъ озабоченою. Онъ помолчалъ съ минуту и вдругъ спросилъ у нея:

— Ну какъ на томъ свѣтѣ дѣвица Аглаида пребываетъ?

Она вздрогнула и установилась на него.

— И что вамъ сегодня утромъ „мертвые духи“ по телефону сообщили?

— Да вы почему знаете?.. Я васъ бояться начну скоро... Почему вы знаете? Кто вамъ сказалъ. Ты, Романъ?

— И не думай.

— Я не только въ этомъ вашемъ хорошо освѣдомленъ, но мнѣ духъ Вильгельма Заевоевателя утромъ сегодня сообщилъ что вы завтра сдѣлаете.

— Что?..

— Съ поѣздомъ rapide, въ midi et demi — къ Біаррицу покатите.

Но тутъ уже Иванъ Николаевичъ, нисколько не скрывая своего удовольствія, что ему удалось все такъ прекрасно перемутить здѣсь, — расхохотался во всю, да такъ, что кровь прилила ему къ лицу, лысина и та даже покраснѣла, а чрево заколыхалось во всѣ стороны.

— Лопну... Ей богу... лопну... Романъ... Вели скорѣй на меня желѣзный обручъ надѣть.

Всѣ встали изъ-за стола. Калерія Алексѣевна въ дверяхъ остановила Приглядова и фамильярно ущипнула его за ухо. Иванъ Николаевичъ послѣдовалъ за нею.

— Вотъ что... Вы слишкомъ умны, съ вами комедію играть нечего... Да вѣдь я и не скрываю... Вы мнѣ по-дружески. Опасна она, Наталья Григорьевна. Если это минута, Богъ съ нею... Самъ-же прилѣтитъ сюда и въ ногахъ станетъ валяться. Я его знаю...

Приглядовъ нѣсколько времени молча смотрѣлъ на нее, соображая что-то про себя.

— И опасна и неопасна... для другого порѣшительнѣе, опасна... А для нашего овна нѣтъ. Дальше спряженія nous aimons, vous aimez, ils aiment, elles aiment, онъ не пойдетъ съ нею... Но, во всякомъ случаѣ, совсѣмъ ихъ, какъ влюбленныхъ воробьевъ, шапкой накрыть...

— Что она, тавъ поразительно хороша собой? — задумчиво спросила опять Селицкая.

— Правду говорить настоящую, или хвостъ кренделемъ?

— Да, да, правду.

— И по-женски вы злиться не будете.

— Вы развѣ меня не знаете?

— Отродясь такой красоты не видывалъ. Греки-бы ей храмъ построили... Хотите моего совѣта послушать?.. Поѣзжайте завтра-же... Калерія-Побѣдоносца вы этакая. А теперь, кофе и потомъ пошапкѣ насть мужиковъ, чтобы мы не засиживались у васъ.

II.

Иванъ Николаевичъ отъ Селицкихъ вышелъ вмѣстѣ съ „умнымъ молодымъ человѣкомъ“. Къ крайнему удивленію Приглядова,—Пьеръ крикнулъ куда-то въ пространство: „Жозефъ!“, и щегольская маленькая каретка, запряженная парою чудесныхъ лошадей, стремглавъ выкатилась изъ боковой улицы и, какъ листъ передъ травой, остановилась передъ господиномъ Флигелемъ.

— Не угодно-ли! пригласилъ Ивана Николаевича его новый знакомый.

— Это ваша?

— Да... У Лефло четыре тысячи франковъ заплатилъ... А лошадей привели мнѣ изъ Россіи... По двѣ съ половиной тысячи рублей каждая... Кучеръ мнѣ стоитъ около трехъ тысячъ франковъ въ годъ.

Когда дѣло дошло до цифръ, Флигель оказался необыкновенно подробенъ и словоохотливъ.

— Позвольте узнать... Только вы не обижайтесь... Вы фальшивыми бумажками не торгуете.

— Нѣтъ... Это не выгодно... Просто отвѣтилъ тотъ, нисколько не оскорбляясь, какъ человѣкъ безъ всякихъ предразсудковъ.

— Откуда-жа это все къ вамъ повалило...

Флигель снисходительно взглянулъ на Приглядова и ничего не отвѣтилъ. „Что-же съ дуракомъ разговаривать“. Въ свою очередь и Иванъ Николаевичъ задумался. Въ самомъ дѣлѣ: откуда у нихъ это. Кажется, вѣдь на видъ, какъ безнадежно глупъ, а поди тамъ, гдѣ десять умниковъ себѣ головы сломаютъ, этотъ процвѣль будто жезль Аароновъ. Особенный складъ какой-то! Должно быть у насъ, у вообще умныхъ людей, не хватаетъ этого, специального аппарата въ мозгу. По своей привычкѣ Иванъ Николаевичъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи выслушать своего нового знакомаго и хотя этимъ отомстить ему за его завидныя преимущества..

— Позвольте у васъ спросить, вы не французского происхожденія? Со стороны началь Приглядовъ.

— А что?..

Флигель принадлежалъ къ тѣмъ, весьма впрочемъ не рѣдкимъ людямъ, которые никогда и никому не отвѣчаютъ на вопросъ *прямо*. Они сначала хотятъ узнать „почему“ и „съ какою цѣлью“ ихъ спрашиваютъ и потомъ уже, сообразно *этой цѣли*, а не вопросу, отвѣчаютъ.

— Такъ... Потому у васъ фамилія французская...

— Да?..—умный молодой человѣкъ даже покраснѣлъ: „какъ это ему ранѣе не приходило въ голову самому. Давно-бы слѣдовало“.—

Да... да... это удивительно, какъ вы угадливы. Въ самую правду попали. Мой дѣдъ эмигрировалъ изъ Франціи... Во время революціи. Онъ вѣдь роялистъ былъ.

— Прадѣдъ вѣрно, судя по вашему возрасту? — голосъ Ивана Николаевича сталъ даже нѣженъ.

— Ну, да... Это все равно.

— То-то... А Романъ Викентьевичъ увѣрялъ меня, что вы изъ „вольныхъ курляндскихъ конькобѣжцевъ“. Чего вы глаза лушите на меня, терпима этого не понимаете, что-ли? Это онъ такъ бѣглыхъ отъ воинской повинности называетъ. Онъ мнѣ говорилъ, что вашего брата здѣсь хоть прудъ пруди. Отъ Парижа до Питера на каждой телеграфной столбѣ по парочекъ повѣсь и то достаточно, для такой-же линіи на Владивостокъ останется.

Романъ Викентьевичъ въ этомъ разумѣется не былъ виноватъ ни духомъ, ни тѣломъ, но какъ-же Иванъ Николаевичъ могъ-бы отказать себѣ въ удовольствіи поссорить между собою милыхъ людей.

— Романъ Викентьевичъ? — вопросилъ „вольный конькобѣжецъ“. — Ну, хорошо!.. Ему-бы слѣдовало молчать. Я ему это тоже припомню... Мнѣ стоять только разсказать о томъ, какъ онъ, состоя на службѣ, на пониженіе нашихъ денегъ играетъ...

— Постойте, постойте... — съимпровизировалъ опять уже восторженнымъ тономъ Приглядовъ. — Вѣдь и это онъ мнѣ разсказывалъ и прибавилъ, что вы ему помогаете! Безъ васъ онъ, какъ безъ рукъ.

Ударъ мѣтко попалъ въ цѣль. Флигель даже взвился и смѣясь своей новой цилиндръ о верхъ кареты...

— Ахъ, онъ и это? Ну, такъ и я не стану стѣсняться. Вы знаете, какой это подлецъ? Тутъ есть грекъ одинъ и скверный грекъ, Караки. Не изъ нашихъ одесскихъ, тѣ все-таки почище... Понравилась ему Калерія Алексѣевна, такъ что-жъ, онъ черезъ кого свое дѣло съ нею устроилъ, а? Черезъ Романа Викентьевича. Я это знаю! Романъ Викентьевичъ и деньги изъ ліонскаго кредита получилъ по его чеку.

Иванъ Николаевичъ давно ужъ не чувствовалъ себя такимъ счастливымъ. У него точно все расцвѣло въ душѣ. Онъ похлопывалъ мягко господина барона по колѣнкамъ и такъ жмурился, что можно было ожидать, вотъ-вотъ замурлыкаетъ.

— Такъ она значитъ того... Льву-то Самойловичу измѣнила?

Баронъ засвисталъ, но должно быть слишкомъ озлился, потому что немедля даль и дальнейшія разясненія.

— Вмѣстѣ съ Караки въ Арроманшъѣ здила. Въ Трувиль или Кабуръ нельзя — знакомыхъ много. Въ Діепѣ — тоже, такъ они въ Арроманшъѣ. Нанили тамъ на двѣ недѣли виллу. Я это отлично знаю. Тамъ одинъ мой пріятель жилъ, видѣлъ ихъ и мнѣ писалъ.

— А вѣдь если кое-куда дойдетъ, что вы на пониженіе... или, что вы наши финансовые секреты Ротшильдамъ сообщаєте, то... — Иванъ Николаевичъ, очевидно, надѣясь на свою счастливую звѣзду, ужъ на „ура“, что называется, началъ. — Жаль мнѣ васъ, вы такой дѣлльный и умный.

Флигель сидѣлъ весь зеленый, но, все-таки, и растерявшись, онъ не могъ отрѣшиться отъ свойственной ему наглости.

— Мнѣ больше вѣрять, чѣмъ какому-нибудь Селицкому. Всѣ вѣдь знаютъ, что онъ только кассиръ и управляющій своей жены. Доносы такого господина большой цѣны не имѣютъ. Да мнѣ скоро—еще мѣсяцемъ шесть подожду, а тамъ хоть на всѣхъ начхать. Я самъ буду на собственныхъ ногахъ и тогда покажу себя кое-кому.

— Да, но все-таки съ Берлиномъ связываться вамъ, состоя на службѣ русскаго правительства, неосторожно,— продолжалъ неумолимый Иванъ Николаевичъ.

— Я съ Берлиномъ... У меня тамъ только мои личные друзья... Совсѣмъ смѣшался Флигель, причемъ у него даже лысина вспотѣла, такъ что онъ ее нѣсколько разъ платкомъ вытираль.

— То-то,— личные друзья, знаемъ мы! Вы ужъ оченьшибко глотать начинаете. Нельзя же всѣ лакомые куски одному слопать. Оставьте и другимъ! Смотрите этакъ и подавиться не долго.

Карета была около Avenue de l'Опера.

— Остановите-ка вашего трехтысячнаго кучера... Я здѣсь сойду...

Флигель выскочилъ за нимъ и съ тою же собачьей угодливостью, но уже съ примѣсью трусости стала ему жать руки.

— Вы не повѣрите, какъ я доволенъ, что имѣлъ честь...

— „Ты не повѣришь, ты не повѣришь, ты не повѣришь, какъ ты мила!“ — запѣлъ Приглядовъ, радостно, какъ на лучшаго своего друга, глядя на него. Въ эту минуту Иванъ Николаевичъ даже любилъ „умнаго молодого человѣка“.

— И когда вамъ захочется хорошо пообщѣдать,—не такъ, какъ у Селицкихъ—у нихъ поскудство одно, вы пріѣзжайте безъ церемоніи ко мнѣ... У меня здоровый, сытный, настоящій нашъ русскій столъ. Мой поваръ прежде у князя Лобанова служилъ.

— Вотъ что, вольный конькобѣжецъ. Позвольте на прощанье дать вамъ хороший совѣтъ. Вы слишкомъ быстро и скоропалитильно выдаете себѧ.

— То есть какъ! — оторопѣлъ тотъ.

— А такъ. Ужъ слишкомъ вы откровенны. Стоило мнѣ пошутить и на бѣднаго Романа наплести разныя небылицы (можете быть спокойны—ничего этого онъ мнѣ не говорилъ!), какъ вы сейчасъ себя съ головой. Вы подумайте только, въ чемъ вы мнѣ признались?

Онъ наклонился и шепнулъ ему что-то.

И, весело потрепавъ его по-плечу, направился къ *café de la Paix...* Флигель, озадаченный, остался на мѣстѣ, изображая изъ себя жену Лотову.

— Будешь ты меня помнить, голубчикъ, — торжествовалъ Иванъ Николаевичъ. Васъ, подлецовъ, да не учить, что жъ это будетъ. Потомъ онъ обернулся, увидѣлъ его солянымъ столбомъ и любезно послалъ ему воздушный поцѣлуй, подмигнувъ въ то же время проходившей мимо крашеной француженкѣ, такъ что та расхохоталась и кинула ему:

— Bonjour, mon gros coco!

Онъ было засѣменилъ за нею — но опомнился и рѣшилъ остаться вѣрныиъ *café de la Paix*.

Тутъ трудно было найти мѣсто. Всѣ столики оказывались занятыми. Часъ былъ бойкій, и добрая третья Парижа сновала по бульварамъ. „Это они, подлецы, нарочно — смѣялся Иванъ Николаевичъ,— чтобы дать мнѣ преувеличенное понятіе объ ихъ многолюдствѣ... Гдѣ же я сяду? Придется вѣрно въ *café Julianne*... По старой памяти. Когда-то тамъ магометовъ рай былъ. И въ самомъ дѣлѣ, толкнусь туда! Но какъ разъ въ эту минуту ему послышалось:

— Вотъ те фунтъ, только-только этой шельмы, Приглядова, для полнаго комплекта Парижу недоставало. Здравствуй, красавецъ. А я въ газетахъ читалъ, что ты преждевременно лопнулъ и тебя въ Дагомѣвъ преблагополучно скушали...

Иванъ Николаевичъ прищурился и радостно отверзъ объятія.

— Ну, ну, не очень-то. Здѣсь на улицахъ не принято обниматься да цѣловаться. Откуда это тебя выслали? Съ жандармами поди? Господи, еще больше разбухъ. И за что только твои ноги страдаютъ? Этукую гору жира носить? И какъ это Дюваль терпитъ. Поймаль бы онъ тебя, русскаго друга, — на крюкъ... Да на утро въ своихъ *bouillons* и подаль клиентамъ. Покушайте-ка „союзного“ мясца!

— Поди ты, мельница. Остановись на минуту. Дай отдышаться. Видишь толстый человѣкъ, — запыхается совсѣмъ. Вмѣсто того, чтобы пожалѣть...

— А ты, бочка, кого-нибудь на своеиъ вѣку жалѣлъ?

— Тебя перваго. Ни разу еще персидскимъ порошкомъ не изводилъ. Ну, здравствуй, деревня. Чего ты-то въ Парижъ привалилъ? Ты, братъ, здѣсь смотри — ухо востро. Тутъ такихъ въ *jardin d'aclimatation* сейчасъ и за деньги публикѣ показываютъ.

— А ты пробовалъ? По собственному опыту? Откуда, признавайся?

— Изъ подъ Біаррица... На этюдахъ сидѣлъ и въ морѣ купался. Собесѣдникъ недовѣрчиво посмотрѣлъ на него.

— Только для этогоѣездилъ?

— Только. Правда, кстати Самсонову нѣсколько картиночъ продалъ, да заказъ хорошій получилъ. И Приглядовъ прищурился?

— Ну, вотъ... Такъ бы сразу и говорилъ. А я братъ, свой ревматизмъ по всемъ европамъ вожу. Воды пиль, какъ почтальонъ мочіонъ дѣлалъ. Забылъ, какое такое вино на свѣтѣ бываетъ. Что лекарствъ переглоталъ—слона на-повалъ убить можно.

— Ну?..

— Ревматизма точно нѣть. Зато подагра привязалась... Теперь отъ нея въ Aix-les-bains ъду лечиться... На колѣнкахъ у меня точно подушки всхухли. Суставы такъ тоскуютъ...

— Напрасно ты все это дѣлаешь. Плюнь. Все равно, братъ, отъ четвертаго измѣрения не убѣжать. Хочешь не хочешь — а придется мнѣ на твоихъ похоронахъ кутью есть... „Помяни, Господи, душу усопшаго великаго грѣшника и сквернослова Антонія!..“ Положимъ мы тебя въ Москвѣ въ Новодѣвичьемъ — тамъ земля сухая, а вѣдь ты воды пуще всего на свѣтѣ боялся. Чудовскихъ пѣвчихъ позовемъ. Въ бюро похоронныхъ процессій — по первому разряду заплатимъ, чтобы все было въ порядкѣ. На балдахинѣ — страусы. Фонарщиковъ выберемъ такихъ, чтобы отъ одного вида ихъ молоко въ матерней груди кисло. Лошадей... Всѣ конки ограбимъ — выставку отечественныхъ Россинантовъ устроимъ. На памятникъ тебѣ высѣкутъ надпись: „Очищенная. Шеничная слеза № 1.“ Этикетъ утвержденъ правительствомъ... Цѣна рупь со стекломъ.

— Фу ты! даже плюнуль тотъ.

— Некрологъ... Купцы вслухъ въ „Большомъ Московскомъ“ читать будутъ и плакать: какая персона преставилась!

— Довольно тебѣ. Долго здѣсь останешься?

— Нѣть, братъ... Домой пора. Дочурка у меня — замужъ ее выдавать стану. Эхъ, братъ, впialъ вдругъ Иванъ Николаевичъ въ славшавый тонъ. Одно у меня счастье и есть, что Лиза. То-есть. я тебѣ скажу — сердечная дѣвочка. Будетъ хоть кому помолиться за меня на могилѣ.

— Ты въ могилѣ не помѣстишься. Тебѣ цѣлый погребъ нужно.

— Нѣть, въ самомъ дѣлѣ. Ну, зачѣмъ мы живемъ? Подумай. Картины? Да вѣдь нынче краски какія: черезъ сто лѣтъ отъ нашей живописи одно линялое мѣсто останется. А тутъ потомство. Скажутъ: у насъ дѣдушка былъ добрый. Очень насъ дѣдушка любилъ. Вспоминать станутъ — малыши. Вотъ этакіе — куроцапы...

— Да что у тебя сегодня за настроение? Въ директора похоронныхъ процессій готовишься къ экзамену — если, такъ пожалуйста не при мнѣ.

— Души въ тебѣ, Антонъ Иванычъ, нѣть.

— Я, братъ, здѣсь ужъ двѣ недѣли,—перемѣнилъ Антонъ Ивановичъ непріятный разговоръ. — Околачиваюсь по бульварамъ, и что это такое случилось? Нашихъ здѣсь до удушья, и все мопеники. Такъ въ глазахъ у каждого: а сѣмь-ка, я съ тебя часики сниму. Откуда это? и всѣ куда-то торопятся, у всѣхъ какое-то дѣло... Хвостъ на отлетъ, лапы на воздухъ, а изъ пасти слюна отъ жадности течетъ. Иду это я сегодня — а впереди два соотечественника, и одинъ другому: „ахъ, много здѣсь денегъ въ Парижѣ — тоскуетъ. Ужъ ежели нонѣшними симпатіями не воспользоваться — дуракомъ надо быть“. На-дняхъ сижу тутъ въ кафе, и рядомъ, вдругъ, нашъ москвичъ объявился. Онъ собственно нѣмецъ и фамилія ему даже Глинтвейнъ, но здѣсь онъ себя за русскаго атtestуетъ и такія, братъ, дѣла обдѣлываетъ... А мѣховщикъ нашъ — поди-ко — тоже, вѣдь, кровный русскій оказался,—говорятъ,шибко карманъ набивается. Всѣхъ французъ увѣрилъ, что союзъ никто другой, а именно онъ оборудовалъ. А на углу Faubourg de Montmartre, видѣлъ русскую лавку? Как же! Иконы въ окнѣ и лукутинскія табакерки съ халцѣскими поясами, а вверху надпись: „L'industrie Russe“. Захожу — прикащики въ кавказскихъ черкесскихъ, вотъ съ этакими кинжалами — жара, а они въ папахахъ. Заговорилъ — Господи! — изъ Зарядья нашего московскаго... А еще недавно тутъ по улицамъ какой-то Мишель Берновъ ходилъ въ красной рубахѣ, съ русскимъ знаменемъ въ рукахъ. Мнѣ одинъ французъ, на водахъ, рассказывалъ: „отбою нѣть отъ союзниковъ“. Да вѣдь какъ: не просятъ на бѣдность, а просто требуютъ. Вы, говорятъ, намъ помочь должны за наши симпатіи. И еще генералъ одинъ налетѣлъ сюда орломъ изъ Питера. Книжку на французскомъ языкѣ издалъ какую-то. Милліона искалъ на разработку бриллантовыхъ копей въ Олонецкой губерніи; президенту Карно изъ Троице-Сергіевской лавры финифтяную икону привезъ. Вѣдь у нихъ у всѣхъ особая ариѳметика нынче. Ниже миллиона цифры нѣть. Отъ миллиона и выше. Здѣсь, говорятъ, денегъ много!.. И вѣдь помнишь ты прежнихъ русскихъ — народъ все больше трусливый былъ, точно издали у всѣхъ прощенія просили невѣдомо въ чёмъ — а теперь посмотрі на нихъ — казанскіе губернаторы все какие-то. Идетъ — чортъ ему не братъ. Глаза на выкатѣ, локти врозь, ротъ съ оскаломъ, въ горлѣ трубы іерихонскія! Чуть что не по немъ — сейчасъ: „мы васъ, прохвостовъ, какъ въ Кронштадтѣ чествовали! Шеи у всѣхъ толстя, кучерскія, глазенки наглые. Грамоты, каналья, не знаетъ, а спроси его, зачѣмъ пожаловалъ — хочу, говоритъ, русскую выставку деревянной посуды здѣсь устроить, по пяти франковъ за входъ и съ лотереей. „Да кто-же вамъ разрѣшилъ это“? — А въ Кронштадтѣ-то мы ихъ какъ чествовали? А то вдругъ одинъ

тоже сюда прискакалъ — шустрый такой, ласковый, говорить тено-ромъ... Глазки—слезу пускаютъ... Оказывается, прямо къ Ротшильду: „пожалуйте пять миллионовъ на обзаведеніе, вмѣстѣ Волгу грабить“. А вѣдь—титулъ! Ты что думаешь. Ну, разумѣется, къ Ротшильду его даже и не пустили. Онъ сейчасъ же хвостъ павлиномъ и давай шипѣть: „Я, говоритъ, убѣдился, что всѣ эти французскія симпатіи—газетами выдуманы. Здѣсь настѣ знать не хотятъ!..“ Подумай, до чего дошло. Ты вѣдь видѣлъ французовъ — до мундировъ не охотники. У нихъ и офицеры-то — въ партекулярныхъ костюмчикахъ по бульварамъ порхаютъ—и, вдругъ, смотрю — наши дворянскія фуражки съ кокардами. Ну, думаю — Тамбовская губернія привалила въ Буа де Булонь. Хотѣлъ было Сергѣю Атавѣ телеграфировать — пріѣзжайте-де на мѣсто преступленія. Что-жъ бы ты думалъ, кто оказались эти русскіе дворяне — нѣмцы, да жулики. Мнѣ ужъ тутъ жаловались — говорятъ, они какъ мошки налетѣли, поѣдомъ єдятъ. Спасенія нѣть отъ нихъ. Дрюмонъ нѣсколько разъ „карауль“ кричалъ... И вѣдь эти не возвращаются, они здѣсь плотно осѣдаютъ. Я тебѣ покажу магазинъ, гдѣ подъ видомъ русскаго чая продается дрянь разная, собранная подъ Орлеаномъ, съ полей. Ты думалъ, кто это устроилъ — Гугенфельдъ. Онъ съ собой изъ Россіи привезъ сундуки этикетокъ разныхъ извѣстныхъ чайныхъ магазиновъ. Теперь уже здѣсь ихъ заказываетъ. И вѣдь кавія у него названія: „франко-руссій союзный хунъ-лы“. Или: „высокаго достоинства трехцвѣтное знамя чанъ-су“... или „жемчужный пейхо—Боже Царя храни“. А то еще: „Отборный Swiataja-Rouss, превосходный хаолунъ-ды“... Говорятъ, тожешибко пошелъ. А пѣвцовъ, Господи, египетскія казни настоящія — и все въ красныхъ рубахахъ и безрукавкахъ. Импресаріо здѣшніе не знаютъ, куда дѣваться отъ нихъ. Русскую народную пѣсню, ви-дишь-ли, явились популяризировать. Такъ бандами и ходятъ, горлопаны! И вѣдь не одинъ правильно по-русски двухъ словъ не скажетъ. Одинъ изъ неудавшихся редакторовъ даже былъ — рожечниковъ сюда доставилъ. Нашихъ-то рожечниковъ хотѣлъ Парижу привить! Здѣсь такихъ въ „Jardin d'acclimatation“, куда и ты когда нибудь попадешь. Знаешь, въ родѣ негровъ Шеи-пи-бри. Бѣдняги-рожечники чуть съ голоду не перемерли. Смѣху сколько было. Едва выпроводили ихъ. Ходятъ по Парижу въ сѣрыхъ балахонахъ съ рожками — и одурѣлые всѣ. Понять ничего не могутъ, да и редакторъ, какъ оказалось, по французски тоже ни въ зубъ... А ты здѣсь видѣлъ уже le Paradis Russe?

— Нѣть, это еще что.

— Помнишь ты, Грессеръ покойникъ, разные пансіоны для дѣвичъ, безъ древнихъ языковъ, съ петербургскихъ улицъ убрали. Ну,

такъ одна такая педагогическая дама устроила здѣсь établissement, гдѣ женскій персоналъ смыкается каждую недѣлю, un bock стоить двадцать пять сантимовъ; въ почетномъ углу красуется громадный самоваръ, на стѣнахъ всюду „Vodka de la Sainte Russie“ и крашеныя яйца на тарелкахъ. „Эти самыя“ дамы въ яко-бы русскихъ кошникахъ и сарафанахъ.

— Ты меня своди туда! — вдругъ ожился Иванъ Николаевичъ.

— Морды! — разочарованно отвѣтилъ Антонъ Ивановичъ.

Пригладовъ мгновенно увялъ и успокоился.

— Лучше всего, что дамы-то эти, въ сарафанахъ, тоже вѣдь нѣмки сплошь. Кенигсбергскія Амаліи съ такими противуестественными портретами, что за человѣка страшно становится. За фортепіано сидитъ танеръ печального образа, играетъ „Славься“, „Тигренка“, а Амаліи танцуютъ, яко-бы, „русскую пляску“, закидывая ноги выше головы. Хорошо?

— Чего лучше. Особенно при ихъ костюмахъ!

— Вотъ именно... А ты знаешь, какъ этотъ народный танецъ нашъ называется.

— Какъ?

— Les souvenirs de la Neva! А другой такой-же, исполняютъ они его подъ звуки „Стрѣлочка“, извѣстенъ въ le Paradis Russe, какъ „Le joi du Kremlin“, причемъ въ афишѣ сказано, что высшее аристократическое общество Москвы, именно такъ и пляшетъ на балахъ въ своихъ Palais magestueux! На стѣнахъ изображено кронштадтское свиданіе, причемъ надъ башнями Кронштадта турецкіе полумѣсяцы, охота на медвѣдя, взятие „Дуная“ генераломъ Скобелевымъ и русскіе и французскіе солдаты, подавшіе руки другъ другу.

— Чего-же ты хочешь, медовый мѣсяцъ... Ты гдѣ сегодня обѣдаешь? — спросилъ, подымаясь, Пригладовъ.

— Не знаю, гдѣ хочешь...

— Вотъ что, въ семь часовъ у Дюранъ... Согласенъ.

— Это противъ Мадленъ.

— Да.. И не особенно шкруу дерутъ и недурно. Особенно, если со мною. Меня тамъ знаютъ. Ахъ ты, шельма, скажите пожалуйста, вотъ глазиши-то!

— У кого, у кого? — сорвался съ мѣста Антонъ Ивановичъ.

— А вонъ видишь... Синяя юбка...

— Смотри, братъ, Иванъ Николаевичъ. Какъ-бы тебя въ чёмоданъ въ Америку не отправили... Знаешь, у нихъ у всѣхъ нынче сутенеры есть... Боковой-то карманъ у тебя, дай Богъ каждому... Ишь распухъ какъ... Ну, возьмутъ тебя деликатно, двумя перстами, вотъ за это мѣсто... — показалъ тотъ на глотку — и кончено... Чемоданы

здесь дешевы.. А то и просто выкинуть въ Сену. А потомъ я пойду пройтись для пищеваренія въ Моргъ, ба... За стекломъ-то, чье это пузо... Иванъ Николаевичъ... Голубчикъ... Царствіе ему небесное... подлецъ былъ покойникъ... Ну, такъ до вечера, значитъ?

III.

— Что ты на это скажешь? — озабоченно обратился Романъ Викентьевичъ къ Калеріи Алексѣевнѣ, когда Иванъ Николаевичъ съ Флигелемъ исчезли за рѣшеткою ихъ дома. — Левъ-то Самойловичъ пожалуй того... а?.. А ты еще недавно хотѣла эту виллу около Діепа купить. Я тебѣ говорилъ, что слѣдовала мѣсяца три назадъ въ Біаррицъ...

Она ему не отвѣтила ни слова. Изъ столовой вела дверь прямо на балконъ. Калерія Алексѣвна вышла туда, взяла ножницы и начала подрѣзывать сухіе листья у цвѣтовъ. Мужъ ея вынесъ ей кресло, но она только коротко ему отвѣтила:

— Не надо!

— Ну, какже твое мнѣніе? — приставалъ онъ къ ней, видимо взволнованный и оторопѣлый.

— Я не понимаю, кажется, стоять теплыхъ погоды, а посмотри сколько пожелтѣло.

Она уже срѣзала много листьевъ, и они совсѣмъ осипали мраморный полъ балкона... Руки ея продолжали работать спокойно... Она, казалось, вся ушла въ это и ни о чемъ другомъ не думала. Романъ Викентьевичъ съ досадою смотрѣлъ на нее и думалъ: „экое мясо —ничѣмъ ее не расшевелишь“.

— Эти блѣдныя розы я велю выбросить. Точно чахоточные. И запаху отъ нихъ мало. То-ли дѣло мои любимы! — И она осторожно за стѣблекъ подняла громадную, махровую и алую, пышную и благоухавшую на весь этотъ балконъ. — Подумай только, какъ это сильно пахнутъ гарденіи, а ты ея ароматъ слышишь отдалѣнно... Точно высокое сопрано въ громадномъ хорѣ, — и она сама засмѣялась своему сравненію. — И потомъ, эти алые пятна на темно-сѣрой стѣнѣ такъ красивы. Къ слѣдующей веснѣ у меня весь балконъ будетъ полонъ ими. И въ саду тоже. Естѣди, съѣзди къ Жерому и выбери у него что-нибудь вмѣсто вонъ той умирающей латаніи... Я скажу Бенуа, чтобы онъ ее къ завтрау вырвалъ прочь...

Романъ Викентьевичъ не спускалъ съ нея глазъ.

— Ты, что, Коко, роль играешь, что-ли?..

— Ахъ, это ты все про приглядовскія сплетни... Я о нихъ и

думать забыла... — Но тутъ-же, противорѣча самой себѣ, подошла къ мужу, схватила его слегка за носъ, хотѣла было пригладить щетину на его головѣ, но та опять встала дыбомъ... — Вотъ что: кто у тебя въ Біаррицѣ?

— Тамъ въ нашемъ банкѣ много.

— Вѣрные люди?

— Найдутся и вѣрные...

— Сейчасъ-же пошли телеграмму съ оплаченнымъ отвѣтомъ: тамъ-ли Самсоновъ, Свѣтлинъ-Донецкая и Кленовская, да чтобы никому ни слова. Иванъ Николаевичъ способенъ, вѣдь, на фальшивый слѣдъ направить, ради удовольствія разсказывать потомъ, какъ онъ меня надулъ. Нужно всегда знать, съ кѣмъ имѣешь дѣло. А что я спокойна, не волнуюсь, какъ ты, такъ я вѣдь вовсе не хочу желтѣть и дурнѣть. На все обращать вниманіе — цвѣтъ лица испортишь. Только вотъ что, съ телеграммой поѣзжай самъ. Я хочу оставаться одна. Мне нужно подумать кое о чёмъ, а ты вѣдь не выдержишь, все будешь ко мнѣ въ двери стучаться!

Онъ взялъ ея руку и поцѣловалъ, потомъ послушно всталъ и отправился внизъ. Калерія Алексѣевна дождалась, пока его высокая и длинная фигура исчезла за затканной розами рѣшеткою отеля. Оттуда она приподнялъ ей шляпу и Селицкая ему, нѣжно и ласково улыбаясь, кивнула. Очевидно, между ними было не одно „товарищество на вѣрѣ“ какъ, смѣясь, опредѣлялъ ихъ отношенія Иванъ Николаевичъ, но и нѣчто другое. Калерія Алексѣевна не хотѣлось еще уходить съ балкона — былъ чудный сентябрьскій день. Небо, чуть подернутое бѣльсоватою марью внизу — ясно и свѣтло голубѣло въ высотѣ... Съ балкона вѣяло прохладой. Воздухъ кругомъ былъ сладко напоенъ запахомъ цвѣтовъ. Съ балкона видѣнъ былъ садъ весь въ красномъ дождѣ позднихъ розъ, въ ихъ пестрыхъ гирляндахъ, въ чистой, яркой и пышной зелени, на которую, словно сквозь мелкое сито, падали разбивавшіяся на отлетѣ тонкія струйки врашающагося фонтана... Вверху — должно быть сквознякомъ, чуть-чуть подняло бѣлую занавѣску и она вздулась какъ парусъ... „А хорошо теперь должно быть у моря“, подумала про себя Селицкая... „Волны шумятъ у берега... Зеленые, синіе, золотистые, сапфирные тоны бѣгутъ по водѣ. Пѣна клубится у каменныхъ рифовъ... Немудрено, что и Левъ тамъ голову потерялъ. Особенно, если она такъ хороша — да вѣдь и то еще, первая любовь его! Какже не увлечься. На этотъ разъ мужъ правъ. Надо было еще три мѣсяца назадъ поѣхать въ Біаррицъ. Ну, да впрочемъ, что жъ? ничто не ушло еще“.

Она тихо поднялась, притворила столовую и черезъ другую дверь прошла къ себѣ... Ея розовая спальня вся была въ солнечномъ

сіянії. Она не побоялась того, что, какъ говорилъ Левъ Самойловичъ — теперь у каждой титулярной совѣтницы есть розовая спальня — и сдѣлала себѣ именно такую. Блѣдную съ едва замѣтно проступающими сквозь шелкъ золотистыми цвѣтами. Это очень шло ко всей ея нѣсколько полной, но нѣжной и гибкой фигурѣ, къ мягкому выражению ея лица и ласковому голубому полымя ея глазъ. Она пододвинула кресло къ зеркалу и тихо опустилась, глядя на себя самую, будто отыскивая на своемъ лицѣ какихъ-нибудь слѣдовъ такъ долго и бурно прожитой молодости. „Хорошій ювелиръ дѣлалъ“, — вспомнила она Ивана Николаевича. „И черезъ сто лѣтъ, матушка, вы еще будете нашему брату мозги взбалтывать!“ Въ самомъ дѣлѣ, ни одной морщинки. Она наклонилась и еще внимательнѣе стала себя разматривать. Ни въ уголкахъ у глазъ, ни въ вѣкахъ, ни на лбу... Всѣ думаютъ, что она эмальирована — пускай думаютъ. Попробуй-ка такую эмаль найти,—засмѣялась она. И глаза такъ-же свѣтятся, какъ въ молодости — не утратили нѣсколько своего блеска. Только мягче стали, практикою выработались. Вотъ, развѣ что губы какъ-то блѣднѣ, и шея слишкомъ располнѣла — этакъ, того и гляди, второй подбородокъ выростетъ и грудь утратитъ свои красивыя линіи... А она еще не хотѣла этого. Она, до послѣдней минуты жизни, къ одному стремилась — быть любимой, властвовать надъ человѣкомъ, который покупалъ ея ласки, мстить его рабствомъ за право на ея тѣло. Она почувствовала бы себя глубоко несчастной въ тотъ день, когда она перестала бы замѣтать въ глазахъ мужчинъ, говорившихъ съ нею — знакомый, слишкомъ привычный ей, безпокойный огонекъ, и угадывать въ головѣ ихъ сокровенный трепетъ и ласку невысказанного желанья.

Ну, да, до этого еще, впрочемъ, далеко! Она улыбнулась — и зеркало отразило улыбку, и Калерія Алексѣевна поняла, что рѣдкій не пожелалъ-бы, про себя, поцѣловать губы, именно такъ улыбающіяся. Въ самомъ дѣлѣ, эта улыбка со слегка приподнятыми бровями, придавала ея лицу что-то полудѣтски-наивное, а вмѣстѣ съ нѣсколько туцымъ, немного даже животнымъ взглядомъ ея красивыхъ глазъ — дѣлала ее неотразимой. Именно животнымъ, какой долженъ быть у такой самки, какъ она. „Умныхъ женщинъ очень много, думала она про себя. Умныхъ женщинъ больше, чѣмъ умныхъ мужчинъ. Только никто ихъ — этихъ умницъ не цѣнитъ... А я еще до сихъ поръ не встрѣчала человѣка, который-бы не спасовалъ предо мной“... Она встала, полуобернулась отъ зеркала и въ другомъ такомъ-же увидала себя. Этотъ поворотъ обрисовалъ такія законченныя и художественныя линіи ея, что она сама уже засмѣялась и вслухъ проговорила: „Все — глупости!.. Въ первую-же минуту встрѣчи опять мой будетъ. Я еще воображаю — какъ каяться станетъ. Еще-бы, та вѣдь идеалистка. Она и

любимому человѣку не отдастъся... Можно себѣ представить, какъ съ ней измучился такой именно, какъ Левъ Самойловичъ, съ его страстью и неудержимою натурой. Увидитъ меня—все забудетъ. Съума сойдеть!.. Погоди, и я тебѣ не сейчасъ въ руки дамся... Или, впрочемъ, нѣтъ. Надо, чтобы сразу его поразила разница между настоящей женщиной, которая хочетъ и умѣетъ любить и быть любимой, съ этою святою, отдающею свою душу и не позволяющею коснуться до нея. Дура! Даже съ ея точки зрѣнія, философствовала Селицкая, даже съ ея точки зрѣнія — глупо. Потому что, если ее грѣхъ удерживаетъ, то вѣдь грѣхъ тѣла а не души, а тѣло сгниѣтъ и грѣхи тѣла съ нимъ... А вотъ душа-то... Впрочемъ, это не то. Свѣтлинъ-Донецкая не грѣха боится. Я ее видѣла... Теперь вспоминаю, мелькомъ тогда, при выходѣ изъ театра. Лица не замѣтила—только строгій взглядъ ея остался въ памяти... Это у нея—не религіозность... а „правила“. Именно — правила... Есть-же такія женщины! А вѣдь въ самомъ дѣлѣ, она должно быть его до сумашествія довела. Воображаю, какой онъ вернется! Ну мой, золотоволосый богъ — я еще изъ тебя такихъ веревокъ навью... Надо только обдумать. Разумѣется—онъ измученъ, раздраженъ теперь... Значить ему нужны ласка, покой, тишина и полная покорность его волѣ — ни въ чёмъ отказу! Пусть дѣлаетъ что хочетъ — меня не удивить... У самого-же явится сейчасъ сравненіе: „Вотъ это настоящая женщина. Эта умѣетъ дать счастье и сама быть счастливою“. Онъ и прежде, бывало, пріѣдетъ — холодный, недовольный — а отъ моего присутствія сейчасъ-же опьяняется... Да — дать наслажденія мало — нужно, чтобы онъ самъ видѣлъ, что она не раба, которая только терпѣть его ласку а женщина, которая ждетъ ее... А если ей не даютъ этой ласки—такъ она сама съумѣеть ее взять... Поѣхать къ нему?.. Зачѣмъ... Не надо!.. Иванъ Николаевичъ говорилъ, что та поразительно хороша собою... Сравненіе будетъ, пожалуй, не въ мою пользу. Она свѣжѣе, моложе. Надо смотрѣть — прямо въ глаза дѣйствительности. Свѣтлинъ-Донецкая лучше меня. На разстояніи — память о ней не выдержитъ моего присутствія, потускнѣетъ. Синица въ рукахъ! Люди вѣдь,—всѣ люди. А тамъ? Тамъ онъ, пожалуй, безсознательно рисуясь при ней, захочетъ разыграть вѣрнаго рыцаря и пожертвовать мною. Да притомъ еще, что она такое? На какую налетишь. Стоить ей отнести ко мнѣ презрительно, чтобы такой человѣкъ, какъ Левъ Самойловичъ—тоже подъ ноги ей бросилъ меня. Вѣдь онъ не характеръ, не воля,—а рефлексъ, ощущеніе. Со мной онъ подъ мою дудку запляшетъ, а съ нею — подъ ея. Пусть онъ дождется ея отъѣзда. Да и то еще: вдругъ въ той отъ ревности проснется женщина и она отдастъся ему. Тогда все потеряно! Главное, нечего волноваться и

торопиться. Кто спѣшить, тотъ всегда проигрываетъ. А жѣнщина, да еще самолюбивая, должна играть наѣрняка...

Калерія Алексѣевна въ сущности вовсе не была зла. Она не чувствовала ни малѣйшаго раздраженія противъ Натальи Григорьевны. У всякой другой, сказались бы права собственности на Льва Самойловича, эта не знала никогда ревности. То, что она называла измѣнами Самсонова, въ ней вызывало изрѣдка досаду, чаще она только насмѣшило улыбалась и, когда Левъ Самойловичъ возвращался къ ней, она вся была ласка, нѣжность, замирала въ его рукахъ, съ такою граціей, что тотъ пьянѣль, соображая лишь, что ни одна женщина въ мірѣ не стоитъ ее! Оставалось одинъ; онъ, въ минуты трезвости, понималъ — на столько-то былъ уменъ,— что Селицкая вовсе не любить его, что онъ ей нравится и очень нравится, что его средства ей нравятся еще больше, но что ея душа совсѣмъ чужда его душѣ. Да съ ней объ этомъ и говорить нельзя: она совсѣмъ не изъ того материала сдѣлана. И онъ, вдругъ, холодѣль къ ней, презиралъ ее, ея жадность, ея тонкіе расчеты, которые ему, какъ дѣловому человѣку, были ясны. Но стоило страстному порыву охватить его мукою ожиданія, тоскою одиночества, жаждою ласки, желаніемъ, чтобы около его сердца забилось близко-близко другое, какъ онъ забывалъ все, бѣжалъ къ ней и все ей прощаль за то, что никто не умѣль никогда быть *такою*, какъ она. Этимъ она до сихъ поръ держала его въ рукахъ и нисколько не завидовала строгимъ женщинамъ.

„Мнѣ вѣдь уваженія не надо, я и за обѣдомъ терпѣть не могу мороженаго!“ смѣялась она ему, угадывая его скрытые помыслы и частое недовольство ею. Отдайся ему та, другая, дѣло было-бы плохо. Такая сдержанная натура, повидимому холодная, но только повидимому, какою отличалась Наталья Григорьевна, разорви связзывающія ея узы, затмила-бы сотни Калерій Алексѣевенъ. Но вѣдь Свѣтлинъ-Донецкая изъ такихъ, что умрутъ скорѣе, чѣмъ отпадутся, значитъ, нечего было беспокоиться Селицкой, и она ужъ, совсѣмъ веселая, радостная, встала съ кресла, позвала горничную, одѣлась для прогулки, приказала подать себѣ коляску и поѣхала въ *bois de Boulogne*.

Домой она вернулась вся сияющая, смѣющаяся, такъ что ея мужъ съ недоумѣніемъ встрѣтилъ ее... Онъ, надо отдать ему справедливость, былъ на столько глупъ, что до сихъ поръ не понималъ своей жены. „Должно быть у нея кто-нибудь другой на примѣтъ“, сообразилъ онъ про себя. „Кто-же бы это могъ быть?“ Ему казалась-бы непростительной ея увѣренность въ своей „ власти и силѣ“, если бы онъ угадалъ именно это въ наружномъ спокойствіи своей жены.

— Я послалъ! — сообщилъ онъ ей.

— Что такое?

— Телеграмму?

— Какую телеграмму? — притворилась она непонимающей.

— Какая ты, Коко, легкомысленная! Телеграмму въ Біаррицъ.

Срочную, съ оплоченнымъ отвѣтомъ...

— А-а! въ Біаррицъ. Напрасно торопился.

— Какъ... а если...

— И пускай, если! Ахъ, Романъ, Романъ, когда ты поумнѣешь. Онъ изъ-подлобья посмотрѣлъ на нее.

— Вотъ что, Романъ, все это время ты меня оставь въ покоѣ.

— Это еще у тебя что за фантазія?

— Такъ по моимъ разсчетамъ выходитъ. Я самой себѣ нужна буду.

— Я не понимаю тебя!

— Оттого, что ты глупъ, мой милый. Жаль мнѣ васъ, Романъ Вікентьевичъ, но дѣлать нечего. А всего знать вамъ совсѣмъ не надо. Вы помните — все будешь знать, скоро состаришься.

Вечеромъ пришла отвѣтная телеграмма:

„Сейчасъ лично справлялся въ отель***. Интересующія васъ особы разѣхались. Свѣтлинъ-Донецкая — въ Петербургъ, Кленовская вернулась пока въ Біаррицъ. Самсонова засталъ на станціи желѣзной дороги; онъ ёдетъ въ Парижъ и будетъ тамъ завтра утромъ“.

Калерія Алексѣевна, прочтя это — нѣсколько минутъ оставалась молчаливою, потомъ засмѣялась и позвала мужа.

— Романъ, какіе поѣзда отходятъ изъ Парижа сегодня почью или вечеромъ?

— А что тебѣ?

— Отвѣчай мнѣ на вопросъ, какіе?

— Всякіе... Разные отходятъ. Я помню есть directe въ Діенъ, въ 11 часовъ.

— Ну, вотъ это какъ разъ... По крайней мѣрѣ ты будешь имѣть предлогъ: мы, вѣдь, тамъ виллу покупаемъ... Теперь семъ. Укладывайся и, чтобы въ 11 часовъ тебя здѣсь не было. Нѣдѣлю ты не долженъ возвращаться въ Парижъ.

— Матушка, помилуй, а дѣла?

— Для дѣлъ есть телефоны и телографы. И главное — не разсуждай. Ты самъ знаешь, какъ всегда выходило глупо, когда ты разсуждалъ.

— Да зачѣмъ-же мнѣ уѣзжать... Развѣ я когда-нибудь мѣшалъ тебѣ! — уже перешелъ онъ въ трагическій тона.

Она даже расхохоталась: до того было смѣшно это воскликаніе супруга *fin de siècle!* Но уже не удостоившая его отвѣтомъ, позвонила. Вошла горничная.

— Пожалуйста, Жанна, прикажите Пьеру уложить вещи monsieur. Monsieur сегодня получилъ важную телеграмму и ёдетъ въ Діенъ.

Не могла-же она сказать ему, что хотя онъ дѣйствительно никогда не мѣшалъ ей, но въ Левѣ Самойловичѣ вызывалъ чувство какой-то брезгливости, даже гадливости. А теперь надо было устроить такой маленький рай, чтобы ничто въ немъ не нарушало блаженства этого современного Адама. Мужъ быль-бы для него непріятнымъ диссонансомъ да и на нее-бы бросалъ тѣнь. Она хорошо помнила, какъ разъ Левъ Самойловичъ спросилъ:

— Долго-ли еще твой кассиръ будетъ путаться между нами? Чего ему — взялъ отступное и убирайся.

— А мое положеніе въ свѣтѣ?

Самсоновъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на нее.

— Да въ чёмъ-же оно измѣнится? Развѣ нашихъ отношеній никто не знаетъ?

— Всѣ знаютъ, но пока мужъ тутъ — молчатъ.

Онъ только пожалъ плечами; но было замѣтно, что Романъ Викентьевичъ дѣйствительно вызывалъ въ немъ одно только отвращеніе, и что Самсонову нужно много самообладанія, чтобы не показать ему этого.

Романъ Викентьевичъ былъ человѣкъ прочно сложившихся привычекъ. Передъ отѣзdomъ ему захотѣлось разыграть сцену нѣжности съ женою и онъ было къ ней направился. Но дверь ея оказалась заперта.

— Можно къ тебѣ? — постучался онъ къ ней.

— Нельзя.

— Передъ отѣзdomъ? — ужаснулся онъ.

— И передъ отѣзdomъ нельзя.

— Поцѣловать тебя на прощаніе.

— Поцѣлуйся съ замкомъ и да хранить тебя Богъ!.. — смѣялась она за дверью...

— Да ты мнѣ толкомъ объяснишь все это?

— Когда же генералъ наканунѣ рѣшительного сраженія объясняетъ свои планы?..

Съ тѣмъ Романъ Викентьевичъ и уѣхалъ.

Калерія Алексѣевна долго сидѣла у себя, обдумывая положеніе дѣлъ. Вѣдь Самсоновъ можетъ остановиться въ отелѣ и не зайти къ ней. Положимъ, у нея здѣсь всегда двѣ комнаты для него, и ни разу еще не бывало, чтобы онъ поселился въ другомъ мѣстѣ. Но то прежде. А теперь — неизвѣстно въ „какихъ онъ чувствахъ“. Можетъ завести свои вещи въ гостиницу, а завтра уѣхаль и поминай

его какъ звали! Этого нельзя было допустить. Она быстро сѣла къ столу и написала:

„Простите, мой милый, что я не пріѣхала васть встрѣтить. Я не больна, но у меня втѣрой день немножко тяжела голова, и я остаюсь въ постели. Я такъ беспокоилась (отъ васть давно-давно нѣтъ вѣсточки), что вчера телеграфировала въ Біаррицъ. Минѣ отвѣтили, что вы уѣхали, и завтра будете въ Парижѣ. Посылаю Пьеру встрѣтить васъ. Я одна и совсѣмъ одна и буду счастливой только тогда, когда увижу васъ, мой дорогой, золотоволосый богъ! Мужъ уѣхалъ надолго. Пишу вамъ, а сердце у меня замираетъ отъ ожиданія. Несужели завтра, наконецъ, я обойму васть?.. Едва-ли удастся сомкнуть глаза мнѣ въ эту ночь!..

Всѧ, всѧ ваша
К. Селицкая“.

— Пьеръ,— позвала она человѣка.— Завтра въ девять часовъ мосье Самсоновъ пріѣзжаетъ въ Парижъ. Вы поѣдете (возьмите ландо) на Gare d'Orlean встрѣтить его и скажете ему, что его комнаты готовы... Я, не забудьте прибавить этого, не совсѣмъ хорошо себя чувствую и потому осталась дома... Слышиште?

Затѣмъ она приказала горничной разбудить себя въ восемь часовъ и легла въ постель. Хотя, если вѣрить ея письму, она бы должна была не смыкать глазъ въ эту ночь, но едва ея голова коснулась подушки, какъ она заснула крѣпко и разомъ... Даже и сновъ Калерія Алексѣевна не видѣла, до того чиста и спокойна была ея совѣсть. Неопятно, почему такой сонъ — называютъ сномъ праведныхъ. Обыкновенно крѣпче и безпробуднѣе всего спятъ отъявленные грѣшники. А ей, Селицкой, нуженъ былъ именно такой сонъ. Помилуйте, безсонная ночь оставила бы блѣдность на ея лицѣ, утомленіе въ глазахъ и усталость въ тѣлѣ... Вѣки-бы ея казались опухшими, и голова-бы не такъ была свѣжа, а полководцу наканунѣ генерального сраженія — она всего нужнѣе...

Вас. И. Немировичъ-Даниченко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

* * *

Есть въ глубинѣ души тотъ уголокъ священный,
Куда нескромный взоръ во вѣкъ не проникаль:
То храмъ, гдѣ теплится, какъ вѣчность, неизмѣнныи,
Неясныи, робкій свѣтъ божественныхыхъ началь.

Въ минуты тяжкихъ думъ, когда всю жизнь былую
Клянешь непстово, не зная, что начать,
Въ тотъ уголокъ святой уходишь зачастую
И почерпаешь силъ, и вѣруешь опять.

Такъ старый дубъ-гигантъ, вѣка переживая,
Корнями жадно пьеть цѣлебный сокъ земли
И не страшны ему ни громъ, ни ночь глухая,
Ни грозный буреломъ, летящій издали.

В. Умановъ-Каштановскій

ДВѢ СЛАВЯНСКІЯ ПОВѢСТИ: «ПАНЬ ТАДЕУШЪ» и «ЕВГЕНИЙ ОНЪГИНЪ»¹⁾.

Когда въ исторіи двухъ родственныхъ племенъ борьба получаетъ острый характеръ, съ ея жертвами, усилившими, нетерпимостью расовой и государственной вражды,—то все, что составляетъ общее достояніе: сродство душевныхъ свойствъ, близость языка и культурного быта, скрощенные изгибы психической организаціи оттѣсняются на задній планъ: о нихъ никто не говоритъ, точно будто дѣло идетъ о двухъ национальностяхъ, проникнутыхъ самыми несовмѣстимыми элементами.

Время идетъ и многое излечивается,—увы! далеко не все. Оно помогаетъ однако внутреннему, задушевному процессу пониманія. Есть такая сфера, свѣтлая и радостная, гдѣ не только можно отбросить все непріятное и тревожное, но слѣдуетъ это сдѣлать, если мы хотимъ насладиться произведеніями творчества, рожденными среди народа, родственного намъ. Такое пониманіе, такое безкорыстное и сочувственное пользованіе проявленіями генія останутся навсегда; не могутъ быть ни омрачены, ни уничтожены никакими дальнѣйшими вспышками политической, соціальной, религіозной или расовой борьбы.

Въ этомъ дѣлѣ мы вправѣ воспользоваться преимуществами нашего положенія. Не слѣдуетъ преувеличивать своихъ умственныхъ качествъ; но, если справедливо то, что иностранцы признали за русской интеллигентіей—способность общечеловѣческаго пониманія, то къ кому же и къ чему болѣе великодушно и приятно было бы примѣнить это драгоценное свойство, какъ не къ художественной литературѣ того славянскаго народа, который можетъ, безъ ложной гордости, сказать, что обладаетъ, сравнительно съ другими западными славянскими народностями, богатою изящною литературою? И она давно ждетъ отъ русской критики болѣе серьезнаго изученія и болѣе сочувственнаго пониманія.

¹⁾ Читано первоначально въ Москвѣ, въ «Обществѣ любителей россійской словесности», потомъ въ С.-Петербургѣ, въ пользу «Р. К. Благотворительного общества».

Родство языка и культурной жизни всегда возьмутъ свое, особенно, если развитіе идей и образовъ, въ литературѣ двухъ родственныхъ народовъ, проходили, въ общихъ чертахъ, сходную эволюцію, при всей рѣзкой разницѣ политическихъ и общественныхъ стремленій и событий.

Я долженъ буду сейчасъ же употребить одинъ изъ тѣхъ терминовъ литературной исторіи нашего вѣка, который при всей своей растяжимости, при всемъ отсутствіи въ немъ научной опредѣленности, еще до сихъ поръ обязателенъ и сразу настраиваетъ слушателя или читателя на извѣстный складъ понятій. Это—такъ называемый романтизмъ. Мы не будемъ, конечно, въ данную минуту, подвергать этотъ терминъ болѣе строгому анализу. Его недостаточность и часто даже старомодность чувствуются уже очень многими. Для настѣнко объединить этимъ терминомъ литературное движение, одинаково охватившее поэтическое творчество двухъ славянскихъ народовъ, польского и русскаго. Если отбросить чисто патріотическую окраску и прослѣдить наростаніе литературного творчества въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. движение, сказывающееся въ томъ, какъ творчество вбирало въ себя жизнь все глубже и ярче, то окажется, если не полное сходство и еще менѣе тождество — то, по крайней мѣрѣ, весьма знаменательная параллельность въ развитіи поэтическаго творчества у обоихъ народовъ. И даже тамъ, гдѣ различіе тона, колорита, особенностей содержанія, полетовъ фантазіи и лирическаго чувства слишкомъ бросается въ глаза, эти противоположности, опять-таки, въ свою очередь, даютъ поводъ показать, какъ извѣстный, опредѣленный видъ поэтическихъ произведеній шелъ по сходному пути, развивался въ направленіи отъ условности и подражательности къ своеобразной обработкѣ жизни, все къ большей и большей свободѣ творческаго духа.

Я выбираю для своей бесѣды двѣ славянскихъ повѣсти. Одна такъ и называется повѣстью, въ подлинникѣ; другая пріобрѣла обозначеніе романа; но она по складу своему, размѣру, содержанію и колориту можетъ быть также, безъ всякой натяжки, названа этимъ кореннымъ русскимъ терминомъ: «повѣсть». Въ польскомъ языкѣ, слово это положительный синонимъ романа, и, какъ знающімъ польской языкъ извѣстно, слово романістъ переводится по польски выражениемъ соотвѣтственнымъ «повѣствователь» (*powiesciopisarz*).

Литературная критика второй половины нашего вѣка стала усердно заниматься всѣмъ тѣмъ, что личная судьба писателя, его душевный складъ, направленіе идей и художнические вкусы вносятъ въ исторію его творчества. И, въ этомъ смыслѣ, судѣ было, чтобы авторы двухъ нашихъ славянскихъ повѣстей принадлежали къ одной литературной эпохѣ. Они родились въ одномъ государствѣ, ихъ первая молодость прошла отчасти въ двухъ русскихъ столицахъ. Они не только знали лично другъ друга, но были, одно время, въ искреннихъ пріятельскихъ отношеніяхъ.

И расцвѣтъ ихъ творческаго генія произошелъ, какъ разъ, въ теченіе одного и того же десятилѣтія. Если русская повѣсть писалась нѣсколько лѣть, и была задумана и начата въ первыхъ двадцатыхъ годахъ, то кончена она именно тогда, когда польская повѣсть была, въ свою очередь, задумана и авторъ приступилъ къ ея осуществленію.

Быть можетъ, въ исторіи нашей новѣйшей литературы нѣть болѣе плѣнительного и интереснаго момента для сравнительного изученія психологіи творчества двухъ геніально-одаренныхъ поэтовъ славянской расы, на почвѣ ихъ взаимнаго сближенія, въ тотъ періодъ ихъ жизни, когда великолѣпныя идеи, поэтическіе замыслы, любовь къ литературѣ, способность взаимнаго пониманія не были омрачены всѣмъ тѣмъ, что политическая и расовая борьба вносить горькаго и разъединяющаго!...

Вы мнѣ позволите, въ этой бесѣдѣ, сдѣлать главнымъ предметомъ ея: произведеніе, которое въ творчествѣ родственнаго намъ племени занимаетъ совершенно особенное положеніе, считается драгоцѣннымъ достояніемъ всей польской литературы, въ которомъ национальныя свойства, природа и люди, бытъ и главныя психическія черты народнаго характера схвачены съ такой силой и яркостью таланта, какъ ни въ одномъ польскомъ поэтическомъ произведеніи за все остальное время, отдѣляющее эпоху тридцатыхъ годовъ отъ настоящей минуты.

Творчество Мицкевича и Пушкина, при всѣхъ ихъ своеобразныхъ особенностяхъ, обыкновенно причисляютъ къ періоду романтизма. А между тѣмъ, въ обоихъ ихъ эпическихъ произведеніяхъ, въ «Панѣ Тадеушѣ» и «Евгеніи Онѣгінѣ» мы видимъ, какъ все, что есть и должно быть въ поэтическомъ воспроизведеніи дѣйствительности цѣльнаго, правдиваго, яркаго безъ преувеличенія, реальнаго, въ высшемъ смыслѣ слова, сказалось впервые съ такой чудесной простотой и правдой, съ такимъ освобожденіемъ отъ того, что разнузданный романтизмъ первой четверти вѣка внесъ въ изящную литературу фальшиваго, трескучаго, лишенаго жизни, болѣзненно-субъективнаго.

Если въ Пушкинѣ, къ эпохѣ созиданія «Евгенія Онѣгина», душевныя силы пришли въ равновѣсіе, и онъ достигъ художнической гармоніи, укрѣпился въ свойствахъ, какія когда-то озnamеновали собою разцвѣтъ эллинскаго духа, вполнѣ овладѣль здоровымъ отношеніемъ къ жизни и искусству, то въ его товарищѣ по музѣ, сверстнику, и—одно время—приятелѣ, Мицкевичу, какъ разъ къ тому году, съ котораго началась его творческая работа надъ «Паномъ Тадеушомъ», душевное равновѣсіе покачнулось. Онъ сталъ все сильнѣе поддаваться мистическимъ настроеніямъ, и вскорѣ послѣ того, какъ былъ написанъ послѣдній стихъ его повѣсти, онъ уже безшворотно принадлежалъ мистицизму. Это прямо вытекаетъ изъ всѣхъ данныхъ его біографіи. Въ самыхъ лучшихъ трудахъ, посвященныхъ творчеству Мицкевича, и специально «Пану Тадеушу», мы находимъ картины

душевной работы, толкавшей его, все глубже и глубже, въ такія настроенія внутренняго чувства, которая обыкновенно, и совершенно основательно, считаются трудно совмѣстимыми съ творчествомъ, такъ проникнутымъ любовью къ живой жизни, какъ мы это находимъ на каждой страницѣ «Пана Тадеуша».

Припомнімъ въ какихъ условіяхъ и въ какой обстановкѣ приступилъ Мицкевичъ къ своему труду. Это было въ началѣ тридцатыхъ годовъ, послѣ возстанія и послѣ іюльской революціи. Мицкевичъ жилъ въ Парижѣ, хотя и не офиціальнымъ эмигрантомъ, но среди эмиграціи, съ которой его связывали тѣсныя узы. Въ его жизни и психіи это былъ моментъ несомнѣннаго поворота. Съ родиной пришлось разорвать, и тѣмъ страстище стремился онъ къ ней душой. Вступительныя слова «Пана Тадеуша», сдѣлавшіяся знаменитыми въ польской лирикѣ, проникнуты пламенной любовью, и къ общей родинѣ, и къ мѣstu своего рожденія, къ тому уголку живописной Литвы, где прошли годы его дѣтства. Положеніе Мицкевича въ Парижѣ, въ то время, было крайне тяжелое. Съ ролью пѣгнанника или добровольного эмигранта, какъ хотите, связана была и для него и для всѣхъ его товарищѣй по эмиграціи, потерявъ того, что приобрѣтено было цѣлымъ десятилѣтіемъ общественной и литературной дѣятельности. Здоровье также начинало уже расшатываться. Матеріальная нужда сказывалась, какъ разъ, въ этотъ періодъ, быть можетъ, сильнѣе, чѣмъ когда-либо, за все его пребываніе во Франціи. Кто интересовался бы познакомиться со всѣми этими подробностями жизни поэта въ Парижѣ, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, можетъ найти обстоятельный и строго привѣренный очеркъ въ капитальномъ сочиненіи варшавскаго критика, Петра Хмѣлевскаго, посвященномъ Мицкевичу ¹⁾

Но не одна матеріальная нужда угнетала поэта. Онъ относился къ ней съ тѣмъ подъемомъ духа, какой отличалъ его во всю его жизнь. Вообще, это былъ типъ человѣка духовнаго, употребляя это слово не въ его особенномъ значеніи. Если романтизмъ позволительно считать и синонимомъ самоотверженныхъ идеальныхъ стремленій, то Мицкевичъ былъ, конечно, величайшимъ изъ романтиковъ. Его, въ моментъ зарожденія идеи «Пана Тадеуша», стало все сильнѣе мучить и недовольство своимъ товарищами по эмиграціи. Онъ скорбѣлъ отъ сознанія, что жизнь ихъ узка, мельчаеть, что является рознь и столкновенія личныхъ притязаній и недовольствъ. Въ его корреспонденціи найдутся доказательства того, какъ ему тяжко было видѣть, что кругомъ происходитъ многое, что совсѣмъ не отвѣчало высотѣ его патріотическихъ чувствъ и стремленій къ отысканію высшей правды. И вотъ эта-то черта: исканіе той истины, которая должна все разрѣшить, освѣтить и примирить, въ Мицкевичѣ,

¹⁾ Adam Mickiewicz. Zarys biograficzno-literacki. 2 tomy. Warszawa. 1886.

не смотря на чисто субъективный оттѣнокъ, не смотря на особенности расовой психіи, представляетъ собою нѣчто необыкновенно родственное съ духовно-нравственнымъ процессомъ въ душѣ Гоголя, нѣсколько лѣтъ позднѣе, какой и на нашихъ глазахъ произошелъ въ сознаніи другого великаго русскаго писателя, который дошелъ до рѣшительного и полнаго отрицанія смысла и морального достоинства въ какомъ-бы то ни было художническомъ творчествѣ, до чего Мицкевичъ, и въ самый разгаръ своего мессіанизма не доходилъ.

Обыкновенно въ біографіяхъ писателей и художниковъ стараются показать прямую связь между обстановкой, въ какой творилось известное произведение, и самимъ продуктомъ творческой работы. Мы видимъ въ исторіи созиданія «Пана Тадеуша», что мистицизмъ, начавшій, какъ разъ въ это время, овладѣвать душою Мицкевича, не помѣшалъ ему создать самое поэтическо-реальное произведение, какое когда либо выходило изъ-подъ его пера. Точно также и личныя обстоятельства, тревоги, отсутствіе материальнаго и нравственнаго довольства, все это, на протяженіи тѣхъ мѣсяцевъ, которые ушли на созданіе «Пана Тадеуша», представляеть собою, повидимому, самыя неблагопріятныя условія для свободнаго творчества.

Позвольте вамъ припомнить, въ крупныхъ чертахъ, когда и какъ писалась эта литовская повѣсть.

Первоначальный замыселъ поэмы возникъ въ душѣ Мицкевича подъ воздействиемъ страстной любви къ родинѣ и тоски по ней. Есть нѣкоторое основаніе предполагать, что поэма Гете «Германъ и Доротея» дала толчокъ мыслямъ поэта о самомъ родѣ реально-поэтической повѣстіи, принявшей вскорѣ такіе обширные размѣры и такой яркій, жизненный колоритъ. Мицкевичъ попалъ въ Познани, уже считая себя эмигрантомъ, въ деревню стараго пріятеля, графа Іосифа Грабовскаго. И тамъ, по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, написано было то возвзваніе къ родинѣ, которымъ начинается вступленіе къ первой пѣсни. Приведу эти четыре стиха въ переводѣ Берга, который считается лучшимъ изъ переложеній на русскій языкъ «Пана Тадеуша».

„Отчизна милая! подобна ты здоровью:
Тотъ истииной къ тебѣ исполнится любовью,
Кто потерялъ тебя... Въ страданьяхъ и борьбѣ,
Отчизна милая, я плачу по тебѣ“.

Осенью 1832 года Мицкевичъ перѣѣхалъ въ Парижъ. Онъ занимался печатаніемъ своихъ «Дзядовъ» и сочиненій пріятеля, познанскаго поляка, поэта Стефана Гарчинскаго. Вокругъ него сложился тѣсный кружокъ эмигрантовъ. Изъ нихъ ближе къ нему по литературнымъ интересамъ стояли: Богданъ Залѣскскій и Стефанъ Витвицкій. Къ нему, въ его первоначальную маленькую тѣсную квартиру, ходило множество народа, на-

чиная съ наполеоновского генерала Дембинскаго, вплоть до французовъ, въ родѣ, напримѣръ, Монталамбера. Происходили нескончаемые разговоры, преняя, иногда очень задорныя схватки. Мицкевичъ мало принималъ въ нихъ участія; но когда говорилъ, то, разумѣется, держался общаго возбужденаго тона патріотовъ-изгнанниковъ. Внутри же души онъ тяготился многимъ, чѣмъ жили его земляки. Его идеалы парили гораздо выше, уносили его въ надземную область обще-человѣческихъ и религіозно-нравственныхъ идеаловъ. Понятно, что въ такой квартирѣ, которая превращалась ежедневно въ клубъ, работать было не легко. И только къ концу 1832 года онъ фактически приступилъ къ своей поэмѣ. Изъ друзей, жившихъ въ Франціи, ближе всего къ нему стоялъ поэтъ Одынецъ, надолго пережившій его, считавшійся всегда какъ-бы живымъ и самымъ авторитетнымъ свидѣтельствомъ всего того, что связано съ имениемъ и творчествомъ Мицкевича. Для насъ, русскихъ, цѣнно то, что переводчикъ «Пана Тадеуша», Николай Васильевичъ Бергъ, былъ съ Одынцемъ въ дружескихъ отношеніяхъ, высоко чтилъ его характеръ и пользовался его рассказами, для болѣе интимнаго ознакомленія съ Мицкевичемъ. Онъ посвятилъ свой переводъ, вышедший въ Варшавѣ въ 1875 г., Одынцу и посвященіе это написано прочноувствованными польскими стихами, гдѣ онъ прямо говоритъ, что имя Одынца: «уносить его въ высь, сообщаетъ ему вѣхновеніе и наполяетъ напиткомъ небесной святыни».

Итакъ, въ началѣ декабря 1832 года, засѣль Мицкевичъ за «Пана Тадеуша», и, въ письмѣ отъ 8 декабря новаго стиля, извѣстилъ Одынцу, жившаго въ Дрезденѣ, о томъ, что: «принялся писать сельскую поэму вродѣ «Германа и Доротеи»... и уже накропаль тысячу стиховъ». И сейчасъ-же пошли всякаго рода непріятности и тревоги, мѣшившія работы. Такъ, напримѣръ, Мицкевичъ долженъ былъ доставить издателю Еловицкому переводъ байроновскаго «Гаяура». Рукопись пропала, и онъ принужденъ былъ заново ее написать. Только къ веснѣ 1833 года могъ онъ приняться опять за «Тадеуша» и довольно скоро кончилъ вторую и третью пѣсни.

Въ письмѣ къ Одынцу, Мицкевичъ говоритъ: «Опять воротился къ сельской поэмѣ; она составляетъ теперь любимое мое дѣтище. Пишу — и мнѣ кажется, что я въ Литвѣ». Тому же Одынцу, въ маѣ 1833 г., онъ жалуется на нездоровье и въ припискѣ извѣщаєтъ: «Кончилъ третью пѣсню «Тадеуша»... До сихъ поръ мнѣ довольно хорошо удается; только бы не такія помѣхи, только бы имѣть хоть одну недѣлю прошлогодней тишины». Въ томъ же маѣ, мы находимъ, опять въ письмѣ къ Одынцу, цѣлую тираду, показывающую, какъ Мицкевичъ, отдаваясь творческой работѣ такого художественно-реальнаго характера, уходилъ все глубже въ мистицизмъ. Вотъ отрывокъ изъ этого письма: «Очень мнѣ понравилась та мысль Сенъ-Мартена — извѣстнаго мистика, — что послѣ таинственнаго

упадка духа, Богъ покрылъ его матеріей, какъ покрываютъ... пластыремъ обожженное тѣло, затѣмъ, чтобы вытащить изъ него огонь, и что до тѣхъ поръ не закроются раны, пока душа человѣческаго рода не исцѣлится». Нѣсколько позднѣе, въ томъ же 1833 г., Мицкевичъ сообщаетъ Одынцу: «Читаю мало, больше все сочиненія Сенъ-Мартина», и далѣе: «На сколько могу урвать времени, стихотворствую. Много разныхъ замысловъ; но откладываю ихъ, пока не кончу «Тадеуша». Въ ближайшемъ къ тому письмѣ мы читаемъ: «Работаю довольно много; кроме разныхъ постороннихъ случайныхъ писаній, кроплю мою поэму и кончила четвертую ея пѣсню. Живу тогда въ Литвѣ (это мѣсто уже приведено мною въ сокращеніи выше) въ лѣсахъ, корчмахъ, со шляхтой, жидами и т. д. Рѣдко, когда выхожу въ гости; постоянно гуляемъ и болтаемъ съ Витвицкимъ, моямъ близкимъ сосѣдомъ, иногда съ Залѣскскимъ. Если-бы не поэма, убѣжалъ бы изъ Парижа. Читаю мало; юмъ теперь дома, въ полдень, по деревенски, и едва имѣю когда надобность заглянуть въ городъ». И позднѣе, въ письмахъ, все къ тому же Одынцу въ Дрезденъ, мы находимъ краткія указанія, какъ писался «Тадеушъ». Вдругъ работа была совсѣмъ прервана. Гарчинскій опасно заболѣлъ и долженъ былъ поѣхать въ Швейцарію. Мицкевичъ полетѣлъ къ нему, сдѣлался его сидѣлкой вмѣстѣ съ извѣстной патріоткой Клавдіей Потоцкой, перевозилъ его изъ города въ городъ, подвигаясь къ югу Франціи. Такъ съ разными непрѣятностями, доходившими почти до трагизма, добрались они до Авиньона, гдѣ Гарчинскій и умеръ. Мицкевичъ, потерявший столько времени, настрадавшійся, и еще больше въ денежныхъ тискахъ вернулся въ Парижъ, въ свою укромную квартиру и сталъ опять работать надъ «Тадеушемъ» къ ноябрю 1833 года. Онъ самъ въ письмѣ къ Одынцу говорить, что поѣздка его прервала работу: «На бѣду свою не знаю, пишеть онъ, буду-ли въ состояніи складывать стихи дальше. Во всякомъ случаѣ, у меня есть уже три четверти поэмы, самой длинной, какую я когда-либо написалъ». Отъ 13 ноября онъ пишетъ: «Пятую пѣснь «Тадеуша» окончилъ; остается еще три». (Тогда онъ предполагалъ, что ихъ будетъ всего восемь, а окончательно вышло двѣнадцать пѣсень или книгъ, какъ они называются въ настоящее время во всѣхъ хорошихъ изданіяхъ). «Отрывки тебѣ трудно прислать, по нимъ ничего не поймешь, все равно, какъ бы по нѣсколькимъ листамъ, вырваннымъ изъ Вальтеръ-Скотта (извини за нескромное сравненіе), а цѣлое довольно-таки обширно; подожди, когда выйдетъ въ свѣтъ». И позднѣе, въ началѣ 1834 г., мы читаемъ слѣдующее мѣсто, весьма характерное для его тогдашняго душевнаго настроенія, въ связи съ работой надъ «Паномъ Тадеушемъ»: «Теперь ты начинаешь жить серьезно. Все-таки, ты счастливѣе другихъ, такъ какъ въ твоемъ положеніи мужа и въ твоихъ религіозныхъ чувствахъ найдешь оборону и отраду. Не бывъ никогда очень дурнымъ, легче сдѣлаться весьма добрымъ. И вѣрь

мнѣ, что это есть основа счастія, и кромѣ нашихъ собственныхъ винъ, нѣть никакого другого истиннаго несчастія. Не оглядываться ни на кого, только на себя, мало хлопотать о свѣтѣ и людяхъ — вотъ единственная наука, которую легко повторять, но ея важность даетъ себѣ чувствовать поздно, въ полномъ ея значеніи. Я здѣсь живу совершенно одинокимъ, съ людьми мнѣ все труднѣе, и чѣмъ меньше ихъ вижу, тѣмъ мнѣ лучше. Убѣждаюсь я въ томъ, что слишкомъ много жилъ и работалъ для свѣта, для пустыхъ похвалъ и мелкихъ цѣлей, теперь же сдается мнѣ, что никогда уже больше не возьмусь за перо для вздору. Только то дѣло достойно чего - нибудь, которое можетъ человѣка исправить и научить мудрости. Можетъ быть и «Тадеуша» забросилъ бы, если бы не былъ такъ близко къ концу, а я именно вчера и кончилъ его. Огромныхъ двѣ надцать пѣсенъ. Много посредственнаго, много и хорошаго. Будешь самъ читать. Множество предстоитъ работы съ переписываніемъ. Что тамъ самое лучшее, это картины, списанныя съ природы нашего края и. нашихъ домашнихъ обычаевъ».

Вотъ тѣ знаменитыя подлинныя слова поэта, гдѣ заключается его собственный приговоръ надъ «Паномъ Тадеушемъ». Ихъ обыкновенно приводятъ всѣ критики и бiографы, и русскій переводчикъ Бергъ, приведя ихъ въ своемъ предисловіи, находитъ, что такая оценка «напболѣе вѣрная, честная и рѣшительная». На это я позволю себѣ сказать, что, если эта оценка честна и рѣшительна, то вѣрной считать ее нельзя. Она слишкомъ скромна и недостаточна. Если-бы въ «Панѣ Тадеушѣ» и нашлось не мало мѣсть, менѣе отдельныхъ, или прозапчныхъ, или написанныхъ въ тонѣ, не отвѣчающимъ высотѣ творческаго полета множества другихъ мѣсть—то, все-таки же, слишкомъ было бы строго и прямо несправедливо сказать, что въ этомъ высоко-даровитомъ произведеніи «есть и посредственное, есть и хорошее». Будь оно такъ, то тотъ же русскій переводчикъ, рассказывающій читателю, какъ и когда имъ былъ сдѣланъ переводъ «Тадеуша», не былъ бы до такой степени проникнуть любовью къ этой поэмѣ, искреннимъ чувствомъ ея красотъ, задушевнымъ желаніемъ передать эти красоты какъ можно вѣрнѣе и образнѣе.

Мы видимъ, стало быть, что «Панъ Тадеушъ», писался въ теченіе съ небольшимъ года, съ конца 32 до начала 34. И въ этотъ періодъ парижская жизнь Мицкевича была обставлена совсѣмъ не такъ, какъ бы желательно было въ интересахъ творческой работы. Кружокъ эмигрантовъ тревожилъ и волновалъ его. Онъ искалъ, куда бы ему удалиться для своего вдохновленнаго труда. Сначала онъ напросился на житѣе къ одному земляку, Домейко, жившему около Люксамбургскаго сада, въ домикѣ съ окнами на всѣ четыре стороны; но тамъ было уже слишкомъ тѣсно. Другой приятель, Стефанъ Зань, нашелъ ему болѣе удобную квартиру на улицѣ св. Николая Антенскаго, съ двумя, тремя просторными

комнатами. Тамъ Мицкевичъ и предался своему «Тадеушу». Однако и въ этой квартирѣ онъ не ушелъ отъ постоянной компаніи своихъ земляковъ. Рассказываютъ, что онъ ухитрялся проводить цѣлые дни въ одной изъ комнатъ, въ уголкѣ, въ то время, какъ его земляки приходили, уходили, спорили, кричали. Политическая бесѣды смѣнялись, однако, рассказами о родинѣ, о литовскихъ урочищахъ, о похожденіяхъ дѣтства и юности въ тѣхъ мѣстахъ, которыхъ особенно были дороги Мицкевичу: Новогрудокъ, Вильно, Гродно. Онъ безпрестанно просилъ ихъ рассказывать ему какъ можно больше о стародавней шляхетской жизни. Въ этомъ есть, опять-таки, черта весьма сходная съ Гоголемъ, который такъ долго упрашивалъ своихъ родныхъ и знакомыхъ присыпать ему заграницу все, что они вспомнятъ про Малороссию, а потомъ и все вообще, характерное о Россіи. Но Мицкевичъ былъ поставленъ въ гораздо болѣе выгодныя условія. Товарищи эмигранты приносили съ собою въ разговорахъ и воспоминаніяхъ воздухъ родины и—на этотъ разъ—дѣятельно помогали творчеству поэта.

Извѣстенъ разсказъ о томъ, какъ въ половинѣ февраля 1834 г. пріятели собрались, по обыкновенію, въ квартиру Мицкевича и цѣлой кучей сидѣли въ гостиной — и вдругъ отворяется дверь, выходитъ поэтъ съ возбужденнымъ лицомъ и объявляется: «Хвала Богу, сейчасъ подпись я подъ «Паномъ Тадеушемъ» великій *«finis!»*

Всѣ крикнули «хвала Богу», «виватъ» и принялись цѣловать и поздравлять поэта. Потомъ, на другой-же день, была отслужена обѣдня и всѣмъ кружкомъ они отобѣдали въ Пале-Роялѣ. Началось чтеніе поэмы. И тутъ товарищи эмигранты, отвѣчая на приглашеніе самого поэта, помогали ему своими указаніями, сообщали характерныя литовскія фамиліи. Иное даже порицали, въ особенности то, что носить слишкомъ сатирическій характеръ, напр. въ изображеніи той кокетки, съ которой мы познакомимся, когда дойдемъ до содержанія «Пана Тадеуша». То, что окончаніе поэмы было означенено заказомъ благодарственной церковной службы, совершенно отвѣчаетъ мистическому настроенію, какимъ вообще былъ окрашенъ кружокъ его ближайшихъ пріятелей. Извѣстно, что у Мицкевича, обѣ эту именно пору, собирались для пѣнія молитвъ, и онъ не переставалъ повторять друзьямъ, что спасеніе не въ революціонныхъ комитетахъ, а въ пересозданіи самихъ себя, въ томъ, чтобы: «пробудить въ разстроенныхъ, больныхъ сердцахъ уснувшую вѣру, надежду и любовь». Это подлинныя слова изъ письма къ его другу, Богдану Залѣскому.

И самый Парижъ, куда польские бѣглецы стекались съ такими горячими и фантастическими надеждами, вовсе не привлекалъ Мицкевича; напротивъ, и французская политическая жизнь непріятно тревожила его, хотя онъ и стоялъ отъ нея въ сторонѣ. Онъ чувствовалъ, что тогдашняя оппозиціонная партія, на словахъ сочувствуя польскимъ стремленіямъ, въ

сущности, добивалась своихъ, домашнихъ цѣлей. Что таково именно было настроение Мицкевича, доказываютъ слова вступленія къ «Пану Тадеушу», которое русскій переводчикъ приводитъ далеко не цѣликомъ, по-такъ называемымъ «независящимъ» обстоятельствамъ.

Вотъ они:

„О чемъ тутъ будешь пѣть, средь вѣчной суеты
Парижскихъ мостовыхъ, лжи, грязи и проклятій,
Непостижимыхъ слезъ и воплей меньшихъ братій?
О, горе, горе намъ, что изъ родной земли
Мы головы свои въ чужбину занесли,
На вѣкъ покинувши родимые пороги!
Что въ чужбѣ мы нашли? Такія-же тревоги,
И здѣсь намъ не везеть, и здѣсь вѣдь, что ни шагъ,
Какъ и на родинѣ, шпіонъ, измѣнникъ, врагъ,
И здѣсь мы всякому своей бѣдою чужды,
И здѣсь до нашихъ слезъ Европѣ мало нужды“.

«Панъ Тадеушъ» былъ проданъ Мицкевичемъ книгопродавцу Еловицкому за четыре тысячи франковъ. Какая скромная сумма, если сравнить ее съ тѣмъ, что его собратъ и сверстникъ, авторъ «Евгенія Онѣгина», получалъ въ разцвѣтъ своей славы! Съ апрѣля по конецъ юля, того-же года, «Панъ Тадеушъ» былъ изданъ въ Парижѣ подъ просмотромъ самого автора. Вся европейская литература и славянско-литературный міръ обогатились произведеніемъ, про которое можно сказать, что оно назрѣло и вылилось у Мицкевича «не благодаря», а скорѣе «вопреки» множеству препятствій и духовнаго и материальнаго свойства, и въ такой, сравнительно, короткій срокъ. Припомнимъ, что «Евгений Онѣгинъ» писался почти цѣлое десятилѣтіе и, что онъ, по размѣру своему, не составляетъ и половины «Пана Тадеуша». Сторонники преувеличенного культа формы, восхищающіеся тѣмъ напр., какъ Флоберъ проводилъ цѣлые дни надъ выдавливаніемъ изъ себя трехъ, четырехъ эпитетовъ, будутъ пожалуй скандализованы фактами такой быстрой и, вмѣстѣ съ тѣмъ, несомнѣнно, творческой работы, въ которой и форма, во множествѣ мѣстъ, плѣняетъ своей яркостью, силой, граціей и задушевной простотой.

О творчествѣ Мицкевича нельзя начать рѣчи безъ того, чтобы не сказать, хоть иѣсколько словъ, объ общихъ идеино-литературныхъ вліяніяхъ, которымъ подпали самые крупные таланты первой четверти вѣка; двумя изъ нихъ, Мицкевичемъ и Пушкинымъ, мы и занимаемся въ эту минуту.

Избавлю васъ отъ общихъ соображеній, обязательныхъ въ каждой исторіи литературы, даже во всякомъ порядочномъ учебникѣ. Вопросъ объ извѣстныхъ, такъ сказать, установленныхъ вліяніяхъ, я не имѣю намѣренія ни заново задѣвать, ни обрабатывать съ другихъ, болѣе науч-

ныхъ точекъ зрења. Критики, занимавшіеся Мицкевичемъ и специально «Паномъ Тадеушемъ», каковы напр. упомянутый мною Петръ Хмѣлевскій, графъ Станиславъ Тарновскій, Семенскій, Цибульскій, и, затѣмъ, гг. Гуго Затей, Нерингъ, Александръ Пехиникъ, (взявший предметомъ своего этюда параллель между «Паномъ Тадеушемъ» и «Германомъ и Доротеей») наконецъ, два новѣйшихъ изслѣдователя поэмы Мицкевича, авторы книгъ, где исчерпываются вопросы эстетические и психологические — докторъ Бигельайзенъ и г. Гостомскій, выпустившій свою книгу въ концѣ текущаго года — всѣ эти критики достаточно выяснили связь творческой дѣятельности, идеи и литературнаго направленія Мицкевича съ главнымъ русломъ романтизма и, въ отлѣльности, съ такими поэтами, какъ Шиллеръ и Байронъ, отчасти, Гёте. Мы имѣемъ въ нашей критической литературѣ трудъ соотечественника, одинаково принадлежащаго польскому и русскому обществу, В. Д. Спасовича, где Мицкевичу авторъ удѣлилъ одинъ изъ значительныхъ отдѣловъ. Въ немъ найдется даровитый и безпристрастный анализъ того, какъ сложилась творческая душа Мицкевича: тамъ показана связь и съ западными поэтами и съ тѣмъ, что было родственаго ему въ нашей позиціонной литературѣ. Скажу мимоходомъ, что указанія на отдѣльныя оцѣнки В. Д. Спасовича я буду дѣлать въ цитатахъ, переведенныхъ съ польского изъ его книги, вышедшей въ Варшавѣ, въ 1885 г. и заключающей въ себѣ почти половину русскаго труда гг. Спасовича и Пыпина по истории славянскихъ литературъ. Эта половина была переведена и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ комментирована г. Бемъ¹⁾). У г. Спасовича нашлись, между прочимъ, подробности, чрезвычайно цѣнныя для нась и касающіяся задушевной пріязни, какая существовала, въ концѣ 20-хъ годовъ, между Мицкевичемъ и Пушкинскимъ кружкомъ. Припомнимъ, что «Сонеты» Мицкевича и «Конрадъ Валленродъ», изданный первоначально въ Петербургѣ, распространялись въ переводахъ одновременно съ оригиналами. Въ Пушкинскомъ кружкѣ, находившемся подъ вліяніемъ байронизма, Мицкевича считали также крайнимъ байронистомъ, и, въ знаменитомъ обращеніи русскаго поэта Евгенія Боратынскаго, мы читаемъ такие стихи, приводимые г. Спасовичемъ изъ «Русскаго Архива» 1877-го года

„Когда тебя, Мицкевичъ вдохновенный,
Я застаю у Байроновыхъ ногъ,
Я думаю: поклонникъ униженный
Возстань, возстань и вспомни: самъ ты Богъ“.

Это четверостишие, вылившееся съ такой искренностью изъ устъ даровитаго и много думавшаго русскаго поэта, даетъ, кажется мнѣ, вѣрную ноту того, какъ и намъ слѣдуетъ относиться къ байронизму Мицкевича, точно также, какъ и къ байронизму Пушкина.

¹⁾ W. Spasowicz. Dzieje Literatury Polskiej. Wydanie drugie przejrzał i poprawił A. G. Bem. Warszawa. 1886.

Въ душѣ Мицкевича, какъ человѣка, способнаго на высшее творчество, съ сильной склонностью къ спиритуализму, къ большой экзальтациѣ, даже къ густо мистическому настроенію религіознаго чувства, бокъ о бокъ со всѣмъ этимъ крылось и назрѣвало нѣчто другое, какъ-бы прямо противоположное, необычайно-яркое чувство жизни, призваніе—схватывать черты народнаго быта съ настоящимъ эпическимъ чувствомъ и согрѣвать ихъ здоровой любовью къ той дѣятельности, которая была всего ближе къ нему. Да будетъ сказано, не въ обиду поклонникамъ британскаго пѣвца, что въ его двухъ поэмахъ, всего болѣе подходящихъ къ рубрикѣ «стихотворныхъ» повѣстей и романовъ—въ «Чайльдъ Гарольдѣ» и «Донъ-Жуанѣ», вы врядъ-ли найдете такіе-же точно вклады въ эпическо-реальное творчество девятнадцатаго вѣка, какіе будутъ вамъ попадаться въ каждой книгѣ «Пана Тадеуша». Внѣ самой личности Байрона, лучшія его произведенія имѣютъ, рядомъ съ обаятельнымъ стихомъ и порывами фантазіи, весьма спорная объективно-творческія достоинства; между тѣмъ, какъ въ «Панѣ Тадеушѣ» вторженіе личности творца, хотя и существуетъ, но не играетъ первенствующей роли. Правда, въ той-же книгѣ г. Спасовича приведено основаніе: почему въ послѣдніе годы стало возможнымъ указывать на то, что Мицкевичъ въ исторію романтическаго героя своей повѣсти, Яцка Соплицы, вложилъ нѣкоторую долю собственной души, такъ что исповѣдь, сдѣланная, передъ смертью, этимъ богатыремъ поэмы, своему брату-судьѣ, заключаетъ въ себѣ мотивы, похожіе на исторію первой страстной любви Мицкевича. И при жизни его, и долго послѣ смерти, подробности эти держались втайнѣ до тѣхъ поръ, пока, въ началѣ 80-хъ годовъ, не появились въ печати письма Одыща и опубликованныя г-жей Духиньской признанія Генрики-Евы Анквичъ-Скарбекъ. Изъ этихъ признаній выходило, что Яцекъ—самъ Мицкевичъ; Ева—дочь стольника, предметъ бурной любви Соплицы—Генрика Анквичъ; а самъ стольникъ—графъ Анквичъ, который (такъ же, какъ и въ повѣсти, стольникъ) безцеремонно подразнивалъ молодого шляхтича, т. е. Мицкевича, догадываясь о его любви къ дочери, разсказами о женихахъ, просившихъ ея руки.

Не будемъ возвращаться въ большихъ подробностяхъ и къ вліянію поэмы Гёте «Германъ и Доротея» на творчество пана Тадеуша. Ни прямого вліянія, ни настоящаго сходства въ двухъ этихъ произведеніяхъ нельзя отыскать, да и не слѣдуетъ трудиться надъ такой задачей. Если взять, въ отдѣльности, стиль поэмы Гёте, то, при всемъ его эпическомъ складѣ и правдивомъ колорите, онъ все-таки носить на себѣ признаки умышленнаго подлаживанія къ старо-эллинскимъ формамъ. Послѣдній критикъ поэмы Мицкевича, г. Гостомскій, вѣрно замѣчаетъ, что въ эпическомъ произведеніи Гёте, не только въ общемъ колорите, но и въ тонѣ рѣчей отдѣльныхъ лицъ, слишкомъ чувствуется греческій пошибъ: онъ указываетъ на то, напр., что нѣмецкая простая дѣвушка выражается почти

совершенно такъ, какъ бы выражалась древняя эллинка. Справедливо и такое замѣчаніе критика, что если Гёте въ сравнительно простомъ сюжетѣ, какъ «Германъ и Доротея», долженъ былъ, все-таки же, при всѣхъ своихъ реальныхъ стремленіяхъ, погрѣшить противъ настоящей правды, во имя эллинского духа, то Мицкевичъ и подавно, пожелай онъ держаться античнаго тона, долженъ-бы былъ уродовать содержимое своей шляхетской повѣсти, вмѣстѣ съ ея формой. «Благодаря тому, замѣчаетъ г. Гостомскій, что Мицкевичъ не подпалъ крайностямъ классическаго вкуса, онъ написалъ образцовое произведеніе, полное глубокой жизненной правды и, вмѣстѣ съ тѣмъ, говорящее намъ роднымъ тономъ своеобразнаго стиля».

Съ гораздо болѣшимъ основаніемъ можно найти въ нѣкоторыхъ эпическихъ пріемахъ «Пана Тадеуша» слѣды любовнаго чтенія «Іліады»: но, опять-таки, не въ содержаніи, не въ задушевности тона и описательной манерѣ, а въ нѣкоторыхъ условныхъ формахъ разсказа; главнымъ образомъ, въ повтореніи разъ установленныхъ формулъ, касающихся главныхъ дѣйствующихъ лицъ, въ особенности почетнаго лица на помѣщичьемъ сѣздѣ, въ домѣ суды, подкоморія — почетная должность въ уѣздѣ. Такъ напримѣръ, каждый разъ, когда этотъ подкоморій садится на свое почетное мѣсто, за столомъ, или уходитъ изъ столовой, онъ, по стародавнему обычаю, кланяется всему обществу, начиная со старшихъ и кончая молодежью.

Ни байронизмъ, ни частое чтеніе «Іліады», ни знакомство съ сельской поэмой Гёте не даютъ ключа къ уразумѣнію и оцѣнкѣ «Пана Тадеуша». Это трудъ — въ высокой степени своеобразный, органическій, охватившій творческую душу поэта въ силу самыхъ глубокихъ ея симпатій и стремлений. Ему привольно было вернуться душою въ свою Литву; а полная свобода, въ смыслѣ вѣнчанихъ условій — обработать свой замыселъ на патріотической почвѣ, подсказала ему, какъ-бы роковымъ образомъ, и содержаніе, и главныя фигуры, и тонъ, и моментъ. «Панъ Тадеушъ», безъ сомнѣнія, и патріотическая поэма, написанная человѣкомъ, который въ то время, какъ мы видѣли, стоялъ уже одной ногой и за тѣмъ порогомъ, гдѣ восторженный вѣрованія и упованія окрашены въ колоритъ мистицизма. Эпилогъ простой шляхетской исторіи, гдѣ нѣть никакихъ еще политическихъ событий, служить двѣнадцатый годъ, встрѣча и проводы наполеоновской арміи, (воскрепленіе надеждъ и мечтаний, таиншихъ съ конца прошлаго вѣка). Но этотъ эпилогъ (окрашенный болѣе тревожно въ цветъ полумистического патріотизма) не отнялъ у повѣсти ея эпического склада, не помѣшилъ поэту, съ каждой новой пѣснью, все правдивѣе, ярче, достолюбезнѣе проникать въ тайники стародавней родной жизни, не помѣшилъ ему и быть, почти вездѣ, эпически безпристрастными. Старопольскій бытъ, нравы и характеры, слабости темперамента и унаслѣдованные недостатки расы и культуры — все это изображено съ не-

обычайнымъ, по тому времени, художническимъ объективизмомъ. Мицкевичъ, одаренный отъ природы яркой фантазіей, хотѣль, прежде всего, быть правдивымъ, пользовался всѣмъ, чѣмъ могъ, изъ личныхъ воспоминаній и разсказовъ своихъ земляковъ, окружавшихъ его въ Парижѣ. Не пренебрегалъ онъ и тѣмъ, что литературныя произведенія его сверстниковъ, на тему стародавней польской жизни, могли доставить ему мотивовъ и подробностей. Такъ напр., пріятельское знакомство съ беллетристомъ его времени, графомъ Генрихомъ Ржевускимъ, отразилось, и весьма, на творчествѣ Мицкевича, когда онъ ушелъ въ работу надъ «Паномъ Тадеушемъ». Съ графомъ Ржевускимъ Мицкевичъ провелъ цѣлую зиму 1830 г., въ Римѣ, передъ тѣмъ, какъ переселиться въ Парижъ; тотъ былъ извѣстенъ своими устными разсказами изъ польской жизни, (которыми Мицкевичъ, въ извѣстной степени, и воспользовался), и, въ послѣдствіи, уступая настоянію Мицкевича, стать самъ писать свою, съ тѣхъ порь знаменитую, книгу «Воспоминанія Северина Соплицы», выпущенную въ свѣтъ въ 1839 г. Въ ней, кромѣ имени «Соплица» (выбраннаго и Мицкевичемъ для своего романтическаго героя), встречаются лица, попадающіяся и въ «Пана Тадеуша», какъ напр. Рейтанъ, Волотковичъ и другія фигуры. Связь устныхъ разсказовъ графа Ржевускаго съ содержаніемъ Пана Тадеуша признаетъ вполнѣ и г. Спасовичъ. Мицкевичъ взялъ изъ такихъ разсказовъ и главное происшествіе, служащее центромъ «Пана Тадеуша» т. е. тотъ «заѣздъ», въ которомъ, какъ въ кульминаціонномъ пункѣ, выразился весь натискъ сосѣдской вражды двухъ фамилій. «Заѣздами» назывались въ Польшѣ и на Литвѣ саморукавныя экзекуціи, посредствомъ которыхъ отнимали у противной стороны имѣніе, и водворялись въ немъ; для чего обыкновенно набирали побольше мелкой шляхты, произродившей настоящій вооруженный набѣгъ. Поэтому-то подзаглавіе поэмы и гласить: «Или послѣдній заѣздъ на Литвѣ». У г. Спасовича мы читаемъ: «Въ годы молодости Мицкевича такие заѣзы принадлежали уже исторіи. Всего болѣе матеріала доставили поэту прямыя личныя воспоминанія. Все произведеніе сложилось изъ знакомыхъ ему образовъ и есть какъ-бы галлерея оригиналныхъ портретовъ, каковы: Ассессоръ и Рейентъ, Гервазій и Протазій, уланы и усатая шляхта, чудакъ графъ (представитель рода графовъ Горешекъ), выдающій себя романтическими повадками, и цимбалистъ Янкель. Испорченная и о francauzенная столичная кокетка, Телимана, навѣрно — одна изъ одесскихъ или петербургскихъ красавицъ большого свѣта; въ Зосѣ есть нѣсколько чертъ Марии (лицо геройни изъ другого произведенія Мицкевича); хотя въ общемъ она написана слабѣе, въ условномъ тонѣ сельской простоты и наивности. Вообще, замѣчу, что изображеніе женскихъ характеровъ и типовъ не удавалось такъ, какъ бы слѣдовало, ни Мицкевичу, ни другимъ его великимъ сверстникамъ. Въ поэзіи, польская

женщина, до того времени еще не заняла мѣста, отвѣчающаго ея заслугамъ на почвѣ практической жизни. Никто еще изъ этихъ поэтовъ не создалъ, въ своихъ произведеніяхъ, сплошной самостоятельной женщины, женщины-помѣщицы. Гораздо лучше мужские характеры; однако, всего менѣе типичнѣй, въ этомъ рядѣ мужскихъ образовъ,—образъ самого Тадеуша — доброго, простодушнаго малаго, не отличающагося особенной умственной быстротой».

Переводчикъ на польскій языкъ книги г. Спасовича, г. Бемъ, не совсѣмъ согласенъ съ такимъ опредѣленіемъ малой типичности Тадеуша, и я нахожу, что онъ, въ извѣстной степени, правъ. Если принимать терминъ «типичность» за выраженіе не индивидуальныхъ, а общихъ чертъ душевнаго склада, расы, быта, или общественного наслоненія, то въ этомъ смыслѣ, номинальный герой поэмы Мицкевича, при всемъ томъ, что онъ, самъ по себѣ, не очень цвѣтистъ умомъ, талантами или другими качествами, представляетъ собою именно типическія черты средняго помѣщичьяго сына той эпохи, съ характерными признаками своего быта и своихъ шляхетскихъ традицій. Вотъ какъ Мицкевичъ говорить о немъ:

„Онъ былъ собой пригожъ и крѣпокъ и здоровъ,
Имѣлъ въ роднѣ, въ Соплицѣ, военные ухватки,
Еще дитѣй игралъ съ ребятами въ лошадки,
А въ школѣ по ружью и саблѣ тосковалъ
И надѣ грамматикой отчаянно зѣвалъ.
Науки не дались ему: онъ зналъ за-ранѣ,
Что быть ему въ бояхъ, служить въ военномъ станѣ,
Учись, иль не учись — одинъ тебѣ конецъ.
Что такъ ужъ завѣщалъ покойный пант-отецъ.

Бытовой почвой служить повѣсти: вражда двухъ фамилій, Горешекъ и Соплицъ. И эти два, враждующія между собой семейства, подъ конецъ, примиряются въ лицѣ Тадеуша и невѣсты его, Зоси. Но героемъ, въ романтическомъ смыслѣ, выходитъ совсѣмъ не Тадеушъ, при всемъ томъ, что онъ играетъ роль первого любовника, а его отецъ, когда-то буйный и грѣшный, кутила и озорникъ, Яцекъ Соплица, являющійся, послѣ долгихъ лѣтъ скитаній, кающимся грѣшникомъ, въ видѣ монахаксендза, Рѣбака. Его буйно-романическое прошлое узнаемъ мы изъ предсмертной исповѣди, когда онъ открывается своему брату, судѣ. Смерть его вызвана раной, полученной имъ въ схваткѣ между шляхтой, производившей наѣздъ, съ (русской) военной командой. Яцекъ Соплица былъ когда-то вхожъ въ вельможный домъ стольника Горешки и возмечталъ сдѣлаться его зятемъ. Стольникъ его все поддразнивалъ и осрамилъ, когда тотъ дерзнулъ проситься ему въ зятья. Яцекъ убилъ его предательскимъ выстрѣломъ въ ту минуту, когда стольникъ, запершись въ своемъ замкѣ, запицдался отъ нападенія русского войска. Этотъ поступокъ легъ неизгладимымъ пятномъ на его честь. Онъ, и въ собственныхъ глазахъ, сталъ

измѣянникомъ или, какъ тогда выражались, «тартовицаниномъ», т. е. сторонникомъ непріятельской власти. Яцкъ скрылся и, долгими годами раскаянія и монашеско-патріотической жизни, искуплялъ вину въ собственныхъ своихъ глазахъ. Онъ возрастилъ внуchkу стольника, надѣясь впослѣдствіи выдать ее за своего сына, что и случилось; онъ служилъ вѣрой и правдой своему отечеству, какъ тайный политический агентъ. Скрываясь подъ рясой монаха-ксенда, Робакъ появляется съ самаго начала повѣсти и такъ искусно играетъ свою роль, прикрываясь гдѣ нужно монашескимъ капюшономъ, что никто его не узнаетъ вплоть до смерти, даже братъ его, судья. Это можетъ показаться натяжкой, и вообще фигура Яцка, при всей своей характерности, его прошлое и тонъ его исповѣди составляютъ единственній вкладъ болѣе условнаго и восторженнаго романтизма, какой мы находимъ въ «Панѣ Тадеушѣ».

Самая исторія наѣзда, составляющая центръ повѣсти, выдвигаетъ фигуру старого ключника Гервазія, который по пріѣздѣ молодого барина, графа Горешки (типическаго представителя тогдашняго смѣшноватаго байронизма), натравливаетъ мелкую шляхту противъ семейства Соплицъ и устраиваетъ «заѣздъ» на главу рода Соплицъ, судью, т. е. брата ксенда Робака и дяди Тадеуша. Ксендзъ Робакъ спасаетъ шляхту, усмиренную русскимъ отрядомъ; сторонники Соплицъ братаются съ приверженцами рода Горешекъ, кидаются вмѣстѣ на солдатъ и, послѣ жаркаго боя, справившись съ отрядомъ, переваливаются за Нѣманъ подъ наполеоновскія знамена. Робакъ, смертельно раненый, произноситъ свою предсмертную исповѣдь брату, чѣмъ и кончается собственно повѣсть; а появление наполеоновскихъ войскъ, приемъ польскихъ генераловъ, прощеніе Тадеуша и Зоси, уже помолвленныхъ, составляютъ эпилогъ, неимѣющій формальной связи съ сутью повѣсти.

Эта суть — не въ исторіи Яцка Соплицы, а въ изображеніи жизни тогдашней мелкой шляхты и крупнаго помѣстнаго дворянства, въ эпическихъ красотахъ, въ творческомъ умѣніи дать намъ почувствовать связь людей съ природой, въ яркомъ воспроизведеніи характерныхъ фигуръ, сложившихся среди этой жизни. Соѣдская распря и «заѣздъ» — только поводъ и фонъ, на которомъ творческое дарованіе поэта набрасало столько живыхъ образовъ. Передъ тѣмъ, какъ произошло броженіе мелкой шляхты, взбудораженной противъ дома судьи, поэтъ вводить насъ въ ежедневную и праздничную жизнь помѣщика, занимающего почетное мѣсто, заставляетъ присутствовать на обѣдахъ и ужинахъ, на прогулкахъ и забавахъ; а главное на охотѣ — этой стародавней поэзіи шляхетскаго быта, ведеть насъ въ Литовскую пущу и тамъ, предаваясь полету своего творческаго воображенія, заставляетъ дѣйствовать и обитателей лѣсовъ, звѣрей, какъ будто они были родные по крови и духу, съ тѣми людьми, кто охотится за ними. Онъ ведеть насъ и въ старый замокъ Горешекъ и представ-

лять намъ яркій контрастъ между тѣмъ, чѣмъ были, когда-то, эти Горешки, вродѣ стольника, убитаго Яцкомъ Соплицѣй, и ихъ новѣйшимъ представителемъ — чудоковатымъ байронистомъ, который привезъ изъ-за границы замашки хандрящаго дилетанта, такъ мало имѣющаго общаго съ своими богатырскими предками.

Въ этой голлереѣ живыхъ лицъ нѣтъ ни одного неудачнаго образа: судья, дядя и воспитатель Тадеуша, подкоморій, ключникъ Гервазій, его противникъ возный Протазій («вознымъ» назывался, по старинному, вѣстовой, состоящей при судѣ, возвѣститель судебныхъ вызововъ и приговоровъ), два холостяка — пріятели, вѣчно спорящіе о совершенствахъ своихъ двухъ борзыхъ псовъ, ассесоръ и реіентъ, т. е. нотаріусъ (терминъ, который лучшій переводчикъ «Пана Тадеуша», Бергъ, по непонятной оплошности, вездѣ передаетъ словомъ «становой»), старый, средней руки помѣщикъ, носящий званіе войскаго: такъ называлась должностъ дворянинна, на попеченіи котораго находились вдовы и семейства убитыхъ на войнѣ. Эта — типичнѣйшая фигура (съ которой связано одно изъ самыхъ блистательныхъ мѣсть въ «Панѣ Тадеушѣ» — когда войскій, выбранный распорядителемъ охоты, трубить въ рогъ), по моему мнѣнію, не достаточно выдѣгается на первый планъ даже лучшими критиками поэмы Мицкевича; а, между тѣмъ, въ этомъ старошляхетскомъ типѣ мы видимъ настоящія эпическія черты, которыя, мѣстами, пріобрѣтаютъ значеніе высоко-творческаго символизма, необычайно ярко дающаго чувствовать душевный подъемъ и поэтический колоритъ беззавѣтныхъ любителей охоты, которая для нихъ пріобрѣтала всепоглощающую прелестъ...

И Зося, эта милая простая дѣвочка-шляхтянка, воспитанная въ деревенскомъ захолустыи, хотя и не претендуетъ на роль геронни, но полна простодушной прелести и женственного обаянія. Она вездѣ очерчена реальными штрихами, и вноситъ съ собою всюду что-то необыкновенно родственное и намъ, русскимъ, напоминающее такие-же милые образы нашей художественной беллетристики. Ея контрастъ, нѣсколько перезѣлая кокетка Телимана, обработана авторомъ въ сатирическомъ тонѣ, кой-гдѣ и подчеркнутомъ, но и въ этомъ отрицательномъ изображеніи мы находимъ множество живыхъ и нисколько не сочиненныхъ подробностей въ основномъ тонѣ очень милаго, хستя немногого и злобнаго юмора. Для Мицкевича Телимана и хандряцій байронистъ, графъ — тѣ двѣ фигуры, въ которыхъ онъ какъ-бы отрекался самъ отъ всего наноснаго, отъ всякаго обезьянства западно-европейскимъ теченіямъ и модамъ. Для него (какъ для поэта и тогда еще считавшагося байронистомъ), юмористическое созданіе фигуры графа — весьма характерная черта. И если мы сопоставимъ этого графа съ нашимъ «Евгениемъ Онѣгиннымъ», то выйдетъ, что Мицкевичъ не могъ уже къ тому періоду своей жизни, когда писался «Панъ Тадеушъ», относиться къ представителямъ разочарован-

ности первой четверти нашего вѣка, какъ Пушкинъ къ своему Евгению. У Пушкина Онѣгинъ трактованъ, если не въ ярко-сочувственномъ тонѣ, то въ тонѣ серьезномъ, только кое-гдѣ съ налетомъ тонкой ироніи; между тѣмъ какъ графъ — комическое лицо и притомъ обработанное въ гораздо большихъ подробностяхъ; Мицкевичъ показываетъ намъ ярко и безпощадно, складъ его идей, замашекъ, его рисовку, его жаргонъ, все то напускное, что онъ вынесъ съ запада, но не отказываетъ ему въ бла-городствѣ натуры, въ разныхъ великолѣпныхъ помыслахъ, которые онъ усвоилъ себѣ также на западѣ, вмѣстѣ со всѣми курьезами своего чудачества.

И чисто любовная фабула «Пана Тадеуша» отличается совсѣмъ не такимъ тономъ, какъ романтическое содержаніе «Евгения Онѣгина». Зося любить по-просту, въ ней нѣтъ и подобія того душевнаго полета, который озарилъ личность нашей Татьяны въ тотъ моментъ, когда она познала роковую для себя страсть. Татьяна, гораздо больше — *общее-женщина* (если вы позволите мнѣ такъ назвать ее), чѣмъ невѣста Тадеуша. Изъ Татьяны, въ другихъ условіяхъ и съ другимъ настроеніемъ общества, могла-бы выйти героическая личность, способная не на одну только простую задушевную привязанность и вѣрность завѣтамъ отцовъ, а на энергическую борьбу, въ которой страсть къ мужчинѣ только охватила-бы болѣе яркимъ блескомъ душевную силу личности. Изъ Татьяны, деревенской барышни, воспитанной немногого на французской ладѣ, въ какихъ нибудь два-три года, сложилась обаятельная великосвѣтская женщина, но сохранившая въ глубинѣ своей души нравственный идеалъ, гораздо выше всего того, что ее окружало въ суетѣ и лжи петербургскаго свѣта.

Нѣтъ поэтому большой необходимости, разбирая сюжетъ «Пана Тадеуша», останавливаться и на эпизодахъ не столько любовнаго, сколько єротического свойства изъ судьбы кокетки Телимены. Тутъ самъ Мицкевичъ постоянно шутить, иногда добродушно, иногда съ нѣкоторой долей тонкой злобности. Онъ напускаетъ эту кокетку на своего Тадеуша, дѣлаетъ его, разумѣется, побѣдителемъ и во время устраиваетъ Телимену, заставивъ ее играть незавидную роль, даже и въ єротическихъ разводахъ съ чудакомъ графомъ и въ своихъ разсчетахъ засидѣвшейся вдовы на законный бракъ съ двумя объектами ея матримоніальныхъ разсчетовъ ассесоромъ и рейентомъ. Въ первоначальной рукописи Телименѣ еще сильнѣе досталось отъ автора. Извѣстно (и Бергъ приводить это въ своемъ предисловіи), что на излишества въ сатирическомъ изображеніи кокетки нападалъ всего рѣзче его пріятель Витвицкій. «Многія сцены обѣ ней (говорить Бергъ на основаніи подлинныхъ сообщеній) — были выброшены. Кое-что Мицкевичъ даже замазалъ пальцемъ, окунувъ его въ чернила. Уничтожена, между прочимъ, «Исторія съ ключикомъ», переданнымъ Тадеушу Телименой въ Храмѣ Мечты». (Это относилось къ концу III-ей

пѣсни). Пробѣль этотъ чувствуется, продолжаетъ Бергъ. Когда друзья просили поэта дать имъ списать выбрасываемое, чтобы эти стихи, между которыми были превосходные, не совсѣмъ погибли, — поэтъ на это никакъ не соглашался, говоря, что «вырванный изъ пшеницы куколь долженъ быть, въ самомъ дѣлѣ, вырванъ и заброшенъ».

Одной изъ самыхъ богатыхъ фіgуръ, чисто бытового характера, вышло лицо еврея-цимбалиста. Въ немъ рельефныя черты его расы сплетены съ мѣстными польскими элементами, на почвѣ восторженного патріотизма. И то мѣсто, гдѣ шинкарь играетъ на цимбалахъ, считается польской критикой такимъ-же перломъ творческаго изображенія, какъ и знаменитая страница, гдѣ войскій трубитъ въ рогъ.

Позвольте мнѣ прямо начать съ этого именно отрывка, чтобы показать вамъ, разумѣется въ предѣлахъ переложенія на другой, хотя и родственный языкъ: какъ Мицкевичъ умѣлъ влагать свой поэтическій талантъ въ рамки типичнѣйшаго бытового изображенія.

Вы уже слышали, что войскій, играющій въ домѣ суды роль полу-приспѣшника, все-таки попадаетъ въ главные распорядители охоты. И на охотѣ онъ совершенно преображается. Онъ становится героическимъ лицомъ, окруженный ореоломъ той поэзіи, какая соединена, для истиннаго сына той эпохи, съ охотой, да еще медвѣжьей, гдѣ могутъ случаться и трагическіе эпизоды. Возможностью такихъ исторій воспользовался и Мицкевичъ: медвѣдь чуть-было не заломалъ Тадеуша, котораго спасаетъ выстрѣль его тайного отца, ксендза Робака.

Въ четвертой пѣснѣ или книгѣ, (какъ правильнѣе называть главы «Пана Тадеуша») носящей заглавіе: «Дипломатія и Ловы»¹⁾ находится знаменитое мѣсто: «Войскій трубить въ рогъ».

Тутъ видимъ мы, въ началѣ книги, обращеніе къ роднымъ лѣсамъ, исполненное теплой любви ко всему, что лѣсь его родного края даль Мицкевичу дорогого и живительного.

Вотъ это мѣсто:

„Лѣса родимые! Случится-ли опять,
Хотя подъ старость лѣть, мнѣ взоромъ васъ обнять?
Придется-ль встрѣтиться съ родимой стороной,
Гдѣ свѣтъ увидѣлъ я, гдѣ ползалъ я детю
По мягкой муравѣ среди косматыхъ иней,
Гдѣ пѣль и гдѣ любилъ па утрѣ лучшихъ дней?

И далѣе:

Давно знакомые душѣ моей лѣса!
Я вижу васъ опять: угрюмая краса
И сумракъ чудный вашъ вновь живы предо мною:
Изъ края чуждаго я къ вамъ несусь мечтою,
Лѣса родимые, лѣса моей Литвы!

¹⁾ Смотри предисловіе перевода Берга, стр. XVIII.

Все также-ли, какъ въ старь, величественны вы,
Невозмутимые? Все также-ль горделиво
Растете въ облака, и смертному на диво,
Стонте крѣпкіе, съ небесною грозой
И съ бурями земли, выдерживая бой?
Все также-ль тишина подъ вашими вѣтвями?
Любимы-ль также вы пернатыми пѣвцами?
Поютъ-ли тамъ они, какъ въ прежніе года?
Иль безпощадная прокраля нужда
Въ обитѣль тихую торжественаго мира —
И тамъ звенитъ теперь тяжелая сѣкира
По вѣтвямъ вѣковымъ, гоня пернатыхъ вонъ?

Былое предо мной мелькаетъ будто сонъ!
Лѣса родимые, отеческія сѣни!
О, сколько чудныхъ думъ и сладкихъ сновидѣній
Вы мнѣ наѣвали! Какъ часто отъ друзей
Я въ вашу глушь бѣжалъ; подъ сумракомъ вѣтвей
Задумывался я и было мнѣ отрадно,
Какъ чуткимъ ухомъ я прислушивался жадно
Къ невнятнымъ голосамъ лепечущихъ листовъ.
Здѣсь поѣсть чудную, преданія вѣковъ,
Мнѣ дубъ разсказывалъ, челомъ разрѣзавъ тучи
И три столѣтія на рамена могучи
Поднявъ. Тамъ, издали замѣтная едва,
Береза плакала, какъ скорбная вдова,
Иль матерь нѣжная, утратившая сына.
Вакханка юная, румяная рябина,
Стояла близъ нея, съ пылающимъ лицомъ;
А далѣе росла раскидистымъ кустомъ,
Вся въ перлы убрана, красавица лѣсная,
Орешина, своей вершиною кивая
Черешнѣ молодой, которую внизу
Ужъ обвилъ буйный хмѣль и гибкую лозу
Забросилъ далѣе, какъ юноша отважный“.

„Порою пробѣгалъ надъ нами гулъ протяжный
И вихорь темныя вершины колебалъ:
Казалось, тамъ прошелъ бурливый моря валъ —
И все стихало вновь. Лишь пэрѣдка, высоко,
Въ дубъ дятель клювомъ билъ и улеталъ далеко;
Иль вѣкша хитрая качалась на вѣтвяхъ,
Поднявъ пушистый хвостъ, орѣхъ держа въ зубахъ;
Вдругъ, гости чуждаго замѣтивъ зоркимъ окомъ,
Стрѣляла въ глушь лѣсовъ и въ сумракѣ глубокомъ
Терялась. Тихо все. Вотъ вѣтви затряслись —
Чуть слышныя шаги по рощѣ раздались —
И, словно солнца лучъ, иль яркая денница,
Мелькнула вдалекѣ, подъ липами, дѣвица,
Стыдливая дубравъ родимыхъ красота,
Идя за ягодой, румянай какъ уста.

Вонъ юноша близъ ней: предъ дѣвой оробѣлой
Онъ вѣтви крѣпкія рукой сгибаєтъ смѣлой.
Чу, рогъ вдали трубитъ и слышенъ топъ коней;
Собаки залились, почуявши звѣрей;
Въ мигъ дѣва съ юношой, исполнены тревоги,
Исчезли въ глубинѣ, какъ рощей темныхъ боги...“

Теперь послушайте, какъ трубитъ войскій:

Тутъ войскій ухватилъ широкою рукой
Свой буйволовыи рогъ, изогнутый амѣй,
Прижалъ его къ устамъ, надулся, подъ лобъ очи
Немного закатилъ, сталь дуть, что было мочи —
И грянулъ звонкій рогъ раскатомъ къ небесамъ
И музыка пошла по рощамъ и лѣсамъ.
Утихли всеѣ кругомъ, заслыши гулъ призывныи
И наслаждаются гармоніею дивной.
Старикъ давно въ лѣсахъ своимъ искусствомъ слыть,
Теперь, въ послѣдній разъ, имъ ловчихъ оживилъ,
Наполнилъ звуками широкую дубраву,
Какъ будто-бы въ нее пустилъ борзыи араву,
За гончими во слѣдъ — и травлю началь вдругъ.
Имѣль особое значеніе каждый звукъ:
Сначала позывъ въ рогъ, потомъ слышнѣе тоны,
Завыши голосовъ собачьихъ миллионы;
Ведутъ по красному; вотъ стихли, а потомъ
Звукъ рѣзкій — выстрѣла раздавшагося громъ.

Умолкъ, но все трубитъ — охотникамъ сдавалось,
А это по лѣсамъ лишь эхо отдавалось.
Опять задулъ артистъ. Казалось, будто рогъ,
Мѣняясь образы: то длиненъ и широкъ,
Реветь медвѣдемъ онъ, то вдругъ завоетъ волкомъ,
То пробирается въ дубравѣ тихомолкомъ,
Какъ хитрая лиса; вдругъ взвылъ, какъ ураганъ
И рявкнуль вдалекѣ, какъ раненый кабанъ.

Умолкъ, но все трубитъ — охотникамъ сдавалось,
А это по лѣсамъ лишь эхо отдавалось.
За звукомъ улеталь, переливаясь, звукъ,
Дубъ дубу повторялъ, кленъ кленамъ, буку буку.
Вдругъ войскій къ небесамъ уставилъ рогъ могучій
И гимнъ торжественный тріумфомъ грянулъ въ тучи,
Воинственный финаль, громоподобный гласъ —
И музыка въ лѣса далеко попеслась.

Умолкъ, но все трубитъ — охотникамъ сдавалось,
А это по лѣсамъ лишь эхо отдавалось.
Что лѣсу до роговъ, играютъ и поютъ,
И пѣсню дивную другимъ передаютъ;
И долго шла игра отъ края и до края,
Переливаясь, слабѣя, замирая,
Покуда, гдѣ-то тамъ, погасла въ небесахъ...

Настала типина въ дубравахъ и лѣсахъ.
Художникъ бросивъ рогъ и опустивши руки,
Ловилъ послѣдніе, стихающіе звуки,
И, вдохновенія вкушавъ торжество,
Стоялъ, пылая весь. Межъ тѣмъ вокругъ него
Сошлись охотники въ восторгѣ удивленья,
И долго слышался ихъ крикъ и поздравленія.

Лишь смолкъ послѣдній звукъ послѣдняго „ура“,
Всѣ глянули назадъ, гдѣ точно какъ гора
Лежалъ косматый звѣрь, когтями землю роя,
А злые мордаши терзали грудь героя;
Но войскій оттащить велѣль свирѣпыхъ псовъ —
И снова загремѣлъ „виватъ“ среди лѣсовъ.

Изображеніе лѣсной пущи съ ея обитателями не уступаетъ двумъ приведеннымъ мѣстамъ въ яркости, въ самобытномъ творчествѣ и мастерствѣ.

Кто свѣдалъ глубину литовскихъ темныхъ пущей?
Проникнулъ въ сердце ихъ, до твари тамъ живущей?
Рыбакъ, въ своей ладьѣ, снують у береговъ,
Не смѣя средь морей затѣять дерзкій ловъ:
Охотникъ по лѣсамъ съ опушкой только кружить,
И тайнъ глубокихъ ихъ во вѣкъ не обнаружить.
Лишь басня темная бѣжитъ подъ-часть въ народѣ,
Что есть въ срединѣ пущи таинственный онотъ
Изъ вала старыхъ пней, изъ кряжей и каменьевъ,
Изъ груды мховъ сѣдыхъ, разросшихся кореньевъ;
А далѣе идутъ трясини и ручьи,
Гдѣ искони, въ дуплахъ, кишатъ шмелей рои,
По зыбкимъ тростникамъ шипятъ и вьюются гады.
Когда-жъ настойчиво пробъешь сіи преграды
И взглянешь издали во глубь лѣсныхъ пучинъ:
Тамъ, въ чащѣ, что ни шагъ, нарыта тыма сурчинъ
И волчьихъ, и другихъ; какъ мракъ чернѣютъ поры,
А около идутъ болота и озера,
Заросшія травой окошки, бочаги,
Чтобъ далѣе не шли упрямые враги.
Потокъ словенія, вокругъ болотъ смердящій,
Мертвитъ и губить лѣсъ, вблизи отъ нихъ стоящій;
Деревья, сгорбившись присѣли до земли,
И вѣты темными стѣами заплели
Непроницаемо и, мхомъ колтуноваты;
Въ грибахъ и въ болонахъ, согнувшись, спомъ объяты,
Какъ вѣдмы старыя, когда усѣвшись въ рядъ,
Опѣ себѣ въ котлы на ужинъ труни варятъ.
За эти бочаги не смѣй взглянуть и окомъ:
Глухая пуша спить въ молчаніи глубокомъ
И неподвижная, синѣющая мгла
На вѣки вѣчныи тамъ тяжко залегла.

За нею, наконецъ, какъ по преданью слышно,
 Равнина злачная раскинулася пышно,
 Блягоуханная, цвѣтущая страна,
 Гдѣ скрыты всѣхъ деревъ и зелій сѣмяна;
 И тамъ живутъ звѣрей сѣдые патрархи,
 Самодержавные лѣсовъ своихъ монархи:
 Туръ древній, дикий зубръ и царственный медвѣдь.
 Кругомъ, на деревахъ, приказано сидѣть
 То рыси дерзостной, то алчной россомахѣ,
 И шляхту мелкую держать въ обычномъ страхѣ.
 А далѣ живутъ, разгуливая врозь,
 Вассалы вѣрные: кабанъ, олень и лось.
 Вверху, въ сѣни вѣтвей, уставя очи быстры,
 Орлы и соколы, какъ бодрые министры,
 Оглядываются даль и озираютъ вкругъ,
 Всегда готовые монархамъ для услугъ.
 Тагъ въ чащѣ скрытые, невидимые свѣтомъ,
 Владыки царствуютъ зимой, весной и лѣтомъ,
 Изъ пущъ не выходя, исъ жертвуя собою,
 И только молодежь къ опушкѣ идутъ на бой,
 Далеко отъ своихъ заповѣдныхъ жилищъ,
 Границы наблюдать и пробавляться пищей,
 Монарховъ не разить ни пуля, ни стрѣла;
 Когда-жъ почувствуютъ, что смерть уже пришла
 Неотразимая, заматерѣвші, сами
 Идутъ почить въ глухи, укрытые лѣсами.
 Медвѣдь — какъ зубы сѣсть, рога собѣть олень
 И, ноги чуть влacha, шатается, какъ тѣнь;
 Когда у кречета внезапно кровь окрѣпнетъ;
 Какъ воронъ станетъ сѣдъ, и соколь вдругъ ослѣпнетъ:
 Идутъ на кладбище, гдѣ боръ еще густѣй —
 И оттого-то мы не видимъ ихъ костей.
 И даже малый звѣрь, почуявъ пламенъ раны,
 Бѣжитъ почить домой, въ отеческія страны.

Ничто не возмутить завѣтныхъ пущъ красу:
 Правленье тихое и мирное въ лѣсу;
 Исполненъ простоты наследственный обычай!
 Какъ дѣды не гнались за чуждою добычей,
 Не зарились въ раю на роскошь братихъ блюдъ,
 Такъ нынѣ внуки ихъ въ согласіи живутъ;
 И даже человѣкъ, проникши безоружный
 Въ средину тварей тѣхъ, привѣтъ нашелъ-бы дружный:
 Глядѣли-бѣ, выразивъ тревогу и испугъ,
 Какъ въ опытъ день шестой, когда узрѣли вдругъ
 Ихъ прародители созданнаго Адама.

Но рѣдко и ловецъ, настойчиво упрямо,
 Владѣющій собою, достигнетъ этихъ мѣстъ.
 Лишь только иногда, охотися окресть,
 Бросаетъ гончихъ онъ въ трущобу мглы дремучей,

Но исы назадъ бѣгутъ, къ нему ласкаясь кучей,
 Поднявъ протяжный стонъ и жалкій вой и гамъ,
 Спѣшать, дрожа какъ листъ, прилечь къ его ногамъ.
 Тѣ заповѣдныя, таинственные пущи,
 Гдѣ лѣсь всегда растетъ непроходимый, гуще,
 Гдѣ звѣри старые безвыходно живутъ,
 „Крѣплямъ“ въ языки охотниковъ слывутъ.
 Медвѣдь! сидѣлъ-бы ты въ крѣпяхъ своихъ глубокихъ,
 Никто-бы на тебя изъ ловчихъ быстроокихъ
 Воѣни не напаль, не зналь твои слѣды
 И жилъ-бы ты себѣ безъ горя и бѣды.
 Но, знать, медвяного благоуханья сота,
 Иль къ стаду буйволовъ обычная охота
 Взманили воинъ тебя, на край, гдѣ рѣже лѣсь —
 И тутъ-то на тебя лѣсничий и налѣзъ.
 Теперь тебя слѣдять; проникнули въ дубраву,
 И хитрую вокругъ раскинули облаву.

Не могу не привести еще отрывка изъ послѣдней пѣсни, носящей заглавие: «Да возлюбимъ другъ друга», того мѣста, гдѣ шинкарь Янкель, уступая просьбѣ невѣсты, заигралъ на цимбалахъ.

Янкель-жидь на это засмѣялся,
 И въ знакъ согласія красавицѣ кивнулъ
 Сѣдою бородой, сѣлъ, пейсами тряхнулъ,
 И съ гордостью вокругъ веселыми глазами
 Повель, какъ ветеранъ, покрытый сѣдинами,
 Когда зоветъ его опять на поле сѣчъ
 И внуки подаютъ ему тяжелый мечъ:
 Смѣется дѣдъ сѣдой, поднявъ его рукою
 И чуя, что рука не измѣнить герою.

Молчанье. Инструментъ неподвижно лежитъ
 Передъ художникомъ. Поднявши руки, жидъ
 На мигъ опѣренѣль, слегка глаза прищуря,
 Спустилъ, и грянула могучихъ звуковъ бура,
 Какъ будто шумный дождь по струнамъ пролился
 И вихрей острые промчались голоса:
 Далися диву всѣ, но то была лишь проба —
 И снова молотки опь кверху поднялъ оба.

Затѣмъ опять спустилъ... Едва звенѣть струна;
 Небесно-тихая гармонія слышала;
 Цимбалы замерли, поютъ и стонутъ глухо,
 Какъ будто-бѣ по струнамъ крыломъ звонила муха.
 Взглянувъ на небеса, художникъ вдругъ утихъ,
 И вдохновенія просили себѣ у нихъ:
 Затѣмъ, свой инструментъ измѣрилъ мѣтками глазомъ,
 Приподнялъ молотки и грянула ими разомъ.
 Слетѣль съ веселыхъ струнъ живой и рѣзкій звукъ,
 Казалось, оркестръ военный грянуль вдругъ,
 Со всѣми ложками, тарелками, звонками —

И славный польский тотъ, столь чтимый поляками,
 Что мая третьяго въ Варшавѣ раздѣлся,
 Торжественно гремитъ; рокочутъ голоса,
 И сердце шевелить, и слухъ ласкаютъ вмѣстѣ.
 Смѣется молодежь, едва стоя на мѣстѣ,
 А думы стариковъ въ минувшее летять,
 Въ тѣ дни, какъ въ ратушѣ собравшійся сенатъ,
 Назначивъ короля, угоднаго народу,
 Полякамъ возвѣщалъ равенство и свободу.
 Художникъ налегать на струны сталаъ свои,
 Усилилъ голоса — и вдругъ, какъ свистъ змѣи,
 Какъ дребезжаніе стекла, аккордъ фальшивый,
 Морозомъ проняль всѣхъ, и ропотъ боязливый
 Прошелъ по всей толпѣ: всѣ думали, что онъ¹
 Испортилъ инструментъ, иль взялъ невѣрный тонъ.
 Не ошибался жидъ. Разрушилъ онъ нарочно
 Гармонію, дотоль звучавшую роскошно,
 И долго по одной и той-же биль струнѣ
 Пронзительно, пока стоявшій въ сторонѣ
 Гервазъ не понялъ все: закрывъ лицо десницей,
 „Ахъ!“ молвиль, „знаю я: то миръ подъ Тарговицей!“
 И, жалобно запѣвъ, вдругъ лопнула струна.

Нужно-ли мнѣ останавливаться на одномъ, нѣсколько щекотливомъ пункте въ содержаніи «Пана Тадеуша»? Въ самый разгаръ дѣйствія, связанного съ наѣздомъ шляхты, введенъ русскій отрядъ. Между нимъ и двумя примирившимся бандами шляхты происходитъ окончательный горячій бой, послѣ котораго поляки переваливаются черезъ Нѣманъ. Бой этотъ описанъ мастерски, въ совершенно эпическихъ подробностяхъ. И тутъ творческая объективность Мицкевича выступаетъ съ достаточнou яростью. Въ немъ не видно пристрастнаго желанія наложить умышленно черные краски на тѣхъ, въ комъ его герои видѣли непримиримыхъ враговъ. Онъ выводить двоихъ русскихъ офицеровъ, капитана Рыкова и маюра Плути, котораго переводчикъ Бергъ почему-то называетъ Плутовичъ. Рыковъ настоящій великорусскій служака, между тѣмъ какъ маюре совсѣмъ не русскаго происхожденія и авторъ не стѣсняется выставлять его, какъ измѣнника своему патріотическому дѣлу. Можетъ быть, косвенно, въ выборѣ самой антипатичной фигуры всей поэмы видно желаніе автора покарать въ лицѣ такого маюра Плути всѣхъ подобныхъ ему. Но капитанъ Рыковъ, хотя фигура и полумористическая, изображенъ какъ хорошій служака, вѣрный своему долгу и добродушно относящейся ко всѣмъ тѣмъ польскимъ обывателямъ, у кого онъ бываетъ. Онъ входитъ съ нимъ въ пространные разговоры о Бонапартѣ и, когда ему пришло съ ними драться, ведеть себя безукоризненно, не такъ, какъ маюре, спрятавшійся куда-то въ минуту опасности и, вѣроятно, кѣмъ - нибудь приконченный, на что однако нѣть въ поэмѣ прямыхъ указаній. Формаль-

нымъ доказательствомъ того, что изображеніе русскаго, играющаго роль въ разсказѣ, сдѣлано въ благодушно-объективномъ тонѣ, можетъ служить то обстоятельство, что въ переводѣ прошли, быть можетъ, съ самыми ничтожными измѣненіями, всѣ мѣста, гдѣ говорить и дѣйствуетъ капитанъ Рыковъ, какъ и все описание—«Битвы»: такъ называется вся IX-ая книга, заканчивающая главную фабулу «Пана Тадеуша». Послѣднія три книги, или пѣсни, составляютъ уже эпилогъ и носятъ заглавія: «Эмиграція, Яцекъ», «1812 годъ» и возглашь: «да возлюбимъ другъ друга».

Заключительная нота пылкой любви къ родинѣ и потребности въ братствѣ со всѣми единоплеменниками выражена Мицкевичемъ въ простомъ сказочномъ стилѣ. Картина веселья, гдѣ Тадеушъ и Зоя—женихъ и невѣста, среди толпы крестьянъ, шляхты и помѣщиковъ, собравшихся чествовать эмиграціонныхъ генераловъ, служащихъ въ арміи Наполеона, освѣщена вечерней зарей. Поэтъ проявилъ въ заключительныхъ строкахъ творческую связь своего пылкаго чувства, какъ сына родной земли, съ настроениемъ вѣщаго толкователя красоты природы:

„А вечеръ догоралъ невозмутимо тихъ,
Подобенъ ясностию воскреснувшему краю
Короны и Литвы; лишь блѣдый облакъ съ краю,
Пророча свѣтлый день, румянцемъ пламенѣль
И таялъ медленно. Востокъ уже темнѣль,
И тучки мелкія, чутъ видныя для взгляда,
Какъ по лугу овецъ разсыпанное стадо,
Мелькали въ томъ углу, порой смыкая рядъ.
Вотъ пламенемъ силошимъ объялся весь закатъ:
Прощаясь, солнышко еще лучемъ блеснуло,
Склонило голову и за лѣсъ потонуло.

Но шляхта и въ ночи неугомонно пьетъ
За здравіе Кесаря, за шляхту, за народъ,
Потомъ за жениха съ невѣстою, а далѣ
За всѣхъ, кого добромъ въ Литвѣ припоминали.

И я на томъ пиру пилъ пиво и вино;
Что слышаль, видѣль тамъ — предъ вами, вотъ оно“!

Великодушный идеи, какими ко времени писанія «Пана Тадеуша», былъ несомнѣнно исполненъ самъ Мицкевичъ, оказались и въ томъ, что номинальный герой его поэмы на общемъ народно-патріотическомъ празднике хочетъ дать волю своимъ крѣпостнымъ. Конечно, такой фактъ не представлялъ собою въ 1812 году чего-либо особенно типического для общественнаго настроенія тогдашняго польского дворянства, но онъ завершаетъ гуманно-поэтическимъ аккордомъ шляхетскую повѣсть, сдѣлавшуюся для единоплеменниковъ Тадеуша такимъ драгоцѣннымъ национально-литературнымъ достояніемъ.

Прощаясь съ содержаніемъ поэмы, я не могу не выразить сожалѣнія о томъ, что не стану, въ виду недостатка времени, разбирать еще не-

сколько мѣсть, гдѣ реальное творчество Мицкевича такъ блистательно воспроизводить нравы, природу, типы и характеры чисто мѣстной литовской шляхты, которую поэт имѣлъ возможность съ дѣтства наблюдать въ ея коренныхъ унаследованныхъ свойствахъ. Такова, напримѣръ, вся VII пѣснь, озаглавленная «Совѣтъ», когда мелкая шляхта, возбуждаемая къ «заѣзу», держитъ совѣщаніе, и на немъ выступаетъ передъ нами цѣлая галлерей лицъ, начиная съ знаменитаго Кронителя, продолжая резонеромъ нѣмецкаго происхожденія Бухманомъ и кончая эпической фигурой стараго Машка, къ которому Мицкевичъ относится съ особенной творческой симпатіей.

«Панъ Тадеушъ» — произведеніе, проникнутое двумя элементами: субъективными порывами авторскаго чувства, не освободившагося отъ примѣса нѣкотораго романтизма, и полетами въ сферу патріотической восторженности съ болѣе цѣлью и могучимъ реально-поэтическимъ творчествомъ. Забудьте вѣсколько сочиненную исторію Янка Соплицы, откиньте, если угодно, эпилогъ, съ картиной весны 1812 года, и вы получите все-таки повѣсть, которая, въ исторіи развитія этой формы художественныхъ произведеній, въ предѣлахъ всей европейской литературы, знаменуетъ собою торжество новаго направленія, наравнѣ и почти въ одно и то же время, съ нашимъ «Евгениемъ Онѣгінимъ». Въ началѣ 30-хъ годовъ, въ изящной литературѣ, въ области современнаго эпоса, т. е. романа, уже значилось не мало произведеній, въ которыхъ, сквозь тенета романтизма, пробивался болѣе здоровый духъ реальнаго творчества, не исключающаго вовсе участія поэтической фантазіи и мастерства отѣски. Къ этой эпохѣ уже дѣйствовали такие романсты, какъ: Стендаль, Бальзакъ, Жоржъ-Зандъ, въ трезвой половинѣ ея произведеній; назрѣвавъ талантъ Диккенса. А позади ихъ, вплоть до послѣдней четверти прошлаго вѣка, стояли произведенія, въ которыхъ обыкновенно видѣть предвозвѣстниковъ новѣйшаго эпоса, принявшаго окончательно размѣры и все-поглащающее значеніе современнаго романа: и правоописательные романы англійскихъ прозаиковъ конца прошлаго вѣка, и «Вильгельмъ Мейстеръ» Гёте, и «Манонъ-Леско» аббата Прево, и «Павель и Виргинія» Бернандана-де-сень-Пьера и, даже, затерявшіеся въ кучѣ литературнаго хлама, длиннѣйшіе романы французскаго реалиста — наблюдателя конца прошлаго столѣтія — Рестифа-де-ла Бретонъ. Тому-же развитію нового романа послужили и самые выдающіеся образцы идеально-литературнаго движенія, охватывающаго собою такие всемирно-известные продукты мысли, чувства и творческой фантазіи, какъ: «Новая Элоиза» Руссо, или — «Вертеръ» Гёте, или «Рене», Шатобриана, или вѣща съ меньшей словои и вліяніемъ, но принадлежащія, несомнѣнно, къ тому-же броженію души europейца на рубежѣ двухъ столѣтій: почти совсѣмъ у насъ неизвѣстный «Оберманъ» Сенакура, или вѣсколько менѣе неизвѣстный «Адольфъ» Бенжамена Констана.

Но есть творческое произведение (также близкое по своему возрасту къ «Пану Тадеушу», какъ и «Евгений Онѣгинъ»), которое можно, не смотря на полное отсутствие сходства въ содержаніи, фабулѣ, времени дѣйствія, народности, нравахъ и главныхъ типахъ, отнести къ тому же строю реально-поэтическихъ произведеній. Это, до сихъ поръ у насть мало известный — романъ Манzonи «Обрученные» (Promessi Sposi). Весь внутренній складъ обоихъ произведеній чрезвычайно родственный. И въ романѣ Манzonи впервые (не только для Италии, но и для всей западной Европы) явилась такая обработка культурного быта и національной психіи. Внутреннее сходство усиливается еще и тѣмъ, что въ Манzonи, какъ и въ Мицкевичѣ, жиль патріотъ (тотъ и другой чувствовали одинаковую скорбь объ утраченной независимости). И въ томъ и въ другомъ горячая любовь къ родинѣ не только не помѣшала творчеству, а способствовала необычайной простотѣ тона, богатству материала въ изображеніи природы, обычаевъ и отдельныхъ характеровъ; установило незыблемый грунтъ художественной правды и, вмѣстѣ съ тѣмъ, согрѣло все той симпатіей, безъ которой никакой писатель, какъ ни велико его дарованіе, не можетъ трактовать своего сюжета.

Было бы лишнее, въ заключеніе моего этюда, указывать вамъ, въ чёмъ заключаются и другія характерныя отличія отъ «Пана Тадеуша» — «Евгения Онегина». Я уже сказалъ отчасти вначалѣ, что сопоставлять эти два перла русской и польской литературы слѣдуетъ не для того, чтобы выяснить различія и сходства въ подробностяхъ содержанія и формы, а для того, чтобы установить несомнѣнную общность въ *характерѣ творчества*, въ отношеніи поэта къ дѣйствительности. И Пушкинъ, и Мицкевичъ являются оба реально-поэтическими изобразителями родной жизни, и, въ этомъ смыслѣ, и тотъ и другой могутъ считаться истинными отцами художественного романа и въ Польшѣ, и въ Россіи.

Между ними (когда одинъ писалъ «Онѣгина», другой «Тадеуша») была, конечно, огромная разница въ оттѣнкѣ ихъ чувства къ родинѣ. Пушкину не было поводовъ испытывать за свою отчизну все то, что пережилъ Мицкевичъ и его товарищи по эмиграціи. Пушкинъ былъ сынъ страны, обладающей государственной и національной силой и самобытностью. Въ немъ не было и большого раздвоенія, и какъ въ человѣкѣ, уже такъ уравновѣшено относившемся, въ своемъ творческомъ произведеніи, къ русской дѣйствительности. Но и онъ прошелъ долгій путь душевной борьбы. И онъ протестовалъ. И онъ пользовался налетомъ байронизма, чтобы, въ лицѣ первыхъ своихъ героеvъ, и отчасти даже въ «Евгениѣ Онѣгинѣ», давать ходъ своимъ идеямъ и симпатіямъ. Но работа надъ «Онѣгинымъ», въ теченіе несколькиx лѣтъ, все болѣе и болѣе освобождала его отъ субъективной тревоги. Онъ дѣлался, съ каждымъ годомъ, способнѣе творчески выбирать въ себя окружающую жизнь. Не ску-

чающій великосвѣтскій ловеластъ вышелъ, въ сущности, главнымъ героемъ его стихотворнаго романа, а жизнь тогдашняго культурнаго слоя Россіи, русская помѣщичья усадьба, русская природа, Москва 20-хъ годовъ. Въ простотѣ и типичности изображенія Пушкинъ и Мицкевичъ подаютъ другъ другу руку, съ прибавкой тѣхъ роскошныхъ поэтическихъ эпизодовъ описательнаго характера, какими блещетъ «Панъ Тадеушъ». Мы можемъ сказать, безъ всякаго національнаго пристрастія, что по творческой объективности, по манерѣ, въ какой обработаны почти все лица «Евгенія Онѣгина» (кромѣ отчасти самаго героя) Пушкинъ оказывается даже болѣе объективнымъ въ томъ смыслѣ, что, напримѣръ, его юморъ не переходитъ почти нигдѣ въ явную сатиру, какъ мы видимъ это въ обработкѣ Мицкевичемъ двухъ довольно якихъ фігуръ—его чудака-графа и Телимены.

То, что я сейчасъ сказалъ, не помѣшаетъ, однако, признать, что по общему и внѣшнему складу Мицкевичъ держится гораздо строже эпическаго стиля. Если онъ кое-гдѣ даетъ ходъ своему лирическому чувству, то это почти исключительно въ обращеніяхъ къ родинѣ, между тѣмъ, какъ у Пушкина, каждая пѣсня содержитъ перерывы, гдѣ поэтъ уже прямо говоритъ о себѣ, обращается къ своимъ друзьямъ, изливаетъ самыя интимныя чувства, смѣется и острѣтъ, хандритъ и подводитъ итоги личнымъ испытаніямъ, производить оцѣнки своимъ современникамъ, какъ членъ общества и, какъ писатель. Но эти отступленія, представляющія собою положительныя уклоненія отъ строго-художественныхъ пріемовъ объективнаго творчества, сами по себѣ, драгоценны и какъ вѣчные памятники, говорящіе о душевной жизни поэта, и какъ образцы, опять-таки, реально-художественнаго изображенія мыслей, чувствъ и настроеній такого типическаго и геніально-одареннаго сына своей эпохи, какимъ былъ Пушкинъ.

Личная связь Мицкевича съ Пушкинымъ, ихъ сближеніе въ Петербургѣ, въ 1827 году, связаны съ однимъ изъ самыхъ крупныхъ произведеній нашего поэта, съ «Мѣднымъ Всадникомъ». Въ отрывкѣ поэмы Мицкевича «Дзяды», который носить заглавіе «Памятникъ Петра Великаго», есть два стиха, показывающіе близость польского и русского поэта: «они знакомы были не долго, но много», говоритъ Мицкевичъ, и стали друзьями тому назадъ нѣсколько днѣй». Это относится какъ разъ къ началу ихъ знакомства. Но Мицкевичъ приѣхалъ въ Петербургъ тотчасъ послѣ наводненія 7 ноября 1824 года, которое описано по разсказамъ и не совсѣмъ вѣрно: у него вездѣ морозъ и ледь, между тѣмъ, какъ наводненіе произошло какъ разъ отъ сильнаго западнаго вѣтра, при отсутствіи мороза. У Мицкевича есть мѣсто, гдѣ говорится, что оба поэта стояли «вечеромъ на дождѣ, взявшись за руки и подъ однимъ плащомъ». Польские биографы Мицкевича считаютъ это за положительный фактъ, и самый авторитетный изъ нихъ, Хмелевскій, утверждаетъ, что это былъ коричневый плащъ, купленный Мицкевичемъ въ Одессѣ и потомъ подаренный

товарищу его, Одынцу. Передъ событіями 30-хъ годовъ Мицкевичъ, живя въ великорусскихъ городахъ, былъ уже очень популярнъ, какъ авторъ «Сонетовъ» и «Конрада Валленрода». Тогда между идеями и симпатіями обоихъ поэтовъ было гораздо больше общаго, чѣмъ впослѣдствіи, послѣ возстанія, когда Пушкинъ сталъ уже авторомъ «Бородинской годовщины» и «Клеветникамъ Россіи». Въ апрѣль мѣсяцѣ, 1828 года, Мицкевичъ прощался съ Москвою. Цѣлый литературный кружокъ далъ ему обѣдъ и поднесъ серебряную чашу отъ имени восьми русскихъ литераторовъ, имена которыхъ сохранились. Это были: братья Кирѣевскіе, Боратынскій, Шевыревъ, Елагинъ, С. Соболевскій, Н. Полевой и Рожалинъ. Какъ на него смотрѣлъ тогда этотъ кружокъ, видно изъ четверостишия, извѣстнаго уже вамъ и сказаннаго ближайшимъ другомъ и сверстникомъ Пушкина, Боратынскимъ.

Всѣ эти факты приведены въ изслѣдованіи В. Д. Спасовича: «Пушкинъ и Мицкевичъ у памятника Петра Великаго» («Вѣстникъ Европы» 1887 г., книга 4). Это—одинъ изъ самыхъ обстоятельныхъ этюдовъ, какіе есть въ нашей критической литературѣ за послѣдніе годы. И въ немъ, съ достаточной объективностью, показано: въ чемъ Пушкинъ и Мицкевичъ могли сходиться, взявъ центральной фігурой (одинъ отрывка, другой—цѣлой поэмы) — образъ Петра Великаго. Какъ ни разошлись впослѣдствіи Пушкинъ и Мицкевичъ въ своихъ взглядахъ и симпатіяхъ, въ нашемъ великому поэту, даже и въ послѣдніе его годы, когда онъ сдѣлался гораздо консервативнѣе, все-таки же жилъ духъ независимости. Не даромъ, за полгода до смерти, Пушкинъ написалъ чудесные стихи, яко-бы изъ Тиндемана, гдѣ выставляеть свои правила и чувства. Они всѣмъ вамъ, конечно; памятны:

„ . . . Никому...
Отчета не давать; себѣ лишь самому
Служить и угождать; для власти, дѣя ливреи
Не гнуть ни совѣсти, ни помысловъ, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здѣсь и тамъ,
Дивясь божественнымъ природы красотамъ,
И предъ созданьями искусствъ и вдохновенъя
Безмолвно утопать въ восторгахъ умиленья —
Вотъ счастье! вотъ права!“

Какъ Пушкинъ относился впослѣдствіи къ Мицкевичу, извѣстно изъ словъ его, вылившихся тогда, когда между ними уже легла нѣкоторая пропасть. Можетъ быть, жили они въ одной странѣ, будь людьми одного происхожденія, между ними все-таки, на переломѣ жизни, когда натура и душевный складъ выливаются вполнѣ, установилось-бы то коренное различіе темперамента и характера, которое, однако, въ великовѣщныхъ натурахъ не мѣшаетъ взаимному пониманію. В. Д. Спасовичъ, заканчивая свой этюдъ, выражается объ этомъ такъ:

«Каждый изъ нихъ былъ превосходнымъ представителемъ самыхъ характерныхъ свойствъ своего племени и народа, оба они были поэты-романтики, оба оказали громадное, до-нынѣ продолжающееся, вліяніе на потомство, оба считали себя людьми дѣла и политиками, хотя не были вовсе таковыми, а только, и исключительно, художниками».

Какъ-же, спросимъ мы, оцѣнивали взаимно Пушкинъ и Мицкевичъ два своихъ реально-поэтическихъ произведений: «Пана Тадеуша» и «Евгенія Онѣгина»? За нашего поэта намъ трудно было отвѣтить. Очень вѣроятно было, что онъ читалъ повѣсть Мицкевича, если свободно понималъ по-польски. Матеріально, онъ могъ это сдѣлать, такъ какъ съ появленія ея, въ іюль 1834 года, до его кончины, прошло 2 слишкомъ года. До конца 1843 г. ни въ его интимныхъ замѣткахъ, ни въ статьяхъ, ни въ корреспонденціи не было еще найдено такого мѣста, где бы онъ высказывался о повѣсти Мицкевича, въ томъ или иномъ смыслѣ, хотя не было сомнѣнія, что Пушкинъ, болѣе чѣмъ всякой другой, опѣнилъ-бы творческія красоты «Пана Тадеуша»¹⁾.

Редакція «Сѣвернаго Вѣстника» любезно сообщила мнѣ, въ рукописномъ текстѣ, тѣ мѣста изъ записокъ Смирновой, которая появляется въ ближайшихъ книжкахъ журнала. И тамъ, какъ разъ, находятся драгоценныя подробности, отвѣчающія прямо на нашъ вопросъ: въ какой степени Пушкинъ былъ знакомъ съ произведеніями Мицкевича, и въ томъ числѣ съ «Паномъ Тадеушемъ», и какъ онъ оцѣнивалъ въ немъ и поэта, и человѣка? Позвольте мнѣ привести вамъ нѣсколько отрывковъ, которые составляютъ, сколько мнѣ известно, положительную новизну въ этомъ вопросѣ.

Сообщенія Смирновой относятся уже къ тому времени, когда она вышла замужъ, къ началу тридцатыхъ годовъ, то есть именно къ эпохѣ написанія «Пана Тадеуша». Она говорить въ началѣ того отрывка, который я сейчасъ приведу, о томъ, что Пушкинъ поглощенъ разными литературными замыслами: Пугачевымъ, Дубровскимъ, Пиковой дамой и продолжаетъ:

«Соболевскій—это, какъ известно, былъ членъ пушкинского кружка и остроумецъ того времени, родственникъ знаменитой госпожи Свѣчиной, получилъ письмо изъ Парижа; въ немъ ему говорятъ о Мицкевичѣ, о Лелевельѣ, обѣ Одынцѣ; Богданъ Залѣсскій собирается издавать томъ своихъ стихотвореній, которыхъ тотчасъ-же вышлютъ оттуда Соболевскому. Пушкинъ говорилъ съ нимъ вчера о Мицкевичѣ и высказывалъ вещи очень вѣрныя.

«У него нѣть байроновской міросої скорби; источникъ его страданій—

¹⁾ Въ «Запискахъ» А. О. Смирновой («Сѣв. В., № XII 1893 г.»), мы читаемъ: «Пушкинъ перевѣлъ мнѣ стихи Мицкевича слово въ слово и почти стихами».

тоска по родинѣ, ему недостаетъ его Литвы и онъ гораздо болѣе патріотъ, чѣмъ гражданинъ вселеній. Байронъ—человѣкъ, жившій въ свободной политической странѣ; независимый, принадлежавшій къ сообществу *гетеристовъ*, изумлялся Наполеону, побѣдившему революцію, предъ которой самъ Байронъ также преклонялся; потому и невозможно, чтобы его патріотизмъ былъ патріотизмомъ Мицкевича—человѣка, котораго отечество побѣждено. Сравнительно съ Байрономъ, у Мицкевича всего менѣе юмора и проницанія, и, кромѣ того, у него есть въ чувствахъ что-то нѣжное, чего у Байрона никогда не было; вдобавокъ, Байронъ гораздо страстнѣе. Мицкевичъ, по моему мнѣнію, слишкомъ романтиченъ въ «Валленродѣ»; тамъ соединеніе байроновскаго и шиллеровскаго романтизма съ прибавкой славянской оригинальности, искренней меланхоліи славянъ, *грусти* безъ желчи. Тонъ тутъ различенъ, тѣмбръ голоса, даже, когда поется одинъ и тотъ-же напѣвъ».

Далѣе мы читаемъ: «Пушкинъ провелъ вечеръ у насть (т. е. у четы Смирновыхъ). Онъ намъ произнесъ прелестные стихи, написанные къ Мицкевичу, и говорилъ, что тотъ, «счастливецъ», побывалъ въ Веймарѣ и видѣлъ Гёте. Весь вечеръ говорили о Польшѣ и о Мицкевичѣ; мой мужъ встрѣтилъ его разъ у княгини Зинаиды Волхонской въ Римѣ, а потомъ во Флоренціи у Орлова. Онъ нашелъ въ немъ почти болѣзnenную меланхолію и такую-же болѣзnenную восторженность. Княгиня Зинаида, знавшая его въ Москвѣ, была къ нему очень добра въ Римѣ. У насть говорили объ Одынѣ, Лелевелѣ, Красинскомъ, Богданѣ Залѣскомъ, напечатавшемъ прелестную поэму, полученную по почтѣ Соболевскимъ изъ Парижа. Потомъ Пушкинъ говорилъ о *филаретахъ* (литовскомъ союзѣ двадцатыхъ годовъ), замѣтилъ, что Мицкевичъ очень расположенъ къ мистицизму, но, что въ немъ нѣть задатковъ заговорщика, ничего истинно политического, что онъ мечтатель, любящая натура, что онъ долго былъ подъ вліяніемъ Шиллера, потомъ Байрона, что онъ напоминаетъ также Пушкину идеи Кюхельбекера и нѣкоторыхъ другихъ декабристовъ, напр. Одоевскаго; а они нисколько не были людьми политического дѣйствія, а только большими романтиками. Мой мужъ замѣтилъ, что Мицкевичъ произвелъ на него именно такое впечатлѣніе, также и на Орлова. На это Пушкинъ прибавилъ: «Мицкевичъ эмигрантъ; у него нѣть болѣе отечства. Несчастіе изгнанія и эмиграціи и состоить въ томъ, что у васъ нѣть почвы подъ ногами. Кончается тѣмъ, что живешь одними надеждами и миражами. Я боюсь, какъ-бы окружающая Мицкевича обстановка не свела его съ истинно-поэтической дороги. Это — великий лирикъ, можетъ быть, до сихъ поръ слишкомъ байронизующій; байронистомъ онъ всегда былъ больше меня и остался тѣмъ, чѣмъ былъ въ 1826 г. Въ «Конрадѣ Валленродѣ» есть прекрасныя вещи; а недостатокъ состоить въ томъ, что цѣлыхъ три поэмы слиты въ одну: лирическая поэма любви,

эпическая поэма ненависти и мщени¤ и поэма Мавра. Тутъ национальный вопросъ и вліяніе гетеризма эпохи. Онъ взялъ сюжетъ въ исторіи, но совершенно извратилъ исторію, и въ этомъ его большая ошибка». Я спросила: которая-же изъ этихъ поэмъ лучше? «Поэма любви, лирическая часть, описаніе Литвы, природы. Я думаю, что въ этомъ направленіи Мицкевичъ не сдѣлаетъ ничего лучшаго (очевидно Пушкинъ говорилъ это, еще недостаточно познакомившись съ «Паномъ Тадеушемъ»). Съ точки зрѣнія поэтическаго искусства, все это прекрасно и не уступаетъ никакому нѣкоторымъ мѣстамъ въ молодомъ Байронѣ». И тутъ завязался между Пушкинымъ и Вяземскимъ споръ, въ которомъ Пушкинъ старался поддержать свою, въ сущности весьма вѣрную, тему о необходимости исторического правдоподобія, даже и въ произведеніяхъ литературного творчества. Споръ перешелъ и на политическую почву, и Пушкинъ защищалъ, разумѣется, свое стихотвореніе «Клеветникамъ Россіи».

Смирнова въ заключеніе говорить: «Вяземскій очень увлеченъ Мицкевичемъ. Пушкинъ высоко ставитъ нѣкоторыя части «Валленрода», «Думы», лирическія поэмы и части «Дядовъ»; но онъ находитъ его часто слишкомъ романтическимъ или скорѣе причудливымъ (romanesque). Онъ прибавилъ: «Ты не будешь моего мнѣнія, Вяземскій, потому что ты романтикъ на старости лѣтъ, потому что ты бредилъ о Байронѣ на берегахъ Вислы. Баратынскій моего мнѣнія, и онъ умолялъ Мицкевича не подражать Байрону (что мы сейчасъ видѣли въ приведенномъ мною стихотвореніи), находя, что у него есть славянская своеобразность; онъ очень цѣнилъ его талантъ и все то, что лично ему принадлежало». И тутъ-же Смирнова приводитъ слова Пушкина, имѣющія для насъ въ эту минуту особенное значеніе: «По моему мнѣнію, его шедѣвръ есть «Панъ Тадеушъ», и мнѣ хочется его перевести, подъ старость, когда мнѣ уже нечего будетъ говорить своего. Я думаю, что Мицкевичъ читалъ въ послѣднее время болѣе Гёте и Шекспира, чѣмъ Шиллера и Байрона. Княгиня Зинаида Волхонская совѣтовала ему изучать итальянскихъ поэтовъ; онъ довольно хорошо латинистъ и ему это будетъ легко. Я нахожу новые мысли въ «Панѣ Тадеушѣ».— И дальше: «Пушкинъ говорилъ потомъ, что онъ боится кружка эмигрантовъ, принадлежащихъ къ сектѣ Товіанскаго, о которомъ Голынскій сообщалъ нѣкоторыя подробности Соболевскому, разсказываль ему также о сенѣ-симонистахъ и фурьеристахъ. Говоря о Мицкевичѣ, Пушкинъ былъ взволнованъ, потому что считаетъ его несчастнымъ, а иногда и озлобленнымъ. Говоря о поэмѣ «Наводненіе» (Смирнова тутъ, очевидно, подразумѣваетъ «Мѣднаго всадника» и тотъ эпизодъ «Дядовъ», гдѣ Мицкевичъ встрѣтился съ Пушкинымъ въ сюжетѣ), Пушкинъ сказалъ: «Мицкевичъ думалъ, что лошадь (т. е. конь на памятнике Петра Великаго) упадетъ въ бездну и разобьется; но я предсказываю нѣчто иное: конь этотъ останется непоколебимымъ, брон-

зовымъ конемъ. Мы упадемъ въ пропасть тогда только, если не совершимъ того, о чёмъ я мечтаю съ лицейскихъ годовъ: освободить крѣпостныхъ, возвратить имъ гражданскія права и собственность; другіе виды свободы придутъ впослѣдствіи сплою вещей».

Развѣ эти слова не въ высшей степени замѣчательны, если ихъ со-
поставить съ тѣмъ эпизодомъ изъ эпилога «Пана Тадеуша», гдѣ хлопамъ
дается свобода? Несомнѣнно, что Мицкевичъ и Пушкинъ, когда состояли
въ пріятельскихъ отношеніяхъ, были связаны общностью не только поэ-
тическихъ симпатій, но и нравственныхъ, и общественныхъ идеаловъ и
стремленій. А съ другой стороны, какъ странно и, вмѣстѣ съ тѣмъ,
отрадно видѣть, что шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, тотчасъ же послѣ
взрыва восстанія, въ пушкинскомъ кружкѣ, гдѣ хозяйкой была бывшая
фрейлина, потомъ жена крупнаго администратора, жившая постоянно въ
придворной сфере — съ такимъ интересомъ и знаніемъ говорили не только
о Мицкевичѣ, но о всѣхъ талантливыхъ его сверстникахъ, интересова-
лись, напр., выходомъ въ свѣтъ стихотвореній Залѣсскаго, о которомъ,
конечно, въ теперешнихъ русскихъ литературныхъ кружкахъ, почти
никто и слыхомъ не слыхалъ. Имена Лелевеля, Одынца, даже Товіан-
скаго приводились въ разговорахъ кружка, гдѣ бывали не одни профес-
сиональные писатели, а просто свѣтские люди. И съ какой смѣлостью
велись, напр., споры въ родѣ того, начало котораго я приводилъ вамъ,
между Вяземскимъ и Пушкинымъ на самую щекотливую тему политиче-
ской и расовой борьбы. Вы слышали, что Смирнова замѣтила волненіе
Пушкина, когда онъ говорилъ о Мицкевичѣ. Да и сужденія его, за вы-
четомъ, быть можетъ, того, что въ Мицкевичѣ онъ не находилъ ни юмора,
ни ироніи — почти все остальное поражаетъ своей вѣрностью и сходится
съ тѣми уже освященными оценками, какія мы находимъ у лучшихъ
польскихъ критиковъ Мицкевича. Для насъ довольно и того, что Пушкинъ,
познакомившись съ «Паномъ Тадеушемъ», котораго тогда добыть
въ подлинникѣ было, вѣроятно, не очень легко, мечталъ, подъ старость
лѣтъ, перевести его. Хотя мы не находимъ болѣе детальнаго сужденія о
красотахъ и недостаткахъ «Пана Тадеуша», но пзъ того, что приведено,
достаточно видно, какъ Пушкинъ способенъ быть широко и чутко отне-
стись къ этому произведенію. Не забудьте, что онъ даже съ похвалою
отзываются о нѣкоторыхъ частяхъ такой поэмы, какъ «Дяды», которая
могла бы быть для него, для его ясной эллинской натуры, особенно чуж-
дой по своему мистически-восторженному настроенію. Прибавлю опять,
что эта поэма, въ то время, не могла имѣть свободного обращенія въ
Россіи, и надо было истинно интересоваться всѣмъ тѣмъ, что выходило
изъ-подъ пера Мицкевича, чтобы добывать запретная заграничныя изда-
нія и серьезно знакомиться съ ними.

Благодаря сообщеніямъ госпожи Смирновой, имѣющей въ данномъ слу-

чай характеръ полной достовѣрности, мы можемъ сказать, что оба великихъ славянскихъ пѣвца взаимно заплатили другъ другу дань пониманія и симпатіи и какъ поэты, и какъ люди.

Мицкевичъ, какъ профессоръ славянскихъ литературъ въ парижскомъ «Collège de France», имѣлъ случай оцѣнивать Пушкина и высказался, между прочимъ, въ словахъ, которыя приводятся въ этюдѣ Спасовича.

Въ 69-ой лекціи Мицкевичъ говоритьъ, что: «публика оставляла Пушкина (къ 30-мъ годамъ) потому, что не находила въ немъ прежней точки опоры. Она хотѣла-бы обрѣсти въ своемъ любимомъ поэтѣ руководителя совѣсти или, по крайней мѣрѣ, руководителя общественного мнѣнія, который-бы сказалъ: «что намъ дѣлать, чего ждать». Съ такой оцѣнкой можно и не согласиться; но она не помѣщала Мицкевичу въ другомъ мѣстѣ, въ некрологѣ, напечатанномъ имъ послѣ кончины Пушкина въ 1837 году (въ парижской газетѣ «Globe») оцѣнить, «Евгенія Онѣгина» въ такихъ словахъ:

«Началь онъ съ подражанія английскому поэту, пытался потомъ дѣйствовать самостоительно и кончилъ птиціной оригинальностью. Сюжетъ и лица «Онѣгина» принадлежать къ настоящей жизни, взятой изъ частнаго быта; они служатъ мотивами истиннаго трагизма, а иногда сказываются въ сценахъ прекрасной комедіи». Этотъ некрологъ, подписанный Мицкевичемъ: «Одинъ изъ друзей Пушкина», написанъ вообще въ очень сочувственномъ тонѣ и заканчивается тирадой:

«Никакой странѣ не выпало на долю, чтобы въ ней болѣе одного раза проявился человѣкъ съ дарованіями такой высоты и такого разнообразія, которая какъ-бы исключаютъ одни другія. Пушкинъ, возбуждавшій въ читателѣ восторги поэтическимъ талантомъ, удивлялъ слушавшихъ его разговоръ живостью, ясностью и тонкостью своего ума. Имѣлъ онъ необыкновенную память, вѣрное сужденіе и изысканный вкусъ. Слушая, какъ онъ разсуждаетъ о внутренней или заграничной политикѣ, можно было-бы принять его за мужа, посѣдѣлаго въ общественныхъ дѣлахъ и читающаго ежедневныя пренія всѣхъ парламентовъ. Нажиль онъ себѣ много враговъ эпиграммами и сарказмами своими, и они мстили ему. Я близко зналъ — заканчиваетъ Мицкевичъ свои личные воспоминанія о Пушкинѣ — русскаго поэта, и достаточно долгое время; считалъ его за человѣка иногда слишкомъ впечатлительного и легкаго, но всегда искренняго, благороднаго и изліятельнаго. Его недостатки, казалось, зависѣли отъ обстоятельствъ и отъ того общества, въ какомъ онъ жилъ, а то, что было въ немъ хорошаго, исходило отъ его собственнаго сердца».

Какъ цѣнно и то мѣсто изъ этого некролога, гдѣ Мицкевичъ, говоря о тогдашней русской интеллигенціи, и, въ частности, о нашихъ петербургскихъ и московскихъ писателяхъ, высказываетъ слѣдующее:

«Литераторы въ Россіи, говорить онъ, составляютъ своего рода брат-

ство, связанное между собою не однимъ узломъ. Они всѣ или люди со средствами, или правительственные чиновники и, большою частью, пишутъ изъ любви къ дѣлу и снисканія себѣ славы. Такъ какъ дарование не превратилось еще для нихъ въ обыкновенный товаръ, пріобрѣтаемый за деньги, поэтому рѣдко между ними замѣчается завистливая отчужденность или корыстная вражда; по крайней мѣрѣ, глазамъ моимъ не представился рѣзкій примѣръ чего-нибудь подобнаго. Потому-то литераторы любили часто собираться, видались почти ежедневно и проводили время на общихъ вечерникахъ, домашнихъ чтеніяхъ и пріятельскихъ сходкахъ. Потому-то, прибавляетъ Мицкевичъ, и нетрудно было людямъ политического движения, которые по большей части были писателями, пріобрѣтать себѣ многочисленныхъ сторонниковъ и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ».

Такъ-ли это и теперь? спросимъ мы. Можетъ-ли какой-нибудь изгнаникъ, или иностраницъ, пріѣхавшій изучать наши писательскіе нравы, сказать то-же самое и про братскій союзъ литераторовъ, и про ихъ безкорыстное служеніе музамъ, какъ выражались сверстники Пушкина?

Не правда-ли, что во всемъ, что мы сейчась разсмотрѣли, не смотря на то, что Пушкинъ и Мицкевичъ такъ разошлись въ своей судьбѣ — мы, и здѣсь, и тамъ, наталкиваемся на душевную связь? Мы находимъ, что оба поэта обрабатывали одинъ и тотъ-же замыселъ, что и самъ Пушкинъ, и его друзья относились къ Мицкевичу не только добросердечно, но съ самымъ яркимъ, искреннимъ признаніемъ его даровитости; а онъ, въ свою очередь, даже и послѣ печальныхъ событий, отдавшихъ его на вѣки отъ пушкинского кружка, въ состояніи былъ, не кривя душой, почтить память своего русскаго собрата въ такихъ благородныхъ и теплыхъ выраженіяхъ.

И надо сознаться, что, въ послѣднее время, за цѣлый періодъ въ четверть вѣка, Мицкевичъ, хотя и былъ переводимъ, но не сдѣлался вовсе, со стороны русской критики и русскаго общества, предметомъ даже и такого интереса, какой та и другое удѣляли многимъ иностраннымъ прозаикамъ и поэтамъ, не имѣющимъ и одной пятой его дарованія, а главное, произведенія которыхъ не заключаютъ въ себѣ и тѣни той близости по языку и обще-славянскимъ особенностямъ души, какая бывать можетъ съ каждой страницы «Пана Тадеуша».

Не безинтересно привести и нѣкоторые факты изъ замѣтки Берга къ его переводу, озаглавленной «Какъ и когда сдѣланъ мною переводъ Тадеуша». Кто далъ ему въ первый разъ, въ 1844 году, экземпляръ поэмы Мицкевича? М. Н. Катковъ. Студентъ, прочтя, не нашель въ немъ «ничего особенно занимательнаго». И только послѣ того, какъ Катковъ указалъ ему на великолѣпныя мѣста, съ какими вы отчасти познакомились, Бергъ вчитался въ «Тадеуша» и былъ такъ захваченъ его

красотами, что тотчасъ же присѣлъ и перевелъ два отрывка: «Лѣса», потомъ «Облака», а немножко позднѣе два слѣдующихъ: «Войскій трубить въ рогъ» и «Жидъ играетъ на цимбалахъ». Эти переводы показалъ онъ профессору Шевыреву. Тотъ ихъ одобрилъ и напечаталъ въ «Москви-тянинѣ», но скрылъ, откуда они. «Литовскіе лѣса» превратились въ украинскіе, а «Облака Литвы» измѣнились въ «Родныя небеса». Бергъ прибавляетъ, что цензора обѣ этомъ ничего не узнали и что, когда отрывки появились въ печати: «только одни поляки-студенты мнѣ подмигивали и потирали руки».

Около тридцати лѣтъ занимался Бергъ переводомъ «Пана Тадеуша» въ разные періоды своей писательской жизни. И только въ 1872 году, живя въ окрестностяхъ Вѣны, на водахъ, въ городкѣ Баденѣ, онъ двинулъ на столько впередъ свою работу, что, воротясь въ Варшаву, написалъ, какъ онъ выражается, «послѣднюю тысячу» стиховъ. Тѣмъ временемъ, онъ дружески сошелся и съ Одынцемъ, который былъ товарищемъ его странствій по Литвѣ и Швейцаріи. Когда Бергъ читалъ Одынцу переводы изъ «Тадеуша», старикъ нерѣдко плакаль, слушая ихъ. «Разъ до того разстроило его мое чтеніе, говорить Бергъ, что онъ ушелъ въ другую комнату, легъ на диванъ и долго не могъ придти въ себя...»

«Воспоминаніе обѣ этихъ минутахъ—заканчиваетъ Бергъ свою интимную замѣтку — и моя любовь къ Одынцу, человѣку чистѣйшей души и помысловъ, благороднѣйшему и просвѣщенѣйшему—заставили меня посвятить ему послѣднее полное изданіе «Тадеуша» по-русски. Въ области искусства странно думать о націи, о какой-бы то ни было розни. Даже, оставя все это и личныя наши отношенія въ сторонѣ, ничье имя, по моему, нельзя такъ кстати поставить на первой страницѣ русскаго перевода знаменитой славянской поэмы, какъ имя «послѣдняго Вайделота Литвы», где происходитъ дѣйствіе поэмы Вайделота, на которомъ *что-то осталось*, какой-то блескъ лучей его геніального друга и той счастливой для поэзіи эпохи».

Бергъ самъ признаетъ, что, если-бы не настроеніе нашего общества къ 60-мъ годамъ, онъ, быть можетъ, забыть-бы про то, что уже перевелъ изъ «Пана Тадеуша».

«По возвращеніи съ востока—говорить онъ—въ срединѣ 1861 года я попалъ въ Москву, во время воскресенія изъ мертвыхъ «Общества Любителей Российской Словесности». Тогда многое пробуждалось къ жизни. По Россіи несся особый, небывалый духъ».

Позвольте мнѣ спросить: что же мѣшаетъ, чтобы этотъ духъ снова согрѣлъ всѣхъ русскихъ моихъ слушателей; покрайней мѣрѣ, въ дѣлѣ искренняго пониманія и теплого общенія съ областью изящнаго, въ родственной намъ, по языку, литературѣ? Ничто не мѣшаетъ такому сближенію, и все зоветъ къ нему; и прежде всего любовь къ прекрасному слову, выбранная

девизомъ нашимъ «Обществомъ» ¹⁾), которое уже въ 1861 году, по свидѣтельству переводчика «Пана Тадеуша», привѣтствовала отрывки изъ этой поэмы сочувственными рукоплесканіями. Внѣшнія события могутъ производить печальные и безплодные перерывы въ такомъ общеніи, но духъ сочувствія и пониманія долженъ взять верхъ: такова надежда всѣхъ искреннихъ друзей поэзіи!...

11 ноября 1893 года.

II. Боборыкинъ.

¹⁾) Т. е. «Обществомъ Любителей Российской Словесности».

ЛУШКА.

Было часовъ шесть вечера. Солнце стояло еще высоко, но жара уже спала. Вся деревня словно вымерла: взрослые ушли на сѣнокосъ, дѣти разсыпались по задворкамъ, собаки заснули. На широкой улицѣ было тихо, покойно, просторно.

Вдругъ изъ-за пригорка поднялось сѣроватое облачко пыли, послышались веселые голоса, донесся мягкий лошадинный топотъ. Отъ крайней избы деревни рванулась собачка и залилась звонкимъ лаемъ. Ей сейчасъ-же отвѣтили другія и всѣ понеслись на встрѣчу подѣзвавшей кавалькадѣ. Двѣ дѣвушкѣ въ свѣтлыхъ амазонкахъ и трое мужчинъ въ кителяхъ шумно и весело подскакали къ деревнѣ.

— Волковскіе господа! — раздался гдѣ-то радостный дѣтскій возгласъ.

— Волковскіе! Волковскіе! — какъ эхо прозвучали жиенькіе голосенки, и черезъ нѣсколько секундъ, цѣлая толпа ребятишекъ высыпала на улицу.

Дѣти отлично знали, что эти „Волковскіе господа“, каждое лѣто пріѣзжали въ свою калужскую усадьбу изъ Петербурга; ребятишки видали ихъ чуть не каждый день въ своей деревнѣ, но всякий разъ появленіе господъ на широкой улицѣ было событиемъ въ дѣтской жизни, и дѣти, со всѣхъ ногъ, бросались на встрѣчу господамъ, а потомъ долго вспоминали о всѣхъ мелочахъ этого появленія.

— Дѣтки! А что-же земляники намъ не носите? — крикнула одна изъ амазонокъ, придерживая немного лошадь.

— Не водѣ имъ еще, — отвѣтила дѣвочка изъ старшихъ.

— Мало назрѣли, — пояснилъ одинъ изъ мальчиковъ.

— А вы поищите... Я видѣла, есть красныя... На пряники получите...

Верховые скрылись за поворотомъ улицы. Пыль потихоньку осѣдала назадъ, на землю. Ребятишки собрались въ кучку и бойко, почти всѣ разомъ, обсуждали что-то.

— Лѣтось всякъ разъ двугривенный! Всякъ разъ!.. — вдыхая въ себя воздухъ, говорила дѣвочка лѣтъ восьми, девяти.

— Однова молодой баринъ Фросякѣ бумажку далъ... Видаль: бѣлый картузъ съ краснымъ околомъ?

— Сергѣй Митричъ...

— Ба-а-гачъ!

Дѣти, конечно, наизусть знали, какъ и когда баринъ Сергѣй Дмитріевичъ подариль Фросякѣ рубль, но имъ пріятно было при всякомъ удобномъ случаѣ вспоминать про это.

— Вотъ ягода пойдетъ, таскать имъ будемъ...

— Сѣѣгаемъ!

— Вчераѣс Дунька съ десятокъ ягодинъ нашла...

— Пойдемъ, ребята?

— А скотину пригонять... Вонъ солнце куда ушло...

— Эва! Успѣемъ!

— Заругаются!

— Барановъ загонять, кто будетъ?!

— Только на барскій пригородъ... — настаивалъ одинъ изъ мальчиковъ. — Сенька! Смахаемъ!

Сенька, не колеблясь, бросился за говорившимъ. Черезъ секунду за ними ринулась и вся орава. Они бѣжали, точно на пожарѣ, толкая и перегоняя другъ друга.

— Ну, Лушка! Прочь съ дороги! — крикнулъ мальчикъ лѣтъ десяти, быстрымъ движенiemъ отталкивая бѣжавшую передъ нимъ дѣвочку.

Лушка упала и уронила свертокъ, закутанный въ грязныя, коричневыя тряпки. Изъ-подъ нихъ послышался слабый пискъ ребенка.

— У! Чортова голова! — раздраженно прошепелявила дѣвочка, быстро хватая съ земли свою ношу. — Дьяволъ! — прибавила она, сама не зная кому посылаеть эти ругательства.

Она присѣла на корточки и стала на-скоро обвивать драное, ситцевое одѣяло кругомъ поднятаго съ земли свертка.

— Раsterяласъ! — услышала она веселый дѣтскій голосъ, и посмотрѣла вслѣдъ убѣгавшимъ ребятишкамъ.

Она сообразила, что ей не догнать ихъ. Да и тяжело бѣжать по кочекамъ съ ребенкомъ на рукахъ. Лучше вернуться въ деревню, хоть тамъ и пусто, и тоскливо. Въ избѣ сидѣть жутко: свѣта проходить очень мало черезъ маленькия оконца, съ тусклыми стеклами, да и стекла-то на половину выбиты и замѣнены сахарной бумагой. На сырому земляномъ полу босымъ ногамъ холодно. Матери, конечно, не дождаться до ночи. Федъка будетъ орать: голодъ-то не тетка! А чѣмъ глотку заткнешь? Пока мать не вернется, дома и сухой корки не найдешь.

Дѣвочка тихо поплелась къ деревнѣ, тяжело волоча свои грязные, худыя ноженки.

Лушкѣ, по лицу, было лѣтъ четырнадцать, а по росту и сложенію лѣтъ семь. На самомъ-же дѣлѣ ей со святоѣ шель десятый. На маленькомъ, худенькомъ тѣльцѣ неуклюже сидѣла большая голова, съ умными, задумчивыми глазами. Около дѣтскаго пухлого рта уже легли грустныя складки; блѣдныя щеки ввалились. Во всемъ лицѣ было что-то дѣтски-старческое, озлобленно-несчастное. Одѣта она была, какъ взрослая, какъ подгородная баба: въ ситцевую кофту и длинную юбку. Правое плечо у ней опустилось значительно ниже лѣваго, за что ее и прозвали въ деревнѣ—въ отличіе отъ другой Лушки— „Лушка кривая“. А она очень хорошо знала, почему она кривая; „дохторша“, еще два года тому назадъ, объяснила это ея матери, и Лушка запомнила:—она съ пяти лѣтъ таскала ребенка на лѣвой рукѣ. Ну и скривилась.

Отца она не помнила, даже не знала былъ-ли у нея когда-нибудь отецъ. Жила она съ матерью, Авдотьей-солдаткой, на самомъ краю деревни, въ полуразвалившейся избѣ, съ двумя оконцами. Ни скотины, ни хозяйствства у нихъ не было. Мать никогда не сидѣла дома. Бывало спросятъ Лушку:

— Гдѣ мать-то?

— А песь ее знаетъ, гдѣ ее носить.

И правда, дочь никогда не знала, что дѣлала и гдѣ бывала мать. Скажетъ, что стирала поденко у господь, или у попа, въ сосѣднемъ селѣ, стряпухѣ помогала, а сама придетъ усталая, растрепанная, иногда вся изодранная. И тогда Лушка хоть на глаза не попадайся: за каждое слово достанется. Впрочемъ, теперь это не очень-то пугаетъ Лушку. Прежде она, бывало, убегала отъ матери, пряталась, засыпавъ ея грубый, громкій голосъ. Теперь-же дѣвочка первая накидывалась на нее. Еще вчера, при сосѣдкѣ Марьѣ, какъ Лушка встрѣтила мать:

— Гдѣ шлялась-то? Дѣти о сю пору не Ѳмши сидѣть, а мать не знамо гдѣ шляется!

Правда, и досталось Лушкѣ. До сихъ поръ на лѣвомъ висѣ кожа припухла, ужъ очень здоровый клокъ мать выдрала. Да и Лушка въ долгу не осталась. Мать успѣла улечься и заснуть, а дѣвочка все еще „страмила“ ее. Все, что она слышала въ деревнѣ про мать, все, что бабы, не стѣсняясь ребенка, говорили про Авдотью-солдатку, она злорадно высипала передъ нею. И не зареви Федька, Лушкѣ, кажется, не остановиться-бы до утра. А онъ точно обидѣлся за мать, такъ рявкнулъ, что его пришлось вынуть изъ качалки и побаюкать

на рукахъ. Лушка понимала, что братецъ реветъ не отъ обиды, а просто „жрать“ хочетъ. Вѣдь цѣлый день пустую тряпку сосеть!

Дѣвочка тихо подошла къ матери, вытащила у нея изъ-подъ головы свернутую въ комокъ юбку и отыскала карманъ. Она знала, что, какъ-бы зла или пьяна ни возвращалась мамка домой, у нея все-таки въ карманѣ припасено что-нибудь для дѣтей. И вчера тамъ оказались двѣ баранки и кусокъ полубуллаго хлѣба. Лушка быстро схватила хлѣбъ въ ротъ, усердно разжевала его, съ дѣловымъ видомъ выплюнула все въ тряпочку, закрутила, перевязала ниткой и сунула въ ротъ Федѣкѣ. Онъ сейчасъ-же успокоился. Тогда Лушка, не торопясь, взяла въ ковшикъ воды, сѣла, поджавъ ноги, на лавку и стала ужинать баранками, запивая ихъ водой.

Когда, на разсвѣтѣ, Авдотья проснулась, Лушка спала возлѣ нея, свернувшись въ клубочекъ и подсунувъ голову ей подъ мышку. Мать ласково улыбнулась и тихо, тихо слѣзла съ печи, чтобы не побезпокоить дѣвочку.

Рано утромъ Лушка вскочила отъ Федѣкиныхъ криковъ; Авдотью уже не было въ деревнѣ.

Теперь, возвращаясь домой, дѣвочка опять загорѣлась обидой противъ матери. Утромъ она жалѣла ее. Она чутьемъ понимала, что Авдотѣ тяжело дома, тяжело въ родной деревнѣ. Бѣднота создала ей множество враговъ. Дѣтей кормили, изъ милости, сосѣди и не могли не тяготиться этимъ. У самихъ голь, а тутъ чужихъ корми. И хоть-бы отъ солдатки благодарность какая. Нѣть: наровить еще стащить съ огорода что-нибудь. А скажи слово,—такъ облаетъ, что не будешь знать куда и дѣться. Въ ругани, да въ крикахъ никто не перещеголяетъ Авдотью; ей терять нечего, она давно уже баба „пропаща“. Луша понимала, отчего мать терпѣть не могла своей деревни и знала, что она не разрывается связи съ ней только изъ-за нея и Федѣки. Не будь ихъ, — мать давно-бы ушла въ городъ, въ прачки. Она уже разъ сто это говорила. А съ ребятами куда пойдешь?

Ее больше всего раздражало, когда мать начинала толстѣть: значитъ, опять Лушкѣ готовится кабала. Вотъ уже пятый годъ, что она въ этомъ яриѣ. Федѣка былъ четвертымъ братцемъ; троихъ первыхъ Богъ прибиралъ скоро. Смерть ихъ не особенно огорчала Авдотью. Она продѣлывала все „честь честью“: ревѣла, хоронила и напивалась. А черезъ нѣсколько мѣсяцевъ опять сдавала на попеченіе Лушки маленько, красное существо.

— Очень ты убивалась по Гарасѣкѣ, на тебѣ новаго, чтобы скучно не было, — сказала дѣвочкѣ Авдотья, когда родился Федѣка.

И вотъ уже седьмой мѣсяцъ, что она возится съ этимъ Федѣкой.

Еще ни одинъ не жилъ такъ долго. Первые троє и до полугода не доживали. А этотъ живеть и толстѣеть.

„И отчего-бы это?“ наивно думаетъ Лушка. Точно такъ же, какъ и тѣ, онъ съ самаго рожденія питается соской; такъ же, какъ и покойнымъ „братьцамъ“ Лушка нажуешь утромъ хлѣба, завернетъ въ прохладную вчерашнюю тряпку и сунетъ ему въ ротъ; тѣмъ весь день и сытъ. Точно также плачетъ онъ иногда цѣлыми часами, а Лушка не умѣетъ, а иногда, просто и не хочетъ унять его: „ори на здоровье! Не велись баринъ!“ И все-таки Федыка растетъ, да круглѣеть. Только бѣль очень. И эта бѣлизна безотчетно тревожила Лушку. Она постоянно жалѣла Федыку, хотя постоянно злилась на него. Злилась за то, что должна была весь день носить его на рукахъ, что ее звали „кривая нянѣка“, что не могла ни бѣгать, ни играть съ дѣтьми, что не имѣла ни минуты свободной. Первый „братьецъ“, Ваня, занималъ Лушку, какъ кукла; онъ былъ такой худенький, маленький и умеръ на четвертомъ мѣсяцѣ. Петька и Гараська жили подольше, но жили зимой, а къ лѣту и тотъ, и другой „прибрались“ и освободили Лушку. А Федыка опять отнялъ у нея эту свободу, закабалилъ ее, сдѣлалъ рабой.

„Птаха летить, куда вздумается, вѣтеръ въ полѣ гуляетъ, какъ захочется“, — думаетъ Лушка, „а я-то?“

Она чувствовала себя связанной по рукамъ и по ногамъ и озлоблялась съ каждымъ днемъ все больше и больше.

„Вотъ помрѣть — и ты бѣгать съ ребятками будешь“, вспомнила она слова матери и злобно посмотрѣла по направленію къ барскому пригорку.

Дѣти вѣрѣвали въ деревню со смѣхомъ и веселымъ лепетомъ. Ягодъ было мало, но все-таки набрали нѣсколько горсточекъ. Одинъ изъ старшихъ мальчиковъ бережно несъ ихъ въ цвѣтномъ платкѣ.

— Танька! Тащи тарелку... знаешь ту, съ узоромъ.

Когда дѣвочка принесла тарелку съ синими разводами, вся дѣтская компанія — человѣкъ пятнадцать — разсѣлась въ кружокъ на землѣ, и принялась за раскладываніе ягодъ. Кто не могъ достать рукою, давалъ совѣты.

— Надо рядочками, поаккуратнѣе.

— Переверни ее... Переверни краснымъ-то бокомъ...

— Ишь, ягодка важная!..

— Самъ-бы ъль, да деньги надо, — сказалъ одинъ изъ мальчиковъ, съ интонацией дѣловитаго мужика.

Спускался тихій юнѣскій вечеръ. Въ немъ было разлито что-то радостное, веселое. Курчавыя головки дѣтей, ихъ оживленныя лица и беззаботныя улыбки освѣщались розоватымъ свѣтомъ заходящаго

солнца. Розоватыя пятна разбросались и по избамъ, и по зеленой травѣ.

Лушка сидѣла шагахъ въ десяти отъ ребятишекъ и, вытянувъ шею, слѣдила за каждымъ ихъ движеньемъ. Въ ушахъ ея засѣло: „всякъ разъ двугривенный“, и она понимала, что всѣ эти приготовленія прямо ведутъ къ двугривенному. А, главное, она помнила, что прошлого года Волковская барышня дала ѡедосынной Машѣ, кромѣ денегъ, красную ленту. Каждый праздникъ Маша надѣвала эту ленту на голову и мучила завистью сердце Лушки. Она видѣла, какъ „франтили“ дѣвки въ ихъ деревнѣ: плисовая безрукавка, кумачная рубашки, паневы, обшитыя галуномъ, селезнёвые перышки на головѣ. За старшими тянулись и младшія: хоть не доѣдятъ, да „прифрантятся“. И Лушка отдала-бы все на свѣтѣ, чтобы быть „не хуже людей“. Она только и слышала про себя, что кривая, да некрасивая, „какъ смертный грѣхъ“. Ей казалось, что все это только отъ того, что она ходить въ грязныхъ, рваныхъ обноскахъ, а „будь у нея настоящая одежда“ — посмотрѣли-бы на кривую няньку! не узнали-бы! И, не смотря на постоянный голодъ, она никогда не мечтала ни о чёмъ другомъ, кромѣ красной рубашки, или „веселенькаго ситчика“. Она знала, что поѣсть дѣло возможное: выпросишь хлѣбца, сташишь рѣдьку съ огорода и будешь сыта, а кумачная рубаха казалась ей недосягаемымъ блаженствомъ.

Разъ, близъ церкви, она нашла гривенникъ, и эта свѣтленькая монетка создала ей цѣлые замки изъ кумача и цвѣтного ситца. Она постоянно думала, тутъ-ли ея богатство, не потеряла-ли она гривенничекъ? Она тщательно прятала его отъ матери (знала, что та отниметъ) и не сходила съ улицы, ожидая разносчика „съ товаромъ“. Наконецъ, онъ явился. Все женское населеніе деревни окружило его. Протолкалась къ нему и Лушка.

— Давай-ка кумачу, — съ чувствомъ собственного достоинства проговорила дѣвочка.

Дружный хототъ покрылъ ея слова.

— Никакъ наша Лукерья наслѣдство получила, — сказала одна изъ бабъ.

— Небось украла!

— Давай, давай, нечего... — понукала торговца Лушка, вся красная отъ обиды и злобы.

— Да не слушай ты ее... На ней и рубахи-то нѣть, а туда-же — кумачу!

Всѣ опять громко расхохотались. Торговецъ взглянулъ на Лушку и искренно разсмѣялся, увидѣвъ кривобокую дѣвочку, въ грязныхъ

лохмотьяхъ; изъ-подъ нихъ, мѣстами, виднѣлось худое, темное тѣло. И такъ важно требуетъ кумачу.

— Небось не ъмши сидить, а тоже за обновкой пришла!.. Намедни ѡедосыину курицу пымали, голову свернули, да сварили... Тѣмъ, можетъ, и по сю пору сыты.

— Что врѣсъ-то?!— прошепеливила дѣвочка.— ѡедосыину? Какую ѡедосыину? Матренину!

— Обѣлилась! Нечего сказать!..

Въ это время разносчикъ развернулъ такой пестрый, шерстяной платокъ, что всѣ ахнули и забыли Лушку. Но она не унималась, заходила къ продавцу то съ одной стороны, то съ другой и, наконецъ, протискалась къ самому его плечу. Онъ съ доброй улыбкой взглянулъ на нее. Тогда дѣвочка разжала кулакъ и, съ торжествующимъ видомъ, показала гривенникъ. Торговецъ усмѣхнулся.

— Ишь, богачиха! Что-жъ тебѣ на этотъ капиталъ сарафанъ кумачный желательно?

Лушка молчала, смущенная, разочарованная. Она точно съ неба свалилась. Такъ долго мечтала она о могуществѣ своей монетки и, вдругъ, кромѣ насмѣшки — ничего! И она, выросшая на насмѣшкахъ и брани, тутъ не выдержала, вся задрожала, поблѣдила, чуть не расплакалась.

— Ну, хоть платочекъ! — униженно прошептала она.

Разносчикъ сжался надъ ней, далъ ей красный платокъ, и хоть мать сейчасъ-же отняла его отъ нея, но съ тѣхъ поръ мысль о возможности вымѣнять гривенникъ на красный платокъ, а если этихъ гривенниковъ много, то и на цѣлое платье,— крѣпко засѣла въ головѣ Лушки. Пришла она къ ней и теперь, при видѣ ребятишекъ: набрали ягодъ, раскладываютъ, и „всякъ разъ двугривенный!“ И ей-бы досталось, если-бъ не пузатый Федька! Куда съ нимъ пойдешь? Сиди да нянчи! Оставишь — реветь, сердце надрываетъ. Какъ-то попробовала она бросить его одного, да и сама была не рада: Федька такъ кричалъ безъ нея, что когда она пришла, онъ до того намучился, что только стоналъ и всю ночь самъ не спалъ и не далъ спать Лушкѣ. А тутъ еще сосѣдка нажаловалась матери, и та избила ее; дѣвочка чуть не цѣлую недѣлю ходила въ синякахъ, и вся деревня смеялась надъ нею.

— Вотъ Господь приберетъ, тогда и гуляй себѣ на здоровье, — опять сказала ей мать.

Эти слова часто приходили Лушкѣ въ голову. Она вѣрила имъ, какъ обѣщанію, которое кто-то долженъ исполнить, и ее очень удивляло, что оно не исполняется. Ужъ она и въ церковь ходила, и искренно шептала, глядя куда-то наверхъ:

— Николай Чудотворецъ! Мать Пресвятая Богородица! Прибери Федьку.

Изъ церкви она выходила радостная и примиренная, и весь день ласково и любовно нянчила брата. Она съ жалостью глядѣла на его пухлое личико съ беззубымъ ртомъ, целовала его, зная, что скоро придется разстаться съ нимъ.

Но день шелъ за днѣмъ, а Федька и не думалъ „убираться“. Лушку это и удивляло, и раздражало. Въ сердце заползла горечь несбывшейся надежды, обиды отъ обмана, отъ того, что кто-то не исполнилъ данного обѣщанія. Иногда она просто ненавидѣла Федьку. Когда утромъ она просыпалась отъ его крика, она злобно вскакивала, выхватывала мальчика изъ зыбки, грубо завертывала въ непрочную тряпку и весь день сидѣла съ нимъ въ избѣ.

Она слышала дѣтскіе голоса на улицѣ, видѣла черезъ оконце, какъ ребятишки собираются, играютъ, уходятъ въ лѣсъ, на село, и злобно сидѣла въ своемъ добровольномъ заточеніи. Она слышала, какъ дѣти рассказывали про „Волковскихъ господъ“, что они пляшутъ чуть не каждый день, что къ нимъ изъ города „прѣѣзжаетъ музыка“, что они „страсть, какъ веселятся“; дѣти постоянно говорили о томъ, какіе господа добрые, какъ они „не обижаютъ народъ“, какъ балуютъ ребятишекъ. Лушка съ жадностью слушала все это черезъ свое оконце, мучилась безконечно и, все-таки, продолжала сидѣть въ полутемной, сырой избушкѣ.

Пришелъ Ильинъ день. Въ селѣ былъ храмовой праздникъ. На главной улицѣ раскинулись палатки съ пряниками, орѣхами, стручками, со всякими деревенскими лакомствами. Народъ съ утра бродилъ по селу, распѣвавъ пѣсни и пощелкивая орѣхи и подсолнухи. Вся улица уже была усыпана шелухой; разноцвѣтные наряды весело пестрѣли на солнцѣ. Слышались нестройные, безшабашные звуки гармоній, визгливыя пѣсни, беззаботный смѣхъ, громкія шутки.

Въ веселой, яркой толпѣ робко бредила кривобокая дѣвочка, съ грязнымъ растрепаннымъ сверткомъ на лѣвой руцѣ. Она исподлобья поглядывала на груды розовыхъ пряниковъ, на веселыя лица, на цвѣтные наряды. Она еле-еле передвигала ноги, точно ее пригнетало къ землѣ ея драное платье, неуклюжая кофта съ чужого плеча, грузный свертокъ на лѣвой руцѣ. Она прокрадывалась къ палаткамъ бокомъ, нерѣшительно и глазъ не могла оторвать отъ вкусныхъ грудъ леденцовъ, орѣховъ, стручковъ.

— Лукерья Петровна! Наше вамъ! — пошутилъ съ ней какой-то парень.

Дѣвочка вздрогнула и съ испугомъ скользнула въ сторону.

— Господа погулять съ нами пришли, — послышалось въ толпѣ.

— Пряники закупаютъ... Полакомиться тоже хотятъ...

— Ребятишкѣ угощать будутъ... Виши кругъ себя собираютъ...

Пестрая толпа бѣлоголовыхъ дѣтей собралась около „Волковскихъ господъ“. Одинъ изъ молодыхъ людей — тотъ, кого ребятишки звали „Сергій Митричъ“ — держалъ громадный свертокъ съ пряниками, другой насыпалъ себѣ полную шапку орѣховъ; барышни стали выкликаль дѣтей, назначая первое, пришедшее въ голову имя.

— Маша! Выходи!

Явилось три Маши. Это показалось забавнымъ. „Господа“ привѣтливо надѣлили каждую дѣвочку пряниками и орѣхами.

— Ну, теперь, Ваня выходи!

И Ваней оказалось тоже трое.

— Три Ивана да Марьи! — съострилъ одинъ изъ молодыхъ людей.

Всѣ засмѣялись. Дѣти не разслыхали, или не поняли, чмѹу смѣются „господа“, но все-таки и сами дружно захохотали.

— А Катя есть? — спросила „Волковская барышня“, Катерина Николаевна, которую всѣ ребятишки боготворили за ея доброту.

— Есть... — послышалось среди ребятишекъ.

— Катюшка, выходи... — сказалъ мальчикъ лѣтъ девяты, выталкивая впередъ четырехлѣтнюю дѣвочку.

Она степенно сложила ручки на толстомъ, выпятившемся животѣ, и, переваливаясь на грязныхъ босыхъ ноженкахъ, серьезно подошла къ барышнѣ.

— Здравствуй, тёзка! — ласково сказала ей Катерина Николаевна. — Во чмѹу тебѣ насыпать?

Дѣвочка молча смотрѣла на барышню. Пряди вьющихся волосъ линялого цвѣта падали ей на лицо; изъ-подъ нихъ серьезно выглядывали ясные дѣтскіе глазки. Катерина Николаевна опустилась передъ дѣвочкой на корточки и поцѣловала ее.

— У тебя и фартука нѣтъ... Куда-же я тебѣ гостицы положу?

Дѣвочка протянула впередъ обѣ руки и растопырила пальцы.

— Ахъ ты, милая! Да много-ли въ твои рученки положишь?

Ребятишки искренно и громко расхохотались. Барышня вынула изъ кармана цвѣтной, носовой платокъ, насыпала въ него пряниковъ и орѣховъ, завязала узломъ и отдала Катѣ.

Потомъ вызывались: Саша, Дуня, Груша, Параша, — всѣ имена, какія только приходили на умъ „господамъ“.

— А ты, чмѹу же, дѣвочка, не подходишь? — наконецъ, обратился баринъ „Сергій Митричъ“ къ Лушѣ. — Тебя какъ зовутъ?

— Лушкой, — невнятно произнесла дѣвочка и подвинулась впередъ.

— Душкой?!

Раздался дружный хохотъ. Дѣвочка молчала.

— Лушкой, Лукерьей, — объяснилъ одинъ изъ мальчиковъ.

— Ну, подойди сюда, Луша... Что-жъ ты суровая такая? Ты нянюшка?

Дѣти были теперь въ такомъ настроеніи, что каждый пустякъ вызывалъ ихъ искренній и заразительный хохотъ.

— Нянюшка! Нянюшка! — съ дружнымъ смѣхомъ подхвалили они.

— Лушка-нянюшка!

Молодому барину понравился дѣтскій смѣхъ, и онъ продолжалъ добродушно шутить съ Лушкой.

— Ты, няня, строга больно! Я тебя боюсь!

Раздался опять дружный хохотъ. Загорѣло, не по росту большое, лицо Лушки исказилось злобой. Она взглянула на говорившаго, на хохотавшихъ дѣтей и зло пробормотала себѣ подъ носъ:

— Церти проклятые!

Это еще больше разсмѣшило всѣхъ: и дѣтей, и господъ.

— Ай да няня!

— Няня! Няня!..

— Чего-же ты ругаешься, няня? Подойди сюда... — продолжалъ Сергѣй Дмитріевичъ.

Лушка оглянулась кругомъ на всѣ эти смѣющіяся лица съ открытыми ртами, съ бѣлыми зубами, и все горе заброшенного одиночества, обида подневольного существованія всплыли въ ней. Щеки ея сжалась въ старческую гримасу, углы губъ опустились, изъ груди вырвались рѣзкія, громкія рыданія.

— Ну, няня заревѣла! — услышала она и увидала, что одинъ изъ господъ хотѣлъ подойти къ ней. Страхъ обиды и насмѣшки, безотчетный страхъ одичалаго звѣрка и оскорблennаго человѣка охватилъ Лушку, и она, ничего не видя передъ собою, бросилась въ сторону, растолкала толпу и пустилась бѣжать. Она слышала сзади себя веселый, дружный хохотъ и этотъ хохотъ, точно кнутомъ, гналъ ее впередъ.

Солнце уже садилось. Было жарко и томительно душно. Къ ночи ждали грозы. На востокѣ растянулась тяжелая черная а. Небо было еще ясно, но уже кое-гдѣ показались зловѣщіе "ушки".

Отъ села до Лушкиной деревни считалось верстъ пять-шесть. Лушка бросилась бѣжать прямо лугомъ, не разбирая канавъ, ни овраговъ. У нея въ ушахъ звенѣлъ оскорбительный веселый хохотъ; гдѣ-то близко тянуль за душу тоскливы, назойливы а чѣмъ скорѣе бѣжала она, тѣмъ упорнѣе и надоѣдливѣе этотъ плачъ становился.

— Да замолчи ты! И ~~бесъ~~ тебя тошихонько! — со слезами и горемъ крикнула Лушка и бросила ребенка на землю.

Тотъ заоралъ во все горло. У Лушки въ глазахъ потемнѣло; неистовая, дикая злоба схватила ее, и она, какъ бѣшеная, набросилась на ребенка.

— Поганый! Поганый! „Нянька!“ Черти! — кричала она, рыдала во все горло, и колотила Федьку по головѣ, по лицу, по груди, по чьему только попадалъ ея маленькой, но сильный кулакъ.

Глаза у нея блестѣли, кровь прилила къ головѣ, ноздри раздулись. Она ничего не сознавала, и только крики Федьки раздирали ей сердце и раздражали ее до неистовства. И она, точно желая убѣжать отъ этихъ криковъ, какъ убѣжала отъ хохота, схватила ребенка, крѣпко прижала его голову къ своей груди и опять понеслась по лугу. Трава пощадала ей между пальцами босыхъ ногъ; Лушка спотыкалась о кочки, падала, вскакивала и бѣжала снова, все крѣпче и сильнѣе прижимая къ себѣ Федьку.

Мальчикъ замолкъ. Лушка остановилась, оглянулась кругомъ, и ей сдѣлалось жутко. Поле было все розовое, тихое, благоуханное. Гдѣ-то высоко, на одномъ мѣстѣ, вился жаворонокъ и заливался звонкою, счастливою пѣсней. Дальше — второй, третій... Пахло медомъ. Лушка осмотрѣлась кругомъ: просторъ, тишина, какой-то жуткій покой; она взглянула наверхъ: — надъ ней висѣла необъятная крышка неба, съ розовыми, причудливыми облаками и огромной черной тучей на краю. Лушка вся задрожала и взглянула на „братца“. Онъ уставился на нее стеклянными глазками; раскрытыя губы полиловѣли, на лицѣ легли темныя тѣни. Дѣвочка поблѣднѣла, какъ полотно, и пріпала губами къ открытому рту ребенка.

Федька ужъ не дышалъ.

Ек. Лѣткова.

ругъ
согдѣ

ярко,
саны

* * *

Тебѣ, я знаю, жить недолго суждено.
 Смѣешься-ль ты порой, грустишь-ли одиноко,
 Всегда ты намъ чужда, душа твоя далеко.
 Такъ тучка въ поздній часъ, когда въ поляхъ темно,
 Послѣднимъ золотомъ заката дорогая,
 Блеститъ одна, землѣ и небесамъ чужая.

Какъ тучка легкая, короткой жизни путь
 Проходишь ты, горя красою безучастной.
 Боишься ты любви, томя напрасно грудь
 Мечтами гордыми и жалостью безстрастной.
 Но болѣе, чѣмъ жизнь, чѣмъ свѣтъ и божество,
 Твоей души люблю я красоту больную.
 И много стражду я, и тягостно ревную,
 Но измѣнить въ тебѣ не могъ-бы иначего.

Быть можетъ, близокъ день, и я приду съ цвѣтами
 Туда, где цвѣть увялъ нездѣшней красоты.
 Какъ тучка блѣдная, сольешься съ небесами,
 Растворишь въ вѣчности, загадочной, какъ ты.

Н. Минскій.

жѣ-шѣтѣ.
 Навѣ, ни
 хохотѣ.

ЖЕЛѣзнодорожный сторожъ Тиль.

Разсказъ Г. Гаутмана.

(Переводъ съ немецкаго).

I.

Каждое воскресенье желѣзнодорожный сторожъ Тиль спалъ въ церкви Ней-Циттау, исключая тѣ дни, когда онъ справлялъ службу или былъ боленъ и лежалъ въ постели. Въ теченіе 10 лѣтъ онъ былъ боленъ два раза: разъ — огромный кусокъ угля свалился на ходу съ тендера машины, попалъ въ него и, раздробивъ ему ногу, опрокинулъ въ желѣзнодорожный ровъ; другой разъ — бутылка изъ-подъ вина вылетѣла изъ проносившагося мимо скораго поѣзда и попала ему въ грудь. Кромѣ этихъ двухъ несчастныхъ случаевъ, ничто не могло удержать его отъ посѣщенія церкви, разъ онъ былъ свободенъ.

Первые пять лѣтъ ему приходилось одному дѣлать путь отъ Шенъ-Шорнштейнъ, колоніи на Шпрее, въ Ней-Циттау. Затѣмъ, въ одинъ прекрасный день явился онъ въ сопровожденіи худенькой и болѣзnenной женщины, какъ говорили люди, мало подходившей къ его геркулесовской фігурѣ. Въ одно прекрасное воскресенье онъ торжественно протянулъ предъ алтаремъ руку этой самой женщинѣ для союза на всю жизнь. Два года молодая женщина сидѣла рядомъ съ нимъ на церковной скамьѣ; два года ея лицо, со впалыми щеками, смотрѣло въ старый молитвенникъ рядомъ съ его потемнѣвшимъ отъ непогоды лицомъ. И вотъ внезапно, желѣзнодорожный сторожъ снова сидѣлъ одинъ, какъ прежде: въ одинъ изъ дней минувшей недѣли звонилъ похоронный колоколь.

Въ сторожѣ, какъ увѣряли люди, почти не замѣчалось перемѣны. Пуговицы его опрятнаго праздничнаго мундира были вычищены такъ-же ярко, какъ и прежде; его рыжіе волосы были намазаны масломъ и зачесаны по военному такъ-же хорошо, какъ всегда; только сталъ онъ ниже склонять свой широкій, волосатый затылокъ и еще ревностнѣе, чѣмъ прежде, слушалъ проповѣди. По общему мнѣнію, смерть жены онъ принялъ не слишкомъ близко къ сердцу, и это мнѣніе получило новую силу,

когда, по истечениі года, Тиль вторично женился, — на этотъ разъ на толстой сильной женщинѣ, коровницѣ изъ Альте-Грундъ.

Пасторъ позволилъ даже себѣ высказать нѣсколько замѣчаній, когда Тиль пришелъ заявить о вѣнчаніи.

— Такъ вы ужъ снова хотите жениться?

— Съ мертвой мнѣ нельзя вести хозяйства, господинъ пасторъ!

— Да, но мнѣ кажется, вы нѣсколько торопитесь.

— Мальчикъ заботить меня, господинъ пасторъ.

Жена Тиля умерла отъ родовъ; мальчикъ, котораго она произвела на свѣтъ, былъ живъ и носилъ имя Товія.

— Ахъ, да, мальчикъ, — сказалъ священникъ и сдѣлалъ движение, которое ясно показывало, что онъ старается вспомнить теперь о ребенкѣ. — Это другое дѣло. Гдѣ-жъ вы оставляете его, когда вы на службѣ?

Тиль рассказалъ, какъ онъ отдалъ Товія одной старой женщинѣ, которая разъ чуть не сожгла его, а другой разъ онъ скатился съ ея руки на землю, хотя, къ счастію, отдѣлался только большимъ желвакомъ. По его мнѣнію, такъ дальше пдти не можетъ, тѣмъ болѣе, что мальчикъ, при своей слабости, нуждается въ особенномъ уходѣ. А кромѣ того, онъ поклялся покойной всегда ревностно заботиться о мальчуганѣ. Вотъ почему онъ и рѣшился на этотъ шагъ.

Противъ новой пары, которая каждое воскресеніе приходила въ церковь, люди не могли сказать рѣшительно ничего. Бывшая коровница казалась какъ-бы созданною для сторожа. Она была развѣ только на полъ-головы ниже его, но зато гораздо полнѣе; лицо ея было такъ-же грубо скроено, какъ и его, но этому лицу недоставало души.

Если Тиль питалъ желаніе имѣть въ лицѣ второй жены неутомимую работницу и образцовую хозяйствку, это желаніе сбылось какъ нельзя лучше. Но самъ того не подозрѣвая, онъ взялъ за женой три вещи: суровый властолюбивый нравъ, сварливость и грубую чувственность. Прошло полгода, и въ околоткѣ стало извѣстно, кто заправляетъ въ домѣ сторожа. Сторожа жалѣли.

— Счастье дѣвкѣ, что она получила въ мужья такую овцу, какъ Тиль, — толковали возмущенные мужья: — отъ другого ей крѣпко попадо-бы. Такого звѣря нужно сдѣлать ручнымъ, — говорили они: — и, если нельзя иначе, то побоями. Нужно вышколить ее.

Однако Тиль, не смотря на его жилистые руки, былъ далекъ отъ этого. То, изъ-за чего горячились люди, повидимому, не тревожило его. Безконечныя проповѣди жены онъ обыкновенно пропускалъ безъ возраженій, и если отвѣчалъ когда-нибудь, то медлительная мѣрность и тихій, спокойный тонъ его рѣчи представляли разительную противоположность съ крикливой бранчивостью его жены. Внѣшній міръ, повидимому, мало затрагивалъ его; внутри его, казалось, было что-то, вполнѣ вознаграждавшее его за всѣ непрѣятности супружеской жизни.

Однако, вопреки его обычной флегмѣ, у него бывали мгновенія, когда нельзя было шутить съ нимъ. Это было всегда по поводу вещей, касавшихся маленькаго Товія. Его дѣтски-добroe, уступчивое существо пріобрѣтало тогда какую-то твердость, съ которой не рѣшался считаться даже такой неукротимый характеръ, какой былъ у Лены. Но мгновенія, когда онъ обнаруживалъ эту сторону своего существа, становились все рѣже и рѣже, и, наконецъ, совсѣмъ прекратились. Пассивное сопротивленіе, которое оказывалъ онъ властолюбію Лены въ теченіе первого года, также прекратилось на второй. Если послѣ ссоры ему не удавалось смягчить ее, онъ не могъ ужъ съ прежнимъ равнодушіемъ идти на службу. Въ концѣ концовъ, онъ нерѣдко уничтожался до того, что просилъ ее быть опять доброю. Теперь не то, что раньше: его уединенный постъ, среди густой сосновой чащи, сдѣлался для него любимѣшемъ мѣстомъ. Тихія, полныя любви мысли о покойной женѣ переплетались съ мыслями о живыхъ. Не противъ воли, какъ въ первое время, возвращался онъ туда, но со страстью поспѣшностию, тогда какъ раньше онъ часто считалъ часы и минуты, остававшіяся до смытия.

Съ первою женой онъ былъ связанъ болѣе духовною любовью, а теперь, поддавшись грубымъ влеченіямъ, попалъ подъ власть Лены. По временамъ совѣсть мучила его за это, и онъ чувствовалъ потребность въ какихъ-нибудь средствахъ, чтобы отѣлаться отъ нея. Тогда онъ представлялъ себѣ свой сторожевой домикъ и участокъ пути, вѣренный ему, какъ-бы завѣтно землею, которая должна быть посвящена исключительно тѣни усопшей. Подъ разными предлогами ему, дѣйствительно, удавалось до сихъ порь не брать съ собою туда вторую жену. Онъ надѣялся, что это будетъ удаваться и впредь. Вѣдь она не знаетъ въ какую сторону идти къ его будкѣ; номеръ ей неизвѣстенъ.

Благодаря тому, что онъ могъ такъ добросовѣстно распредѣлять между живыми и мертвыми время, бывшее въ его распоряженіи, Тиль дѣйствительно успокаивалъ свою совѣсть.

Положимъ, часто, и особенно въ минуты одинокихъ размышленій, когда внутренно онъ былъ въ общеніи съ покойною, онъ видѣлъ въ истинномъ свѣтѣ свое настоящее положеніе и чувствовалъ отвращеніе къ нему. Когда день былъ служебный, его духовное общеніе съ покойною ограничивалось дорогими воспоминаніями изъ времени совмѣстной жизни съ нею. Но среди темноты, когда снѣжный вихрь бушевалъ въ лѣсу и надъ дорогой, въ глубокую полночь, при свѣтѣ лампы, домикъ сторожа обращался въ капеллу.

Передъ выцвѣтшою фотографіей покойной на столѣ, съ раскрытымъ молитвенникомъ и библіею, онъ читалъ и пѣлъ поперемѣнно—всю долгую ночь напролетъ, прерываемый только повременамъ шумомъ проносившихся мимо поѣздовъ, и впадалъ при этомъ въ экстазъ, доходившій до видѣній,

въ которыхъ покойница являлась передъ нимъ живою. Отдаленное положение участка, за которымъ сторожъ смотрѣлъ уже десять лѣтъ безъ перерыва, благопріятствовало его мистическимъ склонностямъ. Сторожка его со всѣхъ сторонъ удалена была отъ всякаго человѣческаго жилья, по крайней мѣрѣ на три четверти часа ходбы, и лежала посреди лѣса. Лѣтомъ цѣлые дни, зимой недѣли никто не проходилъ вдоль полотна, кромѣ сторожа и его помощника. Времена года, возвращавшіяся въ свой чередь, и перемѣны въ погодѣ вносили почти единственное разнообразіе въ эту пустынью. Нетрудно было пересчитать события, прерывавшія правильное теченіе службы Тиля, кромѣ двухъ несчастій, о которыхъ было сказано. Четыре года тому назадъ пронесся мимо экстренный императорскій поѣздъ, везшій императора въ Бреславль. Однажды, въ зимнюю ночь, скорымъ поѣздомъ переѣхало оленя. Другой разъ, жаркимъ лѣтнимъ днемъ, осматривая полотно, Тиль нашелъ закупоренную бутылку вина. Она была горяча, изъ чего Тиль заключилъ, что въ ней должно быть что-нибудь хорошее, особенно когда изъ нея забило фонтаномъ, какъ только Тиль вытащилъ пробку: очевидно, что въ ней бродило. Тиль положилъ бутылку, чтобы она остыла, въ мелкомъ мѣстѣ лѣсного озера, около берега,—откуда она какимъ-то образомъ исчезла; и Тиль, спустя годы все еще жалѣлъ о ея потерѣ.

Кое-какія развлеченія доставляли сторожу колодезь, находившійся какъ разъ за его сторожкой. Отъ времени до времени телеграфные и желѣзно-дорожные рабочіе, занятые по близости, брали изъ него воду, причемъ само собой, завязывался короткій разговоръ. Иногда приходилъ лѣсникъ утолить свою жажду.

Товій развивался медленно; только къ концу второго года научился онъ произносить необходимыя слова и ходить. Къ отцу онъ проявлялъ особенную привязанность. Когда онъ сталъ понятливѣе, прежняя любовь отца пробудилась вновь. Но по мѣрѣ того, какъ она росла, любовь мачихи къ Товію уменьшалась, и даже перешла въ открытую непріязнь, когда у Лены къ концу девятаго года родился свой ребенокъ.

Для Товія настало плохое время; особенно доставалось ему въ отсутствіи отца, когда ему приходилось, не слыша ласковаго слова, тратить свои силы на маленькаго крикунаго брата; это истощало его все больше и больше. Его голова пріобрѣтала необычайные размѣры; бѣлое, какъ мѣль, лицо его, окруженное огненно-красными волосами, было некрасиво и вмѣстѣ со всей фигурой вызывало сожалѣніе. Всякій разъ, какъ слабенький Товій со своимъ крѣпкимъ братишкой на рукахъ, тащился внизъ къ Шпрее, за окнами избы раздавалась брань. Это близко касалось Тиля, но онъ, какъ будто, ничего не замѣчалъ и старался не понимать намековъ, которые дѣлали ему доброжелательные сосѣди.

II.

Какъ-то разъ юньскимъ утромъ, въ семь часовъ, пришелъ Тиль со службы. Жена его не успѣла еще кончить привѣтствія, какъ уже принялась за обычную жалобу. Арендный участокъ, доставлявшій до сихъ поръ на семью картофель, нѣсколько недѣль тому назадъ имъ пришлось возвратить, и Лена все еще не могла отыскать новаго. Хотя заботы о полѣ принадлежали къ ея обязанностямъ, но Тиль долженъ былъ десятки разъ выслушивать, что онъ одинъ виноватъ въ томъ, что въ этомъ году они должны тратиться на картофель. Тиль проворчалъ что-то и, мало обращая вниманія на слова Лены, сейчась же отправился къ постели своего старшаго сына, на которой онъ спалъ вмѣстѣ съ нимъ въ тѣ ночи, когда не ходилъ на службу. Онъ сѣлъ на кровать и, съ заботливымъ выраженіемъ на добромъ лицѣ, глядѣлъ на спавшаго мальчика; вѣкоторое время онъ отгонялъ отъ него докучливыхъ мухъ, пока не разбудилъ его. Въ голубыхъ, впалыхъ глазахъ проснувшагося ребенка свѣтилась трогательная радость; онъ поспѣшилъ схватить руку отца, и углы губъ его сложились въ печальную улыбку. Сторожъ помогъ ему сейчась же надѣть его несложный костюмъ,—но вдругъ, какъ бы тѣнь омрачила его черты, когда онъ замѣтилъ, что на правой щекѣ сына, немного опухшой, обозначились красными пятнами слѣды пальцевъ.

Когда Лена за завтракомъ снова вернулась къ старой темѣ, онъ перебилъ ее, объявивъ, что начальникъ предоставилъ даромъ въ его распоряженіе кусокъ земли вдоль полотна, около самой сторожки; вѣроятно, для самого начальника этотъ участокъ слишкомъ далекъ. Лена сначала не повѣрила, но понемногу ея сомнѣнія исчезли, и расположение ея духа замѣтно измѣнилось. Вопросы, великий-ли участокъ, хороша ли земля, и другіе, сыпались наперерывъ; а когда она узнала, что тамъ растетъ еще два небольшихъ фруктовыхъ дерева,—она совершенно одурѣла. Когда уже не о чёмъ было спрашивать, она побѣжала въ лавочку, чтобы разнести новость по мѣстечку.

Въ то время, какъ Лена входила въ темную лавочку, переполненную всякимъ товаромъ, сторожъ оставался дома, занимаясь исключительно Товіемъ. Мальчуганъ сидѣлъ у него на колѣняхъ и игралъ сосновыми шишками, которая Тиль принесъ собой изъ лѣса. «Ну, кѣмъ ты будешь?»—спросилъ его отецъ; этотъ вопросъ былъ стереотипенъ, какъ и отвѣтъ мальчика: «начальникомъ дороги». Вопросъ задавался не шутя, ибо мечты сторожа и въ самомъ дѣлѣ запосились въ такія высоты; онъ вполнѣ серьезно лелѣялъ мечту, что изъ Товія, съ Божіей помощью, выйдетъ что-нибудь необыкновенное. Какъ только отвѣтъ: «начальникомъ дороги» слетѣлъ съ безкровныхъ губъ мальчика, конечно, вовсе не зналшаго, что

значать эти слова, лицо Тиля стало проясняться и, наконецъ, оно засияло внутреннимъ счастіемъ.

«Ступай, Товій, играй!» — сказалъ онъ коротко, раскуривая трубку отъ лучины, которую зажегъ въ печи; и мальчикъ, съ робкой радостью, сейчасъ-же вышелъ изъ избы. Тиль раздѣлся, легъ и долгое время, задумавшись, смотрѣлъ на низкій потолокъ, пока, наконецъ, не заснулъ. Въ полдень онъ проснулся, одѣлся и, въ то время, какъ жена его готовила обѣдъ, вышелъ на улицу и тутъ-же поймалъ Товія, который ковырялъ изъ стѣны извѣстъ и совалъ ее въ ротъ. Сторожъ взялъ его за руку и отправилъ съ нимъ по мѣстечку. Они шли къ Шпрее, сверкающей, какъ чернное стекло, сквозь рѣдкую зелень тополей. На самомъ берегу лежалъ гранитный обломокъ, и Тиль усѣлся на немъ. Все мѣстечко, при маломъ-мальски сносной погодѣ привыкло вѣдѣть его на этомъ мѣстѣ. Особенно лѣнули къ нему дѣти; они всѣ называли его «дядюшка Тиль»; онъ училъ ихъ различнымъ играмъ, которыя помнилъ съ дѣтства. Но самое лучшее изъ того, что онъ помнилъ, онъ припасалъ для Товія; онъ дѣлалъ для него стрѣлы съ перьями, летавшія выше, чѣмъ у другихъ мальчиковъ; онъ вырѣзывалъ ему дудки изъ ивовыхъ вѣтвей и при этомъ всегда пріѣвалъ своимъ грубымъ голосомъ. Люди смеялись, глядя на его чудачества; они не понимали, какъ онъ могъ возиться такъ долго съ этими сопляками. Въ сущности, однако, они были этимъ довольны; ибо съ нимъ дѣти были подъ хорошимъ присмотромъ; а кромѣ того Тиль, занимался съ ними и серьезными дѣлами: старшимъ помогалъ читать біблію и молитвы, а съ маленькими занимался складами: б-а—ба, д-у—ду, и такъ далѣе.

Послѣ обѣда сторожъ опять немного спалъ; проснувшись, пилъ послѣ-обѣденный кофе и сейчасъ-же начиналъ приготовляться, чтобы идти на службу. Какъ для всякаго дѣла, и для этого ему нужно было много времени; каждое движеніе руки установилось уже съ давнихъ поръ. Постоянно, въ одной и той-же послѣдовательности, отправлялись въ карманы его платья предметы, заботливо разставленные на маленькомъ орѣховомъ комодѣ: ножикъ, книжка для отмѣтокъ, гребень, старые часы. Особыми заботами пользовалась маленькая книжечка въ красной бумажной обложкѣ; ночью она лежала у него подъ подушкой, а днемъ онъ носилъ ее всегда въ боковомъ карманѣ форменного сюртука. На первой страницѣ неуклюжимъ, но вычурнымъ почеркомъ рукою Тиля было написано: книжка сберегательной кассы Товія Тиля.

Стѣнныя часы, съ длиннымъ маятникомъ и пожелтѣвшимъ циферблатомъ, показывали три четверти пятаго, когда Тиль тронулся въ путь. На своей маленькой лодочкѣ онъ перебѣхалъ рѣку. Нѣсколько разъ останавливался онъ на противоположномъ берегу и, обернувшись назадъ, прислушивался. Наконецъ, повернуль онъ на широкую лѣсную дорогу и черезъ

нѣсколько минутъ очутился въ густомъ сосновомъ бору; деревья глухо шумѣли, дрожащія массы хвой были подобны волнамъ темно-зеленаго моря. Неслышно, какъ-бы по войлоку, шель Тиль по сырому моху и хвоямъ, покрывавшимъ лѣсную почву. Не обращая вниманія на окружающіе предметы, шель онъ своею дорогой—сначала среди коричневыхъ колоннъ высокаго старого бора, потомъ черезъ густую чащу молодого лѣса, а еще дальше черезъ широкія прогалины, осѣненныя высокими стройными соснами; послѣднія были оставлены для охраны молодой поросли. Отъ земли поднимался паръ голубоватый, прозрачный, напоенный разнообразнѣйшими ароматами; очертанія деревьевъ становились расплывчатыми и неясными. Тяжелое, молочного цвета, небо нависло надъ самыми верхушками деревьевъ, стаи воронъ какъ-бы плавали въ сѣромъ воздухѣ, безпрерывно испуская рѣзкіе крики. Черныя лужи, образовавшіяся въ углубленіяхъ дороги, отражали и безъ того мрачную картину еще мрачнѣе.

«По погодѣ судя—быть урожаю», подумалъ Тиль, поднявъ голову и какъ-бы пробудившись отъ глубокаго раздумья. Вдругъ мысли его приняли другое направленіе: онъ смутно почувствовалъ, что должно быть что-то позабытъ дома и, дѣйствительно, ощупавъ карманы, онъ не нашелъ бутерброда, который почти всегда бралъ съ собой, въ виду продолжительности дежурства. Онъ простоялъ нѣсколько времени въ нерѣшительности, затѣмъ повернулся и поспѣшилъ назадъ—къ деревнѣ. Быстро достигъ онъ Шпрее, нѣсколькими сильными ударами весель переправился черезъ нее и тотчасъ-же, весь въ поту, двинулся по деревенской улицѣ, незамѣтно поднимавшейся кверху. Среди улицы лежалъ старый, опаршившій пудель лавочника, а на досчатомъ осмоленномъ заборѣ сидѣла сѣрая ворона; она топорщилась, встряхивалась, наклонялась, испускала раздирающіе крики: «кра», «кра», наконецъ, свистя крыльями, поднялась и полетѣла по вѣтру, по направлению къ лѣсу. Изъ обитателей маленькой колоніи, въ которой было всего человѣкъ 20 рыбаковъ и дровосѣковъ съ семьями, не было видно ни души.

Звукъ пронзительного голоса такъ рѣзко и громко нарушилъ тишину, что сторожъ невольно остановился. До его слуха донесся цѣлый потокъ грубыхъ, крикливыхъ словъ, вылетавшихъ изъ открытаго слухового окна низенькаго домика, который былъ ему слишкомъ хорошо знакомъ. Ослабивъ, по возможности, шумъ своихъ шаговъ, онъ подкрался ближе и тогда вполнѣ отчетливо различилъ голосъ своей жены. Еще нѣсколько шаговъ—и ея слова стали ему совершенно ясны.

— «Ахъ ты безжалостный, безсердечный негодяй,—надорваться, что-ли, голодному малюткѣ отъ крика? какъ? Подожди, подожди, я научу тебя слушаться! Будешь помнить! На мгновенье все стихло, потомъ послышался шумъ, какъ будто-бы выколачивали платье, затѣмъ вновь послышался градъ ругательствъ.—У, несчастный молокосось,—быстро забара-

баниль голось, — ужъ не думаешьъ ли ты, что я изъ-за такого плаксы оставлю голоднымъ мое милое дитя? — Закрой пасть-то — закричала она, когда послышалось слабое всхлипыванье, — или я тебѣ столько всыплю, что ты цѣлую недѣлю помнить будешьъ! Всхлипыванье не прекращалось.

Сторожъ чувствовалъ, что сердце его бѣется тяжелыми неправильными ударами; онъ началъ дрожать и растерянно уставился въ землю; грубая жесткая рука его нѣсколько разъ откидывала въ сторону клокъ мокрыхъ волосъ, который снова упорно падаль на его лобъ, покрытый веснушками. Одно мгновеніе, и состояніе это овладѣло-бы имъ, это была судорога, которая заставила надуться его мускулы и сжала пальцы руки въ кулакъ, но она прошла, и снова овладѣло имъ тупое безсиліе.

Невѣрными шагами вошелъ сторожъ въ узкія сѣни, вымощенные кирпичемъ, и медленно, устало началъ взбираться вверхъ по скрипящей деревянной лѣстницѣ.

— Тьфу, тьфу, тьфу, раздалось снова; при этомъ слышно было, какъ кто-то три раза сряду плюнулъ, съ выраженіемъ гнѣва и презрѣнія.

— Ахъ ты жалкій, гнусный, лукавый, злой, трусливый, дрянной болванъ! — Слова слѣдовали другъ за другомъ все громче и громче. Голосъ иногда даже прерывался отъ раздраженія. — Какъ ты смѣешь бить моего ребенка, ты, жалкій бродяга, осмѣливаешься бить по лицу бѣдное, безпомощное дитя? Не хочу только морать своихъ рукъ о тебя, а то-бы...

Въ это мгновеніе Тиль отворилъ дверь комнаты и конецъ начатаго предложенія, отъ испуга, застрялъ въ горлѣ Лены. Она страшно поблѣдѣла отъ гнѣва, губы ея злобно сжались, правая рука поднялась, снова опустилась, схватила горшокъ съ молокомъ и пыталась наполнить дѣтскій рожокъ; но ей пришлось оставить эту работу, такъ какъ большая часть молока пролилась изъ горлышка на столъ; вскорѣ вытерши столъ, она, въ страшномъ волненіи, нерѣшительно начала хвататься то за ту, то за другую вещь, наконецъ, она, все-же, на столько оправилась, что напустилась на своего мужа. Что это значитъ, что онъ возвращается домой въ такое необычное время; ужъ не хочетъ-ли онъ подслушивать? «Это было-бы ужъ слишкомъ!» и вслѣдъ затѣмъ она прибавила, что у нея чистая совѣсть, что она ни передъ кѣмъ не опустить глазъ.

Тиль едва слышалъ, что она говорила, его глаза бѣгло осматривали рыдавшаго Товія; одно мгновеніе казалось, что онъ съ трудомъ сдерживаетъ что-то ужасное, поднимавшееся въ немъ, затѣмъ, вдругъ, напряженное лицо его приняло свое обычное флегматическое выраженіе, только изрѣдка глаза его загорались затаеннымъ страстнымъ блескомъ. На секунду остановился его взоръ на сильной фігурѣ жены, которая все еще возилась съ разными вещами и не могла прийти въ себя. Ея полная, полуобнаженная грудь вздыпалась отъ волненія и грозила выскочить изъ корсета, подобранное платье дѣжало ея широкія бедра еще шире. Казалось, отъ

этой женщины исходила непреодолимая роковая сила, которой Тиль не въ силахъ былъ противиться...

Легко, подобно тонкой паутинѣ, и въ то же время крѣпко, какъ желѣзная сѣть, овладѣла имъ эта сила, очаровывая, побѣждая и усыпляя. Въ этомъ состояніи онъ не могъ произнести вообще ни одного слова, особенно грубаго, и Товій, забившись въ уголъ, весь въ слезахъ, видѣлъ, какъ отецъ, даже, не взглянувъ на него, взялъ съ полки забытый хлѣбъ, разсѣянно кивнулъ женѣ и, безъ всякаго объясненія, тотчасъ исчезъ.

III.

Хотя Тиль сплошь торопился, все же онъ пришелъ на свой уединенный постъ 15-ю минутами позже положенного времени. Еще издали, между стволами деревьевъ, онъ увидѣлъ, блестѣвшій на бѣломъ фонѣ, большой черный номеръ своего дома. На маленькой песчаной платформѣ, около сторожки, стоялъ его помощникъ, собравшійся уже уходить. Тиль чередовался съ нимъ въ дежурствѣ. Это былъ чахоточный человѣкъ, который схватилъ свою болѣзнь вслѣдствіе быстрыхъ перемѣнъ температуры, неизбѣжныхъ при его службѣ. Они пожали другъ другу руки, перекинулись нѣсколькими словами и разстались. Одинъ вошѣлъ въ будку, другой перешелъ черезъ полотно и отправился дальше по той дорогѣ, по которой пришелъ Тиль.

Сначала его судорожный кашель слышался довольно близко, затѣмъ все дальше и дальше; вмѣстѣ съ нимъ замолкъ въ этой пустынѣ послѣдний человѣческий звукъ. Тиль, прежде всего, началъ по своему вкусу приготавлять къ ночи узкую, четырехугольную комнату каменной сторожки. Онъ дѣлалъ это механически; мысли его находились подъ впечатлѣніемъ только-что пережитаго. Онъ положилъ свой ужинъ на узкій коричневый столъ, стоявшій у одного изъ двухъ боковыхъ оконъ, изъ которыхъ прекрасно можно было видѣть полотно; затѣмъ, развелъ въ маленькой заржавленной печкѣ огонь и поставилъ туда горшокъ съ холодной водой; наконецъ, привель въ порядокъ инструменты—лопату, заступъ, принялъся чистить свой фонарь и наполнилъ его керосиномъ. Только что онъ это сдѣлалъ, какъ раздались три пронзительные удара колокола, потомъ они повторились еще разъ. Это значило, что бреславльскій поѣздъ вышелъ съ ближайшей станціи. Не обнаруживая ни малѣйшей поспѣшности, Тиль оставался еще довольно долго въ будкѣ; наконецъ, онъ медленно вышелъ съ флагомъ и сумкой въ рукахъ и лѣнивой походкой направился по песчаной дорожкѣ къ переѣзду черезъ путь, находившемуся шагахъ въ 20 отъ сторожки. Тиль добросовѣстно опускалъ и поднималъ шлагбаумъ до и послѣ прохода каждого поѣзда, хотя рѣдко кто показывался на этой дорогѣ.

Онъ окончилъ свою работу и, въ ожиданіи, облокотился на полосатый поперечный брусъ шлагбаума. Вправо и влѣво оть Тиля желѣзнодорожный путь врѣзался въ необозримый зеленый боръ, хвойныя массы какъ-бы раздвинулись, оставивъ свободный проходъ, въ которомъ возвышалась песчаная красновато-коричневая насыпь; черные, параллельно-бѣгущіе рельсы казались громадной петлей желѣзной сѣти, и тонкія нити этой петли сходились на горизонтѣ. Поднялся вѣтеръ. Телеграфные столбы, стоявшіе вдоль полотна, издавали жужжащіе аккорды. На проволокахъ, которыхъ, какъ ткань гигантскаго паука, протягивались отъ столба къ стогбу, густыми рядами лѣпились стаи щебечущихъ пташекъ. Дятель пролетѣлъ надъ головой Тиля, но послѣдній не обратилъ на него ни малѣйшаго вниманія.

Солнце, только что выглянувшее изъ-за края громадныхъ облаковъ, чтобы вновь погрузиться въ темно-зеленомъ морѣ лѣсныхъ верхушекъ, разливало надъ лѣсомъ пурпурные потоки свѣта. По ту сторону насыпи аркады изъ сосновыхъ стволовъ зажглись, какъ бы изнутри, и блестѣли, какъ раскаленное желѣзо. Зажглись также и рельсы, подобно огненнымъ змѣямъ, но они скоро потухли, и вотъ пламя начало медленно подниматься отъ земли кверху: сначала бросало оно холодный мерцающій свѣтъ на стволы сосенъ, затѣмъ на зелень, наконецъ красноватые, дрожащіе лучи скользили только по самымъ верхушкамъ. Безмолвно и торжественно развертывалось величественное зрѣлище.

Сторожъ все еще неподвижно стоялъ у шлагбаума, наконецъ онъ сдѣлалъ шагъ впередь—темная точка на горизонтѣ, тамъ, где сходились рельсы, увеличивалась; она росла съ каждой секундой, хотя и казалось, что она стоитъ на мѣстѣ. Вдругъ она пришла въ движение и стала приближаться. Рельсы задрожали, по нимъ пронеслось жужженіе, мѣрный звонъ, который, дѣлясь все громче и громче, сталъ, наконецъ, похожимъ на удары копытъ приближающагося эскадрона всадниковъ. Пыхтѣнья и стукъ доносились издалека, какъ бы толчками, но, вдругъ, тишина нарушилась, неистовый шумъ и ревъ наполнилъ пространство, рельсы покачнулись, земля задрожала, сильный порывъ вѣтра, облако пыли, пара, густого дыма..... и черное чудовище, пыхтя, пронеслось мимо. Звуки начали замирать также постепенно, какъ они возрастали. Дымъ вился, поѣздъ превратился въ одну точку, исчезъ въ дали, и прежняя блаженная тишина снова охватила лѣсной уголокъ.

«Мина», прошепталъ сторожъ, какъ-бы пробудившись отъ сна, и пошелъ назадъ въ свою сторожку. Онъ заварилъ жидкій кофе, сѣлъ и, прихлебывая по временамъ, неподвижно смотрѣлъ на грязный лоскутокъ газеты, который онъ подобралъ гдѣ-то на пути. Мало по малу имъ овладѣвало странное беспокойство; онъ приписывалъ это жарѣ, стоявшей въ

комнатѣ, поспѣшилъ снять сюртукъ и жилетъ, но это не помогло. Онъ всталъ, взялъ лопату и отправился на подаренный ему клокъ земли.

Это была узкая песчаная полоса, густо поросшая сорной травой. Какъ бѣлонѣжной пѣнной покрыты были молодымъ цвѣтомъ вѣтви двухъ маленькихъ плодовыхъ деревьевъ. Тиль успокоился, въ душѣ его воцарился миръ. Теперь за работу! Лопата со скрипомъ вонзилась въ почву, мокрые комья глухо падали назадъ и разбивались другъ о друга. Сначала онъ копалъ долго, безъ перерыва, но вдругъ пересталъ и громко, отчетливо, покачивая головой, сказалъ самъ себѣ: «нѣтъ, нѣтъ этого не будетъ» — и снова — «нѣтъ, нѣтъ, конечно, этого не будетъ».

Ему пришло въ голову, что Лена будетъ теперь приходить сюда, чтобы работать на полѣ, и заведенный распорядокъ жизни измѣнился. И внезапно радость обладанія этимъ клошкомъ земли смѣнилась отвращенiemъ къ нему. Поспѣшилъ, какъ будто-бы его осенила мысль, что онъ дѣлаетъ то, чего не слѣдуетъ дѣлать, выдернулъ Тиль лопату изъ земли и понесъ ее обратно въ сторожку. Здѣсь онъ снова погрузился въ мрачную задумчивость. Онъ не зналъ почему, но мысль, что цѣлыми днями будетъ онъ видѣть здѣсь, около себя, Лену, эта мысль, какъ онъ ни пытался примириться съ ней, становилась для него все невыносимѣе. Ему казалось, что онъ защищаетъ что-то безконечно ему дорогое, что посягаютъ на его «святая святыхъ», и невольно слабой судорогой свело его мускулы и изъ губъ вылетѣлъ короткій вызывающій смѣхъ. Испуганный отголоскомъ этого смѣха, онъ оглянулся и потерялъ нить своихъ мыслей; когда онъ ее нашелъ, то снова погрузился въ старыя думы, — и вдругъ, какъ будто разорвалась предъ нимъ на двое плотная черная завѣса, и его затуманеннымъ глазамъ предстала ясная картина. Ему казалось, что онъ, какъ будто, проснулся послѣ двухлѣтняго мертваго сна и теперь, недовѣрчиво покачивая головой, думаетъ обо всемъ томъ ужасномъ, что онъ принужденъ былъ совершить въ этомъ состояніи. Картина страданій его старшаго сына, которую еще болѣе освѣжили впечатлѣнія послѣднихъ часовъ, ярко предстала у него предъ глазами.

Его охватили состраданіе, раскаяніе и жгучай стыдъ за то, что онъ послѣднее время былъ такъ позорно терпѣлий, что и не думалъ объ этомъ миломъ беззащитномъ существѣ — да! у него не нашлось силы защитить ребенка..

Тяжелая усталость охватила его послѣ этихъ мучительныхъ самообвиненій. Онъ положилъ руки на столъ, прижалъ къ нимъ лобъ и въ такомъ положеніи, съ согнутой спиной, заснулъ. Нѣсколько времени лежалъ онъ такъ, вскрикивая иногда: «Мина».

Въ его ушахъ стоялъ шумъ и свистъ, какъ будто-бы отъ громадныхъ массъ падающей воды; кругомъ было темно; онъ открылъ глаза и проснулся. Онъ дрожалъ, пульсъ бился неровно, лицо было мокро отъ слезъ.

Въ будкѣ ни эти не видно было; онъ хотѣлъ взглянуть въ сторону двери, но не зналъ, куда нужно для этого повернуться. Онъ поднялся, дрожа. Лѣсь шумѣлъ, какъ прибой волнъ, вѣтеръ съ силой билъ дождемъ и градомъ въ окна домика. Тиль безпомощно ощупывалъ окружающіе предметы. Одно мгновеніе онъ чувствовалъ себя какъ-бы утопающимъ, — вдругъ, какъ капли небеснаго огня, упавшія въ темную земную атмосферу, чтобы тотчасъ-же погаснуть, сверкнуло синеватое блестящее пламя. Достаточно было этого мгновенія, чтобы сторожъ пришелъ въ себя и схватилъ фонарь, который, къ счастью, тотчасъ нашелъ. Въ ту же минуту, на дальнемъ краѣ ночного неба, раздался ударъ грома, пронесяся глухой сдержанной рокотъ, затѣмъ ближе — короткіе бурные раскаты, наконецъ, разразились страшные удары, наполнивъ всю атмосферу дребезжаньемъ, грохотомъ и шумомъ.

Тиль зажегъ свѣчку и посмотрѣлъ на часы. Оставалось 5 минутъ до отхода курьерскаго поѣзда. Такъ какъ онъ думалъ, что сигналъ будетъ заглушенъ громомъ, то онъ быстро, насколько позволяла буря и темнота, направился къ шлагбауму; только что приготовился онъ запереть его, прозвучалъ сигнальный колоколъ. Вѣтеръ разорвалъ звуки и разнесъ ихъ по всѣмъ направленіямъ. Сосны сгибались, и вѣти ихъ съ непрѣятнымъ скрипомъ терлись другъ о друга. На одно мгновеніе, среди облаковъ, выглянула мѣсяцъ, подобный блѣднозолотой чашѣ.

При его свѣтѣ было видно, какъ дрожали отъ вѣтра верхушки деревьевъ. Вѣти березъ вѣяли и качались около насыпи, какъ хвосты призрачныхъ коней. Подъ ними лежали блестящія отъ влаги рельсы, отражая въ иныхъ мѣстахъ блѣдный свѣтъ луны.

Тиль сорвалъ съ головы фуражку, дождь освѣжалъ его и, смѣшиваясь со слезами, орошалъ лицо. Неясныя воспоминанія того, что онъ видѣлъ во снѣ, бродили у него въ головѣ, перегоняя другъ друга. Ему видѣлось, что кто-то пугалъ Товія и такимъ ужаснымъ образомъ, что даже теперь, при воспоминаніи объ этомъ, сердце его зампrado. Другое видѣніе вспоминаетъ онъ еще яснѣ. Онъ видѣлъ покойную жену. Она пріѣхала откуда-то издалека, по желѣзной дорогѣ; у нея былъ болѣзненный видъ, и вмѣсто платья — рубище. Она прошла мимо домика Тиля, не оборачиваясь, и здѣсь его воспоминанія дѣвались неясными — она съ большимъ трудомъ, спотыкаясь, подвигалась впередъ. Дальше неслись мысли Тпля, онъ зналъ только, что она въ бѣгахъ; это было внѣ сомнѣнія. Иначе, зачѣмъ ей было съ такимъ ужасомъ оглядываться назадъ и плестись дальше, не смотря на то, что ноги отказывались ей служить. О! эти ужасные взгляды! Но въ рукахъ у нея было что-то, завернутое въ тряпку, что-то безжизненное, окровавленное, блѣдное, и выраженіе, съ которымъ она смотрѣла на свою ношу, вызывало въ немъ воспоминанія о быломъ.

Онъ думалъ объ умирающей женщинѣ, которая принуждена была

оставить своего новорожденного ребенка и смотрѣла на него, не сводя глазъ, съ выражениемъ глубочайшей скорби, съ выражениемъ, котораго Тиль никогда не забудетъ, какъ не забудетъ своего отца и матери. Куда она ушла? Онъ этого не зналъ; но ему было ясно, что она отреклась отъ него, что она его не замѣчаетъ, а идеть все впередъ и впередъ въ бурную, темную ночь. Онъ позвалъ ее: «Мина, Мина!» и съ этими словами проснулся.

Два круглыхъ, красныхъ пятна пронзали темноту, какъ глаза громаднаго чудовища. Кровавый свѣтъ исходилъ изъ нихъ, превращая дождевые капли въ капли крови. Казалось, кровавый дождь падалъ съ неба. Ужасъ охватилъ Тиля и, по мѣрѣ приближенія поѣзда, его тревога увеличивалась. Сонъ и дѣйствительность слились у него въ одно. Онъ все еще видѣлъ, какъ бродила предъ нимъ женщина по полотну желѣзной дороги, и его рука искала сумки съ флагами, какъ будто онъ хотѣлъ остановить бѣшеный поѣздъ. Къ счастью, было поздно, предъ глазами Тиля уже рябиль свѣтъ, поѣздъ промчался мимо.

Остальную часть ночи Тиль не могъ уже спокойно отправлять свою службу. Его тянуло домой. Ему хотѣлось видѣть Товія. Ему казалось, что онъ находится въ разлукѣ съ нимъ цѣлые годы. Чтобы убить время, Тиль рѣшилъ, какъ только начнетъ свѣтать, обойти свой участокъ.

Съ палкой въ лѣвой руцѣ и съ длиннымъ желѣзнымъ ключемъ въ правой, пошелъ онъ по насыпи и потонулъ въ грязновато-сѣромъ полуумракѣ. То здѣсь, то тамъ укрѣплялъ онъ ключемъ болты или ударялъ по круглымъ желѣзнымъ прутьямъ, соединяющимъ рельсы.

Дождь и вѣтеръ прекратились, и между разорванными тучами стало появляться, мѣстами, блѣдно-голубое небо. Однообразный стукъ подошвъ о твердый металль, сонливый шумъ деревьевъ, роняющихъ капли, успокоили Тиля. Въ 6 часовъ утра онъ былъ смѣненъ и немедля отправился домой.

Было прекрасное воскресное утро. Облака разсѣялись и скрылись за горизонтомъ. Восходящее солнце сверкало, подобно кроваво-красному драгоцѣнному камню, и разливало потоки свѣта надъ лѣсомъ.

Рѣзкими полосами пробивались пучки солнечныхъ лучей черезъ сѣть деревъ; здѣсь обливали они рдѣющими свѣтомъ островокъ нѣжныхъ папоротниковъ, съ опахалами, ввидѣ тонкихъ зубчатыхъ кружевъ, тамъ превращали въ ярко-красные кораллы серебристыя сплетенія лишаевъ лѣсной чащи. Съ верхушекъ стволовъ и травъ капала огненная роса. Цѣлый потокъ свѣта, казалось, разлился надъ землею. Свѣжесть воздуха проникала до самаго сердца. Ночные картины поблѣднѣли въ воображеніи Тиля. Когда же онъ вошелъ въ комнату и увидѣлъ Товія, который съ красными щечками лежалъ въ освѣщенной солнцемъ кровати, картины эти совершенно исчезли; правда, въ продолженіе дня нѣсколько разъ

Ленѣ казалось, что въ мужѣ совершается что-то необычное: такъ, въ церкви, вмѣсто того, чтобы смотрѣть въ книгу, онъ сбоку посматривалъ на нее, затѣмъ, во время обѣда, не говоря ни одного слова, взялъ изъ руки Товія малютку, котораго Товій обыкновенно долженъ былъ выносить на улицу, и посадилъ ей на колѣни. Но все же ничего особенного съ Тилемъ не случилось.

Тиль, который въ этотъ день не спалъ, забрался въ постель около 9 часовъ вечера, такъ какъ слѣдующую недѣлю ему приходилось дежурить. Онъ только что началъ засыпать, какъ жена объявила ему, что завтра она хочетъ идти вмѣстѣ съ нимъ въ лѣсъ перекапывать землю и сажать картофель. Тиль вздрогнулъ; онъ совсѣмъ проснулся, но глаза его оставались сомкнутыми.

— Самое настоящее время, — толковала Лена, — если хочешь, чтобы картофель уродился; дѣтей нужно взять съ собою, такъ какъ тамъ придется пробыть цѣлый день.

Сторожъ пробормоталъ нѣсколько неясныхъ словъ, но Лена не обратила на это вниманія. Она повернулась къ нему спиной и при свѣтѣ сальной свѣчи начала расшнуровывать корсетъ и снимать платье.

Вдругъ, сама не зная почему, она осмотрѣлась кругомъ и увидѣла землистое, искаженное страстью лицо мужа, который, опираясь руками о край кровати, уставился на нее горящими глазами.

— Тиль! — крикнула жена наполовину гнѣвно, наполовину испуганно, и онъ, какъ лунатикъ, котораго называли по имени, очнулся отъ своего столбняка, заикаясь, пробормоталъ нѣсколько неясныхъ словъ, бросился назадъ въ подушки и съ головой ушелъ подъ одѣяло.

На слѣдующее утро Лена первая поднялась съ кровати.

Безшумно приготовила она все необходимое, чтобы тронуться въ путь. Малютку она уложила въ дѣтскую телѣжку, разбудила и одѣла Товія. Когда послѣдній узналъ, куда они идутъ, то даже засмѣялся отъ радости. Тиль проснулся, когда все уже было готово и кофе стоялъ на столѣ; первымъ чувствомъ, охватившимъ его, при взглядѣ на всѣ эти приготовленія, была досада. Ему очень хотѣлось сказать что-нибудь противъ, но онъ не зналъ съ чего начать. И какіе могъ онъ привести доводы, убѣдительные для Лены.

Лицо Товія сіяло все болѣе и постепенно такъ дѣйствовало на Тиля, что онъ, подъ конецъ, не могъ и думать о какомъ-либо противорѣчіи въ виду той радости, какую доставляла мальчику предстоящая прогулка.

Тѣмъ не менѣе, Тиль беспокоился все время, пока они шли черезъ лѣсъ. Усердно везъ онъ по глубокому песку дѣтскую телѣжку и клалъ въ нее цвѣты, которые собиралъ Товій. Мальчикъ былъ чрезвычайно веселъ, — въ своей коричневой плюшевой шапочкѣ, прыгалъ онъ между папоротниками и гонялся за стрекозами, которыхъ на своихъ стекляныхъ

крылышкахъ носились надъ ними. Какъ только они дошли, Лена начала осматривать поле. На опушкѣ маленькой березовой рощицы бросила она мѣшокъ съ картофелемъ, который принесла для посѣва, присѣла и попробовала свои мѣтлы твердыми пальцами, на-ощупь, темноватый песокъ. Тиль напряженно слѣдилъ за ней: «Ну, каковъ?» — «Богатѣйший, какъ будто съ берега Шпрее!» Гора упала съ плечъ Тиля. Онъ боялся, что жена будетъ ворчать, и теперь самодовольно поглаживалъ свой бритый подбородокъ. Поспѣшило сѣсть она краюху хлѣба, сбросила платокъ и кофту и начала копать съ быстротою и выносливостью машины. Время отъ времени она выпрямлялась и глубоко вдыхала воздухъ; но остановки эти были мгновенны, если только не приходилось усмирять малютку,— тогда она торопливо кормила его вспотѣвшую грудью.

— Я пойду, осмотрю путь, Товія возьму съ собой! — закричалъ черезъ минуту сторожъ женѣ съ платформы будки.

— Глупости! — крикнула она въ отвѣтъ. — Кто же останется съ малюткой? Иди сюда, — прибавила она еще громче, но сторожъ, не обративъ на нее никакого вниманія, уходилъ уже съ Товіемъ. Въ первое мгновеніе она хотѣла бѣжать за ними, и только боязнь потерять время заставила ее отказаться отъ этого намѣренія. Тиль шелъ съ Товіемъ вдоль пути; мальчикъ былъ сильно возбужденъ: все было для него ново и необычно. Онъ не зналъ, что это за узкія, черныя, нагрѣтые солнцемъ полосы. Безъ умолку задавалъ онъ разнообразнѣйшіе странные вопросы. Особенно чуднымъ казался ему звонъ телеграфныхъ столбовъ. Тиль зналъ тонъ каждого телеграфнаго столба въ своемъ участкѣ, такъ что, хоть съ завязанными глазами могъ бы узнать, въ какой части участка находится. Въ южной части участка столбы издавали особенно тонкіе, прекрасные аккорды. Товій бѣгалъ вокругъ ветхаго столба, надѣясь обнаружить черезъ какое-нибудь отверстіе виновника этихъ пріятныхъ звуковъ.

Тиля охватило какое-то вдохновенное настроеніе, какъ въ церкви. Кромѣ того, по временамъ ему слышался голосъ, напоминавшій голосъ покойной жены. Ему казалось, что это хоръ блаженныхъ духовъ, и съ нимъ сливалась ея голосъ; эта картина заставила его плакать отъ умиленія и тоски. Товію захотѣлось цвѣтовъ, которые росли въ сторонѣ, и Тиль, какъ всегда, уступилъ ему. Среди лѣса, мѣстами, попадались точно клочки неба, такъ удивительно густо росли тамъ голубые цвѣты. Между бѣлыми стволами беззвучно порхали бабочки, на березахъ мягко шелестѣли нѣжнозеленые листья. Товій рвалъ цвѣты, а отецъ, задумавшись, смотрѣлъ на него. Иногда, впрочемъ, Товій поднималъ свой взоръ кверху и сквозь листья искалъ небо, которое, какъ исполнская, прозрачно-лазурная чаша, собирало въ себя золотой свѣтъ солнца.

— Отецъ, это Господь Богъ? — спросилъ вдругъ ребенокъ, указывая на коричневую бѣлку, которая со скрипомъ и шумомъ шмыгала вверху одиночно стоящей ели.

— Глупый карапузъ, — только и могъ отвѣтить Тиль.

Мать все еще работала, когда Тиль и Товій вернулись; почти половина поля была уже готова.

Поѣзда слѣдовали одинъ за другимъ съ короткими промежутками, и Товій каждый разъ съ разинутымъ ртомъ наблюдалъ, какъ они громы-хали мимо. Сама Лена усмѣхалась надъ его забавными гримасами. Въ будкѣ сѣѣли они обѣдъ, состоявшій изъ картофеля и жареной говядины. Лена повеселѣла, и Тиль готовъ былъ добродушно примириться съ неизбѣжностью. Во время єды онъ разговаривалъ съ женой обо всякихъ мелочахъ, касавшихся его службы; такъ, напримѣръ, о томъ, можетъ-ли она себѣ представить, что въ одномъ рельсѣ 46 винтовъ и т. п. Къ обѣду Лена кончила копать, а потомъ рѣшила сажать картофель. Она настояла на томъ, чтобы теперь Товій присматривалъ за малюткой и потому взяла его съ собой.

— Смотри, — закричалъ Тиль, внезапно охваченный беспокойствомъ, — смотри, чтобы онъ не подходилъ близко къ рельсамъ.

Въ отвѣтъ Лена только пожала плечами.

Сигналъ показывалъ, что приближается силезскій скорый поѣздъ, и Тиль долженъ былъ идти на свой постъ. Не успѣлъ онъ остановиться у шлагбаума, какъ послышался шумъ приближающагося поѣзда. Без-численными, торопливыми толчками вылеталъ паръ изъ черной трубы паровоза. Затѣмъ, одна, двѣ, три молочно-блѣлые струи пара вырвались кверху прямая, какъ свѣчи, и тотчасъ, вслѣдъ затѣмъ, раздались въ воздухѣ свистки машины три раза, одинъ за другимъ, отрывистые, пронзительные и тревожные. «Они тормозятъ», подумалъ Тиль, «только зачѣмъ?» и снова раздались пронзительные свистки; на этотъ разъ эхо повторило ихъ долгими, непрерывными звуками. Тиль подался впередъ, чтобы осмотрѣть путь; машинально вытащилъ онъ красный флагъ и держалъ его прямо передъ собой, осматривая рельсы.

— Господи Іисусе! что онъ ослѣпъ, что-ли? Господи Іисусе, Господи, Господи Іисусе! Что это такое? На рельсахъ... Сто-ой! — закричалъ сторожъ изо всѣхъ силъ.

Слишкомъ поздно: какая-то темная масса попала уже подъ поѣздъ и колеса подбрасывали ее, какъ резиновый мячикъ. Еще нѣсколько мгновеній — послышался скрипъ и визгъ тормаза. Поѣздъ остановился.

Машинистъ и кондукторъ бѣжалъ по песку къ хвосту поѣзда; изъ каждого окна выглядывали любопытныя лица, и вотъ собралась толпа и направилась впередъ. Тиль тяжело дышалъ; онъ долженъ былъ напречь всѣ свои силы, чтобы не упасть. Крикъ, несущійся съ мѣста катастрофы, разорвалъ воздухъ, за нимъ слѣдовалъ вой, какъ-бы изъ глотки звѣря.

Кто это? Лена? Это не ея голосъ, однако... Какой-то человѣкъ торошило бѣжитъ къ нему по полотну.

«Сторожъ!» — «Что такое?» — «Несчастье!..»

Вѣстникъ отскакиваетъ въ ужасѣ—такъ страшно свѣятся глаза сторожа. Шапка сбилась на сторону, рыжіе волосы поднялись дыбомъ.

— Онъ еще живъ, можетъ быть можно помочь.

Одно хрипѣніе было отвѣтомъ.

— Идите-же скорѣе, скорѣе!

Собравши всѣ силы, Тиль рванулся впередъ, его ослабѣвшіе мускулы страшно напряглись, онъ выпрямился во весь ростъ, его лицо было тупо и безжизненно. Онъ бѣжитъ съ вѣстникомъ, онъ не замѣчаетъ смертельно-блѣдныхъ лицъ пассажирокъ въ окнахъ вагоновъ. Выглядываетъ молодая женщина, купецъ въ фескѣ, молодая парочка, совершающая, повидимому, свое брачное путешествіе.

Что ему за дѣло до нихъ? Его нисколько не интересуютъ эти люди. До его ушей доносится ревъ Лены. Передъ его глазами, какъ свѣтящіеся червячки, мелькаютъ безчисленныя желтыя точки. Онъ отскакиваетъ въ ужасѣ и останавливается. Изъ-за танцующихъ червячковъ начинаетъ обрисовываться что-то блѣдное, неподвижное, окровавленное. Лобъ съ коричневыми и синими подтеками, синяя губы, на нихъ капли черной крови. Это онъ...

Тиль не говорить ни слова, лицо его покрывается какою-то грязноватою блѣдностью, онъ смѣется какъ сумасшедшій, наконецъ, онъ сгибается, онъ чувствуетъ въ своихъ рукахъ отвисшіе безжизненные члены.

Красный флагъ свернутъ.

Онъ идетъ.

Куда?

— Къ доктору, къ доктору, слышно кругомъ.

— Мы возьмемъ его съ собой! кричитъ багажный и приготовляеть въ своемъ вагонѣ постель изъ книгъ и форменныхъ сюртуковъ.—Ну, что-же?

Тиль не выказывалъ ни малѣйшаго желанія оставить бѣдняжку. Отъ него не отстаютъ. Напрасно.

Багажный выдвигаетъ носилки изъ вагона и приказываетъ помочь отцу.

Время дорого. Машинистъ свиститъ.

Монеты дождемъ сыпятся изъ оконъ. Лена бѣется, какъ безумная.

«Бѣдная, бѣдная женщина», доносится до нея изъ оконъ купѣ, — «бѣдная, бѣдная мать».

Машинистъ свиститъ снова, — свистокъ, — машина выпускаеть изъ своихъ цилиндровъ бѣлый, шипящій паръ, натягиваетъ свои желѣзныя жилы; нѣсколько секундъ, и курьерскій поездъ съ грохотомъ, выпуская клубы дыма, мчится съ удвоенной скоростью черезъ лѣсъ.

Сторожъ опомнился и положилъ полумертваго мальчика на носилки.

Вотъ лежить онъ — его слабая фігурка и долгіе хриплые вздохи, время отъ времени, поднимаютъ его костлявую грудку, которая видна изъ-подъ разорваной рубашки. Ручки и ножки, переломанныя во многихъ мѣстахъ, приняли неестественное положеніе. Пятка маленькой ножки вывернута впередъ. Руки болтаются, свѣсившись съ носилокъ. Лена стонетъ, не переставая; во всемъ ея существуетъ ни слѣда прежняго упрямства. Она безостановочно повторяетъ одну и ту же исторію, которая должна, по ея мнѣнію, снять съ нея всякую отвѣтственность за происшедшее. Тиль не обращаетъ на нее никакого вниманія, не отрываясь, съ напряженно боязливымъ выраженіемъ смотритъ онъ на ребенка. Кругомъ мертвая тишина; на блестящемъ крупномъ пескѣ покоятся черные, еще горячіе, рельсы. Полдень укротилъ вѣтеръ, и, неподвижно, какъ каменное изваяніе стонитъ лѣсъ.

Мужчины тихо совѣщались. Чтобы прибыть возможно скорѣе въ Фридрихсагенъ, нужно вернуться обратно на станцію, которая лежитъ по направлению къ Бреславлю, такъ какъ слѣдующій скорый поездъ не останавливается на ближайшей къ Фридрихсагену станціи. Тиль какъ будто соображаетъ, идти ли ему вмѣстѣ. Въ настоящую минуту около нѣтъ никого, кто бы зналъ службу. Нѣмымъ движеніемъ руки указываетъ онъ женѣ, чтобы она подняла носилки; она не осмѣливается ему противорѣчить, хотя и озабочена оставленнымъ младенцемъ. Она и посторонній мужчина несутъ носилки. Тиль сопровождаетъ ихъ до границы своего участка, затѣмъ останавливается и долго смотрить имъ вслѣдъ. Вдругъ, такъ громко, что звукъ разносится далеко кругомъ, ударяетъ онъ себя ладонью по лбу. Онъ думаетъ проснуться — «вѣдь это сонъ, вродѣ вчерашняго», говоритъ онъ самъ себѣ.

Напрасно.

Бѣгомъ, сильно шатаясь, достигъ онъ своего домика, тамъ упалъ онъ лицомъ на землю.

Его шапка покатилась въ уголъ, тщательно сберегавшіеся часы выпали изъ кармана, крышка отскочила, стекло разбилось. Казалось, будто какой-то желѣзный кулакъ толкнулъ его въ спину такъ сильно, что онъ не могъ пошевельнуться и только со вздохами и стонами пытался высвободиться. Его лобъ былъ холоденъ, глаза сухи, глотка пылала. Сигнальный звонокъ пробудилъ его. Только послѣ трехъ, повторившихся другъ за другомъ звонковъ, Тиль пришелъ наконецъ въ себя, могъ подняться и исполнять службу. Хотя его ноги были какъ свинцовыя, хотя шпаги кружились вокругъ него какъ спицы необъятнаго колеса, осью которого была его голова, но все же онъ собрался съ силами, по крайней мѣрѣ на столько, чтобы нѣкоторое время держаться на ногахъ. Пассажирскій поездъ приближался,—Товій, навѣрное, на немъ; чѣмъ ближе приближался поездъ, тѣмъ быстрѣе проносились картины предъ глазами Тиля

Въ концѣ концовъ, онъ видѣлъ только раздавленнаго малютку, съ окровавленнымъ ртомъ,—потомъ мракъ разлился кругомъ него. Черезъ нѣсколько мгновеній очнулся онъ отъ обморока. Онъ увидѣлъ, что лежитъ на песчаной горячей насыпи. Онъ всталъ, стряхнулъ песокъ съ платья и выплюнулъ его изо рта. Голова его нѣсколько освѣжилась; онъ могъ спокойнѣе думать.

Въ сторожкѣ поднялъ онъ съ полу тотчасъ свои часы и положилъ ихъ на столъ. Несмотря на паденіе, они не остановились. Онъ въ продолженіе двухъ часовъ считалъ минуты и секунды, представляя, что происходит теперь съ Товіемъ. Теперь Лена пришла съ нимъ, теперь стоитъ передъ врачемъ. Врачъ осматриваетъ малютку и качаетъ головой.

— «Плохо — очень плохо — но можетъ быть... Кто знаетъ?» Онъ изслѣдуетъ еще внимательнѣе. «Нѣть», говорить онъ потомъ.. «Нѣть, конечно! — конечно, конечно» простоанѣ сторожъ, потомъ выпрямился и, устремивъ блуждающіе глаза на потолокъ, безсознательно скимая въ кулакѣ поднятую руку, вскричалъ голосомъ, который, казалось, долженъ былъ бы разрушить это узкое пространство: «онъ долженъ, долженъ жить, я говорю тебѣ, онъ долженъ, долженъ жить!» Снова распахнулъ онъ дверь домика; красноватый вечерній свѣтъ проникъ въ сторожку. Тиль бросился къ насыпи скорѣе бѣгомъ, чѣмъ шагомъ. Здѣсь остановился онъ на мгновеніе, но, вдругъ, быстро вышелъ на средину насыпи, широко раскрывъ руки, какъ будто желая удержать что то, приближавшееся вмѣстѣ съ пассажирскимъ поѣздомъ. Его широко раскрытые глаза были какъ у слѣпого. Онъ зашагалъ назадъ, выраженіе лица стало мягче и изъ устъ непрестанно вырывались едва понятныя слова: «ты — слышишь — постой-же — ты слышишь — же — остановись, отдай его назадъ, онъ избить до синяковъ — да, да — хорошо — я ее изобью до синяковъ — слышишь? остановись-же — отдай его».

Казалось, что-то прошло мимо него. Онъ обернулся и двинулъ въ обратную сторону, чтобы догнать это нѣчто.

«Мина», его голосъ плакаль, какъ у малаго ребенка. «Мина», слышишь? отдай его назадъ — я хочу....»

Онъ схватывалъ воздухъ, какъ-бы стараясь кого-то удержать. «Лену — да — а ее я хочу избить также до синяковъ — также избить — я ее топоромъ — видишь ты? — кухонный топоръ — я ее убью кухоннымъ топоромъ, и она околѣетъ... И тогда.... да, топоромъ кухоннымъ топоромъ... да — черная кровь!»

Пѣна показалась на его губахъ, зрачки сдѣлались стеклянными и беспокойно бѣгали.... Нѣжный, вечерній вѣтерокъ долго и тихо вѣялъ надъ лѣсомъ, и на восточной сторонѣ небосклона виднѣлись освѣщенныя розоватымъ цвѣтомъ кудрявые облака.

Около ста шаговъ сдѣлалъ онъ, престѣдуя невидимое нѣчто, затѣмъ остановился, робко озираясь, съ невыразимой тревогой простеръ свои руки, умоляя, заклиная. Онъ напрягалъ глаза и прикрывалъ ихъ рукою, какъ бы стараясь еще разъ въ отдаленіи увидѣть призракъ.

Наконецъ, рука опустилась и напряженное выраженіе его лица смѣнилось тупымъ равнодушіемъ. Онъ повернулся назадъ и поплелся обратной дорогой. Солнце изливало послѣдніе пламенные лучи свои надъ лѣсомъ, затѣмъ оно потухло; стволы сосенъ тянулись вверхъ, какъ бѣлыя кости истлѣвшаго скелета, а верхушки грузно нависли надъ ними. Стукъ дятла нарушилъ тишину. По холодному сѣровато-голубому небу плыла одинокая запоздавшая розовая тучка.

Пахнуло холодомъ, какъ изъ погреба, такъ что сторожъ прозябъ. Все ему было ново, все чуждо.

Онъ не зналъ, гдѣ онъ идетъ, что его окружаетъ. Черезъ дорогу шмыгнула бѣлка, и Тиль задумался; онъ невольно сталъ думать о Господѣ Богѣ, самъ не зная почему.

— Господь Богъ прыгаетъ черезъ дорогу, Господь прыгаетъ чѣрезъ дорогу. Онъ много разъ повторилъ это предложеніе, какъ-бы для того, чтобы припомнить, съ чѣмъ оно связано. Онъ пріостановился, мысли его просвѣтѣли. «Но, Боже, это вѣдь безуміе». Онъ забылъ все остальное и обратилъ свое вниманіе только на этого новаго врага. Онъ пытался привести въ порядокъ свои мысли; напрасно! Это была безпрерывная бѣготня и блужданіе. Онъ поймалъ себя на безумныхъ представленіяхъ и содрогнулся отъ сознанія своей беспомощности. Изъ ближней березовой рощи раздался дѣтскій крикъ. Это было толчкомъ къ бѣшенству.

Почти противъ своей воли спѣшить онъ туда и находить малютку, лежащаго въ телѣжкѣ, безъ туфяка. Малютка плачетъ и бѣть ножками, никто не заботился о немъ. Что хотѣлъ онъ дѣлать? Что его привело сюда? Закружившися потокъ чувствъ и мыслей поглотилъ эти вопросы.

«Богъ скачеть чѣрезъ дорогу», теперь зналъ онъ — что это обозначаетъ. «Товій — она его уморила, Лена, ей онъ былъ порученъ, — мачиха, злодѣйка!» скрежеталъ Тиль, «а ея баловень живъ». Красный туманъ застилалъ его зрѣніе, два дѣтскіе глаза пронизывали его; онъ чувствовалъ между своими пальцами что-то мягкое, мясистое. Свиистащіе, клокочущіе звуки, которые смѣшивались съ хриплыми криками, неизвѣстно отъ кого исходившими, поразили его слухъ. Опомнившись, услышалъ онъ, что въ воздухѣ замираютъ послѣдніе звуки сигнального колокола. Внезапно стало ему ясно, что онъ хотѣлъ сдѣлать: его пальцы освободили горло ребенка, который былся въ его рукахъ. Малютка глубоко вздохнулъ и затѣмъ началъ кашлять и кричать. «Живъ! слава Богу, живъ!» Тиль положилъ малютку и поспѣшилъ къ полотну. Вдалѣ вился темный дымъ, вѣтеръ стлалъ его по землѣ. Тиль услыхалъ за собой пыхтящіе машины, которое

звучало, какъ прерывистое, мучительное дыханіе больного исполина. Холодный полумракъ лежалъ надъ мѣстностью. Черезъ мгновеніе, когда облака дыма разсѣялись, узналъ Тиль поѣздъ. Онъ возвращался съ пустыми платформами и везъ съ собой рабочихъ, которые въ продолженіе цѣлаго дня были заняты на дорогѣ. Остановки этого поѣзда не были точно установлены, онъ имѣлъ право всюду останавливаться, чтобы забирать то тамъ, то сямъ еще занятыхъ рабочихъ, а другихъ саживать. На добромъ разстояніи отъ сторожки Тиля начали тормозить. Громкій лязгъ, стукъ и громыханіе далеко разносилось въ вечерней тишинѣ, пока поѣздъ съ протяжнымъ пронзительнымъ свистомъ не остановился совсѣмъ.

Около 50 рабочихъ и работницъ размѣщены были на платформѣ. Почти всѣ стояли; нѣкоторые изъ мужчинъ съ непокрытыми головами. На всѣхъ лицахъ лежалъ отпечатокъ загадочной торжественности.

Когда они увидали сторожа, между ними поднялся шепотъ. Старики вынули изо-рта трубки и почтительно держали ихъ въ рукахъ. То тамъ, то здѣсь женщина отвертывалась, какъ будто для того, чтобы высморкаться. Оберъ-кондукторъ поднялся на насыпь и подошелъ къ Тилю. Работники увидѣли, какъ тотъ торжественно пожалъ ему руку, послѣ чего Тиль медленно, почти по-военному шагая, направился къ послѣднему вагону.

Никто изъ рабочихъ не отважился съ нимъ заговорить, хотя всѣ его знали.

Изъ этого вагона только что вынули маленькаго Товія. Онъ былъ мертвъ. За нимъ шла Лена, лицо ея покрыто было синеватою блѣдностью, темно-коричневые круги легли подъ глазами.

Тиль не удостоилъ ее ни однимъ взглядомъ; она-же, посмотрѣвъ на мужа, затрепетала.

Его щеки впали, борода и рѣсицы слиплись; ей показалось, что макушка его головы еще болѣе посѣдѣла. По всему лицу слѣды высохшихъ слезъ, беспокойный блескъ глазъ; ей стало страшно. Снова принесли носилки, чтобы перенести тѣло. На минуту водворилась тяжелая тишина.

Глубокое, ужасное смиреніе овладѣло Тилемъ.

Стемнѣло. Стадо косуль расположилось въ сторонѣ отъ насыпи. Во-жакъ стоялъ посреди рельсъ. Онъ съ любопытствомъ поворачивалъ свою гибкую шею, засвистѣла машина и, подобно молniѣ, онъ исчезъ со своимъ стадомъ.

Въ то мгновеніе, какъ поѣздъ только что хотѣлъ тронуться, ноги Тиля подкосились.

Поѣздъ остановился вторично; начали совѣтоваться, что предпринять. Рѣшили трупъ ребенка снести пока въ домъ сторожа, а его самого на носилкахъ отнести домой, такъ какъ, не смотря на всѣ усиленія, онъ еще не пришелъ въ сознаніе. Такъ и сдѣлали. Двое мужчинъ понесли на но-

силкахъ Тиля, за ними шла Лена, которая, безпрестанно всхлипывая и обливаясь слезами, везла по песку тележку съ ребенкомъ.

Въ глубинѣ лѣса, между стволами сосенъ, какъ исполинскій, горящій пурпуромъ шаръ, виднѣлся мѣсяцъ. Чѣмъ выше онъ поднимался, тѣмъ становился меныше и блѣднѣе. Наконецъ повисъ онъ надъ лѣсомъ, подобно лампадѣ, просвѣчивая матовыемъ свѣтомъ сквозь верхушки деревъ и придавая лицамъ идущихъ мертвенный оттѣнокъ. Проворно, но осторожно шли впередъ, сначала черезъ небольшой молоднякъ, потомъ снова вдоль обширныхъ прогалинъ, окруженныхъ высокимъ лѣсомъ. Блѣдный свѣтъ собирался въ нихъ, какъ въ большихъ темныхъ чашахъ.

Тиль по временамъ хрипѣлъ, начинай бредить, нѣсколько разъ сжималъ кулаки и съ закрытыми глазами порывался подняться. Мудрено было перевезти его черезъ Шпрее. Второй разъ надо было перѣхать, чтобы перевезти жену и ребенка. Когда они поднимались по небольшой возвышенности къ мѣстечку, ихъ встрѣтили земляки, которые уже извѣстили всѣхъ о несчастіи.

Вся колонія была на ногахъ.

При видѣ знакомыхъ, Лена снова начала причитать. Большого осторожно внесли по узкой лѣстницѣ въ комнату и положили на кровать. Рабочіе тотчасъ пошли обратно, чтобы принести тѣло Товія.

Старые опытные люди посовѣтовали холодные компрессы. Лена слѣдовала имъ указаніямъ ревностно и предусмотрительно. Она мочила полотенца въ ледяной колодезной водѣ и вновь освѣжала, какъ только горячій лобъ больного нагрѣвалъ ихъ. Боязливо прислушивалась она къ дыханію мужа, которое, повидимому, съ каждой минутой становилось правильнѣе. Волненія дня сильно утомили ее и она рѣшила немножко заснуть, однако не могла успокоиться. Оставались ли ея глаза открытыми или закрытыми, безпрерывно проносились передъ ними картины прошлаго.

Малютка спала и она мало заботилась о немъ, не такъ, какъ всегда. Она вообще измѣнилась. Никакого слѣда былого упрямства. Да, этотъ больной человѣкъ, съ безкровнымъ, блестѣвшимъ отъ пота лицомъ, и во снѣ управлялъ ею. Облако закрыло мѣсяцъ, въ комнатѣ стало темно, и Лена слышала только тяжелое, но правильное дыханіе своего мужа. Она подумала, не зажечь-ли ей свѣчу. Ей было страшно въ темнотѣ; она пыталась встать, но ея члены были какъ налиты свинцомъ, вѣки упали; она заснула...

Черезъ нѣсколько часовъ, когда люди возвратились съ трупомъ ребенка, они нашли дверь, открытую настежь. Удивленные этимъ обстоятельствомъ, поднялись они вверхъ по лѣстницѣ, въ верхнюю комнату, дверь которой тоже была раскрыта настежь. Нѣсколько разъ окликнули по имени жену и не получили отвѣта. Наконецъ, кто-то зажегъ сѣрную спичку, и дрожащее пламя свѣчи открыло ужасную картину.

«Убийство, убийство!»

Лена плавала въ крови, лицо неузнаваемое, съ разбитымъ черепомъ.

«Онъ убилъ свою жену, онъ убилъ свою жену!» Всѣ забѣгали, какъ потерянные; пришли сосѣди, одинъ подошелъ къ колыбели. «Крестная сила!» и онъ отскочилъ, блѣдный съ обезумѣвшимъ взоромъ. Тамъ лежало дитя съ перерѣзаннымъ горломъ. Сторожъ исчезъ. Всѣ поиски, которые предприняли въ ту-же ночь, остались тщетными. На утро нашелъ его дежурный сторожъ, сидящимъ между рельсами на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ раздавленъ Товій.

Онъ держалъ коричневую шапочку въ рукахъ и безпрестанно, какъ нѣчто живое, ласкалъ ее. Сторожъ задалъ ему иѣсколько вопросовъ, но не получилъ отвѣта и вскорѣ понялъ, что говорить съ сумасшедшими. Онъ далъ телеграмму, прося о помощи. Многіе пробовали уговорить Тиля сойти съ рельсовъ, но безуспѣшно. Курьерскій поѣздъ, который въ это время проходилъ, долженъ былъ остановиться — и только общими усилиями прислуги удалось удалить съ полотна больного, который сталъ ужасно биться. Пришлось связать ему руки и ноги; вытребованный жандармъ отвезъ Тиля въ Берлинъ — въ слѣдственную тюрьму, а оттуда, въ первый-же день, его перевезли въ Charit  въ отдѣленіе душевно-больныхъ. Во время переѣзда Тиль держалъ въ рукахъ коричневую шапочку и охранялъ ее съ ревнивой заботливостью и нѣжностью.

СОНЕТЪ ПЕТРАРКИ.

Я ждалъ тебя. Желанье слѣпо:
 Я долго вѣрилъ въ твой приходъ...
 И потемнѣлъ, какъ своды склепа,
 Небесный сводъ.

Ты не исполнила обѣта,
 Урочныи часъ прошелъ давно...
 Такъ губить червь на склонѣ лѣта
 Серпомъ забытое зерно.

Напрасно сердце веселилось:
 Едва забрежживъ, омрачилась
 Заря любви!

Не вѣрь восторгамъ предвкушенья,
 И до предсмертнаго мгновенія
 Себя счастливымъ не зови.

К. Льдовъ

ЗАПИСКИ А. О. СМИРНОВОЙ.

(Неизданные исторические документы).

Изъ записныхъ книжекъ 1826 — 1845 гг.

Сегодня утромъ Пушкинъ пришелъ меня навѣстить и спросилъ моего мнѣнія; его серьезный видъ заставилъ меня улыбнуться; онъ хотѣлъ знать, не былъ-ли онъ нескроменъ тѣмъ, что говорилъ одинъ впродолженіи цѣлаго часа, чтобы прочесть Баранту курсъ русской исторіи. Я отвѣчала: «Ничуть, часъ этотъ промелькнулъ, какъ одно мгновеніе, и вы всѣхъ привели въ восторгъ, а Баранта болѣе, чѣмъ кого-либо». Я повторила ему все, что послѣдній мнѣ говорилъ. Онъ улыбнулся. «Краснорѣчивъ, ораторъ! Я закончилъ богословіемъ и это была вина Асмодея; мы спорили объ этомъ вопросѣ несолько дней тому назадъ; нелѣпо повторять, что Иисусъ Христосъ демократъ; они кончатъ тѣмъ, что перерядятъ Его въ революціонера, въ демагога, въ разрушителя; Онъ станетъ подозрительнымъ въ глазахъ благонамѣренныхъ людей. Люди корчатъ изъ себя одновременно либераловъ и христианъ; они недостаточно читаютъ Евангеліе, они не нашли бы тамъ, чтобы Иисусъ спрашивалъ, прежде чѣмъ испѣлить и помочь: «Богатъ ты или бѣденъ, аристократъ или демократъ?» Хоть бы, по крайней мѣрѣ, оставляли политику у входа въ церковь, не впускали ее въ Евангеліе, только одного еще недостаетъ—это утверждать, что онъ былъ за парламентаризмъ или за новгородское вѣче; забываютъ даже, что смерти Его требовалъ народъ».

Я отвѣчала: «Напишите-ка это, сочините поэму на Рождество и на Волхвоў».

Онъ покачалъ головой. «Евангеліе отъ Луки, которое читается 25-го марта—лучшая изъ поэмъ, никогда мнѣ не написать ничего, чтобы хоть сколько-нибудь къ этому приближалось».

Минуту спустя онъ продолжалъ: «Ваша Мадонна Перуджино меня ча-
руетъ: она мнѣ представляется такимъ типомъ рабы Господней, той, ко-

торая произнесла Magnificat. Брюловъ говорилъ мнѣ, что младенецъ написанъ Рафаэлевской манерой». Онъ пошелъ взглянуть на Мадонну и возвратился со словами: «Я читалъ Библію отъ доски до доски въ Михайловскомъ, когда находился тамъ въ ссылкѣ, читалъ даже нѣкоторыя главы своей Аринѣ, но и ранѣе я много читалъ Евангеліе. Хотите-ли, чтобы я сдѣлалъ вамъ одно признаніе?»

- Насчетъ чего?
- Моего Пророка.
- Говорите, я не буду нескромной.

— Вотъ почему я вамъ его и дѣлаю. Я какъ-то ъѣздила въ монастырь Святых Горы, чтобы отслужить панихиду по Петру Великомъ; гораздо раньше я уже служилъ панихиду по Байронѣ, но однажды вечеромъ я перечитывалъ его Мазеппу и остановился на этихъ стихахъ:

«Had pass'd to the triumphant Czar,
I love this sweet name»...

Это эпиграфъ, который я выбралъ для Полтавы,—4 стиха, вамъ я привожу только два. На другой день я былъ въ монастырѣ; служка попросила меня подождать въ кельѣ; на столѣ лежала открытая Библія, и я взглянула на страницу—это была Іезекіилъ. Я прочелъ отрывокъ, который перефразировалъ въ Пророкѣ. Онъ меня внезапно поразилъ, онъ меня преслѣдовалъ нѣсколько дней, и разъ ночью я написала свое стихотвореніе; я всталъ, чтобы написать его; мнѣ кажется, что стихи эти я видѣла во снѣ. Это было незадолго до того, какъ Его Величество вызвалъ меня въ Москву. Я думаю, что Петръ Великій вдохновилъ его тогда; мнѣ кажется, что мертвые могутъ внушать мысли живымъ. Вамъ можетъ быть покажется страннымъ, что стихъ изъ Байроновскаго *Мазеппы* заставилъ меня поѣхать служить панихиду по Петру Великомъ? Я часто это дѣлала, а въ этотъ день я молился также и за Байрона. Іезекіиля я читалъ раньше; на этотъ разъ текстъ показался мнѣ дивно-прекраснымъ, я думаю, что лучше его понялъ. Такъ всегда бываетъ съ Священнымъ Писаніемъ: сколько его ни перечитывай, чѣмъ болѣе имъ проникаешься, тѣмъ болѣе все освѣщается и расширяется. Но я никогда не читаю подрядъ: я открываю книгу на удачу и читаю, пока это доставляетъ мнѣ удовольствіе, какъ всякую другую книгу. Кстати, извѣстно-ли вамъ одно древнее гаданіе, которое ведеть свое начало отъ латинянъ и тянулось черезъ всѣ средніе вѣка; его зовутъ sortes Virgilianae: открываютъ Энеиду и заранѣе рѣшаютъ, съ какой стороны книги и какую строчку прочтутъ, считая сверху внизъ или снизу вверхъ; я часто пробовалъ это дѣлать съ Энеидой и даже съ священнымъ писаніемъ. Въ тотъ вечеръ, возвратясь отъ васъ, я раскрылъ такимъ образомъ Евангеліе и напалъ на текстъ: «возьмите иго мое, ибо оно благо и бремя мое легко есть». По

славянски тутъ встрѣчается слово *благо*, которое переводится по-англійски словомъ *facile*; я купилъ себѣ англійскую Біблію, чтобы свѣрить текстъ и, читая ее, вижу, на сколько англійскіе поэты изучали священное писаніе. Байронъ постоянно читалъ книгу Іова... Прочтя этотъ текстъ, я подумалъ: богатые и бѣдные, счастливые и несчастные во всемъ, аристократы и демократы, великие и малые, всѣ мы несемъ бремя жизни, иго нашей человѣчности, столь слабой, столь подверженной заблужденію; и это иго, это бремя — *уравниваетъ все*. Онъ велитъ намъ взять иго, которое благо, бремя, которое легко, — это его иго, его бремя, которое поможетъ намъ нести наше собственное до конца, если мы будемъ помогать ближнему поднять и нести иго, подъ которымъ онъ изнемогаетъ. Вотъ весь законъ въ нѣсколькохъ словахъ, и здѣсь нѣть места ни для аристократа, ни для демократа. Здѣсь только одна — *единственная великая сила — любовь*. Мнѣ все это хотѣлось сказать въ тотъ вечеръ, но я не поддался своему влеченню. Эти вещи не говорятся десяти человѣкамъ; онѣ говорятся лишь съ глазу на глазъ, между друзьями. Я, можетъ быть, даже былъ не правъ, наговоривъ такъ много тогда; мнѣ показалось, что я переступилъ за предѣлы салонной бесѣды и, если я погрѣшилъ противъ такта — прошу васъ извинить меня».

Я отвѣчала: «Извинить васть, но я всегда счастлива, когда вы много говорите, хотя-бы въ виду тѣхъ банальностей, которыя я такъ часто слышу у себя въ гостиной, когда у меня *вечеръ*. Благодарю васть за то, что вы говорите со мной, какъ съ другомъ. Мой мужъ былъ счастливъ, слушая васть; вы знаете, какъ онъ къ вамъ привязанъ; онъ гордится вами изъ патріотизма,—этотъ итальянскій бояринъ, этотъ милордъ Николай».

— Мой мужъ былъ воспитанъ людьми очень вѣрующими, двумя эмигрантами, изъ которыхъ одинъ былъ аббать; сестра его была воспитана сестрой этого аббата, и моя свекровь была очень богомольна. Эти эмигранты никогда не пытались обращать своихъ воспитанниковъ въ свою вѣру, но они внушали имъ много очень простодушной вѣры. Мой мужъ никогда ни съ кѣмъ не говорилъ о религіи, но, такъ какъ вы открыли мнѣ свою душу, я отвѣчу вамъ тѣмъ-же: мы скоро уѣзжаемъ, и одинъ Богъ знаетъ, когда мы опять свидимся, такъ какъ дипломатъ перемѣщается съ одного поста на другой чрезвычайно легко; мы єдемъ въ Берлинъ и, быть можетъ, очень скоро въ Парижъ; Нессельроде даже говорилъ Николаю, что онъ, можетъ быть, поспѣть его затѣмъ въ Лондонъ. Мнѣ-бы хотѣлось єхать въ Римъ и ему также; онъ мечтаетъ объ Италіи, о своей милой Флоренціи, гдѣ онъ началь службу. Вы тогда приѣдете къ намъ въ Италію; Николай только объ этомъ и мечтаетъ; итакъ, на прощаніе, я разскажу вамъ одну подробность. Въ день нашей свадьбы, вечеромъ, когда Государь уѣхалъ, благословивъ насъ еще разъ на дому, мой мужъ повелъ меня въ мою комнату и подарилъ мнѣ прекрасное распятіе, при-

надлежавшее его матери, которымъ вы такъ восхищаетесь; оно работы Алгарди, испанца, который дѣлалъ навѣсы надъ сводами въ соборѣ св. Петра. Распятіе это было подарено Петромъ Великимъ предку моей свекрови, Бухвостову. Мой мужъ мнѣ сказалъ: «Дарю тебѣ это распятіе, которое принадлежало моей матери; когда она умирала, она приказала поставить его въ ногахъ своей кровати и сказала моему отцу: «Отдай его нашему сыну, пусть онъ передастъ его своей женѣ». Она умерла, устремивъ глаза на это распятіе, и я исполняю ея волю: дарю его тебѣ; не знаю, что готовить намъ жизнь, но первый день нашей супружеской жизни долженъ начаться съ молитвы передъ этимъ распятіемъ».

Мой мужъ, который едва помнитъ свою мать, особенно чтитъ ея память по рассказамъ отца, своихъ двухъ воспитателей и m-lle Газье, гувернантки его покойной сестры; я должна вамъ сказать, что мой мужъ не забываетъ, сколько вы ему оказали сочувствія при смерти его сестры Sophie, и она, бѣдная, маленькая горбунья, питала къ вамъ большую симпатію, вы такъ были къ ней добры, вы такъ добры и къ моимъ братьямъ, которые вѣсль любятъ отъ всего сердца. Что касается до Николая, то онъ питаетъ къ вамъ нѣжность, онъ очень озабоченъ вашими затрудненіями и желалъ-бы, чтобы вы съ полной откровенностью переговорили о нихъ съ Государемъ.

Пушкинъ отвѣчалъ мнѣ: «Вотъ это дружба. Вы говорите мнѣ вещи, которыхъ говорятся лишь друзьямъ, въ коихъувѣрены. Благодарю васъ за это. Я не долженъ говорить Государю, такъ какъ онъ уже далъ мнѣ денегъ впередъ и я не окончилъ мой трудъ о Петрѣ Великомъ; онъ даже слишкомъ щедръ, и все изъ своей личной шкатулки. Я слишкомъ люблю и уважаю Смирнова, чтобы завидовать ему, но распятіе, данное Петромъ Великимъ, столь съ рѣзьбой его работы, выточенная имъ чаша пизъ черепахи, его компасъ,—какія вы имѣете сокровища, и этотъ чудный его портретъ работы Карла Моора,—гдѣ вы все это оставите?»

— Въ деревнѣ, тамъ старые слуги моего свекра и моей свекрови, которые хорошо знаютъ цѣнность этихъ вещей.

Пушкинъ мнѣ тогда сказалъ:

— Вы не нашли меня нескромнымъ, что я вѣль весь разговоръ въ тотъ вечеръ?

Я повторила ему, что Алина и Мари Элмнѣтъ въ восторгѣ отъ вечера, что Соболевскій и Мятлевъ сказали Николаю, что Барантъ видѣлъ такого Пушкина, какого онъ еще не зналъ, и что Вяземскій, какъ кажется, былъ имъ доволентъ. Онъ отвѣтилъ:

— Мы обѣ этомъ снова съ нимъ говорили и мнѣ кажется, что онъ сдается на мое мнѣніе; это одинъ изъ моихъ лучшихъ друзей, и совѣты его мнѣ драгоцѣнны. Онъ защищалъ меня противъ критики, и этотъ человѣкъ, воспитанный въ XVIII-мъ столѣтіи, вѣрующій, хотя и безмолвно.

Въ этомъ отношеніи онъ феноменъ. Я надняхъ прочель очень глубокую мысль по-французски: «*внѣра есть награда борьбы*», и это столько-же борьба съ нашими страстями, какъ и съ нашими сомнѣніями. Пестель разъ мнѣ сказалъ: «Разумъ мой этому противится, но сердце мое — материалистъ». Это меня отъ него отдалило. Слишкомъ часто думаютъ, что сомнѣніе всегда дѣло разума; сердце сомнѣвается столько-же, такъ какъ на немъ отражаются наши печальнѣйшія страсти, наши недостойнѣйшія слабости. Знаете-ли, что всего болѣе поразило меня въ первый разъ за обѣдней въ дворцовой церкви, разукрашенной позолотою, болѣе подходящей для убранства бальной залы, чѣмъ церкви. Это, что Государь молился за этой официальной обѣдней также, какъ и Она ¹⁾, и всякий разъ, что я видѣла его за обѣдней, онъ молился; онъ тогда забываетъ все, что его окружаетъ. Онъ также несетъ свое иго и свое тяжкое бремя, свою страшную ответственность и чувствуетъ ее болѣе, чѣмъ это думаютъ. Я много разъ наблюдалъ за царской семьей, присутствуя на службѣ; мнѣ казалось, что только они и молились. Вы знаете все, что я думаю о Немъ ²⁾, и сколько я Ему преданъ и какое питаютъ къ Ней благоговѣйноеуваженіе. Я очень люблю и почитаю Великаго Князя Михаила Павловича, я могу сказать это вамъ и вашему мужу, Йѣкуковскому, т-те Карамзиной, такъ какъ знаю, что вы раздѣляете эти чувства вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, которые видятъ ихъ вблизи — братья Біельгорскіе и вашъ другъ, баронесса Сесиль. Вообще же я обѣ этомъ не говорю, такъ какъ всѣ привыкли смотрѣть на нихъ лишь какъ на монарховъ, и въ этомъ взгляде на нихъ столько низости и царедворского угодничества, хотя онъ можетъ казаться и весьма почтительнымъ тѣмъ, кто не углубляется въ суть вещей, что всякий, кто сталъ-бы открыто высказывать свое мнѣніе, былъ-бы обвиненъ въ отсутствіи искренности, въ стремленіи играть комедію преданности; съ вами-же я не боюсь быть дурно понятымъ и ложно оцѣненнымъ.

Я отвѣчала: «Мы воображаемъ, что фрондированіе есть признакъ достоинства,— это одинъ изъ способовъ рисоваться, который особенно свойственъ Петербургу. Мой мужъ поѣхалъ путешествовать между 15 и 16 годами; онъ окончилъ свое воспитаніе путешествуя, а въ 18 лѣтъ поступилъ на службу; графиня Нессельроде очень хорошо знала мою свекровь, и онъ былъ сначала attaché у ея родственника Сверчкова. По возвращеніи въ Россію курьеромъ, онъ недолго оставался здѣсь иѣздилъ въ Москву видѣться съ дядей и съ сестрою. Онъ говорилъ мнѣ, что при вступленіи своемъ въ свѣтъ здѣсь, онъ былъ пораженъ двумя противуположностями: низкой угодливостью и напыщенно-фрондирующими то-

¹⁾ Императрица.

²⁾ Государь.

номъ,— тѣ же люди, которые низкопоклонствуютъ, наиболѣе фрондируютъ, особенно, когда они не получили награды къ празднику и приглашеннія, или когда съ ними не говорили на балѣ. Онъ любить и уважаетъ мужа и жену Нессельроде, которые такъ преисполнены достоинства, и онъ, иностранецъ, такъ преданъ Монарху, которому служить».

Пушкинъ мнѣ отвѣчалъ: «Рыцарская преданность нигдѣ часто не встрѣчается; не фрондерствомъ въ гостиныхъ можно принести пользу родинѣ, но служа ей, согласно строгимъ законамъ чести и честности. Это также тѣсный путь долга. Я не понимаю, чтобы можно было служить Монарху, Котораго не любишь и не уважаешь, а какъ у насъ Государь и отечество одно и тоже, то я ихъ и не раздѣляю. Впрочемъ, я надѣюсь достигнуть результата черезъ журналъ, создать между правительствомъ и публикой, которая будетъ меня читать, дѣйствительную солидарность и доказать цензурѣ и нѣкоторымъ личностямъ, что пресса можетъ оказывать правительству услуги, пользуясь нѣкоторою свободою слова. Еслиъ я имѣлъ дѣло лишь съ Государемъ, я-бы этого достигъ. Человѣкъ мнѣ наиболѣе враждебный — Бенкендорфъ; изъ-за *Цыганъ*, онъ защищалъ нѣмца, который укралъ мое авторское право на второе изданіе; начало нашего антагонизма относится, я думаю, къ этому времени; кроме того, онъ обладаетъ педантическимъ упрямствомъ нѣмецкаго совсѣмъ, онъ совершенно лишенъ идеала, воображенія и бытъ-бы превосходнымъ чиновникомъ въ Гессенъ-Кассельѣ и всякой другой трушобѣ; онъ дѣйствуетъ въ странѣ, которой не знаетъ, онъ исполненъ тайного презрѣнія нѣмцевъ къ *die Russen*, онъ не любить Россію, не любить Государя, такъ какъ совсѣмъ не понимаетъ его. Онъ вѣренъ, насколько можетъ быть вѣрнымъ — и въ этомъ все его достоинство; я чувствую, что онъ мнѣ вредить и будетъ вредить; я говорилъ объ этомъ съ Смирновымъ, который со мной согласенъ; онъ просилъ меня быть терпѣливымъ, не давать на себя оружія Катону; есть и другія личности мнѣ враждебныя, въ цензурѣ, въ литературѣ, въ салонахъ, но эта враждебность другого рода. Жуковскій мнѣ говорилъ, что это Бенкендорфъ настроилъ противъ меня Уварова, когда я написалъ стихотвореніе на выздоровленіе Лукулла; я никакъ не мѣтиль въ Уварова; болѣзнь Шереметева показалась мнѣ благодарнымъ сюжетомъ, такъ какъ онъ былъ богачъ; это былъ сюжетъ, въ духѣ тѣхъ, какіе встрѣчаются и у латинскихъ поэтовъ, положеніе само напрашивалось подъ перо. Жуковскій говорилъ объ этомъ Уварову, который признался ему, что это Катонъ навелъ его на мысль, что я мѣтиль въ него. Кстати, вѣдь это Катону пришла блестящая мысль поставить караулъ для охраны картины Брюлова; онъ поступилъ какъ истинный Пилатъ!»

Я отвѣчала: «Не давайте на себя оружія Катону, терпѣніемъ вы всего достигнете; Государь, которому приписывается многое, даже не

подозрѣваетъ, что эти вещи дѣлаются его именемъ». Пушкинъ отвѣчалъ мнѣ: «Не думайте, чтобы у меня было предубѣжденіе противъ Бенкендорфа; я признаю за нимъ нѣкоторыя достоинства: онъ усерденъ, честенъ, въ этомъ отношеніи онъ безупреченъ; но у него совершенно ложный взглядъ на русскій характеръ и на пріемы, съ какими можно исполнять его полицейскую должностъ. Государю извѣстно, что онъ усерденъ и честенъ, что въ отношеніи честности онъ джентльмэнъ, и Его Величество полагаетъ, что честность эта распространяется и на остальныя его дѣйствія. Что-же касается до того, чтобы знать обо всемъ, что дѣлается и говорится отъ его имени, для этого Государь долженъ-бы былъ превратиться въ Аргуса и имѣть сто глазъ и даже низкую и ничтожную душу, чтобы угадывать ничтожныя и низкія дѣла. А теперь прощайте, вы знаете, что я остаюсь на островахъ, но, если-бы было возможно, я осеню уѣду въ Михайловское, что было-бы для меня счастьемъ. Я долженъ распутать хаосъ отцовскихъ дѣлъ, вести свой журналъ и выдать замужъ сестеръ жены; я ихъ очень люблю, но я не созданъ для роли благородныхъ отцовъ, а бѣдная Наташа, съ четырьмя ребятишками, ни сваха, ни дуэнья—она слишкомъ ребенокъ и по характеру гораздо моложе своихъ сестеръ; у нея нѣтъ на гравенникъ свѣтскаго опыта».

Я была того-же мнѣнія. Я просила его просмотрѣть замѣтки, которыя я набросала въ тотъ вечеръ; онъ это сдѣлалъ и рѣшилъ: «Какая страшная у васъ память, я перемѣнилъ только три слова, да и тѣ равнозначащи».

Этотъ разговоръ оставилъ тяжелое впечатлѣніе. Мнѣ все кажется, что это прощаніе Пушкина, что просто смѣшио, такъ какъ мы всѣ еще молоды и мы снова свидимся. Николай испытываетъ то-же впечатлѣніе, онъ какъ-то вечеромъ проходилъ съ Пушкинымъ два часа по островамъ; они бесѣдовали о его работахъ всякаго рода, о его предчувствіяхъ, и мой мужъ возвратился очень озабоченнымъ, очень опечаленнымъ глубокой грустью Пушкина. Я не смѣю говорить о немъ Ихъ Величествамъ и Великому Князю, такъ какъ онъ меня на это не уполномочилъ, но я чувствую, что если-бы Государь зналъ все, онъ отправилъ-бы Пушкина путешествовать года на два, далеко, очень далеко отъ Петербурга, и тогда его семья и семья Натали не ворчали-бы и не твердили-бы, что онъ корчить изъ себя лорда Байрона, Донъ-Жуана и прочія глупости, какія приходится слышать. Должно признаться, что за исключеніемъ Катона, очень многія лица, не русскія, Фикельмонъ, Барантъ, Нессельроде, Лаваль и члены англійского посольства, цѣнятъ его несравненно больше, чѣмъ красавцы и красавицы нашихъ салоновъ, этотъ *fashion*, который мнить себя такимъ европейскимъ! По отношенію къ Байрону *fashion* раздѣлился, и даже вопили-то противъ него двѣ крайности: друзья регента и щепетильныя барыни; онъ отчасти это вызвалъ,

похитивъ эту актрису послѣ того, какъ жена его оставила. Но что можно поставить въ упрекъ Пушкину?—его геній, его умъ, которые ихъ стѣсняютъ, и расположение Государя, которое ихъ также бѣситъ, хотя оно не лишаетъ ихъ ровно ничего.

Пушкинъ и Одоевскій поздно приѣхали къ Карамзинамъ. Они были въ оперѣ, где давали Донъ-Жуана. Одоевскій остался недоволенъ оркестромъ, который плохо исполнилъ увертюру; между тѣмъ, это почти все немцы, привыкшіе къ этой музыкѣ, но Одоевскій говоритъ, что итальянскія оперы портятъ всѣ оркестры, такъ какъ пріучаютъ ихъ къ слишкомъ легкой музыкѣ; между тѣмъ, они лучше исполняютъ увертюру Фрейшуза, но въ особенности увертюру Вельгельма Телля, которая лучшая изъ Россиньевскихъ и даже единственная хорошая, по мнѣнію Одоевскаго.

Говорили о музыкѣ, о Мейерберѣ, который интересуетъ Одоевскаго, такъ какъ онъ видѣтъ у него перемѣну въ области оперной музыки собственно въ оркестровкѣ; Мейерберъ болѣе немецъ, чѣмъ итальянецъ, впрочемъ, музыкальный, какъ всѣ евреи, но онъ не на высотѣ Мендельсона Бартольди, у котораго музыкальный геній. Улабышевъ, который собираетъ документы для своей біографіи Моцарта, разсказывалъ Одоевскому, что Моцартъ написалъ увертюру Донъ-Жуана въ послѣдній день; она была сочинена, но еще не оркестрована, такъ какъ Моцартъ порой бывалъ очень беззаботенъ. Пражскій оркестръ сыгралъ ее à livre ouvert передъ публикой, подъ управлениемъ Моцарта; не успѣли даже напечатать всей оркестровой партитуры; но Улабышевъ задается вопросомъ, дѣйствительно-ли это историческій фактъ, такъ какъ насчетъ Моцарта сложилось немало легендъ. Вяземскій проворчалъ: «Пушкину слѣдовало-бы докончить своего *Моцарта и Сальери*, фактъ можетъ быть и не исторически-вѣрный, но драма была-бы чудная. Геній передъ лицомъ таланта, который снѣдаемъ ревностью и завистью къ генію, отличающемся добротой и простодушiemъ, присущими генію. Вместо всего этого Пушкинъ пишеть двѣ великколѣпныя сцены и — засовываетъ ихъ въ ящикъ. У него въ головѣ пятьдесятъ проектовъ, онъ отъ времени до времени преподноситъ намъ лакомый кусочекъ, заставить настъ облизнуться и—займется чѣмъ-нибудь другимъ».

Всѣ согласились съ мнѣніемъ Вяземскаго, и Пушкинъ, наконецъ, объявилъ, что онъ докончить Моцарта и Сальери, если проживеть достаточно долго для этого. Что-же касается до *Скутого рыцаря*—онъ оконченъ, такъ какъ онъ сказалъ все, что имѣлъ сказать по вопросу о презрѣнномъ металлѣ.

Одоевскій замѣтилъ, что Рафаэль, Моцартъ и Байронъ, всѣ трое, умерли въ 37 лѣтъ. Пушкинъ воскликнулъ: «Неужели это роковой возрастъ для геніевъ? Между тѣмъ Гете избѣгъ этого рока».

Жуковский сказалъ, что многіе знаменитыя люди умерли задолго до 60 лѣтъ. Петръ Великій, Ломоносовъ, Данте, Тассъ, Шиллеръ, Паскаль, Питтель и Наполеонъ не достигли и 50 лѣтъ. Петrarка умеръ довольно молодымъ; съ другой стороны, Мильтонъ, Вашингтонъ, Микель-Анджело не погибли въ цвѣтъ лѣтъ. Вольтеръ дожилъ до глубокой старости, Корнель также достигъ почтенного возраста, но Мольеръ и Расинъ исчезли ранѣе, чѣмъ исчерпали свой талантъ.

«За-то, отвѣтилъ ему Пушкинъ, Людовикъ XIV и Людовикъ XV истощили свою славу ранѣе, чѣмъ сошли со сцены».

«Никогда не бывало столѣтняго старца, который отличался-бы геніемъ или великимъ талантомъ. Это достойно замѣчанія. По крайней мѣрѣ долговѣчность была ихъ единственнымъ талантомъ».

Пушкинъ отвѣтилъ на это замѣчаніе Тургенева: «Говорятъ, чтобы долго жить, надо имѣть дурное сердце и хороший желудокъ».

Вяземскій проворчалъ: «Это заставило-бы предположить, что патріархи и въ особенности Маѳусаиль отличались превосходнымъ пищевареніемъ и имѣли столько-же сердца, какъ лягушка.

Я спросила: «Почему лягушка?»

«Потому что онѣ такія холодныя, моя прелестная Донна-Соль. Случалось-ли вамъ, когда-нибудь, изъ любопытства, взять въ руки лягушку?»?

Я отвѣчала жестомъ, выражавшимъ ужасъ, и Жуковскій тотчасъ же поспѣшилъ разсказать достопочтенному обществу, что въ Павловскѣ, въ тотъ годъ, когда я вышла изъ института, я чуть не бросилась въ прудъ, спасаясь отъ лягушки, которая скакала по дорожкѣ; по счастью онѣ тутъ случился и вбѣ-время меня подхватилъ, не давъ мнѣ погибнуть смертью Офелии. Затѣмъ онѣ сообщилъ, что я еще болѣе боюсь мышей. Кто-то поднесъ дѣтямъ ¹⁾ механическую мышь; увидѣвъ, какъ она бѣгала, я пришла въ ужасъ, такъ какъ издали приняла ее за живую мышь, и прыгнула на столъ, къ великой радости дѣтей.

«Съ антипатіями не спорять, сказала Е. А. ²⁾: я бы не могла уснуть, еслибъ въ моей комнатѣ были тараканы; во время путешествія изъ Москвы въ деревню я провела цѣлую ночь, сидя на столѣ на почтовой станціи; я воображала, что я въ безопасности; но, подъ утро, двѣ изъ этихъ ужасныхъ тварей свалились на меня съ потолка,—тогда я вышла и сѣла на скамейку передъ домомъ; мой мужъ и дѣти отлично спали, я имъ завидовала.

«Надо имѣть много философіи и мужества, чтобы ночевать на этихъ почтовыхъ станціяхъ, проворчалъ Вяземскій,—только въ этихъ случаяхъ мирюсь я съ своей безсонницей. Я хожу передъ домомъ, брожу по комнатѣ для прѣѣзжающихъ, прислушиваюсь къ ворчанью часовъ, которые

¹⁾ Государя.

²⁾ Карамзина.

вѣчно хрипать въ этихъ очаровательныхъ мѣстахъ. Я читаю имена путешевственниковъ въ почтовой книжѣ; тамъ встрѣчается цѣлая коллекція необыкновенныхъ именъ, которыхъ никогда не слышишь: здѣсь можно было бы почерпнуть имена для романовъ и комедій, не оскорбивъ тѣхъ, кто ихъ носить, такъ какъ романовъ они читать не будуть и комедій не увидятъ.

— Вотъ отличная мысль, сказалъ Пушкинъ, я предложу ее Гоголю. Имена дѣло довольно важное для романиста и для драматурга. Грибоѣдову пришлось пустить въ ходъ имена изъ старинныхъ комедій, что имѣть какъ хорошую, такъ и дурную сторону, но публикѣ придется къ этому привыкнуть въ театрѣ. Шериданъ поступилъ какъ Грибоѣдовъ, но въ англійскихъ романахъ встречаются имена существующія.

— Не всегда,—возразилъ ему Тургеневъ,—Гольдсмитъ называлъ своего викарія Скороспѣлкой.

— Всезнающій и всевѣдущій человѣкъ, ты ошибаешься, это имя существуетъ, есть шотландскій сэръ Примрозъ, это его фамилія.

— Какая ученость, ты это откуда знаешь?

— Отъ одного англичанина; онъ мнѣ даже разсказывалъ, что Ловласъ не есть вымышленное имя,—былъ одинъ поэтъ, полковникъ Ловласъ, во время гражданской войны, кажется. Я говорилъ объ именахъ, которыхъ Бульверъ даетъ своимъ дѣйствующимъ лицамъ, и узналъ, что Пельгамы, Клиффорды существуютъ въ Англіи.

— И обладатели этихъ именъ не обижаются?

— Ничуть, это теперь допускается и представляетъ ту выгоду, что придаетъ болѣе правдоподобія роману,—они начали съ романа въ прошломъ столѣтіи и кончатъ театромъ; Шериданъ не безъ цѣли давалъ прозвища вмѣсто именъ. Мистрисъ Малопропъ, сэръ Антони Абсолютъ, Лидія Лангвитъ. Я много разговариваю, когда гуляю по англійской набережной, куда ходятъ англичане; они мнѣ разсказываютъ и объясняютъ множество подробностей относительно ихъ родины, это очень поучительно, и я узналъ массу вещей объ ихъ понятияхъ, журналахъ, писателяхъ, объ Вальтерѣ-Скоттѣ, Байронѣ, Шелли, подробностей, которыхъ изъ книгъ никогда не узнаешь, а по этимъ-то подробностямъ и знакомишься съ страной и даже съ литературными произведеніями.

Пушкинъ погруженъ въ прозу: Пугачевъ, романъ изъ той эпохи, Дубровскій, Пельгамъ, о которомъ онъ подумываетъ, Пиковая Дама, словомъ, у него въ головѣ пятьдесятъ идей. Онъ хочетъ основать журналъ, роется въ архивахъ, и ему дано разрѣшеніе изучать библіотеку, которую Екатерина приобрѣла по смерти Вольтера. Какая у него голова: все это въ ней умѣщается свободно, и какая удивительная память. Соболевскій получилъ письмо изъ Парижа; ему говорятъ о Мицкевичѣ, о Лелевельѣ, объ Одынцѣ; Богданъ Залесскій хочетъ издать сборникъ стихотвореній и прислать его съ курьеромъ Соболевскому. Пушкинъ говорилъ вчера съ

Соболевскимъ о Мицкевичѣ и говорилъ вещи очень вѣрныя. У него нѣть Weltschmerz Байрона, онъ страдаетъ тоскою по родинѣ, ему недостаетъ его Литвы, и онъ гораздо болѣе патріотъ, чѣмъ гражданинъ міра. Байронъ человѣкъ, который жилъ въ политически независимой странѣ, онъ былъ гетеристомъ, восхищался Наполеономъ, побѣдившимъ революцію, которой восторгался Байронъ, немыслимо, чтобы его патріотизмъ былъ патріотизмомъ Мицкевича,—родина котораго побѣждена. Шиллеръ утратилъ свои иллюзіи послѣ революціонныхъ убийствъ, — впрочемъ, все это не политические дѣятели, а Байронъ былъ даже человѣкомъ партии; у Мицкевича менѣе юмора и ироніи, чѣмъ у Байрона, и сверхъ того, въ его чувствахъ есть что-то пѣжное, чего Байронъ никогда не имѣлъ, но Байронъ несравненно болѣе страстенъ. Мицкевичъ романтиченъ въ Валленродѣ, слишкомъ даже, по моему; это романтизмъ Байрона и Шиллера, вмѣстѣ взятыхъ, съ оригинальностью и искренней меланхоліей славянъ, съ грустью безъ желчи. Тонъ другой, звукъ голоса не тотъ, даже когда пѣсня поется та же самая; если одинъ поэтъ подражаетъ другому, онъ все же остается самимъ собой, имѣеть свою физіономію. Я думаю, что байронизмъ долго не продержится, т. е. подражательный; но байроновскій тонъ сохранится, его, впрочемъ, себѣ довольно легко усвоиваются, у него заимствуютъ его самую слабую сторону,—скрежещутъ зубами, насмѣхаются, плачутъ, прибѣгаютъ къ сатирѣ. Я также не безъ грѣховъ юности, но это конечно; я болѣе зубами не скрежещу и не переодѣваю моихъ героевъ въ чужое платье, а, между тѣмъ, какой успѣхъ я тогда имѣлъ! Теперь успѣхъ мой меньше, а мнѣ кажется, что работаю я лучше. Что вы обѣ этомъ думаете, Донна Соль? Я отвѣчала: «Конечно, много лучше».

Соболевскій сказалъ: «Аминь».

Пушкинъ продолжалъ: «Признайтесь, что «Бахчисарайскій Фонтанъ» вамъ нравился, когда вы вышли изъ института. Я тогда признаюсь, что Шиллеровскіе «Разбойники» мнѣ нравились, но недолго».

Съ этимъ словомъ онъ вышелъ, громко смѣясь.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Extraits des carnets de souvenirs d'Alexandrine Smirnoff née de Rosset d. 1826 à 1845.

Ce matin Pouschkine est venu me voir et m'a demandé mon avis, son air sérieux m'a fait sourire, il voulait savoir s'il n'avait pas été indiscret en parlant tout seul pendant une heure, pour faire un cours d'histoire de Russie à Barante. J'ai répondu: «Du tout, cette heure a passé comme un instant, et vous avez enchanté tout le monde et Barante plus que personne». Je lui ai répété ce que celui-ci m'avait dit.

Il a souri: «Eloquent, orateur! J'ai fini par la théologie et c'était la faute d'Asmodée, nous avions discuté sur le sujet il y a quelques jours. C'est ridicule de répéter que J. Ch. est un démocrate, ils finiront par le déguiser en révolutionnaire, en démagogue, en subversif. Il deviendra suspecte aux biens intentionnés. On se donne des airs de libéral et de chrétien à la fois. Ils ne lisent pas assez les Evangiles, ils n'y trouveront pas que J. Ch. ait demandé avant de guérir et de secourir: Etes-vous riche ou pauvre, aristocrate ou démocrate? Si au moins on laissait la politique à la porte des Eglises et dehors des Evangiles. Il ne manque plus qu'une chose, c'est de dire qu'il était pour le régime parlementaire, ou le Vetché de Novgorod. Même on oublie que le peuple a demandé sa mort».

J'ai répondu: «Ecrivez donc cela. Et faites un poème sur la Nativité et sur les rois Mages».

Il a sécoué la tête: «L'Evangile de St. Luc qu'on lit le 25 Mars est le plus beau des poèmes, je ne ferais jamais rien qui en approche».

Au bout d'un moment il a continué: «Votre Madone de Pérugin me fascine, elle me paraît si typique de la servante du Seigneur, de celle qui a prononcé le Magnificat. Bruloff m'a dit que l'Enfant est Raphaélesque». Il est allé regarder la Madone et il est revenu. «J'ai lu la Bible d'un bout à l'autre à Mihaïlowskoé, quand j'y étais en exil, je lisais même

certains chapitres à mon Arina. Mais j'avais beaucoup lu les Evangiles avant». «Voulez-vous que je vous fasse une confidence?»

«Au sujet de quoi?»

«De mon Prophète».

«Faites, je serai discrète».

C'est pourquoi je vous la fais. Je suis allé au couvent de Swiaty Gory un jour pour dire une panyhida ¹⁾ pour Pierre le Grand. Déjà j'en avais fait dire une pour Byron bien avant. Mais un soir je relisais son Maseppa et j'ai trouvé ces vers:

«Had passd to the triumphant Czar,
I love this sweet name...»

C'est l'épigraphe que j'ai mis à Poltava, les 4 vers, je vous en cite deux seulement. Le lendemain j'ai été au couvent, un *sloujka* ²⁾ me prie d'attendre dans une cellule, il y avait une Bible ouverte sur la table, je regarde la page, c'était Ezéchiel, je lis le passage que j'ai paraphrasé dans le Prophète. Il m'a subitement frappé. Il m'a hanté quelques jours et une nuit j'ai écrit le poème, je me suis *relevé pour l'écrire*, je crois que j'ai *révé ces vers!* C'était peu de temps avant que S. M. ne me fasse venir à Moscou. Je crois que Pierre le Grand l'a inspiré alors! Il me paraît que les morts peuvent inspirer les vivants. Cela vous paraîtra étrange peut-être qu'un vers de Maseppa de Byron m'ait fait aller dire des prières pour Pierre le Grand? Je l'ai fait souvent et j'ai prié ce jour-là pour Byron aussi. J'avais lu Ezéchiel avant, cette fois le texte m'a paru sublime, je crois que je l'ai mieux compris. C'est toujours ainsi avec les Ecritures, on a beau les relire, plus on s'en pénètre plus tout s'éclaire et s'élargit. Mais je ne lis jamais de suite, j'ouvre le livre au hasard et je lis tant que cela me fait plaisir, comme tout autre livre. A propos, connaissez-vous une vieille superstition, qui date des latins et qui a duré pendant le moyen âge, on l'appelle sortes Virgilianae. On ouvre l'Enéïde et on décide d'avance le côté du livre et la ligne qu'on lira, soit de haut en bas, soit de bas en haut. Je l'ai souvent essayé avec l'Enéïde et même avec les Ecritures. L'autre soir en rentrant de chez vous, j'ai ouvert l'Evangile ainsi, et je suis tombé sur la texte: «Prenez mon joug, car il est doux et mon fardeau il est léger». En slavon il y a le mot *blago* qui est traduit *facile* en anglais; je me suis acheté une Bible anglaise pour comparer le texte et en la lisant je vois combien les poètes anglais ont lu les Ecritures. Byron lisait le livre de Job sans cesse. En lisant ce texte j'ai pensé: riches et pauvres, prospères et malheureux en tout, aristocrates et démocrates, grands et petits, nous portons tous le fardeau de la vie, le

¹⁾ Messe de réquiem.

²⁾ Frère laïc.

joug de notre humanité si faible et si sujette à l'erreur. Et ce joug, ce fardeau *égalise tout*. Il nous dit de prendre le joug qui est doux, le fardeau qui est léger, c'est son joug, son fardeau, qui nous aidera à porter le nôtre jusqu'au bout, si nous aidons au prochain à porter et à soulever celui qui l'accable. Voilà toute la loi en quelques mots, et ici il n'y a de place ni pour aristocrate ou démocrate. Il n'y a là qu'une seule — la *seule grande puissance* — l'amour! J'ai voulu dire tout cela l'autre soir, mais j'ai résisté au désir. Ces choses ne se disent pas à dix personnes, elles ne se disent qu'en tête à tête, entre amis. J'ai même eu tort peut-être d'en avoir dit autant l'autre jour. Il m'a paru que j'ai outrepassé les limites d'une causerie de salon et si j'ai manqué de tact, excusez-moi».

J'ai répondu: «Vous excuser! Mais je suis toujours contente quand vous parlez longuement, ne serait-ce qu'à cause des banalités que j'entends si souvent dans mon salon quand il y a *soirée*. Je vous remercie de me parler en ami. Mon mari a été heureux de vous écouter, vous savez combien il vous est attaché, il est fier de vous par patriotisme, ce Boyar italien, ce Milord Nicolaï».

Mon mari a été élevé par des personnes très croyantes, deux émigrés, dont l'un abbé, comme sa soeur a été élevée par la soeur de cet abbé, et ma belle-mère était très pieuse. Ces émigrés n'ont jamais essayé de convertir leurs élèves, mais ils leur ont donné beaucoup de piété très simple. Mon mari ne parle jamais de religion à personne, mais comme vous m'avez fait une confidence je vous en ferai une autre. Nous allons partir bientôt et Dieu seul sait quand nous nous reverrons, car un diplomate est envoyé d'un poste à l'autre du jour au lendemain; nous allons à Berlin et à Paris peut-être très vite, même Nesselrode a dit à Nicolas qu'il l'enverrait peut-être à Londres ensuite. Moi je voudrais aller à Rome et lui aussi, il rêve à l'Italie, à sa chère Florence, où il a débuté. Vous viendrez en Italie alors, chez nous, Nicolas ne rêve que cela. Eh bien, comme adieu, je vous raconterai un détail. Le soir de notre noce, quand l'Empereur est parti, après nous avoir bénis encore chez nous, mon mari m'a conduit dans ma chambre, il m'a donné le beau crucifix de sa mère, que vous admirez tant, il est d'Algarde, un espagnol, qui a fait les pendentifs à St. Pierre. Ce crucifix a été donné par Pierre le Grand à l'ancêtre de ma belle mère, Bouchvostoff. Mon mari m'a dit: «Je vous donne ce crucifix qui était à ma mère, quand elle se mourrait elle l'a fait placer au pied de son lit et a dit à mon père: Donnez le à notre fils et qu'il le donne à sa femme». Elle est morte les yeux fixés sur ce crucifix, et je remplis sa volonté, je vous le donne. Je ne sais ce que la vie nous réserve, mais le premier jour de notre vie conjugale doit commencer par la prière devant ce crucifix». Mon mari, qui se souvient à peine de sa mère, a gardé un culte pour sa mémoire à cause des récits de son père,

de ses deux précepteurs et de Mlle de Gazier, la gouvernante de sa défunte soeur. Je dois vous dire que mon mari n'oublie pas ce que vous lui avez témoigné de sympathie quand ma belle soeur Sophie est morte, et elle, la pauvre petite bossue, avait pour vous une grande sympathie, vous avez été si bon pour elle. Vous êtes si bon pour mes frères qui tous vous aiment de tout leur coeur. Quant à Nicolas, il a de la tendresse pour vous. Il est très préoccupé de vos ennuis, il voudrait que vous en parliez à l'Empereur très franchement».

Pouschkine m'a répondu: «Voilà de l'amitié, vous me dites des choses que l'on ne dit qu'à des amis dont on est sûr. Je vous en remercie. Je ne dois pas parler à l'Empereur, car il m'a déjà avancé de l'argent et je n'ai pas fini mon travail sur Pierre le Grand; il est déjà trop généreux et c'est toujours sur sa cassette privée. J'aime et j'estime trop Smirnov pour l'envier, mais un crucifix donné par Pierre le Grand, une table sculptée par lui, une coupe en écaille tournée par lui, sa boussole, quels trésors vous avez, et ce beau portrait en armure par Karl Moor, où les laissez-vous?»

«A la campagne, où il y a les vieux domestiques de mon beau père et de ma belle mère, qui savent très bien la valeur de ces objets».

Pouschkine m'a dit alors: «Vous ne m'avez pas trouvé indiscret de tenir le dé de la conversation l'autre soir». Je lui ai répété qu'Aline et Marie Elmpt étaient enchantées de la soirée, que Sobolewsky et Miatleff ont dit à Nicolas que Barante a vu un Pouschkine qu'il ne connaissait pas encore, et que Wiasemskoy avait l'air content de lui. Il a répondu:

«Nous en avons reparlé, il me paraît qu'il commence à être de mon avis. C'est un de mes meilleurs amis et ses conseils me sont précieux. Il m'a défendu contre la critique, et cet homme élevé au XVIIIe s. est un croyant sans en parler. C'est un phénomène sous ce rapport. J'ai lu l'autre jour une réflexion très profonde en français: «La foi est le prix d'une lutte». Et c'est autant une lutte avec nos passions qu'avec nos doutes. Pestel m'a dit une fois: «Ma raison s'y oppose, mais mon coeur est matérialiste». Ceci m'a éloigné de lui. On croit beaucoup trop que c'est la raison qui doute toujours, le coeur doute tout autant, car il subit nos plus tristes passions, nos plus indignes faiblesses. Savez-vous ce qui m'a frappé la première fois à une messe de Palais dans cette chapelle remplie de dorures qui ressemblent plus à une décoration de salle de bal qu'à une église et c'est bien celle du XVIIIe siècle! C'est que l'Empereur priait à cette messe officielle et *Elle*¹⁾ aussi, et chaque fois que je l'ai vu à cette messe il priait, il oublie alors tout ce qui l'entoure. Il porte aussi son joug et son fardeau très pesant, ses terribles responsabilités —

¹⁾) L'Impératrice.

et il les sent bien plus qu'on ne croit. J'ai observé la famille Impériale plus d'une fois quand j'ai été de service, il m'a paru que c'étaient les seuls qui priaient. Vous savez tout ce que je pense de *Lui*¹⁾ et combien je *Lui* suis dévoué et combien j'ai de vénération affectueuse pour *Elle*. J'aime et j'estime beaucoup le G-d Duc Michel, je puis vous dire tout cela et à votre mari, à Joukovsky, à M-me Karamzine, car je sais que vous partagez ces sentiments avec quelques autres qui les voient de près, les frères Wielhorsky, la baronne Cécile, votre amie. Mais je n'en parle pas, car on est si habitué à ne les considérer que comme des souverains seulement, et il y a tant de bassesse et de courtisanerie dans cette façon de les regarder, quoiqu'elle paraisse très respectueuse à ceux qui ne jugent pas le fond des choses, que toute personne qui dirait ouvertement son opinion, serait taxée de manquer de sincérité, de jouer la comédie du dévouement; avec vous je ne crains par d'être mal compris et mal apprécié».

J'ai répondu: «Nous nous figurons que fronder est un signe de dignité et c'est une des façons de poser qui nous est spéciale à Pétersbourg. Mon mari est allé voyager entre 15 et 16 ans, il a achevé son éducation en voyageant, à 18 il est entré dans la carrière; M-me de Nesselrode avait beaucoup connu ma belle mère, paraît-il, et il a été chez Swertchkoff son parent dabord, comme attaché. Quand il est rentré en Russie comme courrier il n'a pas séjourné longtemps et il allait voir son oncle et sa soeur à Moscou, où il restait peu. Il m'a dit qu'en débutant ici, il a été frappé par les deux contrastes, la courtisanerie plate et le ton frondeur affecté, et les mêmes gens qui se prosternent sont les plus frondeurs, surtout quand ils n'ont pas reçu une décoration pour une fête, qu'on ne les invite pas, qu'on ne leur parle pas à une fête. Il aime et estime les Nesselrode qui sont si pleins de dignité et lui, un étranger, si loyal au Souverain qu'il sert».

Pouschkine m'a répondu: «La loyauté chevaleresque est rare partout; mais ce n'est pas en frondant dans les salons qu'on fait du bien à sa patrie, c'est en la servant selon les lois si étroites de l'homme, de la probité. C'est aussi la voie étroite du devoir. Je ne comprends pas qu'on puisse servir un Souverain si on ne l'aime pas et ne l'estime pas et comme chez nous le Souverain et la patrie sont une et même chose, je ne les sépare pas. Cependant j'espère arriver à un résultat dans ma revue, à créer entre le gouvernement et le public qui me lira, une solidarité réelle et à persuader à la censure et à certains personnages que la presse peut rendre des services au gouvernement tout en ayant un certain francparler. Si je n'avais à faire qu'à l'Empereur j'y arriverais. L'homme qui m'est

¹⁾ L'Empereur.

le plus hostile est Benckendorf, à cause des Tziganis, il a défendu un allemand qui m'a volé mon droit d'auteur pour la 2-de édition, notre antagonisme dâte de là, je crois, d'une part; de plus il a l'obstination pédante d'un conseiller allemand! (sic). Il est absolument dénué d'imagination, d'idéal, il aurait été un admirable employé à Hesse-Cassel ou tout autre trou; il est dans un pays qu'il ne connaît pas, il a le mépris secret des allemands pour *die Russen*, il n'aime pas la Russie et il n'aime pas l'Empereur, car il ne le comprend pas du tout. Il est fidèle à la façon dont il peut l'être et c'est tout son mérite. Je sens qn'il me fait du mal, et m'en fera, j'en ai parlé à Smirnoff qui est de mon avis. Il m'a prié d'être patient, de ne donner aucune prise à Caton; il y a d'autres qui me sont hostiles dans la censure, la littérature, les salons, mais ce sont des hostilités d'un autre ordre. Joukowsky m'a dit que c'est Benckendorf qui a monté Ouvaroff contre moi quand j'ai écrit le poème sur la guérison de Lucullus. Je n'ai pas du tout visé Ouvaroff, la maladie de Cheremeteff m'a paru un sujet, parcequ'il était un richard, un sujet comme on en trouve dans les poètes latins même. La situation y prêtait! Joukwsky en a parlé à Ouvaroff, qui lui a avoué que c'est Caton qui lui a suggéré que je le visais. A propos, c'est Caton qui a eu la belle idée de placer les sentinelles pour garder le tableau de Bruloff. Il a agi tout à fait en Pilate!» J'ai répondu: «Ne donnez pas prise à Caton, patience, vous arriverez; l'Empereur, auquel on prête beaucoup de choses, ignore même qu'on les fait en son nom».

Pouschkine m'a répondu: «Ne croyez pas que j'aie un préjugé contre Benckendorf, je lui reconnaiss certains merites, il est zélé, probe, il est sous ce rapport sans reproches; mais il a des idées fausses sur le caractère russe et sur la façon dont on peut remplir sa fonction policière. L'Empereur sait qu'il est zélé et probe, qu'il est gentleman sous le rapport de la probité, et il croit qu'elle s'étend au reste de ses actes. Quant à être au fait de tout ce qui se fait et se dit en son nom, pour le savoir l'Empereur devrait être Argus et avoir cent yeux et même une âme basse et mesquine pour déviner les actes mesquins et bas. Et à présent adieu! Vous savez que je reste aux Iles, mais si je puis je m'en irai à Mihaïlowskoé en automne, ce serait un bonheur pour moi. Je dois débrouiller le chaos des affaires paternelles, diriger ma revue et marier mes belles soeurs; je les aime beaucoup, mais je ne suis pas taillé pour les pères nobles et la pauvre Nathalie avec quatre marmots tout petits n'est ni une marieuse ¹⁾, ni un chaperon, elle est trop enfant et bien plus jeune que ses soeurs de caractère, elle n'a pas pour dix copecks d'expérience mondaine».

¹⁾ En russe *ceaux*.

J'ai été du même avis. Je l'ai prié de relire les notes faites l'autre soir, il l'a fait et a conclu: «Quelle *terrible* mémoire vous avez, je n'ai changé que trois mots et ce sont des équivalents!»

«Cette conversation m'a laissée une impréssions pénible, il me paraît que c'est un adieu de Pouschkine, ce qui est ridicule, car nous sommes tous jeunes encore; nous nous reverrons. Nicolas éprouve la même impression, il a marché deux heures avec Pouschkine l'autre soir aux Iles, ils ont causé de ses préoccupations de tout genre, de ses pressentiments, et mon mari est revenu très soucieux, très attristé de la tristesse profonde de Pouschkine. Je n'ose pas parler de lui à L. L. M. M. et au Grand Duc car il ne m'y a pas autorisée et j'ai le sentiment que si l'Empereur savait tout qu'il enverrait Pouschkine voyager pour deux ans, loin, *bien loin* de Petersbourg et alors sa famille et celle de Nathalie ne bougneraient pas et on ne dirait pas qu'il pôse pour les Lord Byron, les Don-Juan et autres bêtises qu'on débite. Excepté Caton, je dois dire que bien des personnes, qui ne sont pas russes, Ficquelmont, Barante, Nesselrode, Laval et les anglais de l'ambassade l'apprécient infiniment mieux que les *beaux* et les *belles* de nos salons; le *fashion* qui se croit si Européen! Vis-à-vis de Byron le *fashion* a été divisé et même ce sont les amis du Régent et les prudes qui ont crié contre lui, les deux extrêmes, et il y a prêté en enlevant cette actrice quand sa femme l'a quitté. Mais qu'est ce qu'on peut reprocher à Pouschkine? Son génie, son esprit qui les gêne et la sympathie de l'Empereur les fait enrager aussi, cependant elle ne les prive de rien du tout.

Pouschkine et Odoéwsky sont venus tard chez les Karamzine, ils sont allés à l'opéra, on donnait Don-Juan. Odoéwsky n'est pas content de l'orchestre qui a mal joué l'ouverture.

Cependant ce sont des allemands presque tous, habitués à cette musique, mais Odoéwsky disait que les opéras italiens gâtent tous les orchestres, les habituent à une musique trop légère. Pourtant ils jouent mieux l'ouverture du Freischutz, mais surtout celle de Guillaume Tell, qui est la meilleure de Rossini, même la seule bonne à son avis.

On a parlé de musique, de Meyerbeer, qui intéresse Odoéwsky, parce qu'il voit chez lui un changement pour la musique d'opéra, dans l'orchestration; Meyerbeer est plus allemand qu'italien, du reste, doué pour la musique comme tous les juifs, mais il n'est pas à la hauteur de Mendelssohn Bartholdy, qui a du génie musical. Oulibicheff, qui prépare des documents pour sa vie de Mozart, a raconté à Odoéwsky que celui-ci aurait écrit l'ouverture de Don-Juan le dernier jour, elle était toute composée, mais pas encore orchestrée, car Mozart était fort insouciant parfois. L'orchestre de Prague l'a joué à livre ouvert devant le public, et

dirigé par Mozart, on n'a même pas pu imprimer toute la partition d'orchestre. Mais Oulibicheff se demande si en effet ce fait est historique, car il y a plus d'une légende sur Mozart. Wiasemskoy a grogné: «Pouschkine devraitachever son Mozart et Salieri, le fait peut n'être pas authentique, mais le drame serait beau. Un génie en présence d'un talent qui est jaloux et envieux du génie, qui a la bonté et la simplicité du génie. Au lieu de quoi Pouschkine fait deux scènes superbes et — les fourre dans un tiroir. Il a 50 projets en tête, nous donne de temps en temps un petit morceau de *choix*, nous met l'eau à la bouche et fait autre chose».

Tout le monde a été de l'avis de Wiasemskoy, et Pouschkine a fini par dire qu'il achevera Mozart et Salieri s'il vit assez vieux pour cela. Quant au Skoupoi Ritzar il est achevé, parcequ'il a *dit tout* ce qu'il *avait à dire* au sujet du vil métal.

Odoéwsky a observé que Raphaël, Mozart et Byron sont morts tous les trois à 37 ans. Pouschkine s'est écrié. «Serait-ce un age fatal pour les génies? Cependant Goëthe a échappé à cette fatalité».

Joukowsky a dit que beaucoup d'hommes célèbres sont morts bien avant 60 ans. Pierre le Grand, Lomonossoff, Dante, Tasse, Schiller, Pascal, Pitt et Napoléon n'ont pas atteint 50 ans. Petrarque est mort assez jeune, en revanche Milton, Waschington, Michel Ange n'ont pas péri à la fleur des ans. Voltaire est devenu très vieux, Corneille a aussi atteint un age respectable, mais Molière et Racine ont disparu avant d'épuiser leur talent.

«En revanche lui, a répondu Pouschkine, Louis XIV et Louis XV ont épuisé leur gloire avant de s'en aller».

«Il n'y a jamais eu de centenaire qui ait eu du génie ou un grand talent, ceci est digne de remarque. Dumoins la longévité fut leur seul talent».

Pouschkine a répondu à Tourguenéeff: «On prétend que pour vivre long-temps il faut avoir un mauvais coeur et un bon estomac».

Wiasemskoy a grogné: «Ceci ferait supposer que les Patriarches et surtout Mathusalem n'avaient pas plus de coeur qu'une grenouille».

J'ai demandé: «Pourquoi une grenouille?»

«Parcequ'elles sont si froides, mon adorable Dona Sol. Avez-vous jamais eu la curiosité de prendre en main une grenouille?»

J'ai fait un geste d'horreur, et aussitôt Joukowsky s'est empressé de raconter à l'honorable société qu'à Pawlowsky, l'année où je suis sortie de l'Institut, j'ai failli me précipiter dans l'étang en me sauvant d'une grenouille qui traversait le sentier, heureusement qu'il était là et m'a rattrapée à temps, il m'a empêchée de périr de la mort d'Ophelia. Ensuite il leur a dit que j'avais encore plus peur des souris, on avait

donné aux Enfants ¹⁾ une sourie mécanique; en la voyant courir, j'avais été terrifiée, la prenant de loin pour une souris vivante et j'avais sauté sur la table à la grande joie des Enfants.

«On ne raisonne pas avec des antipathies, a dit E. A. ²⁾, je ne pourrais pas dormir s'il y avait des *tarakany* ³⁾ dans ma chambre. Pendant un voyage entre Moscou et la campagne j'ai passé toute une nuit assise sur une table dans une maison de poste, je me croyais en sûreté. Mais vers le matin deux de ces atroces bêtes sont tombées sur moi du plafond, alors je suis allée m'assoir sur un banc devant la maison. Mon mari et les enfants dormaient parfaitement. Je les enviais».

«Il faut beaucoup de philosophie et de courage pour coucher dans ces maisons de poste, a grogné Wiasemskoy. Ce sont les seules occasions où je me résigne à mes insomnies. Je me promène devant la maison, je rode dans la chambre commune et j'entends grogner la pendule qui est toujours enroulée dans ces lieux de délices. Je lis les noms des voyageurs dans le réjistre du maître de poste. Il y a là une belle collection de noms extraordinaires qu'on n'entend jamais. On pourrait y trouver des noms pour des romans, des comédies, sans offenser les propriétaires, qui ne liront pas les romans et ne verront pas les pièces».

«Voilà une idée excellente, a dit Pouschkine, je vais l'offrir à Gogol. Les noms sont une chose assez importante pour un romancier et un dramaturge. Griboyédoff a du se servir des noms de l'ancienne comédie, ceci a du bon et du mauvais à la fois. Mais il faudra que le public s'y habitue au théâtre. Sheridan a fait comme Griboyédoff, mais dans les romans anglais il y a des noms qui existent».

«Pas toujours lui, a répondu Tourguéneff, Goldsmith a appelé son vicaire une primevère».

«Homme de toute science et tout savoir, tu te trompes, ce nom existe, il y a un pair écossais qui s'appelle Primrose, c'est son nom de famille».

«Quelle science! D'où le sait-tu, toi?»

«D'un anglais, même il m'a conté que Lovelace n'est pas un nom imaginaire il y a eu un Colonel Lovelace poète, pendant la guerre civile, je crois. J'avais parlé des noms que Bulwer donne à ses personnages, et j'ai appris que des Pelham, des Clifford existent en Angleterre».

«Et les propriétaires ne s'en formalisent pas?»

«Dutout, c'est chose admise à présent. Et cela a l'avantage de donner plus de vérité au roman, ils ont commencé par le roman au siècle

¹⁾ De l'Empereur.

²⁾ M-me Karamzine.

³⁾ Des cafards en russe.

dernier et finiront par le théâtre, car Sheridan a eu un but en donnant des sobriquets au-lieu de noms, Mrs. Malaprop, Sir Anthony Absolute, Lydia Languish. Je cause beaucoup, quand je me promène au quai anglais où vont les anglais, je me fais raconter et expliquer quantité de choses sur leur pays c'est très instructif, il m'a fait connaître tant de choses sur leurs idées, leurs revues, leurs écrivains, sur Walter Scott, Byron, Shelley, détails que des livres ne vous enseignent jamais. Et c'est par ces détails intimes qu'on apprend à connaître un pays et même les œuvres littéraires».

Pouschkine est plongé dans la prose, Pougatcheff, un roman sur cette époque, Doubrowsky, Pelham auquel il pense, La dame de Pique, enfin il a 50 idées en tête. Il veut fonder une revue, un journal, il lit les archives et il a eu la permission de fouiller dans la bibliothèque que Catherine a acheté à la mort de Voltaire. Quelle tête il a,—tout cela s'y loge à l'aise et quelle prodigieuse mémoire. Sobolewsky¹⁾ a reçu une lettre de Paris, on lui parle de Mickewicz, de Léléwel, d'Adinitz; Bogdan Zalesky veut publier un volume de poésies qu'on enverra par courrier à Sobolewsky. Pouschkine parlait de Mickewicz avec Sobolewsky hier et disait des choses très justes: «Il n'a pas le *Weltschmerz* de Byron, c'est son *heimwehe* qui le fait souffrir, il lui manque sa Littwanie et il est patriote beaucoup plus que citoyen du monde. Byron est un homme qui a vécu dans un pays politique, indépendant, il a été Hétériste, il a admiré Napoléon qui a vaincu là Révolution que Byron a admirée et il est impossible que son patriotisme soit celui de Mickewicz, dont la patrie est vaincue. Schiller a perdu ses illusions après les massacres de la Révolution, du reste, ce ne sont pas des hommes politiques et Byron a été un homme de parti même. Ce que Mickewicz a de moins que Byron, c'est le humour, l'ironie et en plus il a dans les sentiments, quelque chose de tendre que Byron n'a jamais, mais Byron est infiniment plus passionné. Mickewicz est romantique dans Wallenrod, *trop à mon avis*, c'est un romantisme qui est celui de Byron et Schiller ensemble, avec l'originalité des slaves, la mélancolie sincère des slaves: la *groüst*²⁾ sans fiel. Le ton est différent, le timbre de voix, même en chantant le même air. Si un poète imite un autre, il est pourtant lui-même et il a sa phisionomie. Je crois que le byronisme ne durera pas longtemps, celui des imitateurs, mais le ton byronien durera, on l'attrape assez facilement du reste. On en prend ce qu'il y a de plus faible, on grince des dents, on persifle, on pleure, on est satirique. J'ai commis des pechés de jeunesse aussi, mais

¹⁾ Parent de M-me Swetchine, qui lui écrivait souvent.

²⁾ Tristesse.

c'est fini, je ne grin ceplus des dents et je ne déguise plus mes héros dans la défroque des autres et pourtant que de succès j'ai eu alors! A présent j'en ai moins et je crois que je fais mieux; qu'en pensez-vous dona Sol?» J'ai répondu: «Beaucoup mieux, en effet». Sobolewsky a dit: «Amen». Pouschkine a répris: «Avouez que la Fontaine de Bachtchi-Saraï vous plaisait quand vous-avez quitté l'institut? J'avouerai alors que les Raüber de Schiller m'ont plu aussi, mais pas longtemps». Sur ce mot il est parti en riant à belles dents.

(*A suivre*).

ПЕРВЫЙ ПУБЛИЦИСТЬ ВЪ ЕВРОПѢ.

Непродолжительный въ сравненіи съ средними вѣками періодъ исторіи западно-европейскихъ народовъ, который принято называть эпохой Возрожденія, отличается весьма любопытными особенностями, замѣтными при ближайшемъ и болѣе подробномъ изученіи того или другого отдельнаго эпизода. Изученіе древности, знакомство съ лучшими классическими писателями какъ нельзя болѣе способствовали появленію новыхъ запросовъ, новыхъ требованій. Античный міръ раскрылъ передъ молодымъ поколѣніемъ свои тайны, заставляя задуматься надъ такими сюжетами, мыслями и идеями, которые были совершенно чужды поколѣнію, уходившему въ могилу. Необыкновенный подъемъ чувства личного достоинства, стремленіе къ свободѣ въ сферѣ умственной и общественной шли рука объ руку съ распространеніемъ знаній, съ развитіемъ наукъ и искусствъ. Казалось, что послѣ продолжительного сна люди пытались вознаградить потерянное время и спѣшили жить полной, всесторонней жизнью. Стѣсненная узкими рамками сословія и касты личность выдвигается на первый планъ и своимъ интересамъ отводитъ первое мѣсто.

Дѣятели этой эпохи вливали въ жизнь новыя начала, закладывали основы новой и новѣйшей исторіи. Ихъ усилиями подготовлялось дѣло реформаціи со всѣми ея безчисленными послѣдствіями для дальнѣйшей умственной жизни Европы.

Среди дѣятелей нѣмецкаго возрожденія на первомъ планѣ должна быть поставлена оригиналная, даже нѣсколько загадочная, фигура автора «Похвала глупости».

Въ исторіи нѣмецкаго возрожденія XV и XVI ст. нѣть имени, которое-бы вызывало столько разнорѣчивыхъ сужденій, какъ имя Эразма Роттердамскаго. Ревностные реформаторы и католики долгое время съ негодованіемъ говорили о знаменитомъ гуманистѣ. Его считали человѣкомъ неустойчивыхъ убѣжденийъ, склоннымъ измѣнять друзьямъ и врагамъ. На его имени лежало несмыываемое безпристрастной критикой пятно; къ нему относились несправедливо.

Конечно, время подобной критики миновало. Теперь Эразмъ понимается гораздо проще, представляется гораздо яснѣе въ монографіяхъ западныхъ ученыхъ. Но и въ настоящее время нельзя указать сочиненія, въ которомъ проводился бы вѣрный, чуждый всякихъ увлеченій, взглядъ на этого гуманиста. Вместо того, чтобы стараться уловить его физіономію, освѣтить ее въ исторической перспективѣ обстоятельствами времени и мѣста, изслѣдователи различныхъ направлений вводятъ на Эразма обвиненія или, наоборотъ, стараются отстоять его отъ нападокъ другихъ.

Необыкновенно тонкая организація Эразма, его обширныя познанія, высокій умъ при отсутствіи страсти, способности безпредѣльно увлекаться извѣстной идеей дѣлаютъ пониманіе этой исторической личности не легкимъ. Критическое отношеніе къ самому себѣ часто заставляетъ этого гуманиста высказывать противорѣчивыя мнѣнія и сужденія и указывать то одну, то другую сторону дѣла. Часто историкъ недоумѣваетъ, читая разнорѣчивыя сужденія, и объясняетъ это неустойчивостью и слабостью его характера. Но при всей сложности натуры этого гуманиста, онъ болѣе чѣмъ кто-либо другой можетъ считаться представителемъ эпохи Возрожденія. Въ немъ мы находимъ и необычайную жажду знанія, и разносторонность, и отзывчивость на вопросы религіозные,— послѣднее является особенно характернымъ для нѣмецкаго ренесанса. Даже въ его личномъ характерѣ мы находимъ черты вообще присущія гуманистамъ: непостоянство, нѣкоторая мелочность въ личныхъ отношеніяхъ, далеко не безукоризненные полемические пріемы.

Для нась, потомства, связь Эразма съ его современниками достаточно ясна. Теперь врядъ-ли кто-либо рѣшился серьезно упрекать гуманиста въ томъ, что онъ былъ безучастнымъ зрителемъ борьбы партій, не приымкавъ ни къ одной изъ нихъ. Понимая слабыя стороны обѣихъ, онъ не могъ увлечься волнующими ихъ интересами и былъ слишкомъ правдивъ, чтобы дѣйствовать искренно.

Эразмъ былъ поборникомъ прогресса въ лучшемъ значеніи этого слова: онъ стоялъ за свободу личности и сторонился, когда видѣлъ какое-либо насилие, онъ былъ сторонникомъ безкровныхъ, послѣдовательныхъ реформъ, по соглашенію, уравновѣшенныхъ въ своихъ желаніяхъ и убѣжденныхъ гражданъ,— хотя онъ и боялся капризныхъ увлеченій толпы, нерѣдко чуждой пониманія своихъ собственныхъ интересовъ.

Весь интересъ, возбуждаемый знаменитыми гуманистами, собственно сосредоточивается не въ его біографіи, бѣдной, какъ и у многихъ ученыхъ, внѣшними происшествіями, а въ его литературной, ученой и, выражаясь современнымъ терминомъ, публицистической дѣятельности.

Необыкновенно впечатлительный, словоохотливый Эразмъ охотно дѣлится съ читателями своими наблюденіями и доставляетъ цѣнныи и содержательныи матеріалъ для знакомства съ различными сторонами жизни XVI в. Не присоединяясь къ какой-либо партіи, Эразмъ, въ качествѣ

посторонняго наблюдателя, умѣль отмѣтить заблужденія и увлеченія другихъ. Можно сказать, что Эразмъ былъ первымъ публицистомъ Европы. Его письма, расходившіяся въ громадномъ количествѣ экземпляровъ, касаются разнообразныхъ общественныхъ вопросовъ. Рядомъ съ теологическими и догматическими разсужденіями, онъ издавалъ прекрасно написанные трактаты, касающіеся реформы той или другой стороны общественной жизни.

I. Педагогическая идея Эразма.

Особенно страстно и со знаніемъ дѣла высказался нашъ гуманистъ о воспитаніи и образованіи юношества.

Воспитаніе дѣтей, обученіе юношѣй велось во время Эразма по крайне варварской системѣ. Впечатлительный гуманистъ зналъ это по собственному опыту. Особенно страдалъ онъ, какъ извѣстно, въ коллегіи Монтея. «Назадъ тому 30 лѣтъ, говорить онъ въ трактатѣ «Рыбояденіе», я жилъ въ Парижѣ, въ коллегіи, название которой заимствовано отъ уксуса. Ну, теперь я не удивляюсь тому, говорить собесѣдникъ діалога, что диспуты теологические были тамъ такъ кислы; тамъ самыя стѣны, говорять, выыхали теологические туманы. — Эр. Ваша правда. За то я относился къ этой коллегіи не иначе, какъ къ учрежденію, наполненному нездоровыми жидкостями и множествомъ червей. Этю коллегіей управлялъ извѣстный Иоаннъ Стоденъ, человѣкъ не злой, но вовсе лишенный разсудка. Еслибы онъ, самъ испытавшій въ юности крайнюю бѣдность, обращалъ хоть какое-либо вниманіе на бѣдняковъ, — это было бы еще хорошо. Еслибы онъ хоть на столько заботился о нуждахъ молодыхъ людей, чтобы доставлять имъ помошь кредита для ихъ занятій, не удовлетворяя, положимъ, всѣхъ ихъ потребностей, — и это было бы достойно похвалы. Но у насъ были только жесткія постели, да постоянно голодный столъ; мы должны были выносить тяжкія бѣднія и утомительные работы. На первомъ же году моихъ испытаній, сколько видѣлъ я молодыхъ людей, которые одарены были прекрасными способностями, подавали богатыя надежды, но либо похищены преждевременною смертью, либо же поражены слѣпотою, сумасшествіемъ, проказою. Не верхъ-ли это жестокости?.. Разумно обуздывать увлеченія юности, конечно, обязанность отца, но, среди суровой зимы, давать голоднымъ молодымъ желудкамъ только кусокъ черстваго хлѣба и посыпать ихъ искать воды въ сосѣднемъ каналѣ, и притомъ воды зловонной, нездоровой или замершей! Я лично зналъ многихъ молодыхъ людей, которые наживали въ коллегіи такія болѣзни, отъ которыхъ не могли потомъ освободиться всю жизнь. Наши спальни были въ нижнемъ этажѣ, и глиняныя стѣны спаленъ сплошь покрыты были илѣсенью». Ужасы этой коллегіи не представляли ничего поразительного въ сравненіи съ тѣмъ, что творилось въ начальныхъ школахъ. «Четырехъ лѣтъ отъ рода — пишетъ Эразмъ — дѣти посыпаются въ школу, гдѣ

сидить безвестный, грубый, непристойного поведения учитель, иногда даже страдающей умственнымъ разстройствомъ, часто лунатикъ или съ падучей, или съ еще болѣе ужасною болѣзнью. Думая, что нашли нечто въ родѣ царства, эти люди позволяютъ себѣ необыкновенные насилия, хотя они господствуютъ не надъ дикими звѣрями, какъ говорить комической поэтъ, а надъ возрастомъ, съ которымъ надо обращаться мягко и ласково. Можно сказать, что это не школа, а мѣсто пытки. Тамъ только и слышны удары линейкой, свистъ розогъ, жалобы и ужасныя угрозы. Что-же получается? Именно то, что дѣти начинаютъ ненавидѣть ученіе. Стоитъ этой ненависти разъ овладѣть ихъ душами, даже въ возрастѣ они пишутъ отвращеніе къ наукамъ».

Еще хуже, по заявлению Эразма, обращаются съ дѣтьми невѣжественная гувернантки, когда имъ поручаются воспитаніе мальчиковъ. Онѣ легко раздражаются и вымѣщаются свой гнѣвъ на дѣтяхъ. Эразмъ былъ знакомъ съ однимъ теологомъ, рекомендовавшимъ и примѣнявшимъ къ дѣтямъ на практикѣ самыя неумѣренныя строгости. Такъ, почти ежедневно, послѣ обѣда, онъ заставлялъ сѣчь одного или двухъ мальчиковъ, чтобы смирить, по его выраженію, гордыню. Другой теологъ, избивъ до полусмерти десятилѣтняго мальчика, ограничился заявлениемъ: «онъ ничего дурного не сдѣлалъ, но было необходимо его унизить».

Розги, впрочемъ, сравнительно съ другими мѣрами, были слабымъ наказаніемъ. Нерѣдко учителя колотили провинившихся чѣмъ попало. Повѣсивъ подъ мышки, били линейками или розгами. Нерѣдко поили уксусомъ, растворомъ соли и даже нечистотами; били спиной обѣ стѣну до полусмерти,—по самому ничтожному поводу или безъ всякаго. Таковы были физические приемы, которыми внушалась любовь къ наукѣ. Тѣ пытки, которымъ подвергали умы дѣтей, вполнѣ были достойны физическихъ истязаній. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ дѣтей мучили тонкостями опредѣленій частей рѣчи, анализомъ составныхъ частей предложенія, причемъ учителя старались умышленно затемнять возбуждаемые вопросы, переплетая грамматику съ діалектикой. Еще въ нѣжномъ возрастѣ дѣти должны были изощряться въ діалектическихъ упражненіяхъ, весьма часто не понимая смысла произносимыхъ словъ. Мѣсто классиковъ занимали въ то время, неизвѣстные въ наше время, схоластические писатели: Эбардъ, Герландъ и др. Это были учебники, по которымъ велось преподаваніе въ школахъ, между прочимъ въ Девентрѣ, где воспитывался Эразмъ. Въ Парижѣ лучшими учебниками считался Доктриналь Александра de Ville-Dion (въ стихахъ) и Католиконъ доминиканца Бальба. Эразмъ жалуется, что учителя, изъ мелочного желанія, похвастать своими познаніями, начинали съ труднѣйшихъ вопросовъ, ставившихъ втупикъ способнѣйшихъ дѣтей.

Монастырскія школы далеко не удовлетворяли гуманиста. Ему не нравился ихъ режимъ, не нравился и характеръ наставниковъ-монаховъ.

«У этихъ полуобразованныхъ учителей, говорить гуманистъ о монахахъ, рабски настроенныхъ, лишенныхъ здраваго смысла, природная сила ума поглощена и замѣнена особенного рода фарисействомъ, которое портить благородные инстинкты и вводить въ нѣжныя души что-то раболѣпное и низкое».

Но Эразмъ не только указывалъ на слабыя стороны существовавшаго порядка вещей и бичевалъ его юдкой сатирой, — онъ выработалъ свою положительную, довольно послѣдовательную систему воспитанія и образования. По его мнѣнію, руководители ребенка должны прежде всего позаботиться о насажденіи въ немъ сѣмянъ искренняго благочестія; затѣмъ внушить ему любовь къ наукамъ, сообщить основныя свѣдѣнія и позаботиться объ умѣніи соблюдать необходимыя правила приличія.

Первоначальное обученіе должно, по мнѣнію Эразма, начаться съ ранняго дѣтства. Учитель долженъ обладать мягкостью въ обращеніи, кротостью и педагогическимъ тактомъ. «Надо учить ребенка, говорить Эразмъ, исподволь и, выбирая образцовая прописеденія, примѣняться къ возрасту, который болѣе любить удовольствія, чѣмъ тонкости. Надо искусно стараться сдѣлать изъ обученія игру, а не утомленіе». Учителя должны быть любимы учениками. Это первый шагъ къ успѣшному обученію. Любя учителя, ученикъ полюбить и предметъ. Чтобы успѣшно вліять на дѣтей, Эразмъ рекомендуется ровное и ласковое обращеніе, поощреніе самолюбія, развитіе чувства стыда и категорически отрицаеть тѣлесныя наказанія. Если ребенка можно заставить учиться лишь съ помощью розогъ, то лучше отправить его на мельницу или обучать ремеслу. Свои взгляды на обученіе наукамъ Эразмъ попытался систематически изложить въ руководствѣ для учителей «о способахъ преподаванія». Обученіе, по Эразму, слѣдуетъ начинать съ языковъ, къ которымъ у дѣтей особенные способности. Затѣмъ читать съ ними басни и сказочные разсказы, отличающіеся образцовымъ слогомъ; потомъ перейти къ музыкѣ, ариетикѣ и географіи. Свѣдѣнія по зоологии и ботаникѣ должны быть сообщаемы при помощи рисунковъ.

Грамматика, по Эразму, должна занимать первое мѣсто среди преподаваемыхъ наукъ. Латинскую и греческую слѣдуетъ преподавать параллельно, такъ какъ онѣ дополняютъ и объясняютъ другъ друга. Для греческаго рекомендовалось руководство Газы, для латинскаго Діамеда (изъ древнихъ) и Перетти (изъ новыхъ). Эразмъ рекомендовалъ сообщать ученикамъ немногочисленныя, но точно формулированныя грамматическія правила, и особенное вниманіе обращать на усвоеніе легкихъ литературныхъ оборотовъ и яснаго слога. Чтеніе греческихъ прозапковъ слѣдуетъ, по его мнѣнію, начинать съ Лукіана, потомъ перейти къ Демосоену и Геродоту. Изъ поэтовъ первое мѣсто онъ отводилъ Аристофану, второе Гомеру, третье Евріпиду.

Изъ латинскихъ авторовъ Эразмъ пальму первенства отдавалъ Теренцію. Плавата онъ допускалъ въ избранныхъ отрывкахъ, равно какъ и

Катулла, Тибулла и Марціала. Второе мѣсто послѣ Плавта Эразмъ отводить Виргилію, третье Горацію, четвертое Цицерону, пятое Цезарю. Въ распределеніи порядка латинскихъ классиковъ соблюдается принципъ большаго или меньшаго эстетического удовольствія; чтеніе прозаиковъ и поэтовъ должно чередоваться. Для греческихъ писателей послѣднее необходимо, такъ какъ языкъ греческихъ стиховъ значительно отличается отъ прозы. Для теоріи и исторіи литературы Эразмъ рекомендуетъ трактаты Лаврентія Валлы. Важную роль въ системѣ Эразма играли письменныя работы. Ученики должны были писать прозой и стихами сочиненія на самыя разнообразныя темы; упражненіе памяти считается необходимымъ, но при этомъ Эразмъ рекомендуетъ главная историческая события, извѣстныя изрѣченія, пословицы изображать на видномъ мѣстѣ въ назиданіе молодежи. Выборъ темы требуетъ, по мнѣнію Эразма, много педагогического такта. Можно, напр., предложить ученику для перевода съ латинскаго на греческій хорошо написанное письмо; затѣмъ басню, апологію, хороший разсказъ и уже позже дать тему для развитія: описание, біографію и пр. Отъ времени до времени необходимо заставлять переводить прозу въ стихи и наоборотъ.

Особенное значеніе придавалъ Эразмъ переводамъ съ греческаго и требовалъ, чтобы при этомъ указывались, какъ особенности характера греческаго языка, такъ и того, на который дѣлался переводъ.

Толкованія автора, кроме грамматической части, должны были заключать характеристики тѣхъ или другихъ историческихъ лицъ; ученики могли высказывать и собственные взгляды и проводить ихъ въ письменныхъ работахъ. Взять, напр., комедію Теренція, слѣдуетъ начать съ біографическихъ данныхъ и характера особенностей таланта автора; далѣе, объяснить значеніе слова «комедія» и ея законы; изложить вкратцѣ содержаніе, метрику и приступить къ комментаріямъ. Послѣднія должны состоять изъ указаній на особенности языка, на заимствованія изъ другихъ авторовъ; въ заключеніе учителю рекомендовалось сообщать философско-нравственныймысли и замѣчанія по поводу того или другого эпизода.

Въ классѣ учитель долженъ заставлять повторять его объясненія, исправлять понятое ими не точно или неясно, а ученики должны вести краткіе конспекты.

Въ 17 или 18 лѣтъ юноша долженъ окончить общее образованіе и остановиться на какой-либо специальности. Эразмъ — врагъ узкой специализации. По его мнѣнію, разностороннія точные свѣдѣнія должны предшествовать специальному. Особенно необходимо это для учителей. По его мнѣнію, только образованные и гуманные учителя могутъ быть хорошими руководителями юношества — этого залога будущаго. «Дѣти, говорить нашъ гуманистъ — это храмъ Духа Святаго. Въ этихъ нѣжныхъ растеніяхъ скрыты сенаторы, доктора, аббаты, епископы, императоры.

Необходима крайне нѣжная заботливость о молодомъ поколѣніи, которое однако нерѣдко поручается самымъ невѣжественнымъ, презрѣннымъ и деспотическимъ учителямъ».

Эразмъ неоднократно протестуетъ противъ высокомѣрнаго отношенія къ званію учителя. «Большинство, говорить онъ, считаетъ постыднымъ пройти всю жизнь, работая лишь надъ грамматикой, какъ будто живописцы не занимаются всю жизнь исключительно живописью. Природа распредѣлила для общаго блага разнообразныя способности. Нѣть презрѣнной части тѣла, нѣть презрѣннаго члена. Всякая часть имѣеть равную другой цѣну для украшенія и сохраненія цѣлаго».

Эразмъ былъ того миѣнія, что и въ реформѣ воспитанія и обученія слѣдуетъ дѣйствовать исподволь, на многія явленія закрывать глаза, стараться ослабить зло, если нельзя его уничтожить, и вообще, имѣя въ виду слабость человѣческой природы, стремиться не къ безусловно хорошему, а къ лучшему положенію дѣла. Такой характеръ его взглядовъ находился въ связи со всей его тонкой, благородной, но нерѣшительной организацией.

II. Эразмъ, какъ гуманистъ.

Изъ изложенныхъ выше взглядовъ Эразма на воспитаніе и обученіе видно, на сколько онъ опередилъ современниковъ въ рациональномъ пониманіи основныхъ задачъ педагогіи. Если-же обратить вниманіе на научную подготовку нашего гуманиста, то, независимо отъ объема его знаній, въ основныхъ премахъ, въ постановкѣ вопросовъ слѣдуетъ признать полную оригинальность, полное несходство съ господствующими въ его времена направленіями. Въ литературномъ движеніи Германіи XVI в. Эразмъ сыгралъ первую роль.

Не будетъ слишкомъ смѣлымъ утверждать, что Эразмъ первый познакомилъ нѣмецкую публику съ неизвѣстными ей классическими писателями, благодаря своимъ многочисленнымъ и хорошимъ для того времени изданіямъ; познакомилъ съ греческимъ языкомъ и старался заинтересовать нѣкоторыми специальными вопросами (напр., о произношеніи)¹⁾, онъ пользовался европейской извѣстностью, имѣть въ средѣ ученыхъ громадный нравственный авторитетъ, и это не могло не вліять на молодое поколѣніе ученыхъ, успѣвшихъ познакомиться съ плодами его разносторонней умственной дѣятельности. Необыкновенная гибкость этого свѣтлаго ума, отзывчивость на запросы публики дѣлали для него возможнымъ популяризацію идеи Возрожденія и результатовъ, добытыхъ учеными изслѣдованіями. Эразмъ умѣлъ приспособиться ко вкусамъ и требованиямъ публики. Первый большой трудъ его «Адагіи» былъ написанъ исключи-

¹⁾ До Эразма въ Германіи въ этомъ отношеніи почти ничего не было сдѣлано; предшественникъ его въ популяризаціи классическихъ языковъ, Рудольфъ Агрикола, жившій во второй половинѣ XV в., умеръ слишкомъ рано.

тельно для большой публики. Въ средніе вѣка любили сборники поучительныхъ изречений, пословицъ, короткихъ разсказовъ съ дидактическимъ характеромъ и видѣли въ такихъ книгахъ полезное и приятное чтеніе для всѣхъ возрастовъ. Но такие сборники требовали и основательныхъ объясненій, комментаріевъ, разъясняющихъ смыслъ, значеніе и примѣненіе всякаго изреченія. Такого рода сборникъ издалъ и Эразмъ: это — знаменитыя «Адагіи», выдержавшія множество изданій и увлекавшія образованную публику богатствомъ материала и изяществомъ языка. Въ первомъ изданіи число изречений было 800, въ послѣдніхъ оно дошло до 4,151.

Въ «Адагіяхъ» находятся не только извѣстныя изреченія или пословицы, но и примѣненія ихъ въ извѣстныхъ тогда сочиненіяхъ, объясненія грамматическая и историко-литературная рядомъ съ разсужденіями о вопросахъ, возбуждаемыхъ этими изреченіями. Далѣе приводились цѣлые отрывки изъ различныхъ писателей, причемъ греческие тексты — въ переводахъ. Все это было изложено прекрасной латынью, яснымъ и чистымъ языккомъ, понятнымъ даже людямъ, не получившимъ особенно высокаго образованія. Эта книга могла замѣнить много разнообразныхъ сочиненій, что, при дорожившѣ печатныхъ изданій, конечно, способствовало ихъ распространенію. «Адагіи» были превосходной хрестоматіей, гдѣ читатель могъ найти отрывки любого автора греческаго и латинскаго, рядомъ съ разсужденіями составителя, въ формѣ простой и изящной. Не удивительно, что современники Эразма ставили весьма высоко эту книгу.

Много пользы принесъ намъ гуманистъ своими переводами съ греческаго. До Эразма въ Германіи почти не знали греческихъ авторовъ. Трудно было доставать книги, не только учителей. Эразмъ принужденъ былъ полагаться на собственные силы. Онъ издалъ цѣлый рядъ переводовъ, составленныхъ первоначально лишь съ цѣлью познакомить съ интереснымъ содержаніемъ подлинника. За первыми опытами послѣдовали болѣе сильныя и широкія литературныя предпріятія. Такъ, Эразмъ перевелъ латинскими стихами «Гекубу» Евріпіда довольно близко къ оригиналу и болѣе свободно «Ифигенію». Большию извѣстностью пользовался переводъ діалога Лукіана «Сонъ» и нѣкоторые другіе трактаты этого остроумнаго писателя. Отъ Лукіана Эразмъ обратился къ Плутарху. Кромѣ переводовъ, Эразмъ занимался весьма усердно изданіемъ греческихъ и римскихъ авторовъ, комментированіемъ ихъ, разыскивалъ многочисленныя рукописи, свѣрялъ ихъ, словомъ, продѣлывалъ трудную и неблагодарную работу, необходимую для болѣе или менѣе критического изданія. Нѣсколько типографій, главнымъ образомъ Фробена, много лѣтъ работали, выпуская въ свѣтъ многочисленныя изданія греческихъ и римскихъ писателей. Конечно, первое мѣсто было отведено Цицерону. Трактаты его стали появляться, начиная съ 1501 г. Въ 1508 г. были напечатаны нѣкоторыя комедіи Теренція и Плавта съ комментаріями Эразма-редактора.

При изданіи нашему гуманисту приходилось сталкиваться съ затрудненіями всякаго рода. Рукописи часто изобиловали многочисленными искаженіями позднѣйшихъ переписчиковъ; приходилось сравнивать ихъ и провѣрять, нерѣдко рискуя быть введеннымъ въ заблужденіе тѣмъ или другимъ архаичнымъ оборотомъ рѣчи. Издание, напр., Сенеки стоило Эразму много времени и труда. Писатель этотъ пользовался въ средніе вѣка большою популярностью и многими даже былъ причисленъ къ лицу святыхъ. Естественно, его переписывали, передѣльвали тысячу разъ,—и нашему гуманисту приходилось ориентироваться въ безчисленныхъ, болѣе или менѣе плохихъ спискахъ. Кроме того, въ предисловіи и объяснительныхъ примѣчаніяхъ онъ попытался установить болѣе правильный взглядъ на этого писателя. Издание Плінія Старшаго было большою заслугою Эразма; онъ сознавалъ, что этимъ не только способствуетъ распространенію полезныхъ свѣдѣній, но и даетъ толчокъ новымъ открытиямъ и изысканіямъ. Аристотель пользовался большімъ вниманіемъ Эразма, помогавшаго издателямъ этого философа совсѣмъ и указаніями. Большую цѣну имѣли его критическая замѣчанія по поводу того или другого трактата и особенностей текста. Въ 1531 г., подъ редакціей Эразма, вышла исторія Тита Ливія съ его предисловіемъ. Въ 1533 г. Эразмъ издалъ сочиненія Птоломея съ введеніемъ, въ которомъ указывалъ мѣсто, принадлежащее этому географу древнихъ.

По просьбѣ Фробена, Эразмъ редактировалъ Тускуланскія Бесѣды Цицерона. Ему удалось довольно хорошо очистить текстъ отъ ненужныхъ прибавленій, остановиться на болѣе правильномъ чтеніи, расположить въ надлежащемъ порядкѣ цитаты. Эта работа дала ему поводъ высказать восторженный взглядъ на этого любимаго автора Возрожденія; Эразмъ указываетъ не только на богатство и красоту языка, изящество стиля, но и на религіозныя и нравственныя идеи этого писателя. Онъ находитъ нечто «божественное» въ душѣ римского оратора, проводить параллель между его мыслями и некоторыхъ христіанскихъ авторовъ и высказываетъ убѣжденіе, что многое было понято и прочувствовано Цицерономъ, прежде чѣмъ сдѣжалось известнымъ христіанской общинѣ. Рядомъ съ изданіями упомянутыхъ сочиненій классическихъ писателей и многихъ другихъ (напр., Теренці, Демосѳена, Плавата) Эразмъ считалъ нужнымъ заботиться о популяризациіи полезныхъ свѣдѣній. Въ виду этого онъ печаталъ словари (греческо-латинскій словарь), медицинскіе трактаты (Галена), педагогическіе учебники и даже издалъ трактать объ одѣждѣ нѣкоего Бакфа.

Не довольствуясь авторскою и издательскою дѣятельностью, Эразмъ много способствовалъ распространенію полезныхъ гуманистическихъ знаній, основывая ученое учрежденіе, которое сослужило молодому поколѣнію большую службу. Это такъ называемая *Трехъязычная коллегія* въ Лувенѣ. Многочисленные завистники и недоброжелатели употребляли всѣ усилия,

чтобы помѣшать Эразму привести въ исполненіе это полезное дѣло. Но неутомимый гуманистъ успѣлъ добиться своего. Подъ его наблюденіемъ выбирались и назначались профессора, онъ заботился объ увеличеніи денежнѣхъ средствъ школы, ходатайствуя предъ высокопоставленными лицами о привилегіяхъ и подаркахъ. Главнымъ фондомъ учрежденія былъ капиталъ, завѣщанный другомъ Эразма, Буслидіусомъ. Характеръ этого учебнаго заведенія, гдѣ была полная свобода преподаванія и отсутствіе всякихъ обязательныхъ программъ, какъ нельзѧ болѣе соотвѣтствовалъ настроенію общества. По примѣру Лувенской коллегіи были основаны въ нѣсколькихъ европейскихъ центрахъ учебныя заведенія аналогичнаго характера, которыя болѣе всякихъ многотомныхъ сочиненій способствовали распространенію гуманистическихъ знаній и вкуса къ классической литературѣ. Увлеченіе послѣдними, съ теченіемъ времени, не замедлило привести къ нѣкоторымъ крайностямъ, выражавшимся нерѣдко въ компиляціи формахъ. Извѣстно, что молодыя общества склонны воспринимать элементы цивилизациіи иногда совершенно внѣшнимъ образомъ, увлекаться несущественными ея особенностями, игнорируя болѣе важное. Это мы видимъ, между прочимъ, во время Эразма въ примѣненіи къ увлеченію классиками, особенно Цицерономъ. Общество, лѣтъ 25 тому назадъ не знавшее по-латыни, въ самый короткій промежутокъ времени познакомилось съ лучшими произведеніями греческой и римской литературы. Лихорадочно быстрое усвоеніе продуктовъ весьма сложной старой культуры обществомъ, совершенно молодымъ, не замедлило проявиться въ характерѣ самаго усвоенія. Такъ какъ главное вниманіе было обращено на форму, то эта сторона получила преобладающее значеніе и заслонила собою содержаніе. Слогъ Цицерона совершенно справедливо считался образцовымъ. Поклонникамъ римского оратора не было счета. Но большинство ихъ увлекалось формальной стороной: въ Цицеронѣ видѣли только оратора. Крайность этого взгляда не замедлила дать неутѣшительные результаты: болѣе ограниченные гуманисты ударились въ буквѣдство. Для фразы забывали о смыслѣ, буква поглощала содержаніе. Зло принимало опасные размѣры и грозило серьезными послѣдствіями; рациональное изученіе классиковъ могло быть отодвинуто на второй и третій планъ. Эразмъ, съ свойственною ему проницательностью, понялъ, на сколько вредны увлеченія крайнихъ гуманистовъ; онъ задался цѣлью доказать это наглядно, ввести изученіе классиковъ, преимущественно Цицерона, въ надлежаше предѣлы. Онъ обратился къ сатирѣ и достигъ своей цѣли.

Поклонники Цицерона воображали, что необходимо и думать, и говорить его языкомъ, что современныя понятія и представлениія, не находившія параллелей у римлянъ, можно и слѣдуетъ передавать цицероновскою латынью. Конечно, слогъ такихъ писателей отличался полною условностью; всякий болѣе или менѣе свободный оборотъ рѣчи преслѣдовался, какъ ересь. Эразмъ понималъ, что говорить языкомъ Цицерона о томъ,

что не могло быть известно римскому оратору, и есть ни малѣйшей возможности, что отношеніе подобнаго рода стѣсняетъ личную свободу, что это своего рода тираннія надъ правильнымъ ходомъ мыслей. Противъ этихъ смѣлыхъ подражателей Цицерона, этихъ своеобразныхъ пуристовъ языка направлена Ѣдкая сатира «Цицероніанецъ».

Это — весьма остроумный діалогъ, ведущійся отъ имени трехъ лицъ. Одно изъ нихъ Nosoropos¹⁾), когда-то жизнерадостный и полныи бодрости человѣкъ, теперь изсохшій и исхудалый, мечтающій лишь о латинскихъ фразахъ, достойныхъ Цицерона, и предпочитающій място въ рядахъ цицероніанцевъ званію святого угодника. Нозопоносъ работаетъ въ комнатахъ, не имѣющей ни какого сообщенія съ виѣшнимъ міромъ, съ заколоченными на-глухо дверьми и окнами, и въ продолженіе *семи* лѣтъ читаетъ одного лишь Цицерона. Портреты римскаго оратора развѣшены по всѣмъ угламъ; даже во снѣ Нозопоносъ видитъ только Цицерона. Все честолюбіе этого страдальца, терзающаго себя постомъ и лишеніями всякаго рода, сводится лишь къ тому, чтобы 70-ти лѣтъ отъ роду удостоиться названія цицероніанца. Онъ окружень словарями всякаго формата, собственнаго сочиненія. Въ одномъ словарѣ помѣщены всѣ слова, встрѣчающіяся въ сочиненіяхъ Цицерона, въ другомъ — всѣ риторическія фигуры, въ слѣдующемъ—начала и конецъ періодовъ Цицерона, средина ихъ и т. д. Кромѣ Цицерона, Нозопоносъ не признаетъ никакого писателя. Онъ, вмѣстѣ съ своими единомышленниками, уподобляется Эразмомъ тому живописцу, который, не будучи въ состояніи хорошо написать портреты, старается превосходно отдѣлать мельчайшия подробности одежды своего оригинала, и въ этомъ видитъ задачу самого искусства. Эразмъ замѣчаетъ, что христіанская идея и представления не могутъ быть выражены тѣми оборотами рѣчи, которые выработались у римскаго писателя подъ вліяніемъ иного міросозерцанія. Онъ даже въ церковной проповѣди указывалъ вліяніе новой моды и, какъ увидимъ ниже, успѣшно боролся съ этими злоупотребленіями словъ.

Трактатъ «Цицероніанецъ» вызвалъ цѣлую бурю негодованія среди ярыхъ гуманистовъ, особенно во Франціи и Италии. Появился цѣлый рядъ памфлетовъ, направленныхъ противъ личности и сочиненій Эразма. Талантливый гуманистъ задѣль за живое многочисленныхъ слѣпыхъ поклонниковъ Цицерона. Но, когда прошелъ первый взрывъ негодованія, болѣе трезвые и разсудительные гуманисты приняли сторону Эразма, и изученіе классиковъ стало принимать болѣе рациональный характеръ. Такимъ образомъ, усилиями нашего гуманиста не только былъ вызванъ интересъ къ классической литературѣ, но и занятія его направлены на настоящую дорогу.

¹⁾ Грецеская этимологія *νέσος*—болѣзнь и *πόνος*—трудъ.

III. «Похвала Глупости».

Мы не рассматриваемъ на этотъ разъ тѣхъ работы Эразма, въ которыхъ выразились его теологическія воззрѣнія и въ которыхъ пробивается уже духъ новаго времени, духъ реформаціи, духъ свободной критики. Но мы остановимся подробнѣе на его знаменитой сатирѣ, столь характерной для эпохи назрѣвающаго протестантизма. Въ этой сатирѣ яркими чертами обрисовалось его отрицательное отношеніе къ нравамъ духовенства, къ темнымъ схоластическимъ теологамъ, къ нравственному и умственному упадку общества, въ значительной части обусловленному вліяніемъ прпмѣра духовныхъ наставниковъ той эпохи. Здѣсь, на почвѣ сатиры, гуманистъ вполнѣ сходится съ Ульрихомъ ф. Тугеномъ, однимъ изъ авторовъ знаменитой сатиры того-же времени «Письма темныхъ людей». Эту «тьму» средневѣковья раскрываетъ талантливое перо Эразма во всей наготѣ, тѣмъ самымъ призываю къ борьбѣ съ косностью и испорченностью общества. Конечно, Лютеру и его послѣдователямъ сатира Эразма, какъ и «Письма темныхъ людей», сослужила службу и дала весьма полезное оружіе для полемики. Гуманистъ и реформаторъ сходились въ оценкѣ общественныхъ недуговъ, въ особенности неустройства и неурядицъ церковной жизни.

Почва для самой злой сатиры была весьма удобная. Германія представляла во многихъ отношеніяхъ полную аналогію Италіи, уступая ей конечно въ области искусства и науки. Здѣсь было тоже, что и на Аппенинскомъ полуостровѣ: непониманіе общихъ интересовъ, та-же разрозненность партій и въ особенности такой-же упадокъ нравовъ. Рѣчь идетъ, конечно, не объ единичныхъ случаяхъ, а о міросозерцаніи, лишенномъ какой-либо прочной нравственной опоры. Самая высокія идеи попраны и утилизируются для низменныхъ своекорыстныхъ цѣлей. Объуваженіи правъ личности неѣть и рѣчи въ обществѣ, где каждый гнался лишь за наживой, а понятіе объ отечествѣ, объ общественномъ благѣ сдѣгалось туманнымъ миѳомъ.

Неудивительно, что здравомыслящіе элементы общества могли отнестились къ своей средѣ или съ грустью или съ насмѣшкой.

Послѣднее отношеніе является преобладающимъ. Сатира проникаетъ всюду и направлена, главнымъ образомъ, противъ того сословія, которое должно было быть носителемъ высокихъ принциповъ религіи, нравственности и гуманности. Надъ слабостями духовенства, болѣе чѣмъ непростительными, издѣваются всюду: даже подъ сѣнью амвона юится насмѣшка хлесткая и безпощадная, вдохновлявшая художника скульптора. Реформаторы видѣли въ сатирѣ могущественную сообщницу и подкапывались подъ невѣжественныхъ и тиранствующихъ членовъ католического клира.

Элементовъ для сатиры было много. Поэтому мы не станемъ удивляться, что знаменитая «Похвала Глупости» нашего гуманиста могла

быть написана въ теченіе 17 дней и притомъ во время путешествія въ Англію. Въ нее вошли и любопытнѣйшія наблюденія остроумнаго автора, и его литературныя воспоминанія, и личное озлобленіе на людей, во многомъ ему повредившихъ. Эразмъ не былъ новичкомъ въ сатирѣ: онъ испытывалъ свои силы и раньше въ другихъ трактатахъ, иногда весьма остроумныхъ. Но все эпизоды въ «Адагіяхъ», «Цицероніанцѣ» и др. блѣдны въ сравненіи съ тѣмъ, что даетъ читателямъ «Похвала Глупости».

Считать сатиру документомъ для изученія общества весьма опасно: мы всегда можемъ прійти къ одностороннимъ выводамъ. Но нѣкоторыя сатирическія произведенія могутъ являться исключеніемъ и доставлять цѣнныій матеріалъ для знакомства съ обществомъ. Съ этой точки зренія «Похвала Глупости» достойна всякаго вниманія. Здѣсь мы находимъ вѣрную передачу того, что было въ дѣйствительномъ положеніи вещей: полное отсутствіе какихъ-либо высшихъ руководящихъ идей, изображеніе порчи всего общественнаго организма, покрытаго, съ головы до ногъ, язвами. Представляя многое въ карикатурномъ видѣ, Эразмъ, тѣмъ не менѣе, съумѣлъ уловить тотъ духъ, который является господствующимъ среди большинства—ту своеобразную порчу, которая являлась не слѣдствіемъ какихъ либо тлетворныхъ идей, а лишь животныхъ наклонностей, лишенныхъ какого-либо контроля ума и совѣсти. Преувеличивая многое, «Похвала Глупости» вѣрно воспроизводитъ состояніе мысли значительной — притомъ по положенію самой влиятельной — части общества.

Почти половина «Похвалы Глупости» посвящена характеристикѣ словоій, стоявшихъ во главѣ общественной жизни того времени.

«Не будемъ, говорить Глупость, перечислять всѣхъ видовъ жизни человѣческой—это было бы слишкомъ долго—мы остановимся только на людяхъ высокопоставленныхъ, такъ какъ грубая толпа уже безъ всякаго сомнѣнія принадлежитъ мнѣ во всей цѣлости: она такъ богата формами глупости, столько каждый день выдумываетъ нового въ этомъ родѣ, что не хватитъ тысячи Демокритовъ, чтобы осмыслять ее» ¹⁾.

Глупость не щадить малѣйшей человѣческой слабости, но съ особенномъ удовольствіемъ останавливается на тѣхъ, кто, по ея выраженію, «составляетъ цвѣтъ человѣческаго общества».

«Начинаю съ грамматиковъ, говорить она, участь которыхъ, еслиѣ не смягчала я особымъ видомъ безумія, была бы по-истинѣ самая плачевная: они подвержены не пяти проклятіямъ, о которыхъ говорить греческая эпиграмма, но нѣсколькимъ сотнямъ. Вѣчно впроголодь, въ бѣдномъ рушишѣ, сидять они въ своей школѣ, составляющей нѣчто среднее между толчей и застѣнкомъ. Они быстро старятся отъ трудовъ, глохнутъ отъ крика мальчишекъ, задыхаются отъ вони; но мою милостью они кажутся себѣ первыми изъ смертныхъ и съ необыкновеннымъ самодо-

¹⁾ Привожу цитаты по переводу проф. Кирпичникова.

вольствомъ истязаютъ несчастныхъ дѣтей линейками, розгами, ремнями, неистовствуютъ по своему произволу, уподобляясь куменскимъ осламъ».

Мелочность въ научныхъ разысканіяхъ отличаетъ этихъ ярыхъ педагоговъ, которые приходятъ въ неописанную радость, когда сдѣлаютъ какое-либо микроскопическое, притомъ еще сомнительного достоинства, открытие.

«Въ какомъ океанѣ блаженства плаваетъ тотъ изъ нихъ, кому случилось отыскать имя матери Анхиза, или найти въ какой-нибудь старой рукописи неупотребительное и неизвѣстное до сихъ поръ слово, или открыть кусокъ старого камня съ неразборчивой надписью...» «Но всего пріятнѣе смотрѣть, какъ они другъ друга хвалять, другъ другу удивляются, другъ другу чешутъ за ушами. А если кто-нибудь ошибся въ одномъ словечкѣ, а другой, болѣе глазастый, поймалъ его, какіе споры, упреки, словесныя битвы происходить между ними!»

Таковы качества педагоговъ и второстепенныхъ ученыхъ. Переходя къ тѣмъ, которые составляли первые ряды этого сословія, Эразмъ жестоко издѣвается надъ ихъ схоластическими тонкостями. Число этихъ мужей непомѣрно велико, чтѣ само собою свидѣтельствуетъ о ихъ достоинствѣ. Все это схоластики самыхъ разнообразныхъ направленій и самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ.

Его характеристика ученыхъ теологовъ можетъ соперничать съ любой странницей «Писемъ темныхъ людей», съ тою лишь разницею, что у Эразма обобщено то, что тамъ является въ отдѣльныхъ, разрозненныхъ чертахъ. Не уступаютъ ей, по остроумію и мѣткости, отзывы о монахахъ и монашествѣ. «Съ ними (теологами) по блаженству почти равняться могутъ тѣ, кого называютъ *черными духовенствомъ* или *монахами*, хотя и то и другое название для нихъ совсѣмъ не подходящее: съ *духомъ* они не имѣютъ ничего общаго, и нѣть людей, которые бы такъ часто попадались на всѣхъ перекресткахъ¹⁾. Высшимъ проявленіемъ благочестія они считаютъ полное удаленіе отъ науки, такъ что и грамотѣ не учатся. Иные изъ нихъ гордятся своею грязью и нищенствомъ и громко требуютъ милостыни, нападая на всѣ гостиницы, экипажи, корабли, къ немалому ущербу остальныхъ нищихъ. И эти-то милѣйшиe люди хотятъ намъ напомнить апостоловъ! Что можетъ быть смѣшнѣе, какъ видѣть, съ какою математическою точностью они опредѣляютъ для себя житейскія мелочи, считая за грѣхъ малѣйшее отступленіе отъ предписанного: сколько узловъ долженъ имѣть башмакъ, какого цвѣта перевязь, какъ скроено платье, изъ какой матеріи и какой ширины долженъ быть поясъ, какого вида и какой вмѣстимости капюшонъ, какого вида должна быть тонзура, сколько часовъ надо спать. А кто не видѣть, на сколько неудобно такое однообразіе при громадномъ разнообразіи тѣлесныхъ и духовныхъ наклонностей?»

¹⁾ Намекъ на этимологію слова *монахъ* отъ *μόνος*—одинъ, одинокій.

Монахи съ презрѣніемъ относятся къ мирянамъ единственно потому, что послѣдніе лишены возможности носить такие же костюмы. Внѣшняя жизнь, обрядность — для нихъ все. «Огромная часть ихъ придаетъ такое значеніе своимъ церемоніямъ и соблюденію уставовъ, что царство небесное считаетъ слишкомъ незначительной наградой; они не хотятъ подумать, что Христосъ, пожалуй, не обратитъ на все это вниманія и потребуетъ исполненія единственной своей заповѣди — любви къ ближнему. Одинъ монахъ покажетъ ему свое брюхо, набитое рыбой разнаго сорта; другой высыпетъ сотню четвериковъ псалмовъ; третій — мириады постовъ и покажетъ свой желудокъ, едва не погибшій вслѣдствіе единой трапезы; четвертый притащить такую груду церемоній, что ихъ на семи купеческихъ корабляхъ не увезешь; пятый будетъ хвалиться, что онъ въ продолженіе 60 лѣтъ не дотрогивался до денегъ иначе, какъ надѣвъ на руки двойную перчатку; шестой принесетъ свой плащъ, до того грязный и пропитанный жиромъ, что матросъ постыдился бы надѣть его; седьмой напомнить, что онъ въ продолженіе 50 слишкомъ лѣтъ жилъ, какъ губка, прикованная къ одному мѣсту; восьмой будетъ хвалиться, что онъ охрипъ отъ постояннаго пѣнія; девятый, что онъ впалъ въ спячку отъ постояннаго уединенія; десятый, что у него языкъ, вслѣдствіе долгаго молчанія, оцепенѣлъ».

Эразмъ высказываетъ полную увѣренность, что эти подвиги не найдутъ одобренія у Спасителя и будутъ Имъ осуждены, къ немалому удивленію всѣхъ этихъ фарисеевъ новаго времени. «Но за то при жизни, они, благодаря мнѣ, счастливы; хотя они и удалились отъ дѣль государственныхъ, однако черезъ исповѣдь они владѣютъ всѣми тайнами; выдавать эти тайны они считаютъ грѣхомъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда хотятъ угостить компанію потѣшными разсказами; но и тогда говорять они намеками и именъ не называютъ. За то, если кто-нибудь раздразнитъ ихъ, тогда они мстятъ за себя публично и говорять о своихъ врагахъ столь непрозрачно, что развѣ крупный дуракъ не пойметъ ихъ намековъ, и до тѣхъ поръ не перестанутъ они говорить, пока не заткнешь имъ глотку кускомъ».

Выше шла рѣчь о той реформѣ, которой Эразмъ хотѣлъ подвергнуть проповѣдь, и какія мѣры рекомендовалъ онъ для этой цѣли. Въ «Похвалѣ Глупости» онъ даетъ намъ весьма вѣрное и остроумное изображеніе манеры изложенія проповѣдниковъ, оттѣняя преимущественно комическую сторону дѣла.

Если затѣмъ мы обратимся вмѣстѣ съ Эразмомъ къ высшимъ духовнымъ чинамъ, то найдемъ такое же отсутствіе вниманія къ высшимъ интересамъ и такое же небрежное отношение къ исполненію своихъ обязанностей. Они ведутъ жизнь свѣтскую, веселую, соперничая съ вельможами и аристократами въ устроеніи празднествъ и развлечений всякаго рода. Какія обязательства налагаетъ на нихъ ихъ санъ, что символически выражено особенностями

ихъ одѣжды—имъ и въ голову не приходитъ. «Если бы кто-нибудь изъ нихъ, говоритъ Глупость, сталъ соображать, что льняное, снѣжно-бѣлое платье означаетъ жизнь, свободную отъ всякаго пятна, что двурогая митра, верхушки которой связаны однимъ узломъ, указываетъ на совершенное знаніе ветхаго и новаго завѣта, что перчатки на рукахъ означаютъ чистое отъ всякой заразы людской совершеніе св. таинствъ, что посохъ указываетъ на бдительнѣйшую заботу о ввѣренномъ стадѣ Христовомъ, предносимый крестъ — на побѣду надъ всѣми человѣческими страстиами; если бы, говорю я, кто-нибудь изъ нихъ сталъ изображать это и многое подобное, какую печальную и исполненную заботъ жизнь пришлось бы вести ему? Теперь-же они пасутъ только самихъ себя, а заботу объ овчакахъ предоставляютъ Христу или своимъ викаріямъ. Они не хотятъ даже о томъ вспомнить, на что указываетъ ихъ название, а именно на трудъ, заботу, беспокойство. Зорко *надсматривають* они развѣ только надъ тѣмъ, какъ бы не упустить своихъ денежныхъ выгодъ».

«Подобнымъ же образомъ, если-бы кардиналы подумали о томъ, что они заступили мѣсто апостоловъ и что къ нимъ прилагаются тѣ же требованія, что они не владѣли, а управители духовныхъ благъ и, какъ таковые, должны будуть отдать подробнѣйшій отчетъ, еслибъ они по философствовали даже хоть надъ внѣшними знаками своего достоинства и стали бы такъ разсуждать: что означаетъ эта бѣлизна платья? Не высшую-ли и совершеннѣйшую безпорочность жизни? А подъ нимъ находящійся пурпуръ? Не пламеннѣйшую-ли любовь къ Богу? А плащъ, спускающійся въ обширныхъ складкахъ, могущій покрыть не только всего мула, на которомъ сидѣть высокопочтенный отецъ, но и цѣлаго верблюда? Не всеохватывающую-ли любовь къ людямъ, которая должна выражаться въ помощи всѣмъ и каждому: въ наученіи, увѣщаніи, порицаніи, утѣшеніи, умпротвореніи воюющихъ сторонъ, сопротивленіи безчестнымъ, даже въ пролитіи собственной крови за стадо Христово, не говоря уже про пожертвованія деньгами?»

Отъ кардиналовъ Эразмъ переходитъ къ самому папѣ, и рѣзко осуждаетъ злоупотребленія, которыя позволяютъ себѣ эти намѣстники Христа. «Первосвященники, говоритъ онъ, заступающіе мѣсто самого Христа, еслибъ попытались подражать Ему бѣдностью, трудами, ученіемъ, презрѣніемъ къ жизни, несеніемъ креста; если бы подумали о значеніи своего священническаго имени,—нашлись-ли бы на землѣ люди, болѣе ихъ страдающіе? Кто сталъ бы покупать, жертвуя своимъ состояніемъ, папскій престоль? Кто, купивъ его, сталъ-бы удерживать оружіемъ, ядомъ, всякимъ насилиемъ? Что осталось-бы отъ всѣхъ благъ, связанныхъ съ тіарой, отъ всѣхъ почестей, власти, побѣдъ, чиновниковъ, роскоши, пошлины, индульгенцій, лошадей, муловъ, служителей, еслибъ мое мѣсто заняла Мудрость?» «Благодаря мнѣ, нѣть на свѣтѣ людей, которымъ живется пріятнѣй и спокойнѣй; они твердо увѣрены, что исполняютъ свой долгъ, если

играютъ роль епископовъ въ церемоніяхъ, обставленныхъ почти по театральному, если раздаютъ благословенія и проклятія, и если ихъ честять титулами святѣйшествъ. Творить чудеса—дѣло вышедшее изъ моды, не соотвѣтствующее духу времени; учить народъ — трудно; толковать священное писаніе—дѣло схоластиковъ; молиться—потеря времени; проливать слезы—бабье занятіе; жить въ бѣдности—непріятно; быть побѣженнымъ—позорно и недостойно того, кто царей едва допускаетъ цѣловать свои блаженные ноги; наконецъ, умирать—непріятно, быть распятымъ—постыдно. Стало быть, остается управлѣніе арміей, раздача благословеній, на которыхъ они такъ щедры, интердикты, временные и вѣчные отлученія, страшные громы, которыми они низвергаютъ души смертныхъ дальше самаго тартара. Святѣйшіе во Христѣ отцы, намѣстники Спасителя, вис-посылаютъ эти громы съ особенной энергией на тѣхъ, кто по наущенію діавола пытается уменьшить или расхитить имущество св. апостола Петра. Защищая это имущество огнемъ и мечемъ, проливая кровь христіанскую, они убѣждены, что по апостольски стоять за церковь Христову—невѣсту и борятся съ ея врагами; а между тѣмъ, у церкви нѣтъ враговъ болѣе опасныхъ, чѣмъ нечестивые первосвященники, которые молчаніемъ своимъ заставляютъ забыть о Христѣ, связываютъ Его продажными законами, проституируютъ вымученными объясненіями, убиваютъ нечестивою жизнью... Война — дѣло до того безчеловѣчное, что болѣе прилична животнымъ, чѣмъ людямъ, до того безумное, что, по представлѣнію поэтовъ, ее посылаютъ на насъ фуріи, до того зловредное, что производить повсемѣстное развращеніе нравовъ, до того несправедливое, что въ ней отли чаются большие всѣхъ самые злые разбойники, до того нечестивое, что ничего общаго съ Христомъ имѣть не можетъ; однако они не обращаютъ на это вниманія и только ею одной и занимаются. Ей предавшись, развалившійся старикъ показываетъ юношескую силу духа, не останавливается передъ издержками, не утомляется трудами, ни капли не смущается тѣмъ, что ему приходится нисровергать законы благочестія и разрушать благосостояніе людей».

Познакомивъ нась съ духовенствомъ, стоящимъ во главѣ умственнаго движенія и облеченнымъ высшею властью, Эразмъ переходитъ къ низшимъ чинамъ, простымъ священникамъ, которые употребляютъ все отъ нихъ зависящее, чтобы не отстать отъ начальства.

Характеристикѣ духовенства отведено весьма видное мѣсто въ сатирѣ Эразма, но онъ не оставилъ безъ вниманія и свѣтское общество; онъ не щадить выдающихся его представителей, бичуя ихъ пороки смѣлымъ и мѣткимъ словомъ. Такого рода страницы, несомнѣнно, весьма любопытныи матеріалъ для знакомства съ культурнымъ состояніемъ эпохи. Подобно вышеупомянутымъ, онъ имѣютъ историческое значеніе.

О высшихъ государственныхъ чинахъ Эразмъ приводить самые безотрадные отзывы.

«Я (Глупость) съ удовольствиемъ переходжу къ вельможамъ, которые поклоняются мнѣ съ откровенностью, достойною свободно рожденныхъ людей. Если бы они имѣли хотя каплю здраваго смысла, ничего нельзя было бы вообразить печальнѣе ихъ жизни и, конечно, не нашлось охотника клятвопреступленіемъ и убийствомъ пріобрѣтать власть, съ которой связано столько непріятностей». «Они убѣждены, что отлично исполняютъ свои обязанности, если цѣлые дни проводятъ на охотѣ, держать на конюшнѣ красивыхъ лошадей, выгодно продаютъ чины и должности, выдумываютъ ежедневно новые способы разорять народъ и обогащать казну такимъ способомъ, чтобы это несправедливѣйшее дѣло имѣло нѣкоторый видъ справедливости. Пожалуй, еще не прочь они подольститься къ народу, чтобы пріобрѣсти популярность. Вообразите себѣ явленіе, довольно частое, человѣка, совершенно невѣжественнаго въ законахъ, почти съ враждою относящагося къ общественному благу, заботящагося только о собственныхъ выгодахъ и удовольствіяхъ, ненавистника науки, свободы и правды, измѣняющаго все своимъ произволомъ и похотью; потомъ надѣните на него золотую цѣпь, указывающую на соединеніе всѣхъ добродѣтелей, надѣните разныя украшенія, — и если этотъ вельможа сопоставить знаки своего достоинства съ своимъ образомъ жизни, полагаю, онъ устыдится своихъ украленій и побоится насмѣшника, который можетъ обратить въ комедію всю эту трагическую обстановку».

«Нужно-ли говорить о придворныхъ чинахъ? Нѣть ничего продажнѣе, безтолковѣе, отвратительнѣе большей части этихъ людей, однако они же-лаютъ казаться сливками человѣчества; они скромны только въ одномъ отношеніи: надѣвая на себя золото, драгоценныя камни, пурпуръ и про-чие знаки доблести и мудрости, они довольствуются этимъ, а самые доблести уступаютъ другимъ. Они вполнѣ счастливы тѣмъ, что находятся въ не-посредственныхъ сношеніяхъ съ княземъ, что знаютъ формулы пожеланія здоровья, что умѣютъ безпрестанно сыпать свѣтлости, превосходительства и высокопревосходительства, раскрашивать себѣ лицо и пріятно лѣстить».

«Нашъ вельможа просыпается въ полдень; наемный попъ стоитъ при постели и бормочеть ему наскоро обѣдю. Затѣмъ слѣдуетъ завтракъ, отъ завтрака недалеко и до обѣда, затѣмъ кости, шашки, пари, шуты, дураки, распутныя женщины, игры, всякия грубыя забавы; въ промежуткахъ одна или двѣ закуски; затѣмъ—ужинъ, послѣ него обильная возліянія».

Глупость подчеркиваетъ и другія слабости аристократовъ; она говорить, напр., о ихъ родовой гордости, заставляющей бездарныхъ потомковъ кичиться заслугами доблестныхъ предковъ. Многія лица, случайно выдвинувшіяся, должны изощряться въ изобрѣтеніи мнимыхъ предковъ и, конечно, ихъ усилия способны вызвать лишь смѣхъ.

«Хотя я и спѣшу, говорить Глупость, однако не могу пройти молчаниемъ тѣхъ, которые, ничемъ не отличаясь отъ послѣдняго сапожника, хвалятся благородствомъ своего происхожденія, выводя себѣ кто отъ

Энея, кто отъ Брута, кто отъ Артура; они всѣмъ и каждому сують рѣзныя или рисованныя изображенія своихъ предковъ, перечисляютъ своихъ дѣдовъ и прадѣловъ, старинныя родовыя прозвища; сами они ничѣмъ не лучше, еще, пожалуй, хуже тѣхъ статуй, которыми они хвалятся, но моя спутница—самолюбіе — даетъ имъ возможность вести счастливую жизнь, и нѣтъ недостатка въ дуракахъ, которые имъ точно богамъ поклоняются».

Таковы отрицательныя стороны отдѣльныхъ сословій, подмѣченныя и обобщенныя талантливымъ сатирикомъ. Не менѣе искусно характеризуетъ Эразмъ національныя слабости культурныхъ европейскихъ народовъ, въ большинствѣ случаевъ—замѣтимъ—сохранившіяся и до настоящаго времени.

«Англичане, говорить Глупость, хвалятся физической красотой, музыкальными способностями и умѣньемъ хорошо Ѳѣсть; шотландцы гордятся знатностью, родствомъ съ царями и искусствомъ въ діалектике; французы — умѣньемъ держать себя въ обществѣ; парижане убѣждены, что они оставляютъ далеко за собою въ области богословскихъ наукъ; итальянцы присвоили себѣ истый литературный вкусъ и краснорѣчіе и до того высокаго о себѣ мнѣнія, что всѣхъ другихъ почитаютъ варварами; блаженныѣ всѣхъ римляне, утѣшающіе себя сновидѣніями о величинѣ древняго Рима; венеціанцы счастливы сознаніемъ своего благородства, своего происхожденія; греки, изобрѣтатели наукъ, присваиваютъ себѣ похвальные качества героевъ древности; турки и вся эта масса истинныхъ варваровъ весьма доволыны своею религіею и смѣются надъ суевѣремъ христіанъ. Еще пріятнѣе живется іудеямъ, которые до сихъ поръ ожидаютъ своего Мессію и крѣпко держатся за Моисея; испанцы никому не хотятъ уступить первенство въ военномъ дѣлѣ; германцы величаются высокимъ ростомъ и знаніемъ магіи».

Весьма остроумны тѣ страницы трактата, гдѣ идетъ рѣчь о слабостяхъ, присущихъ не отдѣльнымъ лицамъ, сословіямъ и учрежденіямъ, а всему человѣчеству. Обобщая разрозненныя явленія, Эразмъ, тѣмъ не менѣе, изображаетъ ихъ такъ пластично, что читатель забываетъ о томъ, что имѣеть дѣло съ общимъ выводомъ, а не конкретнымъ фактамъ. Вотъ, напр., одинъ изъ лучшихъ эпизодовъ.

«Тотъ умираетъ отъ любви къ бабенкѣ, и чѣмъ она меньше любить его, тѣмъ онъ сильнѣе увлекается ею; тотъ женится на приданомъ, а не на женщинѣ; этотъ отдаетъ свою жену на поддержаніе другому, а этотъ стережетъ свою жену изъ ревности, какъ Аргусъ. Вотъ наслѣдникъ, скорбящій о смерти родственника: онъ готовъ позвать цѣлую труппу актеровъ, чтобы они помогли разыграть ему сцену печали; тотъ плачетъ на могилѣ своей тещи; этотъ все, что только можетъ собрать, жертвуетъ своему желудку, хотя завтра-же ему придется умирать съ голоду; тотъ считаетъ высшимъ счастіемъ сонъ и бездѣліе; иной въ чужія дѣла всю душу кладетъ, а своими пренебрегаетъ; этотъ, заплативъ свои долги новыми займами, готовъ считать себя богачемъ; иной выс-

шимъ счастіемъ своимъ поставляетъ, чтобы обогатить своего наслѣдника; иной изъ-за малой и невѣрной выгода носится по морямъ, рискуя своею жизнью, которую нельзя купить ни за какія деньги. Этотъ предпочитаетъ добывать деньги на войнѣ вмѣсто того, чтобы спокойно сидѣть дома. Иные мечтаютъ составить себѣ счастіе, уничтожаясь передъ бездѣтными стариками; другіе, въ тѣхъ-же видахъ, наслаждаются любовью бездѣтныхъ старухъ».

Подобнымъ образомъ въ краткихъ, но выразительныхъ фразахъ рисуетъ Эразмъ нечестныхъ торговцевъ, любителей чужой собственности, фантазеровъ, одержимыхъ мелочнымъ самолюбіемъ, охотниковъ до процессовъ. Достается и посѣтителямъ св. мѣсть, паломникамъ, бросающимъ семью на произволъ судьбы. Не менѣе остроумно смеетсяся Эразмъ надъ игроками, теряющими деньги, время, здоровье, иногда и жизнь, въ игорномъ домѣ, охотниками, по цѣлымъ днямъ рыскающими по лѣсамъ и называющими свое занятіе возвышеннымъ и благороднымъ времяпрепровожденіемъ, рассказчиками всякихъ небылицъ и ихъ внимательными и почтительными слушателями. «Недалеко отъ нихъ ушли и те, которые приходятъ къ неразумному, но весьма пріятному заключенію, что если они посмотрять на изваяніе или нарисованное изображеніе Полифема—Христофора, то въ этотъ день съ ними не случится бѣды; или, если они прочтутъ опредѣленную молитву передъ такой-то статуей, то невредимыми вернутся изъ сраженія, или, если они въ опредѣленные дни будутъ приходить на поклоненіе къ Эразму съ извѣстными обрядами, то скоро разбогатѣютъ. Они Геркулеса замѣнили другимъ именемъ и нашли себѣ другого Гипполита».

Эразмъ рѣшается возстать и противъ индульгенцій, повидимому не вѣря въ ихъ дѣйствительность, равно какъ и противъ увлеченій наивной вѣры. «Что сказать о тѣхъ, говорить онъ устами Глупости, которые такъ льстятся на индульгенціи и пургаторій мѣряютъ циркулемъ, опредѣляя при этомъ съ математическою точностью вѣка, года, мѣсяцы, дни, часы пребыванія въ немъ».

Всѣ формы человѣческихъ слабостей нашли въ Эразмѣ строгаго судью и критика. Въ его сатирѣ выведены не только пороки, но и увлеченія, иногда простительныя по своей безвредности. Изъ чтенія этой сатиры явствуетъ, что авторъ совмѣстилъ здѣсь разультаты продолжительныхъ размышеній и наблюденій. Эразмъ не изображаетъ пороки общества, онъ обобщаетъ ихъ въ тонкомъ и умѣломъ анализѣ. Двумя - тремя словами умѣетъ онъ уловить существенные черты и выставить ихъ въ надлежащемъ свѣтѣ. Изъ чтенія замѣтно, что трактать написанъ въ самое не-продолжительное время, во время высокаго подъема умственной дѣятельности. Авторъ не задался цѣлью сгладить нѣкоторыя неточности, повторенія и противорѣчія; они несомнѣнно могутъ быть указаны въ сатирѣ Эразма, которая, впрочемъ, искупааетъ эти недостатки крупными литературами.

турными достоинствами. Мѣстами изложеніе отличается необыкновенною сочностью красокъ: образъ является въ извѣстномъ обобщеніи, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ яркихъ художественныхъ формахъ. Вотъ Глупость говорить объ удовольствіяхъ, доставляемыхъ жизнью; вмѣсто сухой аргументаціи она представляетъ слѣдующую картину. «Посмотрите вокругъ себя: вы видите стариковъ, ровесниковъ Нестору, у которыхъ вида человѣческаго не осталось, глупыхъ, шамкающихъ, плѣшивыхъ, морщинистыхъ, согнутыхъ; а между тѣмъ они наслаждаются жизнью: одинъ чернитъ свои сѣдины, другой чужими волосами закрываетъ свою плѣшь, третій украшаетъ свою челюсти искусственными зубами (можетъ быть изъ свиныхъ клыковъ); четвертый умираетъ отъ любви къ дѣвушкѣ и стремится перешеголять безумствами юныхъ ея поклонниковъ»

Развѣ не я побуждаю ихъ ко всему этому? Теперь до того обычное явленіе видѣть старого хрыча, ведущаго къ алтарю молоденьку дѣвушку-безприданницу (разумѣется, на пользу другимъ), что такой поступокъ чуть не похвалы возбуждаетъ. Но еще занимательнѣй видѣть, какъ полуумертвая, трупообразная старуха, точно съ того свѣта явившаяся, нанявъ за большія деньги какого-нибудь фона, разрисовываетъ себѣ лицо, не отходитъ отъ зеркала, обнажаетъ свою изсохшую грудь, вмѣшиваются въ танцы дѣвушекъ, пишетъ любовныя записки».

Уже въ избраниі формы своему трактату (пародія на панегирикъ), Эразмъ является истымъ гуманистомъ, прекрасно знакомымъ съ образцами, завѣщанными древними. Въ эпоху Возрожденія были извѣстны панегирики древнихъ и нѣкоторыя пародіи на нихъ, равно какъ и трактаты объ ораторскомъ искусствѣ. Кроме того, при чтеніи сатиры Эразма видно необыкновенное знакомство съ греческой и римской мифологіей, легендами и преданіями.

«Въ сатирѣ Эразма есть одинъ крупный недостатокъ, безъ котораго, впрочемъ, она не была бы тѣмъ, чѣмъ она есть: это — неопределеннѣсть темы. Что такое «глупость», которую онъ обличаетъ? Это не одно понятіе, а цѣлый рядъ понятій, часто противоположныхъ: то она проявленіе низшихъ животныхъ инстинктовъ человѣческой природы, исключительное служеніе мамону; то она тупость и неразвитость, недостатокъ умственной культуры; то самодовольная ограниченность, культура, ложно понятая; то лицемѣrie ума, проявлявшееся въ острыхъ сарказмахъ придворныхъ шутовъ; то безсознательная преступность; то душевная невинность, незнаніе мерзостей жизни, непрактичность, такъ называемая «святая простота»; то, какъ въ концѣ, состояніе экстаза и вышечеловѣческая мудрость»¹⁾.

Къ этой характеристикѣ «Глупости» слѣдуетъ прибавить еще небольшое наблюденіе. Въ сущности сатира Эразма проникнута полною безотрадностью настроенія. Въ самомъ дѣлѣ, мы находимся въ недоумѣніи

¹⁾ Кирпичниковъ «Похвала Глупости», стр. XXXI.

каковы положительные идеалы автора? Мы ихъ не знаемъ, потому что въ трактатѣ ихъ нѣть; здѣсь осмѣиваются все: и воодушевленіе, и низость, и увлеченіе, и пороки—словомъ, всѣ проявленія человѣческой мысли и чувства. Читатель видитъ полное отрицаніе, насмѣшку надъ всѣмъ безъ исключенія.

Безотраденъ скептицизмъ Эразма. Не видно живой вѣры въ положительные идеалы. «Похвала Глупости» прекрасная иллюстрація вѣка и автора: вѣка — лишенного нравственныхъ идеаловъ, испорченного и неспособнаго къ исправленію; автора—извѣрившагося, иронизирующаго надъ всѣмъ, не вѣрящаго въ лучшее будущее и, въ сущности, не желающаго его тому человѣчеству, къ которому онъ въ цѣломъ и частности относится съ нескрываемымъ презрѣніемъ.

IV. Эразмъ, какъ политический писатель.

Разносторонняя литературная дѣятельность Эразма не могла оставить безъ вниманія одного изъ наиболѣе интересующихъ современное ему общество вопросовъ: вопроса о государствѣ и соціальномъ строѣ. Въ эпоху Возрожденія охотно занимались теоретическою разработкою политическихъ системъ и учений; она достигла высшей ступени въ трактатѣ Маккіавелли «Князь» и въ «Утопії» Томаса Мора, хорошаго друга Эразма—въ двухъ діаметрально противоположныхъ направленіяхъ. Эразму были извѣстны оба трактата, но онъ не могъ согласиться ни съ однимъ, ни съ другимъ; у него были свои опредѣленные на этотъ предметъ взгляды, которые онъ и высказалъ въ специальныхъ сочиненіяхъ. Притомъ, хотя «Утопія» вѣроятно и была извѣстна нашему гуманисту, когда онъ издавалъ свой трактатъ, но въ печати она явилась нѣсколькими мѣсяцами позже Эразмова разсужденія.

Маккіавелли далъ превосходный трактатъ о тираніи, основанной на непосредственныхъ наблюденіяхъ въ средѣ его окружающей. Владѣтели Италіи, какъ нельзя болѣе походили на идеалъ государя, представленный талантливымъ флорентійцемъ, хотя, конечно, это сводилось главнымъ образомъ къ отрицательнымъ чертамъ: такого ума и проницательности, какъ у князя Маккіавелли, не было даже у Цезаря Борджіа. Маккіавелли стоялъ исключительно на сторонѣ *силы; право личности* онъ игнорировалъ. Эразмъ задался цѣлью примирить *силу съ правомъ*. По его мнѣнію, всѣ люди свободны. Государь ихъ отецъ и настырь, заботящійся объ общихъ интересахъ. Въ виду этого онъ требуетъ отъ государя заботливости о благѣ своихъ подданныхъ и видѣть въ дѣлѣ управлѣнія несеніе своего рода общественной службы. Маккіавелли, преслѣдующій практическія цѣли, желаетъ влѣтѣть на тронъ государя, одареннаго военными талантами, Эразмъ предпочитаетъ—философа, повторяя за Платономъ, что государство не будетъ счастливымъ, пока князья не сдѣлаются философами или философы — князьями. Подъ философами разумѣеть Эразмъ

преслѣдующихъ истинное благо. Философъ и христіанинъ для Эразма однозначущія понятія, и христіанское ученіе въ его глазахъ есть и истинно-философское.

Въ противоположность Маккіавелли, Эразмъ не думаетъ, что существуютъ два кодекса нравственности: одинъ для обыкновенныхъ смертныхъ, другой—для правителей. Онъ полагаетъ, что законъ для всѣхъ одинаковъ. «Государь не долженъ стыдиться повиноваться закону добра, которому повинуется самъ Богъ». «Никто не можетъ быть хорошимъ государемъ, не будучи хорошимъ человѣкомъ». «Тотъ, кто имѣеть въ виду общественное благо—царь; тотъ, кто обращаетъ вниманіе лишь на свое собственное—тиранъ; но что-же сказать о такихъ, которые основываютъ свое счастье на несчастії отечества». О формѣ правленія Эразмъ не имѣеть опредѣленного представленія: «можетъ быть, замѣчаетъ онъ, лучше бы было никогда не вводить льва въ овчарню», протестуя этимъ противъ тираніи. Вообще онъ стоитъ за монархическое правленіе, ограниченное сенаторами и народными представителями. Государю, по его мнѣнію, гораздо лучше имѣть дѣло съ людьми, добровольно повиновящимися, нежели съ толпою рабовъ, знающихъ лишь страхъ. Скажутъ, замѣчаетъ Эразмъ, что царствовать такимъ образомъ скорѣе значить быть подчиненнымъ, чѣмъ царемъ. «Совершенно наоборотъ, самому себѣ возражаетъ гуманистъ, это самая благородная манера царствовать. Богъ тоже рабъ, такъ какъ даромъ управляетъ міромъ и распространяетъ свои благодѣянія на все живое. Царствовать надъ ослами менѣе почетно, чѣмъ надъ разсудительными и свободными существами». «Богъ также хотѣлъ повелѣвать свободными существами,— вотъ почему онъ далъ свободную волю ангеламъ и людямъ, чтобы возвысить великолѣпіе своего царства».

«Только тѣ всецѣло принадлежать вамъ, кто добровольно оказываетъ повиновеніе. Страхъ подчиняетъ тѣла, а не души; христіанское милосердіе соединяетъ государя съ подданными».

Эразмъ стоитъ за наследственность престола, хотя, въ видѣ исключенія, допускаетъ выборное начало. Въ наследственной монархіи главное вниманіе должно быть обращено на воспитаніе и образованіе наследника престола. Государь—не монахъ и не священникъ, но онъ христіанинъ. «Земное провидѣніе,—онъ живой образъ Бога; необходимо, чтобы образъ соотвѣтствовалъ оригиналу. Христіанская теология признаетъ въ Богѣ три основныхъ свойства; могущество, мудрость и доброту. Это—основныя качества хорошаго государя. Онъ не долженъ быть предметомъ страха для своихъ подданныхъ». Маккіавелли требовалъ, чтобы въ наследника престола развивали воинскія наклонности,— Эразмъ говорить въ пользу развитія мирныхъ добродѣтелей. Особенно рекомендуетъ онъ избѣгать льстецовъ, которые, изъ-за личнаго интереса, готовы жертвовать государственными. Всѣ, кто окружаетъ принца, должны говорить языкомъ истины. Памятники искусства и литературы, съ которыми знакомятъ принца, должны

служить нравственному назиданію. Любимыми книгами государей должны быть *Изречения Соломона*, *Эклезіастъ*, *Книга премудрости* и въ особенности *Евангелие*; изъ свѣтскихъ писателей—сочиненія Плутарха, Сенеки, *Политика* Аристотеля и *Объ обязанностяхъ Цицерона*.

Сказанія о подвигахъ Ахилла, Александра, Цезаря, романы Артурова цикла очень опасны для молодого читателя, хотя и здесь хороший руководитель съумѣеть установить надлежащую точку зрѣнія и указать на стороны дѣятельности этихъ героевъ, достойная подражанія.

Разсмотрѣвъ права и обязанности государя, Эразмъ обращается къ частнымъ вопросамъ государственного управления—особенно къ финансовымъ. Онъ замѣчаетъ, что государи должны заботиться объ экономіи, избѣгать ненужныхъ расходовъ и особенно войны. Когда необходимы новые налоги, слѣдуетъ заботиться о неимущихъ классахъ населенія и не облагать податями предметомъ первой необходимости, а преимущественно иностранные товары и предметы роскоши. Но и эти пошлины, по минованіи надобности, должны быть сняты.

Гуманистъ обращаетъ вниманіе, на монетную систему. Многія правительства въ его время нерѣдко позволяли себѣ чеканить низкопробную монету. Равнымъ образомъ они измѣняли цѣнность монеты, смотря по тому, получали-ли они или платили. Гуманистъ протестуетъ противъ этого, а также и противъ конфискаціи имущества въ пользу казны.

Взгляды Эразма на законодательство и правосудіе представляютъ весьма много замѣчательного. «Государство счастливо, говорить Эразмъ, когда всѣ граждане повинуются государю, когда самъ государь повинуется законамъ и когда законы, соотвѣтствуя идеалу справедливаго и честнаго, направлены лишь къ упроченію общественного блага. Слѣдуетъ издавать не многочисленные, но превосходные во всѣхъ отношеніяхъ законы». «Надо избѣгать... чтобы они не были издаваемы въ пользу знатныхъ, вместо того, чтобы служить общественному благу, широко понятому».

Законы, по Эразму, должны быть такъ обоснованы, чтобы убѣдить всякаго въ ихъ цѣлесообразности. Они должны быть всѣмъ и каждому известны и ясно формулированы, чтобы быть понятными безъ посредничества юристовъ. Они должны быть для всѣхъ обязательны, въ противномъ случаѣ «становятся паутиной, схватывающей лишь мухъ».

Равенство всѣхъ передъ закономъ—вотъ основное правило. Граждане должны съ ранняго дѣтства питать убѣжденіе, что милости даются не за знатность происхожденія, а за заслуги передъ отечествомъ. Благородныхъ Эразмъ раздѣляетъ по добродѣтели, наукѣ и крови. Послѣдніе безъ добродѣтели не должны имѣть никакого значенія.

Особенную гуманность проявляетъ Эразмъ, говоря о наказаніяхъ по закону. «Законъ, говорить гуманистъ, долженъ быть болѣе склоненъ къ прощенію, чѣмъ къ наказанію». «Виновный, избѣжавшій возмездія, можетъ быть опять схваченъ, осужденному безъ вины — обида не можетъ быть

вознаграждена. Если даже онъ не погибъ—какъ его вознаградить? Какую цѣну назначить за огорченіе?

Эразмъ не хочетъ, чтобы суды же извлекали изъ процессовъ какую-либо пользу. Онъ требуетъ, чтобы законъ покровительствовалъ преимущественно слабымъ и строже наказывалъ обиды, имъ причиняемыя. Необходимо также, чтобы наказаніе было соразмѣрено съ преступлениемъ. Смертной казни слѣдуетъ избѣгать, какъ нежелательной мѣры. Подобно Томасу Мору, Эразмъ возмущается, что въ его время незначительное воровство наказывалось смертью, а прелюбодѣяніе оставалось почти безнаказаннымъ. Вообще наказанія должны быть рѣдки, чтобы производить должное вліяніе. Задача администраціи должна состоять не въ томъ, чтобы наказывать преступленія, но чтобы предупреждать ихъ, тщательно преслѣдуя причины, ихъ порождающія. Особенное вниманіе должно быть обращено на школы, на первоначальное обученіе.

Главной причиной преступленій всякаго рода Эразмъ считаетъ праздность. Всѣ стремятся къ бездѣйствію, многіе прибѣгаютъ къ самыми дурными средствами. Государь долженъ заботиться, чтобы число праздныхъ было какъ можно меньше и изгонять изъ предѣловъ государства тѣхъ, кто не желаетъ трудиться. По мнѣнію Эразма, даже дѣти богатыхъ и знатныхъ должны учиться какому-либо ремеслу, если не имѣютъ достаточныхъ способностей къ наукѣ, чтобы праздность не побуждала ихъ искать непозволительныхъ развлечений.

Особенно вреднымъ для государства считаетъ Эразмъ ростовщичество. Онъ возмущается эксплоатаціей неимущихъ классовъ.

Во время Эразма многія административныя должности продавались и покупались. Чиновники, заплатившіе большія деньги за известное мѣсто, старались наверстать съ лихвою потерянное. Въ виду этого Эразмъ требуетъ строгой отвѣтственности должностныхъ лицъ.

Взгляды Эразма на иностранную политику отличаются полнымъ миролюбіемъ. Эразмъ убѣжденъ, что всѣ дѣйствія правительства должны быть направлены къ сохраненію вѣшняго мира и соблюденію общихъ интересовъ. Не слѣдуетъ задаваться отдаленными и не приносящими непосредственной пользы интересами. Между народами родственного происхожденія или имѣющими общіе интересы должна существовать тѣсная связь. Всякіе трактаты хороши лишь тогда, когда лица, ихъ заключающія, намѣрены ихъ свято блюсти. Къ этому же должны быть направлены и браки государей. Заключеніе брачныхъ союзовъ между отдаленными дворами, имѣющими мало общаго, Эразмъ считаетъ весьма нежелательнымъ, такъ какъ дѣти отъ такихъ браковъ, воспитанные подъ чуждыемъ вліяніемъ, утрачиваютъ живую связь со своими подданными, а упроченіе мира и другія благія ожиданія почти никогда не оправдываются.

Въ мирное время государь и его совѣтники должны заниматься дѣлами правленія и проводить, не дѣлая рѣзкихъ скачковъ, реформы, на-

правленныя ко благу его страны. Но если глава государства окажется ниже своего назначения, ему слѣдуетъ оказывать полное повиновеніе. «Надо переносить тирана изъ опасенія, чтобы за тираніей не послѣдовала анархія, еще болѣе гибельная, что доказываютъ многочисленныя республики, а въ послѣднее время возмущеніе крестьянъ».

Какъ замѣчено выше, «Утопія» Томаса Мора была издана нѣсколькими мѣсяцами позже сочиненія Эразма. О непосредственномъ заимствованіи однімъ у другого не можетъ быть и рѣчи, но нельзя не замѣтить, что въ нѣкоторыхъ общихъ и частныхъ выводахъ эти писатели сходятся. Это объясняется одинаковой научной подготовкой, личными отношеніями, т. е. перепиской и продолжительными бесѣдами.

По своимъ взглядамъ на политику, Эразмъ стоитъ наравнѣ съ лучшими умами своего времени, проявляя трезвое и благоразумное отношеніе къ дѣлу.

Проникнутый лучшими идеями, онъ питаетъ отвращеніе къ войнѣ. Онъ считаетъ войну возможной лишь въ интересахъ самообороны. Даже войну съ турками слѣдовало, по его мнѣнію, свести къ отраженію ихъ нападеній и стараться распространять истинную вѣру убѣженiemъ. Онъ не только высказывается всюду противъ войны, но, гдѣ только можетъ, преслѣдуетъ военное сословіе юдкой насмѣшкой, не щадя даже столь высокопоставленныхъ лицъ, какъ папа Юлій II. Считая Льва X миролюбивымъ, Эразмъ искренно радуется его вступленію на престолъ. Подобнымъ же образомъ относится онъ къ французскому королю Франциску I, ибо думаетъ, что этотъ государь водворить всюду миръ и согласіе.

Войну и ея поборниковъ Эразмъ пытается выставить не только въ ужасномъ видѣ, но и смѣшномъ и отталкивающемъ. Такъ, наприм., въ одномъ изъ своихъ трактатовъ онъ выводитъ на сцену защитника войны и ея противника (Трасимаха и Ганиона). Первый возвратился съ кампаніи больнымъ и изувѣченнымъ. Изъ бесѣды съ Ганиономъ выяснилось, что доблестный воинъ шелъ въ походъ съ цѣлью награбить и побезчинствовать. Онъ дѣйствительно очутился обладателемъ богатой добычи, но не извлекъ изъ нея никакой пользы, такъ какъ всѣ награбленныя деньги ушли немедленно на вино, карты и женшинъ.

Л. Шепелевичъ.

СЕМЕЙСТВО ПОЛАНЕЦКИХЪ.

Романъ Генрика Сенкевича.

(Переводъ съ польского М. Кривошеева).

II.

Чрезъ нѣсколько днѣй, въ одно прекрасное утро, когда Поланецкій собирался уйти въ контору, къ нему зашелъ Машко.

— Я пришелъ къ тебѣ по двумъ дѣламъ, — началъ онъ, — но прежде всего, приступлю къ денежному вопросу, чтобы предоставить тебѣ полную свободу сказать: „да или нѣтъ“.

— Ты же знаешь, голубчикъ, что для денежныхъ дѣлъ у меня есть контора, а потому начинай прямо со второго.

— Дѣло это не касается вашего торгового дома; оно совершенно частное, и я предпочитаю потолковать о немъ частнымъ образомъ. Какъ тебѣ известно, я собираюсь жениться, и деньги мнѣ очень нужны. Расходовъ у меня столько, сколько волось на головѣ и притомъ разныхъ платежей чортова прощастъ. Наступаетъ срокъ уплаты тебѣ первого взноса по контракту за Кремень, который я отъ тебя купилъ. Не можешь-ли отсрочить мнѣ платежъ еще на три мѣсяца?

— Буду съ тобою откровененъ, — отвѣтилъ Поланецкій: — да, могу, но только не хочу.

— Въ такомъ случаѣ и я буду откровененъ и спрошу, что ты со мною сдѣлаешь, если я не уплачу тебѣ къ сроку?

— И это иногда случается на Божьемъ свѣтѣ — снова отвѣтилъ Поланецкій, — но на сей разъ ты считаешь меня глупѣе, чѣмъ я на самомъ дѣлѣ, — я увѣренъ, что ты уплотиши.

— Откуда такая увѣренность?

— Собираясь жениться, да къ тому же на богатой, ты не захочешь объявить себя несостоятельнымъ. Изъ подъ земли выкопаешь, а уплотиши.

— Изъ пустаго кармана и самъ Соломонъ не извлекъ бы ничего.

— Потому, должно быть, что онъ у тебя не поучился. Ужъ не

взыщи, голубчикъ, нась теперь никто не услышитъ, а потому скажу тебѣ прямо, что ты вѣдь всю жизнь только это и дѣлалъ...

— Такъ ты увѣренъ, что я уплачу?

— Да.

— Ты правъ. Я хотѣлъ было воспользоваться твоей любезностью, на которую, впрочемъ, не имѣю ни малѣйшаго права. Однако, все это ужъ меня такъ утомило, измучило... Тутъ братъ, тамъ отдавать, — вѣчно жить словно въ какомъ-то водоворотѣ — это прямо выше человѣческихъ силъ... Теперь я, какъ будто, начинаю уже прикаливать къ берегу. Чрезъ два мѣсяца я, наконецъ, почувствую подъ своими ногами другую почву, а теперь я мчусь на послѣднихъ парахъ. Ты не хочешь... Что-же дѣлать!.. Въ Кременѣ имѣется небольшой лѣсъ — вырублю его и уплачу, коль скоро ужъ иначе нельзя.

— Гдѣ тамъ въ Кременѣ лѣсъ? Стариkъ Плавицкій, кажется, ужъ такъ постарался и кругомъ такъ вычистилъ, что даже слѣда не осталось.

— За домомъ осталась еще небольшая дубовая роща, какъ разъ по дорогѣ въ Недзялково.

— Да, правда, осталась.

— Вы вѣдь вмѣстѣ съ Бигелемъ, кажется, торгуете иногда и лѣсомъ. Купите отъ меня эту рощу. Это избавить меня отъ хлопотъ искать купца, а вы на этомъ хорошо заработаете.

— Объ этомъ я долженъ прежде поговорить съ Бигелемъ.

— Такъ значитъ это пойдетъ?

— Посмотрю. Если дешево уступишь, то, быть можетъ, я даже самъ... Впрочемъ, въ такихъ дѣлахъ нужно хорошенъко разсчитать и убытки, и прибыль. Мнѣ также нужно знать твои. Прикинь-ка и ты. Пришли мнѣ, пожалуйста, выписку, сколько тамъ всего лѣса и какой именно. Я почти его не помню.

— Черезъ часъ пришло.

— Въ такомъ случаѣ я вечеромъ дамъ тебѣ отвѣтъ.

— Относительно одного условия я долженъ тебя предупредить: къ рубкѣ лѣса тебѣ можно будетъ приступить не раньше, какъ только по истечениіи двухъ мѣсяцевъ со дня заключенія контракта.

— Почему?

— Потому что безъ этой рощи Кремень много теряетъ; она — лучшая статья всего имѣнія. Послѣ свадьбы я попрошу тебя о переступкѣ ея мнѣ, разумѣется, на выгодныхъ для тебя условіяхъ.

— Посмотримъ.

— Кромѣ того, въ Кременѣ оказывается порядочный мергель. Помнишь, ты самъ когда-то обѣ этомъ говорилъ. Плавицкій считалъ, что тамъ у него лежать миллионы — это, разумѣется, глупо! Но въ рукахъ опытныхъ людей изъ этого можно что-нибудь сдѣлать и,

пожалуй, нѣчто довольно выгодное. Потолкуй объ этомъ съ Бигелемъ; я бы вошелъ съ вами въ компанию...

— Если дѣло подходящее и даже выгодное, то вѣдь для того и существуетъ нашъ торговый домъ, чтобы дѣла обдѣливать.

— Впрочемъ, объ этомъ послѣ. Что касается нашего условія на счетъ лѣса, то оно должно носить такой характеръ, что я, вмѣсто причитающагося тебѣ денежнаго взноса, отдаю тебѣ лѣсъ или часть его, смотря потому, какъ мы тамъ разсчитаемъ. Лѣсъ ты получаешь какъ бы въ обеспеченіе и сбязываешься не рубить его раньше, какъ по истеченіи слѣдующаго трехмѣсячнаго срока.

— Это я могу для тебя сдѣлать,— отвѣтилъ Поланецкій.— Само собою разумѣется, что намъ предстоитъ условиться еще о нѣкоторыхъ подробностяхъ, какъ напримѣръ о доставкѣ лѣса на желѣзнодорожную станцію и т. п., но объ этомъ мы поговоримъ при заключеніи контракта, конечно,— если мы его заключимъ.

— По крайней мѣрѣ, хотя одно бремя съ плечъ долой!— сказа-
заль Машко, сильно потирая себѣ лобъ. — Представь себѣ, что у
меня такихъ дѣлъ десять-пятнадцать въ день, не считая дѣловыхъ
разговоровъ съ будущей моей тещей, съ почтенѣйшей г-жей Крас-
лавской, которые еще гораздо труднѣе и мучительнѣе, и почетной
службы при невѣстѣ, которая...

Тутъ Машко на минуту остановился, но потомъ, махнувъ рукой,
прибавилъ:

— Которая также далеко не такъ легка!..

Поланецкій посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ. Услышать что-либо подобное отъ Машко, всегда осторожнаго и сдержаннаго во всемъ, что касается лелѣемаго имъ общественнаго мнѣнія, было дѣломъ, почти невѣроятнымъ.

Но Машко между тѣмъ продолжалъ:

— Но не въ томъ дѣло. Помнишь, какъ-то разъ предъ смертью Литки у насъ чуть-ли не завязалась скора... Я не сообразилъ тогда, что ты такъ сильно любилъ эту крошку, что ты былъ разстроенъ, взволнованъ и я поступилъ тогда очень грубо. Сознаюсь, я былъ виноватъ кругомъ, извини, пожалуйста...

— Кто старое помянеть... — отвѣтилъ Поланецкій.

— Я заговорилъ объ этомъ, потому что хочу просить тебя объ одномъ одолженіи. Дѣло вотъ въ чёмъ: друзей у меня нѣть; родныхъ также, или если и есть, то такие, съ которыми не стоитъ связываться. Теперь я долженъ позаботиться о шаферахъ и, ей-ей, не знаю, гдѣ ихъ и искать... Какъ тебѣ известно, я вель и теперь еще веду дѣла разныхъ барчуковъ... Но приглашать первого попавшагося паяца только за то, что онъ носить громкую фамилію—какъ-то неудобно, да и не хочется. Мнѣ было-бы желательно, чтобы мои шафера были

люди порядочные и кромъ того, скажу откровенно, — порядочной фамиліи. Мои дамы также изволили обратить на это особое свое внимание, — и потому не захочешь-ли ты быть моимъ шаферомъ?

— Въ этомъ я бы тебѣ не отказалъ, если-бы обстоятельства не такъ сложились. Смотри: я не ношу чернаго крепа на шляпѣ и не обшилъ бѣлой ленточкой лацкановъ сюртука; я съ виду не въ траурѣ, но даю тебѣ честное слово, что я въ такомъ горѣ, какъ будто у меня умеръ свой ребенокъ...

— Да, я этого не сообразилъ — отвѣтилъ Машко. — Извини, пожалуйста.

Поланецкаго тронули эти слова.

— Впрочемъ, если ты очень хочешь... если тебѣ не удастся найти никого другого, то я къ твоимъ услугамъ; хотя, признаюсь чистосердечно, мнѣ будетъ очень тяжело вдругъ очутиться на свадьбѣ послѣ такихъ похоронъ.

Поланецкій, правда, не прибавилъ „на такой свадьбѣ“, но Машко отгадалъ его мысль.

— Притомъ — продолжалъ Поланецкій, — есть еще одно обстоятельство. Ты, вѣроятно, слышалъ о томъ, что былъ какой-то несчастный, докторишко..., который до сумасшествія былъ влюбленъ въ твою невѣсту. Разумѣется, она имѣла полное право не отвѣтчать ему взаимностью и никто въ этомъ не можетъ ее упрекнуть, но тотъ, несчастный, поѣхалъ туда, куда Макаръ телять не гоняетъ, и тамъ его гдѣ-то чортъ забралъ... понимаешь? — а я какъ разъ былъ его пріятелемъ, которому онъ повѣрялъ всѣ свои сердечныя тайны и изливалъ все свое горе — понимаешь? — а тутъ изволь исполнять обязанности шафера при другомъ — неправда-ли: странное совпаденіе?..

— И тотъ дѣйствительно умеръ отъ любви къ моей невѣстѣ?

— Ты развѣ обѣ этомъ не слышалъ?

— Не только не слышалъ, но я ушамъ своимъ не вѣрю...

— Обыкновенно люди мѣняются послѣ вступленія въ бракъ, но вижу, что нѣкоторые изъ нихъ успѣваютъ измѣниться даже сейчасъ по зачисленіи себя въ женихи. Я не узнаю тебя, Машко, да и только.

— Вѣдь я ужъ сказалъ тебѣ, что я такъ усталъ, что еле дышу, а въ такихъ случаяхъ приходится маску сбрасывать.

— Что ты хочешь этимъ сказать?

— Я того мнѣнія, что люди дѣлятся на двѣ категоріи: первые — ни съ чѣмъ не сообразуются и поступаютъ такъ, какъ Богъ имъ на душу положитъ; другіе же строго придерживаются извѣстной системы, отъ которой рѣдко и отступаютъ. Я принадлежу ко второй категоріи. Я привыкъ сохранять вѣнчаное приличіе, привыкъ на столько, что это стало моей второй натурой. Но представь себѣ, напримѣръ, такого оригинала, путешествующаго въ сильную жару; ему невыносимо

жарко и вдругъ этотъ человѣкъ „comme il faut“ самаго высшаго тона не въ состояніи выдержать, и на него находитъ такая минута, что онъ растегиваетъ не только сюртукъ, но даже и жилетъ. И на меня нашла теперь такая минута — ничего не подѣлаешь, нужно растегиваться.

— Что это значитъ?

— Это значитъ, что я просто пораженъ извѣстіемъ, что кто-то могъ до сумасшествія влюбиться въ мою невѣstu, которая такъ холдна, натянута и,— какъ ты разъ со злости далъ мнѣ почувствовать,— вся такъ автоматична, словно ее каждый день заводятъ ключомъ. Все это истинная правда — и я вполнѣ это подтверждаю. Я не хочу, чтобы ты меня считалъ болѣшимъ негодяемъ, чѣмъ я на самомъ дѣлѣ. Я никогда не любилъ ее и не люблю и теперь и вся эта женитьба будетъ такъ-же натянута, какъ и сама невѣста. Я люблю панну Плавицкую, которая меня отвергла. На паниѣ Краславской женюсь только изъ-за денегъ. Если скажешь, что это мерзко, отвратительно, то позволю себѣ обратить твоё вниманіе на то, что эту мерзость совершила или совершаетъ тысяча, такъ называемыхъ, порядочныхъ людей, которымъ ты подаешь руку; жизнь-же, вообще, не есть непрерывная цѣнь наслажденій, но также не полна и трагедіями,— она сильно хромаетъ, но идетъ... Впослѣдствіи много помогаетъ привычка, прожитые годы, которые приносятъ съ собою нечто вродѣ привязанности, дѣти, которыя являются на свѣтѣ — и такъ живется понемногу. Большинство супружествъ таково, потому что большинство предпочитаетъ лучше ходить по землѣ, чѣмъ взбираться на недосягаемыя высоты. Нѣкоторыя супружества бываютъ еще хуже,— потому что, когда женщина, напримѣръ, хочетъ летать, а мужчина предпочитаетъ ползти, или наоборотъ, — тогда трудно разсчитывать на полное счастье. Что касается меня, то я достаточно поработалъ на своеемъ вѣку; я работалъ какъ волъ. Происходя изъ разорившейся мелкой семьи, я хотѣлъ выбиться, выдвинуться — и въ этомъ я откровенно сознаюсь. Если-бы я захотѣлъ остаться никому неизвѣстнымъ крючкотворомъ и копить деньги, я, быть можетъ, сколотилъ-бы столько, что открылъ-бы моему сыну настежь двери жизни. Но я не люблю своихъ дѣтей до появленія ихъ на свѣтѣ, а потому мнѣ хотѣлось не только имѣть дѣтей, но стать чѣмъ-нибудь, занять какое-нибудь мѣсто, получить какой-нибудь вѣсъ, разумѣется, на сколько у насъ, вообще, можно получить вѣсъ, хотя-бы въ обществѣ. Получилось слѣдующее: то, что заработалъ адвокатъ — израсходовалъ большой баринъ. Извѣстное положеніе налагаетъ извѣстные обязанности. Въ настоящее время денегъ нѣть, вѣчная бѣготня, заключающаяся преимущественно въ томъ, чтобы изъ одной дыры вынимать и другую затыкатъ, мнѣ страшно надоѣла, а потому женюсь на паниѣ

Краславской, которая, въ свою очередь, выходитъ за меня только потому, что, если не на самомъ дѣлѣ, то, по крайней мѣрѣ, съ виду я представляю собою большого барина, — скорѣе разыгрываю роль большого барина, который развлекается адвокатурой... Шансы съ обѣихъ сторонъ совершенно одинаковы, никто никого не обманываетъ, не надуваетъ, а если хочешь, то мы другъ друга надуваемъ только въ одинаковой степени. Вотъ тебѣ вся правда, а теперь, какъ тебѣ угодно, можешь меня и презирать.

— Ей-Богу, я никогда тебя такъ не уважалъ, — отвѣтилъ Поланецкій; — я только удивляюсь твоей искренности и храбрости.

— Принимаю твой комплиментъ за чистую монету; но въ чемъ же ты видишь тутъ храбрость?

— Въ томъ, что, такъ мало обманываясь относительно панны Краславской, ты все-таки женишься на ней.

— Потому, что я не такъ глупъ, какъ ты думаешь. Правда, я искалъ денегъ, но развѣ ты думаешь, что я изъ-за денегъ женился бы на комъ угодно? О, нѣть, мой милый, ты ошибаешься. Остановивъ свой выборъ на паннѣ Краславской, я зналъ, что дѣлалъ. У панны Краславской есть неоцѣнимыя качества, которыхъ очень важны при тѣхъ условiяхъ, при какихъ она выходитъ за меня, и при которыхъ я женюсь на ней. Панна Краславская будетъ женой холодной, непріятной, кислой и даже надменной, разумѣется, на столько, на сколько она меня не будетъ бояться. Но зато панна Краславская и ея мать охраняютъ, какъ святыню, какъ религіозный кульпъ общественное мнѣніе и все то, что принято или не принято, однимъ словомъ, такъ называемое, приличie. Это первое. Затѣмъ, нѣть въ ней и признака того зародыша, который развиваетъ въ женщинахъ страсть къ приключенiямъ, — и совмѣстная жизнь съ ней, какъ бы она ни была непріятна, не закончится, по крайней мѣрѣ, скандаломъ. Это во вторыхъ. А въ третьихъ, она страшная педантка какъ въ своихъ взглядахъ на религию, такъ и по отношенiю ко всѣмъ другимъ обязанностямъ, которыхъ она на себя беретъ. Вотъ это ужъ дѣйствительно рѣдкое качество. Съ ней я не буду чувствовать себя счастливъ, но зато буду всегда спокойнымъ, и кто знаетъ, быть можетъ, это единственное счастье, къ которому въ жизни нужно стремиться. Вотъ что еще тебѣ скажу, мой милый: если вздумашь жениться, то, прежде всего, хорошенько подумай о будущемъ спокойствiи. Въ любовницахъ ищи себѣ всего, что тебѣ угодно: и остроумiя, и темперамента, и поэтическаго настроенiя, и впечатлительности, но съ женой надо прожить всю жизнь, — поэтому ищи въ ней того, на чёмъ можно основать жизнь — ищи принципа.

— Я никогда не считалъ тебя глупымъ, но вижу, что ты обладаешь гораздо большимъ умомъ, чѣмъ я предполагалъ.

— Потому что, видишь-ли, наши женщины, хотя бы, напримѣръ, изъ финансового міра, воспитываются, правда, на французскихъ романахъ, но знаешь-ли, что изъ этого получается?

— Болѣе или менѣе знаю, но ты сегодня въ такомъ краснорѣчивомъ настроении, что съ удовольствиемъ послушаю твою характеристику.

— По моему, женщина становится для себя одновременно и Богомъ, и закономъ.

— А для мужа?

— Хамелеономъ и вѣчной драмой.

— Это, правда, иногда замѣчается, но только въ высшемъ денежномъ свѣтѣ, лишенномъ всякихъ традицій. Тамъ все основано на вѣшности и на туалетахъ, подъ которыми живеть не человѣкъ съ душой, а только избалованный звѣрекъ.

— Но этотъ денежный свѣтъ, шикарный и богатый, жуирующей и веселящейся, весь пропитанный диллантанизмомъ въ искусствахъ, литературѣ и даже въ религіи, держитъ въ своихъ рукахъ дирижерскую палочку и управляетъ хоромъ.

— У насъ еще пока нѣтъ.

— Скажи, у насъ еще не вполнѣ. Впрочемъ, и въ этомъ мірѣ бываютъ исключенія, а ужъ о другихъ сферахъ и говорить нечего. Да, у насъ встрѣчаются и другія женщины, напримѣръ, панна Плавицкая. Ахъ, какое спокойствіе, какая увѣренность, и при этомъ какая гармонія, какое очарованіе въ жизни съ такою, какъ она! Увы — она не для такихъ, какъ я!

— Машко! Я твою ловкость готовъ былъ приписывать нуждѣ, но я и не подозрѣвалъ, что ты такой энтузіастъ.

— Что-жъ дѣлать: я любилъ ее, а теперь женюсь на панѣ Креславской!

Послѣднія слова Машко проговорилъ съ какой-то злостью. Настала минута молчанія.

— Такъ ты не будешь моимъ шаферомъ? — спросилъ Машко.

— Дай мнѣ время, подумаю.

— Я уѣзжаю чрезъ три дня.

— Куда?

— Въ Петербургъ. Есть одно дѣло. Пробуду тамъ недѣли двѣ.

— По прїездѣ получишь отъ меня отвѣтъ.

— Хорошо. Сегодня пришлю тебѣ подробную вѣдомость о Кремневскомъ лѣсѣ съ обозначеніемъ даже всѣхъ трехъ измѣреній... Лишь-бы только не платить теперь взноса!

— А я пришлю тебѣ мои условія, на которыхъ куплю у тебя рощу.

Машко распрошался и вышелъ, а вскорѣ послѣ его ухода Полакъ З. Отд. I.

непкій отправился въ контору. Посовѣтовавшись съ Бигелемъ, онъ рѣшилъ пріобрѣсти лѣсъ на свой собственный счетъ, если покупка окажется выгодной. Онъ самъ не могъ отдать себѣ отчета, откуда явилось у него это странное, ничѣмъ необъяснимое желаніе, хоть какъ-нибудь зацѣпиться за Кремень. Покончивъ съ конторской работой, онъ долго размышлялъ о томъ, что Машко говорилъ ему о паннѣ Плавицкой. Онъ отлично чувствовалъ, что Машко говорилъ правду—и что жизнь съ такою именно женщиной можетъ быть не только ровна и спокойна, но также полна красоты и гармоніи. Но онъ, однако, вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалъ, что, размышляя такимъ образомъ, онъ отдаетъ полную справедливость лишь тому женскому типу, представительницей котораго являлась Мария, а не самой Маринѣ. Онъ также замѣтилъ въ себѣ цѣлую массу противорѣчій и непослѣдовательностей. То охватывало его какое-то разочарованіе, чуть-ли даже не гнѣвъ противъ желанія любить кого-нибудь или что-нибудь, противъ стремленія загнать свое сердце въ какіе-то тиски, завязать его какими-то узлами, отъ которыхъ бываетъ только больно. При одной лишь мысли объ этомъ онъ возмущался всѣмъ своимъ существомъ, повторяя про себя: „Я не хочу этого! будешь съ меня, довольно!—это аномальная, нездоровая аффектація, которая влечетъ за собой вѣчныя колебанія и страданія“. Но одновременно съ этимъ онъ былъ почти недоволенъ Мариной за то, что она не полюбила его какой-то всепоглощающей, безотчетной любовью, а начала раскрывать предъ нимъ свое сердце лишь тогда, когда это продиктовано было ей чувствомъ долга. Затѣмъ, не желая больше любви, онъ, однако, былъ пораженъ тѣмъ, что это чувство почти незамѣтно начало блекнуть, и что его гораздо больше влекло къ Маринѣ, когда она имъ пренебрегала, чѣмъ теперь, когда она стала относиться къ нему благосклоннѣе. „Въ концѣ концовъ, думалъ онъ,—все это вмѣстѣ взятое ведетъ только къ тому, что человѣкъ самъ не знаетъ, чего онъ хочетъ и какъ ему поступить, то есть доходитъ до того состоянія, въ которомъ ему хотѣлось бы провалиться сквозь землю, да и только! Панна Плавицкая обладаетъ цѣлой массой качествъ, которыхъ она сама даже не подозрѣваетъ, она такая честная, прямая, тихая, скромная и красива, разумъ мой влечетъ меня къ ней, но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствую, что панна Плавицкая стала теперь для меня не тѣмъ, чѣмъ она была, и что-то во мнѣ измѣнилось, что-то ушло“.

— Но что именно? Если во мнѣ нѣть способности любить (продолжалъ разсуждать Поланецкій), то странно, что какъ скоро я пришелъ къ заключенію, что любовь чаще всего глупость, а сильная любовь—всегда только глупость, — мнѣ бы слѣдовало теперь быть довольнымъ этимъ, а между тѣмъ я совсѣмъ недоволенъ.

Но чрезъ минуту пришла ему новая мысль, что все это, пожалуй, ничто иное, какъ слабость, которая наступаетъ обыкновенно послѣ операциіи хирурга или послѣ перенесенной болѣзни, и что положительная жизнь со временемъ наполнить ему ту пустоту, которую онъ теперь ощущаетъ.

Эту же положительную жизнь онъ видѣлъ теперь въ своемъ „Торговомъ домѣ“.

За обѣдомъ онъ встрѣтилъ Ваксовскаго, а позади него замѣтилъ двухъ лакеевъ, которые стояли и подмигивали другъ другу, показывая на старого профессора, то погружавшагося въ свои мысли и забывавшаго даже обѣ ъдѣ, то громко разговаривавшаго съ самимъ собой. Старикъ Ваксовскій за послѣднее время безпрестанно разговаривалъ самъ съ собою, да такъ громко, что на улицѣ обращалъ на себя вниманіе прохожихъ. Теперь голубые глаза его безсознательно смотрѣли съ минуту на Поланецкаго, послѣ чего онъ вдругъ встрепенулся, словно пробудился со сна, и тихо прошепталъ, видимо продолжая начатую мысль:

- Она говорить, что это сблизить ее съ ребенкомъ.
- Кто говорить? — спросилъ Поланецкій.
- Пани Эмилія.
- Какъ-же она сблизится съ нимъ?
- Она хочетъ поступить въ сестры милосердія.

Поланецкій такъ и онѣмѣлъ подъ впечатлѣніемъ этого извѣстія. Онъ могъ думать обо всемъ, о чемъ угодно, мечтать объ умерщвленіи плоти и всякой чувствительности, философствовать о проходившемъ, скоро спѣломъ развитіи общества, среди которого онъ жилъ, — но въ глубинѣ души своей онъ всегда хранилъ какъ-бы двѣ святыни: Литку и пани Эмилію. Литка являлась для него теперь дорогимъ воспоминаніемъ, но за то пани Эмилію онъ любилъ живымъ, нѣжнымъ, братскимъ чувствомъ, никогда не касаясь его въ своихъ размышленіяхъ.

И онъ долго не могъ овладѣть собой на столько, чтобы продолжать прерванный разговоръ; наконецъ, сурово взглянувъ на Ваксовскаго, онъ произнесъ почти сердито:

— Это вы, профессоръ, ей такъ совѣтуете? Не вдаваясь въ вашъ мистицизмъ и туманныя идеи, скажу вамъ только одно, что вы берете на вашу совѣсть ея жизнь, потому что у нея просто на просто вѣтъ столько физическихъ силъ, чтобы стать сестрой милосердія, и она тамъ даже одного года не проживеть, понимаете вы это?

— Милый мой, — отвѣтилъ Ваксовскій, — вотъ ты осудилъ человѣка, даже не выслушавъ его. Подумалъ-ли ты когда-нибудь о томъ, что значитъ: „справедливый мужъ?“

— Когда дѣло касается кого-нибудь изъ близкихъ мнѣ, тогда наплевать мнѣ на какія-то тамъ выраженія...

— Видишь, она вчера сказала мнѣ объ этомъ совершенно неожиданно, а когда я ее спросилъ: — родная моя, хватить ли у тебя на это силъ, потому что эта работа не легка? Она улыбнулась и отвѣтила мнѣ этими словами: „не отговаривайте меня, потому что это единственный для меня исходъ и возможное счастье. Если окажется, что я не обладаю такими силами, тогда меня не примутъ, если-же меня примутъ и работа окажется выше моихъ силъ, тогда я раньше уйду къ Литкѣ. Мнѣ такъ грустно, такъ грустно!“ Что мнѣ оставалось сказать ей послѣ столь простого аргумента? Что ты бы ей на это сказалъ? Развѣ кто-нибудь, даже самый невѣрующій, осмѣлился бы ей сказать, что, быть можетъ, Литки ужъ больше нѣтъ и что жизнь въ трудѣ, въ милосердіи, въ самопожертвованіи и смерти во Христѣ никогда, быть можетъ, не приведетъ ее къ Литкѣ? Выдумай для нея другое утѣшеніе, но что ты выдумаешь? Дай ей другую надежду, успокой ее чѣмъ-нибудь, но чѣмъ ты ее успокоишь? Впрочемъ, ты вѣдь увидишься съ ней, скажи-же, положа руку на сердце: хватить ли у тебя смѣлости отговаривать ее отъ этого?

— Нѣтъ, — лаконически отвѣтилъ Поланецкій.

Но черезъ минуту онъ прибавилъ:

— Со всѣхъ сторонъ однѣ только непріятности и больше ничего!..

— Развѣ вотъ что ей можно посовѣтовать, — продолжалъ Васковскій, — вмѣсто того, чтобы идти къ сестрамъ милосердія, гдѣ работа не по ея силамъ, пусть она лучше поступить въ какое-нибудь религіозное общество божественно-созерцательного характера. Есть такія ученія, по которымъ бѣдный человѣческій атомъ такъ весь уходитъ въ Бога, что перестаетъ жить индивидуальной жизнью и, слѣдовательно, перестаетъ и страдать...

Поланецкій махнулъ рукой.

— Я въ такихъ дѣлахъ ничего не понимаю — сказалъ онъ рѣзко — и не занимаюсь ими.

— У меня какъ разъ тутъ гдѣ-то имѣется итальянская брошюра о Назаретанкахъ, — сказалъ Васковскій, растегивая сюртукъ. — Не знаю, куда она дѣлась... Я, выходя, куда-то ее сунула...

— Какое мнѣ дѣло до вашихъ Назаретянокъ?..

Но Васковскій растегнулъ уже сюртукъ, потомъ растегнулъ и жилетъ, шаря по карманамъ ища книжки; но тутъ же снова задумался и сказалъ:

— Чего-то я искалъ? А, знаю! этой итальянской книжки. Чрезъ нѣсколько дней уѣзжаю въ Римъ — на долго, на очень долго. Помнишь, я тебѣ когда-то говорилъ, что Римъ — это преддверіе къ дру-

гому, лучшему міру. Мнѣ пора уже подѣ Божью сѣнь.—Слѣдовало-бы уговорить Эмильку, чтобы она поѣхала въ Римъ, но она не оставитъ ребенка. Она останется тутъ сестрой милосердія. Но, можетъ быть, ей бы понравилось это новое ученіе Назаретянокъ... Оно такое ясное, спокойное, безъискусственное, какъ первое христіанство... А я скоро уѣзжаю... Не умомъ, мой милый, стремлюсь я туда, — тамъ лучше знаютъ, чего слѣдуетъ держаться, — а сердцемъ, хоть махонькимъ, но любящимъ...

— Застегните же, профессоръ, вашъ жилетъ,—сказалъ Поланецкій.

— Хорошо, застегну. У меня, видишь-ли, что-то есть на душѣ, и я тебѣ охотно это скажу, потому что ты хотя быстрый, какъ вода, но у тебя есть сердце... Видишь-ли, христіанство не только не дошло еще до конца, какъ это кажется нѣкоторымъ узколобымъ философамъ, но, наоборотъ, оно еще не сдѣлало и полъ-пути...

— Дорогой мой профессоръ,—мягко прервалъ его Поланецкій— я съ удовольствиемъ выслушаю все то, что вы хотите мнѣ сказать, только не теперь, потому что теперь я думаю только о пани Эмиліи, и мнѣ просто давить въ горлѣ... Вѣдь это цѣлая катастрофа...

— Для нея — никакъ. Жизнь ей не пригодится,—а смерть навѣрное.

Поланецкій развелъ руками.

— Право, не только сколько-нибудь сильное чувство, но даже самая обыкновенная дружба всегда кончается огорченiemъ и непріятностью... Еще ни одна привязанность не принесла мнѣ до сихъ поръ ничего другого, кромѣ горя... Букацкій совершенно правъ... Отъ общихъ привязанностей одно только горе, отъ личныхъ привязанностей тоже одно только горе—и живи тутъ среди такого общества...

Тутъ разговоръ перешелъ въ длинный монологъ профессора Васковскаго, начавшаго разсуждать съ самимъ собою о Римѣ и о христіанствѣ. Послѣ обѣда они вмѣстѣ вышли на улицу, полную веселаго звона колокольчиковъ отъ саней и оживленнаго зимняго движенія, такъ какъ утромъ выпалъ снѣгъ, а къ вечеру разъяснилось, и стало тихо и морозно.

— Застегните-же, наконецъ, профессоръ, свой жилетъ,—вдругъ проговорилъ Поланецкій, замѣтивъ растегнутое платье Васковскаго.

— Хорошо, застегну,—отвѣтилъ Васковскій.

И онъ сталъ тянуть пуговицы сюртука къ петлямъ своего жилета.

— Люблю, однако, этого Васковскаго,—подумалъ Поланецкій, возвращаясь домой. — Право, хорошо еще, что я къ нему не особенно сильно привязался, иначе навѣрное съ нимъ бы случилось какое-нибудь несчастіе,—ужъ такова моя судьба. Къ счастью, онъ до сихъ поръ очень мало меня интересуетъ.

И разсуждая такимъ образомъ, Поланецкій приписывалъ себѣ то, чего не было на самомъ дѣлѣ, такъ какъ онъ питалъ къ профессору Васковскому искреннюю дружбу и къ судьбѣ его относился далеко не безразлично.

Когда онъ вернулся домой, первое, бросившееся ему въ глаза, было улыбающееся лицо Литки, глядѣвшее на него изъ рамы большого портрета, присланного ему Мариной во время его отсутствія. Видъ портрета глубоко тронулъ Поланецкаго. Впрочемъ, онъ часто испытывалъ подобное волненіе при каждомъ воспоминаніи о Литкѣ, или когда глаза его случайно останавливались на одномъ изъ ея портретовъ. Ему казалось тогда, что любовь его къ этой бѣдной дѣвочкѣ, скрытая гдѣ-то въ глубинѣ его сердца, вдругъ пробуждалась и вставала съ новой силой, наполняя все его существо безконечной нѣжностью и безпредѣльнымъ сожалѣніемъ. Испытываемое же имъ чувство сожалѣнія причиняло ему такую мучительную боль, что онъ старался не сосредоточивать на немъ своего вниманія. Но теперь, однако, онъ въ этомъ чувствѣ сожалѣнія находилъ что-то сладкое, приятное. Между тѣмъ, Литка не переставала ему улыбаться при свѣтѣ лампы, словно она хотѣла сказать ему: „Панъ Стахъ!“ — Кругомъ ея головки зеленѣли на бѣломъ фонѣ четыре березы, нарисованныя Мариной.

Поланецкій остановился и подумалъ:

— Теперь я знаю, въ чемъ заключается настоящее счастье — въ дѣтяхъ.

Но чрезъ минуту онъ сказалъ себѣ:

— Едва-ли я когда-нибудь полюблю своихъ собственныхъ дѣтей такъ, какъ я любилъ эту бѣдную дѣвочку.

Вошелъ лакей и передалъ ему письмо отъ Марини, присланное вмѣстѣ съ портретомъ. Мариня писала:

„Папаша поручилъ мнѣ просить васъ пожаловать къ намъ сегодня вечеромъ. Эмилька сегодня уже перѣхала къ себѣ и выразила желаніе, чтобы никто сегодня къ ней не приходилъ. Посылаю вамъ портретъ Литки и прошу васъ непремѣнно прийти,—хочу поговорить съ вами объ Эмилькѣ. Папаша пригласилъ также Бигеля; они наѣрное засядутъ за карты и намъ удастся спокойно поговорить“.

Поланецкій, прочитавъ письмо, переодѣлся, взялъ книгу и сталъ читать; черезъ нѣкоторое время онъ отправился къ Плавицкимъ.

Бигель былъ уже тамъ и игралъ съ паномъ Плавицкимъ въ пи-кетъ; Мариня, съ работой въ рукахъ, сидѣла недалеко за круглымъ столикомъ. Поланецкій, поздоровавшись со всѣми, присѣлъ къ ней и проговорилъ:

— Благодарю васъ за портретъ. Я замѣтилъ его совершенно

неожиданно, и Литка такъ стала предъ моими глазами, что я долго не могъ придти въ себя. Знаете, такія минуты служать какъ бы мѣриломъ глубины сожалѣнія, въ которомъ человѣкъ не отдастъ даже себѣ отчета. Искренно вамъ благодаренъ!—И за четыре березы благодарю васъ... Что касается пани Эмиліи, то я ужъ все знаю, мнѣ говорилъ Вакковскій. Намѣреніе ли это у нея пока, или она ужъ твердо рѣшилась?

— Скорѣе, это ужъ рѣшено, — отвѣтила Мариня.

— Что вы обѣ этомъ думаете?

Мариня устрѣмила на него свои глаза, какъ бы ожидая отъ него совѣта.

— Она такъ слаба, у нея силъ не хватить — сказала она, наконецъ.

Поланецкій съ минуту молчалъ, потомъ онъ безпомощно развелъ руками.

— Мы говорили обѣ этомъ съ Вакковскимъ—началъ онъ, — сначала я накинулся на него, предполагая, что онъ внушилъ ей эту мысль, но онъ клялся, что онъ тутъ не причемъ. Онъ только спросилъ меня, какое мы выдумаемъ для нея другое утѣшеніе — и я не зналъ, что ему на это сказать. Въ самомъ дѣлѣ, что осталось ей въ жизни?

— Да... — отвѣтила Мариня.

— И вы думаете, что я не знаю, откуда явилось у нея такое рѣшеніе? Очень просто, она не хочетъ пойти противъ своихъ религіозныхъ убѣжденийъ, но ей хочется скорѣе умереть. Она знаетъ, что эта работа выше ея силъ и поэтому она за нее берется.

— Да... — повторила Мариня.

И она такъ низко нагнула голову надъ своей работой, что Поланецкій видѣлъ одинъ только проборъ ея темныхъ волосъ на маленькой головкѣ. На столѣ стоялъ предъ ней небольшой ящичекъ съ бисернымъ жемчугомъ для работы, предназначенный для какой-то благотворительной лотереи — и теперь въ эту коробку съ жемчугомъ упали нѣсколько слезинокъ, которыхъ текли изъ ея глазъ.

— Вы плачете? Я отлично вижу — сказалъ Поланецкій.

И она подняла свои заплаканные глаза и посмотрѣла на него такъ, словно она хотѣла сказать ему: „Предъ тобой я не стану скрывать своихъ слезъ“ — и тихо отвѣтила:

— Знаю, что Эмилька поступаетъ хорошо — но мнѣ такъ жаль!..

Поланецкій, немного взволнованный, немножко смущенный, не зная, что ей отвѣтить, нагнулся и въ первый разъ поцѣловалъ ея руку. — И еще чаще посыпались слезы, такъ что она должна была наконецъ встать и выйти въ другую комнату.

Поланецкій подошелъ къ играющимъ въ ту минуту, когда панъ Плавицкій говорилъ своему партнеру кисло-сладкимъ тономъ:

— Рубиконъ за Рубикономъ. Что-жъ дѣлать? Вы представитель новаго времени, я—старыхъ традицій, а потому я и долженъ поддаться.

Вошла Мариня и объявила, что чай готовъ. Глаза у нея были немного красны, но лицо спокойно и ясно. Когда Бигель съ паномъ Плавицкимъ снова засѣли за карты, она сѣла за работу и начала бесѣдоватъ съ Поланецкимъ такимъ тихимъ, искреннимъ тономъ, какимъ обыкновенно бесѣдуютъ люди близкіе, у которыхъ въ жизни много общаго. И действительно, смерть Литки и несчастіе пани Эмилии создало между ними что-то общее, о чёмъ они теперь и бесѣдовали; разговоръ былъ не веселый, но, несмотря на это, если не уста, то глаза Марини улыбались Поланецкому какъ-то и грустно, и вмѣстѣ съ тѣмъ спокойно.

Поздно вечеромъ, когда Поланецкій ушелъ, Мариня долго думала о немъ, мысленно называя его не иначе, какъ только „паномъ Стакомъ“.

Поланецкій вернулся домой въ болѣе, чѣмъ обыкновенно, спокойномъ настроеніи. Онъ долго ходилъ по комнатѣ, часто останавливалась передъ портретомъ любимой дѣвочки, засматриваясь вмѣстѣ съ тѣмъ на четыре березки, нарисованные Мариней, и думалъ, что узелъ, связанный Литкой между нимъ и Мариней, затягивается все крѣпче и крѣпче, безъ всякой посторонней воли, а какъ-то самъ собою, словно какой-то невидимой, таинственной силой.

И думалъ онъ также, что если нѣтъ у него теперь той прежней охоты—крѣпче затянуть этотъ узель, то также нѣтъ у него теперь и столько храбрости, чтобы сразу его разсѣчь, особенно такъ скоро послѣ смерти Литки.

Поздно ночью онъ засѣлъ за работу, пересматривая присланныя Машко вѣдомости и дѣлая разныя разсчеты и выкладки. Но Поланецкій, всегда такой точный въ работѣ, сталъ теперь часто ошибаться, потому что предъ его глазами рисовалась наклоненная головка Марини и ея тихія слезы, падавшія прямо въ ящикъ съ бисернымъ жемчугомъ. На другой день онъ откупилъ отъ Машко Кремневскій лѣсъ на очень выгодныхъ условіяхъ.

III.

Чрезъ двѣ недѣли Машко вернулся изъ Петербурга, вполнѣ довольный ходомъ своихъ личныхъ дѣлъ, и привезъ важныя извѣстія, которыхъ онъ узналъ,—какъ утверждалъ,—совершенно частнымъ образомъ изъ вѣрныхъ источниковъ, но о которыхъ еще никто ничего

не зналъ. Извѣстія эти заключались въ томъ, что въ прошломъ году во многихъ губерніяхъ урожай былъ плохой. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ показался уже голодъ, и не трудно было предвидѣть, что къ веснѣ запасы истощатся и голодъ можетъ посѣтить всю страну. Стало поговаривать, что, вѣроятно, послѣдуетъ запрещеніе о вывозѣ хлѣба за границу. Вотъ эти-то слухи привезъ Машко, утверждая при этомъ, что къ нему они дошли отъ людей очень компетентныхъ и близко стоящихъ къ дѣлу. Поланецкаго это извѣстіе до того поразило, что онъ нѣсколько дней не выходилъ изъ своего кабинета, все что-то высчитывая съ карандашомъ въ руку; потомъ онъ обратился къ Бигелю съ предложеніемъ закупить какъ можно больше хлѣба, пользуясь при этомъ и наличнымъ капиталомъ, и всѣмъ кредитомъ ихъ торгового дома.

Бигель испугался,— но этимъ начиналъ онъ каждое новое дѣло. Поланецкій нисколько не скрывалъ отъ него, что эта затѣя слишкомъ смѣлая, отъ успѣха или неуспѣха которой зависѣла вся ихъ будущность. Рассчитывать на полную неудачу было мало оснований, за то удача могла бы ихъ сразу обогатить. Не трудно было предвидѣть, что, вслѣдствіе отсутствія хлѣба, цѣны на послѣдній во всякомъ случаѣ значительно подымутся,— а также легко было предвидѣть, что законъ ограничитъ навѣрное возможность заключенія контрактовъ съ потребителями другихъ странъ на дальнѣйшее время, но оставить въ силѣ всѣ контракты, заключенные до объявленія нового закона; если же до этого не дойдетъ, то, во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что хлѣбъ значительно вздорожаетъ и внутри имперіи. Все это Поланецкій, по мѣрѣ своихъ человѣческихъ силъ, отлично сообразилъ, обдумалъ и разсчиталъ — и Бигель, не смотря на всю свою осторожность, будучи человѣкомъ разсудительнымъ, долженъ былъ признать, что шансы на успѣхъ довольно значительны и что жаль было-бы упустить такой случай.

Посовѣтовавшись еще нѣсколько разъ съ Бигелемъ, оппозиція котораго ослабѣвала съ каждымъ днемъ, Поланецкому удалось поставить на свое—и чрезъ нѣсколько дней главный комиссіонеръ ихъ торгового дома, Абдульскій, выѣхалъ для заключенія контрактовъ по покупкѣ хлѣба какъ прошлаго, такъ и будущаго урожая.

Вслѣдъ за Абдульскимъ, Бигель уѣхалъ въ Пруссію. Поланецкій остался одинъ во главѣ дома и работалъ съ утра до поздняго вечера, такъ что онъ почти никуда не показывался.

Но онъ не замѣчалъ, какъ проходило время, потому что, кромѣ текущей работы, его оживляла надежда на будущій успѣхъ и предъ нимъ рисовалось новое, болѣе широкое поле дѣятельности. Поланецкій, бросаясь на эту спекуляцію и втягивая въ нее Бигеля, употребилъ

на предпріятіе не мало енергіи, потому что, прежде всего, онъ счи-
талъ его дѣломъ выгоднымъ и прибыльнымъ. Но имъ руководила и
другая мысль. Весь этотъ торговый домъ, со всѣми своими операциеми,
было слишкомъ тѣсное поле для его профессіонального образованія,
для его способностей и енергіи—и Поланецкій это отлично чувство-
валъ. Въ чемъ собственно заключалась вся дѣятельность торгового
дома? Дешево купить, дорого продать, а разницу спрятать въ кассу—
вотъ и все. Купить что-нибудь на свой собственный счетъ или взять
на комиссію — и ничего больше!—Поланецкому тѣсно было въ этой
клѣткѣ. „Я-бы хотѣлъ такого дѣла, гдѣ-бы можно было копать, рыть,
производить — говорилъ онъ Бигелю въ минуты разочарованія и не-
расположенія,— потому что мы, собственно говоря, хлопочемъ только
о томъ, чтобы отъ денежнаго потока, который шумно несется среди
нашего предпріимчиваго общества, провести въ наши карманы хотя-
бы одну какую-нибудь струйку—и не обнаруживаемъ ровно никакой
продуктивности!“... Это было отчасти правда. Поланецкому хотѣлось
нажить состояніе, составить капиталъ, а потомъ взяться за какое-
нибудь другое дѣло, требующее ума и енергіи и дающее поле для
труда и творчества.

Моментъ, какъ ему казалось, былъ удобный — и онъ взялся за
дѣло со свойственной ему горячностью.

— Обо всемъ другомъ подумаю уже потомъ,—говорилъ онъ себѣ.

Подъ словомъ „все другое“ онъ подразумѣвалъ свой міръ духов-
ный, свои дѣла сердечныя, то есть свои отношенія къ религіи, къ
людямъ, къ землѣ, къ женщинамъ. Онъ отлично понималъ, что для
спокойствія жизни необходимо всѣ эти отношенія выяснить и стать
на твердую почву. Есть люди, которые всю жизнь свою не знаютъ,
чего они держатся и чего нѣтъ, — они идутъ туда, куда дуетъ вѣ-
теръ. Поланецкій чувствовалъ, что такъ не должно быть. Онъ созна-
валъ, что, при теперешнемъ его настроеніи, вопросы эти могутъ быть
разрѣшены очень трезво, сухо, очень позитивно, даже материалистично,
но ему казалось невозможнымъ дольше откладывать,—ихъ надо было
решить теперь-же.

— Я хочу знать разъ навсегда, что я долженъ дѣлать и что
нѣтъ — сказаль онъ себѣ.

Поланецкій, между тѣмъ, много работалъ и мало кого встрѣчалъ.
Но удалиться совершенно отъ людей оказалось невозможнымъ. Онъ
теперь только убѣдился, что очень часто, даже совершенно личные
вопросы не могутъ быть разрѣшены только внутренно, только въ
своемъ собственномъ мозгу или сердцѣ, запертомъ подъ семью зам-
ками, но чаще всего какія-нибудь вѣшнія вліянія, какіе-нибудь люди
далекіе или близкіе ускоряютъ конецъ долгихъ размышеній и выте-

кающія изъ нихъ рѣшенія. Это какъ разъ случилось при прощаніи съ пани Эмиліей, которая теперь каждый день съ какой-то горячностью все сокращала срокъ своего вступленія въ сестры милосердія.

Поланецкій, при всей этой массѣ работы, не переставалъ, однако, заходить къ пани Эмиліи, но нѣсколько разъ онъ не заставалъ ее дома, разъ же онъ нашелъ тамъ Бигелеву и Краславскихъ, мать съ дочерью, присутствіе которыхъ сильно его стѣсняло. Наконецъ, когда Марина сообщила ему, что пани Эмилія чрезъ нѣсколько дней поступаетъ уже въ домъ сестръ милосердія, онъ отправился къ ней, чтобы попрощаться.

Онъ засталъ ее спокойной, почти веселой, но сердце у него мутильно сжалось при видѣ ея. Лицо ея было прозрачно, словно выплѣено изъ перловой массы; на вискахъ подъ кожей выступали какія-то синеватыя жилки. Она была очень красива, но какой-то неземной красотой, и Поланецкій подумалъ: „Да, попрощаюсь съ ней теперь ужъ навсегда, потому что, кажется, и мѣсяца не протянеть: еще одна привязанность и снова одно только горе и печаль!“

Она заговорила съ нимъ о своемъ рѣшеніи, какъ о вещи самой обыкновенной, какъ о чемъ-то вполнѣ естественномъ и понятномъ, являющемся прямымъ послѣдствіемъ того, что произошло, и единственнымъ возможнымъ исходомъ въ жизни, лишенной всякаго смысла и основанія. Поланецкій понялъ, что было-бы безсмысленно и вмѣстѣ съ тѣмъ недобросовѣстно съ его стороны высказываться противъ этого рѣшенія.

— Вы остаетесь здѣсь? Въ Варшавѣ? — спросилъ онъ.

— Да. Мнеъ хотѣлось-бы быть недалеко отъ Литки — и настоящьница обѣщала мнѣ, что сначала я побуду въ домѣ сестръ милосердія, а потомъ, когда я научусь чему-нибудь, то останусь при одной изъ здѣшнихъ больницъ. Развѣ, если случится что-либо непредвидѣнное... До тѣхъ поръ, пока я останусь въ домѣ, каждое воскресенье буду бывать у Литки.

Поланецкій закусилъ губы и молчалъ; онъ только смотрѣлъ на нѣжныя, словно восковыя руки пани Эмиліи, думая въ это время:

— И этими руками она хочетъ перевязывать болѣвымъ раны...

Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ догадывался, что она хочетъ чего-то совершиенно другаго. Подъ ея спокойствіемъ и покорностью онъ чувствовалъ неизмѣримую боль, сильную, какъ смерть и всѣми силами души и сердца взывающую о смерти. Ей только хотѣлось, чтобы эта смерть пришла безъ ея участія, чтобы она пришла не какъ грѣхъ, а какъ искушеніе, наградой за которое была-бы встрѣча съ Литкой...

И теперь только Поланецкій понялъ, какая великая разница существуетъ между горемъ и горемъ, между скорбью и скорбью. И онъ лю-

билъ Литку, но въ немъ, рядомъ со скорбю по ней и воспоминаніемъ о ней, жило еще что-то, былъ еще какой-то жизненный интересъ, какое-то любопытство, что принесетъ будущее, какія-то желанія, мысли, стремленія. Пани же Эмиліи ничего не осталось, точно она умерла вмѣстѣ съ Литкой, и если ее еще что-то интересовало, если она еще любила тѣхъ, которые были ей близки, то только для Литки, и лишь настолько, насколько они были связаны съ ней.

Тяжелы были для Поланецкаго эти визиты, тяжело было и это прощаніе. Онъ привязался къ пани Эмиліи искренно, глубоко, а теперь онъ предчувствовалъ, что соединяющая ихъ нить вотъ-вотъ порвется разъ навсегда — и что въ эту минуту дороги ихъ расходятся въ разныя стороны, потому что онъ стремится впередъ, все далѣе по дорогѣ жизни, она же стремится къ тому, чтобы жизнь ея долога какъ можно скорѣе, выбирая трудъ — правда высоко-идеальный, — но за то тяжелый, превышающій ея слабыя силы, съ тѣмъ лишь, чтобы ускорить смерть.

Мысль эта заставила его молчать. Но, однако, въ послѣднюю минуту чувство дружбы, какое онъ издавна питалъ къ ней, взяло верхъ и онъ заговорилъ съ волненіемъ, цѣлуя ей руку:

— Милая вы, добрая! Да хранитъ васъ Богъ и да ниспошлетъ Онъ вамъ утѣшеніе!..

Тутъ онъ сразу остановился, не будучи въ состояніи окончить начатой фразы; но она, не выпуская его руки изъ своей, сказала:

— Я никогда, до самой смерти, не забуду того, что вы такъ любили Литку. Я узнала отъ Марини, что Литка соединила васъ, и я увѣрена, что вы будете счастливы, потому что Господь Богъ такъ вдохновилъ ее. При каждой встрѣчѣ съ вами, я всегда буду думать, что Литка виновница вашего счастья. Пусть же воля ея исполнится какъ можно скорѣе и да благословитъ Богъ васъ обоихъ...

Поланецкій ничего не отвѣтилъ, но, возвращаясь домой, онъ думалъ:

„Воля Литки!.. Она даже не допускаетъ мысли, что воля Литки можетъ быть не выполнена,— и какъ-же мнѣ было послѣ этого сказать ей, что „та“ стала для меня теперь далеко не тѣмъ, чѣмъ она была прежде“...

Но онъ, однако, чувствовалъ съ поразительной ясностью, что дальше такъ оставаться не можетъ и что слѣдуетъ или еще крѣпче затянуть связывающій его съ Мариной узелъ, или распутать его, чтобы разъ навсегда положить конецъ этому двусмысленному положенію, этимъ недоразумѣніямъ со всѣми могущими произойти послѣдствіями; онъ чувствовалъ, что необходимо торопиться и продѣлать это какъ можно скорѣе, чтобы поступить вполнѣ благородно. И новая тревога

охватила его, потому что ему казалось, что какъ-бы онъ теперь ни поступилъ — счастья все-таки въ этомъ будетъ мало...

Вернувшись домой, онъ нашелъ записку отъ Машко слѣдующаго содержанія:

„Былъ у тебя сегодня два раза. Какой-то сумасшедшій оскорбилъ меня въ присутствіи моихъ писцовъ, изъ-за лѣсной дачи, которую я тебѣ продалъ. Фамилія его Гонтовскій. Мне нужно съ тобою поговорить и я зайду къ тебѣ сегодня вечеромъ“.

Не прошло и часу какъ вбѣжалъ Машко весь запыхавшись и, не снимая пальто, спросилъ:

— Ты знаешь этого Гонтовскаго?

— Знаю. Это сосѣдъ и родственникъ Плавицкихъ. — Что случилось?

Машко снялъ пальто и отвѣтилъ:

— Не понимаю даже, кто могъ распространить слухъ объ этой продажѣ, — я лично никому не говорилъ и для меня было даже очень важно, чтобы обѣ этомъ какъ можно меньше болтали.

— Нашъ представитель Абдульскій поѣхалъ тогда въ Кремень осматривать лѣсъ и, вѣроятно, Гонтовскій все узналъ отъ него.

— Послушай-же, что случилось. Сегодня въ канцеляріи подаютъ мнѣ карточку Гонтовскаго. Не зная, кто онъ такой, — я велю его просить. Входитъ какой-то прощалыга и прямо обращается ко мнѣ съ вопросомъ: правда ли то, что я продалъ Кремневскій лѣсъ? Разумѣется, я отвѣтилъ на его вопросъ также вопросомъ: молъ, какое ему до этого дѣло? Онъ говорить, что я обязался выплачивать старику Плавицкому пожизненную ренту, но разъ я веду хозяйство разбойничымъ образомъ, я разорю Кремень, и съ меня тогда будутъ взятки гладки. Понятно, что я ему въ отвѣтъ на это посовѣтовалъ взять шляпу, хорошо застегнуть пальто, такъ какъ стоялъ порядочный морозъ, и отправиться туда, откуда пришелъ. — Тогда онъ началъ шумѣть, ругаться, обозвалъ меня въ присутствіи моихъ служащихъ плутомъ, мошенникомъ, сказалъ наконецъ, что живетъ въ Саксонской гостиницѣ, хлопнулъ дверьми и вышелъ. — Нѣтъ-ли у тебя ключа отъ этой загадки? Что все это значитъ?

— Это значитъ, во первыхъ, что Гонтовскій глупъ и по натурѣ своей грубъ: во вторыхъ, Гонтовскій ужъ много лѣтъ влюбленъ въ панну Марину и ему хотѣлось стать ея рыцаремъ.

— Ты вѣдь знаешь, что я обладаю достаточной долей хладнокровія, но, право, мнѣ кажется все, что это былъ сонъ. Чтобы кто-нибудь осмѣлился оскорбить меня за то, что я продаю свою-же собственность — это просто невѣроятно!..

— Что ты намѣренъ сдѣлать? Гонтовскому старикѣ Плавицкій

ужъ помнеть бока и заставить его просить у тебя прощенія, безъ всякихъ разговоровъ.

Но лицо Машко вдругъ приняло выраженіе такой холодной злости, что Поланецкій невольно подумалъ:

— Завариль-же этотъ „мѣдвѣженокъ“ кашу, пусть теперь и расхлебывается.

— Меня безнаказанно еще никто никогда въ жизни не оскорблялъ и не оскорбитъ,—сказалъ Машко,—а этотъ человѣкъ не только что оскорбилъ меня, но нанесъ мнѣ такую обиду, о которой онъ даже и не подозрѣваетъ.

— Да это какой-то дуракъ, просто невмѣняемый.

— И бѣшеная собака невмѣняема, а все-таки ее застрѣливаютъ. Какъ видишь, я говорю совершенно хладнокровно, а потому послушай, что я тебѣ скажу: разразилась катастрофа — и я погибъ!

— Ты говоришь хладнокровно, а между тѣмъ ты чуть-ли не задыхаешься отъ злобы и, навѣрное, преувеличиваешь.

— Нисколько! Вооружись терпѣніемъ и выслушай меня до конца. Положеніе вотъ какое: если моя женитьба не состоится, или если она даже затягивается еще на нѣсколько мѣсяцевъ, тогда чортъ возьметъ и меня, и мое положеніе, и мой кредитъ, и мой Кремень, и все, что я имѣю. Я говорилъ ужъ тебѣ, что я мчусь теперь на послѣднихъ парахъ — значитъ стопъ машина! Панна Краславская выходитъ за меня не по любви, а лишь потому, что ей теперь двадцать девять лѣтъ и что она считаетъ эту партію, если не блестящей, то, во всякомъ случаѣ, очень приличной. Если-же окажется, что партія не такая, какая она думаетъ, тогда она отошлетъ меня, долго не думая. Узнай сегодня моя теща и невѣста, что я продалъ Кремневскій лѣсъ изъ нужды — завтра-же получу отказъ. Теперь подумай: скандалъ былъ публичный, потому что при этомъ присутствовала вся канцелярія. Скрыть дѣло невозможно. Допустимъ, мнѣ удастся какъ-нибудь объяснить имъ продажу этого лѣса, — но я, кроме того, публично обезчещенъ. Если я не вызову Гонтовскаго, тогда онъ откажутъ мнѣ, какъ шушерѣ, лишенному чести; если вызову его, то не забудь, что это святоши и притомъ онъ такъ щепетильны ко всему, что называется приличіемъ, какъ никто на свѣтѣ, слѣдовательно, онъ откажутъ мнѣ, какъ скандалисту. Если я подстрѣлю Гонтовскаго, онъ откажутъ мнѣ, какъ убийцѣ; если онъ меня подстрѣлить, тогда откажутъ мнѣ, какъ разрыхляю, котораго можно обезчестить, а потомъ изрубить, какъ капусту. Изъ ста данныхъ девяносто за то, что онъ поступать такъ, а не иначе.—Понимаешь ужъ теперь, почему сразу все пошло прахомъ: и кредитъ, и положеніе и Кремень въ придачу.

Поланецкій махнулъ рукой съ тѣмъ безсмысленнымъ эгоизмомъ,

на какой способенъ только мужчина по отношенію къ другому мужчинѣ, который въ сущности очень мало его интересуетъ:

— Что-жъ—произнесъ онъ.—Кремень я могу у тебя откупить. Пополненіе, однако, незавидное. Что ты намѣренъ сдѣлать съ Гонтовскимъ?

На это Машко спокойно отвѣтилъ:

— Пока плачу долги. Ты не хотѣлъ быть моимъ шаферомъ, не захочешь-ли теперь быть моимъ секундантомъ?

— Отъ такихъ вещей не отказываются, — отвѣтилъ Поланецкій.

— Спасибо. Гонтовскій живеть въ Саксонской гостиницѣ.

— Завтра у него буду.

Поланецкій, по выходѣ Машко, собрался къ Плавицкимъ, чтобы провести тамъ вечеръ; по дорогѣ къ нимъ онъ думалъ:

— Съ Машко шутить нельзя — и дѣло будетъ серьезное. Впрочемъ, какое мнѣ до этого дѣла? Что они мнѣ и что я имъ? Удивительно только, какъ человѣкъ чертовски одинокъ на свѣтѣ!..

И вдругъ онъ почувствовалъ, что единственное существо въ мірѣ, которое интересуется имъ хоть сколько-нибудь и которое думаетъ о немъ не какъ о вещи, — есть Мария.

И действительно, когда онъ пришелъ, онъ ужъ по пожатію руки убѣдился, что это такъ; она-же, не выпуская руки, сказала ему своимъ мягкимъ, спокойнымъ голосомъ:

— Я предчувствовала, что вы придете. Смотрите: васъ даже ждетъ чашка чаю.

(Продолженіе слѣдуетъ).

N O C T U R N E.

Вечерняя заря погасла за горой,
Въ прозрачномъ сумракѣ покоится земля.
Одинъ я. Міръ уснуль. Объяты тишиной
Необозримыя пустынныя поля.
Замолкъ и потемнѣлъ недавно шумный лѣсъ;
Какъ лучезарный храмъ, сіяеть глубь небесъ...
Природы мощный духъ! ты рѣрешь надо мной,
Я чувствую Тебя въ молчаніи ночномъ.
Мой умиленный духъ бесѣдуеть съ Тобой
Невѣдомымъ, но сладкимъ языкомъ.
Всѣ треволненія дня и скорби — далеко,
И сердцу моему отрадно и легко!

Г. Работниковъ.

ЗАРНИЦЫ.

(РАЗСКАЗЪ).

(Продолженіе).

Наскоро осмотрѣвъ Женеву и ея достопримѣчательности: соборъ со стуломъ Кальвина, островокъ Жанъ-Жака и пр. мы сѣли на пароходъ, который долженъ быть доставить насъ въ Монтрѣ, въ Марьянѣ. Утро было ясное и солнечное; горы задумчиво смотрѣлись въ сине-зеленое озеро, и Монть-бланъ блѣдъ на солнцѣ, какъ чистый голубокъ. Я волновалась и, глядя въ волны, разрѣзаемыя пароходомъ, говорила себѣ: „Чего я волнуюсь?.. Что мнѣ Марьяна? Что мнѣ они?.. Посторонніе, чужие люди. Вѣдь онъ и не вспомнилъ обо мнѣ. Не пріѣхалъ и даже не написалъ, почему не пріѣхалъ... Нечего волноваться и совершенно незачѣмъ и думать о нихъ“. Но тѣмъ не менѣе, я волновалась, сильно волновалась; мнѣ казалось даже, что оттого и утро такое свѣтлое и веселое, оттого и пароходъ несется такъ быстро и торопливо, что я лечу къ его Марьянѣ, лечу куда-то, гдѣ „всё свѣтло, гдѣ все поетъ...“ У меня даже мелькала затаенная мысль: „А вдругъ онъ теперь тамъ, у нея?.. Что, если мы встрѣтимся?..“

Прибывъ въ Монтрѣ, Алексѣй Александровичъ оставилъ меня одну въ отелѣ, а самъ пошелъ къ Салтыковымъ.

— Я скажу, что ты очень устала съ дороги и приведу Маню сюда обѣдать. А то, что за удовольствіе просидѣть цѣлый день съ незнакомыми людьми?

По уходѣ его, я сѣла на окно и стала слѣдить за парусными лодками, скользившими по озеру. Я смотрѣла на эту мирную поэтическую картину и думала: „Вотъ гдѣ тихо и хорошо“.

Раньше, чѣмъ я могла этого ожидать, кто-то постучалъ ко мнѣ. „Entrez!“ И на порогѣ показалась Марьяна.

Я сейчасъ-же узнала ее, хотя на карточкахъ она и была крупнѣе, грубѣе и старше. Марьяна поражала слабостью и хрупкостью своей тоненькой фигурки. Это была высокая худенькая дѣвочка съ

русыми волосами, вьющимися какъ у отца, съ его чертами и съ кроткими и глубокими черными глазами, какъ у матери. На ней было простенькое холстинковое платье съ кожанымъ поясомъ и грубая швейцарская соломенная шляпа; но и въ этомъ незатѣйливомъ костюмѣ она казалась хорошенкою и изящной.

Мы обнялись, поцѣловались и, усѣвшись одна противъ другой на подоконникѣ, принялись болтать, рассказывая другъ другу, какъ давно намъ хотѣлось познакомиться. „Онъ мнѣ столько о васъ говорилъ...“

„И мнѣ онъ такъ много рассказывалъ о васъ...“ Мы вспомнили, улыбаясь, о томъ, что у насъ одинакія голубыя кофточки: „Ваша цѣла?“

— А ваша?.. И что бы мы ни говорили, въ заключеніе слѣдоваль неизмѣнныи припѣвъ: „Да, да, я знаю... Онъ мнѣ говорилъ...“

Я спросила ее обѣ ея здоровье. Она почти совсѣмъ поправилась и, въ сущности, могла-бы хоть сейчасъ вернуться въ Россію; но доктора совсѣмъ проѣзжать здѣсь еще одну зиму. И она покоряется этому, такъ какъ хочетъ вернуться домой совсѣмъ здоровой, а не какимъ-то слабымъ, негоднымъ существомъ. Она прїехала сюда тринадцать лѣтъ, а теперь ей шестнадцать, такъ что на родину она вернется совсѣмъ взрослой дѣвушкой. Скользнувъ по тому, по другому, разговору, конечно, сосредоточился на папѣ. Что онъ? Что онъ пишетъ? Часто-ли пишетъ?..

Онъ пишетъ ей два раза въ недѣлю, а она ему каждый день. Каждый вечеръ она подробно разсказываетъ ему впечатлѣнія дня, и это такъ вошло у нея въ привычку, что, когда онъ бываетъ здѣсь, она пишетъ дневникъ.

— А онъ часто прїезжаетъ сюда?

— Два раза въ годъ. Здѣсь сезонъ съ первого сентября до первого ноября. Обыкновенно онъ прїезжаетъ въ это время, и тогда они сейчасъ-же куда-нибудь уѣзжаютъ: въ Женеву, въ Люцернъ, въ Интерлакенъ, предпринимаютъ экскурсіи, ъздятъ въ горы... И для нихъ обоихъ его прїезды такой праздникъ!

Я не устаю слушать о папѣ, и Марьяна разсказываетъ мнѣ о томъ, какъ онъ живетъ, когда встаетъ, когда ъздетъ верхомъ, какія у него лошади, какія собаки, какая у него комната, какая была комната у мамы... Ея комната до сихъ поръ сохраняется совершенно въ такомъ видѣ, въ какомъ она была при ея жизни: книги, гравюры, неоконченные работы—все лежитъ тамъ, гдѣ было положено ею; и все это забытое сохраняется въ прежнемъ порядкѣ. Когда Марьяна вернется въ Россію, она займетъ эту комнату; и это радуетъ ее. Тамъ сохранился до сихъ поръ и ея дѣтскій столикъ, такъ какъ въ комнатѣ матери у нея былъ свой уголокъ. Ей было десять лѣтъ, когда умерла мать, и она отлично помнить ее. Что это была за душа! Ей

стоило показаться гдѣ-нибудь, поговорить съ кѣмъ-нибудь нѣсколько минутъ, чтобъ ее уже полюбили. Кроткая, ровная, граціозная, молчаливая и тихая... Марьяна не видѣла и не знала другой такой женщины... Она всегда обожала свою мать; но тогда она еще не понимала всѣхъ ея достоинствъ. Она думала, что всѣ люди такъ-же хороши, какъ ея мать, и что вездѣ и во всѣхъ семьяхъ царить та же дружба, то же согласіе, что въ ихъ семье. Поэтому, когда послѣ смерти матери она попала къ своимъ харьковскимъ родственникамъ, ей было особенно тяжело! Вообще эти два года, что она провела въ Россіи, послѣ смерти матери, оставили ей ужасно тягостное воспоминаніе. Отецъ былъ тогда убитъ горемъ, и Марьянѣ казалось, что онъ вовсе не любить ея; сама она хворала и грустила, и плакала. Ей казалось, что вмѣстѣ съ матерью навсегда умерло все хорошее. И сама она сдѣлалась такой злой и раздражительной; все казалось ей возмутительно-сквернымъ! Ее раздражаль и убитый видъ отца, и его апатія; и часто у нея въ душѣ поднималось даже злое чувство противъ отца, котораго она чуть не винила въ смерти матери. Теперь ей стыдно и больно сознаться въ этомъ, но тогда она причинила ему много горькихъ и непріятныхъ минутъ своими капризами и своимъ враждебнымъ отношеніемъ къ нему. И только когда онъ привезъ ее сюда, она почувствовала себя нѣсколько лучше; оба они здѣсь немножко успокоились, примирились, объяснились. Она лучше поняла и оцѣнила его и полюбила его гораздо больше, чѣмъ прежде. Теперь у нея одно желаніе: выzdоровѣть, поправиться, сдѣлаться похожей на мать и жить для отца, скрасить своей любовью и заботами о немъ его одинокую жизнь. Марьяна такъ цѣнитъ его доброту и нѣжность къ ней, такъ любить его, что, кажется, нѣтъ жертвы, на которую она не была-бы для него готова! Ей очень хотѣлось-бы сдѣлаться такою, какъ была ея мать. Она постоянно читаетъ ея книги съ ея помѣтками, читаетъ ея дневникъ и старается узнать все, что она думала, что любила...

Шесть лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ умерла жена Николая Федоровича, но для нихъ она жива. Въ кабинетѣ отца виситъ большой ея портретъ, съ котораго она глядитъ, какъ живая; но, еслибъ и не было этого портрета, все равно она жива въ ихъ домѣ, гдѣ все, все, что ей служило, все, что ее окружало носить на себѣ отпечатокъ ея изящнаго вкуса, ея привычек...

Я слушала Марьяну съ нѣжностью и съ сочувствіемъ! У нея было тихій, слабый голосъ и, говоря, она чуть-чуть заикалась. Выражалась она какъ-то не по-дѣтски и не по-русски, слишкомъ ясно и правильно, но это было мило. Парусныя лодочки продолжали скользить по озеру.

— Какъ здѣсь хорошо! сказала я невольно.

Да, здѣсь очень хорошо. И когда Марьяна въ первый разъ проснулась здѣсь, она почувствовала, что только здѣсь она можетъ поправиться, отдохнуть и зажить новой жизнью. За это она полюбила эти горы и это озеро.

— Такъ что вамъ жаль будетъ разстаться съ горами?..

О, вѣтъ! Во первыхъ, она будетъ такъ рада вернуться къ отцу. И потомъ, она вѣдь такъ любить Малороссию, и деревню, и ихъ усадьбу.

И она начинаетъ рассказывать мнѣ объ ихъ домѣ, объ ихъ садѣ, которые я уже хорошо знаю по его рассказамъ, и которые уже не сколько разъ видѣла во снѣ. Я слушаю ее и погладывая на la Dent du Midi, стараюсь понять, какъ онъ живеть, и отчего онъ къ намъ не пріѣхалъ?..

— А у васъ умиралъ кто-нибудь близкій? помолчавъ, спросила меня Марьяна.

— Нѣтъ.

— Это ужасное горе. Горько подумать, что не услышишь уже голоса, не увидишь улыбки дорогого существа... И потомъ, главное, горько то, что недостаточно цѣнила умершую, пока она была близко, пока она была жива... Теперь все думается: еслиъ можно вернуть!.. И нельзя! Это очень горько.

— Да, это надо всегда помнить. У Фрейлиграта есть такое хорошенѣкое стихотвореніе по этому поводу. Вы не знаете его!..

O lieb', so lang du lieben kannst, so lang du lieben magst.
 Die Stunde kommt, wo du an Gräbern stehst und plagst,
 Und sorge dass dein Herze glüht, und Liebe hegt und Liebe trägt,
 So lang ihm noch ein ander Herz in Liebe warm entgegen schlägt
 Und wer dir seine Brust erschliest, o thu ihm was du kannst zu lieb,
 Und mach' ihm jede Stunde froh, und mach' ihm keine Stunde trüb!
 Und hüte deine Zunge wohl: bald ist ein hartes Wort entflehn.
 O Gott — es war nicht bös gemeint —
 Der Andre aber geht und weint“.

Марьяна слушала со вниманіемъ и заставила повторить, потомъ сама повторила:

,O thou ihm was du kannst zu lieb!
 Und mach' ihm jede Stunde froh, und mach' ihm keine Stunde trüb...“

Да, это очень хорошо. И дѣйствительно, надо всегда это помнить.

Теперь прошло уже шесть лѣтъ со смерти матери, и насколько Марьяна можетъ судить, ей кажется, что и отецъ уже успокоился. Конечно, къ нему уже никогда не вернется его прежняя веселость и

жизнерадостность. Вы знаете, вѣдь онъ чудесно пѣлъ; но со смерти мамы, никто уже не слыхалъ его пѣнія...

Я хотѣла сказать: „Нѣтъ, онъ пѣлъ“. Но промолчала.

Мнѣ казалось, что этотъ трауръ, которымъ вѣяло отъ рѣчей и рассказовъ Марьяны, ложился тѣнью на мирную картину, бывшую у меня передъ глазами, и сообщалъ ей что-то печальное. Какъ въ домѣ ихъ комната матери сохранялась въ прежнемъ видѣ свято и неприкосновенно, такъ и въ душѣ дѣвочки все относящееся къ мамѣ сохранилось бережно и свято.

Ну, а если онъ и пѣлъ, и если-бъ даже веселился, что-жъ тутъ дурного?..

Мы болтали еще, когда кто-то постучалъ къ намъ.

„Алеша?“ Но оказался не Алеша, а горничная Салтыковыхъ, приглашающая насъ къ обѣду. Марьяна покраснѣла, засмѣялась и скоскочила съ подоконника:

— Хороша я! Вѣдь меня прислали за вами; а я заболталась и совсѣмъ забыла.

Мы послѣдили къ Салтыковымъ, гдѣ хозяйка встрѣтила меня очень привѣтливо, выражая сожалѣніе о томъ, что она не увидѣть Кати. Алексѣй Александровичъ повидимому чувствовалъ себя здѣсь прекрасно, курилъ и велъ оживленную бесѣду съ витеватымъ хозяиномъ и съ молодымъ докторомъ-швейцарцемъ.

Поѣзда Марьяны къ Катѣ очень легко устраивалась. Алексѣй Александровичъ нашелъ ей попутчицу въ лицѣ толстой голландки mademoiselle Razoux, пожилой дѣвицы безъ опредѣленныхъ занятій, которая была очень рада проѣхаться на чужой счетъ въ Люцернъ, гдѣ у нея были хорошиѣ знакомые. Кромѣ голландки, въ гостиной сидѣла еще племянница хозяйки, русская студентка изъ Цюриха. Попали въ столовую. Я сѣла между Марьяной и студенткой, которая рассказала мнѣ много интересныхъ подробностей о своемъ житьѣ-бытьѣ въ Цюрихѣ, о нравахъ и препровожденіи времени студентовъ-соотечѣй, въ которыхъ числились преимущественно поляки и евреи.

M-lle Razoux оказалась вегетаріанкой. Я въ первый разъ слышала это слово и заинтересовалась имъ. Голландка была кругла, какъ бомба, и выглядѣла охотницей хорошо и много покушать. Она была словоохотлива и охотно пропагандировала вегетаріанство, въ которомъ видѣла спасеніе отъ всѣхъ болѣзней и средство къ продленію жизни. Ее сокрушала блѣдность и худоба Марьяны и, съ со-болѣзнованіемъ поглядывая на нее, она говорила хозяйкѣ:

— Это все оттого, что вы пичкаете ее мясомъ, какъ какую-нибудь дикую кошку. Envoyez moi un peu cette maigreure et vous verrez ce que j'en ferai en moins de trois mois.

Докторъ, Салтыковъ и Алексѣй Александровичъ возстали противъ m-lle Razouх. Поднялся шумный споръ, кричали о клыкахъ, обѣ обезьянахъ и проч., а толстая голландка только пожимала плечами и, ударяя себя пальцемъ въ пышную грудь, восклицала:

— Посмотрите на меня, посмотрите на меня!..

Хозяйка была на ея сторонѣ:

— Однако,—говорила она слабымъ напряженнымъ голосомъ, силясь заставить услышать себя,—простой народъ вездѣ, кроме Англіи, питается почти исключительно растительной пищей, и это не отзыается дурно на его здоровье. А наши православные монахи!.. посмотрите, какой это здоровый народъ... Наконецъ, сколько великихъ, сколько геніальныхъ людей высказалось за вегетаріанство...

— Ну, что касается геніальныхъ людей,—обиженно и рѣшительно возражаетъ Алексѣй Александровичъ,—то вѣдь это, въ большинствѣ, все люди плохого здоровья и съ плохимъ пищевареніемъ. Мы были-бы слишкомъ просты, если-бы, внявъ ихъ бреднямъ, стали морить себя діэтой. Знаете поговорку: „руssкому здорово, а нѣмцу смерть“. Геніальный человѣкъ не варить, а мы варимъ. А если такъ, то сдѣлай одолженіе, будь себѣ геніаленъ, а ужъ есть и пить насыпь не учи. Это мы и сами умѣемъ. Помилуйте, вѣдь сколько между ними эпилептиковъ!..

— Ну, это не совсѣмъ вѣрно,—говоритъ Салтыковъ съ мягкой улыбкой.—Но есть и нѣкоторая доля правды въ томъ, что вы изволили сказать. Не безъ основанія и Платонъ, и Прудонъ...

— Посмотрите на меня,—кричѣтъ m-lle Razouх, ударяя себя пальцемъ въ грудь и не желая слышать ни о Платонѣ, ни о Прудонѣ.

Я тихонько спросила студентку:

— А вы что думаете?

— Разумѣется, ерунда. Я и дня не могу прожить безъ мяса. Да и къ чему? Неужели человѣчество не нуждается въ болѣе цѣлесообразныхъ реформахъ, чѣмъ уничтоженіе боенъ? Праздный вопросъ, съ которымъ могутъ nosиться только праздные люди. Не ъдятъ ни рыбы, ни мяса, потому что сами ни рыба, ни мясо.

— А вы вегетаріанка? — спросила я Марьину.

— Мнѣ не позволяютъ. Я ъѣмъ мясо съ отвращеніемъ, но они говорять, что это болѣзnenный вкусъ. А все что m-lle Razouх давала мнѣ прочесть обѣ этомъ, мнѣ очень нравилось.

Я съ дѣтства ъѣла мясо по привычкѣ и въ первый разъ почувствовала, что это дурно. Главное, противно лицемѣріе, которымъ это сопровождается. Я, напримѣръ, воображала, что люблю коровъ, телятъ, овецъ, потому что кормила ихъ изъ рукъ, гладила по шерсти и называла ихъ ласковыми именами. При этомъ вѣдь я же не му-

чила и не убивала ихъ, а только ъла фарши, бульоны и соусы, для которыхъ ихъ рѣзали и убивали. Но вѣдь я не видѣла, какъ ихъ убивали. Вѣдь если я не вижу, какъ у мужика уводятъ со двора послѣднюю корову, то я могу и не думать объ этомъ и дѣлать видъ, что не знаю этого. Такъ и съ животными; мнѣ бытъ-бы фаршъ и соусъ, а до остального мнѣ нѣть дѣла. И я вспоминала другихъ добрыхъ, нѣжныхъ и чувствительныхъ женщинъ, плачущихъ надъ романами и въ театрѣ, холящихъ бѣлыхъ завитыхъ собачекъ, канареекъ, золотыхъ рыбокъ, сострадательныхъ къ животнымъ и ежедневно посылающихъ кухарокъ за говядиной, телятиной, курами и цыплятами. Вспомнился мнѣ и одинъ хороший знакомый, добрый человѣкъ и членъ Общества покровительства животныхъ, который останавливалъ на улицѣ ломовыхъ извозчиковъ, стегающихъ своихъ битюговъ, записывалъ ихъ, увѣщевалъ ихъ и, воротясь домой, съ него-дованіемъ рассказывалъ женѣ о грубой жестокости стегавшаго извозчика, а затѣмъ, развернувъ салфетку, садился за накрытый столъ и принимался кушать бульонъ и пирожки съ мозгами заколотыхъ животныхъ. Стало быть, бить нельзя, а убивать можно. И безмыслица, и лицемѣrie.

Я сообщаю Марьинѣ свои размышленія, и она говорить на это:

— Разумѣется, хочешь есть мясо, такъ и убивай сама, или по крайней мѣрѣ не говори: ахъ, я не могу видѣть того, не могу видѣть этого... А говори: я жадна и жестока и кровожадна“...

Студентка иронически улыбается:

— Полноте, господа, все это ерунда. И всѣ ваши вегетаріанцы психопаты и идиоты“...

— Отчего? M-lle Razoux совершенно здоровый и нормальный человѣкъ.

— А вы вѣрите въ ея вегетаріанство? Какъ наивно! Я такъ убѣждена, что она потихоньку наѣдается мясомъ.

— О нѣть! — съ убѣждениемъ говорить Марьина. А m-lle Razoux, чувствуя, что мы на ея сторонѣ, дружелюбно подмигиваетъ намъ, и наклоняясь къ намъ черезъ столъ, говоритъ: „А какія оладьи у насъ дѣлаютъ съ медомъ, съ яблоками и съ орѣхами!“...

Послѣ обѣда Марьина уводить меня къ себѣ въ комнату, въ маленькую дѣвическую комнатку съ бѣлой кроватью, комодомъ и столикомъ, съ портретами папа и мама, къ которымъ я устремляюсь съ жаднымъ любопытствомъ. Окно ея комнатки выходить на горы; прямо напротивъ стоитъ на высотѣ одинокое уютное шалѣ, и отъ этой картины вѣеть тѣмъ же миромъ и покоемъ, какъ и отъ озера. И мнѣ такъ хорошо сидѣть здѣсь и смотрѣть альбомы и карточки и слушать: „Папа на это смотрѣть такъ“... „Папа думаетъ такъ“...

„Папа всегда говоритъ, что“ и т. д.— что, кажется, вѣкъ-бы не ушла изъ этой свѣтлой, тѣсной комнатки, въ которой сердца наши довольно тѣсно сближаются. Я вижу письма папа, хоть и не смѣю ихъ прочесть, вижу Евангеліе, подаренное Марьянѣ матерью, съ надписанными ею на первомъ листѣ стихами изъ 36-го псалма, принадлежавшую ей *Imitation de Jésus Christ*. Я просматриваю эту книжку съ помѣтками и крестиками, сдѣланными рукой покойной жены Николая Федоровича. И я люблю ихъ всѣхъ трехъ все больше и больше и въ то же время чувствую, что я совсѣмъ, совсѣмъ ихъ не стою. Гдѣ мнѣ съ моей подвижной, измѣнчивой натурой, съ моими страстями и пороками, сблизиться съ такими хорошими, чистыми людьми? Но любить ихъ мнѣ никто и ничто не помѣшаетъ. Студентка приходитъ звать насть. Всѣ ёдутъ въ Шильонъ; и все время прогулки мы опять говоримъ съ Марьяной о папѣ. Вечеромъ мы слушаемъ на берегу музыку, послѣ чего все общество провожаетъ насть къ намъ въ отель. На озерѣ катаются лодки; въ лодкахъ поютъ пѣсни. На прощанье Марьяна крѣпко обнимаетъ меня. Завтра мы разѣдемся. Она съ т.-le Razouh — въ Люцернѣ, къ Катѣ, я съ Алексѣемъ Александровичемъ на недѣльку въ Италію. „Пожалуйста, только не оставайтесь тамъ дольше; прїѣзжайте въ Люцернѣ поскорѣе“, говорить Марьяна, прощаюсь.

И опять мы летимъ въ поѣздѣ. Горы растутъ и становятся все красивѣе и живописнѣе. Слѣва бурно несется мутная бѣлая Рона, справа разстилаются веселыя равнины. И опять мы во Франціи, въ веселой, улыбающейся Франціи, къ которой Алексѣй Александровичъ чувствуетъ сильное пристрастіе. И въ самомъ дѣлѣ пріятно послѣ грубыхъ, неуклюжихъ швейцарцевъ снова увидѣть подвижныя, нервныя, дышащія огнемъ и жизнью смуглыя физіономіи южныхъ французовъ. Въ Шамбери намъ предстоитъ долгая остановка, почти цѣлый день, до отхода вечерняго поѣзда въ Италію. Алексѣй Александровичъ радуется этому, говоря:

— Сегодня, по крайней мѣрѣ, пообѣдаемъ какъ слѣдуетъ. Ну какъ не сказать, что хорошая страна! И вино — какъ вино, и женщины — какъ женщины, а не тумбы, говорящія басомъ.

Алексѣя Александровича все смущаетъ, что я мало увижу Италію, и онъ предлагаетъ и Венецію и Флоренцію; но я рѣшительно отказываюсь. Я не хочу быть въ отсутствіи больше недѣли. Я хочу поскорѣй къ Марьянѣ. Алексѣй Александровичъ не понимаетъ моего внезапнаго равнодушія къ галлереямъ и музеямъ и, думая, что я перемонюсь и не хочу вовлекать его въ расходы,увѣряетъ, что вѣдь это стоило-бы совсѣмъ, совсѣмъ не такъ дорого!..

Въ Шамбери — ярмарка. Бульваръ установленъ лотками и балаганами. Акробатка, въ трико и розовой юбочкѣ съ блестками, расхаживаетъ съ большимъ шестомъ въ рукахъ по канату; и восхищенный наивный физиономіи загорѣлыхъ блузниковъ, въ соломенныхъ шляпахъ, слѣдятъ за ея движеніями. Торговцы апельсиновъ, сладостей, напитковъ, похаживая въ толпѣ, оглашаютъ воздухъ рѣзкими восклицаніями. *La valence!.. Sucre d'orge!..* У балагана фокусника, у балагана прянничника жадно толпятся и толкаются дѣти. Блѣдный шарманщикъ изъ Пьемонта, въ плисовой курткѣ, красномъ галстухѣ и сѣрой фетровой шляпѣ, играетъ на шарманкѣ мотивы изъ „Троватора“. Пекло невообразимое. Земля жжется, какъ раскаленная плита. Воздухъ горячъ и удушливъ. Я покупаю въ одномъ изъ балагановъ грошовый бумажный вѣръ. Толпа зрителей, угадывая въ насъ приѣзжихъ и иностранцевъ, съ любопытствомъ разглядываетъ насъ. Женщины, какъ и у насъ въ деревнѣ, ощупываютъ мое платье. Пользуясь общимъ вниманіемъ, Алексѣй Александровичъ спрашиваетъ ближайшаго къ нему блузника, что бы намъ посмотретьъ здѣсь въ городѣ. Тотъ молча смотритъ на Алексѣя Александровича, затѣмъ сообщаетъ, что онъ самъ иностранецъ, самъ изъ какой-то деревни. Въ разговорѣ вмѣшиваются горожане и со всѣхъ сторонъ начинаютъ рекомендовать намъ посмотретьъ водопроводъ, *la Fontaine des Eléphants*, лицей, ратушу, замокъ герцоговъ Савойскихъ, церковь, главную улицу. Являются гиды съ предложеніемъ услугъ. Мы еле-еле избавляемся отъ нихъ и выбиваемся изъ толпы. Сѣрая каменная башня замка герцоговъ Савойскихъ виднѣется издали. Намъ уже видны и зеленые верхушки вѣковыхъ дубовъ и платановъ старого парка, который манитъ прохладой и тѣнью. И по мѣрѣ того, какъ мы приближаемся, передъ нами выростаетъ величественная средневѣковая постройка съ подъемными мостами и башнями. Входимъ въ старый тѣнистый паркъ, запущенный и пустынnyй, какъ садъ Спящей красавицы, бродимъ по дорожкамъ и, осмотрѣвъ замокъ спаружи, углубляемся въ тѣнистую каштановую аллею. Дойдя до зеленої дерновой скамьи въ тѣни развѣсистаго каштана, я опускаюсь на нее и говорю:

— Ну, ты иди куда хочешь и осматривай что хочешь. А я отсюда ни съ мѣста до отхода поѣзда.

— Да, тяжеленько двигаться въ такую жару,— говоритъ Алексѣй Александровичъ, сдвигая шляпу на затылокъ и отирая лобъ платкомъ.— Пожалуй, Катя была права, возставая противъ поѣздки въ Италію. Вмѣсто удовольствія, пожалуй, это путешествіе будетъ тебѣ въ тягость. Ну, да авось къ вечеру полегче станетъ!“

Онъ вынимаетъ газету, идетъ къ слѣдующей дерновой скамейкѣ,

наискось отъ меня, снимаетъ шляпу и, развалившись какъ на диванѣ, углубляется въ чтеніе.

А я тоже снимаю шляпу, то-же растягиваюсь на своей скамейкѣ и, заложивъ руки подъ голову, смотрю сквозь зеленыя вѣтки въ небо, въ чудное, яркое голубое небо Савойи. Съ одной стороны вижу море зелени, съ другой высокія живописныя горы; прямо передъ глазами старый сѣрый замокъ, отъ которого вѣтъ воспоминаніями о Баардѣ, о рыцаряхъ, пажахъ и оруженоносцахъ, о прекрасныхъ дамахъ сердца, раздававшихъ призы на турнирахъ. Можетъ быть, всѣ они до сихъ поръ спятъ тамъ въ своихъ готическихъ залахъ съ пестрыми окнами, съ мебелью съ прямыми спинками, спятъ, какъ въ волшебной сказкѣ— и дамы, и рыцари, и трубадуры...

Въ саду тихо и не слышно ничего, кромѣ свиста кузнецовъ. Издали доносится смутный гулъ ярмарки, бубны, барабанъ и звонки акробатовъ, вскрикиванья, взвизгивания, хаотическій шумъ толпы, сквозь который прорываются дрожащіе звуки шарманки, которая ноетъ:

«Non ti scordar, non ti scordar di me!
Addio, Leonora, Addio!»...

Заложивъ руки подъ голову, я думаю о Марьянѣ. Какъ я рада, что мы наконецъ познакомились! Какъ мнѣ сразу стало лучше и веселѣй, какая-то нѣжная струйка пролилась въ мою жизнь. И я думаю о томъ, что вчера вечеромъ она должна была написать отцу письмо о томъ, что мы здѣсь, что она будетъ съ нами. Сегодня это письмо пошло, и оно полетитъ изъ кружки въ кружку, изъ государства въ государство, черезъ горы и долы и придетъ въ Малороссію, въ тихую усадьбу, въ его домъ, въ его кабинетъ. И онъ распечатаетъ его, прочтетъ и подумаетъ обо мнѣ, вспомнитъ обо мнѣ:

... Non ti scordar, non ti scordar di me...

Я взглядуваю на Алешу. Нѣсколько времени онъ читаетъ газету довольно внимательно; затѣмъ она начинаетъ колебаться въ его рукѣ, скользить ниже и ниже и, выскользнувъ и перекувырнувшись раза два, ложится по серединѣ дорожки. А онъ, закинувъ голову, начинаетъ громко хранить. Я смотрю на замокъ и вспоминаю исторію Савойскаго дома, вспоминаю исторію Италии, Франціи. Какъ я любила исторію! И какъ могу я такъ мало интересоваться газетами? Вѣдь это живая исторія настоящаго, то-же жизненное развитіе абсолютной идеи въ формѣ политическихъ обществъ. Нѣть, надо, надо читать ихъ. До чего я однако глупа, лѣнива, невѣжественна. Съ завтрашняго дня начинаю читать газеты. Чтобы не откладывать доброго намѣренія, я встаю и поднимаю съ дорожки газету, по которой суетливо снуютъ муравьи, перебѣгалъ ее вдоль и поперекъ;

улитки и божьи коровки копошатся на объявленияхъ. Я страхиваю всю эту публику и, овладѣвъ газетой, снова ложусь подъ моимъ каштаномъ, намѣреваясь приняться за чтеніе.

Старый садъ спитъ, какъ садъ Спящей Красавицы. Алексѣй Александровичъ храпитъ. Кузнечики и змѣи громко свистятъ въ высокой нескосшенной травѣ. Пестрыя бабочки, бѣлые мотыльки вьются и кружатся въ воздухѣ... Шарманка играетъ теперь гдѣ-то еще дальше и еще слабѣе... Пчелы мѣрно гудятъ, тихо летая надъ моей головою и погружаюсь въ мохнатые цветы каштана... Я читаю телеграммы о зулусахъ, о безвременной кончинѣ молодого принца Наполеона, потомъ читаю передовую статью о томъ-же... чьи-то замѣтки о томъ-же... Я зѣваю. Толстая, мохнатая гусеница падаетъ съ красиво вырѣзанного лапчатаго листа на газету и начинаетъ корчиться, кружиться и изгибаться надъ одной изъ телеграммъ. Я предоставлю ей дочитывать о кончинѣ принца Наполеона и засыпаю.

Мы проводимъ четыре дня въ Миланѣ, посвящая утро осмотру достопримѣчательностей, а вечеръ—театру или городскому саду, гдѣ, слушая музыку, мы изучаемъ публику. На пятый день ёдемъ въ Арону, гдѣ садимся на пароходъ, долженствующій доставить насъ въ Стрезу на Лаго-Маджiore.

Чистое и свѣтлое итальянское озеро сразу нравится мнѣ больше швейцарскаго. Огромная статуя святаго Карла Борромео благословляетъ насъ съ берега и долго еще виднѣется, когда пароходъ нашъ уже дымить, пыхтитъ и мчится, разрѣзая прозрачную воду.

Я сижу на палубѣ и любуюсь берегами. Во всѣхъ пейзажахъ Италии разлито что-то ласковое, спокойное, прекрасное, лѣнивое, безопасное и счастливое. Съ первыхъ шаговъ, съ первыхъ минутъ, съ первой станціи Италии, все здѣсь мнѣ нравится: и легкія, воздушныя очертанія далекихъ горныхъ цѣпей на горизонте, и зеленѣющія поля, и фруктовые сады, и дома съ плоскими крышами, и прибрежныя селенія съ ихъ рыбачими лодками, съ человѣческими фигурами, съ колотающими на берегу бѣлье стройными прачками въ бѣлыхъ головныхъ уборахъ, и толпы ребятишекъ, очаровательныхъ черномазыхъ ребятишекъ съ курчавыми головами, жгучими итальянскими глазами и счастливой улыбкой, открывающей ослѣпительно-бѣлые зубы. Все здѣсь нравится мнѣ. Мнѣ хорошо здѣсь. Я чувствую себя на мѣстѣ, чувствую себя художницей, чувствую себя итальянкой, и сидя на пароходѣ, я невольно принимаю лѣнивныя и красивыя позы, которыхъ не разрѣшила-бы себѣ ни въ Парижѣ, ни въ Петербургѣ.

Пароходъ несетъся легко и весело, какъ будто и ему доставляетъ

наслажденіе разрѣзать это чудное серебристое озеро и посыпать свой черный дымъ къ облакамъ.

На палубѣ третьаго класса тѣснится простой итальянскій людъ. Тамъ слышны, громкія живыя восклицанія, непринужденный звонкій смѣхъ, грубыя словечки и выраженія, здоровые, сильные голоса... Тамъ тѣснится, толкаются, знакомятся, рассказываютъ о своихъ дѣлахъ. Тамъ ѿдуть не господа, а люди.

У настъ въ первомъ классѣ все не люди, а господа. У настъ тихо, тихо и прилично! Языкъ у настъ преобладаетъ англійскій, но и того почти неслышно, такъ какъ у настъ ѿдуть все порядочнѣе и не представленные другъ другу люди.

Большинство пассажировъ—англичане. Почтенные, сѣдые старики и старушка съ неподвижными лицами и непроницаемыми взорами, оба въ черномъ, какъ квакеры, молча сидятъ, какъ два каменныхъ изваянія. У него въ рукахъ плэдъ, гидъ и зрительная трубка; у нея — ридикюль, на которомъ она скромно складываетъ руки въ темно-серыхъ перчаткахъ. Она не смотритъ ни на берега, ни на пассажировъ и если поднимаетъ глаза съ ридикюля, то только затѣмъ, чтобы взглянуть на одну изъ своихъ четырехъ одинаково одѣтыхъ долговязыхъ дочекъ, похожихъ одна на другую, какъ четыре булавки. Барышни вѣрно тоже молчали-бы, еслибъ ихъ не приводила въ движение пятая ихъ спутница, хорошенъкая англичанка съ прелестнымъ надменнымъ лицомъ, крошечными ручками и ножками, тонкой талией и густой каштановой косой, на которой кокетливо сидитъ парижская шляпка. Хорошенъкая миссъ путешествуетъ со своимъ папа, благообразнымъ плотнымъ джентльменомъ, съ серебристыми бакенбардами; онъ проводить большую часть времени въ каютѣ за ѿдой, питьемъ и чтеніемъ газетъ и только изрѣдка поднимается наверхъ и, подойдя къ дочери, спрашиваетъ, не скучаетъ-ли и она что-нибудь? Она каждый разъ отнѣкивается съ удивленной улыбкой, вызывающей ямочки на ея щекахъ. Развѣ такія красавицы ѿдятъ?.. И почтенный джентльменъ возвращается въ каюту, проходя мимо настъ съ такимъ видомъ, какъ будто и мы всѣ, и прелестное озеро со своими берегами давно уже приглядѣлись и надоѣли ему хуже его собственной швейцарской, и что если въ жизни и на свѣтѣ и осталось еще что-нибудь интересное, то оно цѣликомъ сосредоточено въ послѣднемъ номерѣ его газеты. Его бѣленъкая дочка кажется феей нашего парохода. На ней надѣть элегантный модный ватерпруфъ цвѣта пароходного дыма, а ея веселые глазки свѣтятся какъ чистая вода озера, отражающаго небо. Она и сама, кажется, сознаетъ себя феей и хорошенъкой и радуется этому и, безпрестанно улыбаясь своимъ неинтереснымъ спут-

ницамъ, охорашивается, поправляя на себѣ то шляпку, то шпильку, то перчатку, то поясъ ватерпруфа.

Бдуть съ нами молодые: французъ и француженка, очевидно влажащіе свой медовый мѣсяцъ, томные, влюбленные, держащіеся за руки. Они стоятъ, облокотившись на бортъ, спиной къ публикѣ, и тихо разговариваютъ, поминутно передавая другъ другу большой бинокль. И почтенная старушка-англичанка, нечаянно взглянувъ на нихъ, спѣшить перевести своей цѣломудренной взоръ на ридикюль или на одну изъ своихъ некрасивыхъ дочекъ.

Два стройные итальянскіе кавалериста побѣдоносно похаживаютъ по палубѣ, сдержанно смѣясь своимъ веселымъ разговорамъ и покручивая усы. Въ концѣ концовъ они садятся противъ хорошенькой англичанки; одинъ изъ нихъ принимается за газету, а другой за мешаніе искусствъ взглядовъ на дѣвицу. Для этого не нужно быть представленнымъ, и молоденькая миссъ выдерживаетъ аттаку, какъ вполнѣ благовоспитанная особа, улыбаясь чаще прежняго своимъ подругамъ, кокетничая и кидая на берега Лаго Маджіоре надменные взгляды богатой невѣсты.

Бдеть еще нѣмецкое семейство. Толстенький папа въ соломенной шляпѣ, съ бакенбардами въ видѣ сосисокъ, двѣ дочки, свѣженькая пухлая блондинки, таинственно улыбающіяся другъ другу и поминутно восклициающія: „Sieh mal, Alma!..“ „Sieh mal, Selma!..“ „Reizend!“ „Kolossal!..“ и сынъ, мальчикъ лѣтъ шестнадцати, тоже въ соломенной шляпѣ на длинныхъ бѣлокурыхъ волосахъ, за которыхъ Алексѣй Александровичъ прозываетъ его Шиллеромъ. Бѣдный Шиллеръ сидѣть, надувъ губы и нахмуривъ брови, съ видомъ приговореннаго къ казни, поминутно краснеТЬ, тревожно бѣгающими глазами поглядываетъ на присутствующихъ женщинъ, потомъ внезапно соскаиваетъ со своего мѣста и начинаетъ съ отчаяніемъ смотрѣть въ воду.

На носу парохода сидитъ англичанинъ съ густыми бровями и сердитымъ краснымъ лицомъ, напоминающимъ бульдога. На немъ надѣть какой-то необыкновенный макѣ-ферланъ съ миллиономъ пелеринъ и кармановъ, изъ которыхъ онъ отъ времени до времени вытаскиваетъ самые разнообразные предметы. Онъ сидѣть на складномъ стульчикѣ, повернувъ спину всему пароходу и такъ сказать плыветъ впереди всѣхъ, сложивъ нагруди руки и устремивъ взоръ въ прозрачную даль. И по его позѣ, по его круглой спинѣ, по всѣмъ его приемамъ, я угадываю въ немъ любителя природы.

Наконецъ, послѣдняя наша пассажирка, упитанная и богато одѣтая англичанка съ двумя мальчиками и желтолицой беззубой гувернанткой-швейцаркой. На мальчикахъ, напоминающихъ нескладныхъ, породистыхъ щенковъ, кожаные пояса съ модными пряжками и без-

образные соломенные шляпы въ видѣ опрокинутыхъ горшковъ. Дѣти такъ-же сыты и выхолены, какъ и мать, и только блѣдная гувернантка, не успѣвшая еще отѣчьтися на ихъ хлѣбахъ, смотритъ уныло и растерянно, какъ-бы недоумѣвая, зачѣмъ и какими судьбами она попала въ эту сытую компанію? Дама обѣздила всю Европу и запомнила названія всѣхъ отелей, въ которыхъ останавливалась, и всѣ цѣны за постой и за проѣздъ. И теперь, самоувѣренно развалившись на скамейкѣ, не глядя на берега, и играя ручкой своей туго набитой шагреневой сумочки, она перебираетъ эти воспоминанія передъ некрасивой гувернанткой, которая подобострастно восхищается ея удивительной памятью. Пароходъ несетъся легко и весело. Кавалеристъ, читавшій газету, закуриваетъ у Алеша и вступаетъ съ нимъ въ бесѣду о зулусахъ и принцѣ Наполеонѣ. Альма и Зельма, принявъ мечтательныя позы, прислушиваются къ ихъ бесѣдѣ, улыбаются, значительно переглядываются и хихикаютъ. Другой кавалеристъ продолжаетъ крутить усы и преслѣдоватъ жгучими взглядами раскрасневшуюся хорошенѣкую англичанку, которая наконецъ обращается въ бѣгство и на предложеніе папа позавтракать, молча беретъ его подъ руку и уходитъ съ нимъ въ каюту. Вдали показываются Борромейскіе острова. Сердитый англичанинъ приподнимается и наводитъ на нихъ бинокль.

А мальчики, побродивъ, съ позволеніемъ мамы, по рубкѣ, останавливаются у перилъ, составляющихъ границу помѣщенія первого класса, и, вѣшаясь на перила, съ любопытствомъ смотрятъ внизъ на тѣсно скученныхъ, оживленныхъ, жестикулирующихъ и громко разговаривающихъ, отгороженныхъ отъ нихъ, людей иной породы.

Обѣдаемъ въ Стрезѣ, уже при свѣчахъ, въ большой парадной залѣ, въ многочисленномъ, довольно фэшнѣтельномъ обществѣ. Повидимому тутъ живетъ много англичанъ.

Послѣ обѣда, мы съ Алексѣемъ Александровичемъ совершаляемъ чудесную прогулку, отдохнуть отъ которой приходимъ на пристань, где застаемъ сердитаго англичанина, снявшаго свой макъ-ферланъ. Теперь на немъ клѣтчатая жакетка, на головѣ шотландская шапочка, а въ рукахъ трость съ набалдашникомъ, изображающимъ сфинкса, вырѣзанного изъ какого-то необыкновенного камня. Приходитъ и маленький Шиллеръ и тоже садится на пристани.

Чудный вечеръ! Вечеряя тѣни ложатся на тихое чистое озеро. На Pescatori, въ далекой Паланцѣ и другихъ прибрежныхъ селеніяхъ зажигаются огоньки. Нашъ темный отель тоже свѣтится огнями; изъ раскрытыхъ оконъ слабо доносятся звуки рояля, звуки скрипки. Лодочникъ, убирающій у берега лодки, сообщаетъ намъ, что на островѣ

св. Иоанна сейчас будуть жечь смоляные бочки и сожгутъ фейерверкъ, такъ какъ сегодня двадцать третья юны, канунъ Иванова дня. Мой любимый лѣтній праздникъ, моя любимая лѣтняя ночь, полная поэзіи, чудесъ и чертовщины. Но что общаго у суроваго пророка въ одѣждѣ изъ верблюжьяго волоса, у пророка исправлявшаго путь Господу, съ этой чертовщиной, съ Купалой, съ смоляными бочками, кострами и гаданьями?.. Надо нарвать двѣнадцать травъ и положить ихъ подъ подушку. И я брошу подлѣ пристани, собирая травы: попадаются и родныя и знакомыя, попадаются и новыя, чужеземныя. Сорвавъ двѣнадцать травъ, я связываю ихъ въ пучокъ и возвращаюсь на пристань.

Островки, берега, озеро понемножку темнѣютъ, замираютъ, засыпаютъ. И неожиданно, среди тишины, съ трескомъ взлетаетъ первая ракета. На пристани собирается толпа зрителей, болтающихъ на разныхъ языкахъ, все время, пока трещитъ фейерверкъ; затѣмъ, онъ гаснетъ, зрители расходятся; пристань пустѣеть, все стихаетъ и успокаивается. Маленькаго Шиллера уводятъ спать, и мы снова остаемся втроемъ: англичанинъ, Алексѣй Александровичъ и я.

Чудный вечеръ! Чудное озеро! Становится еще темнѣе. Молодой серпъ луны вырѣзывается въ небѣ. Вода тихо плещеть у нашихъ ногъ. Какъ темный призракъ встаетъ передъ нами гордый профиль террасъ Isola Bella. Тихо дремлютъ кипарисы, магноліи, миры и лавры на Isola Madre. Все спить, все дремлеть. Въ прозрачной водѣ, какъ въ зеркалѣ, отражаются и сонные островки и сонные берега, и облака, скользящіе по небу, и мерцающія звѣздочки, и серпъ мѣсяца. Что-то чудное, невыразимое проникаетъ въ душу. Тѣснятся въ ней не то смутныя воспоминанія чего-то далекаго, давно забытаго, но прекраснаго, не то смутныя предчувствія существованія другого міра, болѣе чистаго и совершеннаго, гдѣ все лучше, свѣтлѣй и правдивѣй, гдѣ все цѣнится настоящей цѣной. Грезится что-то леное, чистое и прекрасное... Въ тихомъ шелестѣ деревьевъ, въ тихомъ плескѣ воды слышится ласковая, нѣжно убаюкивающая колыбельная пѣсня матери-природы. И это видимое сліяніе, видимая гармонія земли и неба дѣйствуетъ на душу, какъ чудная чарующая музыка. Душѣ хочется быть чистой, свѣтлой и свободной, хочется или свести небо на землю или уйти съ земли на небо. И невольно глаза поднимаются къ чистымъ звѣздамъ, мерцающимъ въ глубокомъ чудномъ небѣ этой итальянской ночи.

Алексѣй Александровичъ выкурилъ нѣсколько сигаръ и начинаетъ зѣвать. Онъ усталъ. „Не пора ли и на покой?“ Жаль уходить, но нечего дѣлать. Я покорно встаю, и мы направляемся къ отелю. А на плоту остается одинъ сердитый англичанинъ, одинъ со своимъ сфинксомъ, съ Богомъ и природой, съ тихой красотой этой чудной ночи.

Засыпаю съ открытымъ окномъ, положивъ подъ подушку двѣнадцать травъ. Ночной вѣтерокъ свободно гуляетъ у меня по комнатѣ, и мнѣ стоитъ приподняться на кровати, чтобы снова увидѣть все ту же волшебную картину озера съ темными сонными островками.

Просыпаюсь съ разсвѣтомъ. Утро, воздухъ, небо, солнце, видъ передъ глазами—все божественно! Все улыбается; и я улыбаюсь. Я видѣла во снѣ Николая Федоровича.

Алексѣй Александровичъ встаетъ; мы садимся въ лодку и въ ожиданіи часа, рабыне котораго не дозволено причаливать къ островамъ, долго катаемся по озеру. Потомъ, не спѣша, осматриваемъ картины и дворецъ Борромео, гуляемъ на Isola Madre, въ этомъ чудномъ райскомъ уголкѣ, гдѣ подъ открытымъ небомъ цвѣтутъ и зреютъ померанцы и апельсины, гдѣ собрана растительность со всего земного шара; кедры, кипарисы, магноліи, лимонная и миндалевая деревья. Тутъ-же рядомъ наша елочка, холеная, свѣжая, зеленая, одинокая, почему-то напомнившая мнѣ о Тургеневѣ, поселившемся въ Парижѣ. Садовникъ водитъ насъ по дорожкамъ, окаймленнымъ рядами высокихъ цвѣтушихъ олеандровъ, миртовъ и лавровъ, и разсказываетъ намъ какія-то подробности о нынѣшнемъ владѣльцѣ островковъ, указываетъ намъ на особенно интересные растенія и срѣзаетъ по дорогѣ распустившіяся розы. Золотые, пестрые и серебристые фазаны убѣгаютъ съ дорожекъ при нашемъ приближеніи. А когда мы садимся въ лодку, садовникъ подносить мнѣ чудесный большой букетъ изъ розъ всѣхъ оттенковъ, который я рѣшаю отвезти Марьянѣ.

Въ полдень ѿдемъ дальше. На новомъ пароходѣ уже совсѣмъ новое общество. Большинство прѣѣхавшихъ съ нами пассажировъ остается въ Стрезѣ. Только сердитый англичанинъ, да богатая дама съ мальчиками и тувернанткой продолжаетъ путешествіе съ нами. Минуя Паланцу, несемся по озеру. Погода съ утра такая ясная начинаетъ портиться. Небо бѣлѣеть. Поднимается вѣтеръ. Волны просыпаются и начинаютъ сердиться, играть и беспокоиться. Насъ слегка качаетъ. По всему озеру встаютъ и стелются полосы тумана; и когда мы подѣлжаемъ къ Локарно, насъ непривѣтливо встрѣчаетъ косой рѣзкій дождикъ. Я начинаю зябнуть и жалѣть о калоахъ, потерянныхъ мною въ Миланѣ. Вообще, мы одѣлись, не предполагая возможности неблагопріятной погоды. На мнѣ свѣтлое батистовое платье, легкій свѣтлый каппусерь и соломенная шляпка съ фуляровой тряпочкой неопредѣленаго моднаго цвѣта, на которой распластана сизая птица. Алексѣй Александровичъ тоже въ свѣтломъ, у Дюсotua сшитомъ балахонѣ, который придаетъ ему видъ элегантнаго англичанина.

— Экая гадость, погода-то портится, — говоритъ Алексѣй Ал-

ксандровичъ, раскрывая зонтикъ, — кажется, мы не по погодѣ одѣлись. Ну, да впрочемъ у насть есть плэды!

Въ Быаскѣ ждутъ насъ почтовыя кареты. Кондуктора запрягаютъ лошадей. Мороситъ. Пейзажъ совсѣмъ мѣняется. Передъ нами стоять темной стѣной крутыя, высокія горы. Сыро, угрюмо, пасмурно.

Самая станція уже далеко не похожа на станцію большихъ же-лѣзныхъ дорогъ. Въ маленькой залѣ съ некрашеннымъ поломъ, съ деревянными скамейками, скромный буфетъ съ незатѣйливыми черствыми закусками, съ бутылками пива. Англичане, наводнявшіе пароходъ, куда-то исчезли, скрылись, словно расплылись въ дождѣ и туманѣ. Остался одинъ сердитый англичанинъ, котораго Алексѣй Александровичъ прозвалъ бульдогомъ. Женщинъ что-то не видно; ихъ почти нѣтъ въ поѣздѣ. Англійской рѣчи не слышно; ее замѣнила смѣсь итальянскаго съ нѣмецкимъ; грубоватое мѣстное нарѣчіе, въ которомъ я тщетно стараюсь уловить знакомыя слова. И отъ звуковъ этого чуждаго непонятнаго языка вѣтъ чѣмъ-то непривѣтливымъ, и суровый пейзажъ кажется еще болѣе суровымъ.

Лошади запряжены. Пассажиры разобрали билеты, подкрѣпились закуской и выпивкой и начинаютъ размѣщаться по экипажамъ. Алексѣя Александровича очень тѣшилъ то, что ему удалось занять переднее полуоткрытое купѣ, надъ которымъ устроено сидѣніе для кучера. „Лучшія мѣста, лучшія мѣста!“ твердилъ онъ. „Все прекрасно видно, мы впереди всѣхъ...“ Багажъ уложенъ, увязанъ на верху экипажей, кучера щелкаютъ бичами, и кареты одна за другой выѣзжаютъ со двора станціи.

Минуемъ Быаску, ютящуюся у подошвы, и начинаемъ взбираться вверхъ. Горы становятся все красивѣе и живописнѣе. Тѣнистыя каштановые рощи, горные потоки, глубокія ущелья безпрерывно сменяютъ другъ друга, и Альпы развертываются передъ нами въ ихъ дикой и захватывающей, нежданной и негаданной красотѣ.

Вблизи Быаски еще попадаются отъ времени до времени на-встрѣчу люди: смуглые дровосѣки, каменщики, пастухи; но по мѣрѣ того, какъ мы поднимаемся выше, встрѣчи эти становятся все рѣже и рѣже. Проѣзжаемъ мимо часовенки со статуей мадонны. На порогѣ сидѣтъ старый, слѣпой нищий и мальчикъ, который водитъ его, подбѣгаєтъ къ каретамъ, протягивая засаленную войлочную шляпу, въ которую мы бросаемъ сантимы.

Глубоко въизу бѣжитъ съ оглушительнымъ ревомъ бурный, мутный потокъ, прорѣзая высоко нагроможденныя скалы, поросшія шапкой густого лѣса. И, срывааясь съ высотъ, стремительно бросаются въ него новые потоки и сливаются съ нимъ, и ревутъ, и клубятся и пѣпятся, какъ бѣлые сверкающія змѣи лижутъ черный камень, разсыпаются при-

чудливыми брызгами и носятся легкой туманной пылью въ глубинѣ ущелій, точно горныя феи. Лѣсъ шумитъ. Стая орловъ взлетаетъ, встревоженная гуломъ упавшаго камня, и эхо глухо перекатывается по горамъ, повторяя всѣ эти звуки.

Хорошо и вольно въ этой дикой пустынѣ. Грудь дышетъ силой и отвагой; въ душѣ крѣпнетъ бодрость, просыпается мужество и призрѣніе къ смерти и опасностямъ. Небо такъ далеко! Неба точно не видно за этими темными могучими глыбами. Здѣсь царить не небо, а земля, чуются силы земная и подземная. И невольно вспоминается миѳъ о титанахъ и гигантахъ. Все говорить здѣсь о страшномъ могуществѣ земли, о гордой попыткѣ земли помѣряться силами съ небомъ и о ея безсильномъ паденіи. Есть ущелья, изъ которыхъ выглядываетъ адъ. Чудится тамъ глухая подземная работа Вулкана, Тубалкайна... Невидимые ковачи куютъ орудія смерти. Тамъ, въ нѣдрахъ земли, заключено зло и отчаяніе.

Маленькия, крѣпкія лошадки катятъ бодрой рысцой маленькия каретки, въ которыхъ сидимъ мы, маленькие людышки, такие крохотные и ничтожные по сравненію съ размѣрами этихъ грандіозныхъ скалъ и ущелій. Какой просторъ! Какая красота! У меня въ рукахъ душистый букетъ изъ розъ съ Isola Madre, при взгляде на который въ памяти невольно оживаетъ чистое свѣтлое озеро и, сравнивая его съ суровой дикой красотой этихъ горъ, — не знаешь, чему отдать предпочтеніе.

Хорошо, должно быть, придти сюда съ больной душой, съ растерзаннымъ сердцемъ, съ большимъ тяжелымъ горемъ... Вотъ онъ этотъ пріютъ, о которомъ поется въ пѣснѣ:

„Бурный потокъ,
Чаша лѣсовъ,
Голые скалы —
Вотъ мой пріютъ!“

Верхушки зеленыхъ каштановъ и платановъ волнуются и трепещутъ, какъ трепещетъ больное слабое сердце, потоки бѣгутъ и бѣгутъ, какъ слезы изъ печальныхъ глазъ, а трещины въ скалахъ зіаютъ, какъ раны разбитаго сердца. И какимъ маленькимъ и ничтожнымъ должно казаться здѣсь самое большое горе! Чудный просторъ, неистощимое разнообразіе красивѣйшихъ видовъ и при этомъ ни души, ни души! Или здѣсь и не мѣсто смертнымъ? Для нихъ здѣсь слишкомъ хорошо, слишкомъ просторно и вольно.

Выше и выше поднимаемся мы. Тусклый серпъ мѣсяца, подернутый мутнымъ облачкомъ, показывается въ далекомъ, безцвѣтномъ и туманномъ небѣ. И въ наступившей темнотѣ миѳъ мерещится тѣни гордыхъ и непокорныхъ: Манфредъ, Каинъ и Прометей?

Розы съ Isola Madre! Какъ все это не похоже на ваше чистое,

безматежное озеро! Оно свѣтилось тихой и ясной улыбкой; здѣсь на всемъ отпечатокъ печали и гордаго страданія. Надъ темной пропастью, отъ которой дорога наша ограждена только низенькимъ парапетомъ, носится, можетъ быть, самый мрачный, самый гордый и несчастный изъ всѣхъ этихъ меланхолическихъ неудачниковъ, „духъ отрицанья, духъ сомнѣнья“, темный тоскующій Демонъ?.. Онъ пролѣтаетъ надъ бездной и, скользнувъ по краю пропасти, шепчетъ свое лукавое искушеніе: „Бросься внизъ“!..

И голова кружится при видѣ бездны, при видѣ поднимающихся изъ нея темныхъ тѣней.

Алексѣй Александровичъ давно дремлетъ и свистить носомъ, какъ райская птица. Но и онъ не можетъ не проснуться, когда страшный взрывъ потрясаетъ горы... Грохотъ долго перекатывается по горамъ. Дѣло объясняется очень просто. Это идутъ работы по сооруженію туннеля. За первымъ взрывомъ раздается второй, но уже послабѣе, потомъ снова водворяется тишина.

Маленькия лошадки катятъ бодрой рысцой, маленькия каретки съ маленькими людышками. Надвигается ночь. И жутко, и хорошо въ этой темнотѣ. Все принимаетъ фантастическая лживыя очертанія. Пропасти кажутся глубже, потоки бѣлѣе и сердитѣе. Сиянія деревьевъ протягиваются вѣтки къ самой каретѣ, а въ глубинѣ ихъ темной чащи чудится шорохъ и шопотъ, кто-то бѣжитъ тамъ, гонится за нашей каретой, не отставая, мелькая то тутъ, то тамъ. Это онъ, невидимый, но хорошо ощущаемый Лѣсной Царь, который обманываетъ, смущаетъ и пугаетъ, напоминая свою темную ложь, въ которой столько обаянія.

Совсѣмъ темнѣеть. Впереди мелькаютъ огоньки селенія. Лошади подхватываются съ новой силой, и мы вѣзжаемъ въ Аироло, гдѣ полагается ночевать. Темно, грязно, сырь. Пахнетъ дымомъ и жильемъ. Собаки просыпаются и привѣтствуютъ насъ сердитымъ и протяжнымъ лаемъ. Мы останавливаемся у дверей гостиницы, напоминающей хлѣбъ. Гдѣ вы, ковры, фрески и мраморы отелей Туринъ и Миланъ? Гдѣ вы сановитые швейцары, дрессированные и вѣжливые кельнеры?

«Lebet wohl, Ihr, glatten Säle!»

Прямо съ порога входимъ въ сѣни, гдѣ пахнетъ навозомъ и коровами. Узкая деревянная лѣсенка ведеть въ верхній этажъ, въ коридоръ съ рядомъ простыхъ скромныхъ комнатъ, съ некрашенными и неоклеенными стѣнами. Мне нравится эта обстановка. Какъ-бы славно всегда такъ жить! Насколько чувства крѣпче, мысли чище, воля тверже, воображеніе здѣсь ярче и свѣжѣе; вниманіе не развлекается хламомъ и мусоромъ, называемымъ роскошью и комфортомъ. Дождь идетъ и барабанитъ по крышѣ и въ мое окошечко. На дворѣ распра-

гаютъ лошадей. Я слышу ихъ ржанье, слышу, какъ они шлепаютъ по лужамъ, понукаемыя кучерами. За дверью, въ коридорѣ, не умоляютъ торопливые шаги, тяжелый топотъ и шарканье ногъ, звонъ тарелокъ и стакановъ, говоръ голосовъ и хлопанье дверьми... И подъ шумъ этотъ я крѣпко засыпаю на новомъ мѣстѣ, въ новой обстановкѣ.

Просыпаюсь отъ стука въ дверь. „Sono gi  tre ore, signora!“ говорить за дверью грубый голосъ. А какъ хочется спать, какъ не хочется вылезать изъ-подъ жиеньаго байковаго одѣяла, подъ которымъ еще не успѣла свернуться и отогрѣться! Но въ четыре часа надо уже ъхать дальше. Алексѣй Александровичъ тоже стучитъ мнѣ въ стѣну и кричитъ что-то, спрашивая, не достать-ли наши чемоданы, не хочу-ли я переодѣться?.. „Нѣтъ, нѣтъ“! отвѣчаю я громко и рѣшительно,— „у меня есть плэдъ!“ и, повернувшись на другой бокъ, я засыпаю. Черезъ полчаса они снова начинаютъ стучать. „Ты встаешь?“ спрашиваетъ Алексѣй Александровичъ. — „Сейчасъ надо ъхать“. Я поспѣшио вскакиваю, одѣваюсь и закручиваю косу передъ крошечнымъ кривымъ зеркальцемъ, изъ котораго выглядываетъ на меня зѣвающая, блѣдная и уродливая физиономія. Отворяю дверь Алешѣ, который стучится ко мнѣ, сообщая, что необходимо закусить, такъ какъ ъхать до остановки долго.

Лошади уже запряжены. При свѣтѣ пасмурнаго сѣренъя утра, убогая обстановка гостиницы кажется еще супровѣе. Букетъ мой свѣжъ и хорошъ, и за ночь распустилось еще нѣсколько бутоновъ. Обжигая себѣ языкъ и горло, проглатываю стаканъ какой-то бурды, которую нельзя назвать ни чаемъ, ни бульономъ, закусываю кускомъ кислого хлѣба и спускаюсь по лѣстницѣ вслѣдъ за Алешей, который тоже не выспался, тоже смотрить кислымъ и взъерошеннымъ и ругается на всѣхъ европейскихъ языкахъ за то, что не могъ ничего достать, кроме упомянутой бурды.

— Ну какъ, въ самомъ дѣлѣ, не устроить порядочнаго буфета? Вѣдь это свинство!.. Ни котлетъ, ни бутербродовъ. Черти!.. А дѣрнуть вѣдь какъ за христіанскую ёду“.

Но еще яростнѣе начинаетъ онъ ругаться, когда узнаетъ, что англичанинъ, давшій, вѣроятно, съ вечера взятку кондуктору, занялъ наше купѣ, и теперь намъ волей неволей придется сѣсть въ общую карету.

— Позвольте! Да по какому праву? Я занялъ это купѣ на весь перѣездъ! — и Алексѣй Александровичъ волнуется, харахорится, считаетъ себя страшно оскорблѣннымъ, грозить поліціей кондуктору, который принимаетъ его брань и угрозы совершенно съ такимъ же хладнокровiemъ, съ какимъ онъ принимаетъ на свой kleenчатый плащъ дождь, падающій съ неба. И равнодушно твердя, что купѣ

занято съ вечера, онъ торопитъ пассажировъ, прося ихъ садиться по мѣстамъ.

— „Подлый народъ!.. И ни суда на нихъ, ни расправы!.. Будь это у насъ, я-бъ имъ подлецамъ показалъ... Я-бъ ему, каналѣ!.. Я-бъ ему, скотинѣ!.. Одинъ єдетъ, мерзавецъ, и занимаетъ два лучшихъ мѣста! И еще чужія мѣста. Чортъ знаетъ что!..“ Чтобы прекратить эти гнѣвныя изліянія, я спѣшу влѣзть въ карету, гдѣ сидитъ уже пожилая толстая француженка съ сыномъ, юношой лѣтъ девятнадцати. Юноша сейчасъ же уступаетъ маѣ мѣсто рядомъ съ матерью, а самъ садится противъ нея подлѣ Алеши, который сердито захлопываетъ дверцу, продолжая проклинать человѣческую подлость. Мы говоримъ между собой по-русски,— спутники наши на своемъ рatois. По рѣчи, по обличью, по платью они не господа, а люди. Услыхавъ, что Алексѣй Александровичъ ругаетъ черезъ окно кондуктора по-французски, толстуха обращается ко мнѣ съ вопросомъ:

— Вы испанцы?

— Нѣтъ, мы русскіе.

— Русскіе изъ Россіи?!

Мать и сынъ переглядываются, потомъ спѣшатъ любезно сообщить то немногое, что они знаютъ о Россіи.

— А мы изъ Арля, Вы знаете Арль?

— Еще-бы! Я отлично знаю его по романамъ Додэ. И я начинаю вратъ имъ наудачу, что помню изъ Набаба, изъ Нюма Руместанъ, изъ Тартарена и мелкихъ разсказовъ.

И мать и сынъ ожилаются, и языки ихъ развязываются. Я спрашиваю, знаютъ-ли они „тетушку Порталь“ Они припоминаютъ; сынъ положительно не знаетъ ее, но мать готова признать ее существующей и спрашиваетъ меня о ея ростѣ и наружности. Потомъ они начинаютъ спрашивать меня: „А вы знаете Бугарела?.. А Готье?.. А monsieur Жиля?.. Толстуха въ первый разъ въ жизни выѣхала изъ Арля. Они были по дѣламъ въ Италии, а теперь єдутъ въ Бернъ для свиданья съ родственникомъ, торговцемъ. Ихъ друзья въ Италии посовѣтовали имъ єхать этимъ путемъ, говоря, что здѣсь они увидятъ горы во всей ихъ красѣ. Ну ужъ и краса! Она въ жизни не видывала такого поганаго края.

— А вы то же по дѣламъ?

— Нѣтъ, мы изъ любопытства.

— Изъ любопытства! — Она пожала плечами и начала смѣяться. —

Путешествовать изъ любопытства по такимъ безобразнымъ мѣстамъ. Господи Іисусе! Да тутъ вся земля кверху ногами; и прежде, чѣмъ куданибудь доѣдешь, тутъ сто разъ себѣ шею сломишь. Знаете, я вчера какъ взглянула на эти пропасти, у меня просто сердце обмерло. Я закрыла глаза и говорю: „Альфонсъ, дитя мое, скажи мнѣ, когда

мы будемъ въ гостиницѣ. Раньше я не открою глазъ". У васъ, въ Россіи нѣтъ горъ?

— Есть: Кавказъ, Крымъ, Уралъ...

— Скажите! — Она съ соболѣзнованіемъ покачала головой.— Ну, а у насъ, могу сказать, ихъ вовсе нѣтъ. У насъ чудная равнина. Горъ никакихъ. Ищите сколько хотите. *Fouillez jusqu'aux Pyrénées. vous ne trouverez pas une montagne,* — заключила она съ паѳосомъ.

— Вотъ дура-то! Охота тебѣ съ ней разговаривать, — ворчть Алексѣй Александровичъ.

— Нѣтъ, ужъ если вы путешествуете изъ любопытства, вы должны пріѣхать къ намъ въ Арль. У насъ есть развалины. Къ намъ настоящіе путешественники ъѣдятъ. Много ъѣдить. Парижане, англичане.

И снова рѣчъ заходитъ обѣ Арлѣ, о *monsieur Жилѣ*, о Готье и Бугарелѣ.

Холодно. Хочется спать. Карета тихо укачиваетъ насть. Вчерашией дикой красоты нѣть и слѣдовъ. Скудная тощая растительность становится все рѣже и бѣднѣй: мохъ, голый камень, низенькія елочки; по ложбинамъ мелькаетъ уже снѣгъ. Пейзажъ становится все грустнѣй и угрюмѣй. Вотъ пахнуло сыростью, и мы вѣхали въ облако.

При видѣ окутавшаго насть тумана, француженка высовывается изъ окна.

— Смотрите, смотрите, — кричитъ она, — Господи Іисусе! Теперь мы собьемся съ пути, и это будетъ конецъ.

— Это облако, — говоритъ Алексѣй Александровичъ.

— Облако? облако?.. — Мать и сынъ съ недоумѣніемъ переглядываются, затѣмъ начинаютъ быстро лопотать на своемъ *patois*.

— Знаете что, — значительно говоритъ она, поднимая стекло со своей стороны, — я думаю, они въ Италии просто хотѣли подсмѣяться надъ нами, отправивъ насть сюда. Теперь остается молить Бога о томъ, чтобы намъ доѣхать живыми.

И недовольная горами, облаками и погодой, она садится поглубже въ уголокъ и, попросивъ и меня не смотрѣть въ окошко, такъ какъ у нея отъ этого кружится голова, — погружается въ дремоту.

Зѣваемъ, потягиваемъ, кутаемся въ плѣды и поднимаемся все выше и выше. Облака не скрываютъ уже отъ насть вершины, а носятся туманными клочьями у нашихъ ногъ, скользя по пройденному пути. Дорога вѣется вверхъ спиралью, и лежащее въ долинѣ Аироло кажется опускающимся все глубже и глубже, становится все меныше и меныше и наконецъ окончательно застилается облаками.

Мелкій частный дождикъ уныло барабанитъ по крышѣ кареты. Становится все холоднѣй и холоднѣй. Француженка дремлетъ, набожно сложивъ на колѣняхъ руки, юноша тоже клюетъ носомъ, и Алексѣй Александровичъ, съ застывшимъ на лицѣ выражениемъ досады, качаетъ

головой изъ стороны въ сторону. Поднялись мы выше лѣса стоячаго, выше облака ходячаго. Исчезли послѣднія елочки и мы въѣхали въ сплошной снѣгъ.

Снѣгъ, снѣгъ и снѣгъ. Тихо, грустно и холодно. Я поднимаю стекло и съ моей стороны. Впереди высится снѣжная кручи: надъ снѣжными кручами виситъ снѣжное небо. Насколько глазъ можетъ окинуть окружающее пространство, все кругомъ бѣло, бѣло!.. Спутники мои дремлють. И я опускаю голову на каретную подушку; усталые глаза смыкаются, а въ головѣ вертятся почему-то слова Пушкина: „Дельвигъ не любилъ поэзіи мистической. Онъ говоривалъ: чѣмъ ближе къ небу, тѣмъ холоднѣе“. И кутаясь въ плѣдъ, я машинально твердя про себя: „Чѣмъ ближе къ небу, тѣмъ холоднѣе“, я тоже засыпаю, убаюкиваемая колыханьемъ кареты. Просыпаемся отъ неожиданной остановки. Я выглядываю въ окно и вижу на снѣгу сѣрыя деревянныя санки грубой примитивной работы, впереди еще сани, много, много саней, люди и жилье.

— Что такое? — говоритъ Алексѣй Александровичъ, взглядывая на часы, — это не можетъ быть еще остановка.

— Стой стой, разбойникъ! — вопить француженка, колотя кулакомъ въ окно. — Господи Іисусе! куда онъ тащить мою корзину?.. Въ рукахъ другого разбойника видимъ наши чемоданы. Кондукторъ отворяетъ дверцу кареты и приглашаетъ насъ вылѣзать. Въ горахъ слишкомъ много снѣгу для того, чтобы продолжать переѣздъ въ каретахъ и надо пересаживаться въ санки.

— Ну, признаюсь! — говоритъ Алексѣй Александровичъ, соскачивая въ грязь и подбиравъ полы своего длиннаго балахона. — Наши легкіе лѣтніе костюмы предстаютъ намъ во всей своей безобразной неумѣстности.

Къ счастью, у Алеша въ ремни его пальто и пиджакъ, которые онъ позабылъ уложить. Онъ отдаетъ мнѣ пальто, которое я подносылаю дорожнымъ ремнемъ, а самъ надѣваю сверхъ балахона пиджакъ, что придается ему видъ бабы въ темной кофтѣ и свѣтлой юбкѣ. Затѣмъ накидываемъ на голову плѣды и садимся въ санки съ деревянной полостью. Англичанинъ въ калошахъ чуть не по колѣно, въ каучуковомъ плащѣ съ капюшономъ, придающимъ ему видъ водолаза, готоваго спуститься на дно моря, стоитъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня и смотритъ на шлепающихъ по грязи пассажировъ съ тѣмъ же выражениемъ, съ какимъ онъ любовался красотой ночи на Лаго Маджiore.

— Что взялъ, каналья? — говоритъ мой спутникъ, — небось то же помокнешь...

Караванъ трогается въ путь подъ дождемъ и снѣгомъ. Опустѣвшія и распряженныя кареты насыпливо смотрятъ намъ вслѣдъ.

— И подумать, что еще пять часовъ тащиться такимъ образомъ, — говоритъ Алексѣй Александровичъ, раскрывая надъ нашими головами свой огромный зонтикъ. — Дуракъ я, что затѣялъ эту поѣздку.

А я радуюсь тому, что мы пересѣли въ санки. Дышется легче; кругомъ такой просторъ. Спать уже не хочется. Проводникъ, высокій сутуловатый итальянецъ, идеть то рядомъ съ нами, то за нами, придерживая и подталкивая рукой наши санки, понукая лошадь, которая слушается его голоса, и мурлычетъ себѣ подъ носъ заунывную однобразную пѣсню, напоминающую вой вѣтра. Узкая снѣговая тропинка вѣтется спиралью по краю глубокаго обрыва; по другую сторону его, точно на встрѣчу намъ, но уже значительно выше насы, медленно выѣзжаютъ первыя санки поѣзда, и весь караванъ, приблизительно изъ сорока саней, ползетъ и лѣпится по краю обрыва, поднимаясь все выше и выше. Тишина подавляющая. Даже вѣтеръ не гудить. Снѣгъ беззвучно падаетъ съ бѣлаго неба и беззвучно ложится на бѣлымъ массамъ. Ёхать еще пять часовъ, но что такое часъ, что такое эти пять часовъ? Какъ-то не вяжется представлениѳ о мѣрахъ времени съ этимъ безконечнымъ моремъ снѣга, въ которомъ тонутъ и исчезаютъ всѣ знакомыя, привычныя представлени¤. Мы точно заѣхали въ другой міръ, не имѣющій ничего общаго съ извѣстной намъ жизнью на землѣ.

— И ты сидишь въ водѣ? — спрашиваетъ меня Алексѣй Александровичъ, ежась и морщась отъ попадающихъ єму въ лицо хлопьевъ снѣга.

— Всѣ въ водѣ, точно въ согрѣвающемъ компрессѣ.

— Воображаю, какъ ты прохланиашь меня за эту поѣздку.

— Напротивъ! Я въ восхищеніи!..

— Есть отъ чего! И онъ снова умолкаетъ.

Руки и ноги у менѣ окоченѣли. Но мнѣ весело и пріятно. Меня уже не клонитъ ко сну какъ въ каретѣ. Напротивъ, я чувствую радостное возбужденіе. Я пьяна отъ этого холода и снѣга, отъ вида этихъ безконечныхъ и величественныхъ снѣжныхъ массъ. Мнѣ хочется улыбаться, хочется, чтобъ меня не трогали, не мѣшали мнѣ ёхать и ёхать, куда-то, гдѣ будетъ еще холоднѣе, все ёхать безъ конца, не прерывали-бы тихаго звона, который поднимается у меня въ ушахъ, не прерывали-бы моего сладкаго забытья и дали-бы мнѣ замерзнуть... Но замерзнуть не удается. Мы достигаемъ вершины и останавливаемся для перепряжки и отдыха. Промокшіе до костей и иззябшіе, мы вѣзжаемъ подъ навѣсъ, гдѣ на мерзломъ навозѣ и мокрой соломѣ стоять уже раныше насть прѣхавшія санки. Проводники распрягаютъ мокрыхъ взъерошенныхъ лошадокъ, а пассажиры, толкаясь и скользя, поднимаются по грязнымъ обледенѣлымъ ступенямъ на верхъ въ теплую комнату, съ низкимъ потолкомъ, гдѣ суетится какая-то женщина, и паръ стоитъ надъ рядами горячихъ стакановъ чая. „Che rindo tempo“,

говорить нашъ проводникъ, и, взглянувъ на мои тонкіе башмаки изъ желтой кожи, превратившіеся Богъ знаетъ во что, молча поднимаетъ меня и на рукахъ вносить на лѣстницу. Здѣсь Алексѣй Александровичъ даетъ ему щедрый на чай и подноситъ стаканъ коньяку, который тотъ осушаетъ съ видимымъ удовольствіемъ. А я прохожу во вторую комнату, гдѣ въ большой печкѣ весело трещатъ дрова. Огромная косматая собака здѣшней породы лежитъ на полу, лѣниво грѣясь у печки; а въ сторонкѣ, за столикомъ, уже устроился сердитый англичанинъ, разставившій передъ собой цѣлую батарею фляжекъ, склянокъ и жестянокъ, изъ которыхъ онъ приготовляетъ себѣ всевозможныя смѣси для утоленія своего голода и жажды. Вода течетъ съ меня ручьями. Не стѣсняясь присутствіемъ англичанина, я стаскиваю съ себя все мокре верхнее платье и развѣшивая его для просушки. Шляпа моя въ ужасномъ видѣ; сизая птица растрепалась, расклейлась и потеряла голову; а съ фуляровой косыночки, моднаго цвета, текутъ зеленые лужи. Стаскиваю съ трудомъ мокрый шведскія перчатки и бросаю ихъ въ печку; потомъ бросаю туда-же шляпу. Солома шипитъ и трещитъ, и собака, поднявъ голову смотрить то въ огонь, то на меня своими умными полузакрытыми глазами. Я подсаживаюсь къ ней и грѣю руки въ ея косматой шерсти, теплой отъ печки. Алексѣй Александровичъ приносить мнѣ стаканъ бульона и рюмку вина.

— А эта скотина и не предложитъ тебѣ своего табурета? — говоритъ онъ, завидя своего врага.

— Къ чему? Мнѣ здѣсь гораздо лучше.

И пока Алеша закусываетъ въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ всѣ усердно принадегли на коньякъ и водку, — я сижу у печки и, лаская собаку, положившую голову ко мнѣ на колѣни, смотрю на волнующееся, лижущее дрова пламя, на краснѣющіе и разсыпающіеся угли и думаю о томъ, какъ хорошо поѣсть голодному, согрѣться холодному, войти подъ кровъ безпріютному. Вспоминаю видѣнныя мною въ Петербургѣ сырые, холодные углы и подвалы, въ которыхъ тѣснятся, зябнутъ, болѣютъ и голодаютъ люди, вспоминаю и видѣнныя мною въ Петербургѣ квартиры, въ которыхъ ежедневно натапливаются до извѣстнаго градуса пустыя, проходныя, никому не нужныя комнаты. Я гладжу по головѣ собаку, которая отыскиваетъ и спасаетъ заблудившихся и погибающихъ въ снѣгу путниковъ и думаю: еслибъ она знала, какъ мы живемъ?.. Еслибъ она увидѣла, какъ мы живемъ, она вѣроятно взяла бы бѣдняка въ зубы и принесла его въ квартиру богатаго. И я гладжу ее по головѣ, а она кладетъ мнѣ свою огромную лапу на плечо, поглядывая на меня своими умными, благородными глазами.

Только что успѣли нѣсколько отогрѣться, очнуться и подкрѣпиться, какъ насъ уже приглашаютъ снова въ путь. Ни свистковъ, ни звонковъ, приглашаютъ добрымъ словомъ. Я прощаюсь съ соба-

кой, которая провожаетъ меня до лѣстницы, прощаюсь съ проводникомъ, который очень доволенъ щедрой подачкой и желаетъ намъ всего хорошаго и хорошей погоды, и сажусь въ санки. Новый проводникъ нашъ совсѣмъ мальчишка и почему-то не внушаетъ Алешѣ довѣрія.

Небо посвѣтлѣло, небо побѣлѣло; снѣгъ пересталъ падать и хотя солнце еще не показывается, но есть надежда на то, что погода разгуляется.

Трудности пути, которыхъ мы миновали, остановка, ъда, отдыхъ въ теплой комнатѣ и надежда на лучшую погоду,— все это приводитъ насъ въ лучшее расположение духа. Мы весело болтаемъ и даже дѣлаемъ планы восхожденія на Монбланъ. Теперь, конечно, не до того, потому что надо къ Марьянѣ и Катѣ; но потомъ, позже, можетъ быть съ ними, непремѣнно, непремѣнно на Монбланъ. Проводникъ пытается вступить съ нами въ разговоръ, но встрѣчая со стороны Алексѣя Александровича холодное невниманіе, умолкаетъ и присаживается бокомъ на облучокъ.

— Но до чего у нихъ пріучены лошади,— говоритъ Алексѣй Александровичъ,— слушаются голоса...

— Привыкли. Ко всему привыкаешь. мнѣ, напримѣръ, сначала дѣжалось немножко жутко, когда санки сползали на край обрыва. А теперь я знаю, что онъ удержитъ ихъ рукой. Посмотри, напримѣръ, какъ теперь мы близко къ краю. Кажется еще секунда...

Я не договорила, потому что уже летѣла куда-то внизъ головой. отдѣлившись отъ саней, которыхъ тоже летѣли вмѣстѣ съ лошадью и двумя сѣдоками. Падая, я успѣла только подумать, что все это раздавитъ меня, затѣмъ я потеряла сознаніе. А когда я очнулась, я лежала на снѣгу, окруженнная группой склонившихся надо мной людей. Англичанинъ терпѣлъ виски и давалъ нюхать какой-то спиртъ, оберъ-кондукторъ поднималъ меня за руку, а Алексѣй Александровичъ, съ блѣднымъ растеряннымъ лицомъ, потирая свою ушибленную руку, спрашивалъ меня: „Ну, какъ ты себя чувствуешь“? Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня лежала лошадь и опрокинутыя санки, около которыхъ возилось нѣсколько проводниковъ, а высоко надъ нами, высоко, какъ на стѣнѣ, стояли остановившіяся санки каравана, и пассажиры вытягивали шеи, съ любопытствомъ поглядывая на насъ. Медлить было некогда. Къ назначенному часу надо было быть въ Андерматѣ, бѣ парадоу — въ Флюзеленѣ. Оберъ-кондукторъ гнѣвно разносилъ нашего бѣднаго возницу, который стоялъ передъ нимъ, понуривъ угрюмое виноватое лицо. Затѣмъ, увязая по колѣно въ снѣгу, мы стали искать путей, чтобы снова выбраться наверхъ.

И когда это удалось, сѣли въ санки и поѣхали дальше.

— Ну поѣзда! — ворчалъ Алексѣй Александровичъ, закусывая

губы от боли въ рукѣ,— ну поѣздка!.. Воображаю, какъ ты меня проклинаешь.— А вѣдь я съ самаго начала такъ и сказалъ, что этотъ мальчишка никуда не годится. Всѣ идутъ за санями, а онъ, на-те-ка, на облучокъ усѣлся. Ни гроша на чай не получить, бестія!.. Вѣдь никто другой не ушалъ однако...

Вѣдемъ, все спускаясь, и наконецъ снова пересаживаемся въ почтовыя кареты. Француженка встрѣчаетъ насъ восхищеніями соболѣзнованія, но не можетъ удержаться, чтобы и не подсмѣяться надъ нами.

— *Ca vous apprendra à voyager par curiosité*, — говорить она.— Господи Гисусе! А я вѣдь и не видѣла какъ вы упали. Санки остановились; господинъ, что со мной ѿхалъ, говоритъ: „Ахъ! они упали“!.. А я думаю: ну, теперь мы всѣ начнемъ падать. Это будетъ конецъ. Я и закрыла глаза, и ничего уже не видѣла. А ужъ какъ садиться въ карету, Альфонсъ говоритъ мнѣ: вѣдь это *они* упали. Я думаю: вотъ тебѣ и путешествіе изъ любопытства“!

Пока она болтала, добрый юноша, видя, что я стучу зубами и дрожу въ лихорадкѣ, размоталъ со своей шеи длинный красный шарфъ и устроилъ мнѣ изъ него муфту, потомъ снялъ съ себя куртку и закрылъ ею мнѣ ноги. А толстуха стала приставать къ Алешѣ, предлагая растирать ему ушибленную руку.

Я ѿхала, закрывъ глаза, ошеломленная, испуганная и усталая. Голова страшно болѣла; мысли кружились вихремъ въ головѣ, тѣснились образы, воспоминанія. Миланскій соборъ, Леонардо да Винчи, Кавуръ и Гарибалди, Николай Федоровичъ и Марьяна, глухой тѣнистый паркъ въ Шамбери, все это неотвязно путалось и смѣшивалось въ головѣ. Я сочиняла какіе-то стихи объ Альпахъ, сравнивала въ этихъ стихахъ жизнь съ переходомъ черезъ горы. Я вспоминала дни, въ которые я стояла на порогѣ жизни и довѣрчивыми восхищенными глазами смотрѣла на Божій міръ. Какъ темный туннель промелькнули однообразные учебные годы, и жизнь развернулась передо мной волшебной панорамой и предстала мнѣ въ тѣхъ-же чистыхъ голубыхъ тонахъ, какъ и окаймляющія Женевское озеро Альпы... И сравненіе шло дальше, я рассказывала, какъ я жила, какъ страдала, какъ я отыскивала пути и тропинки, стремясь къ свѣтлой вершинѣ; многія свѣтлая иллюзіи разсѣялись, какъ облака, и оказывались вблизи непріятнымъ сырьемъ туманомъ; и когда я достигла вершины, передо мной была пустыня, холодная, мертвая, безмолвная пустыня. Горы не приводили къ небу; и съ холodomъ и усталостью въ душѣ, я стала спускаться по обратному склону, на которомъ не было уже ничего новаго, ничего загадочнаго и неизвѣданнаго, спускалась не за разгадкой, за отдыхомъ... Все это было очень глупо и напыщенно, но легко слагалось въ риомованныя строчки и сокращало мнѣ дорогу. Потомъ, бросивъ неоконченное стихотвореніе, я

стала мечтать о томъ, какъ я пріѣду въ Люцернъ къ Катѣ и Марьянѣ и заболѣю. У меня сдѣлается жарь, бредъ, тифъ; пріѣдетъ Николай Федоровичъ, и я умру на его глазахъ. Скажу имъ всѣмъ что-нибудь необыкновенно хорошее, необыкновенно глубокое и трогательное; ему будетъ жалко меня, жалко, что мы не видѣлись эти два года... Онъ пойметъ, какъ-бы я могла любить его и пожалѣть о томъ, что я умираю; но уже будетъ поздно! Я прощусь съ нимъ и умру... Голова страшно болитъ, но эти мечты о смерти такъ интересны, такъ трогательны и красивы, что мнѣ хочется, чтобы мы какъ можно скорѣй пріѣхали въ Люцернъ, гдѣ все это случится.

Спускаемся въ Андерматъ и останавливаемся въ гостиницѣ, гдѣ можно позавтракать или пообѣдать. Солнце поднялось уже довольно высоко и свѣтить и грѣеть. Наконецъ-то мы вернулись къ мирнымъ долинамъ, горнымъ потокамъ и зеленымъ рощамъ. На дворѣ гостиницы клохчутъ куры, бѣгаютъ собаки и кричатъ пѣтухи. И въ этомъ переходѣ отъ мертвой снѣжной пустыни къ жизни природы столько радостнаго.—Хоть и не безъ хлопотъ и затрудненій, намъ удается все-таки добыть наши чемоданы и переодѣться въ сухое и чистое бѣлье и платье. Я надѣваю черное кашмировое платье, новую парижскую кофточку цвѣта соchier и бѣлую соломенную шляпу съ бѣлымъ страусовымъ перомъ, слишкомъ парадную для путешествія, но другой у меня нѣтъ. Изъ монахини или ницѣй мгновенно превращаюсь въ парандную барышню, и, взглянувъ на себя мелькомъ въ зеркало, нахожу себя очень привлекательной. Глаза блестятъ и щеки горятъ лихорадочнымъ румянцемъ. Переодѣвшись, выхожу въ столовую, гдѣ всѣ и знакомые и незнакомые пассажиры съ участіемъ разспрашиваются о томъ, болитъ-ли еще у меня голова, какъ я себя чувствую? Оказывается, что человѣкъ перекувырнувшійся или полетѣвшій съ высоты на глазахъ своихъ ближнихъ, становится для нихъ интереснѣе. Мнѣ очень весело и смѣшино чувствовать себя предметомъ ихъ вниманія. Подсаживаемся съ Алексѣемъ Александровичемъ къ одному изъ столиковъ, закусываемъ и выпиваемъ очень много вина, отъ которого я совсѣмъ не пьяна, а напротивъ, оживая и подбодряясь. Прибываютъ новые пассажиры. Прежнѣ всѣ теперь перезнакомились между собой, не взирая на различіе націй и языковъ. Сердитый англичанинъ оказывается преинтереснымъ собесѣдникомъ и путешественникомъ, объѣхавшимъ и Америку и Австралію, потерпѣвшимъ крушеніе, скитавшимся въ теченіе сорока дней, съ семью уцѣлѣвшими отъ крушенія товарищами, на необитаемомъ островѣ, гдѣ онъ чуть не погибъ отъ жажды... Я заслушиваюсь его рассказовъ и въ каретѣ сообщаю ихъ Алексѣю Александровичу, который говоритъ: „Врѣть онъ все тебѣ“!...

Ѣдемъ дальше и спускаемся все ниже и ниже. И всѣ четверо

мы радуемся, снова услыхавъ шумъ лѣсовъ и ревъ потоковъ. Снова чудныя неистощимо-разнообразныя картины развертываются передъ нашими глазами. Виды тѣ-же, что были на томъ склонѣ, но освѣщеніе другое. Тамъ былъ тусклый лунный вечеръ, здѣсь ясное солнечное утро. И въ лучахъ солнца красота горъ еще живѣе и совершиеннѣе, цвѣта ярче.

Мы несемся подъ гору. Я уже не мечтаю о смерти. Зачѣмъ умирать? Жизнь такъ чудно хороша! Въ яркой синевѣ неба парятъ орлы. Дикая козочка стоитъ, застывъ въ недвижной позѣ, на вершинѣ остраго утеса; другая карабкается тонкими цѣпкими ножками по отвѣсному голому камню. Чудныя животныя! Какъ я люблю оленей, ланей, сернѣ и козъ, этихъ робкихъ, чуткихъ, свободныхъ и мирныхъ, красивыхъ животныхъ. Я хотѣла бы жить отшельницей гдѣ-нибудь здѣсь въ горахъ, въ маленькой хижинѣ, недалеко отъ дубовой рощи и горнаго потока, жить здѣсь въ тишинѣ и въ полномъ уединеніи, въ дружбѣ съ орлами и ланями.

Юноша тоже не сводитъ глазъ съ горъ и на его добродушномъ наивномъ лицѣ написано искреннее восхищеніе красотой Божьяго мира. Изрѣдка онъ улыбается или говоритъ, показывая пальцемъ: „Посмотрите, тамъ коза!“ Или: „А это не человѣкъ-ли?“

Матушка его тоже примирилась съ горами, уже не закрываетъ глазъ и даже восклицаетъ отъ времени до времени: „Чортъ побери! Да это просто красиво!..“

Алексѣй Александровичъ, выпившій чуть не двѣ бутылки коньяку, становится все веселѣй и болтливѣй, занимая разсказами толстую француженку, растирающую его большую руку. Она относится къ намъ съ большимъ почтеніемъ съ той минуты, какъ мы переодѣлись, и съ любопытствомъ разспрашиваетъ Алешу о Парижѣ, котораго она не видала.

Вотъ и конецъ горамъ. Вотъ и Альторфъ съ памятникомъ Вильгельма Телля. Алексѣй Александровичъ наспистываетъ мотивы увертыры Россини. А на горѣ мирно позваниваетъ колоколами стадо пасущихся пестрыхъ коровъ. Потомъ Алеша начинаетъ разсказывать толстухѣ въ комическомъ тонѣ содержаніе оперы, и француженка слушаетъ его, разинувъ ротъ и вытаращивъ глаза. Услыхавъ о выстрѣлѣ въ яблоко, положенное на голову сына, она приходитъ въ негодованіе и, пожимая плечами, восклицаетъ: „Никогда бы я этого не допустила!.. Вѣдь несчастный мальчикъ могъ окривѣть!..“

А вотъ и Флюзленъ и тихое Фирвальштедтское озеро съ его красивыми задумчивыми берегами.

Мы окончательно и не безъ удовольствія разстаемся съ почтовыми каретами и переходимъ на пароходъ. Послѣ всѣхъ бѣдствій и

приключеній сегодняшняго утра ъзда на пароходѣ кажется особенно спокойной и пріятной.

Алексѣй Александровичъ становится все довольнѣй и радостнѣй. „Да,“ говоритъ онъ, лѣниво наводя бинокль на берегъ, „вотъ какъ потреплешься, да постранствуешь по разнымъ дебрямъ, такъ и оѣнишь какъ слѣдуетъ всю прелестъ культурной комфорtabельной обстановки. То ли дѣло выспаться на мягкой кровати, взять теплую ванну, отдохнуть на мягкому диванѣ, угостить себя хорошимъ тонкимъ обѣдомъ съ добрымъ старымъ виномъ; потомъ хорошая сигара, хорошая газета... Вотъ что придаетъ цѣну жизни.“

Я молчу, но, конечно, не соглашаюсь. Какой вздоръ! Не на мягкихъ диванахъ отдыхаетъ душа. Я чувствую себя прекрасно, совершенно ожила и отдохнула и если бы не Марьяна, я бы хоть сейчасъ готова на Монбланъ.

Пароходъ свиститъ, пароходъ дымитъ, и мы несемся по чудному озеру, любуясь его берегами. Проѣзжаемъ Фиднау, проѣзжаемъ Веггисъ и вотъ передъ нами открывается Рига и Пилатусъ. Сейчасъ мы будемъ дома съ Катей и Марьяной. Видѣнъ уже Люцернъ, конецъ и цѣль нашей поѣздки.

Багряные облака стелются надъ темно-лиловыми вершинами, солнце садится за горы. А пароходъ нашъ причаливаетъ къ пристани, и мы прощаемся съ англичаниномъ, прощаемся съ нашей француженкой, которая цѣлуетъ и обнимаетъ меня, съ ея сыномъ, который тоже желаетъ намъ всего, всего хорошаго и долго еще оглядывается на насъ и киваетъ намъ, когда мы уже сидимъ въ каретѣ. Ъдемъ въ скромный Beaurivage, избранный Катей для своей резиденціи, и спрашиваемъ о ней кельнера. Онъ называетъ намъ номеръ и прибавляетъ, что madame дома и ждетъ насъ... И madame, и mademoiselle и monsieur.

— Какой monsieur?

— Monsieur... Отецъ mademoiselle... Онъ прїехалъ сегодня и тоже взялъ себѣ номеръ.

Я чуть не роняю свой букетъ изъ рукъ.

— Николинка?.. Скажите, какая неожиданность!.. Ну, что-жъ, это прекрасно, прекрасно!

И мы торопливо поднимаемся по лѣстницѣ. Мимоходомъ я взгляду на себя въ зеркало. Ничего. Все благополучно. Только не надо такъ волноваться. Ни сіять, ни волноваться! Боже мой, Боже мой! Такъ яѣть на свѣтѣ ничего невозможнаго. Сонъ въ руку, сонъ въ руку! Нѣть, куда дѣйствительность лучше, чѣмъ всякия мечты. Прїехалъ, прїехалъ... Это судьба! Боже, какая радость! Только не сіять и не волноваться!..

Марьяна и Катя выбѣгаютъ въ коридоръ намъ навстрѣчу, а за

ними выходить и онъ, и мы начинаемъ здороваться, обниматься и цѣловаться тутъ же, почти на лѣстницѣ, не обращая вниманія на разглядывающихъ насъ лакеевъ и горничныхъ и проходящихъ иностранцевъ.

Катя говорить, что онъ уже второй вечеръ поджидаютъ насъ и смотрѣли изъ окна, когда подѣхала карета, но не узнали насъ и спорили, потому что Катю сбила съ толку моя шляпа. „Что это ты въ такомъ парадѣ путешествуешь?“ — „Да ту я въ печку бросила.“ — „Ну?!“ — „Постой, душа моя, мы тебѣ еще поразкажемъ... Нѣть, но Николинька-то, Николинька!.. Какъ это ты надумался?“ — „Да вотъ пріѣхаль въ Montreux, а затѣмъ сюда, слѣдомъ за моей бѣглankой...“ — „Хорошо, хорошо!.. Очень это удачно. Ну, идемте же въ комнаты.“

Мы входимъ въ свѣтлую просторную комнату съ двумя окнами на озеро, и здѣсь продолжаются безсвязныя восклицанія и разсказы. Алексѣй Александровичъ убѣжденъ, что теперь всѣмъ интереснѣе всего разсказы о нашей поѣздкѣ, о нашемъ паденіи, но Катя и Марьяна не даютъ ему говорить, перебивая его и разсказывая о своихъ прогулкахъ, о лицахъ, которыхъ онъ встрѣчаютъ за табль-д'отомъ. Николай Федоровичъ молчитъ, и я украдкой разглядываю его, стараясь не сіять и не волноваться. Онъ не постарѣлъ и не перемѣнился. Онъ совсѣмъ, совсѣмъ тотъ-же. И послѣднихъ двухъ лѣтъ какъ не бывало. мнѣ кажется, что вчера онъ уѣхалъ изъ деревни, а сегодня пріѣхалъ сюда. О томъ, что онъ не пріѣхалъ въ деревню, когда я такъ его ждала, я уже не помню. Развѣ это было? Нѣть! Было только хорошее. мнѣ кажется, что уже и то, что онъ тогда пріѣхалъ въ Божидаровку было съ его стороны необыкновенно добрымъ и благороднымъ поступкомъ: но то, что онъ теперь пріѣхаль сюда, — это уже такой высокій, такой возвышенный поступокъ, за который нельзя достаточно полюбить его... И онъ растеть и растеть въ моихъ глазахъ, такъ что я даже боюсь взглянуть на него, чтобы не выдать умиленія, восхищенія и нѣжности, которая переполняютъ миѣ сердце. Алексѣй Александровичъ распоряжается насчетъ прибавленія еще одной комнаты, (для меня съ Марьяной) и заказываетъ двѣ теплыхъ ванны...

Я рада уйти въ ванну, чтобъ немножко успокоиться, собраться съ мыслями, вздохнуть отъ всей души, улыбнуться, закрыть лицо руками и сказать: „Боже мой! Боже мой!..“

Умывшись и прихорошившись, мы возвращаемся въ комнату Кати. Лакей вносить туда подносы съ чаемъ, хлѣбомъ, медомъ, масломъ, молокомъ и закусками.

— Закрыть, можетъ быть окна? — говоритъ Катя, приступая къ разливанію чая.

— Нѣть, зачѣмъ? Такой чудный теплый вечеръ.

Николай Федоровичъ сидитъ на подоконникеъ, обнявъ одной рукой тоненькую Марьяну, которая, стоя у окна, разбираетъ привезенные мной розы, подрѣзаетъ ихъ корешки, обрѣзаетъ увядшіе и помятые листья и ставить цветы въ двѣ приготовленныя вазочки со свѣжей водой.

Заря догораетъ и гаснетъ. По озеру тихо скользятъ лодочки. Послѣдній черный пароходъ съ шипѣнемъ уносится вдали; и долго еще ярко свѣтятся въ темнотѣ его красные и зеленые фонари. Риги и Пилатусъ тихо дремлютъ другъ противъ друга, какъ два великаны. А на бульварѣ, передъ Насьоналемъ, еще играетъ музыка и до насъ отчетливо доносятся беззаботно-радостные звуки испанскаго вальса Оливье Метра.

— Идите-ка къ намъ сюда, — говоритъ Марьяна, оглядываясь на меня съ улыбкой.

Я робко подхожу къ нимъ и сажусь подлѣ Марьяны, не смѣя взглянуть ни на него, ни на небо, ни на озеро. Чтобы дѣвать куданибудь глаза, я принимаюсь помогать Марьянѣ разбирать и подрѣзать розы, которые колютъ мнѣ пальцы.

А Алеша, утолившій свой аппетитъ поданными закусками, цѣлуетъ руку Кати, поставившей передъ нимъ стаканъ чаю, и блаженно разваливаясь на мягкому диванѣ, вынимаетъ портсигаръ, говоря: „Да, вотъ какъ потреплешься, да постранствуешь по разнымъ дебрямъ...“

В. Микуличъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ИЗЪ ДНЕВНИКА АМЕЛЯ.

Переводъ съ французскаго гр. М. Толстой, подъ редакціей гр. Льва Толстого.

1 апрѣля 1870 г. Минѣ кажется, что для женщины любовь есть высшій авторитетъ, судящій обо всемъ и решающій вопросы добра и зла. Для мужчины любовь подвластна добру; она — великая страсть, но не есть источникъ порядка, синонимъ разума, безусловный критерій превосходства. Кажется, что для женщины идеаломъ служитъ совершенство любви, какъ для мужчины — совершенство справедливости. Въ этомъ смыслѣ и могъ сказать апостолъ Павель, что женщина слава мужчины, а мужчина слава Божія. Поэтому женщина, вся поглощенная предметомъ своей нѣжности, находится, такъ сказать, на природномъ пути; она вполнѣ женщина и осуществляетъ свой основной образъ. Напротивъ, мужчина, который ограничилъ-бы свою жизнь въ супружескомъ обожаніи и который считалъ-бы, что пожилъ достаточно, сдѣлавшись жрецомъ любимой женщины — былъ-бы полу-мужчиной; его презираетъ свѣтъ, а, втайнѣ, можетъ быть и сами женщины.

Истинно любящая женщина хочетъ потеряться въ сіяніи любимаго человѣка; она хочетъ, чтобы любовь ея сдѣлала мужчину болѣе великимъ, болѣе сильнымъ, болѣе мужественнымъ, болѣе дѣятельнымъ. Поэтому каждый полъ исполняетъ свое назначеніе: женщина какъ-бы предназначена мужчинѣ, а мужчина — обществу. Она отдается одному, онъ — всѣмъ. И каждый изъ нихъ только тогда находится спокойствіе и счастье, когда познаетъ этотъ законъ и послѣдуетъ ему.

26 октября 1870 г. Общественная жизнь опирается на сознаніе, а не на науку. Цивилизациія, прежде всего, дѣло нравственное. Если нѣть честности, нѣть уваженія къ праву, нѣть уваженія къ обязанностямъ, нѣть любви къ ближнему, словомъ, если нѣть добродѣтели — все находится въ опасности, все рушится; и ни науки, ни искусства, ни роскошь, ни промышленность, ни риторика, ни полиція, ни таможня не въ состояніи задержать висящее на воздухѣ зданіе, не имѣющее основанія.

Государство, основанное только на расчетѣ и скрѣпленное страхомъ, представляетъ сооруженіе и гнусное и непрочное. Средняя нравственность массъ и достаточное проявленіе добродѣтели есть фундаментъ всякой цивилизациі, краеугольнымъ камнемъ его служить долгъ. Тѣ, которые, въ тиши исполняютъ его, подавая этимъ добрый примѣръ, являются такимъ образомъ спасеніемъ и поддержкою того блестящаго свѣта, который и не знаетъ о нихъ. Десять праведниковъ могли спасти Содомъ, но нужны тысячи и тысячи добрыхъ людей, чтобы предохранить народъ отъ развращенія и погибели.

Если нравственность народа страдаетъ отъ невѣжества и страстей, то, съ другой стороны, нужно сознаться, что нравственный индиферентизмъ есть болѣзнь людей высококультурныхъ. Этотъ-то разладъ между просвѣщеніемъ и добродѣтелью, между мыслью и совѣстью, между умственной аристократіей и честной и грубой толпой, представляетъ наибольшую опасность для свободы. Увеличеніе числа эстетиковъ, сатириковъ, скептиковъ, блестящихъ говоруновъ, указываетъ на химическое разложеніе общества. Примѣръ: вѣкъ Августа и Людовика XV. Пресыщенные насмѣшики — это эгоисты, которые освобождаютъ себя отъ общихъ обязанностей и которые, освободивъ себя отъ всякаго усилія, не противодѣйствуютъ никакому бѣдствію. Утонченность ихъ состоитъ въ отсутствіи сердца. Это удаляетъ ихъ отъ истинной человѣчности, приближая ихъ къ природѣ демонической. Чего недоставало Мефистофелю? Не ума, конечно, а доброты.

16 ноября 1870 г. Глядя въ глубину бездны, испытываешь что-то захватывающее, ошеломляющее и неизъяснимое, а каждая душа есть также бездна, тайна любви и состраданія. Проникая въ глубину этого святилища, слыши сладкій шопотъ молитвъ, жалобъ, гимновъ, исходящихъ изъ глубины сердца — я всякий разъ испытываю чувство священного трепета: съ нѣжнымъ умиленіемъ и съ религіозной сдержанностью присутствую я при этихъ невольныхъ признаніяхъ. Это мнѣ кажется чудеснымъ, какъ поэзія и божественнымъ, какъ всякое рожденіе. Я смолкаю, преклоняюсь и обожаю. Если не могу — то утѣшаю и подкрѣпляю.

4 февраля 1871 г. Вѣчное напряженіе характеризуетъ новѣйшую нравственность. Это болѣзненное стремленіе замѣнило собою гармонію, равновѣсіе, радость, т. е. бытіе. Мы всѣ представляемъ изъ себя фавновъ, сатировъ, симновъ, стремящихся стать ангелами, уродовъ, старающихся себя прикрасить, неуклюжихъ кризалидъ (*chrysalides*), съ трудомъ производящихъ каждая свою бабочку. Идеаль — уже не ясная красота души, а ужасъ Лаокоона, отбивающагося отъ гидры зла. Жребій брошенъ. Нѣть больше людей совершенныхъ и счастливыхъ, есть только кандидаты на небо — каторжники на землѣ.

22 февраля 1871 г. Вечеръ у М***. Человѣкъ тридцать са-
мого лучшаго общества; счастливое распределеніе половъ и возрастовъ.
Сѣдыя головы, молодежь, умныя лица... Все въ роскошной и блестящей
обстановкѣ. Въ свѣтѣ надо дѣлать видъ, что будто живешь амврозией
и не имѣшь никакихъ заботъ, кромѣ благородныхъ: забота, нужда,
 страсть — не существуютъ. Всякая реальность устранина, какъ нѣчто
 слишкомъ грубое.

Однимъ словомъ, то, что называется большимъ свѣтомъ, живеть
мгновенною и лъстящею иллюзией, что оно находится въ эфирномъ со-
стояніи и дышеть миѳологическою жизнью. А потому всякая страст-
ность, всякий крикъ природы, всякое истинное страданіе, всякая не-
обдуманная фамильярность, всякий признакъ истинной страсти пора-
жаютъ и дѣлаютъ диссонансъ въ этой утонченной средѣ и мгновенно
уничтожаютъ совокупное произведеніе этого дворца изъ облаковъ, эту
волшебную, воздвигнутую съ общаго согласія, архитектуру.

29 июля 1871 г. Жизнь состоитъ въ непрерывномъ обновленіи.
Въ этомъ искусствѣ Гёте, Шлейермахеръ, Гумбольдтъ были великими
мастерами. Чтобы сохранить въ себѣ жизнь, необходимо постоянно
молодѣть помошью внутреннаго обновленія и платонической любви.
Душа должна безпрерывно совершенствоваться, испытывать себя во
всѣхъ своихъ состояніяхъ, звучать всѣми фибрами, создавать самой
себѣ новые интересы...

Письма и эпиграммы Гёте, которыя я читалъ сегодня, не воз-
буждаютъ любви къ нему. Почему? потому что въ немъ мало души.
Его пониманіе любви, религіи, долга, патріотизма имѣть что-то ме-
лочное и отталкивающее. Ему не достаетъ горячности, великодушія.

Скрытая сухость, плохо скрываемый эгоизмъ проглядываютъ сквозь
этотъ богатый и гибкій талантъ.

Правда, что этотъ Гётевскій эгоизмъ имѣть, по крайней мѣрѣ,
то преимущество, что онъ уважаетъ свободу каждого и привѣтствуетъ
всякую оригинальность, но онъ не помогаетъ никому въ ущербъ себѣ,
онъ ни за кого не мучится, не отягчаетъ себя чужими бременемъ,
словомъ, въ немъ нѣтъ состраданія, этой великой христіанской добро-
дѣтели. Совершенство для Гёте состоитъ въ личномъ благородствѣ,
а не въ любви. Его центръ — эстетика, а не нравственность. Ему
непонятна святость, и онъ никогда не далъ себѣ труда подумать надъ
страшной загадкой зла.

Онъ спинозистъ до мозга костей. Онъ вѣритъ въ личную удачу,
но не въ свободу и въ отвѣтственность.

Это грекъ (лучшаго хорошаго) времени, котораго не коснулся

внутренній переломъ религіознаго сознанія. Такимъ образомъ онъ изображаетъ состояніе души, предшествующее или послѣдующее христианству, то, что осторожные критики нашего времени называютъ современнымъ духомъ; и современнымъ духомъ, разсматриваемымъ только въ одномъ своемъ направленіи, именно въ культѣ природы, такъ какъ Гёте всегда чуждъ соціальныхъ и политическихъ стремленій толпы и нисколько не интересуется обездоленными, слабыми, угнетенными, такъ-же, какъ и не интересуется ими и сама природа. Недомоганіе нашего времени не существуетъ для Гёте и для его школы. И это понятно: диссонансы не существуютъ для глухихъ. Тотъ, кто не слышитъ голоса совѣсти, голоса сожалѣнія и раскаянія, не можетъ понять волненія тѣхъ, которые признаютъ двухъ властителей, два закона, и которые принадлежать двумъ мірамъ: миру природы и миру свободы.

15-го августа 1871 г. Прочитана 2-ой разъ „Жизнь Иисуса“ Ренана, 16-тое популярное изданіе. Характерно въ этомъ анализѣ христианства то, что грѣху не отведено въ немъ роли. А между тѣмъ, если что объясняетъ успѣхъ Благой Вѣсти среди людей, то это то, что она принесла имъ освобожденіе отъ грѣха, т. е. спасеніе. Слѣдовало-бы, однако, религіозно истолковывать религію, а не скрывать центра своего предмета. „Этотъ бѣло-мраморный христосъ“ не тотъ, который давалъ силу мученикамъ и осушалъ столько слезъ. Авторъ лишенъ нравственной серьезности и смѣшиваетъ благородство со святыми.

Онъ говоритъ какъ чуткій артистъ о трогательномъ предметѣ, но совѣсть его какъ будто не принимаетъ участія въ вопросѣ.

Какъ смѣшивать эпикуреизмъ воображенія, наслаждающагося эстетическимъ зрѣлищемъ, съ муками души, страстью ищущей истину?

Въ Ренанѣ есть остатокъ семинарской хитрости; онъ давить священными веревками. Пускай-бы онъ обращался съ своей слашавой презрительностью къ болѣе или менѣе хитрящему духовенству, но къ искреннимъ душамъ слѣдовало-бы обращаться съ искренностью болѣе уважительной. Издѣвайтесь надъ фарисействомъ, но говорите прямо съ людьми честными.

29 декабря 1871 г. Читаль Банзена: критика его эволюціонизма Гегеля-Гартмана во имя принциповъ Шопенгауера. Что за писатель! Онъ, бѣснуясь, производить море чернилъ, которое скрываетъ во мракѣ его мысль, и что за ученье! Отчаянный пессимизмъ, находящій міръ безумнымъ, „положительно идіотичнымъ“. Онъ упрекаетъ Гартмана въ томъ, что онъ допустилъ хоть немного логичности въ эволюції міра, тогда какъ эволюція эта существенно противорѣчива, и малая частичка разума находится только въ головѣ разсуждающаго.

Изо всѣхъ возможныхъ міровъ тотъ, который существуетъ самый дурной. Единственное его оправданіе то, что онъ самъ собою стремится къ разрушенню. Надежда философа только въ томъ, что разумныя существа сократятъ агонію этого міра и ускорятъ возвращеніе всего въ ничто. Это сатанинская, отчаянная философія, которая не даетъ даже тѣхъ перспективъ самоотреченія, которыхъ даетъ буддизмъ разочарованной душѣ. Личность можетъ только протестовать и проклинать. Этотъ бѣшеный Сиваизмъ вытекаетъ изъ представлениія о томъ, что міръ произошелъ отъ слѣпой воли и что она составляетъ начало всего.

Эволюціонизмъ, фатализмъ, пессимизмъ, нигилизмъ: и не странно ли видѣть расцвѣтъ этого ужаснаго и отчаяннаго ученія въ то самое время, когда нѣмецкій народъ празднууетъ свое величие и свои побѣды? Контрастъ такъ поразителенъ, что заставляетъ задуматься. Это—оргія философской мысли, отождествляющей заблужденіе съ самимъ существованіемъ и развивающей прудоновскую аксіому: „Богъ есть— зло“, приведеть толцу къ христіанству, которое не есть ни оптимизмъ, ни пессимизмъ, но которое объявляетъ благо доступнымъ, называя его „вѣчной жизнью“.

Насмѣшка надъ самимъ собою, сопротивленіе всякому внутреннему единству, всякой истинной серьезности, изъ боязни обмана и глупости,— вотъ къ чему приводитъ одинъ умъ, если совѣсть не вмѣшается въ дѣло.

Ясное представлениe объ обязанности должно служить балластомъ для ума, иначе умъ захлебнется въ недугѣ и горечи.

7 февраля 1872 г. Ничего нельзя сдѣлать безъ вѣры, но вѣра можетъ уничтожить всякую науку.

Что же это за Протей, и откуда онъ?

Вѣра есть достовѣрность безъ доказательствъ. Какъ достовѣрность, она составляетъ энергическое побужденіе къ дѣятельности; какъ нѣчто недоказанное—она составляетъ противоположность наукѣ. Отъ этого ея два вида и два различные вывода изъ нея. Въ чемъ ея исходная точка? Въ мысли? Нѣтъ; мысль можетъ поколебать и утвердить вѣру, но не можетъ породить ее. Гдѣ ея происхожденіе? Въ волѣ! Нѣтъ; добрая воля можетъ содѣйствовать ей, злая воля можетъ препятствовать ей, но вѣрятъ люди не вслѣдствіе воли, и вѣра не есть обязанность! Вѣра есть чувство, потому что въ ней заключается надежда, она инстинктъ, потому что она предшествуетъ всякому виѣшнему поученію. Вѣра есть наслѣдство рождающейся личности, есть то, что соединяетъ ее со всѣмъ существующимъ. Личность отдѣляется только съ трудомъ отъ лона матери, съ усилиемъ только объединяется среди окружающей ее природы, отдѣляется отъ любви, окружавшей ее, отъ идей и колыбели, содержавшихъ ее. Она рождается въ единеніи съ человѣчествомъ, міромъ и Богомъ. Слѣдъ этого

первобытнаго единенія и есть вѣра. Вѣра есть воспоминаніе того не-опредѣленнаго эдема, изъ котораго вышла наша личность и въ которомъ она жила въ сомнамбулическомъ состояніи, предшествовавшемъ личной жизни.

Наша индивидуальная жизнь состоитъ въ выдѣленіи себя изъ нашей среды, въ воздействиѣ на нее и сознаніе ея, посредствомъ котораго мы и дѣлаемся духовными, т. е. разумными и свободными личностями. Наша первоначальная вѣра составляетъ только материалъ, перерабатываемый нашимъ опытомъ жизни, и который, вслѣдствіе нашихъ разнообразныхъ пріобрѣтаемыхъ познаній можетъ совершенно потерять свою форму. Мы можемъ умереть, не найдя той гармоніи, которую даетъ намъ личная вѣра, удовлетворяющая нашъ разумъ, нашу совѣсть и наше сердце, но потребность вѣры никогда не оставляетъ насъ. Она есть постулатъ высшей всесогласующей истины. Она есть двигатель всякаго изслѣдованія, она указываетъ возможность награды, указываетъ путь.

Такова, по крайней мѣрѣ, вѣра совершенная. Суевѣрная вѣра дѣствія, та, которая никогда не знала сомнѣній, не знала науки, та, которая не уважаетъ, не понимаетъ и не терпитъ противныхъ убѣжденій—это вѣра ненависти, это мать всѣхъ фанатизмовъ.

Чтобы обезоружить въ насъ вѣру, лишить ее ея ядовитости, она должна быть подчинена любви къ истинѣ. Высшій культь истины есть единственный способъ очищенія всѣхъ религій, всѣхъ исповѣданій, всѣхъ сектъ.

Вѣра должна быть на второмъ мѣстѣ, потому что у нея есть судья.

Когда она становится выстѣмъ судьей, міръ впадаетъ въ рабство; христіанство IV и XVI вѣка даетъ намъ доказательство этого.

Очищенная вѣра побѣдитъ ли когда вѣру грубую. Будемъ надѣяться на лучшее будущее.

Трудность, однако, вотъ въ чёмъ. Вѣра ограниченная имѣть гораздо больше энергіи, чѣмъ вѣра просвѣщенна; міръ принадлежитъ болѣе волѣ, чѣмъ мудрости. И потому нельзя быть увѣреннымъ, что свобода восторжествуетъ надъ фанатизмомъ, прѣтомъ же независимость мысли никогда не будетъ имѣть грубой силы предразсудка. Разрѣшеніе вопроса въ раздѣленіи труда. Послѣ тѣхъ, которые высвободятъ идеалъ чистой и свободной вѣры, придутъ насилиники, которые вложатъ эту вѣру въ предразсудки и учрежденія. Развѣ не то же самое случилось съ христіанствомъ. Но все-таки христіанство сдѣлало больше добра, чѣмъ зла человѣчеству. Такъ движется міръ послѣдовательнымъ гніеніемъ все высшихъ и высшихъ идей.

30 августа 1872 г. Элукубрації à priori надоѣли мнѣ теперь до крайности.

Всѣ схоластической теоріи заставляютъ меня сомнѣваться въ томъ, что онѣ доказываютъ, потому что, вмѣсто того, чтобы искать, онѣ уже съ самаго начала утверждаютъ. Ихъ задача въ томъ, чтобы создавать укрѣпленія вокругъ предразсудка, а не въ томъ, чтобы открывать истину.

Онѣ собираютъ тучи, а не солнечные лучи. Всѣ онѣ придерживаются католического приема, исключающаго сравненіе и изслѣдованіе. Главное дѣло для нихъ овладѣть согласіемъ, дать аргументы для вѣры и уничтожить изслѣдованія.

Чтобы убѣдить меня, нужно не имѣть предвзятаго мнѣнія и прежде всего быть критически искреннимъ, нужно дать мнѣ осмотрѣться, ознакомить меня съ вопросами, съ ихъ происхожденіемъ, трудностями, различными попытками разрѣшеній и степенью ихъ вѣроятности.

Я хочу, чтобы уважали мой разумъ, мою совѣсть и мою свободу.

Всякій схоластицизмъ есть уловленіе, его власть какъ будто объясняетъ что-то, она только притворяется и ея уваженіе обманчиво. Игральныя кости поддѣланы. И послыки предрѣшены. Неизвѣстное предполагается извѣстнымъ, и все остальное вытекаетъ изъ этого. Философія есть полная свобода ума, поэтому независимость отъ всякаго предразсудка религіознаго, политическаго и общественнаго. Философія начинаетъ съ того, что она не христіанская, не языческая, не монархическая, не демократическая, не соціалистическая, не индивидуалистическая — она критическая и безпристрастная. Пускай это нарушаетъ готовыя мнѣнія церкви, государства, исторической среды, въ которой родился философъ. *Est ut est aut non est.* Философъ есть человѣкъ трезвый — среди всеобщаго пьянства, онъ видѣть разсужденія, которымъ охотно подчиняются существа. Собственная природа обманываетъ его менѣе, чѣмъ всякаго другого. Онъ судить болѣе здраво о сущности вещей.

Свобода его въ томъ, чтобы видѣть ясно, быть трезвымъ, отдавать себѣ отчетъ.

11 декабря 1872 г. Сколько перегородокъ между нами и предметами! Расположеніе духа, здоровье, всѣ ткани глаза, стекла нашей клѣточки, туманъ, дымъ, дождь или пыль и даже самый свѣтъ — и все это безконечно измѣняющееся. Гераклитъ говорилъ: „нельзя выкупаться два раза въ одной и той же рѣкѣ“, я-бы сказалъ: нельзя видѣть два раза одинъ и тотъ же пейзажъ, потому что окно это одинъ калейдоскопъ, а зритель — другой.

Мудрость состоять въ томъ, чтобы судить и о здравомъ смыслѣ и о безуміи, подчиняться всеобщей иллюзіи, не будучи обманутымъ

ею. Поддаваться игрѣ волшебницы магіи и безъ принужденія играть свою роль въ фантастической трагикомедіи, которая называется Міромъ. Это приличнѣе всего для человѣка со вкусомъ, умѣющаго рѣзвиться съ рѣзными и быть серьезнымъ съ серьезными. мнѣ кажется, что интеллектуальность приводить насть къ этому. Мысль приводить насть къ сознанію того, что всякая реальность есть только сновидѣніе въ сновидѣніи. Выводить насть изъ сферы волшебныхъ сновидѣній только страданіе, личное страданіе, выводитъ также чувство обязанности или то, что соединяетъ то и другое — страданіе грѣха; это все та же любовь, однимъ словомъ, нравственныя требования. Только совѣсть отрываетъ насть отъ очарованія Маї; она разсѣваетъ пары кайфа, галлюцинаціи опіума и спокойствіе созерцательного равнодушія.

Она, совѣсть, вталкиваетъ насть въ ужасный водоворотъ человѣческаго страданія и человѣческой отвѣтственности. Это будильникъ, это крикъ пѣтуха, который разгоняетъ привидѣнія, это архангель, вооруженный мечемъ, который выгоняетъ человѣка изъ его искусственнаго рая.

Идеалъ, который себѣ составляетъ жена и мать, то понятіе, которое она имѣеть о долгѣ и жизни, опредѣляютъ судьбу общества.

Ея вѣра дѣлается путеводною звѣздою супружеской лады и ея любовь началомъ жизни, которая опредѣляетъ будущее всѣхъ близкихъ.

Женщина есть спасеніе или погибель семьи. Ея назначеніе состоитъ въ томъ, чтобы утишить смятеніе мысли. Ея роль аналогична роли азота въ воздухѣ.

В С Т Р Ъ Ч И.

1857 года, весной, мы — я съ женой — побѣжали за границу. Эта по-
рывъ, этотъ спѣхъ бытъ свойственъ тогда всѣмъ; долго двери были за-
перты, наконецъ — отворили, и всѣ ринулись. Экзаменъ, полученіе медали,
правоѣхать заграницу еще не получено; а билетъ въ маль-постѣ взяты:
откладывать нельзя — очередьѣхать придется чрезъ мѣсяцъ. Разрѣшеніе
о выдачѣ мнѣ пенсіона застало меня въ Римѣ, гдѣ я жилъ уже полгода,
и все такъ — спѣхъ, горячка. Ежели бы меня спросили: зачѣмъ выѣдете?
Я бы, можетъ быть, отвѣтилъ: заниматься искусствомъ; но это былъ бы
отвѣтъ вѣнѣшній, не тотъ. Себѣ — я бы отвѣчалъ: оставаться здѣсь я не могу,
тамъ, гдѣ ширь, гдѣ свобода — туда хочу: 6 лѣтъ гимназіи, 2 года сту-
дента, 7 лѣтъ академіи — довольно, больше нельзя выносить. То, что узна-
валъ, пріобрѣталъ, давило, отравляло. Не хватало уже воздуха, свободы.
Мы проѣхали Европу скоро: Дрезденъ, Мюнхенъ, Парижъ, Римъ.

Въ Римъ мы поѣхали прежде, затѣмъ — въ Парижъ и оттуда съ пустыми карманами спѣшили домой, — въ Римъ. По дорогѣ между Генуей и
Ливорно, на пароходѣ, мы познакомились съ Аксаковыми, Иваномъ Сер-
гѣевичемъ. Литераторовъ я читалъ, любилъ ихъ и уважалъ, но ни одного
не встрѣчалъ и не зналъ лично. Вообще людей таланта — крупныхъ — я
тогда не зналъ изъ близи ¹⁾). Самые вліятельные, близкіе по душѣ, были
Герценъ и Бѣлинскій; Бѣлинскій умеръ, а Герценъ былъ заграницей.
Салтыкова я встрѣтилъ у одного художника въ Петербургѣ. Мы позна-
комились, но это было передъ моимъ выѣздомъ заграницу и потому зна-
комство наше было прервано въ самомъ началѣ.

Съ И. С. мы разговорились. Оказалось, что онъѣхалъ изъ Лондона,
что онъ былъ у Герцена; онъ возилъ свою запрещенную комедію, чтобы
напечатать у Герцена; все, что онъ разсказывалъ о Герценѣ, было чрез-
вычайно дорого намъ. Ежели бы были средства, я бы поѣхалъ къ нему,
я зналъ кое-что изъ его заграничныхъ вещей, я читалъ первый выпускъ
«Полярной Звѣзды». Я зналъ про свиданіе Иванова, только какъ фактъ.
Ноѣхать было не на что, а потому пришлось оставаться только при желанії.

¹⁾ Я учился въ гимназіи у Н. И. Костомарова; но узнать его и сблизиться съ пимъ
съ 70 годовъ, когда встрѣтилъ въ Петербургѣ.

Мы съ Аксаковымъ подружились и поѣхали вмѣстѣ до Флоренціи; остановились въ одномъ отелѣ. Здѣсь ему пришлось выдержать оригинальное нападеніе: горничная, узнавъ, что онъ русскій, начала его упрекать за то, что у русскихъ до сихъ поръ существуютъ рабы. Аксаковъ такъ глубоко почувствовалъ справедливость упрека, что сталъ ее умолять подождать: онъ говорилъ ей, что все уже сдѣлано, чтобы не было рабовъ, и что всѣ искренно этого желаютъ и ждутъ, и что это непремѣнно будетъ. Онъ такъ убѣдительно и горячо говорилъ, что успокоилъ горничную. Я еще болѣе полюбилъ его за эту искренность и правдивость. Мы разстались во Флоренціи. Ни разу потомъ мы не встрѣтились. Но память о немъ оставалась во мнѣ непизменной.

Мои художественные занятія поглотили меня окончательно, я ничего не видѣлъ, работалъ съ утра до вечера. Товарищѣ мало, да и они тоже были заняты. Работа у каждого изъ насъ была двойная: кроме искусства еще шло самообразованіе. Та отправная точка, съ которой мы начинали свое художественное міровоззрѣніе или творчество, была очень низка и бѣдна; каждый изъ насъ чувствовалъ свою отсталость, не смотря на то, что насы считали первыми дома... Дорогихъ посѣтителей было мало. Тургеневъ былъ раньше, Толстого я встрѣтилъ на минуту, во время его проѣзда черезъ Римъ.

Второй изъ литераторовъ, съ которымъ я познакомился, былъ Д. В. Григоровичъ. Онъ пришелъ ко мнѣ въ мастерскую. Со мною была въ Римѣ его удивительная вещь «Деревня», которую я очень любилъ и много разъ читалъ. Связь художника со своимъ творчествомъ не поразила меня въ немъ: Д. В., тогда воспитатель В. К. Николая Константиновича, былъ веселъ, остроуменъ, рассказывалъ либеральные анекдоты, но, когда онъ ушелъ, я принялъ за свою сизифову работу не облегченный, не обрадованный. Потомъ я узналъ, что и я на него произвелъ впечатлѣніе удручающее: онъ держалъ пари съ моимъ товарищемъ Мартыновымъ, что я ничего не сдѣлаю: его испугали мои эскизы, которыхъ можно было считать сотнями. Я, вирочемъ, и самъ бы держалъ такія пари: вылѣзть изъ той тины, въ которой я былъ, было очень трудно; но Богъ мнѣ помогъ, и я вышелъ.

Сближеніе товарищѣй, образованіе общества, болѣзнь сына, переѣздъ изъ Рима во Флоренцію, новые взгляды, наконецъ, выходъ на свѣтъ. Моя первая картина, поѣздка въ Петербургъ. Отчасти я это рассказалъ, а то, что меня касается, я разскажу особо. Теперь же буду продолжать развивать свою задачу.

Передъ отѣзdomъ въ Петербургъ прїѣхала во Флоренцію м-ле Мейзенбухъ съ дѣтьми, двумя дочерьми Герценя. Я пошелъ познакомиться и предложить свои услуги. М-ле Мейзенбухъ была милая, добрая идеалистка, глубоко почитавшая Герцена и воспитательница младшей дочери его чуть не съ рожденія. Дѣти мнѣ показались иностранцами, старшая говорила по

русски, младшая уже не говорила, но понимала. Онъ меня обрадовали тѣмъ, что сказали, что отецъ пріѣдетъ во Флоренцію, но я не могъ дождаться—я долженъ быть ѻхать въ Петербургъ.

Дорога въ Петербургъ отъ границы оставляла впечатлѣніе тяжелое. Было время возстанія въ Польшѣ—срубленные лѣса вдоль желѣзной дороги и тутъ же брошенные, конвой сопровождалъ настъ; жителей не видно—точно вымерли всѣ. Но, наконецъ, и Петербургъ—общественная жизнь, свобода печати, споры, все это было ново для меня, оставившаго Петербургъ въ 57 году. Я засталъ споръ въ литературѣ, перебранку по поводу «Отцовъ и дѣтей» Тургенева, этой удивительной вещи. Я читалъ все, что могъ, прочелъ «Что дѣлать», только что вышедшее. Получилъ приглашеніе познакомиться съ «Современникомъ». Былъ у нихъ. Некрасова не было. Такъ я его и не видѣлъ въ этотъ пріѣздъ; я съ нимъ познакомился позже, въ 70-хъ годахъ. Съ Салтыковымъ возобновилъ знакомство. Я былъ недолго въ Петербургѣ, но нетрудно было замѣтить, что новая жизнь проникла всюду. Характерная черта новыхъ молодыхъ литераторовъ, съ которыми я встрѣчался, была сильнѣйшій протестъ противъ всего старого, даже только что установленного. Меня, какъ художника, признавали за мое новое отношеніе и къ искусству, и къ сюжету. Первый, кто мнѣ открылъ то, что я сдѣлалъ, былъ Н. Д. Ахшарумовъ; онъ видѣлъ картину¹⁾ еще во Флоренціи. М. Е. Салтыковъ написалъ въ «Современникѣ» дорогую для меня рецензію, но я не зналъ тогда, что она его. Горбуновъ превосходно рассказалъ мнѣ, какъ старый генералъ обсуждалъ картину. Я понялъ въ Петербургѣ, что то, чего я искалъ въ Римѣ, во Флоренціи въ искусствѣ, или лучше сказать въ себѣ, то самое всѣ искали здѣсь, и когда меня спросилъ покойный Цесаревичъ Николай Александровичъ: почему я сдѣлалъ ново, самостоятельно свою картину, я отвѣчалъ:—«Впереди всѣхъ настъ, ищущихъ новый путь, идеть отецъ вашъ, нашъ Государь. Наше время таково». Старики направлениія негодовали, но новое взяло верхъ. Государь одобрилъ мой трудъ, и я могъ ѻхать домой, отказавшись отъ всѣхъ мѣстъ и работъ, которыхъ мнѣ стали предлагать.

Пріѣхавъ домой во Флоренцію, я засталъ новыхъ русскихъ, пріѣхавшихъ сюда. Я засталъ цѣлое общество, точно часть Петербурга переселилась сюда. Я узналъ, что былъ Герценъ. Художники не особенно остались имъ довольны. Сближеніе Герцена съ ними не произошло. Но былъ тутъ на лицо другой значной человѣкъ — Михаилъ Александровичъ Бакунинъ. Онъ встрѣтилъ меня, какъ будто старого знакомаго, и сказалъ: «А мы уже распредѣлили между нами ваши деньги за картину». Меня нѣсколько удивило это привѣтствіе, и я отвѣчалъ:—«Жаль только, что денегъ нѣть, я еще не получилъ, да и получу вѣроятно не такъ скоро».

¹⁾ «Тайная вечеря».

Но это не нарушило нашихъ добрыхъ, даже сердечныхъ отношеній. При дальнѣйшемъ знакомствѣ съ нимъ и съ окружающими его, а этихъ послѣдніхъ было много, онъ производилъ впечатлѣніе большого корабля безъ мачты, безъ руля, двигавшагося по вѣтру, не зная куда и зачѣмъ! Около него стояла молодая, чрезвычайно красивая полька, его жена, цѣлый кругъ польскихъ и русскихъ эмигрантовъ, затѣмъ—простыхъ гражданъ, знакомыхъ. Я читалъ очеркъ Герцена, въ которомъ, съ удивительной любовью и добродушіемъ, онъ разсказываетъ, какъ жилъ Бакунинъ въ Лондонѣ. Здѣсь было нечто иное: много комичнаго, смѣшнаго и рядомъ съ этимъ грустнаго, тяжелаго.

Громадный, толстый человѣкъ съ курчавой черной головой, крупныя части лица его похожи очень на его дядю, извѣстнаго Муравьевъ-Виленскаго; съ одышкой, съ аппетитомъ невообразимымъ, надѣлавшимъ цѣлую кучу анекдотовъ. Такова его виѣшность. Обращеніе Бакунина съ окружающими—полунасмѣшливое, полупрезрительное. Жена его, которую онъ посвятилъ въ либерализмъ, удерживала его во всѣхъ случаяхъ, когда онъ выходилъ изъ границъ допускаемаго. «И куда дѣвались эти дуры? Пропадаютъ цѣлый часъ, тутъ ѡсть хочется»,—говорилъ онъ про своихъ сожительницъ. Цѣлые толпы эмигрантовъ стоять по стѣнѣ и у дверей, и онъ не заботится ихъ размѣстить; дѣйствительно, онъ не зналъ или забылъ, что существуетъ собственность. Онъ бралъ у шведа золотой на польскую эмиграцію и тутъ же, при немъ, посыпалъ размѣнять и купить табаку; но онъ и съ своими деньгами такъ же поступалъ—такъ точно и онѣ исчезали на нужды кого угодно. Когда спросила его моя жена: «М. А., вѣрите-ли вы въ то, что вы пропагандируете?» Онъ отвѣчалъ: «Я не во что не вѣрю, я ничего не читаю, я думаю объ одномъ: закрутить, закрутить побольше, и туда съ головой... Чтобы и слѣдъ простылъ!»... Тѣ друзья, свои и чужестранные, которые тоже не признавали собственности, но только чужой, пользовались имъ и затѣмъ бросали его, и вслѣдъ чернили и клеветали до того, что распускали слухъ, будто онъ дѣлалъ фальшивыя ассигнаціи на томъ основаніи, что считалъ всякия ассигнаціи фальшивыми. Это правда, что онъ достаточно находилъ въ себѣ презрѣнія къ людямъ, чтобы имѣть то, что ему было нужно. На одномъ собраніи русскихъ онъ говорилъ рѣчъ и, между прочимъ, сказалъ, что университеты теперь не имѣютъ смысла, что они сдѣлали свое дѣло въ свое время, а теперь они ничего не могутъ болѣе дѣлать и не нужны.

Вотъ какая фигура стояла среди толпы, его окружающей, въ которой, въ отдѣль русскихъ, надо правду сказать, преобладалъ элементъ комической, отрицательной и ничтожественной. Только одинъ разъ я встрѣтилъ серьезнаго, оригинального поляка Ружицкаго. Онъ не умѣлъ говорить по польски. Онъ былъ по воспитанію русскій. Онъ былъ извѣстнымъ предводителемъ возстанія. Я пропущу всѣ тѣ собранія, которыя устраивали для сборовъ на эту «rauvre Pologne». Красивая молодая женщина становилась

къ дверямъ съ шляпой въ рукахъ, кудасыпалась и бумагки, и золото... Помню горничную Лушу, въ желтомъ платьѣ на голое тѣло, безъ рубахи; ходила она скоро, руки болтались, какъ плети, (какъ гдѣ-то говорилъ Тургеневъ); она спала гдѣ попало, чтобы подтвердить разсказъ Дюма; она служила двумъ супругамъ, которые никогда не встречались: когда одинъ бодрствовалъ, другой спалъ. Были тутъ дамы, которыхъ осаждали Бакунина своими несчастиями отъ престѣданій станового; былъ тутъ дилетантъ художникъ, который говорилъ серьезно, что у него кисть выпадаетъ изъ рукъ отъ политического положенія Европы. Всѣмъ имъ Бакунинъ давалъ названія *дура* или *дуракъ*. Была тутъ семья, самое начало которой былъ трагизмъ, а затѣмъ продолженіе подъ угрозой, какъ говорила дама, что оставившій долженъ пройти чрезъ трупъ другого, котораго бросить. Для этого всегда наготовѣ держались веревка, пистолеть и кинжалъ. Съ нимъ, М..., я былъ знакомъ, а съ дамой С... познакомился при обстановкѣ до того оригиналной, что никогда не могъ забыть. Она желала со мной познакомиться, и вотъ, съ адресомъ въ рукахъ, я пошелъ искать ее. Нашелъ домъ, вошелъ на лѣстницу и долженъ былъ войти въ стеклянную дверь; но, подойдя къ двери, я увидѣлъ въ комнатѣ очень много полунагихъ женщинъ—я остановился, думая, что это ошибка, но, убѣдившись, что я на вѣрномъ пути, спросилъ, открывъ слегка дверь, называвъ себя; знакомъ мнѣ отвѣтили «сюда», и когда я вошелъ, женщины, составлявшія балетъ, мало по малу исчезли, и тогда я увидѣлъ огромный столъ, на немъ массу всякихъ дамскихъ принадлежностей и вставшую женщину, въ красной рубашкѣ, съ прямыми свѣтлыми волосами на головѣ и съ некрасивымъ русскимъ лицомъ. Я назвалъ себя, и она, выразивъ радость, стала мнѣ говорить, что вотъ она покупаетъ вещи своей дочери на деньги, присланныя отцомъ ея, и что она ни за что на свѣтѣ не истратить ни одного гроша иначе, какъ на дочь, то, что ей принадлежитъ, и стала мнѣ показывать покупки; но я увидѣлъ въ дверь другую комнату и тутъ узналъ нашъ русскій безпорядокъ. Посрединѣ комнаты стоялъ мой знакомый передъ мольбертомъ—онъ занимался живописью. Кругомъ неубранная комната, непостланная постель, на ней подносы съ недопитымъ шоколадомъ и кусками хлѣба. Дѣвочка буквально бѣгаєтъ по мебели и по постели, и вотъ сейчасъ перевернетъ мольбертъ и холстъ. Мать кричитъ и уговариваетъ дочь, та ее не слушаетъ. Она обращается ко мнѣ съ вопросомъ, какъ воспитывать ее. «Я слышала, что вы хорошо воспитываете вашихъ дѣтей». Я ничего не могъ отвѣтить; удивленіе меня совсѣмъ охватило. Я первый разъ видѣлъ такую жизнь... Цѣлые ночи напролетъ, съ куренiemъ сигары, она проводила въ спорахъ. Она говорила, что Аспремонте (место, гдѣ ранили Гарибальди) у нея въ боку... Когда она купила себѣ на платье и начала шить, Бакунинъ сказалъ: «Слава Богу... ожила: шить платье».

Провожая одного русскаго на желѣзную дорогу, мы съ Гербелемъ

были поражены русской рѣчью: «Вертишь, вертишь, вотъ-те какъ накладутъ въ шею, тогда узнаешьъ». Оборачиваемся и видимъ: беременная женщина, въ бѣломъ короткомъ платьѣ, переступаетъ рельсы. Чрезъ плечо у нея длинная труба изъ жести для сбора флоры, а мужчина, худой, съ волосами, какъ у діакона, идетъ и кричитъ. Гербель невольно воскликнулъ: «Слышу голосъ нигилиста съ береговъ Невы».

Къ Бакунину пришли два эмигранта. Оба духовнаго званія, полякъ и русскій. Онъ ихъ помѣстилъ вмѣстѣ и потомъ съ хохотомъ разсказывалъ, что одинъ выхлопоталъ себѣ паспортъ и возвращеніе, а другой у него укралъ штаны съ паспортомъ и исчезъ...

Наконецъ, это солнце, со всѣми планетами, передвинулось въ Неаполь, и настала тишина.

Неожиданно для нась пришелъ къ намъ А. П. Герценъ, пріѣхавшій во Флоренцію. Мы обрадовались. Онъ былъ любимымъ писателемъ нашей молодости. Я подарилъ своей женѣ, еще невѣстѣ, «По поводу одной драмы», какъ самый дорогой подарокъ. Не смотря на то, что у меня былъ его фотографическій портретъ, который онъ прислалъ намъ чрезъ общаго намъ пріятеля, впечатлѣніе при встрѣчѣ было новое, полное, живое. Небольшого роста, плотный, съ прекрасной головой, съ красивыми руками; высокій лобъ, волосы съ просѣдью, закинутые назадъ безъ пробора, живые умные глаза энергично выглядывали изъ-за сдавленныхъ вѣкъ; носъ широкій, русскій, какъ онъ самъ называлъ, съ двумя рѣзкими чертами по бокамъ, ротъ, скрытый усами и короткой бородой. Голосъ рѣзкій, энергичный, рѣчъ блестящая, полная остроумія. Цѣлый вечеръ мы переговорили обо всемъ; замѣтно было, что ему было легко и хорошо; видно было, что онъ былъ доволенъ встрѣтить простыхъ русскихъ людей, которые были ему пара; ему уже не доставало послѣдніе годы его жизни этого общества. Политическіе горизонты сузились, семейная жизнь сломилась; дѣти... дѣти всегда живутъ своею жизнью и подтверждаютъ истину: пророкъ чести не имѣеть въ домѣ своеи. Дѣти жаловались, что онъ разогналъ ихъ пріятелей, нарушилъ ихъ занятія. Онъ страдалъ отъ того узкаго мѣщанства, которымъ жили въ кругѣ знакомыхъ и пріятелей его дѣтей. Онъ просилъ какъ-то: «Дайте что-нибудь русское почитать». — «Что-же вамъ дать, вотъ Шевченко, переводъ Гербеля». — «Дайте», и взялъ. Возвращая, говорить: «Боже, что за прелестъ, такъ и повѣяло чистой, нетронутой степью; эта ширь, эта свобода...» А это еще былъ переводъ. При этомъ онъ рассказалъ, какъ въ деревнѣ два мальчика спорили и кричали черезъ улицу, чей дворъ лучше. Кузька кричить «нашъ», а Ванька: «нѣть, врешь, нашъ лучше». Все это онъ представилъ въ лицахъ, своимъ вѣрнымъ зычнымъ голосомъ и движеніями, съ такою вѣрностью и горечью вмѣстѣ, что въ нихъ чувствовалось, что лучше этого ничего и нигдѣ быть не можетъ... Но возвращаюсь назадъ. Долго мы говорили, наконецъ надо уходить. Я взялъ шляпу и пошелъ проводить:

жать его на ту сторону Арно, гдѣ онъ жилъ. Мы шли. Онъ тихо говорилъ, я слушалъ. Наконецъ дошли до его портона (входная дверь). Онъ, прощаясь, говоритъ: — «Ну, что-же, теперь я пойду вѣсль провожать, такъ и будемъ ходить цѣлую ночь». Я ему тутъ-же сказалъ: «Александръ Ивановичъ, не для вѣсль, не для себя, но для всѣхъ тѣхъ, кому вы дороги, какъ человѣкъ, какъ писатель—дайте сеансы: я напишу вашъ портретъ». Онъ отвѣтилъ, что готовъ, — когда прикажете, — и исполнилъ эти пять сеансовъ съ нѣмецкою аккуратностью. Первый сеансъ не состоялся, и, благодаря этому обстоятельству, у меня сохранилось единственное письмо его, которое я сохранилъ, какъ драгоценность. Вотъ оно:

7 декабря. Суббота, вечеръ.

Почтеннѣйший Николай Николаевичъ, сегодня искалъ вашъ домъ и не нашелъ. Домаже¹⁾ взялся доставить записку. Дѣло въ томъ, что Тата²⁾ нездорова, а ко мнѣ назвался скучный гость завтра. Позвольте прийти въ другой день. Я остаюсь еще недѣлю, а можетъ и больше. При семъ, съ почтеніемъ, русская половина Колокола.

Весь вашъ А. Герценг.

9 Piazza. S. Felice. (Via Maggio). 30 р.^o.

Наконецъ я приготовился къ сеансу. Меня всегда начало тревожить. Я боюсь, чтобы что-нибудь не помышало, боюсь за свои силы. Онъ пришелъ со своей старшей дочерью Н. А. Мы сѣли—я работать, онъ—позировать. У ногъ моихъ легъ бѣлый, какъ снѣгъ, пудель (ему-же кличка была «Снѣжокъ»), милая умная собака. Увидавъ его, А. И. сказала дочери: «Вотъ, небось, этакого-то не сумѣла достать», а потомъ, вдругъ, увидавъ, что жены моей нѣть, рѣзко обратился къ дочери.

— Что-же ты сидишь, мать хлопочеть, устраиваетъ завтракъ, а ты тутъ сидишь; иди скорѣй помогай, служи. Н. А. побѣжала исполнить волю отца. Въ минуты отдыха, онъ, вставъ, осматривалъ все, что было на стѣнахъ. Тутъ-же висѣло повтореніе «Тайной вечери» въ уменьшенномъ видѣ, въ мастерской стояла неоконченная—«Вѣстники воскресенія». Онъ долго смотрѣлъ «Тайную вечеръ». «Какъ это ново, какъ вѣрно». Я ему напомнилъ разрывъ друзей, намекнулъ на разрывъ его съ Грановскимъ, такъ хорошо имъ разсказанный. «Да, да, это глубоко, вѣчно, правда». На другой сеансъ пришелъ и принесъ цѣлую кучу газетъ; смотрю — «Московскія Вѣдомости». «Вотъ, говорить, я безъ этой мерзости жить не могу. Какъ червякъ въ сырѣ, такъ и я въ этомъ копаюсь, и вотъ посмотрите. Мы съ Огаревымъ думаемъ, что мы свободны, куда намъ, — вотъ свобода. Человѣка любилъ Бѣлинскій, вѣль его, возлагалъ на него свою надежду, гордился имъ. Бѣлинскаго уже давно нѣть, и слѣдъ простылъ, а онъ его теперь раскаталъ, да такъ, что мы руки развели. Зачѣмъ? Какая надобность? Вотъ это свобода, такъ свобода». Тутъ-же онъ

¹⁾ Бывшій учитель его дѣтей, а тогда моихъ.

²⁾ Наталья Александровна.

разсказалъ о своемъ отношеніи къ новому поколѣнію, идущему за нимъ, о своей встрѣчѣ съ Чернышевскимъ. Онъ его не полюбилъ; ему показался онъ неискреннимъ, «себѣ на умѣ», какъ онъ выразился. О женевскихъ эмигрантахъ онъ говорилъ съ отвращеніемъ. Они его оскорбляли умышленно. Одинъ кричать нарочно черезъ улицу: «Герценъ! Герценъ! Бѣдете дома?» безъ всякой надобности, но чтобы показать: вотъ какъ мы его третируемъ. Придетъ къ нему въ присутствіи милой Мейзенбухъ, деликатной, восторженной идеалистки, нарочно рыгаетъ, безчинствуетъ. Но были у него разсказы, полные добродушія. Онъ вспоминалъ Погодина, который, любя его, ему говорилъ: «Послушай, Герценъ, вѣдь никто лучше тебя не напишетъ французскую революцію; напиши ее и посвяти — и простить, вѣрно простить». Или вспоминалъ В. П. Боткина, который въ Швейцаріи, подѣзжая на пароходѣ къ пристани и увидя Герцена на берегу, испугался, засуетился, схватилъ мѣшки и, обращаясь къ своей компаніонкѣ-чицѣ, сталъ бѣгать по палубѣ, повторяя: «Ma ch鑑e, ma ch鑑e». А я стою на пристани и говорю: «Василій Петровичъ, стыдно! Василій Петровичъ, стыдно!» Но онъ таки уѣжалъ...»

Ему нужно было проѣхать въ Венецию повидаться съ Гарибальди, который долженъ былъ туда прїѣхать. Онъ меня и спрашиваетъ: «Какъ туда проѣхать?» Я ему и рассказалъ, какъ самъ недавно, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ,ѣхалъ; мостъ еще не былъ готовъ и нужно былоѣхать часть дороги почтой. На другой день А. И. мнѣ и говорить: «Вы простите, Н. Н., не могъ не сострить на вашъ счетъ. Какъ-же — желѣзная дорога идетъ прямо въ Венецию. Я и сказалъ: вотъ спросилъ художника Ге, онъ разумѣется єздить по Ваззари и наговорилъ мнѣ такихъ препятствій, что я уже думалъ иѣхать нельзя». Вернулся изъ Венеции, рассказалъ, какъ видѣлся съ Гарибальди, котораго осаждаются всѣ съ 4 часовъ утра, увидѣль старыхъ друзей при немъ и эту милую англичанку, жену гарibalдійца его штаба Моріо. «Она въ томъ-же красномъ платьѣ и съ тою-же прорѣхой сзади». Каждый разъ я его провожалъ, когда онъ уходилъ отъ насъ. Онъ былъ такъ деликатенъ, что замѣтилъ мнѣ, что я не боюсь ходить съ нимъ. Я его успокоилъ тѣмъ, что мнѣ нечего бояться: политикой я не занимаюсь, а дорожить тѣмъ, что мнѣ дорого, я свободенъ. Мы простились, разставшись друзьями. Уѣзжая, онъ прислалъ мнѣ съ сыномъ своимъ А. А. свою книгу, съ надписью крѣпкимъ почеркомъ, карандашомъ:

«Посылаю вамъ въ знакъ глубокой благодарности мой экземпляръ «Былое въ думы», въ знакъ дружественного сочувствія. 16 февраля 1869 г. Флоренція».

Больше я его не видалъ, но не забуду никогда.

Николай Ге.

1894 г. 4 февраля. Хуторъ.

ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ.

ЗЕМСКОЕ СТРАХОВАНИЕ СЕЛЬСКИХЪ ПОСТРОЕКЪ.

Мы сидѣли съ пріятелемъ въ кабинетѣ, когда прислуга доложила, что его спрашиваетъ пріѣхавшій изъ Кочетовки крестьянинъ. Иванъ Нефедовъ вошелъ и остановился у дверей. Это былъ степенный, лѣтъ подъ 40, мужикъ, черноволосый, со всклокоченной бородой, крупнымъ, мясистымъ носомъ и живыми карими глазами. Нефедовъ началъ съ привѣтствія, объявивъ, что пріѣхалъ на заработки въ Москву и теперь зашелъ навѣстить моего пріятеля. Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ оказалось, что онъ осенью погорѣлъ, пристроилъ бабъ и ребятишкъ въ деревнѣ на квартирѣ, продалъ одну лошадь, а на другой пріѣхалъ промышлять легковымъ извозомъ.

— Оно, точно, — продолжалъ онъ, — на одной лошади какая юзда извозчику? По экой дорогѣ, кажинный день, съ утра до ночи, да все скокомъ, не то чтобы какъ... Того и гляди животинку зарѣжешь. Да вѣдь ничего не подѣлаешь, — весною строиться надоно.

— Дворъ, чай, былъ застрахованъ? — перебилъ я его.

— Нѣтъ, не штрахованъ; гдѣ намъ штраховать?

— Что ты пустяки говоришь! Въ деревняхъ всѣ строенія застрахованы. Вѣдь ты получилъ пѣзь земства страховые деньги за свой дворъ?

— Штраховыхъ не получалъ. Оно, точно, спѣществованіе было, 40 рублей выдали...

— Какое «спѣществованіе»?

— На погорѣлое, значитъ, мѣсто... Способіе.

Какъ я ни старался убѣдить его, что ему выдали страховое вознагражденіе за ту премію, которую онъ ежегодно уплачиваетъ, — Нефедовъ стоялъ на своемъ и продолжалъ утверждать, что онъ получилъ пособіе, а страховые платежи идутъ на содержаніе «пожарной трубы».

Разспросивъ у пріятеля подробности объ этомъ Нефедовъ и сравнивъ его съ тысячию видѣнныхъ мною въ деревняхъ крестьянъ, я могу съ увѣренностью сказать, что онъ представлялъ собою средняго деревенскаго обывателя и по уму, и по уровню развитія, и по благосостоянію, не говоря

уже о томъ, что онъ родился, воспитывался и жилъ среди обычныхъ, т. е., опять-таки, среднихъ деревенскихъ условій. И вотъ, оказывается, что этотъ средній крестьянинъ не только не понимаетъ, но даже совершенно не знаетъ о существованіи такого распространеннаго и полезнаго института самопомощи, какъ взаимное страхованіе отъ огня. Какъ могло это случиться и виноваты-ли въ этомъ тупость «мужика» или организація взаимнаго страхованія, практикуемая нашими земствами? Для разрѣшенія этого вопроса необходимо обратиться къ исторіи земскаго взаимнаго страхованія.

Сельскіе пожары въ Россіи представляютъ постоянное бѣдство, ежегодно истребляющее огромное народное богаство. Постоянство этого бѣдствія настолько притупило производимое имъ впечатлѣніе, что мы стали относиться къ нему, какъ къ непрѣбѣжному явленію, которое лишь изрѣдка, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, привлекаетъ вниманіе специалистовъ и еще рѣже вниманіе всего общества. Послѣдствіемъ такого отношенія явилось то, что причины, способствующія распространенію пожаровъ, стали развиваться быстрѣе, чѣмъ мѣры, направленныя къ борьбѣ противъ нихъ, и истребительность пожаровъ стала постоянно возрастать. Такъ, по свѣдѣніямъ центрального статистического комитета, за 28 лѣтъ, съ 1860 по 1887 гг., сельскіе пожары въ Европейской Россіи (за исключеніемъ Приискианского края) ежегодно истребляли недвижимыхъ имуществъ, въ среднемъ выводѣ, на 37 миллионовъ рублей; за 8-миллѣтіе съ 1875 по 1882 гг. эта средняя цифра повысилась до 47 милл. р., а въ 5 лѣтъ съ 1883 по 1887 гг., она уже достигла 53 милл. руб. Эти миллионы, ежегодно погибающіе въ морѣ, разливающагося по сельской Россіи, огня, представляютъ безвозвратную потерю въ общей народной экономіи, и бороться противъ такого бѣдствія можно лишь мѣрами, направленными къ ослабленію причинъ, вызывающихъ частое возникновеніе и значительное распространеніе пожаровъ. Приведеніе въ исполненіе этихъ мѣръ требуетъ вмѣшательства законодательства и затраты громадныхъ материальныхъ средствъ, а благопріятные результаты могутъ проявиться лишь по истеченіи значительного промежутка времени; вотъ почему успѣшная борьба противъ возникновенія и распространенія пожаровъ является общегосударственною задачею по препримуществству, и мѣстные органы самоуправленія могутъ лишь отчасти содѣйствовать выполненію этой задачи.

Но въ пожарномъ вопросѣ есть и другая сторона. Пожаръ, причиняя ущербъ общей народной экономіи, въ то же время является убыткомъ для отдѣльного лица,—владѣльца сгорѣвшаго имущества. Ущербъ въ народномъ богатствѣ не можетъ быть никакимъ образомъ восполненъ, таѣкъ какъ сгорѣвшее имущество представляло часть этого богатства, а пожаръ безвозвратно истребилъ эту часть; убытокъ отдѣльного лица, наоборотъ, можетъ быть всегда пополненъ, если кто-либо на свои средства возстановить сгорѣвшее имущество или выплатить владѣльцу его стоимость. Такое возмѣщеніе потерь отдѣльныхъ лицъ составляетъ сущность всякаго

страхованія, которое, вслѣдствіе этого, является простымъ разложеніемъ убытковъ отъ каждого пожара на всѣхъ участниковъ данного страхового учрежденія. Представляя, такимъ образомъ, одну изъ формъ самопомощи, страхование отъ огня можетъ быть, по преимуществу, задачею мѣстныхъ органовъ самоуправлениія.

Разматривая вопросъ съ этой точки зрѣнія, правительство, возлагая на земство «заботу о пользахъ и нуждахъ населенія», тѣмъ самымъ вмѣнило ему въ обязанность учрежденіе обязательного страхования всѣхъ сельскихъ построекъ. Если бы земство желало въ этомъ дѣлѣ оставаться на высотѣ своего призванія, оно сообразовало бы свою страховую операцию со слѣдующими основными положеніями:

1) Страховая премія должна близко соотвѣтствовать той части вѣроятныхъ пожарныхъ убытковъ, которые въ теченіе года причитаются на каждое отдельное имущество, соразмѣрно его стоимости.

2) Страхованіе не должно быть убыточнымъ для страхователя, или другими словами, пожарное вознагражденіе должно всегда соотвѣтствовать размѣру понесенного отъ пожара убытка и

3) Пожаръ не долженъ быть выгоднымъ для страхователя, или другими словами, оцѣнка имущества не должна превышать его дѣйствительную стоимость.

Соблюденіе этихъ условій вызывается не только справедливостью, но и прямую выгодою страхового учрежденія, такъ какъ, при несоблюденіи первыхъ двухъ условій, при взиманіи, напримѣръ, слишкомъ высокой преміи, или при чрезмѣрно низкой оцѣнкѣ застрахованныхъ строеній, населеніе не будетъ придавать должнаго значенія страховой операции и всегда найдетъ возможность уклониться отъ платежей; а при несоблюденіи послѣдняго условія, частые пожары будутъ угрожать самому существованію страхового учрежденія.

Къ сожалѣнію, земства не захотѣли найти равнодѣйствующую этихъ условій и направили свои усилия къ тому, чтобы пожары ни въ какомъ случаѣ не были выгодны для населенія и чтобы, поэтому, страховыми капиталами не угрожало никакой опасности. Эта меркантильная точка зрѣнія, это забвеніе интересовъ населенія и задачъ земства проведены красною нитью черезъ всю операцию земскаго взаимнаго страхованія во все время его существованія. Ограничиваюсь размѣрами журнальной замѣтки, мы прослѣдимъ результаты этого страхованія лишь за послѣднее время. По свѣдѣніямъ, доставленнымъ центр. стат. комитету, въ 32 земскихъ губерніяхъ¹⁾ къ 1888 году, по обязательному страхованию, было застраховано $22\frac{1}{2}$ милл. построекъ на сумму $676\frac{1}{2}$ милл. рублей; Такимъ образомъ, каждая постройка, въ среднемъ выводѣ, была застрахована въ 30 руб. Къ этому необходимо прибавить, что подъ именемъ одной постройки земское обязательное страхование числить «крестьянскую жилую избу со дворомъ,

¹⁾ По двумъ губерніямъ свѣдѣнія не доставлены.

т. е. со всѣми находящимися въ связи съ избою амбарами, навѣсами, клюѣтами, омшаниками и пр.», и что отдельные риги и амбary обыкновенно составляютъ принадлежность двухъ-трехъ домохозяевъ, а потому имѣютъ довольно значительный размѣръ, а слѣдовательно, сравнительно, высокую стоимость. Чтобы не оставить никакого сомнѣнія въ томъ, что выведенная выше цифра въ 30 руб. соотвѣтствуетъ, по обязательному земскому страхованию, избѣ со дворомъ, приведемъ данныя изъ имѣющихся у насъ подъ рукою страховыхъ нормъ отдельныхъ земствъ.

Въ с.-петербургскомъ земствѣ нормальная оцѣнка жилой постройки равняется для жилыхъ строеній 2 р. и для нежилыхъ 1 р. за кв. сажень основанія; такимъ образомъ, оцѣнка средней девятиаршинной избы равняется 18 руб., шестиаршинного амбара 4 р., навѣса съ сараемъ въ 18 арш. погонныхъ—6 руб. и двухъ пристроекъ 4 руб.; а всего 32 руб. Въ симбирскомъ земствѣ нормальная оцѣнка «всей крестьянской усадьбы» равняется 32 руб.; въ новогородскомъ земствѣ нормальная оцѣнка избы со дворомъ—30 р.; во владимѣрскомъ земствѣ—30 р.; въ саратовскомъ—30 руб. Въ тамбовскомъ земствѣ нормальная оцѣнка устанавливается для крестьянской избы со дворомъ различныя цифры, смотря по мѣстности и состоянію построекъ: въ лѣсной полосѣ за новую избу со дворомъ 30 р., за старую 15 р., въ степной полосѣ—за новую 45 р., за старую 22 р. Въ нижегородскомъ земствѣ жилая постройка оцѣнивается въ 15 р., холостая въ 5 р., вслѣдствіе чего оцѣнка избы со дворомъ соотвѣтствуетъ с.-петербургской нормѣ. Въ орловскомъ земствѣ существуетъ раздѣленіе губерніи на двѣ группы, причемъ оцѣнка избы со дворомъ въ первой группѣ равняется 15 руб., во второй 10 руб.

Въ какой мѣрѣ само земство сознавало полное несоотвѣтствіе между нормальною оцѣнкою и дѣйствительной стоимостью застрахованныхъ строеній, видно изъ слѣдующихъ характерныхъ примѣровъ. До 1879 г. въ херсонскомъ земствѣ существовала, сравнительно, высокая нормальная оцѣнка, а именно, изба отдельно 34 р. п., кромѣ того, амбаръ 14 р., сарай 10 р., клуня 16 р. и мелкія надворныя постройки, сколько бы ихъ во дворѣ ни было — 10 р. Вслѣдствіе заявленія нѣкоторыхъ гласныхъ, на обсужденіе уѣздныхъ собраній былъ поставленъ вопросъ о необходимости повысить эту нормальную оцѣнку, причемъ губернская управа слѣдующимъ образомъ формулировала отвѣтъ уѣздныхъ собраній: «Уѣздныя земскія собранія, въ сессію 1880 г., всѣ выказались за увеличеніе нормальной оцѣнки крестьянскихъ строеній, подлежащихъ обязательному страхованию. Это увеличеніе, по мнѣнію уѣздныхъ собраній, вызывается повышениемъ цѣнъ, какъ на строительные матеріалы, такъ и на рабочій трудъ. Вслѣдствіе этого, существующая нынѣ нормальная оцѣнка совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительной стоимости построекъ, даже въ самомъ худшемъ ихъ видѣ. Волостная правленія, для выдачи крестьянамъ вознагражденія за пожары, составляютъ вѣдомости, въ которыхъ вносятъ всю сумму понесенныхъ отъ пожара убытковъ; сумма эта, за рѣдкими

исключеними, далеко превышает ту, въ которую сгорѣвшія строенія были застрахованы, вслѣдствіе чего крестьяне, при каждомъ пожарномъ случаѣ, далеко не возмѣщаются своихъ убытковъ».

Екатеринославская уѣздная управа представила собранію 1884 года докладъ о повышеніи нормальной оцѣнки, въ которомъ говоритъ: «Нормальная страховая оцѣнка, въ настоящее время, такъ низка, въ особенности для различного рода строеній, крытыхъ деревомъ и соломой, что погорѣльцы, на вознагражденіе, полученное ими изъ земства, не имѣютъ возможности возобновить уничтоженныхъ построекъ». При этомъ управа предлагала установить нормальную оцѣнку избы деревянной, крытой деревомъ, въ 120 р. и крытой соломою, въ 90 руб. и холостыхъ построекъ—большого амбара, сарай, клуны, мельницы отъ 50 до 200 р., каморы и новѣтки обмазанныхъ 20 р. и необмазанныхъ 6 р.

Воронежская губернская управа представила собранію 1884 г. новые страховые правила, въ которыхъ, между прочимъ, признаетъ прежній размѣръ нормальной оцѣнки двора въ 40 р. крайне низкимъ и предлагаетъ повысить его для великорусскихъ селеній до 125 р. и для малорусскихъ до 100 рублей.

Въ курскомъ земствѣ въ 1883 г. установлено было правило, по которому волостнымъ правленіямъ предоставлялось, по ихъ усмотрѣнію, вносить въ страховую вѣдомость отдѣльные постройки, съ оцѣнкою ниже нормальной оцѣнки. По заявлению предсѣдателя путинской управы, послѣдствіемъ этого оказалось то, что большинство крестьянскихъ построекъ оцѣнены до невозможности низко; такъ, напр., избы, оцѣненные ранѣе въ 85 р., на слѣдующее трехлѣtie были оцѣнены лишь въ 10 р., а сараи въ 2 и даже 1 р. Къ счастью, этотъ порядокъ существовалъ недолго, и собраніе 1884 г. признало, что, вслѣдствіе вздорожанія строительныхъ матеріаловъ, даже прежняя нормальная оцѣнка низка, а потому крестьянскія постройки должны страховаться не ниже этой оцѣнки, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, теряется все значеніе самого обязательнаго взаимнаго страхованія.

Такимъ образомъ, изъ приведенныхъ выше данныхъ видно, что средняя оцѣнка одной крестьянской постройки въ 30 р. совпадаетъ, и, даже иногда, превышаетъ нормальную оцѣнку цѣлаго двора во многихъ земствахъ. Если допустить, что исключеніе изъ общихъ суммъ отдѣльныхъ холостыхъ построекъ повысило бы среднюю оцѣнку крестьянского двора на 30% (оценка двора и холостыхъ построекъ въ большинствѣ земствъ относится какъ 8 къ 1), то и тогда средняя оцѣнка крестьянского двора будетъ едва ли выше 40 руб.¹⁾. Удивительно-ли послѣ этого, что идея

¹⁾ Если же принять во вниманіе, что въ свѣдѣніяхъ центральнаго статистического комитета обязательное страхование показано въ общей суммѣ, безъ выдѣленія страхования по дополнительной оцѣнкѣ, то установленная выше цифра 40 р. окажется даже преувеличеною.

самопомощи, въ дѣлѣ устраненія послѣдствій пожарныхъ бѣдствій, полу-
чила среди населенія слабое распространеніе, и, что крестьяне считаютъ
пожарное вознагражденіе какимъ-то пособіемъ «на погорѣлое мѣсто».

Какія-же причины побуждаютъ земство оставаться при низкой оцѣнкѣ, «подрывающей значеніе самого страхованія?» Просматривая журналы зем-
скихъ собраній, нетрудно замѣтить, что указанная политика земства обу-
словливается, главнымъ образомъ, слѣдующими тремя причинами: 1) чрез-
вычайными пожарными убытками, бывающими иногда въ отдельныхъ
мѣстностяхъ, 2) наростаніемъ недоимокъ страхового сбора и 3) медлен-
нымъ ростомъ запасныхъ капиталовъ.

Останавливаясь на первой изъ этихъ причинъ, нельзя не замѣтить,
что въ ней, какъ нельзя болѣе, выразилось меркантильное направленіе
земства. Казалось-бы, что значительное распространеніе пожарного бѣд-
ствія должно было бы вызывать стремленіе усилить помошь тѣмъ лицамъ,
которые потерпѣли отъ этого бѣдствія, а, между тѣмъ, земства, послѣ
одного-двухъ убыточныхъ для страховой операциіи лѣтъ, послѣ 2—3 зна-
чительныхъ пожаровъ, почти всегда прибѣгали къ пониженію нормальной
оценки, т. е. стремились усилить вредныя послѣдствія, распространеннаго
въ какой-либо мѣстности бѣдствія. Быть даже такой случай, что одно
изъ уѣздныхъ земствъ саратовской губ. предлагало губернскому собранію
установить правило, по которому пожарные убытки, произшедшіе въ ка-
комъ-либо селеніи, раскладываются, прежде всего, на односельчанъ, путемъ
извѣстнаго процентнаго обложения стоимости ихъ имуществъ; если-же по-
жарное вознагражденіе не будетъ такимъ образомъ пополнено, то остаю-
щаяся сумма должна раскладываться, тѣмъ-же порядкомъ, сначала на во-
лость и затѣмъ уже на уѣздъ. Возлагая, такимъ образомъ, послѣдствія
бѣдствія на тѣхъ самыхъ лицъ, которые потерпѣли отъ него, названное
земство желало соблюсти справедливость и не вводить въ убытки рачи-
тельную часть населенія, среди котораго не бываетъ пожаровъ.

Если даже не принимать во вниманіе, что земское взаимное страхо-
ваніе учреждено для дѣйствительной помошь населенію, а не для накоп-
ленія капиталовъ въ страховыхъ кассахъ, пониженіе оценокъ, вызы-
ваемое паническимъ страхомъ земства передъ усиливающимися пожарами,
не выдерживаетъ никакой критики. Вѣдь, если страховая премія съ еди-
ницы стоимости имущества установлена съ такимъ разсчетомъ, чтобы
покрывать пожарные убытки и другіе расходы, то для страхового учреж-
денія безразлично въ какой-бы суммѣ ни страховались имущества, лишь-бы
эта сумма не превышала дѣйствительную стоимость ихъ, потому что, вмѣстѣ
съ увеличеніемъ суммы пожарного вознагражденія, увеличится и сумма
поступающей преміи. Для уясненія этого обстоятельства примѣромъ, до-
пустимъ, что въ каждомъ селеніи, состоящемъ изъ ста дворовъ, ежегодно
сгораетъ одинъ дворъ или, при средней интенсивности сельскихъ пожаровъ
въ Россіи, въ каждые четыре года сгораетъ 4 двора; при этихъ условіяхъ,
каждый дворъ долженъ сгорѣть въ 100 лѣтъ и, слѣдовательно, въ теченіе

этого времени, долженъ, путемъ ежегодной преміи, выплатить свою стоимость. Такимъ образомъ, при средней взимаемой теперь страховой преміи въ 1 р. 50 к. со 100 руб. стоимости, каждый домохозяинъ платить за свой дворъ, оцѣненный въ 50 р., ежегодно 75 коп., а въ 100 лѣтъ заплатить 75 руб., т. е., другими словами, выплатить оцѣнку своего двора и, кромѣ того, внесеть 25 р. въ капиталъ обезпеченія страхового учрежденія, на случай чрезвычайныхъ пожарныхъ убытковъ. При оцѣнкѣ двора въ 150 р. каждый домохозяинъ заплатить въ годъ 2 р. 25 к., а въ 100 лѣтъ 225 руб., следовательно, кромѣ стоимости своего двора, внесеть въ капиталъ обезпеченія 75 руб.

Эта азбучная истина, къ сожалѣнію, усвоена далеко не всѣми земствами. При первомъ уменьшениі запаснаго капитала, вслѣдствіе неблагопріятнаго въ пожарномъ отношеніи года, многія земства тотчасъ возбуждаютъ вопросъ о пониженіи нормальной оцѣнки, утверждая, будто-бы пожары являются послѣдствіемъ поджоговъ, а потому необходимо сдѣлать такъ, чтобы пожары были невыгодны для населенія. Примѣромъ въ этомъ отношеніи можетъ служить московское земство. При введеніи земскаго страхованія, нормальная оцѣнка избы со дворомъ установлена была въ 30 р. Въ 1869 году эта оцѣнка была повышена до 50 р., въ виду заявленія нѣкоторыхъ гласныхъ, что прежняя норма оцѣнки совершенно не соотвѣтствуетъ цѣлямъ страхованія; вмѣстѣ съ повышеніемъ оцѣнки, въ томъ-же году, учреждено страхованіе по особой оцѣнкѣ до 500 руб. Въ 1877 году, послѣ нѣсколькихъ значительныхъ пожаровъ, страхованіе по особой оцѣнкѣ упразднено, а для того, чтобы населеніе не пострадало отъ этого упраздненія, нормальная оцѣнка повышена до 75 руб. Въ 1884 г. вновь былъ поднятъ вопросъ о томъ, что нормальная оцѣнка слишкомъ низка и, что поэтому необходимо ввести дополнительное страхованіе для тѣхъ крестьянъ, которые пожелаютъ застраховать свои строенія по дѣйствительной ихъ стоимости. Собраніе согласилось съ этимъ мнѣніемъ и вновь ввело дополнительное страхованіе по особой оцѣнкѣ.

Все это происходило въ золотые дни московского земства. Затѣмъ съ течениемъ времени, измѣнились люди, измѣнились воззрѣнія, и то, чтоказалось полезнымъ въ страховомъ дѣлѣ, стало признаваться вреднымъ и опаснымъ. Наконецъ, въ минувшую сессію земскаго собранія, губернскія управы внесла предложеніе понизить вновь нормальную оцѣнку. Вотъ какими любопытными соображеніями управа мотивируетъ свое предложеніе.

«Съ 1873 по 1883 гг. въ губерніи было 6373 пожарныхъ случаевъ; изъ этого числа въ 2678 случаяхъ причины выяснены, въ 3695 случаяхъ причина пожара осталась неизвѣстной. Въ 2678 случаяхъ, въ которыхъ причины были выяснены, оказалось, что произошло пожаровъ: отъ неисправности трубъ и печей 417, или 15,5%, отъ поджоговъ 831, или 31%, отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ 1199, или 44,8% и отъ грозы 231, или 8,7%. Поджоги, составляющіе значительный процентъ

пожаровъ, въ большинствѣ случаевъ пропизведены изъ мести, зависти, подъ вліяніемъ ссоры или обиды, но не исключаютъ возможности и корыстной цѣли». Далѣе управа говоритъ, что поджогъ съ корыстною цѣлью можетъ явиться тогда, когда вознагражденіе за убытки будетъ превышать дѣйствительную потерю отъ пожара, что, несомнѣнно, можетъ имѣть мѣсто относительно деревянно-соломенныхъ построекъ. Такъ, управѣ стало известнымъ, что, по страховой вѣдомости, строенія крестьянина рузскаго уѣзда, Петра Константина, а именно: изба, горенка и дворъ были застрахованы въ 75 руб., а, между тѣмъ, строенія эти, вдовою названного крестьянина, впослѣдствіи, были проданы *на свозъ* крестьянину звенигородскаго у. всего за 40 р. Такой-же случай былъ въ можайскомъ уѣздѣ, где застрахованный по нормальной оцѣнкѣ въ 75 р. домъ со дворомъ, крестьянина Дементія Васильева, былъ проданъ *на сносъ* за 55 руб. «Эти единичные случаи,—продолжаетъ управа,—указываютъ на то, что и при страховой нормѣ, для крестьянского двора въ 75 р., возможны злоупотребленія со стороны такихъ домохозяевъ, у которыхъ застрахованный въ 75 р. строенія въ дѣйствительности не стоять этой цѣны. Верейское земство ходатайствуетъ о повышеніи нормальной оцѣнки въ виду того, что пожарное вознагражденіе въ 75 р., выдаваемое за горѣвшія строенія, недостаточно для возведенія новыхъ построекъ. *Не отрицаю того, что за 75 р. нельзя возвести новой постройки*, губ. управа, напротивъ, въ виду вышепложенаго, приходитъ къ противоположному заключенію,—что нормальная оцѣнка должна быть не повышенна, а понижена». Далѣе управа указываетъ на то, что, будто-бы, по закону, нормальная оцѣнка должна быть установлена для всѣхъ построекъ однообразная по губерніи или уѣзду, съ подраздѣленіемъ лишь на разряды по свойству матеріаловъ и хозяйственному назначенію этихъ построекъ, а между тѣмъ, строенія, съ теченіемъ времени, ветшаютъ и теряютъ часть первоначальной цѣны. «Такъ какъ, въ такихъ случаяхъ пониженіе установленной нормальной оцѣнки по закону не разрѣшается, заключаетъ управа, то эта оцѣнка должна быть низшей, а не средней или высшей и должна соотвѣтствовать самой дешевой стоимости строеній».

Итакъ, два извѣстныхъ управѣ случаи, когда постройки были проданы на сносъ дешевле страховой оцѣнки, являются достаточными для утвержденія, что крестьянамъ бываетъ выгодно совершать поджогъ и что, поэтому, въ интересахъ страховой операции необходимо понизить во всей губерніи нормальную оцѣнку! Любопытны, между прочимъ, производимыя управою, для вящей убѣдительности, статистическія упражненія, доказывающія, что «поджоги составляютъ большой процентъ пожаровъ». Въ 10 лѣтъ было 6373 пожарныхъ случая, которые произошли отъ неисправности печей, (417), отъ поджоговъ (831), отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ (1199), отъ грозы (231) и, наконецъ, отъ непрѣдѣтной причины—3695. Казалось-бы, что въ послѣднюю группу снесены всѣ тѣ случаи, когда, послѣ тщательнаго изслѣдованія, не оказалось ни поджога,

ни неосторожнаго обращенія съ огнемъ, ни вліянія грозы, словомъ, ни одной изъ перечисленныхъ четырехъ причинъ, и что поэтому, изъ всѣхъ 6373 пожарныхъ случаевъ, поджогъ имѣло мѣсто лишь въ 831 случаѣ, что составляетъ лишь 13%, всего числа пожарныхъ случаевъ за 10 лѣтъ, а не 31%, какъ утверждаетъ управа. Если къ этому прибавить, что изъ этихъ 13%, по утвержденію самой управы, «изъ большинства случаевъ поджоги совершены изъ мести, зависти, изъ-за обиды или ссоры», то корыстная цѣль въ поджогахъ окажется столь незначительна, что ее можно было бы совершенно игнорировать при установлѣніи нормальной оцѣнки. Тѣмъ не менѣе, собраніе согласилось съ доводами управы, и понизило нормальную оцѣнку всѣхъ построекъ почти на 35%, сведя, такимъ образомъ, оцѣнку избы со дворомъ опять до 50 руб.

Вторая причина низкаго размѣра нормальной оцѣнки, какъ мы указали выше, заключается въ томъ, что не вся страховая премія поступаетъ въ кассы земства, а поэтому недоимки постоянно возрастаютъ. На первый взглядъ трудно понять, какая связь можетъ существовать между понижениемъ оцѣнки и нарастаніемъ недоимки. Средняя премія въ земскомъ страхованиіи составляетъ 1 р. 36 коп. со 100 руб. страховой суммы; слѣдовательно, при оцѣнкѣ двора въ 40 р., каждый домохозяинъ уплачиваетъ въ годъ 40—50 коп. при другихъ сборахъ, достигающихъ 30 р. на дворъ; нельзя-же допустить мысль о томъ, что земство уменьшаетъ нормальную оцѣнку для того, чтобы уменьшить страховую премію и тѣмъ облегчить ея уплату. Нѣть, земство разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: кроме обязательного страхованія по нормальной оцѣнкѣ, существуетъ еще форма страхованія по специальной или дополнительной оцѣнкѣ и добровольное страхованіе, непремѣннымъ условиемъ которыхъ является безнедоимочная уплата страховой преміи; чѣмъ ниже будетъ нормальная оцѣнка, тѣмъ больше у крестьянъ будетъ стимуловъ перейти къ дополнительной оцѣнкѣ, а слѣдовательно, тѣмъ больше будетъ совершаться безнедоимочныхъ страхований. Противъ такого разсужденія нельзя было-бы ничего возразить, если-бы земство развило въ населеніи идею взаимнаго страхованія и приложило усилия для организаціи безпрепятственнаго перехода къ дополнительному или добровольному страхованиемъ. Но этого утверждать нельзя: низкая нормальная оцѣнка не только не развила, но даже дискредитировала среди населенія идею взаимнаго страхованія, а слабое развитіе добровольного и дополнительнаго страхований (по первому застраховано 1,5%, по второму 4% всѣхъ построекъ) объясняется не отсутствиемъ у населенія сознанія собственныхъ выгодъ, а тѣми препятствіями и затрудненіями, которыми обставленъ въ деревнѣ переходъ къ этимъ видамъ страхованія. Вотъ какими чертами петербургская губ. управа въ 1880 г. характеризовала организацію земскаго страхованія:

«На основаніи изслѣдованія, произведенаго въ разныхъ мѣстностяхъ губерній, выяснился присущій всѣмъ волостямъ недостатокъ, а именно: полное равнодушіе и не вниманіе волостныхъ старшинъ къ дѣлу взаимнаго земскаго страхованія. Независимо отъ

данныхъ, собранныхъ на мѣстахъ, до губернской управы неоднократно доходили жалобы на неисполненіе волостными старшинами совершенно правильныхъ и законныхъ просьбъ лицъ, желавшихъ застраховать свои постройки во взаимномъ земскомъ страховании, и требованій о переводѣ строеній съ нормальной на особую оцѣнку. Неприятіе на страхѣ въ обязательномъ страхованіи вновь возводимыхъ построекъ—явление обыкновенное; происходящія въ постройкахъ перемѣны вовсе не показываются; непоказаніе трактирныхъ, промышленныхъ и торговыхъ помѣщений повторяется постоянно; оцѣнка принимаемыхъ на страхѣ строеній весьма часто производится произвольно; тоже самое повторяется и при оцѣнкѣ убытковъ отъ пожаровъ. О неправильныхъ дѣйствіяхъ волостныхъ старшинъ губернская управа неоднократно доводила до свѣдѣнія крестьянскихъ присутствій. Случалось, что крестьянское присутствіе, обнаруживъ въ дѣйствіяхъ волостныхъ старшинъ проступки по должностіи, сообщало о томъ на распоряженіе судебнай власти. Но въ результатахъ всѣ означенныя мѣры не имѣли никакихъ послѣдствій. Губернская управа, однако, не признавала возможнымъ поставить въ укорь большинству означенныхъ агентовъ такое отвѣщеніе къ этому дѣлу. Если всмотрѣться въ положеніе какъ волостныхъ старшинъ, такъ и вообще сельского начальства, то окажется, что едва-ли возможно возлагать на нихъ всецѣло веденіе дѣла, столь серьезнаго и сложнаго и требующаго большой аккуратности, какъ дѣло страхований. Волостное и сельское начальства на столько обременены возложенными на нихъ обязанностями по всѣмъ административнымъ дѣламъ, на исполненіи коихъ настаиваютъ и полицейскія управлѣнія, и крестьянскія присутствія, и мѣстныя земскія управы, мировые суды, судебные слѣдователи, судебные приставы и другія лица судебныхъ и административныхъ вѣдомствъ, что, не смотря на предоставление имъ губернскимъ земствомъ за веденіе дѣла страховаго вознагражденія, они не въ состояніи вести оное исправно. Въ виду изложеннаго, губернская управа полагаетъ, что слѣдуетъ, если не совершенно устранить волостныхъ старшинъ отъ дѣла страхований, то по крайней мѣрѣ въ значительной степени облегчить ихъ дѣятельность и, гдѣ нужно, помочь установленіемъ въ дѣлѣ страхований надлежащаго порядка. Единственно возможнаго и дѣйствительною мѣрою въ этомъ случаѣ является назначеніе агентовъ по обязательному страхованию».

Къ этому необходимо прибавить, что описанные порядки упразднены далеко не во всѣхъ земствахъ, и во многихъ изъ нихъ до настоящаго времени еще вся страховая организація держится на волостныхъ старшинахъ.

Изложенное выше доказываетъ, что цѣлесообразнѣе было-бы, если-бы земство сначала развило дополнительное и добровольное страхованія, а затѣмъ уже обратилось къ репрессивнымъ мѣрамъ по отношенію къ лицамъ, оставшимся на нормальной оцѣнкѣ. Это, конечно, было-бы зло, несовмѣстимое съ значеніемъ земства, но зло это поразило-бы не все населеніе, а лишь бѣднѣйшую его часть, противъ которой обыкновенно и ополчается всякая меркантильная система.

Но, оставивъ въ сторонѣ эту часть вопроса, обратимся къ привѣркѣ утвержденія земства, будто нарастаніе недоимокъ на столько угрожаетъ страховому дѣлу, что является надобность въ примѣненіи тяжкихъ репрессивныхъ мѣръ.

По 32 земскимъ губерніямъ недоимка страховаго сбора къ 1889 году достигла 7,2 миллионовъ руб., а годичный окладъ премій равнялся 10,7 милл. руб. Если распределить эту недоимку на 25 лѣтъ, въ теченіе которыхъ дѣйствуетъ земское страхованіе, окажется, что ежегодно недопо-

ступало, противъ оклада, по 287,000 р., или 2,7% годичнаго оклада. Результатъ этотъ оказывается столь неожиданнымъ, столь несоответствующимъ тяжкимъ репрессивнымъ мѣрамъ, примѣняемымъ земствомъ ко всему населенію, что невольно является сомнѣніе въ правильности сдѣланнаго вывода. И, дѣйствительно, земство можетъ возразить, что недоимка накопилась лишь въ послѣднее время, и что годичный окладъ преміи вначалѣ былъ гораздо ниже 10,7 милл. руб. Мы готовы согласиться съ тѣмъ, что нашъ выводъ не соответствуетъ дѣйствительному положенію страховой операциі за каждый годъ протекшаго двадцатипятилѣтія, но нельзя отрицать того, что мы вправѣ были сдѣлать его, подводя итогъ всему двадцатипятилѣтію и желая определить результаты страховой операциі къ концу этого периода. Вслѣдствіе этого мы настаиваемъ на томъ, что денежные результаты страховой операциі въ Россіи за 25 лѣтъ оказались блестящими и что населеніе въ высшей степени исправно уплачиваетъ страховой сборъ.

Не имѣя соотвѣтственныхъ свѣдѣній по всей Россіи за послѣдніе годы, приведемъ имѣющіяся у насъ подъ рукою цифры за 1892 годъ по московской губ., въ которой земство на столько было озабочено слабымъ поступлениемъ страхового сбора, что учреждало для разсмотрѣнія этого вопроса особую комиссію и организовало съезды свѣдущихъ лицъ и страховыхъ агентовъ. Окладъ преміи по этой губ. въ 1892 г. составлялъ 246,000 руб., а дѣйствительно поступило 213,000 р., слѣдовательно, недоимка равнялась 33,000 р., или 13% годичнаго оклада. Обстоятельство это было послѣднею каплею, давшею перевѣсь рѣшимости московскаго земства понизить нормальную опѣнку на 35%, какъ упомянуто было выше. Но при этомъ возникаетъ вопросъ, дѣйствительно ли этотъ недоборъ преміи знаменуетъ ненадлежащее отношеніе всего населенія къ своимъ платежнымъ обязанностямъ въ дѣль взаимнаго страхованія, или онъ происходит отъ другихъ, временныхъ и случайныхъ причинъ? Оказывается, что въ томъ-же 1892 г. окладъ выкупныхъ платежей равнялся 2,124,000 р., дѣйствительно же поступило 1,782,000 р., слѣдовательно, недоимка равнялась 342,000 р., или составляла 16% оклада; по срочнымъссудамъ и другимъ обязательствамъ крестьянскихъ обществъ окладъ былъ 66,000 р., дѣйствительно поступило 52,000 р., а недоимка равнялась 14,000 р., или составляла 21,7% оклада. Итакъ, по другимъ платежамъ, уклоняться отъ которыхъ населеніе врядъ-ли имѣть широкую возможность, недоимка 1892 г. оказалась больше, чѣмъ по страховому платежу; не слѣдуетъ-ли изъ этого заключить, что на размѣръ недоимокъ вліяли какія-нибудь общія экономическія причины и что по минуваніи этихъ причинъ населеніе вновь будетъ платить болѣе успѣшно, безъ примѣненія къ нему репрессивныхъ мѣръ? Къ этому нужно прибавить, что недоимка, въ дѣйствительности, образовалась не вслѣдствіе того, что всѣ плательщики внесли только 87% оклада, а скорѣе вслѣдствіе того, что около 13% населенія совсѣмъ ничего не могли уплатить по тѣмъ

или другимъ причинамъ; репрессивная-же мѣра земства обрушилась на все населеніе.

Наконецъ, земству хорошо известно, что существуетъ еще одна коренная причина накопленія недоимокъ и что въ существованіи этой причины виновно само земство. Вотъ что, между прочимъ, говорить та-же Московская губернская управа въ своемъ докладѣ собранію 1893 г.:

«Изъ представленнаго въ 1890 году губернскому собранію доклада объ изслѣдовавшемъ агентами на мѣстахъ причинѣ накоплѣвія страховыхъ недопомокъ видно, что въ Черкизовской волости такія изслѣдованія были произведены по 21 селенію и причины ихъ накопленія оказались слѣдующія: 1) неудовлетворительность прежняго порядка по взысканію старостами страховыхъ сборовъ; слабое требование этихъ сборовъ и зачлененіе поступленій въ казенные платежи; 2) растраты должностными лицами, послѣдствиемъ чего было, между прочимъ, и то, что крестьяне первое время боялись платить, а затѣмъ у нихъ явилась отвѣтка къ уплатѣ страхового сбора, и 3) старосты уплату сбора не записывали, а книжки утрачены. Въ 1892 году такое же изслѣдовавшее было произведено агентомъ въ Озерецкой волости по 20 селеніямъ. И здесь причины накопленія недопомокъ тѣ же, что и въ Черкизовской волости, а именно: 1) растрата суммъ должностными лицами волостного и сельского управления, 2) слабое требование страховыхъ сборовъ старостами и безопасность самихъ крестьянъ и 3) взносы собираемыхъ въ прежнее время страховыхъ платежей въ другіе сборы.»

Казалось-бы, что послѣ такого изслѣдованія, произведенаго 4 года тому назадъ, земству надлежало-бы организовать иную систему сбора страховыхъ премій, а не понижать нормальную оцѣнку.

Послѣдняя причина, тормозящая повышеніе этихъ нормальныхъ оцѣнокъ, заключается въ томъ, что, якобы, запасные капиталы земства такъ малы, что недостаточно обеспечиваютъ принятые на себя страховыми учрежденіями риски. Эта причина, точно также, какъ предыдущія, не выдерживаетъ критики. Къ 1889 году запасные капиталы въ 32 губерніяхъ составляли: наличными деньгами 18.005,000 руб., въ ссудахъ 2.964,000 р., а всего 21 милл. руб. Въ томъ же году застраховано было строеній на 807 милл. руб., следовательно, каждая 1000 руб. риска обеспечивалась 26 рублями запаснаго капитала. Если принять во вниманіе, что въ наиболѣе солидномъ и наиболѣе пользующемся довѣріемъ изъ дѣйствующихъ въ Россіи акціонерныхъ обществъ рискъ въ 1 миллиардъ рублей обеспечивается всего 10 миллионами основного и запаснаго капитала, т. е. 1000 руб. риска обеспечиваются 10 рублями собственнаго капитала,—то окажется, что земское взаимное страхованіе обеспечиваетъ своихъ участниковъ въ $2\frac{1}{2}$ раза больше, или, принимая выработанное практикою отношеніе въ акціонерныхъ обществахъ, земское страхованіе можетъ смѣло увеличить въ $2\frac{1}{2}$ раза оцѣнку своихъ рисковъ.

Сводя все вышеизложенное, нельзя не прийти къ заключенію, что населеніе совершенно добросовѣтно выполнило возложенную на него задачу по взаимному страхованию: оно не только выплатило своимъ членамъ пожарные убытки, происшедшия въ теченіе 25 лѣтъ, но и внесло въ капиталъ обезпеченія громадную сумму, свыше 20 милл. рублей, на

случай могущихъ возникнуть впослѣдствіи чрезвычайныхъ пожарныхъ бѣдствій. Что же касается земства, то оно сдѣлало слишкомъ мало для того, чтобы ослабить послѣдствія пожарныхъ бѣдствій и еще меньше для того, чтобы организовать надлежащимъ образомъ такой важный институтъ народной самопомощи, какъ взаимное страхование.

Ипп. Вернеръ.

ВВЕДЕНИЕ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ ВЪ АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Вопросъ о введеніи судебной реформы въ Астраханской губерніи былъ возбужденъ еще въ 1865 г. Т. с. Биппенъ, бывшій въ то время астраханскимъ губернаторомъ, считалъ необходимымъ открыть для всей Астраханской губерніи одинъ окружной судъ въ самой Астрахани, съ тѣмъ, чтобы судъ этотъ руководствовался Судебными Уставами лишь по дѣламъ, возникающимъ въ осѣдлой полосѣ губерніи; относительно же кочевого населенія, калмыковъ и киргизовъ, дѣйствовалъ бы на правахъ старой палаты уголовнаго и гражданскаго суда.

Что же касается суда присяжныхъ, то т. с. Биппенъ, признавъ первоначально возможнымъ, *при повышении избирательного ценза и соблюдении крайней осторожности*, распространить на Астраханскую губернію институтъ присяжныхъ засѣдателей, впослѣдствіи, однако, отъ этой мысли отказался.

Навѣрно этимъ заключеніямъ т. с. Биппена было придано серьезное значение, такъ какъ вопросъ о введеніи судебной реформы въ Астраханской губерніи надолго былъ преданъ забвению и снова былъ возбужденъ лишь въ 1883 г. Бывшій въ то время министромъ юстиціи ст. секретарь Набоковъ просилъ астраханского губернатора образовать подъ своимъ предсѣдательствомъ особое совѣщеніе «изъ представителей мѣстныхъ административныхъ и судебныхъ установленій и другихъ лицъ, близко знакомыхъ съ нуждами и потребностями населенія, для всесторонняго разсмотрѣнія вопроса о томъ, на сколько введеніе въ Астраханской губерніи общихъ судебныхъ мѣстъ нового устройства, и въ особенности учрежденія присяжныхъ засѣдателей, соотвѣтствовало бы этнографическимъ и бытовымъ условіямъ края, и какія изъятія изъ установленныхъ къ сему предмету правилъ вызывались бы мѣстными особенностями».

Совѣщеніе пришло къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) въ виду промышленного и торговаго значенія Астраханской губерніи, а вмѣстѣ съ этимъ и непрѣбѣжной необходимости въ скоромъ и гласномъ судѣ, представляется вполнѣ своевременнымъ введеніе въ этой губерніи общихъ судебныхъ

мѣсть, съ открытиемъ одного окружного суда въ городѣ Астрахани; 2) вѣдѣнію окружного суда должно быть подчинено одно осѣдлое населеніе, проживающее въ городахъ и станицахъ, селеніяхъ и поселкахъ, а кочевое — лишь по преступленіямъ, совершающимъ въ чертѣ осѣдлого населенія; 3) уголовная и гражданскія дѣла, возникающія въ средѣ кочевого населенія киргизской и калмыцкой степей, должны быть подчинены вѣдѣнію окружного суда на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ эти дѣла производились въ соединенной палатѣ уголовнаго и гражданскаго суда, и 4) въ Астраханской губерніи должна быть введенъ институтъ присяжныхъ засѣдателей.

Съ послѣднимъ пунктомъ, однако, не счелъ возможнымъ согласиться бывшій астраханскій губернаторъ, генераль-маіоръ Янковскій, по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) въ Астраханской губерніи много пришлага рабочаго населенія, преимущественно степныхъ калмыковъ и киргизовъ, которые, будучи судимы въ Астрахани, не имѣли бы представителей въ средѣ присяжныхъ засѣдателей; 2) въ Астраханской губерніи неѣть достаточнаго числа лицъ, способныхъ исполнять обязанности присяжныхъ засѣдателей; 3) значительный процентъ преступленій будетъ составлять нарушение законовъ о рыболовствѣ, а по этимъ дѣламъ присяжные, въ составѣ которыхъ войдутъ лица, заинтересованныя въ дѣлѣ рыболовства, едва ли будутъ въ состояніи постановлять беспристрастные приговоры.

Въ 1886 г. было образовано третье совѣщаніе для собранія болѣе подробнѣй по вопросамъ, касающимся введенія въ Астраханской губерніи судебной реформы. Это совѣщаніе пришло къ единогласному заключенію о необходимости введенія въ Астраханской губерніи судебной реформы *въ полномъ объемѣ, не исключая института присяжныхъ засѣдателей.* Совѣщаніе нашло, что требование бывшаго астраханскаго губернатора Биппена о повышеніи избирательного ценза для присяжныхъ засѣдателей ничѣмъ болѣе уже не оправдывается, и что заявленіе генераль-маіора Янковскаго о недостаткѣ лицъ, могущихъ быть присяжными засѣдателями, опровергается имѣющимися списками, въ которые оказалось возможнымъ внести болѣе лицъ, чѣмъ того потребовалось бы на самомъ дѣлѣ.

Въ министерствѣ юстиціи вопросъ о введеніи новаго суда въ губерніяхъ Уфимской, Оренбургской и Астраханской обсуждался одновременно. Министерство юстиціи признало, что, согласно съ заявленіями мѣстныхъ представителей суда и администраціи, а равно и органовъ общественного самоуправленія, что, по настоящему экономическому, хозяйственному и бытовому положенію означенныхъ губерній и по степени развитія въ нихъ торговли и промышленности, дальнѣйшее сохраненіе въ этихъ губерніяхъ судебныхъ установлений прежнаго устройства, со всѣми присущими имъ недостатками, не находить себѣ оправданія.

Свойственная старымъ судебнамъ мѣстамъ медленность дѣлопроизводства, зависящая отъ самыхъ формъ суда, а также и отъ малочисленности личнаго состава судебныхъ мѣстъ, усиливается еще въ Астраханской,

Оренбургской и Уфимской губерніяхъ отъ разноплеменности населенія, чрезвычайно значительныхъ разстояній, неудовлетворительности путей сообщенія и кочевого образа жизни части населенія. Въ виду этого дѣло-производство въ нынѣшнихъ судебныхъ мѣстахъ не можетъ не замедляться, и гражданскіе иски, часто не особенно значительные по цѣнѣ, но тѣмъ не менѣе весьма важные для тѣжущихъ сторонъ, остаются безъ разрѣшенія на столько продолжительное время, что нуждающіеся въ судѣ лица иногда бываютъ вынуждены отказываться отъ защиты судебнѣмъ порядкомъ самыхъ справедливыхъ претензій. *Тѣ-же причины вліяютъ и на неудовлетворительное состояніе производства уголовныхъ дѣлъ и на значительный процентъ оправданій по недостаточности уликъ противъ виновныхъ*¹⁾). Между тѣмъ, усиленіе судебнно-карательной власти и быстроты отправленія правосудія въ означенныхъ губерніяхъ представляются особенно желательными въ видахъ искорененія аграрныхъ преступлений, получившихъ въ этой окраинѣ, подъ вліяніемъ преобладанія инородческаго элемента и своеобразно сложившихся поземельныхъ отношеній, обширное развитіе. Съ этой точки зреянія введеніе судебнной реформы должно существенно способствовать упроченію въ средѣ инородческаго населенія означенныхъ губерній, принциповъ гражданственности и объединенію этого края съ внутренними губерніями имперіи. Съ другой стороны, крайне скучные оклады, присвоенные вообще должностнымъ лицамъ прежнихъ судебнѣхъ учрежденій, затрудняютъ министерство юстиціи въ пріисканіи вполнѣ знающихъ, опытныхъ и благонадежныхъ кандидатовъ на должности не только судебнѣхъ слѣдователей и товарищей прокурора, но и членовъ палатъ. Поэтому вакантныя должности остаются иногда незамѣщеными въ теченіе довольно продолжительного времени, и лучшіе изъ мѣстныхъ судебнѣхъ дѣятелей постояннаго стремятся перейти въ другія мѣстности имперіи, въ которыхъ трудъ судебнѣхъ чиновъ, при болѣе благопріятныхъ условіяхъ службы, лучше оплачивается.

Оставаясь вѣрнымъ всѣмъ этипамъ соображеніямъ, министерство юстиціи, однако, не признало возможнымъ распространить судебнную реформу на всю Астраханскую губернію. Въ Астраханскую губернію входять такія мѣстности, въ которыхъ судебнное преобразованіе, по мнѣнію министерства, является неосуществимымъ. Къ такимъ мѣстностямъ относятся такъ называемыя калмыцкая и киргизская степи, где, на протяженіи десятковъ тысячи квадратныхъ верстъ, нѣть постоянныхъ поселеній. Вслѣдствіе этого выѣзды уголовныхъ сессій окружного суда, для разсмотрѣнія нѣсколькихъ дѣлъ, были-бы сопряжены съ такими денежными расходами, физическими препятствіями и потерей времени, что установление подобныхъ выѣзовъ

¹⁾) Это официальное признаніе негодности старого процесса является особенно зваменательнымъ потому, что здѣсь указано впервые на огромное количество *оправдательныхъ* приговоровъ при старомъ процессѣ. До сихъ поръ въ этомъ обвинили суды присяжныхъ.

едва-ли оправдывалось бы какъ съ финансовой точки зрењія, такъ и съ точки зрењія интересовъ правосудія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, полное незнакомство кочевниковъ съ русскимъ языкомъ существенно затрудняло-бы допросъ ихъ на судѣ въ качествѣ обвиняемыхъ, свидѣтелей и тяжущихся. У этихъ кочевниковъ не существуетъ общественного самоуправлениія, подобного волостному устройству крестьянъ, на нихъ не распространѣнъ кругъ дѣятельности судебныхъ слѣдователей и мировыхъ судебныхъ учрежденій Астраханской губерніи, а въ киргизской ордѣ нѣтъ даже установлений, подобныхъ калмыцкимъ судамъ — улуснымъ зарго.

Останавливаясь на вопросѣ о томъ, какой городъ избрать мѣстомъ для будущаго окружного суда, министерство юстиціи вполнѣ согласилось съ предположеніемъ мѣстнаго совѣщанія объ учрежденії въ Астраханской губерніи одного окружного суда въ гор. Астрахани и о подчиненіи вѣдѣнію этого суда всѣхъ уѣздовъ губерніи.

Наконецъ, по самому важному вопросу, т. е. по вопросу о введеніи суда присяжныхъ, министерство юстиціи высказалось отрицательно. Оно признало, что «едва-ли было-бы умѣстно ввести учрежденіе присяжныхъ засѣдателей въ Астраханской губерніи». Такое заключеніе министерство мотивировало слѣдующими соображеніями: съверная часть Астраханской губерніи — Царевскій уѣздъ, населенный преимущественно русскими хлѣбопашцами, мало отличается отъ смежныхъ съ нимъ Самарской и Саратовской губерній, а потому не могло-бы встрѣтиться серьезныхъ препятствий къ привлечению населенія этого уѣзда къ исполненію обязанностей присяжныхъ засѣдателей. Но въ совершенно иныхъ условіяхъ находятся остальные уѣзды Астраханской губерніи, племенной составъ которыхъ представляетъ чрезвычайное разнообразіе. Въ этихъ уѣздахъ проживаютъ, кроме русскихъ и армянъ: калмыки, киргизы, татары, персияне и другіе инородцы, исповѣдующіе отчасти магометанскую, отчасти-же языческую (ламайскую) религію. Среди этихъ инородцевъ, обитающихъ въ южныхъ уѣздахъ Астраханской губерніи, весьма мало распространено знаніе русского языка. Въ виду этого, распространеніе учрежденія присяжныхъ засѣдателей на южные уѣзды Астраханской губерніи представляется положительно невозможнымъ. А такъ какъ введеніе суда присяжныхъ въ одномъ уѣздѣ губерніи, безъ введенія его въ другихъ, должно быть признано неудобнымъ, то министерство юстиціи и пришло къ заключенію, что на Астраханскую губернію слѣдуетъ распространить судебную реформу съ однимъ лишь короннымъ судомъ.

На этихъ соображеніяхъ министерства юстиціи мы останавливаться не будемъ. Отмѣтимъ только здѣсь тотъ отрадный фактъ, что государственный совѣтъ отложилъ разсмотрѣніе вопроса о введеніи судебной реформы въ Астраханской губерніи *въ виду возможности ввести въ одномъ изъ ея уѣзовъ институтъ присяжныхъ засѣдателей.*

Во всякомъ случаѣ введеніе судебной реформы въ Астраханской губерніи послѣдуетъ, вѣроятно, не раньше 1895 г. Министерство финансовъ,

при обсужденіи смѣтъ министерства юстиціи на 1894 г., высказалось за исключение пѣзъ смѣты кредитовъ на введеніе судебнай реформы въ Астраханской губерніи, такъ какъ вопросъ объ этой реформѣ не представляется окончательно рѣшеннымъ.

В. Б.

ПРОВІНЦІАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ.

Вопросы модные и немодные.—Бомбы и фабрики динамита.—Убийства и истязанія.—Дѣла: Штильмана, Романовскаго, Десятичченко, Скарятовской, Кузиной и Старкуса.—Малолѣтніе въ ремесленныхъ заведеніяхъ.—О компиляторахъ и послѣднихъ словахъ науки.—Дѣло гг. Паниныхъ.—Литературныя дряги.—«Одесскій Листокъ», «Одесскія Новости», «Новороссійскій Телеграфъ» и «Орловскій Вѣстникъ». — «Гражданинъ» о томъ, кто умирает.—«Московскія Вѣдомости» о дисциплиновавшемъ трудѣ.—Возраженіе «Минскаго Листка».

Бомба за бомбой.... Бомба — въ партеръ театра въ Барселонѣ, бомба — въ палату депутатовъ въ Парижѣ, бомбы — въ ресторанъ Terminus, въ отель de l'Espérance тамъ же; въ Раковицѣ арестованы нѣсколько мальчишекъ, укравшихъ въ одномъ складѣ 32 килограмма динамиту.... Бомба въ Гринвичѣ.... Вопросъ о бомбахъ — положительно самый модный вопросъ. Сейчасъ я упомяну о другихъ вопросахъ или интересахъ «не модныхъ», но прежде покончу съ самымъ моднымъ. По моему занятію, мнѣ позволительно узнавать о томъ, что дѣлается напр. хотя бы въ Уругвайской республикѣ все изъ тѣхъ же русскихъ провинціальныхъ газетъ. И вотъ, изъ «Южнаго Края» я вижу, что недавно произошелъ страшный динамитный взрывъ въ одной деревнѣ близъ города Монтевидео. Англичанинъ построилъ тамъ фабрику для выѣлки динамита и складъ для храненія его. На фабрикѣ случился пожаръ, и рабочіе, да и все населеніе деревни тотчасъ бросились бѣжать; бѣжали они съ четверть часа, стало быть, были уже версты за двѣ, когда раздались два взрыва, похожіе на гулъ тысячи ударовъ грома. Фабрику разнесло, а въ городѣ Монтевидео треснули нѣкоторыя стѣны; изъ людей не убитъ никто, но погибли тысячи птицъ. Въ прошломъ году отъ взрыва динамита на одномъ суднѣ произошло страшное опустошеніе въ испанскомъ портѣ Сантаандеръ.

«Вопросъ» о динамитѣ, разумѣя этотъ вопросъ въ смыслѣ тѣсномъ, материальному, на мой взглядъ, следовало бы свести на полное уничтоженіе всѣхъ подобныхъ страшныхъ средствъ уничтоженія, каковы динамитъ, пироксилинъ, экразитъ и т. п. Если непрактична мысль о всеобщемъ разоруженіи, то уже гораздо менѣе непрактичной представлялась бы догадка о возможности такой международной конвенціи, которую всѣ государства отказались бы отъ употребленія разрывныхъ

снарядовъ (кромѣ начиненныхъ обыкновеннымъ порохомъ) — въ артиллеріи, подобно тому, какъ петербургской международной деклараціей 1868 года, по предложенію Россіи, европейскія государства отказались отъ употребленія въ войскахъ всякихъ разрывныхъ снарядовъ ружейныхъ. Тогда явилась бы возможность совершенно прекратить фабрикацію динамита и подобныхъ ему взрывчатыхъ веществъ. Если же такая конвенція оказалась бы неосуществимой, то могло бы состояться хотя бы общее соглашеніе о воспрещеніи частныхъ фабрикъ и складовъ этихъ веществъ, съ обращеніемъ приготовленія ихъ въ исключительную монополію правительства.

Теперь перейду къ совсѣмъ інымъ предметамъ. Признаться, отъ бомбъ и динамита я и началъ только съ той же цѣлью, какъ аѳинскій ораторъ началъ съ басни, чтобы перейти къ Филиппу македонскому, которымъ онъ уже въ прежнее время надоѣдалъ своимъ слушателямъ. Къ числу рѣшительно не модныхъ принадлежать вопросы объ учащеніи убийствъ, совершаемыхъ несовершеннолѣтними, о неравномѣрности судебныхъ приговоровъ, о вѣротерпимости, о крайней недостаточности призрѣнія покинутыхъ дѣтей, о фактическомъ отсутствіи защиты для малолѣтнихъ и женщинъ отъ истязаній. То ли дѣло постройка линіи отъ Непроизводященска до Неторгуева, охранная пошлина въ пользу будущихъ русскихъ апельсиновъ, уличеніе нерусскихъ фамилій въ составѣ службы кочегаровъ или хотя бы борьба думскихъ партій изъ-за поливки «излюбленной» площади. Это—дѣла, касающіяся личныхъ интересовъ въ разныхъ кликахъ, а потому они и представляютъ интересные вопросы. Около нихъ можно деньги нажить или кого-нибудь изъ домочадцевъ пристроить или, хотя бы, «насолить» кому-нибудь, кто намъ испортилъ одно изъ такихъ же дѣлишекъ. И вотъ, стремленія къ пріобрѣтенію линіи, пошлины, къ открытію ваканцій, наконецъ и къ «насоленію» вызываютъ живѣйшую полемику, порою цѣлымъ агитациѣ.

А сколько погибнетъ лишнихъ дѣтей, сколько лишнихъ миллионовъ колотушекъ, чѣмъ и по чѣмъ попало, будетъ ежегодно отпускаемо дѣтямъ, оставшимся въ живыхъ, какъ легко отдаляется отъ звѣрского преступленія злодѣй, который тиранілъ свою жертву, все это—такіе вопросы, отъ которыхъ ни дохода, ни мѣста, ни удовольствія получить нельзя, изъ обсужденія которыхъ не вынесешь даже и эффектнаго слова, чтобы щегольнуть имъ при случаѣ. И «публицисты» наши не любятъ такихъ вопросовъ, считаютъ ихъ прямо — мелкими.

Кстати замѣчу относительно публицистовъ, что этому названію у насъ придано значеніе слишкомъ растяжимое. Даже г. Слово-Глаголь, и того называютъ «публицистомъ» «Юга». И тотъ сотрудникъ этой газеты, котораго «Каспій» уличилъ въ повтореніи отъ собственного имени разсужденій «Спб. Вѣдомостей», съ перестановкою нѣсколькихъ словъ, также публицистъ. Но — къ дѣлу.

Симферопольскій мѣщанинъ Григорій Штильманъ, 19 лѣтъ, убилъ

на баштанѣ ударомъ обуха по головѣ, крестьянина Афанасія Герасимова, который, получивъ при разсчетѣ съ своимъ хозяиномъ 12 р. 32 к., шелъ домой мимо баштана. Убийца зарылъ трупъ въ землю, а потомъ самъ разболталъ обѣ этомъ. На судѣ онъ сперва ложно оговорилъ своего хозяина въ подкупѣ себя къ убийству. Штильманъ приговоренъ симферопольскимъ окружнымъ судомъ къ каторжнымъ работамъ на 10 лѣтъ. («Южный Край»). Не разболтай самъ Штильманъ о своемъ подвигѣ, онъ легко могъ остаться неоткрытымъ, такъ какъ, при нашемъ устройствѣ полицейской, да и слѣдственной частей, только меньшая половина убийствъ доходятъ до суда и оканчиваются осужденiemъ. Десять лѣтъ каторги — наказаніе само по себѣ тяжкое. Но Штильманъ получить свободу, когда будетъ имѣть 29 лѣтъ, а вѣроятно и раньше; а другого человѣка онъ казнитъ на 19 году жизни, изъ-за 12 р. 32 копѣекъ.

Относительная строгость (но только не по сравненію съ строгостью западныхъ судовъ) приговора въ данномъ случаѣ, несомнѣнно, зависѣла отъ корыстной цѣли преступленія. Каждый изъ судившихъ подумалъ: этакъ и меня, изъ-за карманныхъ часовъ, хлопнуть обухомъ. Вотъ, если-бы злодѣяніе явилось безъ корыстной цѣли, не входило въ категорію тѣхъ, которыхъ угрожаютъ людямъ имущественнымъ, если-бы оно явилось просто въ довершеніе цѣлаго ряда терзаній женщины или ребенка, въ такомъ случаѣ судящіе, возблагодаривъ судьбу за то, что они дѣство пережили и не принадлежать къ слабому полу, выказали-бы большую мягкость.

Признаюсь, меня еще гораздо больше, чѣмъ это убийство, возмущаетъ другое преступленіе, разсказъ о которомъ нахожу въ «Кievskomъ Slovѣ». Въ Каневскомъ уѣздѣ, въ селѣ Сахновѣ, псаломщикъ Иванъ Романовскій «въ высшей степени жестоко» обращался съ своей больной женою, такъ что, именно за это жестокое обращеніе, онъ былъ отправленъ, по распоряженію духовнаго начальства, въ монастырь на черныя работы; но, возвратясь оттуда, сталъ по прежнему истязать жену. Наконецъ, однажды, «возвратясь изъ церкви», Романовскій поставилъ самоваръ, налилъ въ стаканъ кипятку и, поваливъ жену, выжегъ ей глаза кипяткомъ, а затѣмъ принялъ бить ее «звѣрскимъ образомъ», такъ что ее насилию у него отняли. Уѣздный врачъ объявилъ, что несчастная лишилась зрѣнія навсегда. Затѣмъ, уже попавъ подъ слѣдствіе, Романовскій попросилъ начальство перевести его въ другую мѣстность и оставилъ ослѣпленную имъ жену безъ всякихъ средствъ къ жизни. И что-же? Судъ приговорилъ этого изверга къ ссылкѣ въ неотдаленный мѣста Сибири, съ лишеніемъ правъ, которое въ данномъ случаѣ расторгнетъ бракъ, такъ какъ жена за нимъ не послѣдуетъ, и Романовскій можетъ сочетаться новымъ, законнымъ бракомъ и дать снова волю своему звѣрству. Въ этомъ дѣлѣ обнаруживается прямо слабость самого закона, такъ какъ присяжные никакихъ смягчающихъ обстоятельствъ не признали.

Никто не будетъ требовать, чтобы законъ установлялъ наказаніе буквально — «око за око». Но что люди, подобные Романовскому, могутъ от-

дѣлываться за каторгу, которой они всю жизнь подвергали слабое существо, и за страшное нанесенное ему увѣчье—однимъ переѣздомъ изъ южной губерніи въ сѣверную, это, какъ хотите, возмутительно. Когда пишешь о возможности такого снисхожденія къ имъ, то рукоиць дѣлается нечеткою, потому что дрожитъ рука—не отъ жалости, но отъ негодованія на подобныхъ палачей.

Но публицисты считаютъ такие вопросы мелкими. А шаблонъ тотчасъ устраниетъ ихъ готовымъ на все отписками: «наказаніе не устраиваетъ преступленія»: «дѣло не въ томъ, чтобы Романовскому было скверно, но — въ поднятіи материального и нравственного благосостоянія населенія». И готово. Такъ, что если-бы у Романовскаго были два самовара, а не одинъ, и кромѣ жены еще любовница, то онъ былъ-бы неспособенъ къ преступленію. И хотя онъ выжегъ женѣ глаза, приди изъ церкви, но, если-бы ему надо было черезъ часъ опять идти въ церковь, то онъ въ промежуткѣ, вѣроятно, дружески бы побесѣдоваль съ женой, вместо того, чтобы выжечь ей глаза. И вотъ, переняvть отъ упомянутыхъ популяризаторовъ по части «измовъ» такія послѣднія слова, какъ атавизмъ и детерминизмъ, шаблонщикъ воспользуется возмутительнымъ дѣломъ только для того, чтобы покрываться въ мнimo-научныхъ позахъ, станетъ возиться съ атавизмомъ и детерминизмомъ, съ такимъ-же разумѣніемъ, какъ мартышка съ очками: «то къ тему ихъ прижметъ, то ихъ на хвостъ нанижетъ». По существу-же, безъ отношенія къ ломанью, онъ такихъ случаевъ разбирать не станетъ, потому что это, во-первыхъ, «мелко», а во-вторыхъ, «не-либерально». Выходитъ, что наши суды, которые призваны къ охранѣ личностей отъ посягательствъ убийцъ и истязателей, заняты дѣломъ менѣе крупнымъ, чѣмъ «публицистъ», который пишетъ провинциальная «Отовсюду», «Злобы дня», «Обо всемъ», «Что говорятъ» и т. п. и несетъ тамъ дичь обѣ измахъ, которые изучилъ по столичнымъ компиляціямъ, не можетъ коснуться и мусорныхъ ямъ иначе, какъ съ цѣлью передать и своему читателю «послѣднія слова науки».

И какія это послѣднія слова, развѣ могутъ быть въ самомъ дѣлѣ novissima verba въ томъ вѣчномъ исканіи и постепенномъ, подлежащемъ многократной провѣркѣ изслѣдованіи, которое, наконецъ, создаетъ положительное знаніе? Прививка коховскихъ «запятыхъ» была-ли «послѣднимъ» словомъ науки? У настъ компиляція Бюхнера, по Молешотту и Фохту, признавалась долгое время «послѣднимъ» словомъ, окончательнымъ решеніемъ знанія — въ смыслѣ материализма. И вдругъ, такой колоссъ, въ сравненіи съ Карломъ Фохтомъ, какъ Клодъ Бернаръ все это мнимое послѣднее слово совсѣмъ устранилъ изъ знанія научнаго. Понѣтнѣ, мы доселѣ провинціалы въ Европѣ, копирующіе послѣдніе столичные фасоны, и затверживающіе слова «послѣднія», въ смыслѣ самыхъ «свѣжихъ» hautes nouveaut s. Если хотите въ самомъ дѣлѣ знать—учитесь по подлиннымъ книгамъ, а не по научнымъ фельетонамъ отечественныхъ популяризаторовъ. Но всуе говорю я это, потому что вы сами

хотите знать не то, какъ дѣйствительно стоить теперь научный вопросъ—
pro и contra. Нѣть, вы хотите только узнать такое новое словцо, кото-
рое пока не дошло до Ивана Петровича, Петра Ивановича, Андрея Оси-
повича и которымъ, между прочимъ, сдавая карты, вы можете ихъ при-
шибить. Для этого, конечно, достаточно читать компиляторовъ и фельето-
нистовъ, у нихъ черпающихъ. А случается, что мальчики — гимназисты
прочтутъ раньше васъ и вы сами потерпите конфузъ, прежде чѣмъ зада-
тите его Петру Ивановичу у Андрея Осиповича.

Въ «Волжскомъ Вѣстнике» нахожу другое дѣло по истязанію жены
мужемъ. Въ симферопольскомъ судѣ судился крестьянинъ Десятниченко.
«Съ своей женой онъ прожилъ 18 лѣтъ. Всѣ эти 18 лѣтъ были сплош-
нымъ, безпрерывнымъ страданіемъ нечастной жены. Мужъ чуть-ли не
ежедневно билъ и истязалъ ее. Нѣсколько разъ онъ наносилъ ей раны
ножомъ, много разъ вырывалъ у ней на головѣ волосы, выдергивая ихъ
пучками, съ медленностью, чтобы доставить наибольшое страданіе не-
счастной»... Десятниченко пьянистовалъ, не работалъ, а отнималъ деньги у
жены на пьянство, и придя, пьяный, домой, начиналъ, какъ говорятъ,
куражиться: заставлялъ жену по нѣсколько часовъ ходить на колѣяхъ;
ставилъ возлѣ нея дѣтей и стрѣлялъ надъ ихъ головами, щипалъ и билъ,
запрещая жертвамъ шевелиться и грозя имъ кинжаломъ. Наконецъ, въ
послѣднее время Десятниченко чуть-ли не ежедневно пытался изнасилов-
вать своихъ родныхъ дочерей, изъ которыхъ одной 17, а другой 10 лѣтъ.

Но обвиненіе было поставлено, по этому послѣднему пункту—не за
попытки насилиованія, а только за «склоненіе малолѣтнихъ къ непотреб-
ству». Въ остальномъ же — за истязаніе. Десятниченко приговоренъ къ
отдачѣ въ арестантскія роты на 5 лѣтъ. А такъ какъ люди, находящіе
наслажденіе въ терзаніи слабыхъ, очень рѣдко идутъ противъ силы, то
попавъ самъ подъ страхъ палки, Десятниченко, быть можетъ, отслужить
свои 5 лѣтъ вполнѣ спокойно; а жена прожила съ нимъ 18-ти лѣтнюю
каторгу.

Къ преступленіямъ этого рода суды относятся нѣсколько строже, когда
жертвами являются малолѣтніе, а всего снисходительнѣе, когда жертвами
бывають жены обвиняемыхъ. Это обстоятельство объясняется тѣмъ, что
бывають такие составы присяжныхъ, которымъ еще не чуждо убѣждѣ-
ніе, что мужу все-таки до нѣкоторой степени позволяльно «учить»
жену. Въ тифлисскомъ судѣ недавно производилось дѣло, свѣдѣнія о ко-
торомъ беру изъ «Приазовскаго Края». Въ Владикавказѣ «полковница»
Скарятовская заподозрила свою служанку Анну Пригодину, 15 лѣтъ, въ
кражѣ 13 рублей и, чтобы заставить дѣвушку сознаться, подвергла ее
пыткѣ. При помощи деньгищика своего сына, а отчасти самого сына, хо-
рунжаго Скарятовскаго, полковница сѣчетъ Погодину, обливаетъ ее хо-
лодной водой и на ночь запираетъ свою жертву въ «холодную», предо-
ставляя деньгищику дѣлать съ дѣвушкой, что онъ хочетъ. На другой день,
дѣвушку вѣшаютъ за ноги, а Скарятовская рветъ ей волосы и бьетъ ее

головою о землю; затѣмъ привязываютъ ее за косу и перебросивъ ве-ревку черезъ перекладину, вадергиваютъ Пригодину на воздухъ и держать такъ, висящую на косѣ — часъ. Потомъ Скарятовская начинаетъ колоть дѣвушкѣ пальцы до крови. Тогда только ужесосѣди вступились и дали знать полиціи. А какъ рѣдко сосѣди желаютъ «ввязываться» въ дѣло и сколько жестокостей могутъ совершаться невозбранно и безнаказанно... Дѣло это рассматривалось въ судѣ, затѣмъ въ палатѣ, и Скарятовская присуждена къ лишенію особыхъ правъ и къ ссылкѣ въ Тобольскую губернію на 8 лѣтъ.

Въ Тобольской губерніи эта дама можетъ встрѣтиться съ пономаремъ Романовскимъ, также сосланнымъ въ неотдаленные мѣста Сибири. Конечно, нечего жалѣть о такой фуріи; но она была и вѣшла свою жертву за косу въ теченіе двухъ дней; а равное съ нею наказаніе несеть пономарь, который мучалъ свою больную жену многіе годы и, наконецъ, выжегъ ей глаза! Прибавлю, что Скарятовская въ дѣйствительности наказана даже строже этого злодѣя, такъ какъ лишеніе правъ для нея имѣть болѣе реальное значеніе. Деньщикъ приговоренъ къ арестантскимъ ротамъ на 1 годъ. Офицерь же, признанный виновнымъ въ насилии и приговоренный судомъ къ аресту на 3 мѣсяца, при разсмотрѣніи дѣла въ палатѣ, былъ вовсе освобожденъ отъ наказанія — «за примиреніемъ съ потерпѣвшей». Но бываютъ случаи, когда подобныя примиренія достигаются малою подачкой бѣднякамъ. Бывали и такие примѣры, что желѣзодорожные рабочіе за потерю руки или ноги, вслѣдствіе какого-нибудь неправильного маневра, мирились съ обществомъ на 25 рублейхъ. А вотъ, еслибы деньщикъ Грошевъ не помогалъ въ истязаніи и не былъ виновенъ въ насилии, а только спряталъ бы себѣ въ карманъ шейный платокъ истязуемой дѣвушки и, бывъ уличенъ въ присвоеніи его, подвергся бы приговору о заключеніи въ тюрьму на 1 мѣсяцъ, тогда освобожденіе отъ наказанія, на основаніи примиренія съ потерпѣвшимъ, не могло бы имѣть мѣста.

Въ заключеніе приведу еще одинъ примѣръ. Предметъ этотъ — невеселый и я уже однажды о немъ говорилъ. Но, когда-нибудь, когда накопятся новые факты, я опять возвращусь къ нему. На мой взглядъ, печать наша должна ближе приглядываться къ несправедливостямъ въ повседневной жизни. Не все же порхать по верхамъ, да распинаться за австро-венгерскія, будто бы слишкомъ печальная дѣла и за такое или иное направленіе новой желѣзодорожной линіи, что создастъ иллюзію будто полного равенства въ положеніи и призваніи нашихъ публицистовъ и публицистовъ иныхъ. Признаюсь въ нѣкоторомъ моемъ убожествѣ по части высшей политики: куда пойдетъ желѣзодорожная линія, кто пріобрѣтетъ ея постройку и т. д.—къ этому я отношусь, пожалуй, съ интересомъ, но безусловно безстрастно. Меня ни малѣйшимъ образомъ не волновалъ даже такой политической вопросъ: будетъ-ли назначено жалованье предсѣдателю петербургскаго съѣзда мировыхъ судей или не будетъ; проведетъ-ли г. Шау-

мана или г. Кедрина ръяная ихъ оппозиція — къ занятію современемъ должности петербургскаго городскаго головы, или торжественный ихъ выходъ изъ думской залы такъ и останется для нихъ безплоднымъ.

Въ больницу чернорабочихъ въ Москвѣ доставлена была 13-ти-лѣтняя ученица изъ бѣлошвейной мастерской Старкуса, Евгения Кононова, съ поврежденнымъ, отъ нанесенныхъ ей побоевъ, позвоночникомъ, въ шейной его части. На предварительномъ слѣдствіи она показала, что съ самаго поступленія ея къ Старкусу, ее часто сѣкли, били кулаками по шеѣ, спинѣ и груди и таскали за волосы, какъ мастерица Кузина, такъ и самъ хозяинъ Старкусъ. Въ послѣднюю же недѣлю били каждый день, наконецъ однажды ее особенно болѣво высѣкли и избили, причемъ Кузина таскала за волосы, а Старкусъ билъ кулакомъ, и послѣ одного изъ ударовъ по шеѣ, шея у нея заболѣла и ее на другой день отправили въ больницу. Другія ученицы мастерской подтвердили показаніе Кононовой и о себѣ сказали, что и ихъ сѣкла и била Кузина, а Старкусъ, хотя не биль, но зналъ, какъ съ ними обращались Кузина и другія мастерицы. Жаловались онѣ Старкусу не разъ, но это ни къ чему не вело, а когда мать одной изъ ученицъ разъ пришла жаловатьсяся хозяину за избіеніе ея дочери, то Старкусъ отвѣтилъ, что она можетъ взять изъ мастерской свою dochь, если желаетъ, чтобы ея не били.

Эксперты признали, что у Кононовой, еще до поступленія въ мастерскую, начался туберкулезный процессъ въ 3-мъ шейномъ позвонкѣ, при чемъ не только какое-нибудь насилие, но и самая работа въ сидячемъ положеніи, съ наклоненной головой, могла имѣть вредныя послѣдствія. У Кононовой произошло смыщеніе позвонка, и осмотръ, при началѣ дѣла, привелъ къ тому, что положеніе ея было признано въ высшей степени опаснымъ; теперь оно улучшилось, хотя опасность не миновала. При вторичномъ разборѣ этого дѣла, черезъ годъ, одинъ экспертъ отозвался, что такое состояніе могло явиться и безъ побоевъ, другой — что побои должны были дать толчокъ туберкулезному процессу, а третій нашелъ, что чрезвычайное обостреніе этого процесса у Кононовой, когда она была въ больнице, такъ что явился параличъ конечностей, «указываетъ прямо, что болѣзньный процессъ получилъ извнѣ сильный толчокъ, вслѣдствіе какого-нибудь насилия».

Такъ вотъ, что можетъ дѣлаться въ мастерской, въ столицѣ, каждый день, да и въ одной-ли мастерской? Больную дѣвочку мучаютъ мастерицы и хозяинъ, мучители вдвоемъ таскаютъ ее за волосы и бьютъ кулакомъ по большой шеѣ и вгоняютъ въ чахотку позвоночника. Мы устроили фабричную инспекцію, подражая Западу, и хорошо сдѣлали. Но подражая Западу, мы о самобытности-то своей въ этомъ случаѣ и забыли, какъ вообще постоянно забываемъ о ней, исключая, если на нее можно сослаться — въ пользу самой же порки. Западъ можетъ ограничиваться фабричной инспекціей, такъ какъ нельзѧ же себѣ представить, чтобы тамъ гдѣ-либо происходила въ частныхъ ремесленныхъ заведеніяхъ ежеднев-

ная, часто жестокая, кулачная расправа надъ дѣтьми. Самобытность-то наша и требовала, чтобы, по временамъ, и эти всѣ заведенія осматривались, именно съ цѣлью охранить дѣтей отъ истязаній и хотя бы грубаго насилия. Но дѣлается-ли это хоть когда-нибудь?

Рѣшаюсь утверждать, что никогда, и вотъ почему. Если-бы осмотръ съ упомянутой цѣлью производился, то дѣти и въ ремесленныхъ заведеніяхъ не могли-бы быть принуждаемы, съ согласія родителей, къ работѣ свыше 10 часовъ въ сутки и къ работѣ ночью. А стоитъ только пройти передъ окнами любой бѣлошвейной, прачечной тонкаго бѣлья, мастерскихъ портняжныхъ, перчаточныхъ и др., чтобы увидѣть малолѣтнихъ, работающихъ до ночи, а иногда, передъ большими праздниками, особенно въ бѣлошвейныхъ — до 2 и 3 часовъ ночи, даже позже. И такая убийственная въ тѣ годы работа еще сопровождается безпрестанной кулачной расправой! Наводились-ли когда-нибудь справки въ больницахъ и у частныхъ врачей, сколько случается при этомъ такихъ заболѣваній или поврежденій, которыя доходятъ до свѣдѣнія врачей, но, конечно, составляютъ лишь малый процентъ всѣхъ подобныхъ случаевъ, такъ какъ не станетъ же подмастерье, избивъ ученика, вѣсть его тотчасъ къ врачу?

Ремесленныя мастерскія осматриваются непремѣнно, но когда? Когда онѣ нанимаются и — только съ цѣлью удостовѣриться, сколько кубическихъ футовъ пространства въ данномъ помѣщеніи. Недохватъ двухъ кубич. футовъ ведеть къ отказу нанимателю и домовладѣльцу, причемъ оба они стараются какъ-нибудь уладить это дѣло и часто успѣваютъ. Вотъ эта «интересная» сторона осмотра городскихъ мастерскихъ и торговыхъ заведеній, дѣйствительно, интересуетъ. А какъ мастера и хозяева обращаются съ учениками, сколько и до какого часа ученики работаютъ это не интересуетъ никого, да навѣрное — и большинства моихъ же читателей.

Но окончу изложеніе этого дѣла, поучительнаго въ каждой изъ своихъ сторонъ. По разсмотрѣніи его, въ началѣ прошлаго года, московскій окружной судъ приговорилъ мастерницу Кузину къ заключенію въ тюрьмѣ на годъ, а хозяина Старкуса къ содержанію въ исправительному арестантскому отдѣленію на годъ и три мѣсяца, обоихъ съ лишениемъ нѣкоторыхъ правъ. Этотъ приговоръ могъ казаться правильнымъ, такъ какъ, по всѣмъ видимостямъ, въ дѣлѣ Кононовой Старкусъ былъ виновенъ еще болѣе, чѣмъ Кузина. Можно замѣтить, что потерпѣвшая дѣвушка могла тогда же, при первомъ уголовномъ разбирательствѣ, выступить въ роли не только свидѣтельницы, но и гражданской истицы, требуя съ виновныхъ вознагражденія заувѣчье или хотя бы за лишеніе заработка, при содержаніи въ больницѣ. Но гдѣ же ремесленнымъ ученицамъ, а хотя-бы и родителямъ ихъ, знать юридические ресурсы. Другое дѣло хозяина Старкуса; онъ нашелъ «талантливаго» юриста, который въ данномъ судо-производствѣ съумѣлъ тотчасъ открыть нарушеніе существенныхъ формъ, подать кассационную жалобу, сенатъ отмѣнилъ рѣшеніе первыхъ судей и теперь дѣло рассматривалось въ судѣ вновь.

Понятно, что оно должно было получить уже совсѣмъ иную обстановку. Если годъ тому назадъ ученицы мастерской, подъ впечатлѣніемъ участіи своеї товарки, рѣшились дать показанія обвинительныя противъ мастерицы, а отчасти и самого хозяина, то и то уже представляло довольно рѣдкое явленіе. Но теперь, черезъ годъ, послѣ того, какъ, быть можетъ, не одна изъ нихъ была жестоко выпорота за то показаніе, послѣ того, какъ рѣшеніе судей было отмѣнено, наконецъ, когда ученицы уже гораздо болѣе заняты собственнымъ своимъ положеніемъ, чѣмъ положеніемъ Кононовой, которое, по отзыву экспертовъ, улучшилось, хотя еще опасно — возможно-ли теперь было ожидать буквального подтвержденія первоначальныхъ показаній? И дѣйствительно, «показанія ученицъ, и теперь живущихъ у Старкусъ, до такой степени противорѣчили ихъ показаніямъ на предварительномъ слѣдствіи, что послѣднія всѣ, по требованію прокурора, были прочитаны. Но и послѣ этого свидѣтельницы увѣряли, что съ ними и самъ Старкусъ, и мастерицы его обращались хорошо, что, давая показанія у слѣдователя, онѣ забыли объ этомъ, а теперь припомнили!» («Р. Вѣд.» № 31).

Результатъ этого повторительного, вслѣдствіе адвокатской штуки, разсмотрѣнія дѣла, былъ таковъ: Кузина признана виновной въ истязаніи, но безъ причиненія увѣчья (!) и заслуживающею снисхожденія. Почему? Потому-ли, что хозяинъ Старкусъ заставлялъ ее такъ дѣйствовать? Вотъ тутъ единственный мотивъ для снисхожденія Кузиной, который имѣть-бы смыслъ. Вовсе не поэтому, такъ какъ самъ Старкусъ — просто оправданъ. А Кузина приговорена къ тюрьмѣ на годъ. Извлеку отсюда практическія правила для хозяевъ-ремесленниковъ, позволяющихъ себѣ всякое личное насилие, попустительство истязаній, а нерѣдко и эксплуатацію разврата надъ малолѣтними ученицами мастерскихъ: 1) сразу пригрозить всѣмъ ученицамъ, которыхъ однѣ могутъ быть свидѣтельницами, жесточайшему поркѣ; 2) въ случаѣ неблагопріятнаго приговора первыхъ судей, пригласить «талантливаго» адвоката для столь легкаго, впрочемъ, открытия нарушенія какой-либо мелкой формы; 3) неукоснительно привести въ исполненіе угрозу о жесточайшей поркѣ надъ всѣми ученицами, показавшими противъ хозяина; 4) предварить ихъ, передъ новымъ разбирательствомъ, что если онѣ не покажутъ, что прежде все врали, а на дѣлѣ всегда видѣли только отеческое отношеніе къnimъ хозяина, то будутъ тотчасъ выгнаны изъ мастерской, и 5) чтобы все-таки дать правосудію нѣкоторое удовлетвореніе — свалить всю вину нанесенного увѣчья на одну мастерицу, несмотря на то, что она зависѣла отъ хозяина совершенно также, какъ каждая ученица, и что въ ремесленномъ заведеніи хозяинъ безусловно знаетъ ежечасно все, что тамъ дѣлается.

Нѣть, на защиту судовъ для охраны малолѣтнихъ ремесленныхъ работниковъ, при этихъ условіяхъ, я рѣшительно не полагаюсь. Необходимъ периодическій административный осмотръ мастерскихъ, гдѣ работаютъ малолѣтніе, осмотръ даже болѣе частый, чѣмъ лавокъ, торгующихъ съѣст-

ными припасами. Потому, что менѣе вреда, если продастся даже фунтъ надпорченаго мяса, чѣмъ, если наспльщикамъ и истязателямъ будетъ предоставлено нашей бездѣятельностью и впредь тиранить и калѣчить мясо человѣческое.

Въ заключеніе, прошу читателя извинить меня, что на этотъ разъ я отвелъ столько мѣста «мелкому», скучному и непріятному вопросу, вмѣсто того, чтобы указать и въ провинціальной жизни созвучія съ вопросами высшей политики. Вопросы «высшей политики», при томъ уровнѣ, какой для нея имѣется, не нарушаютъ вполнѣ моего хладнокровія. Но многіе изъ тѣхъ вопросовъ, которыми наши «публицисты» пренебрегаютъ, заняться которыми никогда даже не удостоиваются, ко мнѣ лично выказываютъ непріятную навязчивость. Съ каждымъ человѣкомъ, чаще или рѣже, случается, что ему не спится... И вотъ—это уже дѣло субъективное—мнѣ стоитъ только прочитать одинъ, два процесса вродѣ приведенныхъ.... Не заснешь благовременно, мозгъ дѣйствуетъ и слышится—стоять множества существъ. Тогда лучше сразу одѣться и курить, до той минуты, когда принесутъ газету, которая разскажетъ, какъ въ Австріи притѣсняютъ словенцевъ, имѣющихъ свои школы и газеты, и какъ велико политическое и военное значеніе желѣзной дороги съ Выборгской стороны къ Мурманскому берегу.

Рядъ судебныхъ дѣлъ закончилъ такимъ процессомъ, который уже не имѣлъ ничего общаго съ предшествующими. Отчетъ о немъ первоначально появился въ «Юридической Газетѣ», но былъ перепечатанъ или пересказанъ въ большинствѣ газетъ провинціальныхъ, гдѣ я и нашелъ его. Буду держаться изложенія въ «Приазовскомъ краѣ». Здѣсь опять фигурировала «полковница», а точнѣе вдова подполковника Панина. Дѣло производилось въ окружномъ судѣ, въ саратовской судебной палатѣ и теперь переносится въ сенатъ по кассационной жалобѣ обвиненной. Въ прошломъ юлѣ, въ Тамбовѣ, во время архиерейского служенія въ монастырѣ, г-жа Панина, стоя вблизи архиерея, на солеѣ, махала на себя вѣромъ, вслѣдствіе жары. Епископъ поручилъ полиціймейстеру «указать ей на неприличное ея поведеніе, дабы она сошла съ солеи и прекратила обращавшее на себя вниманіе маханіе вѣромъ». Полиціймейстеръ не сдѣлалъ этого самъ, а поручилъ одному духовному лицу, то духовное лицо—другому, а Панина не послушалась послѣдняго и даже громко сказала, «гдѣ хочу, тамъ и стою». Молебень кончался, возглашалось многоголосіе, а Панина, хотя и «опустилась на одну ступень», но продолжала помахивать вѣромъ. Тогда самъ преосвященный сказалъ ей: «доколѣ, сударыня, будете махать вашимъ вѣромъ; въ храмъ Божіемъ это совсѣмъ неприлично. «Но это замѣчаніе вызвало со стороны Паниной цѣлый потокъ словъ»... Относительно подлинныхъ выражений Паниной свидѣтели показывали различно, ибо въ то время, когда она бушевала, пѣвчие пѣли многоголосіе. Одни показывали, что она кричала—«какія нѣжности»; другие—«я не горничная какая-нибудь», «я больная женщина, гдѣ хочу, тамъ и

буду стоять», «кто можетъ мнѣ дѣлать замѣчанія, я женщина больная и среди толпы стоять не могу». По окончаніи молебна, Панина хотѣла первая подойти къ кресту, но полицейскій чиновникъ загородилъ ей дорогу, тогда и г-жа Панина и сынъ ея, мѣстный слѣдователь, начали кричать на полицейскаго: «это чортъ знаетъ что-такое, это — безобразіе, какъ вы смѣете» и т. п.

Судь призналъ сына виновнымъ въ оскорблениіи полицейскаго чиновника словами и приговорилъ Панину къ штрафу въ 30 рублей; относительно же г-жи Паниной, судь призналъ, что «она сказала архіерею грубыя слова; нужно признать и то, что въ словахъ этихъ есть оскорблениe преосвященнаго; но, отвѣчая ему (на что, по мнѣнію суда, она имѣла право), Панина не съумѣла подыскать надлежащихъ выраженій, которая бы, заключая ея оправданія, въ тоже время не давали бы повода привлечь ея къ отвѣтственности; вотъ это-то неумѣніе Паниной такъ отвѣчать архіерею судь призналъ за доказательство ея неразумѣнія и приговорилъ Панину къ наказанію установленному за произнесеніе священнослужителю, во время богослуженія, грубыхъ словъ безъ умысла и по неразумѣнію», то-есть къ аресту на 1 мѣсяцъ. Прокуроръ опротестовалъ это рѣшеніе и дѣло перешло въ судебнную палату. Но въ судебномъ засѣданіи, товарищъ прокурора палаты не только отказался поддерживать протестъ прокурора окружного суда, но пошелъ дальше, признавая въ дѣлѣ наличность обстоятельства, которое можетъ вести за собою смягченіе наказанія опредѣленного Паниной; такое обстоятельство товарищъ прокурора видѣлъ въ раздраженіи, въ которое должно было, по мнѣнію товарища прокурора, привести Панину замѣчаніе, сдѣланное ей архіереемъ. Адвокатъ представилъ самый вѣсъ, который оказался малымъ, и нѣсколько медицинскихъ удостовѣреній о болѣзnenномъ состояніи подсудимой. Въ рѣчи своей защитникъ «утверждалъ, что причиной возникновенія всего дѣла было раздраженное состояніе архіерея». Судебная палата, однако, утвердила приговоръ окружного суда и дѣло идетъ теперь на кассацію уже по жалобѣ самой обвиненной.

Отъ судебныхъ процессовъ, изъ коихъ иные должны были произвести на читателя тяжелое впечатлѣніе, перехожу къ дѣламъ, съ содержаніемъ болѣе легкимъ, а именно къ нѣкоторымъ мелочамъ свойства личнаго въ провинциальной печати. Впрочемъ, въ иныхъ мѣстныхъ кружкахъ онѣ быть можетъ считались событиями. Увы, и здѣсь борьба и посягательство ближняго на ближняго, и «страсти роковые и отъ судебъ защиты нѣтъ». Литераторы вообще склонны преувеличивать общественное значеніе ихъ личныхъ взаимныхъ счетовъ и исключенія въ этомъ отношеніи рѣдки, хотя бываютъ. Помню, какъ однажды покойный Г. З. Елисѣевъ, подписывавшій свои статьи псевдонимомъ Грицко, на рѣзкую личную выходку противъ него въ какомъ-то изданіи другого, ужъ, конечно, менѣе значительнаго псевдонима, отвѣтилъ, примѣрно такъ: и зачѣмъ неизвѣстный авторъ такъ занялся мною, также неизвѣстнымъ, и

такъ меня отдѣлываетъ; вотъ гдѣ можно сказать, что «тля тлю ъсть». Подлинно привожу только три послѣднихъ слова, которыя помню.

Не могу не признавать общественнаго значенія полемики по какому-нибудь общему вопросу; полагаю также, что и личное обличеніе необходимо, какъ необходимо полоть въ полѣ сорную траву, чтобы она не заглушала полезныхъ всходовъ. Но «вопроесы» въ такомъ родѣ: кто въ газетѣ что пишетъ, почему прежде писалъ другой, а теперь этотъ, хорошо-ли было, что тотъ изъ редакціи ушелъ, а этотъ пришелъ,—это уже вопросы муралейника. Такими и имъ подобными «вопросами» занималась въ послѣднее время печать одесская, и я упомяну о нихъ, такъ какъ долженъ-же иногда живописать и литературные нравы. Разсказавъ въ прошлой статьѣ о томъ великомъ событіи, которое въ теченіе 10 дней прославлялось «Новоросс. Телеграфомъ», а именно о юбилѣ этой газеты, я и на этотъ разъ долженъ коснуться одесскихъ-же литературныхъ кружковъ.

Въ редакціяхъ «Одесскаго Листка» и «Одесскихъ Новостей» произошелъ, въ первыхъ дняхъ февраля, иѣкій переполохъ. Началось съ того, (т. е. началось въ печати, на дѣлѣ-же, понятно, началось не съ этого), что редакція «Одесскаго Листка», въ особой замѣткѣ, объявила чгві et orgi: «Съ нынѣшняго нумера въ трудахъ редакціи «О. Л.» принимаетъ ближайшее участіе бывшій редакторъ «Одесскаго Вѣстника», уважаемый А. С. Попандопуло». Прекрасно. Хотя я не зналъ, изъ кого доселѣ состояла редакція «О. Л.», за исключеніемъ редактора-издателя В. В. Навроцкаго, который подписываетъ нумера газеты, но нахожу естественнымъ, что, приглашая въ свой составъ новое лицо, редакція заявила объ этомъ. Черезъ два дня, въ той-же газетѣ, на томъ-же мѣстѣ, появилось письмо въ редакцію, въ которомъ сотрудникъ «Одесскихъ Новостей» Баронъ Иксъ извѣщалъ публику, что онъ вышелъ изъ этой газеты, «вслѣдствіе причинъ крайне щекотливаго свойства». На слѣдующій день, опять въ «Одесскомъ Листкѣ», съ тѣмъ-же заглавіемъ «отъ редакціи», было напечатано слѣдующее: въ «Од. Листкѣ» будетъ принимать постоянное участіе извѣстный журналистъ С. Т. Герцо-Виноградскій («Баронъ Иксъ»). Въ тотъ-же день въ «Новороссійскомъ Телеграфѣ» была помѣщена статейка, изъ которой приведу два мѣста. «Въ послѣднее время въ составѣ сотрудниковъ «Од. Нов.» и «Одес. Лист.» произошли существенно важныя перемѣны, а именно: изъ «О. Л.» ушли гг. Кауфманъ, Куперникъ и Фрейденбергъ («Оса»), изъ «О. Н.» г.г. Попандопуло и Баронъ Иксъ. Объ этихъ измѣненіяхъ ближе всего было-бы узнать изъ тѣхъ газетъ, въ которыхъ произошли перемѣны состава сотрудниковъ, но на дѣлѣ вышло совершенно обратное». Далѣе, «Новор. Тел.» поясняетъ, что о томъ, кто ушелъ изъ одной газеты сообщала не эта газета, но другая, для читателей которой это было неинтересно, между тѣмъ, какъ читатели первой «находятся въ сладкомъ заблужденії, что всѣ обозначенные въ объявленіи о подпискѣ сотрудники остаются на своихъ мѣстахъ». О вступлении новыхъ сотрудниковъ газеты сообщаютъ, а о выходѣ прежнихъ молчатъ.

Изъ всего этого и я узналъ много поучительнаго, между прочимъ, что «Баронъ Иксъ» это—г. Герцо-Виноградскій, а г. Фрейденбергъ—«Оса». Но Баронъ Иксъ убѣжденъ, что на мѣстѣ его перехода изъ одной газеты въ другую составляетъ настоящее событие. Выше я упомянулъ о скромности покойнаго Елисѣева, одного изъ руководителей «Современника» и «Отечественныхъ Записокъ». Иначе относится къ своему значенію въ литературѣ г. Виноградскій. На другой-же день послѣ объявленія о его вступленіи, въ «Од. Листкѣ», подъ рубрикою «О чёмъ говорять», появились подписанія Барономъ Иксомъ около 500 строкъ, изъ какового числа выписывало слѣдующія: «Баронъ Иксъ! Вотъ новость! Иксъ въ «Листкѣ». Опять! Что такое? Почему? Что? Какъ?! И вы уже и развѣсили уши въ чаяніи какого-нибудь чрезвычайнаго представленія съ объясненіями, разоблаченіями, заущеніями и т. п. полемическими упражненіями. И вдругъ такое огорченіе, ибо я пришелъ къ решенію обойти молчаніемъ это мое приключение и, несмотря на все мое раздраженіе, не заниматься этимъ водотолченіемъ». Такъ любознательные одеситы и не получили отвѣта ни на свой вопросъ «что-такое?», ни на свой вопросъ «что?» Имѣютъ уши, даже «развѣсили» ихъ, но ничего не услышали.

Въ послѣдній день января, «Одесскій Листокъ» сообщилъ, что нѣкто В. «пристроившійся къ розничной продажѣ при одной изъ одесскихъ редакцій», явился «на днѣхъ» къ нѣкоему Т., угрожая «разнести» его въ газетѣ, если онъ не дастъ денегъ, причемъ вымогатель предъявлялъ готовый оттискъ обличительной статейки, заранѣе написанной и набранной. Конечно, могло случиться, что служащий въ конторѣ устроилъ шантажъ безъ вѣдома редакціи и даже кого-либо изъ сотрудниковъ; но въ такомъ случаѣ, какимъ образомъ онъ могъ задерживать появленіе статейки, показывая ее въ корректурѣ и требуя денегъ за непомѣщеніе ея? «Новорос. Телеграфъ» замѣтилъ по этому поводу, что обличеніе этой продѣлки, въ той формѣ, какая ему была дана въ «Од. Листкѣ», вредно, потому что бросаетъ тѣнь на людей невинныхъ, которыхъ фамиліи могутъ имѣть одну начальную букву съ фамиліей дѣйствительно обличаемаго. Но при этомъ «Телеграфъ» заявилъ, что въ немъ самому «никакихъ В. нѣть», а такъ какъ шантажиста обличалъ «Од. Листокъ», то ясно, что и при «Листкѣ» этотъ В. не состоить. Затѣмъ Н. Т. прибавлялъ: «въ конторѣ «Одесскихъ Новостей» имѣется нѣкто г. Вейсманъ, но мы не имѣемъ основанія отнести къ нему обвиненія «Од. Листка», который обязанъ снять маску съ лица таинственнаго шантажиста и назвать его en toutes lettres».

«Нѣкто г. Вейсманъ» въ самомъ дѣлѣ оказался въ конторѣ «Одесскихъ Новостей», такъ какъ на другой же день въ газетѣ этой появилось его письмо, въ которомъ заявлялось, что «О. Л.» намекалъ именно на него и выражалось «глубокое возмущеніе», по поводу приписанаго ему вымогательства у «ростовщика» Т. Затѣмъ сообщалось, что «ростовщика, фамилія котораго начиналась бы буквой Т., онъ, Вейсманъ, не

знаеть и вообще никакихъ дѣлъ съ ростовщиками не имѣетъ». Что же оказалось, однако, вслѣдъ затѣмъ? То, что корректура статейки была предъявлена ростовщику Д. Теперу — не авторомъ только, что упомянутаго письма Ш. Вейсманомъ, служащимъ въ конторѣ «Од. Нов.», но, — по отзыву «Новоросс. Телеграфа», — его роднымъ братомъ А. Вейсманомъ, который служить у своего брата. «Одесскія Новости» заявили, что имъ «нѣть никакого дѣла» до какого-либо поступка А. Вейсмана, который не имѣть отношенія къ редакціи этой газеты. Обличительная замѣтка о Теперѣ все-таки была напечатана въ «Од. Новостяхъ» и, если не въ томъ нумерѣ, для котораго была первоначально назначена, то это зависѣло отъ «уважительной причины».

Вполнѣ вѣрю, что эта отсрочка была невольною и что если А. Вейсманъ воспользовался ею, представивъ Теперу дѣло такъ, какъ будто статья нарочно послана ему въ корректурѣ съ цѣлью вымогательства, и въ случаѣ получения денегъ напечатана не будетъ, то это была собственная продѣлка этого господина. Но все-таки, если редакція «Од. Новостей» нѣть дѣла до какого-либо поступка А. Вейсмана, не имѣющаго отношенія къ редакціи, то ей «было дѣло» до того, какимъ образомъ онъ узналъ, что статейка отложена и досталъ ея корректуру? Прібавлю, что взглядъ самого Д. Тепера на это дѣло выразился въ томъ, что онъ «совершилъ насилие надъ личностью Ш. Вейсмана, служащаго въ конторѣ «Од. Новостей».

Въ предшествующемъ обзорѣ я говорилъ о «рыночной» литературной работѣ и представилъ нѣсколько примѣровъ. Вотъ еще образчикъ. Въ «Орловскомъ Вѣстнике», 18 января, подъ рубрикою «Словарь орловскихъ уроженцевъ», помѣщена статья о покойномъ присяжномъ повѣренномъ П. А. Александровѣ. Въ этой статьѣ первыя 19 строкъ и 15 послѣднихъ строкъ буквально выписаны изъ моего отзыва, напечатанного въ майской книжѣ «Съвернаго Вѣстника», безъ малѣйшей оговорки. Это даетъ мнѣ поводъ къ догадкѣ, не выписана-ли и вся середина статьи изъ какого-нибудь другого изданія? Въ первыхъ строкахъ у меня было между прочимъ: «свѣтлой поры нашей адвокатуры, когда — привожу слова В. Д. Спасовича въ рѣчи, напечатанной въ «Русской Мысли» (годъ и нумеръ)» и т. д. И орловскій «издѣлъ» пишетъ «когда — привожу слова В. Д. Спасовича въ рѣчи напечатанной тамъ-то и т. д. Послѣднія строки воспроизведены также буквально, только изъ нихъ двѣ, относившіяся къ громкимъ судебнѣмъ дѣламъ, исчезли, очевидно, не по волѣ самого подмастерья, который поставляетъ этиотъ усвоенный товаръ.

Иной читатель въ провинціи подумаетъ, пожалуй, что приведенные литературныя дрязги я выискивалъ съ специальной цѣлью выставить въ неблагопріятномъ свѣтѣ провинціальную печать. Но такого жалкаго намѣренія я никогда не имѣль. Провинціальная газеты я уважаю нисколько не менѣе столичныхъ, а если занимаюсь преимущественно первыми, то потому, что таковъ мой отдаѣль. Наблюдая нашу реальнуу жизнь, нельзя

не касаться и мелочей, если онъ сколько-нибудь характерны, а съ этой целью я иногда указываю и на газеты столичные.

Такъ и на этотъ разъ, я скажу нѣсколько словъ о петербургскомъ «Гражданинѣ». Душа «Гражданина» заключается въ «Дневникѣ» самого издателя, князя Мещерскаго. Князь Мещерскій—человѣкъ коммерческий. Онъ знаетъ силу рекламы. Это оказалось при изданіи этимъ литераторомъ его первого «Гражданина», при изданіи имъ «Добра», при возобновленіи имъ «Гражданина», наконецъ, при основаніи трехрублевой газеты «Русь». Неоднократно кн. Мещерскій обращался съ циркулярами о подпискѣ къ духовенству, земскимъ управамъ, земскимъ начальникамъ. О послѣднемъ такомъ обращеніи скажу дальше, а сперва остановлюсь на курьезномъ разсужденіи издателя «Гражданина» въ одномъ изъ февральскихъ номеровъ.

Статейка начинается такъ: «По поводу одного назначенія.—Что вы про него скажите? — Да ничего; онъ былъ когда-то краснымъ». Далѣе слѣдуютъ замѣчанія, сводящіяся на то, что у насъ многіе сами мѣняются по направленію вѣтра, отъ насъ независящаго. «Давно-ли было время, когда консерваторъ сть фанатизмомъ отрекался отъ своихъ консервативныхъ убѣжденій и объявлялъ себя либераломъ; ну, а теперь очередь за либералами. Все въ свое время... Девизъ воспитанія или чисто чиновничий—какъ угодно, или оппортунистскій—какъ нужно; девиза же—какъ должно я что-то не помню... Наступаетъ эпоха консервативного характера, и вотъ сейчасъ же являются либералы и говорятъ консерваторамъ: возьмите насъ, мы способнѣе васъ, а убѣженія свои—мы ихъ оставимъ при себѣ. (Сказано весьма мѣтко). Это одинъ такъ говорять, а другіе говорятъ: помилуйте, то было въ молодые годы, а теперь мы образумились... Консерваторы, изъ великолѣпія и смиренія, даютъ блюдо либераламъ прежде, а потомъ себѣ—*s'il en reste...* А аппетитъ у либераловъ волчій и *reste très peu de chose...* Консерваторамъ должно слѣдовать примѣру либераловъ и не признавать себя глупѣе ихъ... Благодаря избытку скромности и великолѣпія, они дали себя убѣдить, что они глупѣе либераловъ... Не берусь (продолжаетъ кн. Мещерскій) рѣшать, кто умнѣе—либералъ или консерваторъ, но одно смѣю сказать утвердительно и убѣжденно: русскій либерализмъ ничего не произвелъ, кромѣ глупостей и бѣдъ, тогда какъ консерватизмъ стремится къ тому, что всего умнѣе на свѣтѣ—къ порядку. Ceci étant donn , недоумѣваю, почему это консерваторы должны себя признавать глупыми передъ господами либералами».

Въ приведенныхъ выпискахъ есть недомысліе, но есть и не лишенная остроумія отмѣтка одного изъ характерныхъ фактовъ самой непосредственной современности, того именно, что иные вліятельные консерваторы не отчурались отъ помочи имъ въ служебныхъ занятіяхъ—лицъ, явно носившихъ прежде не мундиръ, но скажемъ «плэдъ» либерализма и что такихъ, подтянувшихся въ вице-мундиръ либераловъ въ настоящій мо-

ментъ весьма не мало. Чуть ли даже не большинство. Провѣримъ, однако, посылку и выводъ.

«Ceci étant donné..» Вотъ, въ томъ-то и дѣло, что никакъ не donné. Во-первыхъ, иной консерваторъ и хотѣлъ бы признавать себя умнымъ, но если умъ-то ему въ самомъ дѣлѣ не donné, то въ первомъ же дѣлѣ, съ которымъ нельзя совладать однимъ внушительнымъ видомъ или распеканіемъ, тотъ же, признавшій себя умнымъ, по совѣту такого авторитета въ этомъ отношеніи, какъ «Гражданинъ», возьметъ да и напутаетъ или долженъ будетъ обратиться къ кому-нибудь за совѣтомъ или помощью, хотя бы и къ отъявленному либералу. Правда, и либераловъ глупыхъ непочатый уголь, и либералу недостаточно признавать себя умнымъ, чтобы быть такимъ. Но и глупый консерваторъ все-таки не будетъ уменъ оттого только, что стремится къ «порядку». Вѣдь и либералы, по своему, также стремятся къ порядку. Если бы «порядокъ» разумѣть только въ смыслѣ розги или палки, то пришлось бы признать, что въ Персіи, Кашгарѣ и Тибетѣ гораздо болѣе порядка, чѣмъ въ Россіи, такъ какъ въ тѣхъ странахъ самая мелкая власть невозбранно и въ совершенно произвольныхъ дозахъ отпускаетъ мѣстнымъ гражданамъ ту панацею, которую намъ рекомендуется русскій «Гражданинъ».

Когда у насъ можно было по прихоти и сколько угодно сѣчь крестьянъ, держать гаремы изъ крѣпостныхъ женщинъ, когда городничій Сквозникъ-Дмухановскій праздновалъ свои именины дважды въ году съ специальной цѣлью, то былъ ли это тотъ порядокъ, «который умнѣе всего на свѣтѣ?» Не вѣриѣ ли признать установленіемъ разумнаго порядка — освобожденіе людей отъ рабства и допущеніе нѣкоторой гласности, хотя бы для обузданія взяточниковъ? Когда на мѣсто прежней судебной волокиты и повальной продажности секретарей, господствовавшихъ въ судѣ канцелярскомъ, былъ поставленъ гласный судь, «скорый и правый», то неужели это не было установленіемъ порядка, вмѣсто безнаказанности богатыхъ и безправія бѣдныхъ? Когда отмѣнились безнравственные винные откупы, у которыхъ было опредѣленное «положеніе» для выспихъ, какъ и для низшихъ губернскихъ чиновниковъ, далеко превышавшее ихъ казенное жалованье, неужели это представляло собой замѣну порядка — беспорядкомъ? Кн. Мещерскій пишетъ: «одно могу сказать утвердительно и убѣжденно: русскій либерализмъ ничего не произвелъ, кромѣ глупостей и бѣдъ». Но во всякомъ случаѣ, либерализмъ не «произвелъ» ни военныхъ поселеній, ни безчеловѣчныхъ батальоновъ кантоnistовъ, ни обращенія рубля въ четвертакъ, ни потери черноморского флота и утраты полосы русской территории на устьяхъ Дуная, ни ходившаго долго затѣмъ на Западѣ мнѣнія, что Россія — «колосъ на глиняныхъ ногахъ».

И я не хочу рѣшать вопроса: «кто умнѣе — либераль или консерваторъ»; но замѣчу, что тѣ либералы, которые «поступаютъ» къ консерваторамъ, все-таки, и при этомъ, нѣсколько заботятся о своемъ достоинствѣ, такъ какъ, по отзыву самого же «Гражданина», прямо говорять консер-

ваторамъ: «возьмите насть, мы способнѣе васъ». А что говорилъ кн. Менцерскій земскимъ управамъ, когда предлагалъ имъ свою газету, въ письмѣ, которое было напечатано въ «Волгарѣ» 4 января? Предлагая имъ подпиську, онъ разсыпался въувѣреніяхъ своихъуваженія и сочувствія къ земству, предлагалъ быть «къ услугамъ всякаго земскаго дѣятеля», быть «органомъ земскихъ практическихъ интересовъ», такимъ, который бы «сообщалъ одному уѣзду свѣдѣнія о ходѣ земскаго дѣла въ уѣздѣ другой губерніи». И все это — за 9 р., вмѣсто 15 р., по пониженнѣй цѣнѣ изъ любви къ земству. Предлагая свою газету земскимъ дѣятелямъ, къ которымъ онъ столько разъ относился пренебрежительно, издатель «Гражданина» говорилъ не такъ, что «возьмите меня, я способнѣе васъ, я буду васъ учить». Нѣть, смыслъ его словъ былъ: пожалуйте 9 рублей, я буду вами органомъ, буду къ вамъ услугамъ и охотно воспользуюсь предоставленнымъ мнѣ вами бесплатнымъ матеріаломъ. Онъ писалъ: «прошу чести высылать съ 1 января вамъ мою газету бесплатно до тѣхъ поръ, пока вы сами изволите убѣдиться, что газета достойна вашего вниманія». Совершенно такъ, какъ рекомендуются «одобринъ» или новый сортъ папиросъ по 6 коп. 10 штукъ — «убѣдительнѣйше прошу гг. покупателей лично удостовѣриться въ высокомъ достоинствѣ издѣлій моей фабрики».

Но въ «Гражданинѣ» хоть что-нибудь курьезное найдешь, а иногда, при всемъ несогласіи съ грамматикой, все-таки промелькнетъ огонекъ литературный. А вотъ сестрица его, злющая старая дѣва, московская университетская газета, которая и брата родного разноситъ при случаѣ — все изъ-за споровъ по наслѣдству отъ отца ихъ, покойнаго М. Н. Каткова, — та себѣ незатѣливо и тяжеловѣсно претъ въ сторону нелѣпой, совсѣмъ даже неосуществимой сплошной реакціи. Въ послѣднемъ номерѣ «Моск. Вѣдомостей», который имѣю въ рукахъ, газета уже открыто претъ къ возстановленію крѣпостничества. «Много затѣвалось и много дѣлялось — говорить она — для того, чтобы вдохнуть живую струю въ чахнущій со временемъ освобожденія крестьянъ деревенскій бытъ нашъ... Но мало, почти ничего не сдѣлано лишь для основного и главнаго... Нѣть, не съ того конца мы начинаемъ. Прежде всего, прежде всякихъ кредитовъ, элеваторовъ и проч. и проч., нашему сельскому хозяйству необходимо дать производительный, а слѣдовательно хорошо дисциплинованный трудъ; его-то — шутка сказать! — его-то нашей деревнѣ и не хватаетъ».

Но что такое «дисциплинованный» сельскій трудъ? Я даже допускаю, что «Моск. Вѣд.» говорить это только такъ, съ цѣлью отличиться въ своемъ лагерѣ, обеспечить за собой передовое мѣсто въ заднемъ направлениіи. Вѣдь должны и онѣ понимать, что возстановленіе труда обязаннаго, чего либо въ родѣ труда крѣпостного, нынѣ фактически невозможно. И полно, правда-ли, будто это требуется для сельского хозяйства «прежде всего, прежде кредитовъ и проч?...» Помнится, «Моск. Вѣдомости» всегда относились сочувственно къ дворянскому банку и ратовали за сложеніе накопившихся въ немъ недоимокъ, а также за соло-векселя. Стало быть,

если-бы и было возможнымъ новое «дисциплинованіе» крестьянскаго труда, то оно являлось-бы все-таки не прежде, а послѣ «кредитовъ».

Возвращаюсь къ провинціальнымъ газетамъ. Мнѣ доставило удовольствіе найти въ нѣсколькихъ изъ нихъ теплыхъ слова по поводу 75-ти-лѣтней годовщины петербургскаго университета. Не потому, чтобы я самъ былъ очень расположенъ къ теплымъ словамъ, въ настоящее время, но потому, что высоко цѣнио умственную и нравственную связь между развитыми людьми на всемъ пространствѣ Россіи. И мнѣ думалось, что это писали, можетъ быть, наши петербургскіе студенты, мои collegiales. Вотъ «Минскій Листокъ» во второй разъ называлъ меня «отцомъ» провинціальной печати, но прибавлять, что я бываю иногда и «вотчимомъ», то есть, все-таки, какъ будто подозрѣваетъ во мнѣ нѣкую злокозненность. Одинъ изъ обозрѣвателей минской газеты, г. Е. Фидлеръ, заканчивая свои «Журналныя замѣтки», напоминаетъ, что я «открылъ секретъ, какъ иногда составляются журнальныя обозрѣнія, и прибавлять: «а что, если и меня уличить въ безцеремонномъ plagiatѣ, въ то время, какъ я дѣлъ ночи подъ рядъ просвѣль надъ чтеніемъ двухъ разсмотрѣнныхъ мною, по мѣрѣ силъ, книжекъ?» Но добросовѣстный, самостоятельный трудъ невозможно уличить въ plagiatѣ.

Другой обозрѣватель той-же газеты, г. Ар. Когенъ, замѣчаетъ: «было-бы крайне приятно встрѣтить въ хроникѣ г. Л. Прозорова почаще указанія на проповѣдь человѣконенавистничества, подъ различнаго рода quasi — патріотическими флагами, въ провинціальныхъ газетахъ». Соглашаюсь, что это одна изъ главныхъ задачъ. Но я ее понимаю не только по отношенію къ вопросамъ частнымъ, а прежде и болѣе всего—къ дѣлу общему, главному, нисколько не отказываясь, при случаѣ, и отъ словъ осужденія всякому оскорблению національностей, какъ и было въ томъ примѣрѣ, который приводитъ мой уважаемый собесѣдникъ. Далѣе г. Когенъ пишетъ: «мы хотимъ сказать о тѣхъ немногихъ строкахъ, въ которыхъ г. Л. Прозоровъ относится къ грѣхамъ провинціальныхъ газетъ или какъ слишкомъ строгий отецъ, или даже какъ вотчимъ». Затѣмъ авторъ останавливается на одной изъ указанныхъ мною причинъ развитія рыночно-литературной работы, на той именно, что издатели хотятъ имѣть отдѣловъ «числомъ поболѣе, цѣною подешевле». Г. Когенъ говоритъ, что самое слабое мѣсто провинціальныхъ изданій — рецензіи новыхъ книгъ, такъ какъ въ провинції мало людей способныхъ для этой работы, весьма не-легкой и даже неблагодарной, при томъ гонорарѣ, отъ 2 до 3 коп. за строку, который въ провинціальныхъ изданіяхъ является максимальнымъ, а между тѣмъ, нельзя не давать рецензій о книгахъ, для того, чтобы сколько-нибудь направлять выборъ ихъ публикою. «Пусть—продолжаетъ мой собесѣдникъ — въ рецензіяхъ авторъ излагаетъ не самостоятельное мнѣніе о книгѣ, а передѣлываетъ или даже разводитъ водой отзывы компетентныхъ лицъ, лишь-бы читатели узнали о выходѣ хорошей книги».

Я не говорилъ о рецензіи книгъ, но согласенъ, что библіографический отдѣлъ полезенъ въ каждой газетѣ. Однако, если нельзя высказать самостоятельного мнѣнія о книгѣ, то къ чему-же передѣлывать и разводить водой мнѣнія чужія? Не лучше-ли, наоборотъ, сокращать ихъ и представлять прямо, какъ отзывы чужіе, компетентные? Приводя употребленное мною слово «шёртингъ», г. Когенъ прибавляетъ: «пусть это не холстъ, а шёртингъ, но пусть этотъ шёртингъ будетъ добросовѣстный, а не гнилой, залежалый. Хорошій холстъ—вещь дорогая, хороший шёртингъ доступнѣе». Здѣсь между нами нѣкоторое недоразумѣніе. О «шёртингѣ» я говорилъ въ смыслѣ фальсификаціи, а продуктъ фальсификованный не можетъ быть ни добросовѣстнымъ, ни хорошимъ. Да вотъ спрошу я просто: отчего-же шёртинга я никогда не находилъ хотя-бы въ «Минскомъ Листкѣ», «Смоленскомъ Вѣстникѣ», «Волжскомъ Вѣстникѣ», въ серьезныхъ отдѣлахъ «Волгари», «Южнаго Края», одесскихъ и нѣкоторыхъ другихъ газетъ? Направленіе можно признавать полезнымъ или не полезнымъ, но степень доброкачественности самой работы — дѣло особое.

Л. Прозоровъ.

ПИСЬМО ИЗЪ ШВЕЙЦАРИИ ¹⁾.

Referendum.—Народная инициатива.—Безвозмездное государственное лечение.—Обязательное страхование противъ болѣзней.

Всякій положительный законъ долженъ быть возможно вѣрнымъ выражителемъ интересовъ народа или, по крайней мѣрѣ, его большинства. Возможно точное соглашеніе закона съ интересами большинства составляетъ предметъ стремленія всякаго прогрессирующего законодательства, хотя способы къ достижению этой цѣли, въ разныхъ государствахъ, весьма различны, смотря по господствующимъ понятіямъ относительно роли народа въ законодательной дѣятельности. Изъ всѣхъ странъ наиболѣе сильно такое стремленіе выражается въ Швейцаріи. Не довольствуясь кантональными «Великими Совѣтами» и «Федеральными Палатами», швейцарцы установили народный referendum по отношенію ко всякому, принятому большинствомъ депутатовъ федеральному закону. Въ силу референдума, при наличности 50 тысячъ подписей на составленномъ съ этой цѣлью прошеніи въ Федеральный Совѣтъ, всякий законъ долженъ быть подвергнутъ прямому народному голосованію, причемъ каждый правоспособный гражданинъ призываются отвѣтить—«да или нѣть» на вопросъ—принимаетъ онъ или нѣть предлагаемый законъ. Но, давая народу власть принять или отвергнуть выработанный народными представителями «референдумъ», законъ оставляетъ всю инициативу законодательной дѣятельности въ рукахъ депутатовъ. Чтобы достигнуть еще болѣе точного соглашенія закона съ народными интересами, Швейцарцы рѣшили представить самому народу, въ извѣстныхъ условіяхъ, инициативу законодательной дѣятельности, принявъ, два года тому назадъ, такъ называемый законъ народной инициативы.

Народная инициатива заключается въ правѣ, предоставленномъ конституціей всякой группѣ избирателей въ 50,000 человѣкъ, собравшихъ свои подписи на прошеніи, требовать прямого обращенія къ народу, съ

¹⁾ Обычная, ежемѣсячная корреспонденція г-жи Макъ-Гаханъ получена нами въ послѣднихъ числахъ Февраля и потому не могла попасть въ Мартовскую книгу «Сѣвернаго Вѣстника».

Ред.

предложеніемъ одной или нѣсколькихъ формулированныхъ статей, которая хотятъ облечь силу закономъ.

Законъ объ инициативѣ былъ принятъ 5 іюля 1891 года и составляетъ теперь 121-ю статью конституціи. «Народная инициатива» уже потребовала распределенія таможенныхъ доходовъ между конфедерацией и кантонаами, дарового лечения больныхъ, установленія государственной монополіи въ производствѣ и торговлѣ табакомъ и, наконецъ, употребленія въ федеральныхъ мастерскихъ исключительно лишь швейцарскихъ рабочихъ и материаловъ швейцарского-же происхожденія. Эти послѣднія четыре предложения не собрали еще въ свою пользу требуемыхъ 50,000 подписей.

Въ частности, что касается вопроса о даровомъ лечениі, то онъ возбужденъ комитетомъ «Рабочаго союза». Комитетъ предложилъ дополнить ст. 34 федеральной конституціи слѣдующими словами: «Конфедерация, при соображеніи кантоновъ, относительно организаціи управлениія, и, насколько то позволяетъ ей доходы отъ монополіи табаку, заботится о томъ, чтобы населеніе получало безвозмездно помошь и совѣты врача, равно какъ необходимыя для лечения средства. Она, конфедерация, кромѣ того, предоставитъ кантонамъ субсидіи для безвозмездного лечения бѣдныхъ въ больницахъ и для устройства самихъ больницъ. Для покрытія этихъ расходовъ конфедерациі предоставляетъ исключительное право приготовленія, ввоза и продажи табаку. Она можетъ, кромѣ того, издавать законодательныя распоряженія относительно суррогатовъ табаку. Цѣна низшаго сорта табаку не должна быть увеличена. Кантоны, которые взимали до 1893 г. налоги съ фабрикаціи или продажи табака получать справедливое вознагражденіе за потерю этого ресурса. Федеральное законодательство будетъ благопріятствовать мѣстному производству и приготовленію табака. Оно опредѣлитъ, какимъ образомъ кантональныя власти должны содѣйствовать управлению монополіей».

Инициатива касается, такимъ образомъ, двухъ предметовъ слитыхъ воедино, вопреки, замѣтимъ кстати, 121 ст. конституціи, въ которой сказано, что если, путемъ народной инициативы, представлено нѣсколько разныхъ постановленій для пересмотра или внесенія въ федеральную конституцію, то каждое изъ нихъ должно составлять особый предметъ требованія инициативы. Здѣсь, на самомъ дѣлѣ, требуется, съ одной стороны, внести въ конституцію гуманный принципъ безвозмездности медицинскаго пособія, а съ другой стороны—принятие мѣръ къ увеличенію ресурсовъ конфедерациі установленіемъ монополіи на табакъ. Какъ новое обязательство государства въ отношеніи гражданъ, такъ и новое ограниченіе, въ пользу государства свободы торговли и промышленности, — суть два совершенно независимыхъ принципа, относительно которыхъ инициаторы приглашаютъ народъ высказаться въ одномъ отвѣтѣ. Вслѣдствіе такого формального недостатка, предложеніе это вѣроятно не будетъ подвергнуто голосованію въ настоящемъ его видѣ, но не подлежитъ сомнѣнію, что авторы его еще не сочтутъ себя побѣжденными и поспѣшатъ предста-

вить, вмѣсто одного, два требованія отдѣльной иниціативы, что не представить большихъ трудностей.

Авторами предложенія являются двѣ весьма несходныя въ своихъ принципахъ партии—католики и соціалисты и потому, между ними, въ самомъ началѣ является несогласие относительно размѣровъ безвозмездной медицинской помощи. Въ то время какъ католики желали бы установить безвозмездность медицинской помощи лишь по отношенію къ бѣднымъ, соціалисты настаиваютъ на уничтоженіи, въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, всякаго различія между бѣдными и богатыми и требуютъ, чтобы лечение было безвозмездно для всѣхъ, подобно тому, какъ безвозмездны для всѣхъ начальное образованіе и религіозныя услуги, оказываемыя служителями національной церкви, и какъ безвозмездно, въ нѣкоторыхъ кантонахъ, погребеніе мертвыхъ.

По мысли швейцарскихъ рабочихъ, собравшихся въ Цюрихѣ на чрезвычайный конгрессъ—5-го ноября прошлаго года,—въ числѣ 523 делегатовъ, представлявшихъ 191,185 рабочихъ, безвозмездное лечение больныхъ является лишь предварительнымъ условиемъ для государственной организаціи обязательного страхованія противъ болѣзней и несчастныхъ случаевъ. Страхованіе противъ болѣзней будетъ, такимъ образомъ, имѣть въ виду единственное лишь вознагражденіе потерь, причиненныхъ прекращеніемъ работы во время болѣзни. Докладъ, въ которомъ были первоначально развиты мотивы для убѣжденія въ полезности новой иниціативы, былъ представленъ секретаремъ рабочихъ, Греблихомъ. По мысли его, врачи, какъ пасторы и профессора, должны быть государственными чиновниками, съ опредѣленнымъ содержаніемъ. Другими словами, положеніе, которое теперь занимаютъ врачи въ госпиталахъ, должно быть распространено на большинство врачей. Кантоны предполагается раздѣлить на округа трехъ категорій, смотря по густотѣ населенія. При этомъ дѣленіи предполагается имѣть въ виду также обеспеченіе медицинской помошью горныхъ областей страны, которая теперь почти лишена оной. Греблихъ раздѣляетъ всю Швейцарію на 182 округа, которые будутъ имѣть всего 122 офиціальныхъ врача. Кроме этихъ врачей, соответствующихъ нашимъ уѣзднымъ и губернскимъ врачамъ, въ городахъ остается еще, конечно, значительное число врачей вольнопрактикующихъ. Принимая содержаніе каждого врача въ 6 тысячъ франковъ, Греблихъ разсчитываетъ, что, при осуществленіи его мысли, расходъ собственно на врачей будетъ — 7,350,000 фран. Что касается до расходовъ на медикаменты, то, согласно разсчету двухъ экспертовъ федерального департамента торговли и промышленности, таковые обойдутся въ 64 процента всей предыдущей суммы, т. е. въ 4,748,000, франковъ. Приготовляя медикаменты въ большомъ количествѣ, въ большихъ лабораторіяхъ государства, можетъ еще, по мнѣнію Греблиха, быть сдѣлана экономія на этой суммѣ. Прибавляя 2 милл. на субсидіи госпиталямъ, въ пользу которыхъ кантоны расходуютъ теперь до 10 милл. фран., секретарь рабочихъ разсчитываетъ, что осуществленіе для Швей-

царії великомудрої мысли—безвозмездного пользованія всѣхъ больныхъ—обойдется всего лишь въ 13 милл. франковъ, т. е. 6 миллионовъ рублей. Это немнго менѣе половины того, что разчитывалъ федеральный департаментъ торговли и промышленности.

Главными возраженіями противъ этого проекта рабочихъ является опасеніе громаднаго усиленія федеральной власти и бюрократіи. Затѣмъ, многіе упрекаютъ проектъ въ неопределенностіи и въ зависимости его отъ табачной монополіи; наконецъ, нѣкоторые противники его думаютъ, что вмѣсто уменьшенія расходовъ на болѣзни, обращеніемъ врачей въ чиновниковъ, расходы эти, какъ доказалъ опытъ Люцернскаго кантона, напротивъ того, увеличиваются.

Въ виду этого, идея осуществленія безвозмездного пользованія всѣхъ въ томъ нуждающихся лицъ, исключительно кантональными средствами, пользуется сочувствіемъ многихъ классовъ населенія. Нѣкоторые кантоны сдѣлали уже, въ этомъ отношеніи, серьезные опыты. Такъ, Тессинскій кантонъ, еще въ 1863 г., организовалъ даровую медицинскую помощь. По принятой имъ системѣ кантонъ раздѣленъ на 54 округа. Жители каждого изъ этихъ округовъ избираютъ своего врача и оплачиваютъ его. Смотря по мѣстности, взносы каждого жителя опредѣлены отъ 50 сантимовъ до полутора франка, что обезпечиваетъ врачу содержаніе отъ 1,500 до 3,000 и максимумъ 4 т. франковъ. Государство даетъ, кроме того, каждому врачу вознагражденіе отъ 150 до 350 фр. за исполненіе ими обязанностей медицинской полиціи. По этому пункту государство расходуетъ ежегодно до 14 т. фр. въ годъ, сверхъ 2,500 фр. субсидій, которыя предоставляются наиболѣе бѣднымъ округамъ. Въ кантонахъ Граубинденъ существуетъ почти такая же организація безвозмездного пользованія больныхъ. Кантонъ Базель-городъ создалъ также поликлинику, порученную управлению старшаго врача съ 5 ассистентами и нѣсколько специальныхъ поликлиникъ, въ которыхъ подаются совѣты безвозмездно, какъ въ зданіяхъ, состоящихъ въ распоряженіи администраціи, такъ равно и на дому, причемъ не только отпускаются даромъ лекарства, но также раздаются еще бѣднымъ билеты на даровыя квартиры. Лицамъ, которымъ необходимо пребываніе въ госпиталѣ, отпускаются суточныя деньги на прокормленіе и необходимыя перевязочные средства. Безвозмездно пользуются всѣ прожившіе въ городѣ шесть мѣсяцевъ и имѣющіе годовой заработокъ менѣе 1,200 фр.

Въ виду этихъ опытовъ, давшихъ удовлетворительные результаты, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что безвозмездное пользованіе бѣдныхъ больныхъ могло бы быть вполнѣ обеспечено каждымъ кантомъ въ отдельности. Главное затрудненіе здѣсь заключается въ разногласіи господствующихъ по этому предмету принциповъ. Въ то время, какъ для соціалистовъ особенно дорогъ принципъ уравненія всѣхъ въ глазахъ государства, и обязательность для всѣхъ одинаковой регламентаціи, для индивидуалистовъ точно также дорогъ принципъ свободы лич-

ности и предоставлениe возможно широкой общественной и индивидуальной инициативы.

Въ данномъ случаѣ вопросъ о безвозмездномъ леченіи тѣсно связанъ съ вопросомъ объ обязательномъ застрахованіи противъ послѣдствій болѣзни и несчастныхъ случаевъ. Нѣть сомнѣнія, что въ цивилизованномъ христіанскомъ обществѣ, каждый долженъ быть обеспеченъ противъ послѣдствій, которыхъ ведеть за собой болѣзнь, и, если уже признано необходимымъ установить обязательное страхование имущества и скота, то есть еще болѣе основаній установить обязательное страхование противъ болѣзней и несчастныхъ случаевъ, лишающихъ возможности работать во вредъ какъ личности, такъ и интересовъ общества. Только вопросъ въ томъ, кто покроетъ необходимые для этого издержки. Соціалисты, безъ колебанія, отвѣчаютъ, что плательщикомъ должно быть государство, но, думаютъ они, усиленіе компетенціи государства гибельно для развитія частной инициативы, а также неблагопріятно для установленія той живой связи между гражданами, той нравственной ответственности предъ своею совѣтностью, которая столь существенна для истиннаго прогресса общества. Наконецъ, государство должно отыскывать ресурсы, не обременяя бѣдныхъ. Индивидуалисты и мютиалисты желаютъ, чтобы помогали себѣ сами всѣ тѣ, которые могутъ себѣ помочь; они не желаютъ разстраивать, вмѣшательствомъ государства, всѣма уже широкой частной и общественной дѣятельности, направленной къ обезпеченію гражданъ отъ послѣдствій болѣзни и несчастныхъ случаевъ. Обязательное страхование едва ли осуществимо. Застрахованіе себя отъ болѣзни предполагаетъ способность страхователя платить установленную съ него плату для полученія преміи, но разъ есть бѣдные, неспособные платить за себя и своихъ близкихъ, то уже никакого «обязательного» для всѣхъ страхованія не можетъ быть. Но государство можетъ пособить существующимъ обществамъ взаимнаго страхованія и взаимной помощи, и, оказывая свое пособіе тѣмъ, которые безъ этого не могли бы принять участія въ интересахъ обществъ взаимной помощи, оно, т. е. государство, получаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, право поставить условіемъ своего пособія такія преобразованія въ уставахъ этихъ обществъ, которыхъ способны будутъ расширить кругъ ихъ полезной дѣятельности и даже сдѣлать возможнымъ, со временемъ, осуществленіе принципа обязательного обезпеченія всѣхъ. Въ этомъ случаѣ не слѣдуетъ только упускать изъ вида различія между лицами застрахованными и лицами вспомогающими. Установленіе правъ и любовь къ ближнему должны идти рука объ руку. Безвозмездное леченіе бѣдныхъ было бы значительнымъ шагомъ впередъ на пути къ обязательному страхованію противъ болѣзней и несчастныхъ случаевъ. Именно въ этомъ смыслѣ недавно составленъ Фореромъ, по порученію федеральнаго совѣта, проектъ закона застрахованія противъ послѣдствій болѣзни, въ дополненіе къ ст. 31 конституціи; причемъ имѣется въ виду обязательное застрахованіе въ слѣдующихъ случаяхъ: «Конфедерация установо-

вить законодательнымъ порядкомъ застрахование противъ болѣзней и несчастныхъ случаевъ, принимая во вниманіе и въ разсчетъ существующія кассы для пособій», и далѣе, «она, т. е. конфедерация, можетъ объявить участіе въ этихъ застрахованіяхъ обязательнымъ,—либо для всѣхъ, либо для опредѣленной категоріи гражданъ».

Согласно появившимся въ газетахъ свѣдѣніямъ о проектѣ Форера, въ немъ устанавливается обязательное страхование лишь для извѣстной категоріи гражданъ и приняты весьма мало въ разсчетъ дѣйствующія кассы общества взаимного пособія. Натурально, это весьма встревожило общества взаимной помощи, изъ коихъ одно, находящееся въ Романской Швейцаріи, считаетъ 30 тысячъ членовъ. Эти общества справедливо придаютъ большое значение нравственной связи и личной, установившейся въ ихъ средѣ, отвѣтственности и, потому, они весьма противятся замѣнѣ свободной воли гражданъ покровительствомъ или опекою со стороны государства.

Примѣненіе ст. 31 конституціи, по мнѣнію антисоціалистовъ, можетъ наилучшимъ образомъ быть осуществлено путемъ субсидій со стороны конфедерации многочисленнымъ обществамъ взаимного пособія, имѣющимъ единственную своей цѣлью обеспеченіе отъ болѣзней и организованнымъ, согласно имѣющему быть выработаннымъ конфедерацией закону. Субсидіи со стороны государства, конечно, должны идти на пользу, такъ сказать, наименѣе счастливыхъ. Для избѣжанія произвола, законъ долженъ установить, кого именно слѣдуетъ считать наименѣе счастливымъ.

Государство должно привлечь всѣ общественные силы къ этому дѣлу, въ основѣ которого лежитъ глубочайшая идея справедливости и христіанского братства.

Вопросъ объ обязательномъ страхованиі противъ болѣзней и несчастныхъ случаевъ самымъ живымъ образомъ занимаетъ нынѣ умы въ Швейцаріи и Германіи и, конечно, заслуживаетъ того, чтобы на него было обращено вниманіе и въ Россіи.

Викторъ Дильтгентштедтъ.

Г. Лозанна.

ИЗЪ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ.

Гансъ фонъ-Бюловъ. Слава скончавшагося въ Каирѣ въ первыхъ числахъ февраля Ганса фонъ-Бюлова переживеть надолго его тлѣный прахъ. Смерть явилась къ нему послѣ долгихъ страданій; она не была ни для кого неожиданностью и тѣмъ не менѣе болѣзненно отозвалась въ мірѣ музъ. На Бюлова устремлено было столько взоровъ, возлагалось столько надеждъ, и всѣ разсчитывали, что неумолимый рокъ пощадить больного. Выдѣлился Гансъ Бюловъ и поднялся въ глазахъ своихъ современниковъ, главнымъ образомъ, совершенно исключительной своей энергией. Онъ называлъ себя въ своихъ письмахъ «immer Lernende»; онъ не зналъ преградъ и препонъ, и если находилъ идею справедливой, не останавливался ни передъ чѣмъ для проведенія ея въ жизнь. Онъ много читалъ, былъ прекраснымъ лингвистомъ и любилъ науку; до послѣдняго вздоха онъ стремился къ расширению умственныхъ своихъ горизонтовъ; все, что онъ приобрѣталъ, онъ немедленно же пускалъ въ оборотъ, во имя процвѣтанія родного искусства. Онъ говорилъ о себѣ, что у него не было, собственно, никакого таланта, но, что онъ пріобрѣлъ его пѣнью необычайныхъ усилий и напряженія воли,— это не совсѣмъ правда, конечно, но слова достаточно ярко рисуютъ оригинальную личность покойного. Самонадѣянность и вѣра въ счастливый случай, какъ въ какой-то даръ небесъ, качества прочно царящія среди музыкантовъ и композиторовъ, были ему совершенно чужды. Самостоятельностью и самобытностью его натуры объясняются также и его эксцентричность и парадоксальность, создавшія ему такъ много враговъ.

Бюловъ былъ, прежде всего, замѣчательный піанистъ. Въ качествѣ виртуоза, онъ соперничалъ съ Рубинштейномъ. Сравненіе между тѣмъ и другимъ служило обычной темой музыкальныхъ статей и рецензій въ Германіи послѣдняго двадцатилѣтія. Кто слышалъ въ исполненіи Бюлова полонезъ Шопена, фантазію «Донъ-Жуана» Листа или Баха и Бетховена, тотъ зналъ его всеобъемлющей талантъ. Въ послѣдніе годы его увлекли своей глубиной и проникновенностью красотой сонаты Бетховена. Сдѣлать ихъ понятными для толпы, популяризировать въ массѣ— вотъ какую задачу поставилъ онъ себѣ въ концѣ своей жизни.

Молодость Бюлова совпала съ бурной эпохой, когда Вагнеръ прокладывалъ новые пути своей музыки. Какъ и слѣдовало ожидать, Бюловъ сталъ на сторону болѣе слабаго. Съ свойственнымъ ему увлеченіемъ и пыломъ онъ отдалъ Вагнеру весь свой талантъ виртуоза и острый полемическій даръ. Его превосходное знакомство съ искусствомъ вообще и его злое и ядовитое перо выбили изъ сѣда многихъ противниковъ, создавъ безконечное количество враговъ. Тогда же онъ написалъ увертюру «Юлій Цезарь»; но, какъ композиторъ, онъ успѣха не имѣлъ, и самъ не издавалъ даже мелкихъ своихъ пьесъ. Увлекшись философіей Шопенгауера, онъ

перешелъ на закатъ дней къ пессимизму Гартмана; но ни пессимизмъ, ни разочарование не охлаждали его любви къ музыѣ; въ особенности громадныя услуги оказались онъ своему родному искусству въ качествѣ капельмейстера. Онъ первый познакомилъ берлинцевъ съ «Лоэнгриномъ», Листомъ и т. д.

Въ Мюнхенѣ онъ выступилъ съ своимъ истолкованіемъ «Тристана и Изольды». Когда дѣло Вагнера было выиграно, Бюловъ пошелъ собственной дорогой. Онъ былъ умъ слишкомъ самостоятельный, характеръ слишкомъ самобытный для того, чтобы не плыть по опредѣленному течению, не присоединяться къ извѣстной школѣ. Приглашенный герцогомъ Майнингенскимъ дирижировать придворнымъ оркестромъ, онъ поставилъ послѣдний на недостижаемую высоту. Позднѣе онъ успѣлъ проявить свои таланты дирижера и виртуоза въ болѣе широкихъ рамкахъ. Онъ совершилъ путешествіе по Европѣ, былъ въ Россіи, много корреспондировалъ, писалъ полемическія статьи. Какъ человѣкъ, онъ былъ всегда пріятнымъ собесѣдникомъ и любилъ общество. Въ свое дѣло онъ вкладывалъ всю свою душу, всего себя, и, въ концѣ концовъ, бренное тѣло не выдержало. Наканунѣ смерти Вагнера, за которого онъ такъ мужественно боролся и во имя которого принесъ такъ много жертвъ, онъ умеръ вдали отъ родины, въ Каирѣ.

О преподаваніи философіи въ лицейахъ. №№ французского еженедѣльного журнала *Revue Bleue* заключаютъ въ себѣ, между прочимъ, любопытную полемику по вопросу о преподаваніи въ лицейахъ философіи. Остроумный и бойкій фельетонистъ этого журнала F. Vandérem поднялъ этотъ вопросъ по поводу какого-то незначительного видоизмѣненія въ распределеніи уроковъ философіи. Преподаваніе философіи въ послѣднемъ классѣ лицеевъ, вообще, было имъ обрисовано какъ типичный образецъ педагогической рутины, какъ дѣло устарѣвшее, нецѣлесообразное, какъ задача, которая не можетъ быть осуществлена хорошо, а потому должна быть либо измѣнена въ самой постановкѣ, либо совершенно устраниена. Въ томъ, что фельетонистъ говоритъ о недостаткахъ современной постановки задачи — о невозможности пройти курсъ логики, психологіи и исторіи философіи въ одинъ годъ, о формальномъ характерѣ самого преподаванія, о неподготовленности учениковъ къ усвоенію отвлеченныхъ понятий, — во всемъ этомъ есть, конечно, много справедливаго. Ни отъ какого живого человѣка, имѣющаго открытые глаза, не можетъ укрыться то обстоятельство, что преподаваніе всякой сложной дисциплины представляетъ трудности, еще далеко не превзойденные современной педагогикой не только практически, но даже и теоретически, что для осуществленія тѣхъ задачъ, какія ставитъ себѣ всякое учебное заведеніе, понадобится, быть можетъ, еще очень много смѣлыхъ и рѣшительныхъ перестроекъ въ самыхъ нашихъ взглядахъ на средства общенія учениковъ съ учителемъ. F. Vandérem очень остроумно и мѣтко изображаетъ всю несостоятельность современной школы и требуетъ неотложныхъ реформъ и улучшений. Но, кроме этой стороны дѣла, онъ выдвигаетъ и другую. Рядомъ такихъ намековъ онъ даетъ понять, что наиболѣе радикальнымъ средствомъ для борьбы со зломъ было бы совершенное исключение философіи изъ предметовъ преподаванія. Бойкій и полный веселости французы не усматриваютъ никакой живой пользы для молодыхъ умовъ въ изученіи того, что, по его мнѣнію, дается такъ трудно.

Фельетоны Vandérem вызвали оживленіе общественного мнѣнія по этому вопросу. Въ редакціи «Revue Bleue» былъ полученъ рядъ отвѣтныхъ писемъ изъ публики. Высказались по этому поводу и представители научнаго міра. Мы приведемъ здѣсь *in extenso* письмо профессора Boutroux, захватывающее предметъ гораздо глубже, чѣмъ съумѣлъ затронуть его Vandérem.

«Письмо Бутру, профессора въ Faculté des Lettres въ Парижѣ. Милостивый государь! Вы дѣлаете мнѣ честь, обращаясь ко мнѣ съ вопросомъ о моемъ мнѣніи относительно критической статьи, помѣщенной недавно въ «Revue Bleue» и направленной противъ установившагося у насъ преподаванія философіи. Но я колеблюсь

относительно того, какъ отвѣтить вамъ послѣ прекрасныхъ и основательныхъ статей Жане, Фулье и Маневріе, будучи въ состояніи сдѣлать это только очень поспѣшно. Я много думаю о томъ, что высказалъ Вандеремъ, но я представить-бы это въ нѣсколько иномъ свѣтѣ. Нельзя слишкомъ настаивать на заслугахъ профессоровъ философіи въ нашихъ лицеяхъ. Отвѣты, которые даются при испытаніяхъ на баккалавровъ, не многое доказываютъ. Тутъ главное дѣло въ таинственныхъ впечатлѣніяхъ, въ сѣменахъ, которымъ предстоитъ развиться со временемъ, въ результатахъ, которые могутъ быть обнаружены только самою жизнью. А, какъ кажется, впечатлѣнія эти получаются очень многими молодыми людьми. Я ни разу не встрѣтилъ ученика, который бы не выразилъ мнѣ живого интереса къ тому, что было ему объяснено. Правда, вначалѣ молодые люди бываютъ часто сбиты съ толку. Но вскорѣ они осваиваются съ терминами, съ задачами, съ методомъ, и если они понимаютъ не все, то видѣть достаточно, чтобы пожелать увидѣть больше: таково ужъ положеніе человѣка въ природѣ. Эта интересъ распространяется даже на самыхъ слабыхъ учениковъ. Я видѣлъ изъ нихъ нѣкоторыхъ, числящихъ послѣдними и говорящихъ о своемъ профессорѣ съ энтузіазмомъ, гордыхъ тѣмъ, что получаютъ наравнѣ съ самими сильными такое прекрасное преподаваніе. Безъ сомнѣнія, у нихъ останется отъ этого хоть что-нибудь, хотя-бы нѣкоторое понятіе о возвышенныхъ потребностяхъ человѣческой природы.

Преподаваніе философіи очень производительно и живо въ особенности въ большихъ городахъ. Я слышалъ отъ профессоровъ риторики, что ученики, переходящіе къ нимъ по изученіи философіи, чтобы приготовиться къ Ecole normale, совершенно иначе читаютъ и пишутъ сочиненія и, свойственность своихъ успѣховъ, доказываютъ производительность преподаванія философіи. Размыщенія г. Вандерема—разумны, если видѣть въ нихъ, какъ желаетъ того самъ авторъ, скорѣе личная впечатлѣнія, которая онъ предоставляетъ на судъ публики, чѣмъ опредѣленный проектъ совершенной отмѣны или измѣненій такого преподаванія. Что касается меня, то, если бы я взялся философствовать на эту тему, я бы во многомъ согласился съ вашимъ редакторомъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ я пошелъ-бы даже далѣе его. Напримеръ, я не нахожу, чтобы философія въ планѣ нашего преподаванія занимала мѣсто, предназначеннѣе ей традиціями и ея характеромъ. Отъ Фалеса до Гегеля философія была также родственна наукѣ, какъ литературѣ, искусству и религіи. А мы, вслѣдствіе какой-то ошибки, заключили ее въ область филологіи. Платонъ позволяетъ входить въ свою школу только геометрамъ; Бэконъ придумываетъ, создаетъ цѣлую методологію физическихъ наукъ; Декартъ приступаетъ къ метафизикѣ, чтобы основать физическую математику; Лейбницъ отыскиваетъ сущность безконечно малыхъ величинъ; Кантъ въ цѣлой половинѣ своей философіи предлагаетъ теорію познанія. А мы надѣемся понять доктрины этихъ универсальныхъ геніевъ и идти по ихъ слѣдамъ, держась въ сторонѣ другъ отъ друга, безъ взаимнаго общенія, одни — въ области исключительно вѣнчанихъ явленій. Философія принадлежитъ не болѣе къ литературѣ, чѣмъ къ наукѣ. Она представляетъ собою размыщеніе человѣка о значеніи, о цѣнности, о реальности того, что онъ знаетъ и что дѣлаетъ. Въ университетѣ, организованномъ согласно естественному средству знаній, факультетъ, общий для области литературы и положительной науки, въ обнимающей всѣ науки чисто теоретического характера, служилъ-бы противовѣсомъ факультетамъ специальнымъ, на которыхъ теорія подчинена практикѣ; и на этомъ общемъ факультетѣ, заключающемъ въ себѣ столько отдѣленій, сколько существуетъ естественныхъ группъ теоретическихъ познаній, философское отдѣленіе представляло-бы изъ себя размыщеніе человѣческаго ума относительно совокупности всѣхъ этихъ дисциплинъ. Правда, философія не можетъ считаться подходящимъ занятіемъ для молодыхъ людей въ такой-же степени, какъ другія отрасли науки. Но, во всякомъ случаѣ, она полезна тому, кто хочетъ стать способнымъ извлекать изъ жизни этотъ умственный элементъ,

пріобрѣтать заразъ къ размыщлению и къ анализу. Молодость есть время творчества, которое развивается въ болѣе зрѣломъ возрастѣ. И потому пробуждение философскихъ наклонностей является составною частью возвышенного и полнаго воспитанія. Нѣкоторые идутъ дальше и хотятъ, чтобы развитіе философскихъ наклонностей было цѣлью всего ученія. Но мнѣ кажется, что это преувеличеніе: философія не есть конечная цѣль образования, такъ какъ ни человѣческая дѣятельность, ни наука не предполагаютъ этого. Размышлять и творить—это дѣй разныя вещи. Впрочемъ, вѣдь человѣкъ не удовлетворился древомъ жизни. Онъ вкусили плода отъ дерева познанія добра и зла. Ни опытъ, ни проклятие не могли отучить его отъ размыщенія, и философская способность стала первенствующею способностью человѣческаго ума. Кромѣ того, философія производить благодѣтельный переворотъ въ формахъ умственной дѣятельности, которая она обнимаетъ. Она пріучаетъ насъ быть болѣе требовательными въ доказательствахъ и въ то же время стремиться къ отысканію истины во всѣхъ пріобрѣтеніяхъ человѣческаго ума. Такимъ образомъ она направляетъ и уравновѣшиваетъ въ нашемъ умѣ потребность утвержденія (affirmation) съ одной стороны и критическое отношеніе къ вещамъ съ другой стороны, потребность охраненія существующаго и стремленіе къ измѣненіямъ. Она заставляетъ насъ отыскивать во всемъ существенное и высшее и, такимъ образомъ, помогаетъ намъ достигать пропорциональности и гармоніи въ нашемъ сознаніи и въ нашихъ поступкахъ. Итакъ, если философія не есть конечная цѣль изученія, то она — его вѣнецъ и въ этомъ смыслѣ она занимаетъ въ свободномъ воспитаніи высшее положеніе сравнительно, какъ съ литературой, такъ и съ положительными науками. Естественно, чтобы она преподавалась начиная съ лицея, если второстепенные предметы изученія имѣютъ цѣлью познакомить молодыхъ людей со всѣмъ, что есть главаго въ духовной области человѣческой природы. Могло-ли бы въ дѣйствительности привиться у насъ это преподаваніе, поставленное столько же на научную, сколько на литературную точку зреанія, на которой стоить дѣйствительная философія? Кажется, это — совсѣмъ невозможно. Для этого достаточно понять, что нормальный ходъ преподаванія состоится въ томъ, чтобы начинать съ реторики и математики и оканчивать научныхъ занятія, чисто второстепенаго значенія, прежде, чѣмъ начинать философію. Философскія новятія подчинились-бы тогда, со временемъ, способностямъ и потребностямъ учениковъ, и преподаваніе философіи соотвѣтствовало бы ея традиціямъ. Въ ожиданіи-же того, когда все въ этомъ отношеніи будетъ на своемъ мѣстѣ, можно выразить желание, чтобы въ преподаваніи философіи, какъ и во всѣхъ другихъ преподаваніяхъ, соблюдалась постепенность и послѣдовательность. Человѣкъ немного пріобрѣтаетъ, пересекаясь съ одного предмета ва другой и хватая верши. Нужно, чтобы онъшелъ отъ болѣе легкаго къ болѣе трудному и былъувѣренъ въ званіи одного, прежде чѣмъ примется за другое. Конечно, преподаваніе философіи должно быть возвыщенно, оно должно давать молодымъ людямъ впечатлѣніе, что они черезъ посредство своего профессора какъ-бы бесѣдуютъ съ нѣкоторыми изъ величайшихъ геніевъ, когда-либо существовавшихъ, и что эти геніи въ своихъ бесѣдахъ возбуждаютъ въ нихъ лучшіе плоды ихъ размыщленій. Но нужно также, чтобы это преподаваніе было доступно развитому уму средняго уровня. Нужно, чтобы оно вызывало на размыщенія, чтобы оно заботилось гораздо больше о томъ, чтобы развить умъ и душу, чѣмъ о томъ, чтобы дать всестороннее знаніе. Итакъ, достаточно, чтобы оно обращало внимание на нѣсколько важныхъ вопросовъ средней трудности. Лучше углубиться въ изученіе этихъ нѣсколькихъ вопросовъ, чѣмъ затронуть слегка цѣлую массу ихъ. Появленіе философской системы не представляетъ изъ себя какого-нибудь единичнаго, случайного явленія. Она обусловливается трудностями и недостатками, заключающимися въ предшествовавшихъ системахъ, увеличеніемъ сознанія, самою геніальностью философіи. Надо имѣть много знаній, вниманія и проницатель-

ности, чтобы понять происхождение такой научной системы, какъ система Канта. Какъ понять критическую философию, если не усвоенъ догматизмъ? Какъ понять новѣйшихъ философовъ, не зная древнихъ, по слѣдамъ которыхъ тѣ идутъ, развивая или исправляя ихъ идеи, можетъ быть сами того не сознавая. Нужно-ли говорить, что преподаваніе философи должно продолжаться два года или начинаться съ низшихъ классовъ? Предметомъ курсовъ грамматики, гуманитарныхъ и положительныхъ наукъ должно быть не размышеніе по поводу идей и фактовъ, а развитіе способностей и сознанія, которымъ предстоитъ сдѣлаться орудіемъ и материаломъ для философскаго размышенія. Преподаватель грамматики подготавливаетъ учениковъ къ пониманію философи, останавливая ихъ вниманіе не только на словахъ, но и на содержаніи прекрасныхъ книгъ, которыми онъ располагаетъ. Профессоръ математики объясняетъ невѣрность данного доказательства, профессоръ физики стремится сдѣлать понятнымъ, какимъ образомъ опытъ, который онъ показываетъ, можетъ служить подтвержденіемъ закона. Преподаваніе, которое такимъ образомъ обращается къ сужденію и къ духу, является естественнымъ переходомъ къ изученію философи, такъ же, какъ у Канта членіе латинскихъ поэтовъ и изученіе небесной механики Ньютона предшествовало его критикѣ. На сколько безполезно философствовать, не изучивъ философи, на столько безполезно, чтобы преподаваніе философи въ лицейахъ продолжалось вѣтъ. Тутъ главное дѣло въ томъ, чтобы пробудить философскій смыслъ и философскія наклонности. Для задачи, которая предстоитъ въ этомъ случаѣ учителю, достаточно одного года, только-бы этотъ годъ былъ употребленъ на размышенія по поводу небольшого количества вопросовъ, а не на ученіе большого количества ихъ напасть. Преподаваніе философи въ лицейахъ должно представлять изъ себя посвященіе въ философскія размышенія, а не поспѣшное изученіе всей философи и всей исторіи философи въ сокращенномъ видѣ.

Примите и т. д.

Эмиль Бутрү.

Приемъ Брюнетьера въ Академію. Журналистамъ вообще не повезло въ Парижѣ за послѣднюю недѣлю. Роль обвинителя и прокурора взяла на себя Академія. Академикъ Пальеронъ вывелъ въ своей послѣдней комедіи журналиста карьериста Пегомаса, смѣло пробирающагося къ министерскому портфелю; новый академикъ Брюнетьеръ, въ вступительной рѣчи, произнесъ, въ свою очередь, грозную филиппику противъ современного журнализма и растѣвающаго вліянія ежедневной печати.

Приемъ въ число бессмертныхъ одного изъ оригинальнѣйшихъ и самостоятельнѣйшихъ писателей современной Франціи состоялся 3 (15) февраля. Восприемниками его были де-Вогю и Галеви. Отвѣтную рѣчъ держалъ канцлеръ дома Мазарини Оссонвиль. Брюнетьеръ не только выдающійся и смѣлый критикъ, достойно замѣщающій кресло Джона Лемуана и двухъ его предшественниковъ Жанена и Сент-Бева, но и профессоръ «Нормальной Школы» и популярный авторъ лекцій о Боссюэ въ Сорбонѣ. Недавно онъ былъ избранъ также редакторомъ-издателемъ «Revue des Deux Mondes», журнала, перешедшаго къ нему отъ Бюлоза.

Брюнетьеръ родился въ 1849 году въ Тулонѣ, подъ южнымъ солнцемъ Провансаля. Въ Марселе онъ кончилъ лицей, выдѣляясь съ юношескихъ лѣтъ своимъ характеромъ и выдержаній; онъ всегда зналъ, чего хотѣлъ и что любилъ. Въ домѣ отца его предназначали къ административной карьерѣ; но онъ предпочелъ идти своей дорогой; его влекло къ литературѣ. Восемнадцатилѣтнимъ юношей онъ явился въ Парижъ, чтобы сдать вступительный экзаменъ въ «Нормальную Школу», и странное дѣло, онъ не былъ принятъ. Будущій профессоръ, въ стѣнахъ того же заведенія, провалился на вступительномъ экзаменѣ, обнаруживъ недостаточное знакомство съ философией и латинскимъ языкомъ. Тогда Брюнетьеръ сталъ усердно посѣщать

лекції Тэна объ искусствѣ, а свободное время посвящалъ обширнымъ и пустыннымъ заламъ Лувра.

Еще одна страсть владѣла имъ въ то время— страсть къ театру. У него не хватало, однако, денегъ даже на самыя дешевыя мѣста, и онъ поступилъ по этому слушаю въ клакеры. Ему приходилось бороться съ нищетой; но это только закаляло его мужество. Въ годину испытанія, 1870 года, мы видимъ его въ солдатской шинели. Кончилась война, и снова началась борьба за существованіе. Испытавъ разныя мытарства въ провинціи, онъ вернулся въ Парижъ и рѣшилъ испробовать литературнаго счастія, временно перебиваясь дешевыми уроками. Прошло пять лѣтъ, и, въ 1875 году, въ «Revue des Deux Mondes» появилась, наконецъ, первая его статья, надѣлавшая большаго шума. Она была посвящена реалистическому роману, и авторъ безпощадно бичеваль въ ней несимпатичное ему направленіе, не щадя самыхъ популярныхъ именъ. Съ тѣхъ поръ дѣятельность его ярко опредѣлилась. Въ теченіе восемнадцати лѣтъ онъ написалъ пять томовъ «Etudes Critiques», три тома «Histoire et Litterature», два тома «Questions de Critique», одинъ томъ «Essais de Litterature Contemporaine», изслѣдованія о натуралистскомъ романѣ, о театрѣ, о лирической поэзіи и т. д., всего— болѣе двадцати томовъ, не говоря о многочисленныхъ статьяхъ, разсѣянныхъ по журналамъ, объ его лекціяхъ и чтеніяхъ. Изъ нихъ составилось бы еще не сколько объемистыхъ сборниковъ.

Не всѣмъ нравятся, понятно, силлогизмы и аргументація Брюнеттьера, его оригинальное, но не блестящее построение фразъ и его языкъ, испещренный архаизмами; никто не станетъ отрицать, что онъ говорить съ убѣдительной силой и самостоятельностью, притомъ, о совершенно новыхъ вещахъ, обнаруживая громадную эрудицію; онъ борется съ установленншися заблужденіями; устраняетъ принятые на вѣру формулы, и его аудиторія растетъ съ каждымъ днемъ. Его изслѣдованія о романѣ, о писателяхъ XVII и XVIII вѣка, работы о Паскалѣ, о Боссюетѣ, объ энциклопедистахъ, о Вольтерѣ, объ янсенистахъ, по философіи Мольера, отличаются глубиною и силою. Всѣ трудившіеся съ нимъ на одномъ поприщѣ должны были, въ концѣ концовъ, сознаться, что онъ стоитъ на правильномъ пути, охраняя традиціи, не слѣдя за измѣнчивыми вкусами толпы, взыскательный къ себѣ и другимъ. Онъ былъ всегда противникомъ бесплоднаго протоколированія фактовъ и отстаивалъ общія идеи. Онъ говорилъ и продолжаетъ говорить, что идеями должна питаться не только литература, но и жизнь, и что эти вѣковѣчныя идеи: любовь, природа, смерть.

Въ послѣдніе годы критика Брюнеттьера приняла новое направленіе. Когда-то, въ молодости, онъ изучалъ Дарвина, Геккеля, Спенсера. Позднѣе онъ забылъ о нихъ, и ихъ мѣсто занялъ въ его сердцѣ Боссюетъ. Но вдругъ, онъ снова вернулся къ старымъ привязанностямъ и рѣшилъ, что прогрессъ критики состоить въ примѣненіи къ ней естественно-научного метода. Точки зреѣнія такого рода примѣняль и Тэнъ; но первымъ провозвѣстникомъ чистой «эволюціи» въ критикѣ является Брюнеттьеръ. Различные роды литературы—это живыя силы. Онѣ рождаются, достигаютъ зрѣлости и, наконецъ, умираютъ. Онѣ борются за существованіе, и въ области литературы замѣчаются также приспособленіе и естественный подборъ видовъ.

Но перейдемъ къ торжественному пріему новаго академика. Со дня вступленія Октава Фелье, дворецъ Мазарини не видѣлъ такого избраннаго общества. Монархисты и бонапартисты, желавшіе послушать Оссонвиля, вмѣстѣ съ аудиторіей Брюнеттьера, переполнили мѣста для публики. Оба оратора совершенно оправдали ожиданія и были награждены шумными рукоплесканіями.

Брюнеттьеръ занялъ, какъ мы уже говорили, кресло Джона Лемуана. Совершенно понятно, если онъ воспользовался случаемъ, чтобы сдѣлать оцѣнку печати и журналистамъ, и нужно отдать ему справедливость, онъ не обнаружилъ особенной пѣжности ни къ первой, ни къ второй.

Высказавъ нѣсколько лестныхъ, хотя и чисто академическихъ похвалъ по адресу своего предшественника, онъ перешелъ прямо къ печати: «Да здравствуетъ Рено, мм. гг., этотъ ловкій человѣкъ, основавшій «Gazette de France» и открывшій бюро по пріисканію мѣстъ. Наши журналисты такъ много хвалили, однако, въ прошломъ году и его, и себя, что мои восторги имъ, пожалуй, и не нужны. Печать сдѣлала много добра; она дѣлаетъ его и теперь. Я долженъ сказать объ этомъ съ самаго начала. Я могу повторить вмѣстѣ съ Эзопомъ: «Что можетъ быть лучше рѣчи? Это—связывающая нить въ жизни, ключъ къ знанію, органъ истины и разума; благодаря ей, построены царства и охраняется порядокъ, при ея помощи учать, убѣждаять и царствуютъ въ собраніяхъ... Мм. гг., дѣлаютъ даже больше того. Тревожать совѣсть у эгоизма; бичуютъ неправду и взываютъ къ чувству солидарности. Но, чтобы быть справедливымъ, я скажу вмѣстѣ съ басноисцемъ, что рѣчь—въ то же время мать пререканій, виновница тяжбъ, причина войнъ и раздоровъ. Она настолько же органъ правды, какъ и лжи, и что гораздо хуже, клеветы: благодаря ей—царства разрушаются и раздается призывъ къ злу. Я думаю, что журналисты будутъ, конечно, мнѣ только благодарны, если я скажу, сколько ума, таланта и остроумія они безплодно тратятъ ежедневно. Въ теченіе пятидесяти лѣтъ журналистика сгубила безконечное количество поэтовъ, драматурговъ и романистовъ, поглотивъ ихъ въ себѣ. Но если я укажу, что печать напрасно усвоиваетъ себѣ титулъ представительницы ума, если я скажу, что все, чѣмъ мы живемъ, дали намъ Канты, Гегели, Конты, Дарвина, Клодъ-Бернары, Пастеры, Тэны и Ренаны, въ то самое время, какъ газеты надѣялись же издѣваться; если я осмѣлюсь, наконецъ, заявить, что органы печати, которые въ силахъ свалить министерство и правительство, не въ состояніи помѣшать толпѣ отдавать предпочтеніе кафе-шантану передъ театромъ, о, тогда, мнѣ объявлять войну на жизнь и на смерть. И да избавить меня Богъ начать ее!»

«Я позволю себѣ только сказать, что во времена Джона Лемуана печать не была тѣмъ, чѣмъ она есть теперь. Въ его эпоху для того, чтобы сдѣлаться журналистомъ, нужны были знанія и тщательная подготовка. Знаніе исторіи, одного или двухъ иностраннѣыхъ языковъ, знакомство съ европейской политической жизнью, хотя бы въ главныхъ чертахъ, вотъ что требовалось отъ сотрудниковъ газетъ у Армана, Карреля или Бертена, въ «National» и «Dѣbats». Вспомните дебютъ Литтрѣ. Три года, им. гг., я говорю три года, эллинистъ, филологъ и философъ дѣлалъ перевody изъ иностраннѣыхъ газетъ. Какъ видите, тогда не пришли еще къ тому убѣженію, что единственный талантъ журналиста, — это способность импровизировать. Журналисты, по словамъ Брюнеттера, въ 1840 г. не импровизировали, а посвящали себя извѣстной специальности и постепенно расширяли кругозоръ.

«Въ настоящее же время, какъ создается успѣхъ? Какимъ образомъ? Какою цѣною? Не цѣною ли лести низкимъ инстинктамъ толпы, ея худшимъ позывамъ, не цѣною ли того, что печать опускается постепенно до толпы? Она сдѣлалась рабыней прихоти. Она ничего не даетъ, и мы ничего отъ нея не требуемъ, кроме свѣдѣній. Вчерашній водевиль—грязная пошлость, но мы хотимъ, чтобы намъ обѣ чѣмъ говорили,—хотя бы для того только, чтобы не пойти его слушать, — и мы не простимъ журналисту, если онъ не выскажетъ своихъ мнѣній о театрѣ Фаварѣ или Коле; мы не претерпимъ, если наскъ не познакомить съ подробностями преступленія или процесса; намъ нужно, чтобы газетное блюдо было подано во-время и по возможности горячо... Скоро, говоря словами Жирардена и Теофіля Готье, «стиль будеть стѣснить читателя!» Факты и только факты, цифры и свѣдѣнія—вотъ чего мы требуемъ отъ газеты, и если прежде лучшей газетой считалась та, гдѣ лучше писали или лучше мыслили, то будущее принадлежитъ изданіямъ, лучше освѣдомленнымъ. Телеграфисты и телефонныя барышни будутъ редакторами, а настоящій журналистъ станеть скрывать и стыдиться своего таланта, опасаясь, какъ бы онъ не повредилъ ему».

Такъ говорилъ Брюнетьеръ-академикъ, самъ издатель періодического органа. Можетъ быть, ему дѣйствительно не нравится эволюція въ печати, такъ какъ конкуренція заставляетъ гнаться за свѣжестю даже издателей-академиковъ. У «Revue des Deux Mondes» появились теперь такие серьезные соперники, какъ «Correspondant» Лаведана, новый органъ «Revue de Paris» и старый «Revue Bleu». Во многихъ отношеніяхъ, однако, онъ правъ, въ особенности тамъ, гдѣ онъ говоритъ о чисто репортерскомъ характерѣ, какой постепенно привимаютъ газеты Старого и Нового Свѣта.

Письма Тургенева. Въ явварской и февральской книгахъ «Вѣстника Европы» появились вѣкоторыя письма И. С. Тургенева (Изъ переписки Тургенева съ семьею Аксаковыхъ), интересныя во многихъ отношеніяхъ. Приведемъ отдѣльные отрывки. Въ 1852 г. Тургеневъ писалъ К. С. Аксакову:

«Благодарю васъ душевно, любезный Константина Сергеевича, за ваше письмо. Скажу вамъ прямо, что я самъ во многомъ раздѣляю ваше мнѣніе о моихъ «Запискахъ» — и говорю это вовсе не изъ желанія пощеголять своею скромностью, — а потому, что чувствую это самъ — и уже давно. Зачѣмъ же я издалъ ихъ? спросите вы... А затѣмъ, чтобы отдѣлаться отъ нихъ, отъ этой старой манеры. Теперь эта обуза сброшена съ плеч долой. Но достаетъ ли у меня силъ идти впередь — какъ вы говорите — не знаю. Простота, спокойство, ясность линій, добросовѣтность работы, та добросовѣтность, которая даетсяувѣренностью — все это еще пока идеалы, которые только мелькаютъ передо мной. Я оттого, между прочимъ, не приступаю до сихъ поръ къ исполненію моего романа, всѣ стихіи котораго давно бродятъ во мнѣ, что не чувствую въ себѣ ни той свѣтлости, ни той силы, безъ которыхъ не скажешь ни одного прочного слова. Примѣръ Гр — вича хоть кого устрашишь — а не въ талантѣ же недостаетъ ему! — Съ другой стороны, жизнь торопитъ, и гонитъ, и дразнитъ, и манитъ... Трудно современному писателю, особенно русскому, быть покойнымъ — ни извѣѣ, ни извнутри ему не вѣтъ покоеемъ...»

Соглашаясь совершенно съ вашими замѣчаніями насчетъ моихъ «Записокъ» и прививъ ихъ къ съпѣнію для будущихъ моихъ работъ — я не могу раздѣлять вашего мнѣнія насчетъ «людей обезьянь», которые не годятся въ дѣло для искусства... Обезьяны добровольныя и главное — самодовольныя — да... Но я не могу отрицать ни исторіи, ни собственного права жить; претензія отвратительна — но страданію я сочувствую. Трудно объяснить все это въ короткомъ письмѣ... Но я знаю, что здѣсь именно та точка, на которой мы расходимся съ вами въ нашемъ возврѣніи на русскую жизнь и на русское искусство; я вижу трагическую судьбу племени, великую общественную драму тамъ, гдѣ вы находите успокоеніе и прибѣжище эпоса... Но повторяю, объ этомъ можно говорить и спорить — по писать трудно».

Любопытно и слѣдующее письмо Тургенева:

«Любезный К. С. Давно собирался я писать къ вамъ, но все откладывалъ до дочетенія статьи вашей въ Московскомъ Сборникѣ. Теперь я ее прочелъ съ большимъ вниманіемъ, и насколько я могу судить въ этихъ вещахъ, согласенъ съ вами насчетъ «родового быта». Мнѣ всегда казался этотъ родовой бытъ — такъ, какъ его представляютъ Соловьевъ и Кавелинъ — чѣмъ-то искусственнымъ, систематическимъ, чѣмъ-то напоминавшимъ мнѣ наши давно-прошедшія гимнастическія упражненія на поприщѣ философіи. Всякая система — въ хорошемъ и дурномъ смыслѣ этого слова — не русская вещь; все рѣзкое, опредѣленное, разгравированное вамъ не идетъ — оттого мы, съ одной стороны, не педанты, хотя за то съ другой стороны.....

Я русскую исторію знаю, какъ только можетъ знать ее человѣкъ, не изучавшій источниковъ; сужденіе мое о ней вытекаетъ болѣе изъ сочувствія къ тому, что теперь дѣлается въ русской жизни; стоить хорошенъко присмотрѣться къ современному распорядку деревенскому, чтобы понять невозможность Соловьевскаго родового быта. Собранные вами факты были для меня интересны и новы, взгляньте вѣ-

рень и ясень, по признаюсь вамъ откровенно—въ выводахъ вашихъ я согласиться не могу: вы рисуете картину вѣрную и, окончивъ ее, воскликаете: какъ это все прекрасно!.. Я никакъ не могу повторить этого восхищанія вслѣдъ за вами. Я, кажется, уже сказывалъ вамъ, что, по моему мнѣнію, трагическая сторона народной жизни—не одного нашего народа—каждаго—ускользасть отъ васъ, между тѣмъ какъ самыя наши пѣсни громко говорять о ней! Мы обращаемся съ Западомъ, какъ Васька Буслаевъ (въ Киршѣ Даниловѣ) съ мертввой головой — побрасываемъ его ногой—а сами... Вы помните, Васька Буслаевъ взошелъ на гору да и сломилъ себѣ на прижѣ шею. Прочтите, пожалуйста, отвѣтъ ему мертввой головы. У меня Кирша Даниловъ въ изданіи Сахарова—тамъ вѣтъ пѣсни, о которой вы говорите, а, помнится, я читалъ ее. Я себѣ выпишу изъ Москвы особое изданіе Кирши Данилова».

Интересенъ слѣдующій отзывъ Тургенева о Баратынскомъ въ письмѣ къ С. Т. Аксакову (1854 г.):

«Поговоримъ немного о литературныхъ новостяхъ. Во-первыхъ, скажу вамъ, что познакомился со вдовою Баратынского, и она мнѣ вручила альбомъ, куда она вписала все, что осталось отъ ея мужа, письма и пр. Можно будетъ составить довольно любопытную статью. Отъ Толстого, автора «Исторіи моего дѣтства», прислана поѣсть, продолженіе первой, подъ названіемъ «Отрочество»; говорятъ, превосходная. Въ Парижѣ появился переводъ моей книги съ длиннымъ предисловіемъ — то-то, я думаю, наскажано вздору!

Баратынский не поэтъ въ единствено-истинномъ, въ Пушкинскомъ смыслѣ, но нельзя не уважать его благородную художническую честность, его постоянное и безкорыстное стремленіе къ высшимъ цѣлямъ поэзіи и жизни. Константина Сергеевича онъ бы понравился, несмотря на свое западничество. Ума, вкуса и проницательности у него было много, можетъ быть слишкомъ много — каждое слово егоноситъ слѣдъ не только рѣзы — подшилка, стихъ его никогда не стремится, даже не льется. Вотъ вамъ неизданное его стихотвореніе (которое не давайте списывать); въ немъ довольно вѣрно выражались всѣ особенности его музъ.

Когда твой голосъ, о поэтъ,
Смерть въ высшихъ звукахъ остановить,
Когда тебя во цвѣтѣ лѣтъ
Нетерпѣливый рокъ уловить —
Кого закать могучихъ дней
Во глубинѣ сердечной троить?
Кто въ отзыѣ гибели твоей
Стѣсненной грудю возстонеть?
И тихій гробъ твой постыть —
И надъ умолкшей Аонидой,
Рыдая, пепель твой почтить
Нелицемѣрной панихидой?
Никто!—Но сложится пѣвицу
Канонъ намеднешнимъ зонломъ —
Уже кадицкимъ мертвому,
Чтобы живыхъ задѣть кадиломъ.

Отголосокъ великой нашей классической эпохи слышится въ формѣ стиха Баратынского».

Любопытны для характеристики Тургенева и слѣдующіе, мѣстами странные и недостойные его отзывы о Толстомъ, заимствуемые нами изъ «Русскаго Обозрѣнія», отзывы, къ которымъ читатель, конечно, отнесется съ должною критикою (Письма къ П. В. Анненкову):

...«Я прочелъ и романъ Толстого, и вашу статью о немъ. Скажу вамъ безъ компли-

ментовъ, что вы давно ничего умнѣе и дѣльнѣе не писали; вся статья свидѣтельствуетъ о вѣрномъ и тонкомъ критическомъ чувствѣ автора; и только въ двухъ-трехъ фразахъ замѣтна неясность и какъ бы спутанность выраженій. Самъ романъ возбудилъ во мнѣ весьма живой интересъ: есть цѣлые десятки страницъ сплошь удивительныхъ, первоклассныхъ,—все бытовое, описательное (охота, катанье ночью и т. д.); но историческая прибавка, отъ которой собственно читатели въ восторгѣ,—кукольная комедія и шарлатанство. Какъ Ворошиловъ въ «Дымѣ» бросаетъ пыль въ глаза тѣмъ, что цитируетъ послѣднія слова науки (не зная ни первыхъ, ни вторыхъ, чего, напримѣръ, добросовѣстные вѣмцы и предполагать не могутъ), такъ и Толстой поражаетъ читателя носкомъ сапога Александра, смѣхомъ Сперанского, заставляя думать, что онъ все объ этомъ знаетъ, коли даже до этихъ мелочей дошелъ,—а онъ и знаетъ только что эти мелочи. Фокусъ, и больше ничего,—но публика на него-то и попалась. И на счетъ такъ называемой «психологіи» Толстого можно многое сказать: настоящаго развитія нѣть ни въ одномъ характерѣ (что, впрочемъ, вы отлично замѣтили), а есть старая замашка передавать колебанія, вибраціи одного и того же чувства, положенія, то, чтобъ онъ столь безпощадно вкладывалъ въ уста и въ сознаніе каждого изъ своихъ героевъ: люблю, моль я, а въ сущности ненавижу и т. д.; и т. д. Ужъ какъ пріѣхались и надоѣли эти quasi-тонкія рефлексіи и размышенія, и наблюденія за собственными чувствами! Другой психологіи Толстой словно не знаетъ или съ намѣреніемъ ее игнорируетъ. И какъ мучительны эти предвамѣренныя, упорныя повторенія одного и того же штриха — усики на верхней губѣ княжны Болконской и т. д. Со всѣмъ тѣмъ, есть въ этомъ романѣ вещи, которыхъ, кромѣ Толстого, никому въ цѣлой Европѣ не написать, и которыхъ возбудили во мнѣ озабоченіе и жаръ восторга».

Или въ другомъ мѣстѣ:

«Доставили мнѣ 4-й томъ Толстого... Много тамъ прекраснаго, но и уродства не оберешься! Бѣда, коли автодидактъ, да еще во вкусѣ Толстого, возьмется философствовать: непремѣнно осѣдлаетъ какую-нибудь палочку, придумаетъ какую-нибудь одну систему, которая, повидимому, все разрѣшаетъ очень просто, какъ, напримѣръ, исторический фатализмъ, да и пошелъ писать! Тамъ, гдѣ опѣ касается земли, онъ, какъ Антей, снова получаетъ всѣ свои силы: смерть старого князя, Алпатычъ, бунтъ въ деревнѣ, все это — удивительно. Наташа, однако, выходитъ что-то слабо и сбивается на столь любимый Толстымъ типъ (excusez du mot) зас..хъ».

Юбилей «Дѣтскаго Чтенія». Журналъ «Дѣтское Чтеніе» просуществовалъ четверть вѣка. Столь долгая жизнь дѣтскаго журнала — явленіе небывалое въ нашей литературѣ. Не лишнимъ считаемъ, поэтому, оглянуться на прошлое этого журнала. «Дѣтское Чтеніе» вначала издавая крупная въ свое время фирма «Русская книжная торговля», подъ редакціей Алексѣя Никол. Острогорскаго, педагога и дѣтскаго писателя весьма даровитаго. Въ первое время сотрудниками журнала состояли только: А. Я. Гердъ, Вал. А. Висковатовъ, (оба уже покойные) да два брата Острогорскихъ — А. Н. и Викт. Петр. Принявъ подъ свое завѣдываніе дѣтскій журналъ въ концѣ 60-хъ годовъ, когда педагогія выработала столько готовыхъ формъ ученія, преподносимыхъ дѣтямъ въ школѣ, и отнимавшихъ у нихъ возможность самостоятельной работы, А. Н. Острогорскій вознамѣрился, очевидно, пополнить, до нѣкоторой степени, журналомъ своимъ этотъ существенный пробѣлъ: онъ придалъ ему характеръ реальный, составляя его преимущественно изъ статей, которая заставляли бы дѣтей призадуматься, натолкнули бы ихъ на пытливую мысль, пробудили бы въ нихъ жажду самостоятельного труда. Въ 1877 г. А. Н. Острогорскій, переведенный по службѣ въ Москву, оставилъ редактированіе журнала, который и перешелъ въ завѣдываніе В. П. Острогорскаго, преподавателя словесности и автора многихъ педагогическихъ сочиненій по методикѣ преподаванія этого предмета. Въ тяжелое время принялъ онъ «Дѣтское Чтеніе» подъ свою редакцію. Съ 1871 г.,

съ утроеннымъ количествомъ уроковъ древнихъ языковъ, съ одновременнымъ изучениемъ цѣлого ряда разныхъ грамматикъ (русской, славянской, греческой, латинской, французской и нѣмецкой), дѣти въ школѣ слишкомъ ужъ стали обременены «самостоятельнымъ» трудомъ,—нужна была свѣжая струя, которая пролила-бы отраду и покой въ дѣтское сердце... Теперь, съ ослабленіемъ кассической системы, дышится какъ-то легче и то время представляется какимъ-то смутнымъ кошмаромъ, давившимъ наск кучко словесныхъ формъ безъ идеи, безъ цѣли и надобности... Въ такое время молодежь крайне нуждалась въ живомъ чтеніи, которое подняло-бы въ ней угнетенный духъ, звало-бы ее отъ мертвчины къ жизни, перебросило-бы ея мысль отъ грамматическихъ формъ къ идеѣ, заронило-бы свѣтъ въ голову и тепло въ сердце... Такое-то чтеніе и давалъ въ своемъ журнアルѣ, съ 1877 г. по 1884-ый, В. П. Острогорскій. При немъ въ Дѣтскомъ Чтеніи особенно развилась беллетристика — изящная, гуманская, развивающая въ дѣтяхъ и юношахъ чувство и воображеніе, вселяющая въ нихъ свѣтлые, благородные идеалы. При немъ помѣщено множество художественныхъ произведеній лучшихъ русскихъ и (въ переводѣ и пересказѣ) иностраннѣхъ беллетристовъ. Но стоило только гг. Острогорскимъ, поставившимъ журналъ на ноги, покинуть его — какъ онъ уже сразу и надолго пришелъ въ упадокъ, длившійся съ 1884 года по 1891 годъ, пока, наконецъ, онъ попалъ въ руки настоящей редакціи, съумѣвшей быстро и, повидимому, прочно дать Дѣтскому Чтенію встать на прежнюю его высоту. За время упадка журнала существование его, если изобразить его графически, представлять волнообразную линію: то пыраетъ, то выплыветъ, то опять вырьетъ, то опять появится... Какъ ви бился въ 1884—87 гг. редакторъ В. П. Бородинъ, ведя журналъ и добросовѣстно и умѣло, но, очевидно, подписчики, не усматривая на обложкѣ имени Острогорскихъ, отстали отъ журнала. Утопающій хватается и за соломенку, — такою соломенко явился «извѣстный» (какъ о немъ обыкновенно говорятъ и пишутъ) педагогъ Д. Д. Семеновъ. Но — хороший ораторъ (его можно услышать почти на всѣхъ литературныхъ обѣдахъ и могилахъ) оказался плохимъ редакторомъ, и Дѣтскаго Чтенія не спасъ... Журналъ большою частью наполнялся фразистою сухою прозой и неимовѣрнымъ множествомъ сухихъ-же виршей — и опять пошелъ ко дну. Вытащили его со дна морского гг. Голяховскій и Борисовъ, нынѣшніе руководители Дѣтскаго Чтенія: они освѣжили его новыми силами, опять привлекли извѣстныхъ въ литературѣ и педагогіи имени (гг. Барапцевича, Мамина, Вагнера—Кота—Мурлыку, Засодимскаго и др.), пригласили къ совѣщаніямъ редакціи прежнихъ руководителей Дѣтскаго Чтенія — А. Н. и В. П. Острогорскихъ, и стали вновь выпускать при журнアルѣ, по 4 раза въ годъ, бесплатное прибавленіе *Педагогическій Листокъ*, упраздненный при «извѣстномъ» педагогѣ, г. Семеновѣ. Заслуга гг. Борисова и Голяховскаго, хоть еще недолговременная, но уже несомнѣнная. Можно сказать, что теперь журналъ удачно соединяетъ въ себѣ обѣ выдающіяся стороны свои при двухъ первоначальныхъ его редакторахъ, и Дѣтское Чтеніе является вполнѣ выдержанымъ, серьезнымъ воспитательнымъ изданиемъ. Такова въ краткихъ чертахъ его исторія, не лишенная, какъ и каждая исторія, всякихъ бурь, борьбы и вообще исторій. Но если изъ всѣхъ этихъ исторій вывели его невредимымъ люди безкорыстные и преданные дѣлу — дѣлу служенія подростающимъ и грядущимъ поколѣніямъ, то можно пожелать ему отъ души существовать еще много лѣтъ на пользу имъ.

Озnamеновавъ четверть-вѣковую годовщину журнала блестящимъ праздникомъ, устроеннымъ для своихъ сотрудниковъ, какъ и для представителей прессы и педагогіи, — праздникъ, извѣстный уже изъ газетъ, — новая редакція озnamеновала его и для своихъ читателей, выпустивъ роскошный юбилейный №, вчетверо объемистѣе обычной книжки журнала и богато разукрашенный подходящими къ случаю иллюстраціями, а именно, портретами Н. И. Новикова, основателя первого дѣт-

скаго журнала въ прошломъ вѣкѣ, и руководителей *Дѣтскаго Чтенія*. Къ сожалѣнію, собраны портреты не всѣхъ лицъ, редактировавшихъ журналъ. Первая часть юбилейнаго № наполнена лучшими статьями и стихами, перепечатанными изъ журнала за первыя пятнадцать лѣтъ его изданія, т. е. за лучшій его періодъ. Послѣ же этого напоминанія о процвѣтаніи журнала идетъ часть №, составленная новою редакціей и не уступающая перепечаткѣ изъ прежняго періода, а именно произведенія: гг. А. У. (*Какъ моя сорока попала въ газеты*), Мамина (*Аленушка*), Черского (*Любовь великая*), Лентовскаго (*Подлиза*), Березина (*Землетрясенія*), шарады и загадки, и, кромѣ того, находимъ въ этомъ № разсказъ пр. Вагнера (*Кота-Мурлыки*)—*Чухлашка*.

Словомъ, январскій № нового *Дѣтскаго Чтенія*, въ соединеніи съ перепечатками изъ старого журнала, показываетъ ясно, что дѣло вновь поставлено на прежнюю высоту и даетъ полное представление о характерѣ и содержаніи журнала при настоящихъ его руководителяхъ.

ТЕАТРЪ.

(ТЕКУЩІЙ РЕПЕРТУАРЪ).

Муха укусила г. Крылова.—Новый драматургъ.—«Жизнь» г. Потапенко.—40-дѣтие «Бѣдность не порокъ».—Бенефисъ М. Г. Савиной—«Дворянское гнѣздо».

Не успѣлъ я окончить свое прошлое обозрѣніе бенефисомъ г. Сазонова, въ которомъ привѣтствовалъ появленіе «Первой мухи» на нашей драматической сценѣ, какъ это злостное насѣкомое уже успѣло укусить своихъ родителей: гг. Величко и Крылова. На бенефисномъ спектаклѣ всѣ мы видѣли, какъ авторы выходили вмѣстѣ на вызовы публики, выходили дружно, рука съ рукой, кланялись и улыбались такъ мило, что нельзѧ было предположить между ними и тѣми разлада. И вдругъ оказывается, что у нихъ тогда уже была «на устахъ улыбка, а въ груди—змѣя» и что чуть-ли не сейчасъ же за послѣднимъ *двуличнымъ* поклономъ, между ними возгорится ярая пра изъ-за родительскихъ правъ на крылатаго первенца. Отношенія и перья обострились, газетные столбцы превратились въ почтовые ящики, и письма, самой разрывной начинки, начали перелетать съ одной стороны въ другую и обратно. Одинъ соавторъ доказывалъ другому, что въ «Мухѣ» ему принадлежать однѣ только лапки, да и то не всѣ; тотъ возражалъ, что не только лапки, но и хвостикъ обязаны своимъ происхожденіемъ его творчеству; въ концѣ концовъ, исторія сотрудничества была изложена съ необыкновенною полнотою и болѣе искусаннымъ, на мой взглядъ, оказался г. Крыловъ, такъ какъ всѣ эти газетныя разоблаченія производятъ на сторонняго читателя такое впечатлѣніе, что сотрудничество г. Крылова является какъ бы *обязательнымъ* для каждой почти пьесы, претендующей попасть въ текущій репертуаръ; ибо г. Крыловъ, какъ хозяинъ этого репертуара, не можетъ же въ самомъ дѣлѣ отвѣтить за тѣ пьесы, въ художественныхъ достоинствахъ которыхъ онъ не увѣренъ. И дѣйствительно, его положеніе въ текущемъ сезонѣ по-истинѣ ужасное: онъ, бѣдный, бѣется изо всѣхъ силъ найти хорошія пьесы и кромѣ своихъ собственныхъ ничего почти найти не можетъ. Есть отчего въ отчаяніе прійти!

Судьба, однако, вознамѣрилась склониться надъ г. Крыловымъ и увеличить число современныхъ театральныхъ поставщиковъ однимъ новобранцемъ. Я не знаю пѣли-ли 21-го января наши Сарду и Мельяки: «нашего полку прибыло, прибыло!», — но если пѣли и регентомъ былъ г. Крыловъ, то пѣніе хора было навѣрно минорное, ибо они не особенно любятъ конкурентовъ въ своихъ подрядахъ и поставкахъ. Въ этотъ день, въ роли русского драматурга дебютировалъ русскій беллетристъ г. Потапенко своею 4-хъ актною пьесой «Жизнь».

Дай Богъ здоровья г. Потапенко, но его «Жизнь» не обѣщаетъ быть особенно долговѣчною. Въ заслугу новой пьесѣ можно поставить только одно: никакихъ возмутительныхъ пошлостей, подъ видомъ необыкновенно умныхъ рѣчей, въ ней не говорится; никто никакихъ тостовъ, ни за нравственность, ни за безнравственность не произноситъ и адвокатски-фельетонныхъ блестокъ остроумія не разсыпаетъ. И за это автору большое спасибо.

Списокъ отрицательныхъ сторонъ пьесы значительно длиннѣе. Во-первыхъ, и этого пожалуй и довольно бы — въ ней неѣть никакого творчества. Какъ ее ни поверни — со всѣхъ сторонъ — это вещь спекулятивная, какъ и большинство текущаго театрального хлама. Г. Потапенко въ театрѣ младенецъ, а потому и наивенъ, какъ младенецъ. Онъ знаетъ, что хорошо бываетъ, когда зрители всѣ ноголовно плачутъ въ чувствительныхъ пьесахъ. Надо и мнѣ, думаетъ г. Потапенко, придумать что-нибудь эдакое, самое чувствительное. Да чего же лучше — заставлю я кого-нибудь умирать на сценѣ, а окружающіе будутъ плакать, и умирающій будетъ прощаться съ ними; театръ навѣрное не выдержитъ и тоже заплачетъ. Хорошо бы, чтобъ умиралъ какой-нибудь учитель, а обожающіе его ученики, благородная молодежь — плакали бы вокругъ. Хорошо бы и семейство, женскій элементъ присоединить къ плачущей молодежи; дамы плачутъ особенно заразительно. Рѣшено — заставлю умирать такое лицо, чтобы и семейный, и учитель въ одно и тоже время. Эврика! Онъ будетъ профессоръ университета, свѣтило науки, надежда и гордость ея и вдругъ умираетъ, окруженный семьей и боготворящими его студентами! Только, отъ чего же онъ умираетъ? Нужно, чтобы виною его смерти былъ кто-нибудь, на кого могутъ обрушиться проклятия окружающихъ дорогого учителя. Это долженъ быть пошлый фатъ. Но какъ же онъ причинить смерть профессору? Онъ смертельно ранить его на дуэли. Пусть профессоръ встанетъ въ такое положеніе, что при всемъ несочувствии къ варварской формѣ расправы, ему неѣзжно будетъ не принять вызова, не жертвуя честью хотя бы неѣжно любимой жены. Драма складывается сама собой: у профессора — неѣжно-любимая прелестная жена; фатъ ухаживаетъ за нею, а она отъ скучи слегка съ нимъ кокетничаетъ. Враги профессора, а такъ какъ онъ медикъ, то стало быть — враги геніального медика — другіе врачи раздуваютъ исторію этого невиннаго флирта всевозможными сплетнями и намеками въ мѣстныхъ газетахъ и доводятъ профессора до такого нервнаго раздраженія, что онъ, встрѣтивъ въ гостиной жены ея

фатоватаго ухаживателя, срываеть на немъ свой гнѣвъ и оскорбляетъ его. Тотъ вызываетъ его на дуэль, отъ которой нельзя отказаться, не задѣвая репутацію жены, дуэль происходитъ на пистолетахъ, и профессоръ, раненый «пушкинскою» раной въ животъ, умираетъ между убитой горемъ женой и рыдающими студентами.

Г. Потапенко видимо остался доволенъ своеї изобрѣтательностью и не только написалъ, но и поставилъ свою пьесу «Жизнь», содержаніе которой и главныя дѣйствующія лица указаны выше. Въ окончательной отѣлкѣ—профессоръ-врачъ получиль имя Петра Григорьевича Бѣлозерова (г. Давыдовъ), его жена—Ольги Павловны (г-жа Мичуринъ) и фатъ—Ратищева (г. Далматова),

Къ этимъ лицамъ пришлось присоединить завистниковъ—врачей, со-званныхъ на консиліумъ обѣ операций: старика профессора Тройнова (г. Писаревъ), человѣка науки, но съ лѣтами сдѣлавшагося къ ней равнодушнѣе, а въ житейскомъ смыслѣ практические; Загницкаго (г. Федотовъ), ядовитаго завистника и коварнаго врага; Баржика (г. Ремизовъ) и Галкина (г. Шевченко). Затѣмъ—секундантовъ фата: барона Штифеля и Чебышева (гг. Новинскій и Тройницкій), студентовъ, ассистента Синицына (г. Никольскій) и еще, непрѣвестно зачѣмъ (вѣроятно для увеличенія толпы рыдающихъ родственниковъ)—отца Ольги Павловны (г. Ленскій), спи-санного съ многаго множества легкомысленныхъ папашъ, сестру ея (г-жа Потоцкая), дѣльную дѣвицу, путающуюся въ дѣйствіи пьесы безъ всякаго дѣла и Туняеву, троюродную сестру Бѣлозерова (г-жа Федорова), являющуюся на минуту, чтобы передать ходящую по городу сплетню.

Авторъ не ошибся въ разсчетѣ. Въ театрѣ всегда найдется не мало чувствительныхъ зрителей, которымъ стоять только показать что-нибудь печальное—они сейчасъ начнутъ разливаться—плакать. А тутъ еще такая жалость! Хорошаго человѣка ухлопали даромъ, и онъ полчаса умрываетъ передъ рампой, разговаривая такимъ жалостнымъ голосомъ и все-такое грустное!

Я сказалъ уже, что г. Потапенко младенчески написанъ и посмотрите, сколько самыхъ азбучныхъ наивностей онъ насовалъ въ свою пьесу. Конси-ліумъ 1-го акта замѣчательно курьезенъ: собирается пять врачей, чтобы обсудить возможность весьма трудной и сложной операциіи безъ опасности для жизни больного. По приглашенію Бѣлозерова они на минуту уходя-дуть осмотрѣть больного и, возвратившись, начинаютъ ученый споръ та-кого содержанія: «Ну что, коллега, какое ваше мнѣніе?» — По моему, операція невозможна.—«А ваше мнѣніе?» — По моему, больной умреть подъ ножомъ.—А ваше?—пристаетъ Бѣлозеровъ къ остальнымъ колле-гамъ. «Операція невозможна», отвѣчаютъ остальные коллеги.—Ну, а по-моему,—рѣшаетъ Бѣлозеровъ,—операція возможна, и я пойду ее и сдѣлаю, а вы тутъ посидите и подождите.—Послѣ этого онъ идетъ, очень скоро дѣлаетъ операцію и возвращается сейчасъ-же съ торжествующимъ видомъ,

приглашая коллегъ пойти полюбоваться на «чистую работу». Всѣ идутъ, любуются и поражаются.

Г. Потапенко, видимо, не врачъ и потому нельзя требовать отъ него изложенія техническаго, научнаго спора о возможности или невозможности операциі. Но не нужно быть врачемъ, чтобы понять всю неправдоподобность и комичность такого *голословнаго* спора. Не нужно также быть врачемъ, чтобы знать, что дѣлать операцию отправляются не такъ, какъ выпить стаканъ квасу въ другой комнатѣ; геніальный операторъ г. Потапенко рѣжетъ своего больного, точно фокусъ показывается, даже не мѣняя сюртука. И какимъ образомъ больной такимъ интереснымъ клиническимъ недугомъ находится на квартире Бѣлозерова, живущаго по-видимому въ университетѣ, где имѣется клиника. Въ послѣднемъ дѣйствіи смертельно раненаго Бѣлозерова приводятъ подъ руки и кладутъ *на кушетку* посреди аванъ-сцены. Это—перль постановки! Точно не могли потратиться на посылки и покойную кровать для свѣтила науки. Но вотъ что уже вина самого автора: въ продолженіе полу-часа человѣкъ умираетъ на сценѣ, ассистентъ суетится около него и только повторяетъ: «Мы его спасемъ, мы его спасемъ», а никакихъ мѣръ къ спасенію такъ и не принимается, и безпомощный больной умираетъ съ такими-же удобствами, какъ на большой дорогѣ. Кромѣ того, г. Потапенко очень невысокаго понятія о познаніяхъ студентовъ-медиковъ 5-го курса, ибо въ его пьесѣ одинъ изъ нихъ на вопросъ ассистента-профессора: какого рода рана?—отвѣчаетъ: «Въ полость живота». Насколько извѣстно, въ анатоміи такой полости не существуетъ, да и студентъ 5-го курса на вопросъ начальства могъ-бы отвѣтить точнѣе.

Г. Потапенко, какъ видно, и съ свѣтскими условіями жизни знакомъ не лучше, чѣмъ съ медициной. Если-бы это было не такъ, онъ понялъ-бы, что, принимая вызовъ Ратищева, Бѣлозеровъ компрометтируетъ свою жену, еще болѣе подтверждая этимъ городскія сплетни обѣ отношеніяхъ ея къ Ратищеву. Нѣть такихъ секундатовъ, которые не удовлетворились-бы извиненіями Бѣлозерова и не заставили-бы Ратищева признать себя вполнѣ удовлетвореннымъ. Требованіе Ратищева, чтобы Бѣлозеровъ въ своемъ извинительномъ письмѣ ни съ того, ни съ сего упоминаль о лживости городскихъ слуховъ, позорящихъ Ратищева гораздо менѣе, чѣмъ жену Бѣлозерова,—совершенно нелѣпо и неудачно придумано. Что-же касается до несчастной мысли, пришедшей въ голову Бѣлозерова,—поручить дѣло своей чести студентамъ 5-го курса, то г. Потапенко достаточно наказалъ его за это: при другихъ секундантахъ подобная дуэль никогда-бы не состоялась.

Я совершенно отказываюсь говорить обѣ исполненіи этой пьесы и считаю, что для хорошаго артиста должно быть обидно слышать, какъ хорошо онъ съумѣлъ передать всѣ авторскія нелѣпости и изобразить выдуманныя лица и положенія.

24-го января, какъ значилось на афишахъ—въ день сороковой годов-

чины первой постановки пьесы, дана была комедія А. Н. Островского *Бѣдность не порокъ*.

Каждый разъ, какъ имя А. Н. Островского упоминается на петербургской драматической сценѣ сердце невольно сжимается острою и жгучею болью за этого мало-цѣнного и плохо понимаемаго русскаго писателя. Талантъ такой проникновенной силы, такой необыкновенной прозорливости, такой чуткой отзывчивости къ легчайшимъ дуновеніямъ русскаго національного духа—и такъ мало чтимъ, такъ мало понять и почти забыть! А вѣдь еще полѣвѣка не прошло съ тѣхъ поръ, какъ Островскимъ было сказано новое слово въ русскомъ театрѣ, когда взамѣнъ лжи, ходульности, явной искусственности, слѣшного подражанія и художественного безвкусія на русской сценѣ впервые появились живые русскіе люди во всей полнотѣ своихъ народныхъ свойствъ, освѣщенныя поэзіею великаго русскаго художника! Русская душа во всѣхъ ея свѣтлыхъ и темныхъ проявленіяхъ, русское чувство со всею своею гаммою разнообразнѣйшихъ оттенковъ, начиная отъ беззавѣтной покорности нѣмого страданія до бурной удали широкой натуры воплотились въ лицахъ и образахъ необыкновенной жизненной правдивости и неподражаемой типичности. Подъ преходящею, условною оболочкою бытовыхъ изображеній воспроизведена была художественно неизмѣнная характерная сущность русской души, русскаго человѣка вообще, насколько онъ является продуктомъ народнаго (national, а не populaire) духа.

И что-же? Менѣе, чѣмъ черезъ 50 лѣтъ внутренній, истинный смыслъ этихъ геніальныхъ изображеній утратился въ сознаніи русскихъ людей; душа поэтическихъ произведеній испарилась и осталась одна скорлупа въ видѣ описательныхъ картинъ отжившаго темнаго царства. Островскій—творецъ низведенъ къ простому быто-описателю, имѣющему чуть-ли не археологическій только интересъ; сами изображенія представляются какими-то курьезными аناхронизмами, остатками смѣшной старины, которую мы настолько переросли, что даже понимаемъ съ трудомъ; пьесы, полныя захватывающаго смысла и живого интереса приравниваются теперь къ тѣмъ блѣднымъ порожденіямъ тулуцко-зипуннаго народническаго реализма 60-хъ годовъ, которыя мелькнули въ исторіи русскаго искусства, отражая на себѣ временные увлеченія эпохи, унесенная вмѣстѣ съ нею въ невозвратное прошлое.

Кто-же виновенъ въ такомъ узкомъ, близорукомъ пониманіи геніального творчества Островского? Виноваты по-немногу всѣ, а больше всего невѣжественная критика и ремесленные взгляды руководителей и жрецовъ русскаго драматического искусства. Отъ нашихъ актеровъ и нельзѧ было ожидать иного отношенія къ пьесамъ Островского. Для нихъ его лица и образы представляютъ интересъ прежде всего специально сценическій, какъ матерьяль для созданія благодарныхъ типовъ. Понятно, что при такомъ взглядѣ перевѣсь оказался на сторонѣ формы, и лица Островского обратились мало по малу въ галлерею бытовыхъ корикатуръ

большой или меньшей допотопной курьезности. Изображение *внутреннюю* человечка отошло на задний план и совсѣмъ затерялось; *типъ* замѣнилъ собою *характеръ*, и кафтанъ закрылъ собою отъ зрителя живую душу.

Дѣло просвѣщенній критики было-бы—разъяснить русскому актеру истинную суть и неувѣдающее значение созданій Островскаго, указать, что и въ Шекспирѣ, и въ Мольерѣ за отжившими формами остаются вѣчно живыя черты характеровъ и души человѣческой; но наша критика по большей части вторила актерской недогадливости и приняла на себя не малую долю грѣха непониманія Островскаго и не разъ возвѣщала, что Островскій устарѣлъ и не возбуждаетъ интереса въ современномъ зрителѣ, вмѣсто того, чтобы указывать и этимъ зрителямъ, и актерамъ, что Островскій не оттого пересталъ привлекать вниманіе, что устарѣлъ, а оттого, что актеры болѣе не умѣютъ играть его такимъ, каковъ онъ есть, всего пѣскомъ, а схватывають только виѣшніе признаки его созданій.

Руководители нашей образцовой сцены могли-бы, конечно, возстановить истинное пониманіе Островскаго и поднять интересъ къ его пьесамъ достодолжнымъ художественнымъ исполненіемъ. Но на дѣлѣ и они ушли не дальше актеровъ и критики. Едва-ли даже не на нихъ падаетъ главная вина въ этомъ вопросѣ, такъ какъ, потворствуя небрежному и одностороннему исполненію, они сами ставятъ пьесы Островскаго возмутительно небрежно и неряшливо; а когда публика отказывается посѣщать такія убогія представленія, то вина сваливается опять-таки на Островскаго и его устарѣлость.

Нынѣшнее репертуарное начальство въ лицѣ г. Крылова особенно озабочено придать своей дѣятельности букетъ *литературности* въ подражаніе культурнымъ сценамъ западной Европы. Съ этою цѣлью на вечеровыхъ програмахъ печатаются краткія свѣдѣнія о пьесахъ и обѣ ихъ авторахъ, въ фойѣ вывѣшиваются относящіеся къ пьесѣ виды и картишки, выкалываются даты всевозможныхъ годовщинъ и т. д. Все это было-бы умѣсто и вполнѣ почтенно, если-бы театрально-литературныя торжества ознаменовывались экстренно-образцовыми исполненіемъ честуемыхъ пьесъ и авторовъ, а не ограничивались однѣми датами на афишахъ, да историческими свѣдѣніями и картинками. А то въ фойѣ видишь изображеніе дома Шиллера, часовни Вильгельма Телля, читаешь на програмѣ свѣдѣнія о томъ, сколько Шиллеръ получилъ гонорара, а въ это время на сцени честуемый Шиллеръ коверкается безпощаднымъ образомъ и восхваляемый *Вильгельмъ Телль* является въ жалкомъ, безграмотномъ исполненіи и нелѣпой, безмыслиенной постановкѣ. Невольно кажется, что всѣ эти претензіи на культурность и литературность не болѣе, какъ смѣшной фарсъ, шарлатанство, что кого-то мороочать, кому-то пускаютъ пыль въ глаза.

Нѣсомнѣнно, что подобнымъ-же побужденіемъ обязана и комедія

Бѣдность не порокъ чествованіемъ на Александринской сценѣ, своего сорокалѣтія (?), изумившимъ меня 24-го минувшаго января.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ иначе отнести къ такому явлению: афиша объявляетъ сорокалѣтій юбилей пьесы, а сама пьеса идетъ чуть не съ двухъ репетицій при сомнительномъ знаніи ролей и полномъ отсутствіи стройнаго исполненія; выказываетъ намѣреніе отпраздновать извѣстное литературное событие, а само празднованіе состоится въ томъ, что пьеса обставлена и исполнена хуже и небрежнѣе, чѣмъ когда-либо. Распределеніе ролей болѣе всего доказываетъ такую небрежность, или-же должно быть отнесено къ полному незнанію дѣла режиссерскою частью. Нужно совсѣмъ не понимать пьесы и характеровъ дѣйствующихъ лицъ ея, чтобы поручить роль Коршунова—г-ну Варламову, роль Пелагеи Егоровны—г-жѣ Стрѣльской и наконецъ самого Любима Торцова—г-ну Давыдову. Неужели г-нъ Крыловъ до сихъ поръ настолько не присмотрѣлся къ актерамъ вѣренной ему труппы, что не понимаетъ того, напримѣръ, что г. Давыдовъ по свойству темперамента своего *не можетъ* быть хорошимъ Любимомъ Торцовымъ, что въ его исполненіи этотъ купеческій прожигатель жизни обратится въ подобіе Антона Горемыки или самое большее въ Расплюева; что не считая г. Медвѣдева, который еще прошлою весной игралъ эту роль довольно порядочно, въ труппѣ имѣется превосходный Любимъ Торцовъ, г. Писаревъ, котораго самъ авторъ признавалъ однимъ изъ лучшихъ исполнителей этой роли и который имѣлъ въ ней громкій и заслуженный успѣхъ на многихъ русскихъ сценахъ, о чѣмъ специалистамъ дѣла можно было бы знать. Можно-бы также знать, что г-жа Стрѣльская — превосходная комическая актриса на роли разбитныя, веселыя и энергичныя, но совершенно лишенная способности искренне выражать теплыхъ чувствъ, совсѣмъ не подходить къ характеру чувствительной, плаксивой и робкой Пелагеи Егоровны. Можно-бы также замѣтить, что г. Шкаринъ—артистъ тоже прекрасный—совершенно не умѣеть играть важныхъ русскихъ купцовъ вродѣ Гордѣя Карпыча, и что для торжественнаго спектакля, его слѣдовало-бы замѣнить другимъ исполнителемъ. Отъ того, что г-жа Савина исполняетъ небольшую роль вдовушки Анны Ивановны, а г. Сазоновъ—Гришу Раззлюяева ансамбль пьесы выиграть не могъ; но онъ несомнѣнно выигралъ бы, еслибъ г. Крыловъ, праздную литературный юбилей, не ограничился только разысканіемъ даты, сочиненіемъ въ носъ бьющей афиши и неудачнымъ распределеніемъ ролей, а полюбопытствовалъ-бы посмотретьъ, *какъ* исполняется *Бѣдность не порокъ* при сей торжественной оказіи. Онъ, можетъ быть, замѣтилъ бы, что никто не говорить въ тонѣ пьесы; что г-жа Пасхалова и г. Аполлонскій изображаютъ не простыхъ русскихъ людей, а какихъ-то испанскихъ любовниковъ, передѣланныхъ г-номъ Крыловымъ изъ пьесы Морето на русскіе купеческіе нравы, что, въ изображеніи бытовой стороны пьесы, постановкою допущена масса несообразностей, и что вообще *Бѣдность не порокъ* идетъ несравненно хуже обыкновенного въ знаменательный, такъ громко возвѣщенный,

юбилейный спектакль. Но ничего этого г. Крыловъ не видѣлъ или не хотѣлъ видѣть и устроилъ по-истинѣ странное чествование Островскаго которому, будь онъ живъ, не поздоровилось бы отъ этакихъ похвалъ. Что дѣлать! Видно, не пришло еще время должнаго пониманія и чествованія нашего русскаго Мольера.

Въ четвергъ, 27-го января, состоялся бенефисъ М. Г. Савиной, имѣвшій на сей разъ особое значеніе, такъ какъ имъ знаменовалось двадцатилѣтие службы талантливой артистки на нашей петербургской сценѣ.

Я живо помню первое появленіе М. Г. Савиной въ Петербургѣ въ зиму 1873—1874 года. Я помню то впечатлѣніе, какое вынесъ изъ спектаклей Благороднаго собранія, въ которыхъ молодая артистка играла Лелечку въ *Блуждающихъ Оняхъ*, а потомъ въ *Испорченной жизни*. Это было впечатлѣніе свѣжаго, молодого, а главное искренняго таланта съ настоящимъ драматическимъ темпераментомъ и тою жизненностью игры, которая до глубины души трогаетъ зрителя. Я помню также дебюты ея на Александрийской сценѣ, въ роли Кати, въ комедіи *По духовному завѣщанію* (9-го Апрѣля 1874 г.) и въ роли Нади въ *Воспитанницѣ* Островскаго (16-го Апрѣля), и, давая отчетъ объ этихъ спектакляхъ, писалъ, что «появленіе г-жи Савиной на Александрийской сценѣ—лучшій подарокъ кончающагося сезона, и если артисткѣ суждено сдѣлаться постояннымъ достояніемъ столичной публики, что желается всѣми, видѣвшими дебютъ г-жи Савиной, то мы смѣло можемъ поздравить столичную сцену съ хорошимъ приобрѣтеніемъ; публикѣ обѣщаются много удовольствія въ будущемъ, а г-жѣ Савиной—полные и заслуженные успѣхи». («Бирж. Вѣд.» 1874 г. № 101).

Эти пожеланія, къ счастію, исполнились и мало-извѣстная до тѣхъ поръ провинциальная артистка вскорѣ сдѣлалась лучшимъ украшеніемъ петербургской сцены и до сихъ поръ держитъ на ней по праву первое мѣсто. Обстоятельства, какъ нельзя болѣе, благопріятствовали росту значенія г-жи Савиной: артистки, занимавшія до нея первыя мѣста — г-жа Струйская 1 и Яблочкина 2, сошли со сцены, а новыхъ соперницъ не появилось, и въ теченіе всего двадцатилѣтия въ женскомъ персоналѣ петербургской труппы не было, положительно, никого, кто-бы могъ оспаривать первенство г-жи Савиной. Единственная сила, которая могла бы дѣлить ея лавры, хотя и на своемъ особомъ поприщѣ, была г-жа Стрепетова, но своеобразныя особенности этого дарованія и исключительность репертуара ея ролей не оказались въ тонѣ царившаго въ нашемъ театрѣ направлениія, и г-жа Савина осталась во главѣ ролей *ingénie* и драматическихъ.

Оглядываясь на репертуаръ истекшаго двадцатилѣтия, нельзя, однако же, подавить въ себѣ удивленія, что, при такомъ богатомъ дарованіи, г-жа Савина не ознаменовала своего первенства на сценѣ болѣе крупными и художественными созданіями. Но, если припомнить всѣ обстоятельства

дѣла, то винить въ этомъ артистку, по совѣсти, нельзя. Великолѣпное исполненіе нѣкоторыхъ ролей репертуара Островскаго, Соловьева, А. Нотѣхина, Тургенева и нѣкоторыхъ новѣйшихъ серьезныхъ авторовъ ясно указываетъ на то, что г-жѣ Савиной доступны вполнѣ художественный, сценическія задачи, а, сообразная лучшія стороны ея дарованія, нельзя не признать ея предназначенніи къ весьма видному положенію, если и не въ трагедіи и сильной драмѣ, то въ комедіи и драмѣ реальной художественного, творческаго замысла. На бѣду, появленіе свѣжаго и крупнаго таланта возбудило барышническіе аппетиты театральныхъ закройщиковъ, прobraвшихся уже тогда на сцену вмѣстѣ съ опереточными переводчиками — развратителями русской публики. Эти закройщики, съ г. Крыловымъ во главѣ, разсчитали безъ ошибки, что граціозное дарованіе новой звѣзды завоюетъ успѣхъ ихъ полуопереточнымъ пошлостямъ, и изъ всѣхъ силъ принялись сочинять пьесы, специально принарученныя къ особенностямъ таланта г-жи Савиной. Успѣхъ они завоевали, но зато лишили артистку здоровой, художественной пищи, столь необходимой для развитія и правильнаго роста молодого дарованія. Не будь этихъ благодѣтелей русскаго театра, г-жѣ Савиной неизбѣжно пришлось бы работать надъ художественными созданіями литературного репертуара, и она навѣрно подарила бы русскую сцену многими истинными образцами. Теперь-же все ея время и силы стали уходить на исполненіе пьесъ, фабриковавшихся для нея специально, въ которыхъ ей приходилось играть саму себя безъ всякаго труда и съ вѣрнымъ успѣхомъ. Г.г. Крыловъ и К^о купили свой успѣхъ на счетъ дарованія г-жи Савиной, которое, благодаря имъ, свершило несравненно менѣе того, что могло свершить.

Говорить, что при чествованіи юбилея г-жи Савиной товарищами, г. Крыловъ прочелъ ей игривое поздравленіе въ стихахъ, въ которыхъ ея двадцатилѣтня заслуги выражены заглавіями игранныхъ ею пьесъ. По моему, г-жа Савина, отвѣчая на поздравленія, должна была-бы, не безъ горечи, сказать приблизительно слѣдующее: «Съ тѣхъ поръ, какъ вы, баловень безвкусной толпы, вашими *шалостями* держите *въ осадномъ положеніи* русскую сцену, составляющую для васъ *лакомый кусочекъ*, ваше до поры до времени завоеванное счастье было моимъ *горемъ* — зло-счастіемъ, внеся разладъ между даннымъ мнѣ Богомъ дарованіемъ и репертуаромъ моимъ, который покажется *чудовищемъ* новому поколѣнію зрителей, если только онъ перейдетъ къ нимъ по вашему *духовному заeыщанію*».

Г-жа Савина такой рѣчи, понятно, не сказала, но сыграла прекрасно двѣ новыя роли въ своемъ бенефисномъ спектаклѣ: Лизы въ *Дворянскомъ гнѣвѣ* и Любушки въ комедіи *Батюшкина дочки*.

Г-жа Савина дала образъ Лизы довольно близкій къ тургеневскому созданію, но, конечно, могла его дать только въ предѣлахъ материала, представляемаго сценической обработкой П. И. Вайнберга знаменитаго романа И. С. Тургенева. Я уже каялся, по поводу *Мертвыхъ душъ*, въ

своемъ несочувствіи ко всяkimъ передѣлкамъ эпическихъ произведеній въ драматическую форму, но признаюсь, идея передѣлать «Дворянское гнѣздо» въ драму меня особенно поразила своею смѣлостью, чтобы не сказать неосмотрительностью. Весь поэтическій ароматъ чудеснаго романа заключается въ чарующей красотѣ его описательныхъ и повѣстовательныхъ мѣстъ. Тонкая обрисовка образовъ и душевнаго міра дѣйствующихъ лицъ выполнена съ изящнѣйшимъ мастерствомъ въ художественно-реальныхъ и подробныхъ изложеніяхъ геніального автора, вмѣстить которыхъ въ драматическую форму, совершенно невозможно, такъ какъ въ драмѣ эти изложенія должны быть воспринимаемы зрителемъ въ образахъ, для созданія которыхъ нуженъ талантъ драматурга, равный таланту Тургенева. Лица и положенія для нечитавшихъ романа представляются произвольными и неясными, а для знающихъ романъ—обезличенными до неузнаваемости. Отъ перестановки нѣкоторыхъ сценъ и произвольныхъ измѣненій въ нихъ нѣкоторая положенія совершенно исказились и потеряли приданый имъ авторомъ смыслъ. Мареа Тимофеевна застаетъ ночное свиданіе Лизы съ Лаврецкимъ; она-же въ послѣдней сценѣ поручаетъ Лаврецкому отговорить Лизу отъ намѣренія вступить въ монастырь; Леммъ среди бѣлага дня говорить о звѣздахъ, Лаврецкій на восемь лѣтъ раньше говорилъ: «Догорай безполезная жизнь, здравствуй одинокая старость» и т. д. и т. д.

Изъ исполнителей болѣе всѣхъ прониклась Тургеневскими намѣреніями г-жа Савина и дала лицо граціозное, чистое и задушевно-простое, хотя, конечно, легкость и намѣренная недосказанность этого образа въ романѣ отразилась нѣкоторою блѣднотою сценическаго лица, оставлявшаго значительный просторъ воображенію зрителя, которымъ образъ долженъ быть дорисованъ. Г-жа Жулева удовлетворительно справлялась съ изображеніемъ Мары Тимофеевны настолько, насколько позволяютъ ея личные свойства, мало соотвѣтствующія замыслу Тургенева. Затѣмъ, г. Нильскій былъ достаточно похожъ на Лемма. Этимъ и ограничивается перечень болѣе удачныхъ лицъ. Постановка оказалась пестрою всякими анахронизмами, перечислять которые и скучно, да и не стоить.

Въ заключеніе спектакля бенефиціантка сыграла въ комедіи князя Шаховского *Батюшина дочка* или *Нашла коса на камень* роль злой, капризной Любушки и сыграла ее съ такою молодостью, граціей, живостью и неподдѣльнымъ комизмомъ,—что наивное созданіе Шаховского смотрѣлось съ истиннымъ удовольствиемъ, тѣмъ болѣе, что и остальная лица, въ особенности г-жа Читай (горничная Маша) и г. Аполлонскій (морякъ Рагдаевъ) дружно поддерживали бенефиціантку. Въ пьесѣ второе дѣйствіе представляетъ театръ со сценой, на которой идетъ стариинный балетъ *Своенравная женса* («Le diable à quatre»). Какъ кажется, эта театральная мозаика и во времена Шаховского не имѣла такого успѣха, какъ теперь, когда пошли современныхъ «веселыхъ пьесъ» заставляютъ цѣнить милую веселость наивной старины.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНИЕ.

75-ти-лѣтіе петербургскаго университета.—Воспитательное значеніе высшей школы.—Вопросъ о приступленіи Россіи къ бернскай литератураой конвенціи. — Огражденіе свободы перевода. — 19 февраля. — Обнародованіе закона о неостчуждаемости надѣльныхъ земель.—Циркуляръ о взысканіи сборовъ и комиссія по этому предмету.—Комиссія статьє-секретаря Грова и проектъ объ общественномъ прізвѣніи. — Проектъ завѣдыванія дѣломъ народного продовольствія.—Пермскій кустарно-промышленный банкъ.

Въ минувшемъ мѣсяцѣ исполнилось 75-ти-лѣтіе со дня преобразованія главнаго педагогическаго института въ Петербургѣ въ петербургскій университетъ. Никакого торжества по этому случаю не было и юбилейный характеръ дня 8 февраля, въ нынѣшнемъ году, выступилъ лишь въ томъ, что совѣтъ постановилъ по этому поводу составить біографический словарь профессоровъ и преподавателей университета и «материалы къ исторіи университета» за послѣдніе 25-ти-лѣтіе, что послужитъ продолженіемъ извѣстнаго труда бывшаго профессора Григорьева. Сверхъ того, обычный университетскій актъ ознаменовался привѣтствіемъ петербургскому университету отъ старѣйшаго изъ русскихъ университетовъ — московскаго; привѣтствіе это было прочитано прибывающимъ изъ Москвы проф. К. Д. Тимирязевымъ и часто прерывалось громкими рукоилесканіями.

«Матеріалы къ исторіи» петербургскаго университета за 25-лѣтіе представляютъ большой интересъ, такъ какъ большая половина этого времени обнимала періодъ оживленной дѣятельности. Въ 1869 году, когда университетъ торжествовалъ свой полувѣковой юбилей, протекли уже шесть лѣтъ со времени устава 1863 г., съ большімъ стараніемъ и съ участіемъ европейскихъ ученыхъ, выработанного при покойномъ министрѣ А. В. Головинѣ. Эти годы прошли среди работы спокойной, но живой, проникнутой увлеченіемъ наукой и вѣрою въ дальнѣйшіе быстрые успѣхи умственнаго развитія въ обществѣ и казались достаточнымъ удостовѣренiemъ превосходства упомянутаго устава передъ прежними правилами, которыя, впрочемъ, фактически, потеряли свою силу съ самаго начала эпохи общихъ реформъ. Вообще 60-ые годы, оставляя въ сторонѣ извѣстный случай беспорядковъ, за два года передъ введеніемъ устава 1863 г., представили періодъ разцвѣта петербургскаго университета, тотъ періодъ изъ его жизни,

который наиболѣе повлиялъ на русскую общественную мысль, что представлялось вполнѣ естественнымъ уже потому, что обновленіе самыхъ условій русской жизни шло изъ Петербурга.

Но это нахожденіе университета въ самомъ центрѣ законодательной и административной дѣятельности обусловливало и то, что неизбѣжно смынявшіяся въ ней, въ теченіе трехъ четвертей вѣка, направленія не могли не отражаться наиболѣе непосредственно на бытѣ именно петербургскаго университета. Въ недолгое—для учрежденія—75-ти-лѣтнене свое существованіе, здѣшній университетъ имѣть пятый уставъ, который нынѣ дѣйствуетъ уже почти 10 лѣтъ; такъ что, въ среднемъ, уставы оставались въ силѣ только по 15 лѣтъ. Да и этого нельзя сказать, потому что и въ промежуткахъ между двумя уставами производились, хотя только частныя, но весьма существенные измѣненія.

Уставъ 1863 г. былъ выработанъ на основаніяхъ, которыхъ соотвѣтствовали духу преобразовательной эпохи. Но не этотъ уставъ вызвалъ то умственно-общественное значеніе, какое петербургскій университетъ пріобрѣлъ съ самого начала 60-хъ годовъ и сохранялъ въ 70-ые годы. Это былъ уставъ—общій для всѣхъ университетовъ, даровавшій значительную самостоятельность и просторъ самоуправлениія. Какъ уставъ 1863 г. невозможно было винить за тѣ крупные безпорядки, которые происходили двумя годами раньше, такъ нельзя къ нему относить и того умственнаго вліянія, какое пріобрѣлъ здѣшній университетъ еще раньше введенія этого устава и пріобрѣлъ просто потому, что въ немъ сильнѣе отражался импульсъ, данный эрою преобразованій. Уставъ 1863 г. только не стѣснилъ того, что истекло изъ высокаго подъема общественного духа и поддерживалось съ одной стороны блестящимъ состояніемъ преподаванія, а съ другой—силою идеаловъ въ жизни тогдашняго университетскаго юношества. Мы воспользуемся здѣсь отзывомъ объ уставѣ 1863 года официального историка здѣшняго университета, покойнаго В. В. Григорьева, приведеннымъ въ статьѣ г. В. Якушкина въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 45) по поводу дня 8 февраля: «совѣтъ университета изъ профессоровъ—говорится въ официальной исторіи университета — съ выборнымъ ректоромъ во главѣ, сдѣлся средоточіемъ всѣхъ отправленій университетской жизни, съ яснымъ и точнымъ опредѣленіемъ тѣхъ случаевъ, когда власть его ограничивается университетомъ».

Послѣдовавшія затѣмъ новые вліянія и теченія въ общественной жизни коснулись и университетовъ, въ числѣ другихъ учрежденій. Надо замѣтить, что полнымъ самоуправлениемъ наши университеты не пользовались и по уставу 1863 г., точно такъ, какъ и земскія учрежденія, по «положенію» 1864 г., не получили ни значенія дѣйствительныхъ мѣстныхъ властей, ни характера вполнѣ независимыхъ частныхъ хозяйственныхъ союзовъ, а заняли какое-то среднее положеніе. Затѣмъ, самое соотношеніе между принципомъ контроля и принципомъ самоуправлениія могло измѣниться въ виду новыхъ обстоятельствъ, въ силу новыхъ теченій. Начало болѣеши-

рока и болѣе непосредственного контроля со стороны государства надъ общественными учрежденіями и даже частными компаниями постепенно проводилось въ наше время въ самыхъ различныхъ отрасляхъ дѣятельности, не только въ училищномъ и общественно-хозяйственномъ дѣлахъ, но и въ банковомъ и желѣзнодорожномъ. Такъ, и въ томъ новомъ университетскомъ уставѣ, который былъ выработанъ въ 1884 г., усиленіе государственного надзора выразилось, хотя не полной отмѣной избранія профессоровъ совѣтомъ, съ согласія министерства, но въ видѣ предоставления министерству назначать профессоровъ непосредственно, а также назначать ректоровъ и декановъ, съ большими, сверхъ того, подчиненіемъ университетского управления попечителямъ учебныхъ округовъ. Для болѣе близкаго надзора надъ занятіями студентовъ новый уставъ обставилъ зачетъ полугодій нѣкоторыми условіями, а для пробыки знаний окончившихъ курсъ поставилъ выдачу дипломовъ въ зависимость отъ выдержанія экзамена въ смѣшанныхъ экзаменационныхъ комисіяхъ, которая состоять отчасти изъ профессоровъ университета, а отчасти изъ другихъ свѣдущихъ лицъ, по назначенію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, для студентовъ было возстановленъ прежній мундиръ и ношеніе его сдѣлано обязательнымъ въ стѣнахъ университета.

Вліяніе, оказанное уставомъ 1884 г. собственно на ученую дѣятельность и на успѣхи учащихся, можетъ вполнѣ выясниться только впослѣдствіи. Пока можно сказать только, что благодаря осуществленному уставомъ увеличенію числа штатныхъ каѳедръ и учрежденію приват-доцентовъ, число преподавателей въ университетахъ возросло, а число студентовъ, вслѣдствіе естественнаго умноженія молодыхъ людей, ищущихъ высшаго образованія, увеличилось, несмотря на уставъ 1884 г. Изъ отчета, читанаго на актѣ 8 февраля, узнаемъ, что къ 1 января въ петербургскомъ университѣтѣ состояло 188 профессоровъ и преподавателей, включая лаборантовъ, и 2634 студента, между тѣмъ, какъ 25 лѣтъ тому назадъ студентовъ было только 1148. Г. Якушкинъ такъ опредѣляетъ общее значеніе устава 1884 года: «дѣйствующій теперь университетскій уставъ совершилъ измѣнить постановку дѣла; онъ не только мало походить на уставы 1804 и 1863 годовъ, но не можетъ быть даже сравниваемъ съ уставомъ 1835 г. и если находить себѣ извѣстную аналогію въ исторіи нашихъ университетовъ, то развѣ въ «первоначальномъ образованіи петербургскаго университета», или, частью, въ тѣхъ порядкахъ, которые были установлены въ университетской жизни въ концѣ сороковыхъ годовъ («Р. В.» № 45).

Но, конечно, нельзя относить къ одной буквѣ того или другого устава всѣхъ тѣхъ перемѣнъ, какія происходятъ въ разныя времена въ жизни отдѣльныхъ учрежденій, какъ и въ условіяхъ жизни общественной. Несомнѣнно, что и нынѣ въ университетскихъ коллегіяхъ существуетъ нѣкоторая солидарность, обусловленная общей службою. Напомнимъ, въ видѣ примѣра, какъ въ прошломъ году достаточно было одного намека казан-

ской газеты на некрасивый поступок лица, «стоящаго близко къ университету», чтобы вызвать дружный протест профессоровъ. Но это—солидарность только оборонительная, а не активная и воспитательная. Такъ, и между студентами мундиръ создаетъ нѣкоторую связь—заботу о виѣшнемъ приличіи. Но это еще не товарищество, не дружество въ работѣ, не общность цѣлей. У насъ «консерваторы», не менѣе чѣмъ «либералы», жалуются на слабость у нынѣшней молодежи идеаловъ, на грубый реализмъ яя стремлений. Но этотъ грубый реализмъ, это помышленіе исключительно о личной пользѣ, то-есть эгоизмъ, можетъ только поддерживаться полной разобщенностью молодыхъ людей, какъ между собою, такъ и съ той средою, которая научаетъ ихъ, а должна была бы еще оказывать на нихъ и воспитательное влияніе. При малой воспитательной силѣ нашей семьи, въ прежнихъ студентахъ начала нравственно-возышающія, начала гуманности, служенія правдѣ, почитаніе высшихъ цѣлей, серьезное отношеніе къ наукѣ и къ гражданскому долгу пробуждались и надолго, у многихъ навсегда, запечатлѣвались именно той школой живою, въ которой была не одна только наука, но и душа, сила воспитательная, крѣпко связывавшая учениковъ съ наставниками, а товарищей съ товарищами.

Въ декабрьскомъ обозрѣніи мы разбирали пресловутое письмо, въ которомъ г. Э. Золя такъ настойчиво доказывалъ русскимъ литераторамъ, во имя честности, справедливости и братскихъ поцѣлуевъ съ французами, обязательность для Россіи заключить съ Франціею литературную конвенцію, которая обеспечивала бы переводимымъ авторамъ право разрѣшенія на переводъ и вознагражденія за это согласіе. Тонъ письма былъ слишкомъ «утвердителенъ» и принципъ въ немъ высказанный, именно, что литературная собственность «есть собственность», представлялся слишкомъ безусловнымъ, а потому мы изложили свои возраженія противъ того и другого; но при этомъ мы высказались все-таки за заключеніе такой конвенціи, которая воспрещала-бы воспроизведеніе литературныхъ, научныхъ и художественныхъ твореній — въ ихъ первоначальномъ видѣ, т. е. контрафакцію. Что касается перевода, то мы относили его къ видамъ переработки произведенія, къ одной категоріи съ компиляціею, христоматіею, цитатою, гравюрой съ живописи, литографическимъ воспроизведеніемъ гравюры, фотографическимъ снимкомъ изображеній какого-либо рода.

Изъ области теоріи вопросъ этотъ теперь переходитъ на почву практическую и получаетъ постановку болѣе широкую, чѣмъ при заключеніи литературной конвенціи съ одной только Франціей. Въ минувшемъ мѣсяцѣ вопросъ объ участії Россіи въ какихъ-либо международныхъ мѣрахъ по охраненію литературной и артистической собственности разсматривался въ обществѣ книгопродавцевъ и издателей и въ литературномъ обществѣ и решенъ было въ принципѣ — въ смыслѣ присоединенія къ бернскому союзу для защиты правъ литературного и художественного творчества. В. Д. Спасовичъ предложилъ, чтобы комиссіи обоихъ обществъ, назначенные для составленія проекта объ измѣненіи нашихъ законопо-

ложеній по этому предмету, засѣдали вмѣстѣ, пригласивъ на эти засѣданія нѣсколькихъ выдающихся юристовъ. Выработанный проектъ предполагается затѣмънести на обсужденіе особаго собранія изъ представителей обществъ литературнаго, музыкальнаго, художниковъ, издателей и книгоиздателей, и по одобреніи этимъ собраніемъ—представить въ министерство внутреннихъ дѣлъ съ ходатайствомъ о приступленіи Россіи къ бернскому союзу.

Бернская конвенція 1886 г. была подписана делегатами: Англіи, Бельгіи, Гаити, Германіи, Испаніи, Италіи, Либеріи, Туниса, Франціи и Швейцаріи. Она предоставляетъ чужестраннымъ авторамъ охраненіе ихъ правъ—въ размѣрѣ, установленномъ для мѣстныхъ авторовъ въ данной странѣ или въ отечествѣ иностранного автора, смотря по тому, где размѣръ охраны представляется меньшимъ. По отношенію собственно къ переводамъ, бернская конвенція воспрещаетъ переводъ безъ согласія автора въ теченіе 10 лѣтъ по изданію произведенія.

Положимъ, примѣръ Гаити, Либеріи и Туниса къ намъ совсѣмъ не подходитъ, такъ какъ въ тѣхъ странахъ, конечно, не переводятъ столько, сколько у насъ. Но Италія и въ особенности Испанія находятся въ положеніи довольно похожемъ на наше, такъ какъ и сбыть въ нихъ книгъ на языкахъ французскомъ и англійскомъ великъ, и переводятъ въ этихъ странахъ много, а ихъ авторовъ за-границею переводятъ мало. Примѣръ однако, самъ по себѣ, еще недостаточенъ для рѣшенія вопроса, и намъ кажется, что отъ нынѣшняго полнаго отсутствія литературныхъ конвенцій, которыя бы охраняли самое право издательства оригинальныхъ произведеній, переходъ къ безусловному принятію всѣхъ пунктовъ бернской конвенціи былъ бы слишкомъ крутымъ. Никто Россіи не мѣшаетъ заявить участникамъ бернскаго союза о своемъ желаніи присоединиться къ нему условно, а именно, съ нѣкоторымъ отступленіемъ по отношенію къ пункту, относящемуся къ переводамъ. Вопросъ это сложный и можетъ быть освѣщенъ съ разныхъ сторонъ, въ короткихъ словахъ, только при строгой систематичности, а стало быть и сухости изложенія, за которую мы и извиняемся передъ читателями.

Прежде всего—о принципѣ. Повторяемъ взгляดъ, чами уже высказаный, что литературную и художественную собственность мы признаемъ только въ смыслѣ временній монополіи авторовъ на изданіе ихъ произведеній въ первоначальномъ ихъ видѣ; мы находимъ, что умственная и артистическая собственность, въ основномъ своемъ правѣ, отлична отъ вещественной и, подобно монополіи на изобрѣтенія, создается только временній привилегію; затѣмъ, что контрафакцію слѣдуетъ понимать въ тѣсномъ смыслѣ изданія или передачи произведенія въ его первоначальномъ видѣ (перепечатка, копировка тѣми же материалами, публичное исполненіе драматического и музыкальнаго произведеній въ подлинникахъ). Переводы, копіи иными материалами, компиляціи, переложенія, графическая редакціи и т. п. мы относимъ къ одной категоріи и полагаемъ, что вопросъ о переводахъ рѣшается уже не несомнѣннымъ правомъ

первыхъ авторовъ на охраненіе продуктовъ ихъ труда, но соображеніями объ удобствѣ для каждой отдельной страны и желаніемъ доставить своимъ авторамъ ту добавочную премію съ переводовъ, какая будетъ предоставлена авторамъ иностраннымъ.

И такъ, не возражая безусловно противъ вознагражденія иностраннымъ авторамъ за переводъ ихъ, мы бросимъ взглядъ на степень удобства для Россіи согласиться на такую уступку. На первомъ планѣ представляются интересы образованія, литературы, науки и искусства. Г. Янжуль, въ обстоятельной статьѣ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», называетъ установление платы съ переводовъ — «налогомъ на народное образованіе». Правда, по отношенію собственно къ учебникамъ мы пока ничего не будемъ получать, обязуясь платить сами. Стало быть, если не дѣлать исключенія для книгъ учебныхъ, то ужъ только потому, что нельзѧ же не платить иностраннымъ ученымъ, если мы будемъ платить иностраннымъ беллетристамъ. Но весь вопросъ о платѣ съ переводовъ сводится на то, чтобы она была невысока, а при невысокой платѣ, отъ нея менѣе всего могли бы вздорожать именно учебники, которые печатаются въ большомъ числѣ экземпляровъ.

Пояснимъ примѣромъ. Издатель купилъ у русскаго автора рукопись учебника въ 10 печатныхъ листовъ за 1000 рублей и выпустилъ его въ 5000 экземплярахъ по 1 рублю. Изъ этого рубля русскій авторъ получилъ 20 коп. или 20%. Если иностранному автору съ перевода такого же учебника платилось бы только 10%, предполагаемаго гонорара за трудъ оригиналъный, то при этомъ издатель уплатилъ бы съ листа 10 руб. автору, да 25 руб. переводчику, итого пріобрѣлъ бы рукопись учебника за 350 руб. вмѣсто 1000 руб. Положимъ, теперь онъ можетъ имѣть ее за 250 руб., но вѣдь лишніе 100 руб., разложенные на 5000 экземпляровъ, составили бы всего добавочныхъ 2 коп. на 1 экземпляръ, т. е. на 1 рубль. Этого нельзѧ было бы назвать вздорожаніемъ, и даже не прибавляя этихъ 2 коп. къ прежней цѣнѣ, издатель находилъ бы для себя все-таки выгоднымъ издавать учебники переводные. Если сдѣлаемъ тотъ же расчетъ при изданіи въ 10 т. экземпляровъ, то, допустивъ даже плату 5000 руб. русскому автору или 500 руб. иностранному, да 250 руб. переводчику, мы получимъ все-таки, что съ 1 экз. русскому автору было бы уплачено 50 коп. изъ 1 рубля, а иностранному, вмѣстѣ съ переводчикомъ, 7,5 к. изъ 1 рубля, стало быть противъ нынѣшнихъ 2,5 коп., явилось бы лишнаго расхода всего 5 к. на 1 рубль.

Что касается ученыхъ сочиненій, то нельзѧ не считаться съ слѣдующимъ возраженіемъ г. Янжула: «Множество научныхъ книгъ, наприм., при всѣхъ университетахъ, переводятся студентами подъ руководствомъ и указаніемъ профессоровъ, издаются самимъ дешевымъ способомъ, большую частью въ кредитъ или даже на казенный счетъ; при установлении конвенціи дѣло этихъ лучшихъ переводовъ настолько осложнится переговорами о согласіи авторовъ и уплатой имъ гонорара, что можно

сказать навѣрное, что число такихъ изданій сократится, по крайней мѣрѣ, на три четверти». Предположимъ однако,—какъ мы объяснимъ此刻—что никакихъ переговоровъ не нужно и что все новое затрудненіе заключается только въ платѣ. Оно все-таки значительно именно для книгъ, переводимыхъ такимъ образомъ. Придется вступать въ соглашеніе съ издателемъ, съ тѣмъ, чтобы онъ заплатилъ премію автору передъ выпускомъ книги. Но такой авансъ не составитъ для издателя большой разницы въ сравненіи съ общимъ расходомъ на изданіе, а въ цѣнѣ экземпляра такая добавочная плата не окажется значительною. Положимъ, автору заплачена тысяча франковъ, а печатается 4 т. экз.; это составить 10 коп. на экземпляръ, даже при столь высокомъ вознагражденіи.

Премія авторамъ наиболѣе будетъ чувствительна для собственниковъ такихъ нашихъ повременныхъ изданій, которые выписываются, главнымъ образомъ, изъ-за прилагаемыхъ къ нимъ книгъ переводныхъ романовъ, и для специальныхъ «собраній» переводныхъ беллетристическихъ произведеній. Для подобныхъ изданій было очень удобно приманивать публику громкими именами иностранныхъ авторовъ, платя ничтожныя деньги за русскій переводъ ихъ: 15, даже 10 р. съ листа. Такимъ образомъ, новый романъ Золя въ 15 листовъ имъ обходится всего въ 150, много, если въ 225 руб. Когда же придется платить и автору, да еще вдвое больше, чѣмъ переводчику, то это составить такой гонораръ, за который издателю можно будетъ пріобрѣтать и русскій, конечно, недорогой литературный товаръ. Сказать правду, нѣть серьезнаго повода обеспечивать упомянутымъ изданіямъ барыши, основанные на почти бесплатномъ пріобрѣтеніи рукописей. Значительная часть издаваемыхъ такимъ образомъ у насъ переводныхъ романовъ представляеть собой просто макулатуру.

Обращаясь къ интересамъ самихъ переводчиковъ, мы замѣтимъ, что на нихъ нисколько не отразится самая премія, которая бы уплачивалась иностраннымъ авторамъ. Журналы, которые заботятся о достоинствѣ помѣщаемыхъ ими переводовъ, платятъ за нихъ по 20—25 руб. съ листа. Но такихъ, хорошихъ переводчиковъ немного. Масса же лицъ, живущихъ переводнымъ трудомъ, составляется изъ переводчиковъ посредственныхъ, работающихъ для изданій, которыхъ живутъ приложеніями, составляемыми преимущественно изъ переводной беллетристики. Цѣна за трудъ этихъ переводчиковъ сбита конкуренцію между ними до минимума, и уже не могла бы упасть отъ преміи авторамъ. Если издателю придется платить автору вдвое, даже и въ пять разъ дороже, чѣмъ переводчику, то не можетъ же онъ этого вычесть изъ гонорара переводчику.

Но тутъ представляется другая, болѣе важная сторона вопроса, заключающаяся въ самой постановкѣ переводного труда. Въ настоящее время каждый издатель и нѣсколько издателей въ одно время могутъ свободно избрать романъ для перевода и поручить этотъ трудъ постояннымъ

своимъ переводчикамъ. Но, сверхъ того, масса переводчиковъ, состоящихъ главнымъ образомъ не изъ профессиональныхъ литературныхъ работниковъ, но изъ студентовъ, молодыхъ чиновниковъ, курсистокъ, женъ и сестеръ литераторовъ, сама постоянно слѣдить за литературными новинками, просматриваетъ библиографическую объявленія, отчасти выписываетъ на свои скучныя средства нѣсколько иностранныхъ журналовъ. На всякое новое произведеніе автора извѣстнаго набрасываются нѣсколько переводчиковъ и работаютъ взапуски, чтобы окончить ранѣе другихъ и предложить готовый переводъ какому-нибудь издателю. Такимъ тяжелымъ и крайне необеспеченнымъ зароботкамъ живутъ. однако, многіе труженики, которыхъ подчиненіе права перевода—согласію иностранныхъ авторовъ лишило бы и свободы выбора, и свободы труда. Сноситься сами съ авторами, а тѣмъ болѣе платить имъ они не могутъ. Да для иниціативы самихъ переводчиковъ не останется и мѣста. Если изданіе перевода будетъ обусловлено испрошеніемъ разрѣшенія автора, то все дѣло устроится на монопольно-коммерческому основаніи. Гг. Золя, Буржѣ, Онэ и проч., вместо того, чтобы возиться десятки разъ съ десятками переводчиковъ, продадутъ исключительное право на переводъ своихъ произведеній въ Россіи, каждый—тому изъ нашихъ книгопродавцевъ, который ему предложитъ за это большую цѣну съ листа. Авторы же менѣе извѣстные будутъ продавать свое право одному книгопродавцу при выходѣ каждой отдѣльной книги.

Что затѣмъ издатели, обязанные платить гонораръ иностраннымъ авторамъ, не уменьшать еще нынѣшняго, ничтожнаго вознагражденія переводчикамъ—это вполнѣ вѣроятно. Но вѣроятно ли, чтобы они, наоборотъ, изъ одной заботливости о достоинствѣ переводовъ, стали платить переводчикамъ дороже, чѣмъ теперь, когда придется прежде всего уплачивать значительныя деньги авторамъ? Едва ли. Разсчетъ на то, что монополія улучшить качество продукта рѣдко оправдывалася; чаще случалось, напротивъ, что въ силу своей монополіи, предприниматель или торговецъ старался нажить на самомъ качествѣ продукта. Ожидать, что иностранные авторы возьмутъ дешево за свои разрѣшенія едва ли можно, такъ какъ переводятся-то именно новинки и притомъ авторовъ наиболѣе извѣстныхъ. Если-бы пришлось заплатить г. Золя тысячу рублей за право издать русскій переводъ новаго его романа, то издателю, конечно, не стоило бы вычесть за это 25 р. изъ тѣхъ 225 р., которые онъ платить за переводъ 15 листовъ. Но почему же онъ еще прибавилъ бы переводчику напр. лишнихъ 50 р. (поднявъ плату съ 15 до 25 р.), когда общая пздержка издания увеличилась на 1000 рублей?

Эти соображенія и побуждаютъ насъ предложить на обсужденіе мысль объ условномъ присоединеніи къ бернской конвенціи. Мы можемъ къ ней присоединиться по всѣмъ пунктамъ, исключая того, который ставить изданіе перевода въ зависимость отъ разрѣшенія автора. Но въ виду того, что даже и вполнѣ приличное вознагражденіе авторамъ едва ли

могло бы повести къ ощущительному вздорожанію переводныхъ книгъ, мы полагаемъ, что можно установить премію въ пользу иностранныхъ авторовъ за издаваемые въ Россіи переводы—въ равномъ для всѣхъ размѣрѣ, безъ испрошенія разрѣшенія авторовъ, безъ монопольной запродажи имъ права на переводы, но съ сохраненіемъ полной свободы выбора переводовъ и переводного труда и съ устройствомъ въ Петербургѣ не иностранного агентства, а русского бюро для сбора авторскихъ премій и охраненія права авторовъ на премію.

Мы предполагаемъ такую премію въ равномъ размѣрѣ потому, что избираются для перевода именно новѣйшія произведенія, беллетристическая и научная, наиболѣе извѣстныхъ авторовъ. А мы не видимъ нужды закабалять все русское переводное дѣло въ монополію для того только, чтобы г. Золя получалъ *больше*, чѣмъ Бурже; достаточно, если первый получить столько же, сколько и второй. Для примѣра, допустимъ, что общая для всѣхъ премія авторамъ установлена въ 10 процентовъ съ самаго высокаго гонорара—съ 500 рублей за листъ въ 16 страницъ *in octavo*. Предположимъ, что извѣстный французскій авторъ продаетъ французскому издателю свой романъ въ 15 листовъ за сумму 18750 фр., что составляетъ около 7500 рублей. И вотъ, передъ изданіемъ каждого русскаго перевода (а ихъ можетъ быть не сколько, такъ какъ они остались бы свободными) русскій издатель вносилъ бы для автора, въ русское бюро въ Петербургѣ, за право на переводъ романа въ 15 листовъ 750 рублей, т. е. по 50 руб. съ листа *in octavo* русскаго текста. Это все-таки составляло бы вдвое противъ того, что получаютъ у насъ самые лучшіе переводчики, а между тѣмъ переводное дѣло осталось бы совершенно свободнымъ. За свои услуги и на свои расходы бюро взимало бы съ издателей по одной копѣйкѣ съ рубля въ цѣнѣ экземпляра и этого было-бы совершенно достаточно. А то самъ г. Золя жаловался, что изъ вознагражденія за право изданія его романовъ въ Соединенныхъ Штатахъ онъ долженъ былъ заплатить агенту 25%. И при равномъ размѣрѣ премія г. Золя можетъ получить отъ насъ все-таки гораздо больше, чѣмъ г. Бурже. Въ письмѣ къ «Temps» онъ говорилъ, что «Dѣbâcle» вышла въ 12 русскихъ переводахъ; въ такомъ случаѣ, и при предлагаемой нами системѣ вознагражденія, онъ получилъ бы изъ Россіи, за право переводовъ одного романа, по 750 рублей отъ каждого изъ 12 издателей, т. е. 9000 рублей. Неужели этого мало?

Если-бы наша мысль была принята, то получились-бы слѣдующіе результаты: 1) иностранные авторы не имѣли-бы болѣе права жаловаться, что мы пользуемся ихъ трудами въ переводномъ видѣ безъ всякой для нихъ пользы и 2) отъ переводного дѣла были-бы все-таки устранены коммерческое посредничество—барышничество, стоющее весьма дорого, и монополизація труда. Само собою разумѣется, что право на перепечатку переводовъ, уже изданыхъ, осталось-бы за прежними издателями. Сверхъ того, такъ какъ до заключенія какой-либо конвенціи представляется необ-

ходимость ввести соответственныя измѣненія въ наши узаконенія относительно литературной, художественной и музыкальной собственности, то при этихъ измѣненіяхъ, слѣдовало-бы установить право на ту-же премію съ переводовъ и для тѣхъ иноязычныхъ авторовъ, которые напечатали или будутъ печатать свои сочиненія—въ предѣлахъ Россіи. Понятно, что на нихъ должно быть распространено то право, которое было-бы предоставлено авторамъ иностраннымъ, такъ какъ, если за право перевода сочиненія нѣмецкаго, изданного въ Лейпцигѣ и польскаго, изданного въ Краковѣ, будетъ уплачиваться премія, то нельзя-же было-бы лишить ея сочиненія на тѣхъ-же языкахъ, вышедшія въ Ригѣ и въ Варшавѣ.

Въ прошломъ мѣсяцѣ минула третья вѣка со дня отмѣны въ Россіи крѣпостного права. Дѣло 19 февраля 1861 года было необходимымъ актомъ справедливости, высокой государственной мудрости, великимъ праздникомъ, котораго долго ждалъ народъ, освобожденіемъ не только народа отъ рабства, но и общественной совѣсти отъ лежавшаго на ней бремени. Совершилось дѣло, къ которому давно стремились душой лучшіе русскіе люди, рабство пало по мановенію Царя, какъ о томъ мечталъ Пушкинъ. Изъ тѣхъ миллионовъ людей, которые тогда «осѣнили себя крестнымъ знаменемъ», привѣтствуя свободу, по призыву Освободителя, старики отошли въ вѣчность, молодые состарѣлись, дѣти давно возмужали. Новое поколѣніе въ деревняхъ родилось свободнымъ. Но 19 февраля осталось и навсегда останется днемъ свѣтлымъ и дорогимъ для всего русскаго народа.

Переходя къ фактамъ и вопросамъ, относящимся къ области чисто-хозяйственной, мы должны, прежде всего, упомянуть объ опубликованномъ въ концѣ января законѣ 14 декабря о неотчуждаемости крестьянской надѣльной земли. Вопросъ этотъ, съ точки зренія общихъ принциповъ, былъ уже изложенъ нами во время разсмотрѣнія самого проекта въ государственномъ совѣтѣ. Теперь, когда стала извѣстенъ полный текстъ нового закона, намъ остается только занести въ обзоръ русской жизни главныя черты этой важной законодательной мѣры. Отчужденіе надѣльной земли воспрещено новымъ узаконеніемъ безусловно только въ одномъ видѣ, а именно—въ видѣ отдачи надѣльной земли въ залогъ частнымъ лицамъ и частнымъ учрежденіямъ, хотя-бы даже выкупная ссуда по этой замѣлѣ была погашена, а также обращенія на надѣльную землю взысканий по суду. Исключеніе сдѣлано, однако, относительно тѣхъ надѣльныхъ земель, которые уже были заложены до изданія нового закона; тѣ земли могутъ быть продаваемы на удовлетвореніе взысканій.

Всѣ прочіе виды отчужденія надѣльной земли не воспрещены безусловно, но обставлены новыми ограниченіями. Цѣлымъ сельскія общества могутъ продавать надѣльную землю не иначе, какъ по постановленію двухъ третей голосовъ схода и съ разрѣшенія губернскаго присутствія; а если стоимость участка превышаетъ 500 р., то требуется согласіе трехъ министерствъ. Участки домохозяевъ, владѣющіхъ землею на подворномъ правѣ,

могутъ быть отчуждаемы добровольно или по взысканію, только во владѣніе лицъ приписанныхъ или приписывающихся къ сельскимъ обществамъ. Такимъ образомъ, на надѣльные участки подворного владѣнія во всей Россіи распространено правило, установленное для крестьянъ въ губерніяхъ Царства Польскаго самимъ положеніемъ 1864 года. Это ограниченіе не устраниеть, впрочемъ, скуча участковъ не только богатыми односельчанами, но и посторонними лицами, которыя захотятъ прииться къ сельскому обществу.

То же замѣчаніе относится и къ отмѣнѣ новымъ закономъ второй части извѣстной ст. 165 «положенія» 1861 г., которая обязывала сельское общество выдѣлять въ полную собственность надѣльный участокъ по которому ссуда погашена вполнѣ. Нынѣшній законъ допускаетъ выдѣль досрочно выкупленаго участка не иначе, какъ съ согласія общества, и на условіяхъ, указанныхъ въ приговорѣ подлежащаго сельскаго схода. Положимъ, здѣсь стѣсненіе представляется уже не одной формальностью, такъ какъ сходъ, конечно, воспользуется своимъ правомъ для того, чтобы, сверхъ уплаты остальной части ссуды, обязать выкупавшаго еще къ вознагражденію лицъ, раньше его пользовавшихъ тѣмъ участкомъ и уплатившихъ за него часть ссуды, или чтобы получить какую-либо выгоду для общества. Но кулаку все-таки остается возможность скупить надѣли этимъ путемъ, заручаясь согласiemъ общества за большее или меньшее вознагражденіе.

Вполнѣ естественно, что теперь, когда со временеми положенія о выкупѣ истекли 33 года, законодательная власть не рѣшилась безусловно воспретить всѣ виды отчужденія надѣльной земли. Но новый законъ все-таки имѣетъ весьма большое значеніе, какъ въ отношеніи практическомъ—обставляя отчужденіе новыми стѣсненіями — такъ и въ смыслѣ принципіальномъ, выражая собою стремленіе законодательства къ охраненію основной мысли надѣла—права «душъ» на землю, противъ предоставленія надѣльной земли свободному расхищенію ея капиталомъ.

Обсужденіе другого весьма важнаго экономическо-законодательнаго событія, а именно, послѣдовавшаго новаго таможеннаго соглашенія между Россіею и Германіею, мы должны отложить до полнаго его завершенія, т. е. до принятія русско-германскаго договора рейхстагомъ и обмѣна ратификацій, такъ какъ только тогда достаточно выяснятся всѣ стороны этого дѣла.

То недоразумѣніе въ нашихъ газетахъ относительно податныхъ взысканій, о которомъ мы упоминали въ предшествующемъ обзорѣ, разъяснилось вполнѣ уже послѣ поступленія нашей статьи въ печать. Министерство финансовъ объявило, что никакого циркуляра съ цѣлью «ослабить взысканіе податей съ сельского населенія» имъ издано не было. Такимъ образомъ, извѣстіе «Биржевыхъ Вѣдомостей» было невѣрно, а «Гражданинъ» оказался правымъ противъ «Нового Времени». Мы допускали, что извѣстіе биржевой газеты могло быть неточно и замѣтили, что финансовое вѣдом-

ство, во всякомъ случаѣ, не могло уплату сдѣлать «какъ бы добровольно», по выражению той же газеты. Въ заключеніе сообщенія, напечатанного въ «Прав. Вѣстнике», было сказано: «мѣры, конечно, не могутъ заключаться въ томъ, чтобы ослаблять поступленіе по закону слѣдующихъ платежей, но въ томъ, чтобы платежи эти, по времени и системѣ ихъ взысканія, не ослабляли хозяйственныхъ силъ населенія».

Въ такомъ именно смыслѣ мы и рассматривали экономическая неудобства, представляемыя такъ называемымъ «выколачиваньемъ» податей, практиковавшимъ вполнѣ реально, вопреки благодушно-отрицательному разъясненію «Гражданина». Но мы были правы и въ томъ предположеніи, что оба вѣдомства, которыхъ касается взысканіе податей, могли признать необходимость нѣкотораго смягченія въ механически-огульной строгости этого взысканія. Въ официальномъ сообщеніи сказано по этому поводу слѣдующее: «въ послѣдніе годы сказанными министерствами вообще было обращено особое вниманіе на то, чтобы подати взыскивались въ соотвѣтствіи съ платежною способностью населенія, такъ, чтобы, съ одной стороны, неукоснительно взыскивались платежи съ плательщиковъ, способныхъ внести таковые, а съ другой, допускались снисхожденіе и разсрочки для плательщиковъ, которые не могутъ внести безнедоимочно слѣдующіе съ нихъ поступленія».

Въ то же время, въ газетахъ появились свѣдѣнія о работахъ комиссіи изъ членовъ отъ обоихъ упомянутыхъ вѣдомствъ и отъ министерства государственныхъ имуществъ, съ участіемъ нѣсколькихъ предводителей дворянства и предсѣдателей земскихъ управъ, по пересмотру узаконеній о взиманіи окладныхъ сборовъ. Изъ этихъ свѣдѣній уясняется то обстоятельство, которое подало поводъ къ невѣрному извѣстію «Бирж. Вѣдомостей». Министерство финансовъ, дѣйствительно, обращалось къ казеннымъ палатамъ, но не теперь, а весною прошлаго года и не объ ослабленіи мѣръ взысканія податей, но съ предложеніемъ о представленіи палатами ихъ соображеній о способахъ взиманія окладныхъ сборовъ; отъ податныхъ же инспекторовъ министерство затребовало свѣдѣнія о взысканіи этихъ сборовъ и выкупныхъ платежей за пятилѣтие 1887—92 гг.

Постановленій самой комиссіи мы еще не знаемъ, но воспользуемся заявленными въ ней отзывами. Огромное большинство управляющихъ казенными палатами (29 противъ 8) высказалось за сохраненіе круговой поруки. Этого и слѣдовало ожидать отъ лицъ, завѣдующихъ поступлениемъ сборовъ; понятно, что финансовое соображеніе, для управляющихъ казенными палатами, должно было стоять впереди соображенія экономического. Отмѣна же круговой поруки, которая издавна считалась единственной гарантіей исправности въ уплатѣ податей, представляла бы шагъ смѣлый, за который большинство служащихъ обыкновенно не выскаживается. Однако, недоимки въ податяхъ и по продовольственнымъ ссудамъ у насъ всегда бывали значительны, несмотря на существование круговой поруки, а вслѣдствіе послѣднихъ неурожаевъ, они накопились

въ нуждавшихся губерніяхъ на такія суммы, что круговая порука не представляетъ уже ровно никакой гарантіи въ ихъ пополненіи.

Мы придаемъ большее значеніе тому факту, что изъ 37 начальниковъ губернскихъ органовъ министерства финансовъ, нашлись однако 8, которые рѣшились высказаться противъ круговой поруки, на томъ основаніи, что при ней «плательщикъ сравнительно состоятельный и исправный является отвѣтнымъ не только за несостоятельного, но и за просто неисправного, и потому вполнѣ возможно ожидать, что круговая порука сведется лишь къ общему затягиванію платежей, съ безконечными пересудами міра. Сознаніе, при отсутствіи круговой поруки, что міръ не станетъ платить за неисправного и, что каждый домохозяинъ лично отвѣчаетъ своимъ имуществомъ, предупредить затяжки платежей, накопленіе недоимокъ и различныя столкновенія на сельскомъ сходѣ». Большинство же управляющихъ, склоняясь въ пользу сохраненія круговой поруки, указывало на нѣкоторыя мѣры «для обезпеченія болѣе правильнаго ея примѣненія». Но изъ этихъ мѣръ нѣкоторыя не относятся къ самой круговой порукѣ, какъ пониженіе выкупныхъ платежей въ мѣстностяхъ, «гдѣ сборы превышаютъ доходность земли», и раскладка на всѣ общества недоимки, вслѣдствіе пожара, наводненія и т. п. Нельзя не удивляться, что тѣ начальники губернскихъ финансовыхъ органовъ, которые знаютъ въ своихъ округахъ мѣстности, гдѣ одни прямые сборы превышаютъ доходность земли, не доводили сбѣ этомъ до свѣдѣнія министерства раньше, не дожидались его приглашенія высказаться по вопросу о круговой порукѣ.

Дѣло общественнаго призрѣнія у насъ, какъ извѣстно, предоставлено земствамъ, включая сюда города, и сельскимъ обществамъ. Правительственными учрежденіями этого рода являются учрежденія Императрицы Маріи, входящія въ особое вѣдомство, которое, однако, имѣть еще характеръ наполовину учебный, такъ какъ въ немъ находятся не только дома призрѣнія для покинутыхъ дѣтей («воспитательные») и нѣкоторые пріюты, но и женскіе институты. Подъ ближайшимъ покровительствомъ правительственной же власти состоятъ нѣкоторыя спеціально-благотворительныя учрежденія, имѣющія составъ обществъ, какъ общества Краснаго и Бѣлаго креста, Императорское человѣколюбивое и др.

Затѣмъ, городскія больницы и богадѣльни состоятъ въ вѣдѣніи городскихъ думъ, а тѣ, которая прежде находились въ вѣдѣніи приказовъ общественнаго призрѣнія, перешли къ земскимъ учрежденіямъ; но земства основали вновь большую часть существующихъ нынѣ въ уѣздахъ больницъ и домовъ умалишеннныхъ. Наконецъ, въ деревняхъ призрѣніе убогихъ, сиротъ и безумныхъ возложено на общества и волости, но не имѣть никакого устройства, а производится, такъ сказать, домашнимъ образомъ и находится въ положеніи крайне неудовлетворительному.

Нельзя не привѣтствовать предстоящаго законодательнаго почина къ приданію дѣлу общественнаго призрѣнія по всей Россіи такой организаціи, которая была бы въ состояніи дѣйствительнѣ, чѣмъ было доселѣ,

обеспечивать помощь всякому, кто самъ лишенъ возможности заработать себѣ кусокъ хлѣба. Назначена была особая комиссія, подъ предѣдательствомъ статѣ-секретаря К. К. Грота, для пересмотра дѣйствующихъ законовъ о призрѣніи. Комиссія эта поручила отдельу изъ своихъ членовъ начертать проектъ основаній для общей постановки въ государствѣ дѣла призрѣнія, и мы находимъ нынѣ въ газетахъ довольно обстоятельный свѣдѣнія о составленномъ проектѣ, поступившемъ теперь на обсужденіе полнаго присутствія комиссіи К. К. Грота.

Проектъ задуманъ широко и не ограничивается, какъ то случается иногда, только созданиемъ разныхъ должностей. Въ основаніе его принять именно принципъ, что «право на вспомоществованіе должно быть признано за каждымъ нуждающимся въ немъ жителемъ въ государствѣ». Для дѣйствительного обезпечения призрѣнія, въ проектѣ предположены не только обязательное ассигнованіе средствъ земствами и доходы съ по-жертвованныхъ капиталовъ и имуществъ, но и образованіе особаго «фонда государственного призрѣнія» посредствомъ «установленія равномѣрнаго сбора со всего населенія (цитируемъ по изложению проекта въ «Новостиахъ»). Самая же организація проектирована въ видѣ попечительствъ. Сельскія и городскія участковыя попечительства разсмотривали бы право на помощь и предоставляли бы ее въ разныхъ видахъ, какъ-то: выдачею денегъ, снабженіемъ пищею, предметами одежды, врачебнымъ пособіемъ, устройствомъ осиротѣвшихъ или покинутыхъ дѣтей, призрѣніемъ опасныхъ или нуждающихся въ особомъ уходѣ душевно-больныхъ. Затѣмъ, попечительства уѣздныя имѣютъ представлять земскому собранію смету и распредѣлять средства между участковыми попечительствами. Попечительствамъ губернскимъ имѣть принадлежать надзоръ за состояніемъ дѣла призрѣнія въ губерніи и завѣданіе губернскими для него учрежденіями. Эти губернскія попечительства должны представлять ежегодные отчеты центральному управлению.

О составѣ и положеніи этого высшаго управления мы не имѣемъ свѣдѣній, но полагаемъ, что, въ согласіи съ законами, которыми мѣстное дѣло призрѣнія признается отраслью дѣятельности земской и сельско-общественной, роль центрального управления должна бы заключаться въ ходатайствѣ передъ высшей властью по нуждамъ призрѣнія, въ представительствѣ этого дѣла среди другихъ высшихъ органовъ и въ завѣданіи тѣми вспомогательными средствами, какія назначались бы на дѣло призрѣнія изъ государственного казначейства. Такъ, въ Англіи интересы призрѣнія, среди высшихъ правительственныйхъ органовъ, представляются центральнымъ учрежденіемъ Poor-Law Board.

Если главное назначеніе государства опредѣлить такъ, что оно есть союзъ гражданъ для защиты отъ насилий и бѣдствий и для взаимопомощи. то великое дѣло призрѣнія представится одной изъ первостепенныхъ государственныхъ задачъ. Можно сказать, что значительный дальнѣйший шагъ впередъ будетъ совершенъ человѣчествомъ только тогда, когда въ

каждомъ государствѣ соединенный бюджетъ народнаго образованія и общественнаго призрѣнія займетъ въ росписи то мѣсто, которое нынѣ принадлежитъ расходамъ на вооруженныя силы. При этомъ условіи, могутъ осуществляться всеобщее обязательное и даровое обученіе, воспитаніе всѣхъ оставленныхъ дѣтей и дѣйствительное обеспеченіе помощью всѣхъ неспособныхъ къ прокормленію себя. Такой взглядъ на назначеніе государства, какъ союза для защиты отъ насилий и для помощи нуждающимся, вовсе не противорѣчитъ принципамъ возможно болѣшаго простора личной дѣятельности и неприкословенности личности. Достаточно напомнить, что, страна наиболѣе либеральныхъ учрежденій, Англія первая ввела у себя огромное обложеніе въ пользу бѣдныхъ и первая же учредила фабричную инспекцію, съ законами противъ непосильной работы малолѣтнихъ.

Ежегодный расходъ собственно на призрѣніе (Poor-Relief, включая содержаніе рабочихъ домовъ, workhouses) въ Соединенномъ королевствѣ превышаетъ сумму 100 милл. рублей на 35 милл. душъ населенія; соответствітельный расходъ у насъ составилъ бы болѣе 300 милл. рублей. Законы о помощи бѣднымъ и обложеніи для этой цѣли существуютъ въ Англіи уже почти три вѣка и получили такое значеніе, что на нихъ, собственно говоря, основалась вся организація мѣстнаго управления (local government), котораго высшій представитель (president of the Local Government Board) является однимъ изъ высшихъ государственныхъ сановниковъ и иногда, смотря по политическому значенію лица, входилъ даже въ составъ кабинета. Положимъ, высокое обложеніе въ пользу неимущихъ и первостепенное значеніе организаціи призрѣнія въ мѣстномъ управлѣніи явились въ Англіи какъ результатъ обезземеленія сельскаго населенія. Но въ этомъ смыслѣ могутъ вѣдь быть также различныя мнѣнія и о томъ, какъ слѣдовало смотрѣть на участіе крѣпостныхъ, которыхъ можно было переселять и продавать въ одиночку. Во всякомъ случаѣ, такой помощи неимущимъ, какая была создана въ Англіи, пока не существуетъ нигдѣ.

Органы по призрѣнію, по проекту названной выше подкомиссіи, несолько напоминаютъ англійскіе приходскіе (vestries), окружные (unions) союзы и центральное управление (Poor-Law Board), имѣющее уже чисто правительственный характеръ и уполномоченное къ надзору за дѣятельностью органовъ мѣстныхъ. Но въ нашемъ проектѣ полагается еще одна инстанція — губернская; во всемъ остальномъ также существенное различие. По проекту, уѣздное попечительство должно иметь составъ преимущественно земскій: уѣздный предводитель дворянства, а въ его отсутствіе предсѣдатель уѣздной управы или голова, по одному представителю отъ уѣздной и городской управы и по два гласныхъ отъ уѣзда и города; затѣмъ священникъ, исправникъ и врачъ, по приглашенію предводителя, который состоить предсѣдателемъ. Эта-то вторая инстанція назначаетъ членовъ первой, а именно избираетъ въ участковые

попечительства: ихъ предсѣдателей и кандидатовъ, 3 членовъ изъ землевладѣльцовъ и 1 учителя; остальные члены участковаго попечительства: священникъ, волостной старшина, врачъ, не болѣе 3 выборныхъ отъ волостного схода, наконецъ, земскій начальникъ, считающійся почетнымъ членомъ.

Хотя такое избрание сверху внизъ и представляется нѣсколько страннымъ, но оно вполнѣ оправдывается тѣмъ обстоятельствомъ, что наша волость—сословная, а не земская, а проектъ хочетъ, чтобы попечительства о призрѣніи находились въ связи съ земствомъ, въ вѣденіи котораго состоять призрѣніе и которое даетъ главныя средства на это дѣло. Губернское же попечительство состояло бы изъ лицъ, составляющихъ губернскую земскую управу, головы, священника и предсѣдателей уѣздныхъ попечительствъ. Предсѣдателемъ здѣсь, стало быть, будетъ предсѣдатель губернской земской управы.

Организація эта отличается отъ существующей въ Англіи тѣмъ, что тамъ приходскія попечительства избираются приходомъ, а окружные составляются изъ «опекуновъ» (*guardians*), избираемыхъ по одному отъ каждого прихода. Вполнѣ сочтены, какъ самая формулировка основнаго принципа проекта, такъ и стремленіе его поставить организацію призрѣнія въ тѣсной связи съ земствомъ. Надо пожелать, чтобы и при окончательномъ обсужденіи проекта имѣлось въ виду содѣйствіе земству центральнымъ управлѣніемъ въ дѣлѣ призрѣнія, а не изъятіе изъ рукъ земства этого дѣла, завѣданіе которымъ предоставлено ему «положеніемъ» о земскихъ учрежденіяхъ.

Иной характеръ имѣть проектъ новой организаціи дѣла народнаго продовольствія, которое тѣмъ же «положеніемъ» предоставлено было земству. Этотъ проектъ, выработанный комиссіею, состоявшую подъ предсѣдательствомъ сенатора В. К. Плеве, предполагаетъ также учрежденіе уѣздныхъ и губернскихъ присутствій смѣшаннаго состава, какъ и проектъ, только что нами разсмотрѣнныи, но уже съ преобладаніемъ въ этихъ присутствіяхъ элемента административнаго. Такъ, уѣздное присутствіе по продовольственной части должно состоять изъ предводителя (предсѣдателя) уѣздной земской управы, исправника, податного инспектора и всѣхъ земскихъ начальниковъ, а губернское, подъ предсѣдательствомъ губернатора, изъ вице-губернатора, управляющихъ казенною палатой и округомъ государственныхъ имуществъ, съ непремѣннымъ членомъ, затѣмъ изъ предводителя и губернской земской управы. Вышнее управление всѣмъ дѣломъ обезпеченія народнаго продовольствія принадлежало бы министерству внутреннихъ дѣлъ.

Такимъ образомъ, эта часть земской дѣятельности перешла бы подъ болѣе близкій контроль и даже подъ руководство администраціи. Не зная мотивовъ проекта, мы затрудняемся найти тѣ соображенія, которыхъ оправдывали бы необходимость такой перемѣны. Правда, во время бывшаго неурожая, въ нуждавшихся губерніяхъ, оказаніемъ продоволь-

ственной помоши занимались одновременно и земства, и администрації. Необходимость борьбы съ голодомъ фактически вызвала образованіе распорядительныхъ присутствій и исполнительныхъ комиссій смѣшаннаго состава. Но то былъ именно моментъ борьбы съ народнымъ бѣдствіемъ. Въ обыкновенное же время обезпеченіе народнаго продовольствія сводится на правильную засыпку магазиновъ и наблюденіе за сохранностью продовольственныхъ запасовъ и капиталовъ. Для этого едва ли необходимо постоянное существованіе проектируемой сложной организаціи.

Ни самый неурожай, ни дѣйствія земствъ, непосредственно ему предшествовавшія или его сопровождавшія, не могутъ составлять поводъ для ограниченія самостоятельной дѣятельности земствъ по этой части. Земства во-время предупреждали о серьезныхъ размѣрахъ, какіе могло принять бѣдствіе, земства исчислили высоту ссудъ, о которыхъ ходатайствовали безъ всячаго, какъ-то впослѣдствіи оказалось, преувеличенія. Если произошло въ данномъ случаѣ нѣкоторое промедленіе, то только по той именно причинѣ, что земскія ходатайства первоначально не были признаны достаточно убѣдительными, и что ссуды были ассигнованы сперва въ гораздо меньшемъ размѣрѣ. Лишь впослѣдствіи, когда серьезность бѣдствія стала очевидною для всѣхъ, помошь явилась въ еще большемъ размѣрѣ противъ первыхъ исчисленій земства, причемъ хозяйственный департаментъ получилъ новаго начальника. Нельзя также не признать, что и самая операция земствъ по закупкѣ, развозкѣ и распределеніи хлѣба для голодающихъ, за немногими исключеніями, оказалась вполнѣ успѣшною. Итакъ, въ прежней дѣятельности земствъ по продовольственной части нѣть ничего такого, что требовало бы измѣненія въ самомъ завѣданіи ею.

Слабая сторона представлялась, правда, въ затратѣ части губернскихъ продовольственныхъ капиталовъ на другія нужды уѣздовъ, при чемъ на уѣздахъ остаются долги губернскимъ земствамъ. Но это относится къ общему вопросу и слабости земскихъ финансъ, вслѣдствіе неисправнаго взиманія земскихъ сборовъ и ограниченій въ самомъ правѣ земскаго обложенія. Да теперь, послѣ громадной ссуды, выданной крестьянамъ во время неурожая, долги продовольственнымъ капиталамъ, оставшіеся за уѣздными земствами, уже теряютъ свое значеніе. Вѣдь и казна не можетъ же надѣяться на уплату ей полнотью всей неурожайной ссуды. Наконецъ, если то признается нужнымъ, можно требовать, чтобы продовольственные запасы были всегда на лицо въ зернѣ, а не въ деньгахъ. Но для этого достаточно одного постановленія закона, и нѣть никакой необходимости въ описанномъ выше особомъ, административно-земскомъ устройствѣ.

Въ прошлый разъ, по поводу бюджета, мы замѣтили, что государственный починъ въ промышленности можетъ оказаться особенно плодотворнымъ, если-бы въ дѣлѣ промышленномъ починъ этотъ дѣйствовалъ въ томъ-же направленіи, какое онъ принялъ у насъ въ дѣлѣ земельномъ,

гдѣ трудъ освобожденъ и трудящійся стала владѣльцемъ продуктовъ своего труда. Одной изъ важнѣйшихъ задачъ для того развитія промышленного кредита, о которомъ упоминаль г. министръ финансовъ, у наст., въ Россіи, должна-бы представляться поддержка государственнымъ кредитомъ производства кустарного. Эта поддержка не можетъ быть непосредственная, такъ какъ центральному учрежденію слишкомъ трудно слѣдить за положеніемъ дѣлъ въ кустарныхъ артеляхъ въ далекихъ посадахъ, а тѣмъ болѣе—въ деревняхъ, занимающихся промышленной работой, дополнительно къ земледѣлію. Посредствующими при этомъ органами, обезпечивающими затраты казны и наблюдающими за употребленіемъ и возвратомъ ссудъ кустарямъ, могутъ быть особые «кустарные банки», учреждаемые земствами. Мы сейчасъ скажемъ о предпріятіи въ этомъ смыслѣ земства пермскаго. Но сперва мы должны остановиться на вопросѣ: слѣдуетъ ли государству оказывать вообще помошь кустарничеству?

Указываютъ на общей фактъ, что промышленное производство болѣе и болѣе капитализируется, что ремесла упраздняются фабриками, а мелкія фабрики постепенно исчезаютъ, уступая мѣсто огромнымъ предпріятіямъ, основаннымъ на акціонерномъ началѣ, располагающимъ наиболѣе усовершенствованными машинами и доводящимъ до мелкой спеціализаціи трудъ каждого разряда рабочихъ. Если такова перспектива для всей промышленности, то стоять-ли поддерживать кустарничество, эту архаическую организацію труда, по возможности самостоятельного, эти производства, употребляющія примитивные пріемы, довольствующіяся весьма несовершенными орудіями?

Мы не хотимъ устранять этого практическаго вопроса теоретической ссылкой на то, что государство обязано поддерживать свободный промышленный трудъ, какъ оно обеспечило надѣломъ трудъ земельный, что при помощи государства, сильнѣйшаго изъ капиталистовъ, могло-быть предупреждено окончательное закабаленіе безыменнымъ капиталомъ живой личности рабочаго, крупнымъ капиталомъ—мелкихъ хозяйственныхъ производствъ. Напротивъ, мы нарочно допустимъ, что упомянутая перспектива постоянна, рокового возрастанія капитализаціи въ промышленномъ производствѣ неустранима. Но и при такой постановкѣ вопроса, вопреки напімъ симпатіямъ и надеждамъ, мы все-таки полагаемъ, что государству у наст., въ Россіи, стоитъ дѣлать затраты для поддержки кустарничества.

Начать съ того, что осуществленіе полной подневольности большому капиталу всякаго промышленного труда еще не слишкомъ близко. Изготовленіе часовыхъ частей въ Швейцаріи, игрушечный промыселъ въ Германіи, многія отрасли производства такъ называемыхъ *articles de Paris* въ самой столицѣ Франціи, приготовленіе искусственныхъ цветовъ, кружевничество, портняжное дѣло и изготовленіе обуви, шитье бѣлля—до сихъ поръ сохраняютъ и на западѣ Европы характеръ не только преимущественно ремесленный, а нѣ фабричный, но отчасти даже—

семейный, самостоятельный. Тѣмъ болѣе въ Россіи такому самостоятельному труду предстоитъ еще не малая будущность, даже въ томъ предположеніи, что окончательная побѣда въ промышленномъ производствѣ непремѣнно будетъ принадлежать конкуренціи посредствомъ величины капитала, а не ассоціаціи личностей, въ артеляхъ и въ самомъ государствѣ.

При разладѣ нашей русской жизни, въ разныхъ отношеніяхъ, съ жизнью Запада, у насъ еще остается большое поле для проявленія успѣшной, хотя мелкой предпримчивости ремесленной. Если у насъ торговецъносить на лоткѣ товара на пять рублей и сбытомъ его не только кормится самъ, но оплачиваетъ свои подати въ деревнѣ, и даже избу свою въ ней поправляетъ, то почему-же не допустить, что какъ-бы ни было громадно и могущественно капиталистичное производство какого-нибудь Манчестера, но нашъ кустарь еще немножко проживеть, еще можетъ принести нѣсколько пользы и что, поэтому, стоптъ ему и помочь, такъ чтобы онъ могъ работать не совсѣмъ въ убытокъ, на пользу однихъ рас towщиковъ.

Скажутъ намъ: вотъ вы сами признаете русскую самобытность. Дѣйствительно, мы признаемъ, что въ Россіи, точно такъ, какъ и въ другихъ странахъ, есть разныя особыя, самобытныя условія, хотя изъ этого никакъ не слѣдуетъ, что и въ условіяхъ общихъ, въ вопросахъ права, нравственности или ариѳметики, мы должны выработать какую-то особую самобытность, перекрестивъ этимъ названіемъ просто—застой. Какъ отрицать то самобытное условіе, что въ силу нашего климата, 90 миллионовъ сельского люда въ Россіи, въ теченіе пяти мѣсяцевъ, т. е. меньшей половины года, не имѣютъ заработка на томъ дѣлѣ, которымъ они заняты, на земледѣлії? Значить, они должны уходить на заработки въ иномъ мѣстѣ, на такъ называемые отхожіе промыслы, или пробовать что-нибудь работать на мѣстѣ, не уходя изъ деревень.

Образцомъ такихъ банковъ, которые заслуживали бы поддержки государственнымъ кредитомъ для того, чтобы они могли развивать свои операции, можетъ служить открывшійся въ январѣ «кустарно-промышленный банкъ пермскаго губернского земства». Назначеніе этого банка—въ томъ, чтобы дать дешевый кредитъ тѣмъ кустарнымъ артелямъ, въ которыхъ нѣть наемныхъ рабочихъ, и работы исполняютъ сами члены артелей и ихъ семьи, а также и отдѣльнымъ кустарямъ, которые работаютъ сами, при помощи своихъ семей и безъ найма. Выдача ссудъ такимъ кустарямъ, которые держать наемныхъ работниковъ, допускается только въ видѣ исключений, по особымъ постановленіямъ совѣта. Ссуды выдаются на срокъ до 3 лѣтъ, въ размѣрѣ не выше средней стоимости сырыхъ матеріаловъ въ томъ количествѣ, какое требуется для годовой работы. Обезпечениемъ служать: при ссудахъ артелямъ—круговая порука, и при ссудахъ отдѣльнымъ кустарямъ—поручительство двухъ состоятельныхъ хозяевъ. Банку принадлежитъ право наблюдать за ходомъ дѣлъ въ предпріятіяхъ, получившихъ ссуды, и, въ случаѣ разстройства дѣлъ, требовать

досрочного возврата ссуды. Банкъ выдаетъ ссуды и на устройство кустарно-торговыхъ складовъ, подъ отвѣтственностью земства. Основной капиталъ банка составляетъ 10 т. р., а запасный капиталъ образуется отчислениемъ изъ прибылей. Банку предоставлено принимать вклады и заключать займы, съ разрѣшенія земскаго собранія, на срокъ не болѣе одного года, для усиленія оборотныхъ средствъ; но обязательства по вкладамъ и займамъ, въ совокупности, не должны превышать полутораго размѣра цифры капиталовъ.

Организація помощи кустарямъ посредствомъ земскихъ складовъ, которые доставляютъ кустарямъ матеріалы и являются посредниками для продажи издѣлій—имѣется въ нѣсколькихъ губерніяхъ. Этому дѣлу должны помогать и кустарные банки, особенное значеніе которыхъ представляется тѣмъ, что, доставляя кустарямъ дешевый кредитъ, они охраняютъ кустарей отъ поработоченія предпринимателями, которые обыкновенно выходятъ изъ тѣхъ же кустарей. Но много ли можетъ сдѣлать кустарный банкъ, располагающій оборотными средствами въ 20—25 т. рублей? Онъ можетъ оказать большую пользу нѣкоторому числу кустарей, но для того, чтобы охранить самостоятельность всего кустарничества, улучшить и развить кустарные промыслы, необходимо, чтобы такимъ банкамъ оказываема была поддержка государственнымъ кредитомъ. Это представляло бы самый плодотворный видъ того государственного промышленного кредита, о которомъ упоминалось въ докладѣ, сопровождавшемъ роспись.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

А. Критика.

Стихотворенія В. Л. Величко. Сборникъ второй. Спб. 1894 г.

Это книжка посвященій. Г. Величко знаетъ, можно сказать, цѣлый свѣтъ, и въ нарядной толпѣ знаменитыхъ и высокопоставленныхъ знакомыхъ этого стихотворца нѣтъ человѣка, которому онъ не съумѣлъ бы сказать пріятнаго поэтическаго слова. Читая эту веселую, забавную книжонку, чувствуешь себя точно на свѣтскомъ балѣ: эполеты, звѣзды, бряцанье шпоръ, декольтированныя дамы — и среди нихъ самъ г. Величко въ щегольскомъ фракѣ, пріятно улыбающійся направо и налево, съ лирою въ рукахъ, то подыгryвающій въ тактъ бальному оркестру, то импровизирующій на меланхолическая темы. Всѣ доволыны и всѣхъ довольнѣе — самъ поэтъ. Генералы поощрительно похлопываютъ его по плечу, дамы привѣтливо заглядываютъ ему въ глаза, танцующіе кавалеры повторяютъ отдѣльные, пришедшіе имъ по душѣ стишки. Изъ этой залы молва разнесется по всему городу, захватить нѣсколько синхордительныхъ рецензентовъ, дасть мысль извѣстному фотографу выставить въ витринѣ портретъ героя этого бального торжества — и слава завоевана такъ легко, побѣда, настоящая побѣда. Кто посмѣеть усомниться въ талантѣ писателя, когда и дамы, и газетные рецензенты, и даже знаменитый фотографъ краснорѣчивыми заявленіями подтвердили его успѣхъ въ обществѣ? Кто не пойметъ, что человѣкъ, врачающійся между лучшими, отборнѣшими представителями интеллигенціи, имѣть всѣ необходимыя духовныя качества и заслуживаетъ самаго почтительнаго къ себѣ отношенія? Не сомнѣвайтесь въ талантѣ г. Величко: есть у него этотъ талантъ — это видно по всему, объ этомъ заявили многія газеты, нѣсколько бойкихъ рецензентовъ, которыхъ не подкупишь ничѣмъ на свѣтѣ, въ этомъ можно убѣдиться, подойдя къ витринѣ извѣстного фотографа на Невскомъ проспектѣ. Портреты знаменитыхъ актеровъ, пѣвицъ, юбиляровъ и прославленныхъ, недавнихъ покойниковъ и на томъ же самомъ мѣстѣ — «заштатный врачъ души» (см. стихотвореніе «Врачъ и поэтъ») — Величко, бравый, сияющій, побѣдоносный.

Различные образы приходят сами собою при чтении этой великолѣпной книжки. Просматривая стихотворенія г. Величко въ цѣломъ, мы переносимся на балъ. Перелистываемъ страницы, слѣдимъ за мѣняющимися поэтическими цвѣтами и видимъ себя у подножія какой-то лѣстницы, ведущей въ храмъ. Одиннадцать ступеней — и вы у ногъ одного изъ знаменитѣйшихъ жрецовъ нашего времени, въ храмѣ, посвященномъ, какъ стихи г. Мережковскаго, «Невѣдомому Богу»... Извѣстный врачъ Бертенсонъ, краса и столпъ «Русской Мысли» — Гольцевъ, поэтъ «забытыхъ словъ» Жемчужниковъ, профессоръ персидскаго языка В. А. Жуковскій, ученый словоей, возвѣщающій наступленіе петербургской весны — проф. Кайгородовъ, талантливый художникъ Лагоріо, маститый поэтъ Я. Полонскій, редакторъ «Правительственного Вѣстника» К. К. Случевскій, любимецъ московской публики князь Сумбатовъ, знаменитый адвокатъ Унковскій, наконецъ, извѣстный романистъ и редакторъ «Живописнаго Обозрѣнія» А. К. Шеллеръ — вотъ одиннадцать лицъ, которымъ г. Величко оказалъ свое вниманіе, сдѣлавъ каждому изъ нихъ по одному стихотворному посвященію. И всѣ эти посвященія заключены, какъ пасхальный деревянный яйца, сидящія другъ въ другѣ, въ одно общее посвященіе — талантливому публицисту и философу В. С. Соловьеву. Вся книжка г. Величко, со всѣми заключающимися въ ней частными посвященіями, адресована какъ бы съ подразумѣвающимися комплиментарнымъ письмомъ ему, г. Соловьеву, въ знакъ глубокаго и искренняго сочувствія родственной души...

Обращаясь отъ посвященій къ содержанію, мы мгновенно поражаемся его богатствомъ, разнообразiemъ тоновъ, удивительнымъ знаніемъ востока. Мережковскій, Минскій переводятъ съ разныхъ европейскихъ языковъ. Г. Величко имѣть сердечное пристрастіе къ мало распространеннымъ, но колоритнымъ языкамъ и нарѣчіямъ востока. Въ книгѣ его вы найдете переводы съ грузинскаго, турецкаго, арабскаго, персидскаго и татарскаго языковъ, повидимому изученныхъ доскональнѣйшимъ образомъ, преимущественно передъ языками запада. Анекдоты, шутки, остроты въ стихахъ такъ и сыплются со всѣхъ сторонъ. То пронесется предъ вами образъ Тамары, воспѣтой грузинскимъ поэтомъ княземъ Церетели, то мелькнетъ желчный стихъ изъ произведеній князя Чавчавадзе, то вдругъ раскроется предъ вами картинка, изображающая шарлатана-муллу, увлекшагося собственной ложью... И рядомъ съ этими стихами, представляющими своеобразную и веселую музу востока, стоять стихотворенія, посвященные русскимъ интересамъ, русскимъ злобамъ дня. Нѣть, право, г. Величко не лишенъ таланта. Не сравнивайте его съ Мережковскимъ, не сопоставляйте его съ Фофановымъ, но отыщите ему особое мѣсто въ современной русской литературѣ. Мережковскій напыщенъ и приподнятъ, но его стихотворенія все-таки находятся по содержанію и по стремленіямъ въ центрѣ литературы. Фофановъ — просто талантливый человѣкъ, съ безхитростной, но неуравновѣшенней душой, влекущейся къ

мотивамъ красоты и поэзии, всѣмъ близкимъ и доступнымъ. Г. Величко... г. Величко явленіе своеобразное, имѣющее свои источники на какой-то далкой восточной окраинѣ, но упорно тяготѣющее къ центру, пробивающее себѣ къ нему всевозможные пути. Не поможетъ талантъ, помочь друзья. Бездаренъ стихъ, авось сдѣлаютъ свое дѣло эффектныя посвященія людямъ, стоящимъ во главѣ общественнаго мнѣнія. Плохи и пошловаты оригинальные замыслы — можетъ быть вывезетъ грузинская, татарская, турецкая, арабская и персидская мудрость, одѣтая въ пестрые халаты и цвѣтные шаровары...

Рябининъ, Элеваторы и наше увлеченіе ими. С. П., 1894 г.

Увлеченіе элеваторами въ планахъ о «насажденіи благосостоянія» занимаетъ видное мѣсто. Предполагается, что элеваторы поднимутъ доходность главной, если не исключительной, «отечественной» промышленности, т. е. земледѣлія, и даже будутъ прямо способствовать улучшенію сельскаго хозяйства. Тутъ игра фантазіи идетъ быстрыми скачками. Прежде всего нась обуяло суевѣrie, будто, введя механическое передвиженіе зерна и устроивъ элеваторы съ усовершенствованными техническими приемами, мы тѣмъ самымъ измѣнимъ и всѣ условия нашей хлѣбной торговли и тѣ экономическія условія, при которыхъ въ настоящее время производится эта торговля. Съ устройствомъ элеваторовъ крестьяне и землевладѣльцы избавляются отъ безконечной цѣпи посредниковъ и комиссіонеровъ и кладутъ себѣ въ карманъ всѣ тѣ миллионы, которые попадаются въ руки этихъ безчисленныхъ посредниковъ. Расходы по заготовкѣ хлѣба на центральные внутренніе рынки и экспортные центры понижаются. Хлѣбъ очищается и направляется заграницу, где на него чрезъ то спросъ повышается. Мы снова завоевываемъ себѣ почетное мѣсто по доставкѣ хлѣба для иностранцевъ, но при наличии всѣхъ указанныхъ новыхъ условій, въ силу которыхъ всѣ выгоды, по внутренней и вѣнчайшей торговлѣ хлѣбомъ, остаются почти исключительно въ рукахъ самихъ сельскихъ хозяевъ.

Г. Рябининъ основательно замѣчаетъ, что увлеченіе элеваторами у нась распространяется главнымъ образомъ, если не исключительно, техниками и инженерами. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь почти вся наша литература объ элеваторахъ вышла изъ-подъ пера техниковъ и инженеровъ, писавшихъ безъ отношенія къ нашимъ экономическимъ условіямъ и на основаніи чистаго априорнаго заключенія, что элеваторы вообще дѣло хорошее. Г. Рябининъ желаетъ на фактахъ свести счеты съ этимъ многообѣщающимъ дѣломъ. Въ виду этого, онъ, прежде всего, знакомить нась съ исторіей и условіями дѣятельности элеваторовъ въ Америкѣ и Зап. Европѣ. Въ Зап. Европѣ элеваторы были позаимствованы изъ Америки. Практика показываетъ, что «въ тѣхъ случаяхъ, когда при учрежденіи элеваторовъ американского типа имѣлось въ виду, при помощи ихъ, воздѣйствовать на хлѣбную торговлю и измѣнить условія ея и торговые обычай на амери-

канскій ладъ, это оказывалось недоступнымъ, такъ какъ при этомъ упускалось изъ виду, что въ Америкѣ не условія хлѣбной торговли въ томъ видѣ, какъ они существуютъ, созданы элеваторами, а наоборотъ — именно эти самыя условія выработали постепенно типъ такого усовершенствованнаго магазина» (26 стр.). Положеніе, подъ которымъ, думаемъ, всякий подпишется, и кстати замѣтимъ, что оно уже детально было развито еще въ прекрасной монографіи проф. Обнинскаго «О хлѣбной торговлѣ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки», появившейся еще въ 1880 г., т. е. именно въ тотъ моментъ, когда у насъ зарождалось стремленіе измѣнить условія хлѣбной торговли на американскій ладъ при помощи элеваторовъ. Само собою понятно, что всякия попытки къ осуществленію этого завѣтнаго стремленія не привели къ намѣченной цѣли. Г. Рябининъ прекрасно рисуетъ дѣятельность нашихъ элеваторовъ и приводитъ массу цифровыхъ данныхъ, не оставляющихъ никакого сомнѣнія въ томъ, что наши элеваторы пустуютъ, т. е. слабо утилизируются и даютъ крупные убытки. Вѣсокое доказательство непримѣнимости элеваторовъ къ нашимъ условіямъ, и притомъ даже климатическимъ условіямъ, въ силу которыхъ наши элеваторы имѣютъ «болѣе короткій періодъ дѣятельности сравнительно съ Америкой, что естественно повышаетъ стоимость услугъ нашихъ элеваторовъ сравнительно съ американскими; услуги ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ всегда дороже ручного труда, съ которымъ они совершенно не въ силахъ конкурировать, вслѣдствіе его крайней дешевизны у насъ» (89 стр.). При слабой работе этихъ элеваторовъ и дорожевизнѣ ихъ услугъ, какъ показываетъ опытъ, ими пользуются не землевладѣльцы и не крестьяне, а именно тѣ посредники и комиссіонеры, отъ которыхъ предполагалось избавить и крестьянъ и землевладѣльцевъ. Говорятъ, что это все измѣнится, когда будетъ выстроена цѣлая сѣть элеваторовъ, способныхъ принять и направить по назначению почти весь хлѣбъ, обращающійся на продажу внутри страны и для заграницы. По разсчетамъ г. Рябинина, расходы на постройку этихъ элеваторовъ «должны достигнуть слѣдующихъ размѣровъ, а именно: на станціонные элеваторы около 136.500,000 р., на центральные около 210.000,000 р. и на портовые не менѣе 72.900,000 р., т. е. всего должно быть истрачено для осуществленія сѣти элеваторовъ не менѣе 419.400,000 р., хотя въ дѣятельности потребуется гораздо болѣе». Аторнізациія этого капитала, проценты и эксплоатационные расходы должны лежь тяжелымъ бременемъ на хлѣбѣ, поступающій въ элеваторъ. Одни эксплоатационные расходы, считая только по 6% на затраченный капиталъ, составятъ ежегодно сумму въ 56.619,000 р., что при хорошемъ урожаѣ равняется 24 к. на каждую четверть зерна, а при плохомъ урожаѣ тѣ же эксплоатационные расходы падутъ на меньшее количество хлѣба, т. е. повысятся. «Однимъ словомъ, ясно, что разъ будетъ создана сѣть элеваторовъ, ея гнета, при плохихъ урожаяхъ, а тѣмъ болѣе при неурожаяхъ, не выдержитъ не только хлѣбная торговля, но и государство» (86 стр.).

Такимъ образомъ, «безжалостная исторія показываетъ намъ, что техника никогда не опережала ни умственного развитія, ни тѣхъ условій, при которыхъ жилъ человѣкъ, на какомъ бы уровнѣ культуры онъ ни находился: лишь съ измѣненіемъ условій жизни и при умственномъ прогрессѣ можетъ привиться въ какой-нибудь отрасли народнаго труда болѣе совершенная техника, безъ чего она никогда не привьется и окажется совершенно ненужной». Поэтому, при решеніи вопросовъ, касающихся улучшенія условій нашей народной жизни, надо обращать вниманіе вовсе не на техническую сторону, что, конечно, было бы такъ просто, а надо обращать вниманіе на экономическую сторону, на сумму всѣхъ тѣхъ условій, при которыхъ приходится намъ жить и дѣйствовать (11 стр.).

Мечты объ элеваторахъ, распространяющихъ довольство и благодеятствіе, пора бросить. «Пора уже трезво взглянуть на эти сооруженія, которыя настойчиво навязываютъ русской жизни, но которыя, между прочимъ, не сулятъ ей ровно никакихъ облегченій или выгодъ, кроме однихъ убытоковъ или разочарованій. При бѣдности Россіи, мы не находимъ средствъ для удовлетворенія болѣе существенныхъ потребностей населенія въ образованіи, которое намъ необходимо въ миллионъ разъ болѣе всякихъ элеваторовъ».

Здравыя мысли проповѣдуетъ г. Рябининъ и пусть онѣ получатъ самое широкое распространеніе.

Б. Библіографія.

I. ЛИТЕРАТУРА. БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Исторія нѣмецкой литературы Вильгельма Шерера. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей А. Н. Пыпина. Часть первая. Издание Л. Ф. Пантелеева. 1893.

Съ особеннымъ удовольствіемъ слѣдуетъ отмѣтить появленіе въ русскомъ перевѣдѣ «Исторіи русской литературы» Вильгельма Шерера, въ особенности потому, что серьезныхъ сочиненій по этому предмету совсѣмъ не существуетъ въ русской переводной литературѣ, и книга Шерера является капитальнымъ произведеніемъ въ этомъ родѣ и构成ляетъ почти единственно явленіе даже въ богатой нѣмецкой литературѣ. На нѣмецкомъ языкѣ книга Шерера составляетъ одинъ огромный томъ. А. Н. Пыпинъ предпочелъ для удобства пѣданія раздѣлить книгу на двѣ части. Пока выпущена только первая часть. При второй части, кромѣ предисловія, примѣчаний и указателя, данныхъ самимъ Шереромъ, редакторъ перевѣда обещаетъ присоединить краткій очеркъ жизни и трудовъ нѣмецкаго ученаго. Шереръ умеръ въ 1886 году, будучи сорока почти лѣтъ отъ роду. Въ Вѣнѣ и Берлинѣ онъ изучалъ нѣмецкую филологію и санскритскій языкъ, затѣмъ былъ профессо-

ромъ исторіи нѣмецкой литературы сначала въ Вѣнѣ и Страсбургѣ, а потомъ въ Берлинѣ. Въ 1884 году онъ былъ избранъ членомъ прусской академіи наукъ. Онъ пользовался между прочими: «Исторія нѣмецкаго языка», «Религіозная поэзія въ эпоху германской имперіи», «Исторія нѣмецкой поэзіи въ XI и XII столѣтіяхъ», «Псалмы Роттера», «Начало прозаического романа въ Германіи», «Молодость Гете»; послѣднимъ его трудомъ была «Исторія нѣмецкой литературы», вышедшая въ Берлинѣ въ 1883 году. Шереръ, безъ всяаго сомнѣнія, былъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ германскихъ ученыхъ; его «Исторія нѣмецкой литературы», построенная по совершенно новому плану, отличается чисто научнымъ характеромъ и даетъ полную картину развитія нѣмецкой литературы. Въ вышедшей, по русски, первой части этого замѣчательного труда предметы распределены въ слѣдующемъ порядкѣ: древніе германцы (тутъ разсматривается первобытная поэзія арийцевъ, германская религія, остатки древней поэзіи), готы и франки (героическая поэзія, Ульфилъ, государство Меровинговъ), англо-саксеы, Карлъ Великий, средневѣковое возрожденіе, странствующіе журналисты, рыцарство и церковь, средне-верхне-нѣмецкій народный эпосъ, придворная эпопея,

менінезап'ї и майстерзап'ї, присуствувающе ордена, поезія конца середніх вѣковъ, гуманізмъ, реформація и возрожденіе и начало новійшої літератури до XVIII вѣка. Вторая часть будеть посвящена ісплоччительно новійшої німецької літературѣ, начиная съ Лессінга.

Максъ Нордау. Движенія человѣческої души (психологіческіе этюди), переводъ съ німецкаго М. Ліндемана. Москва, 1893.

Едва ли нужно рекомендовать читающей публикѣ эту книжку. Максъ Нордау пзвѣстенъ какъ остроумный и талантливый писатель, завоевавший себѣ широкую популярность въ Европѣ. «Движенія человѣческой души» состоять изъ нѣсколькихъ «психологическихъ этюдовъ» въ формѣ рассказовъ, талантливо и остроумно написанныхъ; недостатокъ Макса Нордау, какъ въ этой книжѣ, такъ и въ другихъ его произведеніяхъ, заключается въ томъ, что всѣ его фигуры нѣсколько искусственны, въ нихъ мало жизни и дѣйствительной правды; читатель слишкомъ часто чувствуетъ, что передъ нимъ не птицій художникъ, а остроумный писатель, который пользуется литературной формой, какъ наиболѣе удобной и популярной, для изложенія и слога, очень часто парадоксальныхъ мыслей.

Бабочка. Матеріалы для повѣсти. М. Гавалевичъ. Переводъ съ польскаго Л. И. Горбачевскаго. Спб. 1893.

Польский писатель Маріанъ Гавалевичъ—одинъ изъ довольно известныхъ и читаемыхъ польскихъ беллетристовъ. Онъ несомнѣнно обладаетъ виѣшнимъ талантомъ рассказчика и напоминаетъ нѣкоторыхъ современныхъ французскихъ новеллистовъ, которыхъ пріемъ и манеру онъ отлично усвоилъ. Въ его повѣстяхъ и рассказахъ есть нѣкоторое остроуміе; разказъ ведется бойко и живо, все прилично, но въ то же время и банально. Въ лучшемъ своемъ романѣ «Філістери», г. Гавалевичъ изображаетъ промтавшагося польского дворяниня, который,бросивъ жену, женился на дочери банкира, пріобрѣтаетъ, такимъ образомъ, состояніе и замышляетъ издание газеты, где надѣется отстапватъ интересы «помѣщиковъ и народа». Авторъ, повидимому, очень сочувствуетъ своему герою. Его «Бабочка» пичкомъ новымъ не отличается отъ другихъ повѣстей этого писателя. Эти «матеріалы для повѣсти», несомнѣнно, прочитаются съ удовольствіемъ, но безъ малѣйшей пользы для «ума и сердца».

Смерть. Этюдъ. Ігнатій Домбровскій. Переводъ съ польскаго Л. И. Горбачевскій. Спб. 1894.

Эта небольшая повѣсть молодого польского писателя Игнатія Домбровскаго представляє собой замѣчательно-талантливый психологический этюдъ. Разказъ ведется отъ лица героя, въ видѣ дневника,— моло-

дого студента, умирающаго въ чахоткѣ. Авторъ постепенно описываетъ всѣ стадіи болѣзни и душевное настроеніе больного, который поперемѣнно то падаетъ въздоровѣть, то впадаетъ въ отчаяніе при видѣ неизвестности смерти, причемъ онъ постоянно возвращается къ свопмъ прошлымъ годамъ счастія и надежды. Превосходно и необыкновенно талантливо авторъ изображаетъ, какъ отъ дѣтской наивной вѣры его герой перешелъ сначала къ религіозному индифферентизму, а потому и къ полному безвѣрію. Основная мысль развивается послѣдовательно и чрезвычайно талантливо. Въ повѣсти нѣть никакихъ виѣшихъ событий; весь интерес повѣсти сосредоточенъ на внутреннихъ событияхъ душі больного героя, причемъ въ его дневнике встрѣчаются страницы птиціаго трагизма.

Переводъъдѣльно прекрасно.

Моя бібліотека. Рассказы Святополка Чеха. Пер. А. Г. Сахаровой. Изданіе Ледерле. 1893.

Если не ошибаемся, рассказы талантливаго чешскаго писателя появляются въ первый разъ на русскомъ языке. Святополкъ Чехъ принадлежитъ къ выдающимся чешскимъ писателямъ. Въ Богеміи онъ пзвѣстель не только какъ талантливый беллетристъ, но и какъ одинъ изъ лучшихъ современныхъ чешскихъ поэтовъ. Эпіческий стихотвореніе Святополка Чеха, неизвѣстныя нашей публикѣ, отличаются яркой образностью и глубокой содержаніемъ; въ лирическихъ же, изъ которыхъ нѣкоторыя появлялись въ переводахъ на русскому языку, Святополкъ Чехъ подкупаетъ читателя неподѣльной искренностью чувства, задушевной простотой или жгучей пронієй и страстию, негодующими протестомъ. Въ прозѣ Святополкъ Чехъ заслужилъ извѣстность своими романами и мелкими рассказами, а также путевыми замѣтками. Въ своихъ мелкихъ рассказахъ, онъ по преимущество юмористъ. Страстный патріотъ, стремящійся къ независимости своего народа, Святополкъ Чехъ, съ беспощадной пронієй и негодованіемъ, бичуетъ недостатки современного чешскаго общества, пздѣвается надъ его пристрастіемъ къ чужеземному, надъ его дряблостью и безхарактерностью и скорбїтъ о свѣтлой, великой эпохѣ Йоанна Гусса, когда его родина стояла во главѣ умственнаго движенія всей Европы. Въ изданіи г. Ледерле помѣщено двѣпнадцать рассказовъ Чеха, между которыми лучшій—«Искъ Истрѣба противъ Горбачки. Изъ записокъ моего друга». Переводъ недуренъ.

Сочиненія Григорія Федоровича Квитка. Малороссійскіе повѣсти, рассказы Грицкимъ Основьянченкомъ. 1894.

Григорій Федоровичъ Квитка (онъ писать подъ псевдонимомъ Грицкіи Основьянченка) принадлежитъ къ самымъ популярнымъ малороссійскимъ писателямъ, по за поэтичес-

время его произведения (за исключениемъ повѣсти «Панъ Холявскій», изданной не сколько лѣтъ тому назадъ г. Суворинымъ) не существовали въ продажѣ. Немудрено поэтому, что новое изданіе сочиненій Квитки является какъ великя болѣе кстати. Въ настоящій томъ вошли маленькие разсказы Квитки: «Олдацкій портретъ», «Маруся», «Мертвѣцкій великанъ», «Добре робы, добре и буде», «Копотаньска-видма», «Отъ теби и срабъ», «Кохарь-дивка», «Сердешна Оксана», «Пархимове синданія», «На пушанью—якъ завязано», «Перекаты поле», «Підбреҳач», «Божи диты», «Щыры любовъ», «Листы до любезныхъ земляковъ». Многочисленные почитатели Квитки ст удовольствиемъ встрѣтятъ это изданіе, которое имъ напомнитъ остроумаго рассказчика, наивнаго юморъ котораго и теперь еще не потерялъ своей свѣжести и прелести.

II. ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ. МЕДИЦИНА.

Курсъ электричества. Эрика Жерара. Пер. съ франц. Спб. 1893. Изд. Ф. В. Щепанского. Ц. за 2 т. 8 р.

Невѣроятный прогрессъ науки и техники электричества за послѣднее десятилѣtie породилъ обширную литературу по различнымъ вопросамъ, имѣющимъ теоретический или практический интересъ. Но техника шла впередъ гораздо быстрѣе теоріи, и съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе чувствовалась потребность въ объединеніи всего накопленнаго множества фактovъ, въ приложении господствующихъ теперЬ въ наукѣ взглядовъ на сущность электрическихъ явлений ко всевозможнымъ изобрѣтеніямъ электротехники.

Отсутствие серьезнаго научнаго руководства, въ которомъ нашло бы себѣ мѣсто теоретическое обоснованіе всѣхъ новѣвшихъ машинъ и приборовъ электрическихъ, особенно сильно давало себя чувствовать въ специальныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, подготавливающихъ техниковъ, которымъ придется иметь дѣло съ различными примѣненіями электричества. Этотъ крупный проблѣгъ воспроизведенъ теперЬ пре-восходнымъ курсомъ Жерара. Составленный первоначально для студентовъ основаннаго бельгійскимъ сенаторомъ Монтефiores при Лютыхскомъ университете электротехническаго института¹⁾, курсъ этотъ своими научными достоинствами обратилъ на себя всеобщее вниманіе. Въ теченіе двухъ лѣтъ онъ разошелся въ трехъ изданіяхъ. Въ настоящее время мы пытаемъ уже русскій переводъ его съ 3-го франц. изданія, сдѣланый Шателеномъ подъ редакціей А. П. Садовскаго.

¹⁾ Жераръ состоитъ преподавателемъ и директоромъ этого института.

Дѣт. I. Баасъ. Діэта при болѣзняхъ желудка и кишечка. Спб. 1894. Ц. 60 к.

Г. Баасъ неоднократно повторяетъ, что назначеніе различныхъ лекарствъ должно быть всецѣло предоставлено врачу. Почему именно онъ дѣлаетъ исключение для діэты и считаетъ возможнымъ предоставить самому больному назначеніе пищевого режима, нигдѣ въ книжкѣ не объяснено. Разъ авторъ придаетъ діэту такое важное значеніе въ дѣлѣ леченія желудочно-кишечныхъ болѣзней, ему не слѣдовало бы выпускать изъ рукъ врача такого важнаго средства, которое, при неправильномъ употребленіи, можетъ причинить больному непоправимый вредъ. Мы считаемъ, поэтому, своимъ долгомъ предостеречь читателей отъ увлечевія подобными популярными книжками по медицинѣ и указать на опасность, возникающую при неумѣломъ пользованіи сообщаемыми въ нихъ сѣдѣніями.

Издатель хорошо сдѣлалъ бы, если бы ограничился переводомъ общей части книжки Г. Бааса, въ которой изложены полезныя сѣдѣнія о строеніи и отправлениіи отдѣльныхъ органовъ пищеваренія, о причинахъ заболѣваній этихъ органовъ и методахъ, которыми слѣдуетъ поддерживать ихъ правильную и здоровую дѣятельность. Занимающую же цѣлую половину книжки специальную часть, содержащую описание отдѣльныхъ болѣзней и особыхъ средствъ леченія каждой изъ нихъ, можно было съ пользою для дѣла и читателей совершенно выбросить.

Первую главу — описание строенія желудочно-кишечного канала — слѣдовало бы пояснить рисункомъ его; безъ рисунка пониманіе текста для многихъ читателей представится затруднительнымъ, а самое чтеніе — утомительнымъ.

1) **Какъ высохла наша степь.** А. А. Измайлова. Полтава, 1893.

2) **К. Тимирязевъ. Земледѣліе и физиология растеній.** I. Борьба растенія съ засухою. М. 1893.

3) **И. Бараковъ.** О возможныхъ мѣрахъ борьбы съ засухами. Одесса, 1893.

4) **О борьбѣ съ засухами въ черноземной области посредствомъ обработки полей и накопленія на нихъ сѣнга.** И. Ко-стичева. Спб. 1893.

5) **Борьба съ засухами и обезпеченіе хорошихъ урожаевъ хлѣбовъ и травъ посредствомъ простыхъ работъ.** И. Янков-скаго. Спб. 1893.

Годовой 1892 г. породилъ обширную литературу, посвященную паслѣдованию и выясненію причинъ спынаго неурожая, пристигшаго всю юго восточную и южную Россію въ 1891 и 1892 гг. То именно обстоятельство, что бѣдствіе это поразило какъ разъ ту область Имперіи, которую богатѣйший черноземъ обеспечивалъ, каза-

лось, отъ недорода хлѣбовъ, заставило при-
задуматься какъ практиковъ — сельскихъ
хозяевъ, такъ и ученыхъ — агрономовъ и
ботаниковъ.

Перечисленныя выше брошюры состав-
ляютъ, конечно, малую часть тѣхъ работъ,
которыя появились въ неурожайный и слѣ-
довавшій за ними годы. Но они заслужи-
ваютъ особеннаго вниманія читателей, по-
тому что изложенія въ нихъ мнѣнія при-
надлежать извѣстнымъ специалистамъ въ
интересахъ сельского хозяйства — профессо-
рамъ Тимирязеву (ботаника), Костычеву и
Баракову (агрономія) и землевладѣльцамъ
Измайлскому и Янковскому. Всѣ упомянуты-
е авторы согласны въ томъ, что неурож-
ай 1891 и 1892 гг. обусловлены были
страшной, почти небывалой въ нашей
степи, засухою. Всѣ они также согласны
въ томъ, что причина засухъ и неурожаевъ,
поражающихъ черноземную степную Рос-
сию въ послѣдніе годы, лежитъ не въ измѣ-
неніи климата, какъ думаютъ многие сель-
ские хозяева, а въ тѣхъ крупныхъ измѣн-
еніяхъ, которыми подверглась южнорусская
степь по милости человѣка. Вырубивъ леса,
распахавъ склоны овраговъ, истощивъ почву
варварской обработкой, онъ подго-
товилъ тѣ неблагопріятныя метеорологиче-
скія и почвенные условия, которыя, соче-
тавшись вмѣстѣ, отняли у землевладѣльца
ожидавшій имъ урожай. Вѣрнѣе всего объ-
ясняетъ высыханіе степи г. Измайлскій,
когда говорить, что первый шагъ къ пре-
вращенію нашихъ южныхъ степей въ пу-
стыни сдѣланъ былъ тогда, когда хозяева
стали выжигать и вытаптывать первобыт-
ную гигантскую травяную растительность и
упичожили такимъ образомъ «тотъ тол-
стый войлокъ изъ отмершихъ раститель-
ныхъ остатковъ, который, какъ губка вса-
сывалъ воду и прекрасно защищалъ почву
отъ изсушающаго дѣйствія палящихъ солн-
ечныхъ лучей и неимовѣрной силы вѣ-
тровъ». Мѣры борьбы съ засухой, по мнѣнію
всѣхъ названныхъ авторовъ, должны
заключаться въ искусственномъ облѣсеніи
и обводненіи степи и «въ цѣломъ рядъ куль-
турныхъ мѣръ», осуществленіе которыхъ
зависитъ исключительно отъ самихъ сель-
скихъ хозяевъ. Главнѣйшей же и ближай-
шей задачей, какъ земства и правительства,
такъ и частныхъ лицъ, обществъ и учреж-
деній — должно быть щадительное, научно
организованное, изслѣдованіе всѣхъ условій
нашей сельско-хозяйственной промыш-
ленности и распространеніе добытыхъ та-
кихъ путемъ званій среди сельскихъ хо-
зяевъ. Особенный надежды возлагаетъ
г. Измайлскій на земство, которое, по его
мнѣнію, одно только и въ состояніи под-
нять это трудное дѣло.

Профессоръ Тимирязевъ въ своей, по
обыкновенію, талантливо и увлекательно
написанной брошюрѣ, доказываетъ, что луч-

шимъ учителемъ сельского хозяина можетъ
и должно быть само растеніе. Подражая въ
высшей степени остроумнымъ приспособ-
леніямъ, которыя выработали растенія для
борьбы съ засухой, онъ вѣрнѣе всего до-
стигнетъ своей цѣли: сократить расходъ
почвенной воды путемъ испаренія и обез-
печить достаточный приходъ воды въ почву.
Послѣдней цѣли должны служить, между
прочимъ, особые насосы, приводимые въ
движение силой вѣтра и солнечного нагрѣ-
вавшіи и качающіе воду изъ запруженныхъ
овраговъ на окрестныя поля.

Въ книжкѣ г. Янковской указанъ цѣлый
рядъ работъ, съ помощью которыхъ, по
его мнѣнію, можно задержать на поляхъ
снѣговая и дождевая вода, закрѣпить и
обѣспѣтъ овраги, задержать распространеніе
летучихъ песковъ (разведеніемъ на нихъ
пыли) и развести древесную растительность
(посадкою черенковъ и колѣвъ).

Въ брошюре профессора Костычева
сельский хозяинъ найдетъ очень полезныя
указанія о способахъ обработки разныхъ
видовъ пара и яровыхъ полей и о сред-
ствахъ обезпечить успѣхъ травосѣянія.

Наконецъ, изъ брошюры г. Баракова
читатель познакомится съ современнымъ
состояніемъ хозяйствъ Новороссіи и съ
доказательствами необходимости ввести въ
черноземной полосѣ плавное удобреніе и
правильный плодосѣмъ, а также улучшить
посѣвныя сѣмена путемъ щадительного от-
бора, очистки и сортировки ихъ.

Мы можемъ только пожелать, чтобы по-
являлось возможно больше наслѣдований,
подобныхъ тѣмъ, которыя мы цитировали,
и чтобы они нашли возможно большее
число читателей, въ интересахъ правиль-
ной оптики тѣхъ мѣръ, которыя въ нихъ
предполагаются.

Dr. Alexander Reyer. Неврозы ки-
шечника у неврастениковъ, пер. съ
нѣм. д-ръ А. Л. Менделсонъ. Спб. 1893.

Интересная брошюра Пейера посвящена
мало извѣстному и почти совершенно
неразработанному вопросу, требующему, однако,
серъезнаго вниманія врачей въ
виду все возрастающей нервности нашего
общества. Нельзя не пожелать дальнѣйшей
разработки этого вопроса, разработки, ко-
торая, быть можетъ, прольетъ свѣтъ на мно-
гие теперь еще темные факты и подастъ
надежду на избавленіе отъ многихъ страд-
аній, часто призываемыхъ неизлечимыми.

О холерѣ и какъ отъ нея убере-
гаться. Написалъ врачъ А. А. Сняткова.
Вологда. 1893.

Брошюра г. Сняткова рѣзко выдѣляется
изъ всей «холерной» литературы для на-
рода своей отрицательной стороной. Намъ
не приходилось еще встрѣтить книжки съ
большой претензией и вмѣстѣ съ тѣмъ не
имѣющей ни одного положительного каче-
ства. Рядъ источникъ и безтактныхъ вы-

раженій, грубая поддѣлка подъ выразительный народный языкъ и, наконецъ, совсѣмъ неудачные совѣты о самолеченіи—все это заставляетъ пожалѣть, что на трудное по-прище литературы выступаютъ лица, очевидно, не имѣющія къ нему никакихъ способностей.

Физиологическая психологія въ 14 лекціяхъ д-ра Чиена, пер. съ нѣм. подъ ред. проф. В. Ф. Чижса. Изд. Павленкова. 1893.

Въ этомъ сочиненіи Чигенъ идетъ прямо въ разрѣзъ съ господствующей въ настоящее время школой Вундта, который допускаетъ особую способность нашей души, называемую имъ *аппераціей*, приписывая этой способности верховное наблюдение и руководство надъ прочими психическими процессами. Выводы автора заслуживаютъ вниманія людей, интересующихся развитіемъ психологической науки.

Переводъ книги хороши. Встрѣчаются недосмотры и опечатки, иногда измѣняющія смыслъ, напр. «возражаетъ» вместо «возрастаетъ» (стр. 68). Цѣпа книги вполнѣ доступная для каждого (190 страницъ — 75 коп.).

Дѣйствие бани противъ заразы и подвижная дезинфиціонная камера-баня. Популярный очеркъ. Составилъ д-ръ В. В. Рудинъ. Рыбинскъ. 1893.

Способъ доказательствъ, практикуемый докторомъ Рудинымъ, заслуживаетъ безусловнаго портцанія. Авторъ хочетъ во что бы то ни стало доказать дешевизну изобрѣтенного имъ аппарата и прибѣгаетъ для этой цѣли прямо къ извращенію цифръ. Достаточно сказать, что онъ при своихъ вычисленихъ считаетъ за единицу тепла такое количество его, какое можетъ нагрѣть ведро воды на 100° (на самомъ дѣлѣ — килограммъ воды на 1°). Каждому бросается въ глаза произвольность такого изувѣрія, при которомъ стоимость отопленія выходитъ въ несколько сотъ разъ меньше, чѣмъ слѣдуетъ, а также изумительная смѣлость г. Рудина, рѣшающагося выступать съ такими дѣтски-наивными проектами и обращать на нихъ вниманіе земствъ и общественныхъ управлений.

Что нужнѣе гимнастика, спорть, игры или физический трудъ для физического образования. Составилъ д-ръ В. В. Рудинъ. Рыбинскъ. 1893.

Серьезный вопросъ въ изложеніи д-ра Рудина теряетъ свою серьезность. Для характеристики полемическихъ пріемовъ автора можно привести его заявленіе, что «гимнастика нѣмецкая, шведская и особенно анатомическая проф. Лесгракта очень скучны и тошны (sic) русскому человѣку, обладающему малымъ терпѣніемъ». Г. Рудинъ не подумалъ, что этотъ недостатокъ терпѣнія именно и зависитъ отъ недостаточной крѣпости мышечной и нервной системы, и

что цѣль физического образования и есть развитіе твердости и физической выносливости человѣка. Если г. Рудинъ позволяетъ себѣ такія выраженія о системѣ почтеннаго профессора, то какого же отзыва заслуживаетъ тотъ безсвязный наборъ пустяковъ, которымъ онъ счелъ возможнымъ заполнить страницы своей странной брошюры. Цѣна ея непозволительно дорогая: за 12 небольшихъ печатныхъ страницъ — 75 коп.

III. ОБЩЕСТВЕННЫЯ НАУКИ.

Путешествіе въ Америку. Изд. дневника Петра А-истова. Спб. 1893.

Безграмотно написанная книжонка, въ которой какой-то русскій купчикъ тянетъ на 162 страницахъ скучный и совсѣмъ неинтересный дневникъ, рассказывая о томъ, какъ онъ путешествовалъ по Америкѣ, не зная ни одного иностраннаго языка, и какъ впечатлѣніе онъ вынесъ изъ своего 32-дневнаго пребыванія въ Новомъ Свѣтѣ. Авторъ въ восторгѣ отъ своей храбрости, съ какой онъ пустился въ Америку безъ всякоаго знанія языковъ, и самъ онъ, видимо, удивленъ этимъ,—но еще болѣе надо удивляться его смѣлости, съ какой онъ рѣшился написать, напечатать и издать книжку, не имѣя ни малѣйшаго понятія о грамматикѣ своего роднаго языка и не умѣя грамотно выражаться на немъ.

Въ защиту нашихъ пернатыхъ друзей. Очеркъ И. Мелезинскоаго. Стр. 15. Ц. 20 к.

Авторъ указываетъ на вредъ, причиняемый сельскому хозяйству безоцѣнными разореніемъ птичьихъ гнѣздъ и истребленіемъ птенчиковъ крестьянскими дѣтьми. Онъ взыскиваетъ къ помощи вародныхъ учителей и сельского духовенства, которые должны разъяснять дѣтямъ неразумность и беззаконность такихъ поступковъ и воспитывать въ нихъ гуманное отношеніе къ пернатому царству. По примѣру германскихъ школъ, авторъ советуетъ учителямъ заводить въ русскихъ школахъ кормовые столики для кормленія птичекъ зернами и кусочками хлѣба, приносимыми изъ дома учениками. Въ доказательство возможности благотворнаго вліянія на дѣтей приведенъ примѣръ одного сельскаго учителя въ Малороссіи, который основывалъ среди своихъ учениковъ «товарищество покровительства птицамъ» и достигъ вскорѣ прекрасныхъ результатовъ.

Уставъ акціонерныхъ земельныхъ банковъ. съ разъясненіемъ вопросовъ, возникшихъ на практикѣ при его примѣненіи, со включеніемъ рѣшений Гражд. Кас. Д-та Прав. Сената. Спб. 1894 г.

Этотъ «уставъ» изданъ «комитетомъ сѣз-довъ представителей учрежденій русскаго поземельнаго кредита». Какъ и другія изданія «комитета», «уставъ» выдержалъ бы

строгую критику съ любой точки зрения. Конечно, иль неимѣются пробылы, напр. при ссылкахъ на уставъ о гербовомъ сборѣ, но въ общемъ «комитетъ» оказалъ большую услугу, какъ для практиковъ-юристовъ, такъ и для экономистовъ, желающихъ въ деталяхъ изучить технику земельного кредита въ Россіи. Для землевладельцевъ «уставъ» долженъ служить настольной книгой, какъ какъ они не знаютъ, куда падутъ, получая ссуды, а потомъ начинаютъ посыпать жалобы и ходатайства во всѣ мѣста и учрежденія.

Дементьевъ. Фабрика. Что она даетъ населенію и что она у него береть.

Добросовѣстное изслѣдованіе г. Дементьевы, имѣть не столько современное, сколько историческое значеніе и притомъ оно обнимаетъ всего несколько уѣздовъ Московской губерніи. Г. Дементьевъ обработалъ данные, собранныя въ 1884—85 гг. при санитарномъ описании фабрикъ Московской губерніи, а потому его изслѣдованіе, даже не обращая вниманія на ограниченность района, рисуетъ намъ положеніе рабочихъ не въ современномъ видѣ, а въ томъ, какъ оно сложилось къ началу 80-хъ годовъ. Работа г. Дементьевы, однако, даетъ довольно точную характеристику все усиливающимся заботамъ о пропагандѣ фабрикъ, какъ будто это процвѣтаніе фабрикъ есть цѣль сама по себѣ и одновзначуща съ «общественнымъ благосостояніемъ». Но никто (?) не задается вопросомъ, продолжаетъ г. Дементьевъ, какою же цѣною достигается такое кажущееся благосостояніе? Что выиграло населеніе, бросивъ свой домъ, свое убогое хозяйство, поставивъ себя въ полную зависимость отъ современной фабрики съ ея машинами? На этотъ вопросъ авторъ отвѣтываетъ кратко: «физическую и правственную гибель». Такое положеніе рабочаго люда на нашихъ фабрикахъ, г. Дементьевъ обрисовалъ въ деталяхъ при помощи богатаго цифрового матеріала. По каждому отдельному вопросу, какъ-то: о размѣрѣ заработка платы, о продолжительности рабочаго дня, о возрастѣ рабочихъ и т. д., авторъ собралъ массу статистическихъ данныхъ, при группировкѣ которыхъ онъ нерѣдко прибываетъ къ сравненіямъ съ данными иностранной статистики. Въ общемъ нельзя не признать работу г. Дементьевы цѣннымъ вкладомъ въ наше литературу по рабочему вопросу.

Микулинъ. Очерки изъ исторіи примѣненія закона 3-го июня 1888 г. о наймѣ рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ Владімірской губерніи. Владіміръ. 1893 г.

Очерки г. Микулина хотя и касаются только одной Владімірской губерніи, но протесты ~~и~~ обходы фабрикантовъ и борьба съ ними чиновъ фабричной инспекціи всюду восили довольно однообразный характеръ. Въ виду этого, книга г. Микулина,

до некоторой степени, пріобрѣтаетъ общее значеніе для вопроса о дѣятельности фабричныхъ инспекторовъ въ Россіи. Важное достоинство книги г. Микулина состоять въ томъ, что онъ не занимается передачей событий отъ себя, а приводить по каждому пункту подлинные документы, которые обрадуютъ не одного изъ будущихъ историковъ рабочаго вопроса въ Россіи.

Практическое руководство для судебнѣхъ слѣдователей. Т. I и II, вып. 1. Согласовано съ законами и распоряженіями по 1 июля 1891 г. Составилъ членъ Виленскаго окружного суда А. А. Соколовъ. Вильна. 1891 и 1893 г. Издание неофициальное.

Цѣль настоящаго руководства, по определенію автора—облегчить судебнѣмъ слѣдователямъ пользованіе, относящимся къ судебнѣй части законоположеніями и официальными разъясненіями послѣднѣхъ, находящимися въ решеніяхъ и циркулярныхъ указахъ Сената, въ распоряженіяхъ и инструкціяхъ министра юстиціи и, наконецъ, въ наказахъ окружныхъ судовъ. Къ первому тому руководства приложены три статьи того же автора: 1) о судебно-медицинской экспертизѣ, 2) о пререканіяхъ судебнѣхъ слѣдователей съ прокурорскимъ надзоромъ и 3) о дознаніи и розысѣ. Сенатскіе циркуляры и решения излагаются въ хронологическомъ порядкѣ съ 1866 г., что не затрудняетъ, во всякомъ случаѣ спровокъ, такъ какъ въ началѣ первой части имѣется подробный предметный указатель, а въ концѣ алфавитный предметный указатель ко всему первому тому вообще. Во II томѣ, въ первомъ выпуске его, излагаются основныя положенія судоустройства и учрежденія судебнѣхъ установлений.

Учебникъ права внутренняго управлениія. (Полицейского права). Особенная часть. Приватъ-доцента Новороссійскаго университета П. Шеймина. Вып. VI. Одесса. 1893.

Шестой выпускъ «Учебника права внутренняго управлениія» г. Шеймина посвященъ изложенію мѣръ полицейской безопасности. Особенно подробно авторъ останавливается на постановлѣніяхъ русскаго дѣйствующаго законодательства и его исторіи. Изложеніе курса можно назвать довольно хорошою, главный упрекъ, который слѣдуетъ сдѣлать автору—это то, что оно ограничивается, главнымъ образомъ, только изложеніемъ законовъ, не останавливаясь почти на причинахъ и условіяхъ ихъ возникновенія; также слишкомъ кратко и односторонне разобранъ вопросъ о защите общества отъ преступниковъ, заслуживающій гораздо большаго вниманія въ курсѣ полицейского права.

Г. фонъ-Шель. Самоубійство и современная цивилизациѣ. Международная библиотека. № 8. Одесса. 1893.

Въ своей коротенькой статьѣ г. Шель стремится доказать независимость увеличения или уменьшения числа самоубийств отъ современного состоянія цивилизаций, равнымъ образомъ онъ опровергаетъ и связь самоубийства съ душевными болѣзнями. Статья написана очень поверхностно, выводы автора не обосновываются достаточнымъ числомъ статистическихъ данныхъ и потому, естественно, не отличаются должной убѣдительностью и опредѣленностью, такъ какъ авторъ въ концѣ статьи значительно смягчаетъ свое первоначальное положеніе о независимости самоубийства отъ цивилизаций, говоря, «что если самоубийства и можно объяснить явленіями, присущими нашему времени, то все же неосновательно будетъ слишкомъ пугаться за нашу цивилизацию, связи которой съ распространениемъ самоубийствъ остается не доказанной и невыясненной». (Стр. 32).

Пятьдесятъ лѣтъ общественной дѣятельности въ Австралии. Генриха Паркса. Въ 2-хъ частяхъ, съ 2 портретами автора. Переводъ съ англійскаго В. Невѣдомскаго. Москва. 1894.

Записки Паркса, охватывающія пятидесятилѣтій періодъ его жизни съ 1839 по 1889 годъ, и посвященные описанію его общественной дѣятельности, какъ журналиста, члена парламента и министра Нового Южного Уэльса, содержать не мало интересныхъ сѣдѣній обѣ общественной жизни въ Австралии и характеристикъ выдающихся представителей австралийскаго и англійскаго общества. Изумительно быстрый ростъ австралийскихъ колоній, имѣвшихъ въ 1840 г. 19,792 жителей, а въ 1890 г.—3,787,894, успѣвшихъ пріобрѣсти въ пятьдесятъ лѣтъ почти полную независимость отъ метрополіи, свои парламенты и отвѣтственные министерства, живо описываются авторомъ, выразивъ однімъ изъ дѣятельнѣйшихъ участниковъ, боровшихся заблагосостояніе своего нового отечества. Наиболѣе интересны тѣ главы второй части, въ которыхъ излагается борьба австралийскихъ парламентскихъ партій и демократической движенія среди населенія колоній.

По поводу прошлаго векселя. Отвѣтъ на рецензію проф. Цитовича, составленную по поводу книги проф. Табашникова и озаглавленную «Къ исторіи векселя». Проф. И. Табашникова. Одесса. 1893.

Проф. Табашниковъ представилъ свою диссертацию «Прошлое векселя. Историко-юридическое изслѣдованіе» въ Кіевскій университетъ, въ которомъ рецензію этого труда была поручена проф. Цитовичу, отнесшему всьмы неблагосклонно къ автору. Г. Табашниковъ счелъ нужнымъ въ отвѣтъ на эту рецензію посвятить цѣлую статью, въ которой указываетъ на недостатокъ безпристрастія у рецензента.

Преувеличенія въ рецензіи г. Цитовича,

несомнѣнно, были весьма значительныя, но въ трудахъ г. Табашникова встречаются достаточно крупные промахи и недоразумѣнія. Вообще главная часть полемики сводится къ взаимнымъ пререканіямъ о слогѣ, не безукоризненному у обѣихъ сторонъ, и къ спору о роли церкви въ исторіи вѣка села, где опять-таки неправы и рецензентъ и авторъ.

Сборникъ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній. Труды юридического общества, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ университѣтѣ въ его статистическаго отдѣленія. Томъ 2-й. Спб. 1893.

Во второмъ томѣ трудовъ Московскаго юридического общества помѣщено 10 статей по различнымъ юридическимъ и экономическимъ вопросамъ, изъ которыхъ слѣдуетъ упомянуть о статьѣ г. М. М. Ковалевскаго «Первая постановка вопроса о всеобщемъ голосованіи» (стр. 13—43), въ которой разматриваются постановленія французскаго национального собрания объ организаціи выборовъ въ 1789 году.

Изъ экономическихъ статей выдѣляется въ сборникѣ небольшая статья Л. Н. Маресса «Неурожай 1891 года и вызванный имъ продовольственный кризисъ» (стр. 86—110) и С. П. Швецова «Формы общинного владѣнія на Алтай» (стр. 145—191).

Въ хроникѣ этого тома, кроме изложенія новыхъ уголовныхъ, экономическихъ и финансовыхъ законовъ, имѣется краткое обозрѣніе литературы по гражданскому праву и по экономическимъ вопросамъ. Въ концѣ, какъ и въ предыдущемъ томѣ, приложены протоколы Московскаго юридического общества. Въ цѣломъ второй томъ трудовъ по выбору по качеству статей несомнѣнно уступаетъ первому.

Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Императора Александра II. Выводы и заключенія. Н. И. Семенова. Спб. 1894.

Въ настоящее время общинное устройство крестьянского землевладѣнія служить предметомъ оживленнаго обсужденія въ печати, въ виду предполагаемыхъ реформъ по этому вопросу. Г. Семеновъ является однимъ изъ убѣждѣнныхъ и горячихъ защищниковъ общины, въ которой онъ видитъ лучший оплотъ отъ всѣхъ грядущихъ бѣдствій, угрожающихъ крестьянскому хозяйству, п. наоборотъ, крайнюю опасность во всякомъ колебаніи существующихъ въ настоящее время порядковъ. Авторъ доказываетъ, что община не представляетъ препятствій для введенія усовершенствованного сельскаго хозяйства и требуетъ только замѣны настоящаго душевого падѣла, причину частыхъ передѣловъ, составляющихъ одну изъ темныхъ сторонъ общиннаго хозяйства, тягловымъ.

Материалы по описанію промышленности Вятской губерніи. Изданіе Вят-

скаго губернскаго земства. Выпускъ V. Вятка. 1893 г.

Настоящее продолжение сборника по изслѣдованию кустарной промышленности Вятской губ., заключающее въ себѣ данные о бондарномъ, посудномъ, сапожномъ и металлическомъ промыслахъ, представляетъ большой интересъ какъ для специалистовъ и мѣстныхъ дѣятелей, такъ для самихъ кустарей, которые позь этой книги могутъ почерпнуть свѣдѣнія о развитіи промысла, указанія на лучшіе образцы извѣзлій и советы по дальнѣйшему усовершенствованію и по увеличению производительности ихъ заработка.

Сельскохозяйственный обзоръ по С.-Петербургской губерніи. 1893 г. Периодъ II. Лѣто и осень. Издание губернскаго земства. С.-Петербургъ 1893 г.

Это изданіе является трудомъ статистического отдѣленія, и выводы его основаны на сообщеніяхъ 276 корреспондентовъ, распределенныхъ равномѣрно по губерніи. Къ сборнику приложены восемь картограммъ, показывающихъ средніе урожаи по разнымъ волостямъ губерніи. Тщательная обработка свѣдѣній и своевременность ихъ опубликованія, дающая возможность пользоваться выводами для мѣтропріятій текущаго года, являются несомнѣнными достоинствами этого изданія.

И. И. Шостакъ. Начальное народное образование въ Ероловецкомъ земствѣ. Черниговъ. 1893 г.

Эта довольно объемистая (242 стр.) брошюра заключаетъ въ себѣ сводъ постановлений по народному образованію Ероловецкаго уѣздного земства Черниговской губерніи, а также иззначенія изъ отчетовъ управы и училищнаго совѣта, расположенные въ хронологическомъ порядке. Приведенные въ ней данные свидѣтельствуютъ о серьезнѣмъ прогрессѣ школьнаго дѣла въ уѣздѣ. Такъ, въ 1867 году въ немъ было всего 4 училища, на которыхъ земство расходовало 1000 р., а въ 1892 г. существовало уже 37 школъ съ годовымъ бюджетомъ въ 17,375 руб., такъ что за двадцатипятилѣтіе число училищъ возросло въ 9 разъ, и ежегодный расходъ земства и сельскихъ обществъ увеличился въ 17 разъ.

Отчетъ С.-Петербургской губернскаго земской управы за 1892 годъ. С.-Петербургъ. 1893 г.

Настоящій отчетъ отличается обычнью обстоятельностью, которая даетъ возможность судить объ относительной величинѣ и производительности расходовъ по разнымъ статьямъ. Общий годовой расходъ С.-Петербургскаго губернского земства составляетъ за 1892 годъ 914,599 р., въ томъ числѣ: по взаимному отъ огня страхованию 449,336 р. (около 50% всего годового расхода), по народному образованію 44,814 р. (5%), по ремонту дорогъ 44,102 р. (5%),

по содержанию управы 37,919 р. (4%), по народному здравію 24,993 р. (3%) и по народному продовольствію 13,561 р. (1%).

Материалы къ оценкѣ земель Нижегородской губерніи. Экономическая часть. Вып. XI. Семеновскій уѣздъ. Нижний-Новгородъ. 1893 г.

Настоящій объемистый сборникъ (464 стр., кроме приложений), составленный подъ руководствомъ завѣдывающаго статистическими отдѣленіемъ губернского земства Н. О. Аянскаго, содержитъ многочисленныя и разностороннія свѣдѣнія о территории, населеніи, землевладѣніи и цѣнности и доходности разнаго рода угодій Семеновскаго уѣзда. Къ сборнику приложена раскрашенная почвенная карта уѣзда, составленная на основаніи мѣстныхъ изслѣдований, известнаго почвовѣда Н. М. Сибирцева.

Сельскохозяйственный обзоръ Тверской губерніи за 1893 г. Издание губернскаго земства.

Тверское губернское земство только впервые въ 1893 г. приступило къ собранию свѣдѣній объ урожаяхъ чрезъ корреспондентовъ, и первый опытъ обзора, составленный подъ руководствомъ нового земского статистика г. Красноперова, нельзя не назвать вполнѣ удачнымъ. Число корреспондентовъ уже въ первый годъ достигло 717. Обзоръ въ обработанной форме даетъ общую характеристику посѣвовъ и урожаевъ губерніи, метеорологическихъ явлений, мѣстныхъ изследовательскихъ промысловъ и проч.

Доклады С.-Петербургской губернскаго земской управы собранію С.-Петербурга. 1894 г.

Сборникъ этотъ заключаетъ въ себѣ 64 доклада, изъ которыхъ значительная часть представляетъ общій интересъ. Къ этому разряду въ особенности относятся доклады обѣ отмѣнѣ выпускныхъ экзаменовъ для начальныхъ училищъ, обѣ обязательномъ страхованиі скота, о настоящемъ экономическомъ положеніи землемѣрческаго населенія губерніи и о мѣрахъ къ его подъему, о дѣятельности экономического совѣта и т. п.

IV. ДѢТСКІЯ КНИГИ.

Вакса и скрипка. Рассказъ А. Н. Ульянова. Съ рисунками В. М. Максимова. Издание М. М. Ледерле и К°. Сѣб. 1894. Ц 50 к., въ папкѣ 65 к.

Очень изящно, но, къ сожалѣнію, слишкомъ дорого изданій разсказъ г. Ульянова написанъ просто, ясно, на простую же и живую тему. Гдѣ-то, на Песочиной улицѣ, въ залулиѣ большого города, живутъ въ одной квартирѣ, занялъ въ ней углы, пѣско-льческіе разныя состоянія и занятія: чиновникъ на крошечной пенсии, скрипачъ, ходячій играть за гротескную плату, какой-то еще старичекъ, фірмую-

ицій въ своемъ углу ваксу и продающій ее за гропи. Авторъ вводить маленька читателя въ неизвѣдомую ему жизнь городской голытьбы и заставляетъ его полюбить отъ души этихъ бѣдняковъ, грубоватыхъ, но добрыхъ людей. Заканчивается разсказъ описаніемъ болѣзни, смерти и похоронъ одного изъ этихъ квартирантовъ. Но авторъ умѣло и тактично смягчилъ тяжелое впечатлѣніе, изобразивъ въ привлекательныхъ чертахъ заботливое, истинно-христіанское участіе, которое приняли остальные квартиранты въ своеимъ болѣзни, а затѣмъ умершемъ сожитель. Не будучи сентиментальнымъ, разсказъ, однако, трогательный и честно направляетъ мысли и чувства юныхъ читателей.

Игра въ солдаты. Издавае книгородавца А. Д. Ступина. Москва. Ц. 10 к.

Игра въ солдаты... Да, если она необходима, то руководство это (какъ пишетъ руководства!) можетъ быть дано дѣтямъ: составлено оно толково и, кажется (о, Марсъ, вразуми!) довольно полно. Но только вотъ вопросъ: нужно ли такое руководство дѣтямъ? По нашему — не нужно.

Превращенія. Разсказъ для дѣтей младшаго возраста, С. Дестунисъ, иллюстрированный 8-ю рисунками. Спб. 1894. Ц. 30 к.

Хоть и нехудожественная, но не лишенная смысла и остроумія сказка С. Дестуниса не можетъ иметь въ малѣйшаго литературнаго значенія, но маленькимъ дѣтямъ можетъ быть прочитана безъ вреда. Изложенія грамотно и гладко, она повѣствуетъ о ребенкѣ, который, недовольный своимъ положеніемъ, все превращался въ иной видъ, пока не убѣдился, наконецъ, что въ гостяхъ хорошо, а дома лучше, и, что другимъ хотѣ хорошо живется, но лишь при томъ условіи, если они сами своими трудами и своимъ умомъ достигли своего положенія. Превращенія идутъ въ сказкѣ довольно быстро одно за другимъ и не лишены разнообразія, такъ что книжка читается легко. Къ сожалѣнію, издана она неопрятно и стоить слишкомъ дорого; рисунки безобразны до смѣшного.

Книга былинъ. Сводъ избранныхъ образцовъ русской народной эпической поэзіи. Составилъ В. Ш. Авенариусъ. Издание 4-ое, книгородавца А. Д. Ступина. М. 1893. Ц. 1 р. 50 к.

Это — одна изъ лучшихъ книгъ въ нашей

литературѣ для юношѣй. (Дѣтямъ многое въ ней непонятно и необъяснимо, и доступна она можетъ быть только юношамъ, уже хорошо ознакомленнымъ съ отечественною исторіей, къ которой народный эпосъ является прекрасною, осмысливающею ее иллюстраціей). Авторъ отнесся къ своей задачѣ въ высшей степени добросовѣстно и умѣло. Надо было соединить и объединить множество вариантовъ, разбросанныхъ по разнымъ сборникамъ и представить иѣтъ связное и цѣльное, что г. Авенариусу и удалось на столько, на сколько это вообще возможно. Такимъ образомъ, сводъ его состоить изъ 4-хъ отдѣловъ: былины кievскіе (всего 24 былины); новгородскія (4 былины); былины новѣйшаго периода, т. е. историческая пѣсни о Москве и о казачествѣ (всего 8) и четыре безъмянныя разрозненные былины и пѣсни. Прочитавъ ихъ внимательно подрядъ и пользуясь обильными примѣчаніями и алфавитнымъ указателемъ собственныхъ пменъ и неупотребительныхъ нынѣ выражений, каждый юноша смѣло можетъ сказать, что онъ знаетъ русский богатырскій эпосъ.

Придаѣтъ красоту этому объемистому и притомъ недорогому сборнику обилие прекрасныхъ рисунковъ художниковъ Прохорова и Каразина. Только кажется намъ не совсѣмъ скромнымъ со стороны составителя то, что онъ въ концѣ книги приложилъ хвалебные отзывы печати объ его сборнике.

Кожаный чулокъ. Пять рассказовъ Фенимора Купера. Пересказъ О. Роговой. Съ 48-ми рисунками. 2-ое изд., А. Ф. Девреина. Спб. 1894. Ц. 2 р.

Хороший, увлекательный, сокращенный пересказъ пяти романовъ Фенимора Купера (*Зверобоя. Послѣдняя изъ могиканъ. Съльдона* и др.) навѣрно прочитается дѣтьми среднаго и старшаго возрастовъ съ большими удовольствіемъ и пользою. Въ особенности мальчики, любители чтенія, гдѣ описываются приключенія и опасности, насладятся этой книгою вдосталь: тутъ они найдутъ ихъ въ изоблѣпѣ. Но и пользу извлечутъ изъ нея. Постепеннымъ проникновеніе и расширение цивилизаций въ Америкѣ, изображеніе которыхъ занимаетъ въ книгѣ значительную часть, придаютъ ей характеръ исторической книги, знакомящей дѣтей съ правами, обычаями и прошлымъ народа.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Н. А. Добролюбовъ (Статья третья).

Философскіе взгляды Добролюбова.—Борьба съ наивнымъ сантиментализмомъ подъ видомъ борьбы съ идеализмомъ.—Ученіе о гармоническомъ развитіи человѣка.—Роль личности въ исторіи.—Внутреннія противорѣчія.—Мелкія критическія замѣтки Добролюбова.—«Очеркъ исторіи русской поэзіи» А. Милюкова.—Орестъ Миллеръ.—Статьи о Гончаровѣ, Островскомъ, Тургеневѣ и Достоевскомъ.—Характеристика «Свистка».—Первые шаги Конрада Липленшвагера.—Протестъ литераторовъ противъ «Иллюстраціи».—Диспутъ Погодина и Костомарова.—Эпизодъ съ Якушкинымъ.—Общіе выводы.—Заключеніе.

I.

Соберемъ изъ различныхъ случайныхъ и неслучайныхъ размышеній Добролюбова все то, что передаетъ намъ его общія философскія представления, его руководящіе принципы въ вопросахъ отвлеченного характера. Не предлагая статей по предметамъ теоретического знанія, Добролюбовъ тѣмъ не менѣе часто выражалъ различные взгляды, которые могутъ быть соединены въ одно цѣлое и представлены, какъ болѣе или менѣе систематической сводъ понятій, управлявшихъ всѣми его конкретными сужденіями въ каждомъ данномъ случаѣ. Статей и замѣтокъ, дающихъ материалъ для этой части нашей работы, немногого, и литературная обрисовка философскихъ идей Добролюбова, коренныхъ основъ того реализма, который открываетъ въ немъ г. Скабичевскій, выйдетъ по необходимости краткою и, быть можетъ, черезезчуръ сжатою по недостатку надлежащихъ данныхъ. Не обладая солидной научной подготовкой, увлекалась шумнымъ успѣхомъ естествознанія и реакциею противъ отвлеченной философіи, Добролюбовъ, дитя своего времени, постоянно назидаетъ разныхъ отсталыхъ людей, выступающихъ въ печати со своими устарѣвшими и окончательно сданными въ архивъ теоріями. Одинъ казанскій профессоръ издалъ сочиненіе, въ которомъ разбираются нѣкоторые физиологические и психологические вопросы не въ духѣ эпохи, съ оговорками противъ материализма и сенсуализма, — и вотъ Добролюбовъ читаетъ ему нотацію, которая вся проникнута самоувѣреннымъ настроениемъ торжествующаго

реализма. Казанскій профессоръ выражаетъ неудовольствіе по поводу того, что естественныя науки пошли по узкому, одностороннему пути, а Добролюбовъ, съ усмѣшкою бравады, намекаетъ почтенному ученому, что онъ отсталъ отъ науки, что «каждая странница его физиологически-психологического взгляда» доказываетъ устарѣлость его тенденцій, что онъ изучалъ свой предметъ «въ тѣ доисторическія времена, когда еще и Лавуазье не было» ¹⁾). Ему представляется, что новое направленіе науки должно быть «пуще ножа востраго» для людей, держащихся средневѣковыхъ понятій, ссылающихся въ своихъ произведеніяхъ на Бэкона, Сенеку и Цицерона вмѣсто новѣйшихъ изслѣдователей. Нынѣ, говоритъ критикъ, въ естественныхъ наукахъ усвоенъ положительный методъ. Нынѣ всѣ выводы науки основываются на опытныхъ, фактическихъ знаніяхъ, а не на «мечтательныхъ теоріяхъ, когда-то и кѣмъ-то составленныхъ наобумъ». Нынѣ не признаются старинные авторитеты. Нынѣ молодые люди, идущіе за вѣкомъ, не обинуясь, не только называютъ вздоромъ парадельсовскія мечтанія, но умѣютъ находить ошибки и заблужденія даже у Либиха. Нынѣ прогрессивное общество читаетъ Молешота, Дюбуа-Реймона и Фохта, «да и тѣмъ еще не вѣрить на слово, а старается прокѣрять и даже дополнять ихъ собственными соображеніями» ²⁾). Прежніе методы, прежніе взгляды, всѣ безъ исключенія, отвергнуты какъ никуда негодные. Люди, желающіе просвѣтить свой умъ, подходятъ къ самому источнику современного прогресса, ища руководства не у Платона, не у Окена, даже не у Шеллинга, а у наиболѣе смѣлыхъ и практическихъ учениковъ Гегеля. Казанскій профессоръ, вспоминающій Сенеку, протестующій противъ матеаріалистической тенденціи современной ему науки, отсталъ, сильно отсталъ отъ той передовой части общества, которую дѣятели «Современника» руководили не только на поприщѣ гражданственности, но и въ отвлеченныхъ сферахъ философіи. Глядя на этого профессора, который, живя въ провинціи, не услѣдилъ за новѣйшими естественно-историческими успѣхами и замѣштался на пути научныхъ изслѣдований, Добролюбовъ испытываетъ какое-то снисходительно жалостливое чувство: ему всегда грустно при видѣ итичекъ, запоздавшихъ въ отлетѣ, при видѣ воза, отставшаго отъ обоза и уныло подвигающагося среди пустынной дороги, при видѣ цыпленечка, который, заглядѣвшись по сторонамъ, не поспѣлъ вмѣстѣ съ другими за матерью и мечется какъ угрохѣлый, отыскивая ее тамъ, гдѣ теперь, увы, ужъ нѣть ея, нѣть ея ³⁾... Всѣ разсужденія этого ученаго Добролюбовъ называетъ «мистически-алхимическими», и утверждаетъ, что въ средніе вѣка они, быть можетъ, показались-бы кому-нибудь сколастическою премудростью, но нынѣ, во дни

¹⁾ Современникъ 1858 г. № 3. «Новые книги». Физиологическо-психологический сравнительный взглядъ на начало и конецъ жизни, стр. 31.

²⁾ ibidem, стр. 32.

³⁾ ibidem.

такого явного умственного прогресса, они могут быть сочтены только за балаганное фиглярство.

Обращаясь къ человѣку, Добролюбовъ упраздняетъ всѣ до него существовавшія философскія теоріи о его природѣ во имя «гармоніи и единства»¹⁾. Если въ древности Аристотелю было прилично разсуждать о матерії отдельно отъ души, то въ настоящее время надо, разъ навсегда, отказаться отъ безцѣльной діалектики на всякаго рода превыспреннія, никому ненужныхъ темъ—въ настоящее время, когда антропологія доказала съ полной ясностью, что всѣ наши усилия представить себѣ «отвлеченный духъ безъ материальныхъ свойствъ» всегда были и всегда останутся совершенно бесплодными, а наука объяснила, что всякая человѣческая дѣятельность замѣтна лишь на столько, на сколько она обнаруживается въ тѣлесныхъ, вѣщнихъ проявленіяхъ²⁾. Въ этомъ великая заслуга современного знанія. Оно отвергло схоластическое раздѣленіе человѣка и стало рассматривать его въполномъ, неразрывномъ его составѣ, тѣлесномъ и духовномъ. Наука «увидѣла въ душѣ именно ту силу, которая проникаетъ собою и одушевляетъ» весь тѣлесный организмъ. На основаніи новѣйшихъ данныхъ, добытыхъ опытнымъ путемъ, мы имѣемъ полное право сказать, что душа человѣческая не есть какой-нибудь «кусоочекъ тончайшей эфирной матерії», а вѣкоторая сила, соединенная съ тѣломъ не случайно, не вѣшнимъ образомъ, а прочно, внутреннею связью. Оставивъ всѣ пустыя стремленія «мечтательного идеализма», не задаваясь никакими праздными и непосильными цѣлями, мы легко поймемъ, каковъ долженъ быть истинно-нормальный человѣкъ, могущій стать полезнымъ гражданиномъ своей страны. Нормальный человѣкъ—это человѣкъ съ здоровымъ организмомъ. Мы любимъ красоту, ловкость, грацію, но въ этой любви часто выражается наше презрѣніе къ простымъ формамъ. Въ лицахъ намъ нравится мечтательное, заоблачное выраженіе, блѣдныи цвѣтъ. Въ строеніи тѣла мы восхищаемся тонкою талиею, «которую можно обхватить одной рукой», маденькими ручками и ножками. Искажая всѣ здравыя потребности, «ложный и бесплодный идеализмъ» мѣшаетъ намъ цѣнить по достоинству настоящую красоту—мускулистыя, сильно-развитыя руки и ноги. Извращая наши инстинкты и отвлекая насъ отъ здороваго и полезнаго труда на поприще реальныхъ интересовъ, онъ вноситъ порчу въ наши сужденія о самыхъ простыхъ предметахъ. Мы требуемъ отъ каждого, чтобъ онъ былъ героемъ добродѣтели. Мы «безусловно» осуждаемъ всякую ложь. Мы восхищаемся всѣми искусствами и утверждаемъ, что звуки музыки возбуждаютъ въ насъ что-то возвышенное, чистое, идеальное. Вотъ что значитъ носиться въ эмпиреяхъ и представлять въ ложномъ, хотя и заманчивомъ свѣтѣ то, что въ дѣй-

¹⁾ «Современникъ» 1858 г. № 5. Критика: *Органическое развитие человека въ связи съ его умственной и нравственной дѣятельностью*, стр. 1—30.

²⁾ ibidem, стр. 8.

ствительности не имѣть вовсе такого широкаго значенія. Наши восторженныя разсужденія объ искусствѣ скрываютъ въ себѣ «простое, пріятное удовлетвореніе слуха и глазъ», а краснорѣчивое расписываніе тонкихъ эстетическихъ ощущеній должно быть отнесено къ желанію «поидеальничать», обмануть себя и другихъ ничего не значущими словами. Убивая скучу въ легкихъ наслажденіяхъ красками и звуками, мы научаемся придавать нашимъ разговорамъ фальшивый колоритъ возвышенной поэзіи. Многіе ли способны цѣнить Шекспира и Рафаэля? Есть-ли смыслъ въ тѣхъ «розовыхъ цветахъ идеализма», которыми мы убираемъ «простую, весьма понятную склонность къ женщинѣ»? ¹⁾). Добролюбовъ съ раздражениемъ обрушивается на тѣхъ, которые поддерживаютъ въ обществѣ интересъ къ разнымъ идеалистическимъ запросамъ. Онъ бѣть ихъ насмѣшкою, укоряетъ ихъ за то, что они не умѣютъ двигаться по пути прогресса съ надлежащею силою, что они своими отступленіями и колебаніями задерживаютъ триумфальное шествіе отечественнаго просвѣщенія съ его высоко поднятымъ знаменемъ здраваго, всѣмъ доступнаго реализма. «Идеализмъ и материализмъ! восклицаетъ онъ. О, сколько условій для пріятнаго разговора соединяетъ въ себѣ эта прекрасная тема! Человѣкъ удаляется въ область чистой мысли, гдѣ ничто дѣйствительное не смущаетъ его — ничто, потому что самый материализмъ есть не болѣе, какъ милое отвлеченіе, въ родѣ хорошенъкої модели паровоза, на которой, конечно, нельзяѣѣхать, но для которой зато не нужно ни воды, ни дровъ, ни рабочихъ» ²⁾!. Наивные люди продолжаютъ писать о ничтожнѣйшихъ предметахъ съ важностью и глубокомыслѣемъ—продолжаютъ писать въ такое время, когда «антропология доказала», а «наука объяснила» и распространила во всеобщее свѣдѣніе, что «сила есть неизбѣжное свойство матеріи и что матерія существуетъ для нашего сознанія лишь въ той мѣрѣ, какъ обнаруживаются въ ней какія-нибудь силы». Пусть-бы толковали они объ идеализмѣ въ гостиныхъ, но оставили-бы въ покоѣ литературу! Пусть-бы они морочили своимъ отсталыми интересами и взглядами людей, праздно шатающіхся по пустыннымъ дорогамъ мистицизма и схоластики, но не мѣшали-бы прогрессирующему обществу идти своею дорогою въ такое время, когда катехизисъ настоящей, либеральной науки обнародованъ лучшими русскими публицистами.

Реализмъ въ наукѣ о человѣкѣ вообще и реализмъ въ наукѣ о человѣкѣ, какъ о соціальной единицѣ,—такова нехитрая философія писателей «Современника». Покончивъ съ «мечтательнымъ идеализмомъ», Добролюбовъ немногими фразами очерчиваетъ свое простое, здравое отношеніе къ сложнымъ вопросамъ исторического развитія государства и общества. По его категорически выраженому убѣждѣнію, человѣкъ не развивается

¹⁾ ibidem, стр. 13.

²⁾ «Современникъ» 1859 г. № 8. Русская литература. Сватовство Чепскаго или материализмъ и идеализмъ. О неизбѣжности идеализма въ материализмъ, стр. 262.

изъ себя никакихъ понятій: онъ получаетъ ихъ изъ вѣнчанаго міра ¹⁾. Во всемъ онъ видитъ полную зависимость человѣческой личности отъ виѣшнихъ силъ и обстоятельствъ. Съ большою злостью осуждаетъ онъ русскія историческія изслѣдованія, въ которыхъ постоянно выступаютъ какіе-то герои, совершающіе невѣроятные подвиги и перевороты неизвѣстно какими средствами. Русскіе ученые, говоритъ онъ, не хотятъ понять, что всякая историческая личность составляетъ не болѣе, какъ пскру, которая можетъ взорвать порохъ, но не можетъ воспламенить камней, что даже самый великий человѣкъничтоженъ предъ общимъ ходомъ исторіи,ничтоженъ и безсиленъ, если обстоятельства не благоприятствуютъ его культурнымъ и политическимъ замысламъ ²⁾). Исторические преобразователи сами находятся подъ вліяніемъ понятій и нравовъ того времени и того общества, на которое они хотятъ воздѣйствовать сплою своего генія, ибо «извѣстно всѣмъ и каждому, что человѣкъ не творить ничего нового, а только перерабатываетъ существующее». Въ реформахъ Петра Добролюбовъ не видитъ ничего наспильственнаго: многія изъ нихъ были вызваны дѣйствительными нуждами и стремленіями народа и вышли изъ историческихъ событій древне-русской жизни. Петръ Великій не внесъ чуждыхъ принциповъ въ тѣ элементы государственного устройства, которые можно было бы назвать основными, национальными. Всѣ историческія изслѣдованія, сдѣланныя подъ чисто государственнымъ угломъ зрѣнія, говоритъ Добролюбовъ, всегда окажутся чрезвычайно односторонними. Народныя массы—ихъ жизнь, ихъ понятія, ихъ стремленія — должны быть приняты во вниманіе прежде всего: въ народѣ есть такая сила на добро, какой положительно нѣтъ «въ томъ развращенномъ и полупомѣшанномъ обществѣ, которое имѣть претензію одного себя считать образованнѣмъ и годнымъ на что-нибудь дѣльное», въ народѣ заключается условіе всякаго историческаго успѣха, всякой живой реформы на пользу государства и общества ³⁾).

Вотъ все то немногое отвлеченно философское, которое можно найти въ статьяхъ Добролюбова рассматриваемой группы: наивное убѣжденіе, что современное естествознаніе разрѣшило всѣ вопросы мысли, твердая вѣра въ спасающую силу реализма, борьба противъ разныхъ сантиментальныхъ нелѣпостей подъ видомъ борьбы противъ «мечтательного и безплоднаго идеализма», пропаганда здороваго и трезваго отношенія къ различнымъ сторонамъ физической жизни, съ ея простыми и весьма понятными склонностями, подъ видомъ пропаганды гармоніи и единства, затѣмъ — взглядъ на человѣка, какъ на произведѣніе обстоятельствъ и среды, отрицаніе самостоятельной роли личности въ историческомъ раз-

¹⁾ «Современникъ», 1858 г. № 5. Критика, стр. 21.

²⁾ «Современникъ», 1858 г. № 2. Новые книги, Жизнь Магомета стр. 170, 174.

³⁾ «Современникъ», 1858 г. № 6. Критика: Первые годы царствованія Петра Великаго, стр. 144, 150. «Современникъ», 1858 г. № 7. Критика, стр. 1. «Современникъ» 1859 г. № 9. Современное обозрѣніе. О распространеніи трезвости въ Россіи, стр. 35.

витії человѣчества и подчеркнутое сочувствіе народнымъ массамъ пре-
мущественно передъ развращеннымъ, полупомѣшаннымъ обществомъ без-
сильной интелигенціи—таково то реалистическое міровоззрѣніе, которое,
по словамъ г. Скабичевскаго, можно найти въ каждой статьѣ Добролюбова.
Вчитываясь въ произведенія публициста «Современника», добросовѣстно
отдавая себѣ отчетъ во всемъ томъ, что онъ выражалъ иногда съ аплом-
бомъ, иногда съ язвительною усмѣшкой по адресу своихъ ретроградныхъ
журнальныхъ сотоварищѣй, трудно понять, какимъ образомъ этотъ сборъ
наивныхъ, безсодержательныхъ, хотя и задорныхъ фразъ могъ произ-
водить какое бы то ни было положительное впечатлѣніе на интеллигент-
ное русское общество. Вы видите человѣка, который не мыслилъ на чисто-
научныя темы, не обладалъ никакими опредѣленными знаніями ни въ
области философіи, ни въ области естественно-историческихъ изслѣдо-
ваній и который, тѣмъ не менѣе, докладываетъ вамъ, что всѣ метафи-
зическія ученія, во дни Чернышевскаго и его сподвижниковъ, должны
быть признаны пошлымъ, балаганнымъ фиглярствомъ. На замѣчаніе
казанскаго профессора касательно бессмертія человѣческой души Добролюбовъ
ехидно отвѣчаетъ, что между всѣми образованными людьми
«давно уже не существуетъ никакихъ сомнѣній» въ этомъ вопросѣ.
Всѣ полемическія возраженія противъ того односторонняго направ-
ленія, которое приняли естественные науки, онъ опровергаетъ голо-
словными ссылками на современный прогрессъ въ лицѣ Фохта и
Молешота. Въ сознаніи Добролюбова не возникаетъ даже мысли о томъ,
что естественные науки не только ничего не потеряли бы, но прямо
выиграли бы, вступивъ въ союзъ съ тою отвлеченою философіею, кото-
рую онѣ отвергали въ то время, какъ врага, только по недоразумѣнію,
по реакціонной ошибкѣ, не видя, что ея истинныя стремленія идутъ на
встрѣчу всякому знанію, какъ умозрительному, такъ и эксперименталь-
ному. Повторяя пустыя фразы, которыя носились въ мало-интеллигент-
ныхъ юношескихъ кругахъ русского общества, Добролюбовъ низводить
свою собственную мысль на степень случайной и ограниченной журналь-
ной программы, которую еще можно было плѣнить передовыхъ дѣятелей
тогдашней русской печати, но которую нельзя было сдѣлать ни одного
завоеванія ни въ области науки, ни въ области философіи, нельзя было
въ самомъ дѣлѣ подвинуть серьезныхъ людей по пути настоящаго умст-
венного развитія. Естественно-научный методъ не противорѣчить фило-
софскому, а служить ему. Опытъ и умозрѣніе не противоположныя сред-
ства для добыванія знаній, но средства, другъ друга дополняющія и
дополняющія такимъ образомъ, что опытъ никогда не можетъ выйти
изъ свѣтлой сферы отвлеченныхъ идей и построеній. Двигаясь отъ идей,
которыя составляютъ свѣтъ познанія, научное изученіе уже предпола-
гааетъ опредѣленную философскую точку зрѣнія. Всякій анализъ совер-
шается въ направленіи извѣстныхъ понятій и потому изслѣдованіе идей
и понятій, изслѣдованіе чисто философское, должно быть положено въ

основание каждой экспериментальной науки. Философия — это наука о тѣхъ идеяхъ, безъ которыхъ не можетъ обойтись никакое отчетливое знаніе, каковы бы ни былъ его предметъ, каковы бы ни были его методы. Элементъ сознанія долженъ быть принятъ въ разсчетъ при каждомъ научномъ изслѣдованіи, какъ внутренняя, творческая сила, отъ которой отправляется и къ которой возвращается анализъ всѣхъ конкретныхъ явлений. Такова тенденція идеализма, который Добролюбовъ смѣшивалъ съ игрою распущенаго, болѣзненнаго воображенія. Таково то воздействиѳ философіи на умы людей, которое казалось ему вреднымъ для русскаго прогресса. Добролюбовъ, убѣжденный въ правотѣ ходячихъ мнѣній, презрительно отшвыриваетъ отъ себя всѣ умозрительные вопросы и съ прямолинейностью реалиста, фрондирующаго противъ всякихъ эстетическихъ фантазій, противополагаетъ мускулистыя ноги и руки маленькимъ ручкамъ и ножкамъ, какъ единственно нормальную форму органическаго развитія. Добролюбовъ издѣвается надъ тѣми, которые восторгаются искусствами, убѣжденный въ томъ, что Шекспиръ и Рафаэль не могутъ вызвать въ образованныхъ людяхъ полнаго восхищенія — и при этомъ онъ опять-таки обстрѣливаетъ язвительными шутками тотъ мечтательный идеализмъ, съ которымъ онъ борется повсюду въ назиданіе либеральнymъ современникамъ. Ему представляется, будто кто-то обнаружилъ въ отвлеченномъ духѣ материальная свойства! Онъ увѣренъ, будто антропология доказала, а наука объяснила, что душа есть сила, которая проникаетъ матерію, не замѣчая при этомъ, что такая упрощенная постановка вопроса имѣеть уже черезъ-чуръ грубый, догматическій характеръ. Вотъ какими соображеніями Добролюбовъ, щеголяя въ котурнахъ прогресса, отстаиваетъ одинъ изъ главнѣйшихъ пунктовъ журнального реализма. Отсутствіе положительныхъ научныхъ свѣдѣній даетъ себя чувствовать на каждомъ шагу, незнакомство съ движениемъ философской мысли бывать въ глаза, а люди, пишущіе исторію русской литературы, не безъ восторга указываютъ на здравый характеръ его общаго теоретического мировоззрѣнія. Въ этихъ фразахъ Добролюбова, выставляемыхъ въ поученіе подростающимъ русскимъ поколѣніямъ, отсутствуетъ логическая дисциплина и, кроме рецензентской бойкости, не чувствуется ничего сильнаго, смѣлаго и оригинального, а ратоборцы отечественного просвѣщенія, съ благоговѣніемъ правовѣрныхъ учениковъ и преемниковъ, продолжаютъ и до сихъ поръ разрабатывать на страницахъ прогрессивныхъ журналовъ эти самыя безжизненные и сбивчивыя понятія, воздвигая на нихъ, какъ на непоколебимыхъ краеугольныхъ камняхъ, зданіе российскаго благополучія.

Не большею состоятельностью отличается и учение Добролюбова о гармоническомъ развитіи человѣка. Въ наивномъ убѣжденіи, что душа есть извѣстная сила матеріи, проникающая человѣческое тѣло, Добролюбовъ безъ затрудненій разрѣшаетъ одинъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ философскаго мышленія — вопросъ о соотношеніи матеріи и духа: надо

сдѣлать такъ, проповѣдуется онъ съ упорствомъ журнального педагога, чтобы физическая дѣятельность не шла въ разрѣзъ съ дѣятельностью умственнюю, чтобы обѣ стороны человѣческой жизни развивались съ равномѣрною силою, паралельно и согласно. Если духовное начало не имѣетъ никакихъ преимуществъ предъ началомъ материальнымъ, если, въ самомъ дѣлѣ, «антропология доказала», а «затѣмъ наука объяснила», что отвлеченный духъ обладаетъ материальными свойствами, то отсюда съ очевидностью слѣдуетъ, что всякая борьба съ физическими стремленіями и страстями, во имя разума и правственной свободы, всякое желаніе обратить наше тѣло въ орудіе для достижения высшихъ, идеальныхъ цѣлей— должны быть признаны не только бесполезными, но и вредными для гармонического развитія всего человѣка. Считая напрасными всѣ попытки провести опредѣленную черту между духовными и тѣлесными функциями, между первоначальными и производными силами жизни, Добролюбовъ не видитъ той естественной борьбы различныхъ началъ, которая совершается въ самомъ человѣкѣ и даетъ направление всему его развитію. Внутренняя драма, сообщающая такой возвышенный характеръ нашей духовной жизни, соперничество противоположныхъ стремленій, жажда физическихъ наслажденій, умѣряемая противодѣйствіемъ эстетическихъ и нравственныхъ понятій, движеніе и борьба свѣтлыхъ идей противъ темныхъ, пригибающихъ къ землѣ инстинктовъ — все это ускользаетъ отъ его вниманія. Задача человѣческаго развитія выступаетъ въ его статьяхъ въ самыхъ примитивныхъ выраженіяхъ: нужно блюсти физическое здоровье, во всякой болѣзни слѣдуетъ видѣть «нарушеніе правильнаго отношенія между частицами, входящими въ составъ нашего организма», нужно всѣми силами души оберегать себя отъ пустыхъ и бесплодныхъ философскихъ мечтаній. Не осуждайте ничего безусловно, не утверждайте, что Рафаэль и Шекспиръ вызываютъ въ душѣ вашей восторгъ, не убрайте розовыми цвѣтами идеализма простую, весьма понятную склонность къ женщинѣ... Добролюбовъ представляетъ себѣ гармонію между духовными и физическими стремленіями съ первобытною простотою. Дѣлѣ эти силы должны быть, по его соображеніямъ, приведены въ такое отношеніе, чтобы каждая изъ нихъ, такъ сказать, насыщалась въ достаточной мѣрѣ, пропорціонально ея потребностямъ. Пусть физическая стремленія будутъуважены, какъ естественные требования материальной части нашего существа, а стремленія духовныя, заключенные въ строго реалистическую рамку, пусть найдутъ себѣ подходящее поприще для такого развитія, которое принесло бы пользу данному порядку вещей въ данномъ обществѣ. Чуждый философскаго образованія, Добролюбовъ тѣшитъ себя словами о гармоніи тамъ, где нужно было бы говорить о подчиненіи разнообразныхъ силъ въ человѣкѣ высшимъ нравственнымъ принципамъ и идеаламъ. Онъ не видитъ, что физическая сторона въ жизни человѣческой не можетъ играть самостоятельной роли паралельно умственной, но должна служить ей въ тѣхъ цѣляхъ, которыхъ ставить

себѣ свободно развивающейся духъ человѣческій — и если-бы по поводу отрывочныхъ фразъ, въ которыхъ неѣть и слѣда философской критики, было прилично вооружаться настоящими научными доказательствами, пришлось бы сказать, что самое понятіе Добролюбова о тѣлѣ, о матеріи, о силѣ, не освѣщенніе научно-философскою теоріей познанія, лишено какой бы то ни было убѣдительности и значенія. Добролюбовъ хочетъ привести въ гармонію то, что въ его обрисовкѣ, если бы она была исполнена съ необходимыми подробностями, по строгому методу науки, должно и можетъ только противорѣчить другъ другу.

Пзъ двухъ разсмотрѣнныхъ посылокъ буржуазнаго ученія съ неизбѣжностью вытекаетъ взглядъ на человѣка, какъ на произведеніе обстоятельствъ и на историческую личность, какъ на простую выразительницу извѣстныхъ общественныхъ стремленій въ данную эпоху. Человѣкъ не развивается изъ себя никакихъ понятій, не творить ничего нового и, даже будучи великимъ, онъ всегда безсиленъ предъ общимъ ходомъ исторіи. Критикъ не задается вопросомъ, гдѣ же именно, если не въ самомъ человѣкѣ, разрабатываются научныя и философскія идеи? Не сравнивая между собою различныхъ періодовъ въ исторіи человѣчества, онъ не видитъ, что каждою эпохою вносятся въ сознаніе общества новые понятія, новые нравственные и умственные стремленія именно черезъ посредство людей съ талантомъ, съ оригинальнымъ умомъ, съ творческимъ вдохновенiemъ. Если геню не дано творить ничего самостоятельного, а дано только перерабатывать существующее, въ чемъ же заключаются тогда прогрессивные успѣхи людей на путі духовной и соціальной культуры? Если всякий человѣкъничтоженъ предъ общимъ ходомъ исторіи, зачѣмъ тогда бороться съ условіями жизни дѣятельною силою гражданскаго и нравственного протеста? Если обстоятельства всесильны, если творчество во всѣхъ сферахъ дѣятельности есть пустая химера, если развитіе общества совершается по внѣшнимъ, механическимъ законамъ, надо разъ на всегда отказаться отъ мысли агитировать во имя свободы и справедливости. Добролюбовъ не замѣчаетъ, что его соображенія вращаются въ заколдованнымъ, порочномъ кругѣ. Видя въ процессѣ исторіи одну только смѣну обстоятельствъ, отказывая человѣческой личности въ способности собственнымъ, индивидуальнымъ воздействиемъ совершать какія бы то ни было реформы въ общественномъ бытѣ, онъ постоянно взываетъ, тѣмъ не менѣе, къ политической инициативѣ отдѣльныхъ людей, не подозрѣвая, что между его философскими понятіями и практическими требованиями неѣть никакого логического согласія. Онъ не видитъ, что изъ принциповъ напивнаго реализма нельзѧ сдѣлать рѣшительно никакихъ радикальныхъ выводовъ. Играя громкими словами и краснорѣчивыми фразами, реализмъ по содержанію своему противорѣчить всякой смѣлой политической теоріи и, стремясь къ послѣдовательности, долженъ быть бы оказывать настоящее сопротивленіе революціоннымъ порывамъ людей, долженъ быть разъ на всегда отречься отъ всякихъ либеральныхъ пре-

тензій: только *свободному человѣку* нужна свобода гражданская, только силамъ, имѣющимъ способность развиваться по собственнымъ законамъ и такимъ образомъ приближать человѣка къ его высшему назначению, только нравственнымъ идеаламъ, свободнымъ отъ всякаго виѣшия гнета, можетъ быть нужна и должна быть дана возможность осуществляться въ конкретныхъ жизненныхъ фактахъ. Отрицая внутреннюю человѣческую свободу, реализмъ подкапывается подъ самый принципъ свободы вообще и, незамѣтно для себя, противъ своихъ собственныхъ практическихъ намѣреній, ведь людѣй къ духовному и политическому рабству. Для идеальныхъ стремлений человѣчества, выраженіемъ которыхъ всегда были всѣ историческія попытки европейской интеллигенціи создать для себя опредѣленныя соціальныя условія жизни, вводить справедливость и правду во всѣхъ областяхъ государственного существованія, нужны объясненія не грубо утилитарныя, не реалистически одностороннія, а объясненія философскія въ настоящемъ смыслѣ слова. При всѣхъ добрыхъ намѣреніяхъ Добролюбова, разсужденія его о человѣкѣ, обѣ исторической личности, обѣ отношеніи естественныхъ наукъ къ отвлеченному, метафизическому знанію, по самому характеру своему, должны были изсушать въ обществѣ всѣ живыя чувства, всѣ источники вдохновенія, всякую склонность къ безтрепетной борьбѣ за вѣчные идеалы человѣчества. Мертвя по своему содержанію, блещущія лишь поверхностными либерализмомъ университетскихъ коридоровъ, не выдержаныя въ своихъ собственныхъ предѣлахъ, не проникнутыя энтузіазмомъ глубоко мыслящей натуры, они не могли имѣть настоящаго, прочного, благотворнаго вліянія на ходъ вещей въ Россіи. Даже счастливая догадка Добролюбова, что народныя массы играютъ великую роль въ процессѣ исторического развитія человѣчества, превращается подъ перомъ его въ бездоказательную либеральную фразу, направленную противъ великихъ людей, ведущихъ эти массы къ великимъ цѣлямъ. Обезличивая историческихъ дѣятелей до степени простыхъ выразителей уже назрѣвшихъ въ обществѣ мыслей и такъ или иначе формулированныхъ потребностей, Добролюбовъ извращаетъ самое понятіе о духовномъ творчествѣ, вносящемъ живое движение въ инертную стихію народнаго существованія, пробуждающемъ въ народныхъ массахъ тѣ стремленія и сплы, которыя заложены въ ихъ природѣ, но могутъ подолгу оставаться въ полномъ спокойствіи безъ энергического призыва исторического героя. Добролюбовъ не видѣтъ, что даже жизнь этихъ массъ совершается вовсе не по вѣнчанимъ мѣханическимъ законамъ. Онъ не знаетъ настоящей цѣны смѣлой духовной пинціативы людей, умѣющихъ подходить къ народу со словами, прямо обращенными къ его внутреннимъ спящимъ силамъ, умѣющихъ поднимать общество на борьбу съ обстоятельствами вопреки обстоятельствамъ и въ самомъ центрѣ обстоятельствъ. Онъ не знаетъ краснорѣчивѣйшихъ фактovъ исторіи. Онъ не знаетъ, что на исторической аренѣ мечтатели и идеалисты, съ которыми дѣятели «Современника» борются всѣми возмож-

ными средствами — то патетическими нападками на ихъ «отсталыя» теории, то разнуданными шутками и вульгарнымъ хохотомъ «Свистка», были всегда самыми упорными защитниками народного блага, самыми смѣлыми, фанатическими провозвѣстниками свободы и справедливости.

II.

Въ рядѣ статей, написанныхъ Добролюбовымъ на чисто литературные темы и образующихъ третью категорію его журнальныхъ работъ, мы находимъ въ практическомъ примѣненіи тѣ общія философскія понятія, которыя мы только что изложили и оттѣнили необходимыми критическими замѣчаніями. Добролюбовъ не даетъ намъ никакихъ настоящихъ литературныхъ характеристикъ и, увлеченный публицистическою задачею, даже не прослѣживаетъ того направленія, которое приняло въ его время русское искусство, не открываетъ преемственной связи, соединяющей дѣятельность новыхъ и старыхъ писателей. Его разсужденія не выходить изъ узкой сферы однообразнаго резонерства о различныхъ вопросахъ текущей общественной жизни, его анализъ никогда не углубляется въ сюжетъ литературного произведенія, съ цѣлью открыть какія-нибудь общія психологическія начала, освѣтить опредѣленнымъ философскимъ понятіемъ сложные процессы человѣческаго творчества. Не научная по своемъ приемамъ и задачамъ, вся критическая работа Добролюбова, не смотря на талантливость изложенія, не смотря на мѣткость его холоднаго, безжалостнаго остроумія, не вносить ничего новаго, свѣжаго и оригинальнаго въ литературное сознаніе общества, не прибавляетъ ни единаго штриха къ тому, что было сказано о русскомъ искусстве въ лучшихъ статьяхъ Бѣлинскаго. Не считая своею обязанностью задаваться какими-бы то ни было отвлеченными вопросами, онъ все свое вниманіе сосредоточиваетъ на томъ, что могло-бы привести въ движение реальные интересы русского политического строя. Каждое болѣе или менѣе замѣтное событие въ области искусства онъ обсуживаетъ съ узко- utilitarной точки зрѣнія, очевидно полагая, что только такимъ путемъ писатель можетъ оказывать обществу существенную пользу. Не владѣя настоящими орудіями критики, не волнуясь любовью къ искусству, соприкасаясь съ поэзіей только стихотворнымъ даромъ фельетонной пересмѣшкі и карикатуры, Добролюбовъ не говорилъ и не умѣлъ говорить о художественномъ творчествѣ тѣми словами убѣженія и страсти, безъ которыхъ всѣ разсужденія о литературныхъ предметахъ мертвы и, въ смыслѣ критического разбора, лишены всякаго серьезнаго значенія даже для своего времени.

Нѣсколько статеекъ Добролюбова передаютъ намъ его реалистическую точку зрѣнія въ литературныхъ вопросахъ съ полной наглядностью. Разсматривая стихотворенія Полежаева, критикъ распространяется о значеніи обстоятельствъ въ жизни человѣка. Бѣлинскій, изучившій литературную судьбу этого замѣчательнаго дарованія, съ полной увѣренностью

сказалъ, что Полежаевъ былъ жертвою не судьбы, а другихъ, внутреннихъ обстоятельствъ. По убѣжденію Добролюбова, въ жизни Полежаева судьба играла самую главную роль. При другихъ обстоятельствахъ, при другой жизненной обстановкѣ этотъ энергический талантъ не погибъ бы жертвою неравной и бесплодной борьбы и непремѣнно пробился бы «сквозь кору житейскихъ дряговъ, общественныхъ несправедливостей и людскихъ предразсудковъ»¹⁾). Обозрѣвая «Губернскіе очерки» Щедрина, Добролюбовъ опять-таки заводить пространный разговоръ о силѣ соціальныхъ обстоятельствъ, съ которою не могутъ справиться талантливыя русскія натуры: всѣ ихъ провинности ложатся, по его словамъ, на отвѣтственность условій жизни. Люди новаго поколѣнія «окружены средою». Идеи времени не проходятъ въ жизнь отъ проповѣдѣй «печального воспитанія и всей окружающей среды». Молодое русское общество не даетъ настоящихъ протестантовъ, «по причинѣ неблагопріятныхъ обстоятельствъ»²⁾. Обрисовывая поэтическій характеръ Полонскаго, Добролюбовъ говоритъ: недовольный «окружающей дѣйствительностью», поэтъ выразилъ свой протестъ противъ нея тѣмъ, что создалъ себѣ особый міръ и населилъ его особыми существами³⁾). Въ статейкѣ, посвященной четырехъ-актной комедіи Алексея Потѣхина «Мишуръ», Добролюбовъ обращается къ писателямъ, совѣтуя имъ, чтобы они боролись съ обстоятельствами жизни «громкимъ крикомъ». «Кто знаетъ, замѣчаетъ онъ, можетъ быть, и добьется чего-нибудь. А если нѣть, такъ будьте увѣрены, что вслѣдъ за вами явится Илія Оесвитянинъ, носящій въ сердцѣ другого Бога, Бога правды и силы, и тогда, по его смѣлому, самоувѣренному воззванію, низойдетъ съ неба на землю огонь, поѣдающій зло, и, вслѣдъ за нимъ, благотворный дождь на засохшую почву»⁴⁾). Двѣ статейки, разматривающія стихотворныя и прозаическія произведенія Плещеева, представляютъ собою настоящій сводъ реалистическихъ соображеній, обращенныхъ къ русской общественности. Каковы должны быть обстоятельства жизни, воскликаетъ Добролюбовъ, когда они такъ необходимо, фатально, такъ безобразно сламываютъ самыя благородныя и сильныя натуры! Въ послѣдніе годы Пушкинъ съ грустью признавался, что въ сердцѣ его, смиренномъ бурями, настала лѣнь и тишина. Жестокая судьба побѣдила Лермонтова. Всесильная среда сокрушила такого здороваго и могучаго человѣка, какъ Кольцовъ. Плещеевъ... «Тяжело становится на душѣ, когда припомнишь исторію этихъ личностей. Зачѣмъ боролись и страдали бѣдные труженики? Зачѣмъ ихъ борьба была такъ бесплодна, и зачѣмъ эти тысячи и миллионы людей, окружавшихъ ихъ, такъ холодно, безучаstно смотрѣли на ихъ внутренняя страданія, такъ легко дали имъ пасть подъ

¹⁾ «Современникъ», 1857 г., № 9. Новыя книги, стр. 2.

²⁾ «Современникъ», 1857 г., № 12. Критика. «Губернскіе очерки», стр. 66, 67 и др.

³⁾ «Современникъ», 1859 г., № 7. Новыя книги. «Стихотворенія Я. П. Полонскаго», тран. 89.

⁴⁾ «Современникъ», 1858 г. № 8. Новыя книги. «Мишуръ», комед. въ 4 дѣйст. стр. 229.

гнетомъ судьбы?»¹⁾. Сила обстоятельствъ, съ удивительной тонкостью замѣчаетъ Добролюбовъ, не дала развититься въ Плещеевъ убѣжденіямъ, вполнѣ опредѣленнымъ, ровнымъ, цѣльнымъ. Среда заѣдаетъ человѣка— вотъ мотивъ для всякаго прогрессивнаго писателя, мотивъ хорошій, сильный, которымъ никто до сихъ поръ еще настоящимъ образомъ не воспользовался. «Школа заѣдающей среды» не дала еще вполнѣ художественныхъ разсказовъ именно потому, что она не сумѣла ярко и полно представить, какая сила заѣдаетъ русскаго человѣка, «почему именно его Ѣдятъ и зачѣмъ онъ позволяетъ себя Ѣсть»²⁾. Въ обличительныхъ произведеніяхъ современной литературы много недоговореннаго, нѣть всеобъемлющей правды, «заѣденная личность» изображена съ подходящею рельефностью, но среда, обстоятельства показаны въ слишкомъ туманныхъ, расплывающихся чертахъ. Въ нихъ исполненіе далеко илже идеи, которая могла-бы придать имъ жизненность. Желая ободрить русскихъ людей, готовыхъ выступить на борьбу съ пошлою дѣйствительностью, желая дать имъ нѣкоторую практическую философію, которая руководила-бы ими на жизненномъ пути, Добролюбовъ тутъ-же излагаетъ свои соображенія объ источникеъ всѣхъ нравственныхъ побужденій въ человѣкѣ. Прекрасными стремлениями, пишетъ онъ, мы признаемъ всѣ естественные, неиспорченныя стремления человѣческой природы. Уваженіе къ чужимъ правамъ, чувство гуманности и справедливости не являются слѣдствіями какихъ-нибудь возвышенныхъ идей — нѣть. Они продиктованы разсчетомъ и выводятся изъ расчета. Они выгодны для человѣка. Тѣ стремления и понятія, которыхъ обыкновенно выставляются въ романахъ, какъ что-то особенное, высшее, поднимающее людей надъ уровнемъ обыкновенной толпы, въ сущности чрезвычайно просты и естественны. Каждый хочетъ, чтобы никто не стѣснялъ его, чтобы ему была предоставлена возможность пользоваться «личными, неотъемлемыми средствами и безмездными, никому не принадлежащими, благами природы». Каждому понятно, что, ища свободы и независимости, не слѣдуетъ посягать на права другихъ, не слѣдуетъ вредить чужой дѣятельности. «Это самый простой законъ, по которому птица не старается свить гнѣздо именно на томъ мѣстѣ, где уже вьеть гнѣздо другая птица, стадо барановъ спокойно раздѣляетъ между собою лугъ, где пасется»³⁾. Всѣ высшія чувства, всѣ проявленія человѣческой ненависти къ деспотизму и рабству ничемъ не отличаются отъ простыхъ и естественныхъ желаній «пить,

¹⁾ «Современникъ», 1858 г., № 10. Библіографія. «Стихотворенія А. Н. Плещеева», страница 189.

²⁾ «Современникъ», 1860 г. № 7. Благопамѣренность и дѣятельность. Повѣсти и рассказы А. Плещеева, стр. 45. Слова: «зачѣмъ онъ позволяетъ себя Ѣсть» вставлены въ полное собраніе сочиненій Добролюбова, т. III, стр. 315; въ «Современникѣ» они отсутствуютъ.

³⁾ «Современникъ», 1860 г., № 7. Русская литература, стр. 48.

ѣсть, любить женщину»¹⁾). Мы не требуемъ героизма, заявляетъ Добролюбовъ, намъ теперь не нужны люди съ хорошими мечтами. Для искорененія общественныхъ неправдъ требуется не «слово убѣжденія», а «практическое пособіе». Прочь младенческія мечтанія, несбыточныя надежды и вѣрованія! Перестанемъ быть «платоническими любовниками» либерализма!.. Рядомъ съ этими монотонными, сбивчивыми, на тысячу ладовъ повторяющимися разсужденіями о заѣдающей средѣ, объ обстоятельствахъ, о бесплодности теоретическихъ споровъ, о необходимости немедленныхъ, практическихъ пособій, постоянно выступаетъ въ бодрыхъ выраженіяхъ, оттѣненныхъ веселою ироніей, отрицательная тенденція Добролюбова по отношенію къ искусству, къ эстетикѣ, къ «безплодному и мечтательному идеализму». Кое-гдѣ блеснетъ отдѣльное критическое замѣчаніе, обличающее поэтический вкусъ и чутье къ красотѣ, тонкую впечатлительность къ недостаткамъ художественной формы, иѣкоторый интересъ къ психологическому содержанію разбираемыхъ произведеній—блеснетъ и тутъ-же затеряется въ цѣлой грудѣ фразъ публицистического содержанія, не идущихъ къ дѣлу, ничего рѣшительно не выясняющихъ въ тѣхъ литературныхъ предметахъ, которые подлежали разбору. Иногда Добролюбовъ увлекается художественнымъ матеріаломъ и, довѣряясь эстетическому инстинкту, выводитъ свою мысль изъ тѣснаго круга гражданскаго резонерства—и тогда въ его рецензіяхъ пробивается сила настоящаго критического дарованія. Его сужденія о Ростопчиной, Жадовской, о Подолинскомъ, о Бенедиктовѣ, иѣкоторая его замѣчанія о стихахъ Полонскаго, брошенныя почти небрежно, случайно, сатирическая оцѣнка, сдѣланная стихамъ Бѣшненцова, Розенгейма, фонъ Лизандера и другихъ—отличаются большою мѣткостью и выражены съ тою простотою сжатаго и не яркаго стиля, которая составляетъ отличительную, превосходную особенность всѣхъ его лучшихъ статей и замѣтокъ. Никто не умѣлъ лучше, чѣмъ онъ, открыть недостатокъ въ стихѣ, разоблачить пустоту и ничтожество напыщенной риторики. Никто не могъ поравняться съ нимъ остротою насмѣшки, облеченнай самыми невинными выраженіями и иѣсколькими словами создающей въ читателѣ опредѣленное, желанное отношеніе къ данному предмету. Небольшая замѣтка о стихахъ Жадовской свѣтится какою-то внутренней красотою, въ которой отразилась безпорывная, прямая и, въ сущности, скорбная натура Добролюбова. Въ отдѣльныхъ строкахъ библиографической статейки обѣ изящномъ лирическомъ талантѣ Полонскаго чувствуется какая-то тихая, задавленная любовь къ природѣ, къ фантастическому элементу въ поэзіи. Но нигдѣ отрывочныхъ и летучія замѣчанія Добролюбова не соединяются въ опредѣленную систему. Общее содержаніе его критическихъ замѣтокъ имѣеть публицистический характеръ. Всѣ открытыя сужденія его о поэзіи, обѣ искусствѣ, о величайшихъ представителяхъ

¹⁾ Ibidem, стр. 49.

русского творчества лишены настоящей критической силы, спивчивы и несостоительны по своему философскому содержанию.

Въ довольно пространной статьѣ о книжкѣ А. Милюкова: «Очеркъ исторіи русской поэзіи» мы находимъ въ сгущенномъ видѣ основные взгляды Добролюбова на литературу вообще и на все прошедшее русской литературы въ частности. Слѣдя за Милюковымъ, Добролюбовъ вырисовываетъ свою собственную точку зрѣнія на задачу русского искусства, кое въ чёмъ дополняетъ его мысли, въ общемъ оставаясь по-всюду вѣрнымъ его историческому методу. Милюковъ хотѣлъ показать, выражаясь его собственными словами, ходъ и значеніе идей, проявлявшихся въ древней и новой русской поэзіи. Вся русская поэзія, говоритъ онъ, представляеть двѣ совершенно отдѣльныя картины: въ одной мы видимъ «неподвижно бѣдныя идеи», грубую фантазію, медленный упадокъ умственной жизни народа, въ другой — кипучую дѣятельность быстро развивающагося общества, воспрянувшаго послѣ вѣкового отчужденія. Новая русская поэзія приняла съ самаго начала двоякое направление — подражательное и самобытное. Направленіе подражательное познакомило и сблизило Россію съ европейскими идеями. Направленіе самобытное имѣло еще болыше значение для развитія общества. Выразившись въ формѣ сатиры, оно постоянно боролось съ осадками старого, до-Петровскаго варварства и съ тѣмъ наростомъ «должно понятыхъ началь европейской цивилизациі, какой необходимо долженъ быть возникнуть отъ пламенной жажды къ сближенію съ европейскою жизнью». Въ лицѣ Кантемира, сатира, чуждая художественности, не оригинальная по формѣ, выразила совершенно опредѣленную общественную потребность, преслѣдуя враговъ образованія, начатаго Петромъ Великимъ. Подъ первомъ Фонть-Визина и Грибоѣдова она напала на тѣхъ, которые удовлетворялись однѣми наружными формами европейской культуры. Въ поэзіи Державина она превратилась въ грозный бичъ, безпощадно казнившій обычай и нравы предшествовавшаго поколѣнія. Въ картинахъ Пушкина и Лермонтова она представила «мелочь свѣтскихъ приличій», пустоту общественной жизни, холодное равнодушіе толпы къ свѣтлымъ идеямъ преобразованія. Наконецъ, въ созданіяхъ Гоголя она явилась высоко-художественною картиной русскихъ нравовъ, вѣрнымъ зеркаломъ недостатковъ и потребностей общества. «Какое великколѣпное зрѣлище представляетъ этотъ быстрый ходъ идей просвѣщенія и борьба ея съ массою грубаго ослѣпленія, плода вѣковой неподвижности!» — восклицаетъ Милюковъ. Но русская поэзія, выражая только внутреннюю борьбу общественныхъ элементовъ, не имѣла и не могла имѣть до сихъ поръ значенія общечеловѣческаго. Гениальные русскіе поэты были великими представителями только *своего* общества. Даже Пушкинъ не всемирный поэтъ. Онъ занимаетъ въ русской литературѣ такое же мѣсто, какое занимаетъ Тегнеръ и Элеиншлегерь въ литературѣ шведской и датской. Онъ даже не можетъ быть названъ полнымъ представителемъ идей своего отечества. Истинно

великъ онъ только, какъ художникъ... Но приближается часъ, когда русское общество, «одухотворясь идеями просвѣщенія и цивилизациі», начнетъ жизнь общеловѣческую, и тогда русская поэзія станетъ приносить богатые вклады «въ общую сокровищницу искусства». Россія — въ будущемъ¹⁾.

Разбирая эту книжку Милюкова, Добролюбовъ обозрѣваетъ движение идей въ произведеніяхъ русского искусства. Осмысляя разныхъ книжныхъ теоретиковъ, которые готовы думать, что литература заправляетъ исторіей, что она измѣняетъ государства, передѣлываетъ нравы и народный характеръ, онъ съ увѣренностью провозглашаетъ, что поэзія, искусства, науки слагаются *по жизни*, подчиняются жизни. Начиная съ Платона, пишетъ онъ, книжники возстаютъ противъ реализма, увѣряя, что только идеи могутъ имѣть настоящую дѣйствительность. Но пора освободиться отъ опеки идеологовъ. Пора бросить всѣ платоническія мечтанія. Пора понять, «что хлѣбъ не есть пустой значекъ, отраженіе высшей отвлеченной идеи жизненной силы, а просто хлѣбъ, объектъ, который можно съѣсть». ²⁾ Пора уразумѣть, что литература можетъ быть только служительницею общества на поприщѣ его реальныхъ интересовъ. Въ противоположность Милюкову, Добролюбовъ утверждаетъ, что въ русскомъ народѣ издревле хранилось много силъ для обширной и полезной дѣятельности. Но не имѣя возможности развиваться свободно, на полномъ просторѣ, народная жизнь съуживалась все болѣе и болѣе, а съ нею терялась, слабѣла и глохла народная поэзія. Росла и укрѣплялась только книжная словесность. Ломоносовъ много сдѣлалъ для успѣховъ науки, но «въ отношеніи къ общественному значенію литературы онъ не сдѣлалъ ничего»: его поэзія не шагнула дальше дидактическаго нравоученія и напыщенаго прославленія бранныхъ подвиговъ. Дѣйствительной жизни онъ не зналъ. О затрудненіяхъ мужика, у котораго пала послѣдняя лошадь, онъ не считалъ возможнымъ говорить высокимъ слогомъ. Сумароковъ возставалъ противъ невѣжества, дворянской спеси, противъ взяточничества, но въ то же время сочинялъ трагедіи, въ которыхъ «герои вѣщали нелѣпѣйшія безсмыслицы». Произведенія Державина носятъ отпечатокъ отвлеченной, мертвой сколастики. Карамзинъ преподавалъ разныя высокія идеи, сидя «въ изящномъ креслѣ, въ комнатѣ, убранной со всѣми прихотями достатка» ³⁾. Жуковскій, поклонникъ и послѣдователь Карамзина, предавался поэтическимъ мечтаніямъ, стремился къ чечу-то невѣдомому, заоблачному, туманному. Пушкинъ въ своей поэтической дѣятельности первый представилъ, не компрометируя искусства, настоящую русскую жизнь — и въ этомъ заключается его величое историческое зна-

¹⁾ А. Милюковъ. «Очеркъ исторіи русской поэзіи» II изданіе. Спб. 1858 г., стр. 218—224 и стр. 177—178.

²⁾ «Современникъ» 1858 г., № 2. Критика. «О степени участія народности въ развитіи русской литературы», стр. 117.

³⁾ «Современникъ» 1858 г., № 2. Критика, стр. 150.

ченіе. Но реальныя стремленія выразились въ Пушкинѣ «не съ тою широтою взгляда, какой можно было ожидать отъ его художественной личности». Въ немъ проглядываютъ опрятность Карамзина, мечтательность Жуковскаго и эпикуреизмъ Батюшкова, съ примѣсью вліянія Байрона, котораго Пушкинъ не понялъ и не могъ понять ¹⁾). При всей громадности таланта, Пушкинъ только завершилъ собою «художественный, младенчески беззаботный и граціозно-ребяческій періодъ русской поэзіи ²⁾). Натура неглубокая, увлекающаяся встрѣчными впечатлѣніями, онъ съумѣлъ овладѣть только формой русской народности, но не существомъ ея. «Недостатокъ прочного, глубокаго образованія мѣшалъ ему сознать прямо и ясно, къ чему стремиться, чего искать, во имя чего приступить къ решенію общественныхъ вопросовъ»... Явился Гоголь. Изобразивъ всю пошлость современного общества, онъ вдругъ, ужаснувшись результатовъ, захотѣлъ представить идеалы, «которыхъ нигдѣ не могъ найти». Не будучи въ состояніи «шагнуть черезъ Пушкина до Державина, Гоголь шагнулъ назадъ до Карамзина». Онъ тоже не понялъ тайны русской народности. «Онъ перемѣшалъ хаосъ современного общества, кое-какъ изнашивающаго лохмотья взятой взаймы цивилизаціи, състройностью простой, чисто народной жизни, мало испорченной чуждыми вліяніями и еще способной къ обновленію на началахъ правды и здраваго смысла ³⁾).

Подводя итоги всѣмъ этимъ разсужденіямъ, Добролюбовъ говоритъ: наша литература до сихъ поръ почти никогда не выполняла своего назначения—служить выражениемъ народной жизни, народныхъ стремленій. Ближе къ этому идеалу стояли Лермонтовъ и Кольцовъ, но ихъ поэтическая работа оборвалась рано, не дойдя до конца. Только отъ нынѣшняго направленія можно ожидать чего-нибудь хорошаго. Только нынѣшніе дѣятели начинаютъ явно стыдиться своего незнакомства съ народомъ и своей отсталости во всѣхъ современныхъ вопросахъ ⁴⁾.

Клижка Милюкова написана съ талантомъ, но материалы русской поэзіи не разработаны въ ней съ достаточной полнотой. Это летучія разсужденія, нигдѣ не принимающія характера настоящаго исторического изслѣдованія. Искусственно отрѣзываютъ интеллигенцію отъ прочаго міра, представляя новую русскую поэзію совершенно отдѣльною картиною развитія, чѣмъ-то вполнѣ самостоятельнымъ, ни въ чемъ не соприкасающимся съ понятіями и идеалами русскихъ массъ, Милюковъ не передаетъ намъ важнѣйшихъ свойствъ русской литературы. Можно подумать, что настоящее творчество совершенно отсутствуетъ въ произведеніяхъ русского искусства — творчество съ безотчетными порывами, съ вдохновен-

1) «Современникъ» 1858 № 2, Критика, стр. 154.

2) Сочиненія Добролюбова, т. II. Переپѣвы. Стихотворенія обличительного поэта, стр. 332.

3) «Современникъ» 1858 г., № 2. Критика, стр. 157.

4) ibidem, стр. 166.

ніемъ, стремящимся дальше ограниченной и узкой современности. За вѣшними признаками подражанія Милюковъ не видитъ самородного ключа новой русской поэзіи: народности въ лучшемъ смыслѣ этого слова, типическихъ особенностей русского творчества съ его малой, по выражению Гоголя, привязанностью къ жизни и огромной привязанностью къ какому-то безграничному разгулу, съ его неудержимымъ стремлениемъ унести куда-то вмѣстѣ съ звуками заунывой русской пѣсни. Изобилуя роскошными красками, образцами тончайшаго артистического искусства, русская поэзія народна по своему типу, по общему характеру своихъ идеальныхъ стремлений, и въ этой ея народности — внутренняя, духовная связь ея съ другими европейскими литературами. Произведенія Пушкина — первое истинно-художественное воплощеніе цѣлаго национальнаго міровоззрѣнія. Въ законченномъ искусствѣ этого русского великана мысль и форма слились въ одно нераздѣльное цѣлое, и даже вѣшняя красота его упругаго, смѣлаго стиха служить только чувственнымъ выраженіемъ красоты внутренней, духовной. Выше Пушкина русское искусство до сихъ поръ еще не поднималось. Человѣкъ съ глубокими настроеніями, съ умомъ могучимъ, геніальнымъ, ясновидящимъ, Пушкинъ перелилъ въ свои пѣсни тоску русского народа, со всею ширью удалого национальнаго размаха, со всѣмъ великолѣпіемъ роднаго пейзажа — съ его далекими, то поднимающими, то угнетающими духъ горизонтами.

Улучшая нѣкоторыя частности въ разсужденіяхъ Милюкова, Добролюбовъ ни въ чёмъ не идетъ дальше ординарныхъ взглядовъ толпы на задачу литературы и не даетъ ни одной вѣрной и полной характеристики прошедшихъ дѣятелей русской печати. Провозглашавъ, что поэзія, искусства, науки слагаются и должны слагаться по жизни, онъ на самую жизнь смотрить, какъ на нѣчто, стоящее виѣ человѣческой мысли и управляющее всѣми, даже внутренними нашими стремлѣніями по своимъ собственнымъ законамъ. Вѣрный реалистическому принципу, о которомъ мы говорили выше, онъ не признаетъ за литературою способности къ творческой ініціативѣ въ области идей, приводящихъ въ движение духовныя и нравственныя силы людей. Во всѣхъ его размышленіяхъ на эту тему господствуетъ грубая, утилитарная точка зрѣнія, приникающая искусство до степени повседневнаго публицистического орудія для борьбы съ обстоятельствами даннаго исторического момента. Добролюбовъ ни на минуту не задумывается надъ тѣмъ, что художественной литературѣ даны свои средства дѣйствовать на исторической ходѣ вещей. Ему представляется, что поэзія только тогда служитъ обществу, когда она, проникшись опредѣленною политическою тенденціею, возбуждаетъ въ немъ радикальные чувства и настроенія. Дѣло ясно: отвлеченные идеи никому не нужны, всѣ мечтанія бесплодны. Пора освободиться отъ опеки идеалоговъ! Пора понять, что хлѣбъ не есть пустой значекъ, а нѣкоторый объекѣтъ, который можно съѣсть! Его характеристика русской поэзіи въ ея лучшихъ представителяхъ поверхности и по формѣ, и по содержанію. Нельзя огра-

ничиваться голословнымъ заявлениемъ, что вся прошедшая литература не выполняла своего назначения и не служила выражениемъ народной жизни. Нельзя съ такимъ сравнительно малымъ образованiemъ, какимъ обладалъ Добролюбовъ, съ серьезнымъ видомъ уличать Пушкина въ недостаткѣ умственного просвѣщенія и, не зная Байрона, повторять бездоказательныя слова Милюкова, что Пушкинъ не понималъ великаго англійскаго поэта—Пушкинъ, который зналъ до тонкости и цѣнилъ съ рѣдкимъ критическимъ талантомъ важнѣйшихъ дѣятелей европейской литературы. Нельзя съ видомъ убѣжденія утверждать, что Пушкинъ завершился «ребяческій періодъ русской поэзіи». Какъ отнесся Добролюбовъ къ Гоголю? Гоголь не показывалъ тайны русской народности! Гоголь шагнулъ назадъ до Карамзина! Онъ «перемѣшалъ хаосъ современного общества състройностью простой, чисто народной жизни». Онъ захотѣлъ представить идеалы, которыхъ нигдѣ не могъ найти. Пушкинъ подъ конецъ жизни обнаружилъ какуюто «боязливую попечительность о соблюдении нравственности», Гоголь обнародовалъ свою «Переписку съ друзьями», представляющую хороший материалъ для веселой пародіи... ¹⁾.

Вопросы нравственности возбуждаютъ въ Добролюбовѣ настоящее отвращеніе. Обыкновенно ровный, спокойный, не склонный къ паносу, онъ разражался настоящими полемическими громами, когда въ литературѣ открыто поднимался вопросъ о значеніи нравственного элемента въ жизни. Искренно убѣжденный въ томъ, что моральная проповѣдь можетъ нанести ущербъ граждanskимъ стремленіямъ людей, Добролюбовъ съ какимъ-то ожесточенiemъ накидывался на всякаго, кто дерзалъ проводить въ обществѣ тѣ или другія этическія воззрѣнія. Вспомните его критическую замѣтку по поводу магистерской диссертациі Ореста Миллера, представленной историко-филологическому факультету Петербургскаго университета въ 1858 г.—«О нравственной стихіи въ поэзіи». Не смотря на нѣсколько неудачныхъ фразъ, на отсутствие литературного таланта, не смотря на сантиментальную, архаичную риторику въ изложеніи, сочиненіе это заключаетъ въ себѣ не мало вѣрныхъ мыслей, достойныхъ полнаго уваженія. Орестъ Миллеръ никогда не былъ человѣкомъ съ дурными тенденціями, и надо было питать слѣпую ненависть къ этическимъ вопросамъ вообще, чтобы въ этой невѣрной и добросовѣстно составленной книгѣ отыскать какія-то злые, ретроградныя намѣренія. Въ небольшомъ предисловіи къ трактату, на всемъ протяженіи его немногихъ главъ, въ десяти пунктахъ заключительного «Положенія», нигдѣ рѣшительно вы не найдете ни одного соображенія, опаснаго для русскаго либерализма. Но Миллеръ считаетъ необходимымъ сгруппировать историческія данныя, доказывающія «вездѣсущіе нравственного начала въ поэзіи» именно «въ настоящее время»,

¹⁾ «Современникъ», 1858 г. № 1. Новые книги. «Сочиненія Пушкина, 7-ой дополнительный томъ изд. П. В. Аппенкова», стр. 41, и «Сочиненія Добролюбова», т. III, стр. 334.

когда въ русской литературѣ господствуетъ направлениe реальное¹⁾ — и этого совершенно достаточно для того, чтобы сотрудникъ «Современника», воспыпалъ гражданскимъ гнѣвомъ. Какъ можно было во дни Чернышевскаго, послѣ «Эстетическихъ отношеній искусства къ действительности» рѣшиться говорить, что въ поэзіи человѣкъ можетъ увидѣть себя не такимъ, каковъ онъ есть, а такимъ, какимъ онъ желалъ-бы и долженъ быть-бы быть? Не настоящая ли это ересь утверждать, что творческое воображеніе возбуждаетъ въ людяхъ стремленіе къ высшимъ цѣлямъ? Развѣ не посягаетъ на коренные принципы либерализма тотъ, кто проповѣдуетъ самоотреченіе во имя религиознаго идеала? Добролюбовъ былъ увѣренъ, что стоить на стражѣ русскаго прогресса, когда съ такою сплою обрушился на Ореста Миллера — и его бойкая, хлесткая рецензія покрыла надолго незаслуженнымъ позоромъ имя человѣка, вся вина кото-раго заключалась, быть можетъ, въ томъ, что онъ не сумѣлъ выразить своей простой мысли въ болѣе смѣлой и сильной формѣ, что, прослѣживая нравственную стихію въ поэзіи, онъ не показалъ въ то же время полной зависимости всѣхъ видовъ гражданственнаго настроенія отъ нравствен-наго чувства и нравственной самодѣятельности людей.

Прошли года, и Орестъ Миллеръ, рѣшившись слѣдовать за вѣкомъ, во многомъ уступивъ своему строгому критику. Въ статьяхъ его пышно расцвѣли совсѣмъ другія идеи, съ каѳедры послышались разсыпчатыя, трескучія, какъ фейерверкъ, фразы, проникнутыя духомъ высокой граж-данственности. Аудиторіи, въ которыхъ читаль Миллеръ, ломились отъ публики, встрѣчавшей и часто покрывавшей бурными рукоплесканіями его разсужденія о русской литературѣ...

Любимый студенчествомъ профессоръ съумѣлъ реабилитировать себя въ глазахъ прогрессивнаго русскаго общества.

III.

Въ группѣ изучаемыхъ нами работъ самое выдающееся мѣсто зани-маютъ статьи о Гончаровѣ, Островскомъ, Тургеневѣ и Достоевскомъ, статьи, создавшія Добролюбову громкую репутацію по всей Россіи и, за вычетомъ нѣсколькихъ произведеній чисто публицистического характера, написанныя съ наибольшимъ талантомъ, ярко, смѣло, съ порывами увлеченія. По своему значенію въ исторіи русской литературы, статьи эти должны быть признаны самыми выдающимися вкладомъ либеральной жур-налистики того времени въ общую сумму духовнаго труда и усилий, дви-гавшихъ просвѣщеніе русскаго общества, шевелившихъ критическую мысль въ интеллигентныхъ русскихъ людяхъ. Истолковывая по своему поэти-ческие образы, созданные лучшими мастерами русского искусства, Добро-

¹⁾ «О нравственной стихіи въ поэзіи, на основаніи историческихъ данныхъ, по по-воду вопроса о современномъ направлениi русской литературы». Спб., 1858 г., стр. 2.

любовь возбуждалъ этими статьями интересъ къ выдающимся современнымъ явлениямъ и если не разрѣшалъ при этомъ никакихъ эстетическихъ или философскихъ вопросовъ, относящихся къ искусству, то все-таки затрагивалъ отдѣльные стороны художественного творчества и вдавался иногда въ частныя объясненія по различнымъ литературнымъ предметамъ. Мѣстами въ нихъ легко замѣтить эстетическое чутье, которое подсказываетъ Добролюбову мѣткія и тонкія выраженія для характеристики различныхъ видовъ писательского дарованія. Многія страницы удивляютъ выдержанностью тона, спокойствиемъ анализа, не открывающаго никакихъ внутреннихъ, психологическихъ глубинъ, но всегда твердо и смѣло подвигающагося впередъ къ назначенней цѣли. Тонкій и нѣжный юморъ свѣтится въ каждомъ удачномъ оборотѣ рѣчи, въ пересказѣ отдѣльныхъ художественныхъ подробностей. Иногда почувствуется даже оригинальное пониманіе дѣйствующихъ лицъ поэтическаго произведенія... Но съ увлеченіемъ прочитавъ нѣсколько страницъ, написанныхъ съ умомъ и талантомъ, вы неизбѣжно должны вступить въ область докучливыхъ разсужденій о средѣ, о воспитаніи, гдѣ авторъ, постоянно сбивааясь съ пути, то заигрываетъ съ читателемъ либеральными намеками, то обдаетъ его цѣлымъ градомъ презрительныхъ восклицаній за вялое отношеніе къ своимъ гражданскимъ обязанностямъ. Нигдѣ Добролюбовъ не остается до конца на высотѣ своей задачи, нигдѣ разборъ литературного произведенія не переходитъ у него въ живое, психологическое изслѣдованіе. Опѣнивая дѣятельность Гончарова, Островскаго, Тургенева и Достоевскаго, созерцая художественные картины, созданныя первоклассными русскими талантами, онъ не находитъ въ себѣ спѣль вести свою работу путемъ строгой критики — и потому, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ въ направленіи искусства, онъ быстро переходитъ къ привычнымъ темамъ, мѣняя тонъ свободного и смѣлаго литературного объясненія на тонъ кричащей и задорной публицистики съ ея самоувѣренными нападками на всѣхъ и на все, съ ея явнымъ пристрастіемъ къ задирающему фрондерству.

Прочтите небольшую статью Добролюбова подъ названіемъ «Что такое Обломовщина?» Восемь печатныхъ страницъ, проникнутыхъ яснымъ критическимъ отношеніемъ къ огромному дарованію Гончарова, нѣсколько блестяще выраженныхъ мыслей о типическихъ свойствахъ его художественного творчества, и затѣмъ — рядъ публицистическихъ соображеній, не только не объясняющихъ, но даже заслоняющихъ истинный смыслъ произведенія. Гончаровъ остается не освѣщеніемъ — и всѣ паралели между Обломовымъ и другими героями, дѣйствующими въ русской поэзіи, паралели, сдѣланные, притомъ, отрывочно и бездоказательно, не вносятъ ничего свѣжаго и новаго въ общую характеристику романа. Обломовка все-таки не объяснена, несмотря на всѣ публицистическая старанія Добролюбова, несмотря на то, что къ услугамъ критика былъ драгоценнейший бытовой и психологический материалъ. Огромной загадкой

встаетъ она передъ нами — теперь, какъ и во времена Добролюбова — эта страна спящихъ силъ, безплодныхъ, но высокихъ порывовъ, окутанная снѣгами, закаленная морозами, съ безконечными лѣсами внутри и на горизонте. Просторныя поля, раскинувшееся на полміра небо, какое то еле слышное, таинственное броженіе невыраженныхъ желаній, и надо всѣмъ — блѣдные, сѣверные туманы, въ которыхъ затеривается личность и какой-то фантастической громадой еле-еле вырѣзываются безконечныя народныя массы. Вся жизнь ушла куда-то внутрь. Горе не прорывается наружу въ смѣлыхъ, мягкихъ ударахъ. Радостныя надежды не блещутъ въ шумныхъ и веселыхъ выраженіяхъ. Точно летаргической сонъ охватилъ всю Обломовку. И вотъ вопросъ: какъ разбудить къ жизни эти спящія силы? Какими рычагами привести въ движеніе эту колоссальную страну съ глубокими моральными запросами и безъ выработанныхъ орудій для борьбы съ историческими обстоятельствами? Какъ поднять на ноги этого сказочного великана, не обнаруживающаго почти никакихъ признаковъ близкаго пробужденія. Обломовъ спитъ и не просыпается. Кто-то мечтъ въ него сатирическими фразами, смѣется надъ его бездѣйствиемъ, кидаетъ ему въ лицо смѣлые упреки, подзадориваетъ его таинственными рѣчами о вѣяніяхъ новой жизни, но Обломовъ не трогается съ мѣста. Онъ не слышитъ этихъ восклицаній, онъ не видить и не чувствуетъ этихъ благородныхъ стараній. Случается иногда, что онъ прислушается къ пылкимъ юношескимъ рѣчамъ — и тогда онъ исполнится презрѣнія къ людскому пороку, къ клеветѣ, къ разлитому въ мірѣ злу. Въ немъ проснется желаніе указать человѣку на его язвы. Вдругъ въ головѣ его загорятся и пойдутъ гулять, какъ волны въ морѣ, мысли смѣлія и свѣтлая. Вдругъ, движимый нравственnoю силою, онъ въ одну минуту измѣнить двѣ — три позы, съ блестающими глазами привстанетъ до половины на постели, протянетъ руку и вдохновенно оглянется кругомъ. «Но, смотришь, промелькнетъ утро, день ужъ клонится къ вечеру, а съ нимъ клонятся къ покою и утомленныя силы Обломова». Бури и волненія смирились въ душѣ его. «Обломовъ тихо, задумчиво переворачивается на спину и, устремивъ печальный взглядъ въ окно къ небу, съ грустью провожаетъ солнце, великолѣпно садящееся за чай-то четырехъ-этажный домъ». Иногда въ немъ закипитъ воображеніе, возстануть забытыя воспоминанія, неисполненные мечты, въ совѣсти зашевелятся упреки за прожитую такъ, а не иначе жизнь — и тогда онъ спитъ неспокойно, просыпается, плачетъ холодными слезами безнадежности по свѣтломъ, навсегда угаснувшемъ идеалѣ жизни...

— Я люблю его не по прежнему, — говорила однажды Ольга своему мужу, но есть что-то, что я люблю въ немъ, чему я, кажется, осталась вѣрна и не измѣняюсь, какъ иные...

— Кто же иные? Скажи, уязви, ужалъ: я, что-ли? Ошибаешься. А если хочешь знать правду, такъ я и тебя научилъ любить его и чуть не довелъ до добра. Безъ меня ты-бы прошла мимо него, не замѣтивъ.

Я даль тебе понять, что въ немъ есть и ума не меньше другихъ, только зарыть, задавленъ всякою дрянью и заснуль въ праздности. Хочешь, я скажу тебе, отчего онъ тебе дорогъ, за что ты еще любишь его?

Ольга кивнула въ знакъ согласія головой.

— За то, что въ немъ дороже всякаго ума: честное, вѣрное сердце! Это его природное золото. Онъ невредимо пронесъ его сквозь жизнь. Онъ падаль отъ толчковъ, охлаждался, заснуль, наконецъ, убитый, разочарованный, потерявъ силу жить, но не потерялъ честности и вѣрности. Ни одной фальшивой ноты не издало его сердце, не пристало къ нему грязи. Не обольстить его никакая нарядная ложь и ничто не совлечетъ на фальшивый путь. Пусть волнуется около него цѣлый океанъ дряни, зла, пусть весь міръ отравится ядомъ и пойдетъ навыворотъ — никогда Обломовъ не поклонится идолу лжи, въ душѣ его всегда будетъ чисто, свѣтло, честно... Это хрустальная, прозрачная душа. Такихъ людей мало, они рѣдки — это перлы въ толще! Его сердце не подкупишь ничѣмъ. На него всюду и вездѣ можно положиться...

Ольга подбѣжала къ Штольцу, обвила его шею руками, нѣсколько минутъ поглядѣла лучистыми глазами прямо ему въ глаза. Въ ея воспоминаніи воскресло кроткое, задумчивое лицо Обломова, его нѣжный взглядъ, покорность, его жалкая, стыдливая улыбка¹⁾.

Такъ Гончаровъ рисуетъ и понимаетъ своего героя. Но Добролюбовъ готовъ признать, что художникъ ошибается, что онъ должно освѣтилъ Обломова, что онъ приписываетъ ему достоинства, которыхъ у него нѣтъ и быть не можетъ. Весь монологъ Штольца критикъ пренебрежительно называетъ «пассажемъ», о которомъ не стоить распространяться, ибо каждый читатель легко можетъ замѣтить, что въ немъ заключена «большая неправда»! Обломовъ не поклонится идолу зла! Да, пронизируетъ Добролюбовъ, потому что ему лѣнъ встать съ дивана. Обломовъ не подкупентъ! Да, потому что его не на что подкупить. Къ Обломову грязь не пристанетъ! Да, пока онъ лежитъ одинъ. Но пусть придутъ Тарантьевъ, Затерпій, Иванъ Матвѣичъ... Бrr! Какая отвратительная гадость начинается около него²⁾... Не желая «льстить» Обломову, Добролюбовъ всѣми силами старается раззадорить его самолюбіе, его гражданскую честь, его патріотическое чувство.

Въ такомъ стилѣ написана почти вся статья. Характеры, изображенныя Гончаровымъ, не разобраны, смыслъ всего романа съуженъ до крайняго, публицистического минимума, второстепенный, но въ высшей степени типической фигуры произведений оставлены совершенно безъ вниманія. «Разбирать женскіе типы, созданные Гончаровымъ, пишеть Добролюбовъ, значитъ предъявлять претензію быть великимъ знатокомъ жен-

¹⁾ Полное собрание сочинений И. А. Гончарова, изд. Глазунова, 1884 г., т. III, стр. 130—131.

²⁾ «Современникъ» 1859 г. № 5. Русская литература. «Что такое Обломовщина», стр. 92.

скаго сердца. Не имѣя же этого качества, женщиными Гончарова можно только восхищаться». Дамы говорять, что Гончаровъ обнаружилъ въ изображеніи женщинъ поразительную тонкость психологического анализа, и Добролюбовъ не рѣшается прибавить что-нибудь къ ихъ отзыву. «Мы боимся пускаться въ эту совершенно невѣдомую для нась страну», скромно замѣчаетъ онъ¹⁾.

По тому же методу написаны и знаменитыя статьи Добролюбова объ Островскомъ: «Темное царство» и «Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ». По силѣ таланта, по яркости публицистической тенденціи, по рельефности и пластичности пересказа произведеній Островского, это — лучшія изъ статей Добролюбова. Темное царство нарисовано съ большою мощью, почти вдохновенно, съ проблесками страсти. Гражданская нота протesta звучитъ громко, смѣло, волнуя сердца. Нѣсколько странницъ, посвященныхъ общей характеристикѣ типическихъ героевъ въ комедіяхъ Островского, по гибкости отдѣльныхъ выражений, по тонкости критическихъ замѣчаній, свидѣтельствуетъ о необычайномъ подъемѣ дарованія, вдругъ нашедшаго предметъ, достойный его богатыхъ литературныхъ силъ. Островский увлекалъ Добролюбова, манилъ его своими характерными картинами, складомъ понятій, своимъ писательскимъ темпераментомъ. Въ его произведеніяхъ роскошная бытовая живопись рядомъ съ мастерски представленными, чисто русскими типами даетъ обильный материалъ для смѣлыхъ публицистическихъ паралелей и разсужденій. Среднее купеческое сословіе — то сословіе, которое близко соприкасается съ рабочимъ, крестьянскимъ міромъ съ одной стороны и съ небольшимъ интеллигентнымъ слоемъ русского общества, съ другой, то сословіе, которое съ какою-то фанатическою коснотою оберегаетъ старый порядокъ вещей отъ всякой реформы — встаетъ въ нихъ со всему рѣзкостью своихъ грубыхъ, вѣшнихъ очертаній. Вотъ эта масса, черезъ которую долженъ пробиться свѣтъ, чтобы дойти до простого русского народа. Вотъ гдѣ гибнуть силы, которая при иныхъ соціальныхъ условіяхъ, при болѣе высокой культурѣ, при иѣкоторомъ просторѣ свободнаго личнаго существованія, моглибы оказаться важными и полезными дѣятелями въ общей системѣ государственной жизни. Островскій вывелъ на сцену темный міръ насилия, неестественнаго, грубаго и дикаго самодурства и облилъ его свѣтомъ смѣлой, безпощадной сатиры.

Добролюбовъ не могъ не воспользоваться произведеніями талантливаго русскаго драматурга — и статьи его о «Темномъ царствѣ» лучше всего отражаютъ въ себѣ тѣ настроенія, которая въ немъ господствовали по преимуществу, основные мотивы его журнальной дѣятельности, послѣднія цѣли его литературной агитации. Общее описание нравственной атмосферы, въ которой врачаются герои Островского, сдѣлано превосходно. Войдите въ это темное царство: это міръ затаенной, «тихо взды-

¹⁾ «Современникъ» 1859, № 5, «Русская литература», стр. 95.

хающей скорби», міръ тупої, ноющей боли, міръ гробового безмолвія, лишь изрѣдка оживляемый глухимъ, бессильнымъ ропотомъ. Ни свѣта, ни тепла, ни простора. Вѣсть гнилью и сыростью. Здѣсь страдаютъ люди: въ одичавшихъ, безсловесныхъ, грязныхъ существахъ можно разобрать черты лица человѣческаго. Не откуда ждать отрады, негдѣ искать облегченія. Надь узниками буйно и безотчетно владычествуетъ безсмысленный произволъ, не признающій никакихъ правъ. Тяжкій самодурный запретъ наложенъ на всякую громкую, открытую и широкую дѣятельность. Живучія натуры, собирая глубоко внутри себя ядъ недовольства, бессильно ползутъ по землѣ, съеживаются, извиваются, перевертываются то ужомъ, то жабою. Наружная покорность и тупое, сосредоточенное горе переплетаются въ этомъ темномъ царствѣ съ рабской хитростью, гнуснѣйшимъ обманомъ, безсовѣстнымъ вѣроломствомъ: гдѣ повержены въ прахъ и нагло растоптаны человѣческое достоинство, свобода личности, святыня честнаго труда, тамъ не можетъ быть ничего чистаго, ничего праваго¹⁾... И вдругъ въ этомъ царствѣ блеснуль лучъ настоящаго, солнечнаго свѣта. Вѣковые устои патріархального деспотизма дрогнули, надь темнымъ міромъ насилия пронесся крикъ здороваго протesta. Изобразивъ съ такою силою, въ образахъ, вѣюющихъ художественною правдою, мрачнуюпустоту повседневной русской жизни, Островскій инстинктомъ почуяль неизбѣжное, грядущее паденіе тѣхъ твердынь, на которыхъ держится русское самодурство. Образъ Катерины («Гроза») соотвѣтствуетъ новой фазѣ нашей народной жизни. Натурою, всѣмъ существомъ своимъ она требуетъ себѣ правъ и простору. Она не капризничаетъ, не кокетничаетъ своимъ недовольствомъ. Всякое насилие возмущаетъ ее кровно, глубоко. «Въ другихъ твореніяхъ нашей литературы, пишеть Добролюбовъ, спильные характеры похожи на фонтанчики, бьющіе довольно красиво и бойко, но зависящіе въ своихъ проявленіяхъ отъ посторонняго механизма. Катерина можетъ быть уподоблена большой, многоводной рекѣ: она течеть, какъ требуетъ ея природное свойство²⁾. Въ Катеринѣ мы видимъ возмужалое, изъ глубины организма идущее требование справедливости и права. Не воображеніе, не наслышка, не искусственно возбужденный порывъ, а жизненная необходимость толкаетъ ее на путь протesta. Добролюбовъ подчеркиваетъ свою мысль съ особеною настойчивостью, категорически утверждая, что «не отвлеченные вѣрованія управляютъ человѣкомъ» и что для проявленія характера нужны «не принципы», не определенный образъ мыслей, а нужна просто здоровая натура. Островскій создалъ силою большого таланта «такое лицо, которое служить пред-

¹⁾ «Современникъ» 1859 г. № 7, Русская литература. «Темное царство», стр. 42—44.

²⁾ «Современникъ», 1860 г. № 10. Русская литература. «Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ», стр. 284. Въ полномъ собрании сочинений Добролюбова, т. III, стр. 462, этотъ отрывокъ начинается такъ: «Претендованные (?) въ другихъ твореніяхъ нашей литературы, сильные характеры» и т. д.

ставителемъ великой народной идеи, не нося великихъ идей ни на языкѣ, ни въ головѣ». На ряду съ такими общими разсужденіями, которая такъ или иначе освѣщаются нѣкоторыя черты въ творчествѣ Островскаго, объясняютъ его значеніе для русской литературы, развертывается въ статьяхъ Добролюбова безконечное публицистическое резонерство, на множество ладовъ варьирующее одну и ту же мысль, какъ-бы съ цѣлью вдолбить ее въ голову читателя во что бы то ни стало. Не утомляясь подробнѣйшимъ пересказомъ отдѣльныхъ сценъ и эпизодовъ въ комедіяхъ Островскаго и постоянно усиливая впечатлѣніе отъ приводимыхъ цитатъ болѣе или менѣе смѣлыми публицистическими комментаріями, Добролюбовъ увѣряетъ читателя, что онъ не уклоняется отъ своей прямой задачи и что онъ идетъ къ намѣченной цѣли путемъ настоящей критики, подъ которой онъ разумѣеть «критику фактическую, реальную». Литература не имѣеть самостоятельнаго, «дѣятельнаго значенія»: она только указываетъ на то, что нужно сдѣлать, или изображаетъ то, что уже дѣлается и сдѣлано. Литература представляетъ собою «силу служебную», пригодную для опредѣленной жизненной пропаганды. Вотъ почему критика, вѣрная своему призванію, не вступающая въ союзъ со школярами, не обрекающая себя на рабство никакой философской теоріи, но желающая всѣми силами содѣйствовать прогрессивному движенію общества, должна ограничиться реалистическимъ обсужденіемъ тѣхъ фактовъ, которые она находитъ въ художественныхъ произведеніяхъ. Всякаго рода эстетическія соображенія не представляютъ никакого интереса для обыкновенного здравомыслящаго человѣка, «который беретъ отъ жизни то, что она даетъ ему, и отдаетъ ей то, что можетъ». Вопросы чистаго искусства проиграны разъ навсегда. Люди, примѣняющіе къ литературѣ возвышенные критеріи философіи, отжили свой вѣкъ: это люди бездушные, это педавты, которые всегда «забираютъ свысока и парализируютъ жизнь мертвыми идеалами и отвлеченіями»...

Въ такихъ выраженіяхъ Добролюбовъ описываетъ «темное царство» Островскаго и такими доводами онъ защищаетъ свой критическій методъ. Но, оглянувшись назадъ, на весь пройденный путь, Добролюбовъ дважды извиняется передъ своимъ читателемъ за растянутость и неопределеннность своихъ литературныхъ требованій. Говоря о лицахъ въ произведеніяхъ Островскаго, онъ хотѣлъ показать ихъ значеніе въ «дѣятельной жизни», но долженъ былъ отнести всѣ свои разсужденія къ созданіямъ авторской фантазіи — и вотъ почему ему приходилось укладывать свою мысль «въ фигулярную форму», по требованію самого предмета. Иногда онъ прибѣгалъ къ парафразамъ тамъ, где можно было бы на двухъ страницахъ раскрыть все дѣло съ полнотою ясностью. Не его вина, что слова, весьма обыкновенные въ другихъ европейскихъ языкахъ, «русской статьѣ даютъ такой видъ, въ которомъ она не можетъ явиться передъ публикой». Не его вина, что русскому писателю приходится «перевертываться вся-

чески съ фразою, чтобы ввести какъ-нибудь читателя въ сущность излагаемой мысли»¹⁾.

Въ оцѣнкѣ произведеній Островскаго, Добролюбову, во всякомъ случаѣ, принадлежитъ большая заслуга. Не объяснивъ его художественнаго дарованія съ надлежащею отчетливостью, онъ однако ярко обрисовалъ бытовое содержаніе его пьесъ и тѣмъ разсѣялъ нѣкоторыя сомнѣнія, которыя возбуждались въ печати современными рецензентами и критиками. Во времена Добролюбова Островскій не былъ еще общепризнанною литературною величиной, и твердое, громко выраженное мнѣніе «Современника» не могло не имѣть значенія для всей его драматической карьеры. Добролюбовъ не только подробно и всесторонне изложилъ свое сужденіе о главнѣйшихъ произведеніяхъ Островскаго, но смѣло отхлесталъ кнутомъ сатиры и насмѣшки всѣхъ тѣхъ, которые дѣлали жалкія придирки къ его второстепеннымъ недостаткамъ, къ его своеобразной художественной манерѣ, къ его правдивому и открытому изображенію темныхъ сторонъ русской жизни. Въ самомъ дѣлѣ, откройте страницы старыхъ журналовъ—и вы увидите, какъ сбивчивы и опрометчивы были сужденія русскихъ критиковъ о талантѣ Островскаго. Нѣсколько пионически восторженныхъ похвалъ съ одной стороны и цѣлая туча литературныхъ недоразумѣній и ошибокъ съ другой—вотъ содержаніе большинства статей, посвященныхъ Островскому. Критикъ «Атенея», Н. Некрасовъ, пишетъ: «Произведенія Островскаго, выражая жизнь дѣйствительную, сами по себѣ не имѣютъ никакой жизни. Въ нихъ нѣть ни идеи, ни дѣйствія, ни характеровъ истинно поэтическихъ»²⁾. «Отечественные Записки» упрекаютъ Островскаго за излишнюю заботливость объ отделькѣ языка: «онъ доводить ее до крайности, говорить рецензентъ, до излишства, такъ что, наконецъ, впадаетъ въ тотъ родъ, который въ механическихъ искусствахъ называется рококо»³⁾. Купцевскій разсказываетъ о первыхъ шагахъ Островскаго на драматическомъ поприщѣ. «Это было во времена крѣпостного права, пишетъ онъ. Островскій не безъ эффекта читалъ свое первое (?) произведеніе: *Свои люди — сочтемся*. Въ числѣ слушателей присутствовалъ Гоголь, который во время чтенія иронически улыбался и отказался высказать свое мнѣніе о начинавшемъ писателѣ. Онъ его написалъ въ короткой фразѣ городничаго: *чему смытесь? надъ собой смытесь!*»⁴⁾.

Слово Добролюбова открыло дорогу болѣе правильнымъ сужденіямъ о выдающемся русскомъ талантѣ.

Въ статьѣ о Тургеневѣ мы находимъ очень мало разсужденій по эстети-

¹⁾ Сочиненія Добролюбова, т. III, стр. 125 и 428. Въ «Современникѣ» эти оговорки отсутствуютъ. См. «Современникъ» 1859 г. № 9 «Темное царство», стр. 127 и «Современникъ», 1860 г. № 10 «Лучь свѣта въ темномъ царствѣ», стр. 256.

²⁾ «Атеней», Москва 1859 г., мартъ и апрѣль. «Сочиненія А. Островскаго», стр. 498.

³⁾ «Отечественные Записки» 1854 г. томъ 94. Библіографическая хроника, стр. 80.

⁴⁾ Пеизданные рассказы. «Быть щедрымъ въ солдатахъ!», стр. 206—207.

ческимъ вопросамъ. Оговорившись, что «эстетическая критика сдѣлалась теперь принадлежностью чувствительныхъ барышень», набросивъ нѣсколько общихъ характеристическихъ штриховъ въ довольно блѣдныхъ и вялыхъ выраженіяхъ, Добролюбовъ сразу же переходитъ къ болѣе интереснымъ для него предметамъ общественной жизни, которые ждутъ окончательного разрѣшенія на практическомъ поприщѣ. Новая повѣсть Тургенева «Наканунѣ» даетъ ему поводъ провести паралель между дѣятелями прежняго периода и представителями современаго, передового поколѣнія—и, нисколько не сомнѣваясь въ превосходствѣ послѣднихъ надъ первыми, Добролюбовъ съ большою самоувѣренностью рисуетъ намъ духовныя качества людей, принадлежащихъ къ «лучшей части русскаго общества». Тѣ понятія и стремленія, которыя «прежде давали титло передового человѣка», теперь уже считаются необходимою принадлежностью самой обыкновенной образованности. Нынѣ вы можете услышать отъ гимназиста, отъ посредственного кадета, иногда даже отъ порядочнаго семинариста «выраженіе такихъ убѣжденийъ, за которыя въ прежнее время долженъ былъ спорить и горячиться Бѣлинскій». Люди прежняго закала потеряли кредитъ въ глазахъ современаго передового русскаго общества: «ихъ уважаютъ, какъ старыхъ наставниковъ, но рѣдко кто, вошедши въ свой разумъ, расположенья выслушивать опять тѣ уроки, которые съ такою жадностью принимались прежде, въ возрастѣ дѣтства и первоначального развитія». Въ настоящее время требуется уже нѣчто другое...

Добролюбовъ подробно описываетъ жизнь Елены, судьбу и характеръ Инсарова, объясняя при этомъ, что эти два художественныхъ типа, созданныхъ талантливымъ писателемъ, свидѣтельствуютъ о значительной перемѣнѣ въ міровоззрѣніи и стремленіяхъ интеллигентнаго общества. Въ злыx словахъ, проникнутыхъ гнѣвомъ гражданской сатиры, Добролюбовъ пропранно доказываетъ, что Инсаровъ не могъ быть русскимъ человѣкомъ и что порядки русской жизни, охраняемые твердыми и справедливыми законами, дѣлаютъ невозможнымъ появленіе такихъ людей въ благополучно совершающемъ свое мирное прогрессивное движение русскомъ обществѣ. Страница, посвященная паралели между Болгаріей и Россіей, отличается всѣми качествами выдающагося политического памфлета—по силѣ внутренней ироніи, по энергіи отдѣльныхъ выражений, пропитанныхъ презрѣніемъ и ненавистью ко всякому безплодному существованію¹⁾). Предъ вами политическій ораторъ, который не скажеть лишняго слова, не захватить вашихъ чувствъ, не увлечетъ васъ смѣлостью воображенія, далеко опередившаго обстоятельства современной жизни, но который побѣдить вашъ разсудокъ своей безпощадной, трезвой логикой, своимъ холоднымъ сарказмомъ, своими немногочисленными, но простыми доводами, обращенными на защиту совершенно опредѣленнаго дѣла. Вся

¹⁾ «Современникъ» 1860 г. № 3. Русская литература. «Новая повѣсть г. Тургенева», стр. 60.

статья о Тургеневѣ является настоящей пропагандой въ томъ смыслѣ слова, въ какомъ понимали ее дѣятели «Современника» — и нѣть сомнѣнія, что въ свое время она должна была произвести огромное впечатлѣніе на читающую публику. Но самъ Тургеневъ отошелъ въ ней на задній планъ. Характерныя черты его творчества, его поэтическій темпераментъ, его внутреннія художническія стремленія отмѣчены поверхностными словами. Критическій элементъ почти совершенно отсутствуетъ въ разсужденіяхъ автора.

Статья о «Забытыхъ людяхъ» написана съ меньшою литературною силой по сравненію со статьями, только что разсмотрѣнными. Своеобразный гений Достоевскаго, его глубокое творчество съ проблесками пророческаго экстаза, все его міросозерцаніе, всѣ порывы его болѣзненной натурь — все это было чуждо Добролюбову, его симпатіямъ, его гражданственному складу понятій, его литературному вкусу. Между этими двумя писателями не было ни одной точки дружественного соприкосновенія, и великий талантъ Достоевскаго, въ изображеніи Добролюбова, долженъ былъ потерять всѣ свои типическія черты, превратиться во что-то странное, уродливое, непонятное. Въ прозаическомъ словарѣ Добролюбова не было ни одного красочнаго слова, которое могло бы передать художническій паѳосъ Достоевскаго, ни одного поэтическаго оборота рѣчи, который могъ-бы отразить въ себѣ творческую работу, полную мистической страсти, озаренную пророческимъ вдохновеніемъ свыше.

IV.

Разобравшись въ главнѣйшихъ статьяхъ Добролюбова, прослѣдивъ его публицистическую и литературную манеру по тремъ главнымъ отдѣламъ его журнальной работы, мы въ заключеніе разсмотримъ его дѣятельность въ качествѣ важнѣйшаго сотрудника «Свистка». Здѣсь Добролюбовъ встаетъ передъ нами бойцомъ съ лихими приемами политического памфлетиста и сатирика въ чисто русскомъ стилѣ. Пересмѣшка, карикатура, злобное хихиканье, пробивающееся изъ-подъ яко-бы невинныхъ фразъ, летучie, но зажигательные намеки и, где можно развернуться, удалыя нападки въ стихахъ и прозѣ на благодушіе современного общества — вотъ какими средствами «Свистокъ» отстаивалъ политическую и литературную программу «Современника». Надо было научить общество издѣваться надъ всѣмъ положительнымъ, надъ всяkimъ пожеланіемъ, выраженнымъ въ опредѣленной формѣ, и громкій, молодецкій свистъ людей, обладавшихъ талантомъ, отрекшихся отъ всякихъ мечтаній, дѣйствовавшихъ не столько по опредѣленной программѣ, сколько по инстинкту юнаго протеста, долженъ былъ воззимѣть надлежащее дѣйствіе на русское общество, только что вышедшее на арену исторіи. Надо было научить общество видѣть смѣшную сторону во всемъ, что не подходило къ утилитарнымъ взглядамъ передового журнализа, и откровенный смѣхъ,

раскатистый, звонкий, иногда здоровый, но оскорбляющий грубостью и цинизмомъ, иногда почти истерический, раздражающей какою-то водевильною аффектированностью, долженъ быть разъ на всегда отвратить прогрессивныхъ русскихъ людей отъ всякаго бесплоднаго идеализма съ одной стороны и отъ всякой систематической политики на поприщѣ гражданственности съ другой. Въ невинной формѣ журнального фельетона, сохрания всѣ видимыя приличия непритязательной по вѣшнимъ выражениямъ шутки, «Свистокъ», можно сказать, врѣзывался въ самую суть важнейшихъ событий общественной жизни и произносилъ надъ ними судъ съ тою безпощадностью, съ какою дѣйствуютъ люди, вѣрющи въ свою полную непогрѣшимость и считающи себя вправѣ терзать и карать всѣхъ, виновныхъ въ малѣйшемъ нарушеніи предписанныхъ ими правилъ. Никакая репутація не считалась сотрудниками «Свистка», достойною снисхожденія въ какомъ-бы то ни было отношеніи, если только она казалась помѣхой въ достижениіи поставленныхъ журналомъ цѣлей: надъ всѣми стремленіями литературы, надъ разнообразными интересами науки, надъ всѣми движеніями общественной мысли долженъ господствовать тотъ реалистический уставъ, который былъ сочиненъ Чернышевскимъ и Добролюбовымъ. Если въ литературѣ прорывались отдѣльные, случайныя эстетическія теченія, дѣятели «Современника» вооружались бичомъ, свистящимъ въ воздухѣ, передразнивали отсталыхъ пять комическими стишками или кривлялись въ шутовскихъ маскахъ, пародирующихъ физиономіи враждебныхъ имъ людей. Если въ печати появлялись статьи или замѣтки о пользѣ гласности, о подготовляющихся реформахъ, «Свистокъ» созывалъ публику на комическое представление своихъ лицедѣевъ, осмѣшивавшихъ на всѣ лады практическія утопіи, издѣвавшихъ надъ современниками въ какой-то дикой плясѣ, съ криками сатирическаго изступленія и задирающимъ рокотаньемъ лихо потрясаемыхъ бубенъ. Если нѣсколько человѣкъ собирались для выраженія своего мнѣнія, протестующаго противъ какого-нибудь позорящаго литературу факта, «Свистокъ» оглашалъ журнальное торжище своимъ рѣзкимъ крикомъ, дерзко глумясь даже надъ тѣми людьми, которые играли въ «Современникѣ» самую выдающуюся роль. Если люди затѣвали публичный научный споръ на интересную и серьезную тему, фельетонисты «Современника» разражались громкимъ, протяжнымъ свистомъ, выражавшимъ ихъ глубокое, затаенное презрѣніе ко всякаго рода бесплоднымъ, отвлеченнымъ дебатамъ.

Своеборзно радикальная точка зрѣнія, требующая постояннаго отрицанія, враждебная всякой попыткѣ осуществить на дѣлѣ то или другое принципіальное начало, заставляющая улавливать одни только недостатки въ явленіяхъ жизни и въ людяхъ, проглядываетъ во всѣхъ статьяхъ и отдѣльныхъ замѣткахъ, которая печатались въ «Свисткѣ». Положительный идеалъ никогда не выплываетъ наружу, черта гуманнаго сознанія и публицистического такта не проявляется ни въ чёмъ, злобный смѣхъ, ни передъ чѣмъ не останавливается, проникнутый не силою внутренняго

сарказма, а какимъ-то непримиримымъ презрѣніемъ къ окружающимъ людямъ, раздается почти съ каждой страницы. Здѣсь нѣть и слѣда Гоголевской сатиры съ ея тревожными духовными настроеніями, съ ея возвышеннымъ экстазомъ, который оправдываетъ всякую насмѣшку, даетъ смыслъ даже карикатурѣ, оживляетъ любовью самую печальную картину людскаго паденія. Ничто не примиряетъ васъ съ этимъ смѣхомъ, и пыталиво отыскивая во всѣхъ произведеніяхъ «Свистка» слѣдъ увлеченія и страсти, политическую отвагу убѣжденныхъ борцовъ за опредѣленный гражданскій идеалъ, скрытое движеніе опредѣленныхъ положительныхъ понятій, вы повсюду натыкаетесь на одну только безотчетную удаль, подъ которой не чувствуется никакого духовнаго энтузіазма. Это сатира по существу своему грубая, не брезгающая никакою вульгарной откровенностью, прибѣгающая къ буффонадѣ и нигдѣ не дѣйствующая тонкими средствами интеллигентной критики съ ея изящно отточенными стрѣлами, мѣтко ударяющими въ цѣль. Ея задача въ томъ, чтобы опозорить, опополнить, свинуть нагайкой, вихремъ пронестись мимо всего, что дѣлается на Руси, но не въ томъ, чтобы направить путемъ отрицанія на вѣрную положительную дорогу. Въ ея приемахъ — ни слѣда поэзіи, но повсюду прорывается грубо-реалистическое настроеніе, враждебное всему, что не подчинено шаблону. Рѣшительная, развязная, ничѣмъ не стѣсняющаяся, она не обнаруживаетъ необходимости нравственной сдержанности и выдержанности, безъ которыхъ сатира теряетъ свою силу въ глазахъ людей. Пренебрегая всякими внутренними приличіями, склонная всегда къ шумному скандалу, она теряетъ довѣріе людей, чуткихъ къ идеальной правдѣ и импонируетъ только тѣмъ, которые не могутъ принять живого, плодотворнаго участія въ развитіи общества.

Одинъ изъ главныхъ лицедѣевъ «Свистка», Конрадъ Лиліеншвагеръ, впервые выступилъ на сцену въ пространной рецензіи Добролюбова, посвященной стихотвореніямъ Михаила Розенгейма. Осмѣивая поэтическія произведения этого посредственнаго писателя, Добролюбовъ прерываетъ свои размышленія вставочнымъ діалогомъ между имъ самимъ и его «злымъ» другомъ, приводящимъ въ посмѣяніе Розенгейму стихотворные сочиненія Конрада Лиліеншвагера... Знаете ли вы, что такое злой человѣкъ? Злымъ человѣкомъ можетъ быть названъ только тотъ, кто ничѣмъ не удовлетворяется, имѣетъ неограниченныя желанія, пугающія людей добродушныхъ и скромныхъ. Онъ всегда недоволенъ, онъ требуетъ во всемъ и всегда радикальныхъ средствъ и мѣропріятій. При этомъ одними словами вы его никогда не подкупите: ему нужно дѣло. Представьте себѣ человѣка, которому съ утра предложили пріятную прогулку. Погода прекрасная, мѣстоположеніе великолѣпное, общество рвется на улицу, но тѣ, отъ которыхъ дѣло зависитъ, сидятъ по угламъ, разговаривая о предстоящей прогулкѣ. Время проходить... Вотъ когда сдѣлаешься злымъ въ обществѣ людей, болтающихъ о прогулкѣ, но не дѣлающихъ ни шагу

изъ комнаты ¹⁾). Злой критикъ литературы испытываетъ такія же ощущенія и, презирая жалкія фразы о народномъ благѣ, о гласности, о предстоящихъ реформахъ въ общественной жизни, онъ мечеть стихотворною сатирою въ косное общество, не трогающееся съ мѣста. Вотъ когда Конрадъ Лиліеншвагеръ получаетъ въ литературѣ полное право гражданства. Вотъ когда журналъ долженъ — для пробужденія спящихъ массъ—обзвестись громкимъ, рѣжущимъ слухъ свисткомъ. Дѣйствительно, первые шаги Конрада Лиліеншвагера сдѣланы съ цѣлью выставить всю безсмыслицу всякаго либерального благодушія. Онъ предвидѣть, что общество увлечется реформой и реформаторами и потеряетъ чутье въ распознаваніи людской пошлости. Строятся желѣзныя дороги, растетъ пароходство, поднимаются вопросы о воспитаніи, въ компетентныхъ сферахъ поставлена задача о реформѣ суда съ адвокатурою, дѣйствующей по довѣрію отъ подсудимаго, задумываются многія другія перемѣны въ соціальномъ быту, но Конрадъ Лиліеншвагеръ знаетъ цѣну всѣмъ этимъ толкамъ и разговорамъ, и онъ набрасываетъ слѣдующіе шутовскіе стихи, передразнивающіе одну журнальную статью, написанную въ оптимистическомъ тонѣ.

PIA DESIDERIA.

Тамъ, гдѣ строятъ дороги желѣзныя,
Пароходство ростетъ каждый часъ,
Предпріятья заводятъ полезныя,
Поощряютъ промышленный классъ,

Гдѣ оковы съ народа снимаются,
Гдѣ свободнымъ рождается трудъ,
Воспитаніе гдѣ возвышается,
Къ дѣлу, къ жизни всѣ силы зовутъ;

Гдѣ повсюду замѣтно стремленіе
На свободный, полезный всѣмъ трудъ,
Допустить тамъ возможно-ль сомнѣніе,
Что полезенъ и праведный судъ

Съ непремѣнною адвокатурою
Какъ надежнѣйшимъ средствомъ — суду
Съ передѣланной магистратурою
Дать и правильность, и быстроту,

И труду въ то же время народному
Вновь обильный источникъ открыть,
Юныхъ силъ къ упражненію доходному
И къ возможности денегъ скопить!.. ²⁾).

Такъ выступалъ на поприще журналистики Лиліеншвагеръ. Добролюбовъ уже въ предисловіи къ «Свистку» твердою рукою намѣтилъ главныя темы для разработки на страницахъ этого отдѣла. Литература, литературные дѣятели, произведенія, заключающія въ себѣ «неисчерпаемое море прекраснаго и благороднаго» — вотъ чѣмъ должны заниматься со-

¹⁾ «Современникъ» 1858 г. № 11. Бібліографія. «Стихотворенія Михаила Розенгейма», стр. 83.

²⁾ Ibidem, стр. 81.

трудники Свистка, «сидя на вѣткѣ общественныхъ вопросовъ» и наслаждаясь красотами текущей словесности¹⁾). Оглянувшись, на первыхъ же порахъ, на то, что совершается въ русской печати, Добролюбовъ съ тонкой отзывчивостью ко всему, что можетъ дать материалъ для веселаго смѣха, сразу отмѣтилъ предметъ, достойный надлежащей отдаѣки въ новооткрытомъ отдѣлѣ журнала. Въ тогдашней журналистики надѣжало большого шума слѣдующеѣ происшествіе: «Иллюстрація», издававшаяся В. Зотовымъ, отвѣчая двумъ своимъ оппонентамъ Чапкину и Горвицу по вопросу о евреяхъ, допустила въ своей статьѣ грубый и ложный намекъ на личную непорядочность этихъ двухъ писателей. Когда затѣмъ Чапкинъ сдѣлалъ публичный запросъ Зотову, приглашая его дать надлежащее объясненіе, редакторъ «Иллюстраціи» не счелъ нужнымъ извиниться, но, съ обычною увертливостью человѣка безъ опредѣленныхъ убѣжденийъ, сталъ оговариваться тѣмъ, что фразы его плохо истолкованы. Возмущенные этимъ поступкомъ, превращающимъ печатное слово въ орудіе клеветы и личныхъ нападокъ, многіе извѣстнѣйши въ то время литераторы и ученые обнародовали въ трехъ періодическихъ изданіяхъ свой протестъ противъ поступка Зотова. Сообщая объ этомъ фактѣ въ 12-ї книжкѣ 1858 г., «Современникъ» считаетъ «излишними и даже унизительными» для нравственнаго чувства всякаго рода принципіальная объясненія по этому поводу: не можетъ быть сомнѣнія на чьей сторонѣ должно быть сочувствіе журнала²⁾). Но Добролюбовъ остался недоволенъ этимъ протестомъ, и онъ сочиняетъ комическое посланіе изъ провинціи въ «Свистокъ» за подписью Д. Свиристелева, представляющее все это дѣло въ ироническомъ свѣтѣ. Куда направляется литературная процесія, извѣстіе о которой приносится въ отдаленнѣйшія части Россіи петербургскою и московскою печатью? Какое торжество готовить литературная братія, которая въ послѣднее время все пытается гору родити, вопрошааетъ Свиристелевъ. Зачѣмъ русскіе ученые и литераторы ополчились въ крестовый походъ для доказательства того, что клевета гнусна? Неужели русское общество упало такъ низко, что лучшіе люди литературы должны писать къ нему воззванія по поводу азбучныхъ истинъ? Неужели большинство русскихъ людей дошло до такого шатаанья въ своихъ нравственныхъ понятіяхъ, что уцѣльвшая отъ всеобщаго развращенія горсть избраниковъ можетъ, не краснѣя, съ полнымъ сознаніемъ своего достоинства, догматическимъ тономъ величаваго авторитета провозглашать всенародно гнусность обращенія органа мысли и гласности въ презрѣнное орудіе личныхъ оскорблений? «Здѣсь-то мы, читатели, и видимъ самую мрачную, самую печальную сторону протesta». Это—съ одной точки зрѣнія, такъ сказать, принципіальной. Съ другой — изъ 150 именъ, подпишавшихъ протестъ, по

¹⁾ «Современникъ» 1859 г. № 1. «Свистокъ». Собраніе литературныхъ, журнальныхъ и другихъ замѣтокъ, стр. 184.

²⁾ «Современникъ» 1858 г. № 12. «Извѣстіе», стр. 303.

крайней мѣрѣ 77 есть такихъ, о которыхъ публика ровно ничего не знаетъ. Есть между ними фамиліи, двукратно и даже троекратно повторенные: Д. Хомяковъ, И. Хомяковъ, С. Хомяковъ, В. Милеантъ, Е. Милеантъ. Что за радость, что не только В. Милеантъ и Е. Милеантъ не одобряютъ клеветы, но что къ протесту примкнули А. Арсеньевъ и И. Арсеньевъ, А. Наумовъ и Д. Наумовъ?..¹⁾

Таковъ этотъ первый выстрѣлъ Добролюбова въ ново-открытомъ отдѣлѣ. Простое, человѣческое дѣло, вызвавшее сочувствіе такихъ людей, какъ Кавелинъ, Никита Крыловъ и др., дѣло нѣкоторымъ образомъ либеральное по самому своему типу, соединившее вокругъ себя въ одной дружеской ассоціації писателей съ разнообразными темпераментами и разнымъ складомъ понятій, ради всѣмъ понятныхъ и близкихъ побужденій, вдругъ оказалось нужнымъ осмѣять и уничтожить во имя уваженія къ обществу. Можно подумать, что понятіе о литературной порядочности и о литературныхъ пріемахъ было въ то время такъ развито въ Россіи, что ужъ не требовалось, въ самомъ дѣлѣ, никакихъ объясненій со стороны компетентныхъ представителей печатного слова. Вѣдь русское общество никогда не было, на всѣмъ протяженіи своей исторіи, заражено глупыми національными предразсудками, всегда блюло чистоту своихъ духовныхъ интересовъ и, высоко поднявшись надъ всякими дрязгами журналистики, смѣло подвигалось по пути гуманности къ свѣтлымъ цѣлямъ политической и умственной культуры! Во дни «Современника» можно-ли было сомнѣваться въ томъ, что всякий низменный поступокъ журнального дѣятеля, облеченный въ литературную форму, произведетъ на общество отталкивающее впечатленіе? Печать тогда уже окрѣпла. Литература уже окончательно поняла свои настоящія цѣли, обязанности и права! Можетъ-ли статься, чтобы русская журналистика когда-нибудь пошла по скользкому пути клеветъ, инсінuaцій, злобныхъ нападокъ на цѣлья народности! Зачѣмъ-же собираться въ дружины и бороться со зломъ, которое само по себѣ такъ ничтожно!.. Вотъ что писали по этому поводу спустя нѣсколько лѣтъ «Отечественныя Записки»: Добролюбовъ былъ не разборчивъ въ предметахъ, надъ которыми смѣялся, ибо онъ смѣялся большей частью надъ тѣмъ, по поводу чего у большинства не хватало духу даже улыбнуться. «Такъ взволнованъ былъ когда-то нашъ литературный міръ оскорблениемъ, которое нанесъ одинъ фельетонистъ Иллюстраціи двумъ литераторамъ изъ евреевъ, Чацкіну и Горвицу: обѣ нихъ сказали, что они подкуплены». Явились литературные протесты, въ которыхъ говорилось, что множество писателей, проникнутыхъ убѣждениемъ высокаго и нравственнаго призванія литературы, выражаетъ свое негодованіе противъ такого злоупотребленія печатнымъ словомъ. Кажется ясно, замѣчаетъ журналъ, что этими заявленіями защищались не только личности литераторовъ, но и сами принципы литературной

¹⁾ «Современникъ 1859 г., № 1. «Спистокъ», стр. 208—209.

чести. «А Добролюбовъ, потѣшаясь, называетъ все это жидовской исторіей. Въ нынѣшнее время такой протестъ быльбы, конечно, неумѣстенъ. Теперь уже черезчуръ привыкли низводить гласность на степень презрѣнаго орудія личныхъ оскорблений. Но тогда литературные нравы еще не достигали такого извращенія... Добролюбовъ своимъ свистомъ на воззваніе сотни литераторовъ не мало, конечно, способствовалъ къ установлению литературныхъ обычаевъ и къ произведенію той литературной свалки, которая теперь совершається. Протестовъ ждать неоткуда. Все смотритъ съ изумленіемъ, выпучивши глаза, на эту фантасмагорію»¹⁾.

Въ дѣйствительности Добролюбовъ даже не былъ послѣдователенъ — и уже въ первомъ № «Свистка» онъ обнаружилъ противорѣчіе своихъ мнѣній по вопросу о высотѣ развитія русского общества. Въ письмѣ Свиристилева онъ восклицаетъ: «Благородство духа познается въ томъ, что человѣкъ признаетъ гнусность клеветы! Неужели наше общество упало такъ низко, что каждый долженъ спѣшить воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобы повѣдать ему, на какой высотѣ нравственности онъ стоитъ»!.. А черезъ нѣсколько страницъ, давая мѣсто стишкамъ своего сатирическаго alter-ego, Конрада Лиліеншвагера, онъ обращается къ публике съ слѣдующимъ шутовскимъ куплетомъ:

Слава намъ! Въ поганой лужѣ
Мы давно стоимъ.
И чѣмъ далѣ, тѣмъ хуже,
Все себя грязнимъ.
Слава намъ! Въ грѣхахъ сознанье
Мы творимъ смѣясь,
И слезами покаянья
Мы разводимъ грязь.
Гордо, весело и прямо
Всѣмъ мы говоримъ:
„Знаемъ мы, чѣмъ пахнетъ яма,
Въ коей мы стоимъ“.
Смѣло мы теперь смѣемся
Сами надъ собой
И безъ страха окунемся
Въ грязь — хоть съ головой...²⁾

Но Добролюбовъ былъ, повидимому, высокаго мнѣнія даже о первыхъ своихъ шагахъ въ качествѣ сотрудника «Свистка». Въ самомъ дѣлѣ, общество увлекалось мелкимъ прогрессомъ! Все, что творилось, имѣло черезчуръ оптимистический характеръ, и именно современные дѣятели должны были дать Добролюбову обильную пищу для его насмѣшки, которую подсказывалъ ему желчный «бѣсь отрицанья, бѣсь сомнѣнья». Исполненный скептицизма, Лиліеншвагеръ первый понялъ, что русское общество его времени топчется на трюизмахъ. Онъ не вѣрилъ Кокореву, дѣльцу, распинавшемуся въ газетахъ за свободу гласнаго изобличенія

¹⁾ «Отечественные записки» 1865 г. августъ, книжка 2-я, стр. 637.

²⁾ «Современникъ» 1859, № 1, «Свистокъ» стр. 212—213.

всякаго рода злоупотреблений. Онъ хотѣлъ при видѣ людей, защищающихъ передъ другими мысль, что «жизнь есть тоже человѣкъ». Онъ выспутилъ Розенгейма и Ростопчину, онъ первый сообразилъ, что не нужно обладать гениемъ, чтобы дать разумный отвѣтъ на вопросъ о необходимости грамоты¹⁾... Вотъ съ какой оригинальною беспощадностью Лиленшваргеръ, одержимый демономъ русскаго радикализма, топталъ въ прахъ всѣ тѣ молодые побѣги общественной самодѣятельности, которые въ настоящее время люди прогресса и серьезной мысли считаютъ преимуществомъ той эпохи.

Теперь мы перейдемъ къ одному изъ самыхъ скандальныхъ походовъ, предпринятыхъ «Свисткомъ» по поводу знаменитаго спора о происхожденіи Руси между Погодинымъ и Костомаровымъ. По своей продолжительности, по упорству, по своему сенсационному интересу, это одно изъ самыхъ выдающихся явлений въ дѣятельности сатирическихъ сотрудниковъ «Современника», и историческая справедливость требуетъ признать, что, послѣ нападокъ на Пирогова, это одна изъ самыхъ без tactныхъ вылазокъ, сдѣланныхъ Добролюбовымъ въ такое время, когда русское общество въ первый разъ имѣло случай присутствовать на публичномъ спорѣ двухъ ученыхъ дѣятелей печати. Въ каждомъ культурномъ государствѣ, умѣющемъ дорожить серьезными дебатами по вопросамъ исторического характера, въ каждомъ европейскомъ обществѣ споръ, подобный настоящему, вызвалъ бы всеобщее вниманіе и заставилъ бы печать, настороживъ вниманіе, слѣдить за всѣми перипетіями спора съ тѣмъ уваженіемъ, которое приличествуетъ интеллигентнымъ людямъ. Какая литература, кромѣ русской, могла бы понять свою обязанность такъ, какъ понялъ ее «Свистокъ», какъ понялъ ее Добролюбовъ? Тутъ умѣстно было пустить въ ходъ всѣ лучшія силы журналистики для серьезной оценки тѣхъ доводовъ, которыми публично обмѣнялись два ученыхъ противника. Нельзя было не видѣть, что выведенныи на гласное обсужденіе вопросъ о началѣ Руси можетъ получить самое широкое общественное значеніе и дать тотъ или другой импульсъ къ возбужденію опредѣленнаго исторического самосознанія. Зачѣмъ было пустить въ дѣло «Свистокъ» именно въ этомъ случаѣ? Какой смыслъ имѣло шутовство по поводу диплома, въ которомъ сами оппоненты оказывали другъ другу на словахъ и въ печати взаимное уваженіе? Добролюбовъ не видѣлъ, что, усиливая свои нападки на Погодина въ эту минуту, онъ въ умныхъ людяхъ могъ возбудить только сомнѣніе въ научной состоятельности Костомарова, который въ сущности ни въ какой подобной поддержкѣ не нуждался. Осмѣивая все, что было сказано Погодинымъ, онъ оказывалъ вредную услугу талантливому историографу, принимавшему дѣятельное участіе въ «Современникѣ». Костомаровъ самъ публично призналъ, что онъ считалъ своимъ долгомъ принять

¹⁾ «Современникъ» 1859 г., № 4. «Свистокъ», *Нашъ демонъ* (будущее стихотворение), стр. 366—368.

вызовъ на споръ со стороны Погодина,— какой же смыслъ имѣли заявленія Чернышевскаго заднимъ числомъ, заявленія, сдѣланнныя въ самыхъ грубыхъ выраженіяхъ, что онъ не совѣтовалъ своему ученому товарищу по журналу выходить на состязаніе?

Расскажемъ, какъ произошло все это дѣло. Въ первой книжкѣ «Современника» 1860 г. была напечатана статья Костомарова подъ названіемъ «Начало Руси», гдѣ доказывается, въ разрѣзъ съ господствовавшими въ ученой литературѣ взглядами, что варяги были выходцами изъ литовской земли и что самое призваніе ихъ совершилось «по причинѣ связи, въ которой тогда были наши сѣверные славяне съ приморскими литовцами, по изгнаніи взаимныхъ враговъ» и по указанію «тамошнихъ жрецовъ и гадателей, славившихся на сѣверѣ своимъ искусствомъ»¹⁾. Въ той же книжкѣ журнала, въ отдѣлѣ «Русская литература», неизвѣстный авторъ,— едва-ли Чернышевскій, судя по одному его заявлѣнію,— въ энергическихъ выраженіяхъ, полныхъ насмѣшки и презрѣнія, низводить къ нулю отсталый взглядъ Погодина по этому вопросу, по поводу его сочиненія «Норманскій періодъ русской исторіи». Довольно давно уже г. Погодинъ, пишетъ рецензентъ, находится въ пріятномъ положеніи повторять собственныхъ старыхъ мыслей и не слышать на нихъ возраженія. Одна изъ такихъ мыслей — мысль о норманствѣ варяговъ, «выдержанная такую полемику и, наконецъ таки, утвержденная г. Погодинымъ на незыблемыхъ основаніяхъ». Прежня работы этого ученаго проходили почти безъ всякихъ возраженій, но новая книга уже не пройдетъ горде-ливо «при всеобщемъ безмолвномъ согласіи, какъ проходили недавнія повторенія норманства въ пислѣдованіяхъ г. Погодина». Въ нынѣшней книжкѣ «Современника», замѣчаетъ авторъ, читатели найдутъ статью г. Костомарова о началѣ Руси, «совершенно не признающу пресловутаго норманства». Что теперь сдѣлаетъ г. Погодинъ? Какъ онъ справится съ Костомаровымъ, который говорить съ такою убѣдительностью? «Кто внимательно прочтеть «Начало Руси» г. Костомарова, тотъ увидить, что онъ стоитъ гораздо ближе къ истиннымъ воззрѣніямъ, нежели г. Погодинъ съ своимъ математическимъ методомъ»²⁾... Таково начало этого большого литературнаго скандала. Еще раньше, чѣмъ Погодинъ успѣлъ откликнуться на статью Костомарова, въ той же книжкѣ журнала, гдѣ впервые обнародовалось новое мнѣніе по трудному историческому вопросу, раньше, чѣмъ догадка Костомарова могла стать предметомъ критического обсужденія съ какой-бы то ни было стороны, «Современникъ» считалъ приличнымъ провозгласить грозное вae victis всѣмъ, держащимся прежнихъ воззрѣній. Костомаровъ, сотрудникъ «Современника» сказалъ—ясно, что споръ могутъ возбудить только ретрограды. Побѣда одержана безъ

¹⁾ «Современникъ», 1860 № 1 «Начало Руси», стр. 24.

²⁾ «Современникъ», 1860 № 1 Русская литература, «Норманскій періодъ русской исторіи М. Погодина», стр. 104—108.

бою, пбо въ «Современникѣ» всякое объявление войны считалось равносильнымъ провозглашенію побѣды съ амнистією для тѣхъ, въ которыхъ нельзя было заподозрить особенно усерднаго сопротивленія. Костомаровъ, талантливый исторіографъ, съ превосходно выработаннымъ слогомъ, хотя, быть можетъ, не вполнѣ дисциплинированной научной манерой, убѣжденъ въ своей правотѣ. Чернышевскій стоптъ за Костомарова. Добролюбовъ—за Чернышевскаго. А впереди—храбрая пѣхота комическихъ лицедѣевъ «Свистка», угрожающая всѣмъ несогласно мыслящимъ своимъ дружнымъ напискомъ, своими штыками. Но Погодинъ не считалъ еще своего дѣла проиграннымъ, когда впервые ознакомился со статьею Костомарова. Человѣкъ остроумный, ехидный, съ несомнѣннымъ литературнымъ талантомъ, хотя съ приемами развязнаго и самоувѣреннаго балагура, Погодинъ рѣшилъ вызвать Костомарова на ученый поединокъ. Возможно, что онъ былъ вполнѣ увѣренъ въ томъ, что одержитъ легкую побѣду надъ своимъ оппонентомъ. Возможно, что онъ не совсѣмъ хорошо измѣрилъ свои собственныя полемическія силы и, воздавая должное таланту Костомарова на словахъ, въ глубинѣ души слишкомъ легковѣсно оцѣнивалъ боевые средства своего противника. Во всякомъ случаѣ, Погодинъ рѣшился сдѣлать Костомарову вызовъ. Въ № 60 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», 1860 г. мы находимъ открытое письмо Костомарова нижеслѣдующаго содержанія: Костомаровъ сообщаетъ, что 9-го марта имъ получено отъ М. П. Погодина ученое возраженіе на его теорію о пришествіи первыхъ князей изъ литовской Руси и что это длинное посланіе заканчивается такпмъ образомъ: «я считаю васъ честнымъ, добросовѣстнымъ изслѣдователемъ въ кучѣ шарлатановъ, невѣждѣ, посредственостей и бездарностей, которые, пользуясь исключительнымъ положеніемъ, присвоили себѣ на минуту авторитетъ въ дѣлѣ науки и приводятъ въ заблужденіе неопытную молодежь. Вотъ почему я требую отъ васъ, во имя этой науки, полной сatisфакції, т. е. торжественнаго отступленія изъ Жмуди или полнаго отраженія приведенныхъ мною доказательствъ, за коими я готовъ выдвинуть и тяжелую артилераю. Иначе бросаю вамъ перчатку и вызываю на ученый поединокъ. Секундантовъ мнѣ не нужно, развѣ тѣни Байера, Шлещера и Круга, если у васъ въ Петербургѣ есть вызыватели духовъ, а вы, ради потѣхи, можете пригласить себѣ въ секунданты любыхъ рыцарей Свистопляски. Сборъ, въ доказательство моего безпристрастія, я готовъ уступить въ пользу неимущей Жмуди. Безъ шутокъ. Приѣхавъ на недѣлю въ Петербургъ, предлагаю вамъ публичное разсужденіе въ университѣтѣ, въ присутствіи лицъ, принимающихъ живое участіе въ вопросѣ. Хотя я уже лѣтъ двадцать оставилъ его, но, посвятивъ ему десять лучшихъ лѣтъ въ жизни, помню во всѣхъ подробностяхъ и готовъ отстаивать его *inguibus et rostris*¹⁾.». Отвѣчая на это письмо, Костомаровъ заявилъ, что онъ

¹⁾ «С.-Петербургскія Вѣдомости», 1860 г., № 60, «Диспутъ Н. И. Костомарова и М. П. Погодина».

принимаетъ вызовъ Погодина «съ полнымъ уваженіемъ, какъ къ наукѣ, такъ и къ почтенному ветерану», считая самое предложеніе выйти на публичный турнир «высокой для себя честью». «Тѣни Байера, Шлещера и Круга, писалъ онъ, не помогутъ намъ: они уже тѣни. да если-бы и имѣли тѣло, то не могли-бы сохранить настоящаго безпредострастія, а настоящая моя готовность отказаться отъ своего мнѣнія, если оно не будетъ имѣть достаточной силы, чтобы убѣдить нашихъ посредниковъ, можетъ служить М. П. Погодину ручательствомъ, что я не думаю мнѣніе свое защищать одобрѣніемъ рыцарей Свистопляски». Такъ писалъ Костомаровъ 11-го марта 1860 года въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Погодинъ остался доволенъ его отвѣтомъ¹⁾), и 19-го числа того-же мѣсяца въ одной изъ университетскихъ залъ состоялся публичный диспутъ между двумя учеными о началѣ Руси. Стеченіе публики было огромно. Вся большая зала университета была переполнена людьми, заинтересованными нѣбывалымъ зрѣлищемъ. Половина народа не нашла себѣ мѣсть. Ректоръ университета Плетневъ открылъ засѣданіе краткой рѣчью, въ которой замѣтилъ, между прочимъ, что это первая попытка ускорить изустнымъ объясненіемъ рѣшеніе спорныхъ научныхъ вопросовъ. Затѣмъ Погодинъ обратился къ собравшейся публикѣ съ объяснительной рѣчью. Сначала онъ выразилъ обществу благодарность за вниманіе, оказанное предстоящему спору, въ которомъ доказательства будутъ заимствоваться изъ источниковъ, покрытыхъ пылью и тленiemъ. При словахъ оратора, что общество, прійдя на этотъ споръ съ такимъ рвеніемъ, съ какимъ ищутъ обыкновенно эстетическихъ наслажденій, «представляетъ самое утѣшительное доказательство того, что мы созрѣли для рѣшенія нужныхъ и важныхъ для насъ вопросовъ», раздались продолжительные и бурные аплодисменты. Затѣмъ Погодинъ въ краткихъ чертахъ изложилъ сущность спора, привель восемь доказательствъ въ пользу своего мнѣнія о норманскомъ происхожденіи варяго-русовъ и возвавъ должное блистательнымъ заслугамъ Костомарова, открылъ перекрестный обмѣнъ возраженій и историческихъ доказательствъ... Диспутъ длился нѣсколько часовъ. Погодинъ, съ бойкостью остроумнаго спорщика, осыпалъ своего противника аллегоріями, веселыми сравненіями, вызывавшими смѣхъ въ публикѣ, Костомаровъ, сохранивъ тонъ самоуваженія и крайней сдержанности, съ нѣкоторой галантностью, не исключающей научной твердости въ убѣжденіяхъ, возражалъ своему противнику шагъ за шагомъ, гдѣ можно историческими соображеніями, гдѣ позволяль слу-чай—прогрессивными сентенціями, вызывавшими въ публикѣ громы рукоплесканій. Оба противника оказались достаточно подготовленными для публичныхъ разсужденій, и каждый изъ нихъ отстаивалъ свою мысль съ извѣстною сплою, которая не давала ни одному изъ нихъ преимущества надъ другимъ. Въ положеніи Костомарова были однако нѣкоторыя

¹⁾ Ibidem, Письмо М. П. Погодина.

выгоды: сотрудникъ «Современника», авторъ «Богдана Хмѣльницкаго» и «Стеньки Разина», онъ имѣлъ въ глазахъ толпы какое-то особое обаяніе, онъ возбуждалъ въ ней какія-то свѣтлыя ассоціаціи. Отстаивая противъ Погодина свою гипотезу словами, въ которыхъ сѣтился умъ порывистый и живой, Костомаровъ былъ симпатичнѣе публикѣ, чѣмъ Погодинъ, съ его нѣсколько бравурнымъ остроуміемъ, какою-то подчеркнутою лягушностью съ наукой, съ его рѣзкими нападками на фельетонистовъ «Современника». Но, несмотря на неравенство во вѣнчанемъ положеніи, споръ окончился благополучно для обѣихъ сторонъ: истина осталась невыясненою, оппоненты обмѣнялись доказательствами, никого окончательно не убѣдившими. Погодинъ заключилъ состязаніе пышными словами, удостоившимися громкаго браво всей публики: «Да здравствуетъ Русь, откуда-бы ни пришла она! воскликнулъ онъ. Пусть живеть она не тысячу лѣтъ, а многія тысячи, если только нѣть на землѣ ничего бессмертнаго, по выраженію Карамзина, кромѣ души человѣческой. Пусть цвѣтеть наука въ стѣнахъ здѣшняго университета, въ стѣнахъ и за стѣнами всѣхъ русскихъ университетовъ. Да здравствуетъ разумъ, да скроется тьма!» Публика двинулась съ мѣстъ, но Костомаровъ успѣлъ еще отвоевать себѣ вниманіе ея для нѣсколькихъ заключительныхъ словъ, вызвавшихъ цѣлую бурю. «Я кончу словами Пушкина, громко сказалъ онъ: Литва ли, Русь ли—все равно!» Втеченіи многихъ минутъ въ залѣ слышался восторженный крикъ: Костомаровъ! Костомаровъ! ¹⁾.

Такъ закончились пренія. Обоимъ ораторамъ Пушкинъ далъ эффектное заключительное слово, но побѣды, какъ мы уже сказали, никто не одержалъ.

Добролюбовъ понялъ дѣло по своему. «Свистокъ» не можетъ молчать, не можетъ не пустить въ ходъ своей кричащей сатиры, когда на мнѣніе сотрудника «Современника» ополчается человѣкъ, защищающій какую то старую точку зрѣнія, когда въ университетской залѣ затѣвается теоретический споръ о происхожденіи русскаго государства. При томъ же Погодинъ обнаружилъ явное презрѣніе и въ такихъ рѣшительныхъ словахъ къ литературнымъ силамъ рыцарей Свистопляски. За Погодинымъ числились какие то частные грѣхи, правда, не имѣющіе никакой связи съ норманскимъ вопросомъ, но дающіе все-таки козырное средство въ борьбѣ съ нимъ на поприщѣ публицистики. Общество хотя и присутствовало при спорѣ, не давшемъ никакого положительного результата, но остается еще журнальная агитация, которая можетъ повернуть его мнѣніе въ сторону симпатичнаго Костомарова. Въ рѣчахъ Погодина чувствовалось нѣкоторое кокетство оптимистическими фразами и вотъ тутъ то «Свистокъ», враждебный всяkimъ пылкимъ мечтаніямъ, можетъ разразиться скандализирующими, мелкимъ бѣсовскимъ хохотомъ, противъ

¹⁾ «С.-Петербургскія Вѣдомости», 1860 г., № 67. Отчетъ о диспутѣ Погодина и Костомарова, 19 марта 1860 г. «Современникъ», 1860 г. № 3, «Публичный диспутъ», стр. 257—292 и «Свистокъ», № 4, «Столпчна суматоха въ пользу науки».

котораго не устоитъ никакая репутація. Погодинъ нѣсколько рисовался особыннымъ уваженіемъ къ наукѣ,—и тутъ то «Свистокъ» можетъ обнаружить настоящую дьявольскую проницательность въ пониманіи всякаго ученаго краснобайства, лихо ударивъ престарѣлого профессора по самому чувствительному нерву всей его жизни. На сцену долженъ выйти Лилентшвагерь. Рыцари Свистопляски покажутъ на дѣлѣ свою отвагу въ защитѣ Костомарова, не смотря на то, что онъ самъ откровенно отказался отъ всякой подобной помощи. Лучшій фельетонистъ «Современника» присутствовалъ на диспутѣ, за которымъ онъ слѣдилъ съ какимъ то сладострастнымъ упоеніемъ. Боже мой, сколько матеріала для смѣха, для бойкой фельетонной сатиры...

Мы созрѣли, мы созрѣли!
Веселись созрѣвшій Россъ!
Вотъ теперь ты въ самомъ дѣлѣ
Сталъ полуночный колоссъ.
Мы созрѣли, мы созрѣли!
Такъ Погодинъ намъ сказалъ,
Изъ Москвы для этой цѣли
Онъ нарочно прискакалъ.
Мы созрѣли! Россъ, пойми же
И душою умились.
Снимь-ка шапку, да пониже,
Да пониже поклонись ¹⁾.

Проза, стихотворное посвященіе М. П. Погодину, цѣлое комическое представление, данное съ бойкимъ юмористическимъ талантомъ, рядъ сатирическихъ замѣтканій, брошенныхъ въ лицо московскому ученому—вотъ чѣмъ отвѣтилъ Добролюбовъ на споръ Погодина и Костомарова. Во всѣхъ статейкахъ «Свистка» на эту тему проглядываетъ рѣшительная увѣренность, что, въ сущности, Костомаровъ одержалъ блестящую побѣду. Добролюбовъ окольными путями внушаетъ свое, ни на чемъ не основанное, убѣжденіе своимъ читателямъ и чѣмъ дольше, тѣмъ увѣреннѣе хлещеть Погодина язвительными словами, проникнутыми презрѣніемъ къ его ученоosti, къ его научнымъ заслугамъ, къ его несчастной рѣшимости выйти на споръ съ неравнымъ соперникомъ. Дѣло приняло, такимъ образомъ, совершенно ложное и даже скандальное освѣщеніе и превратилось въ настоящую свалку, въ которой уже нельзѧ было разобрать, кто правъ и кто виноватъ. Фельетонисты «Современника» свистали, общество, раззадоренное комическими стишками, стало хохотать. Погодинъ оказался въ истинно глупомъ положеніи, изъ котораго онъ, по несчастной склонности къ бравурному шутовству, рѣшилъ выйти, прибѣгнувъ къ заявлению, носившему игристый характеръ.

Возвратившись въ Москву, Погодинъ, преследуемый смѣхомъ «Современника», задумалъ дать отчетъ своимъ московскимъ друзьямъ о публич-

¹⁾ «Современникъ», 1860, № 3, «Свистокъ» № 4, «Благодарная пѣсь созрѣвшаго Росса».

номъ диспутѣ, выдержанномъ имъ въ С.-Петербургѣ. Въ 1-ї книжкѣ «Русской Бесѣды» 1860 г. онъ напечаталъ небольшую статейку о своемъ спорѣ съ Костомаровыи, состоящую изъ двухъ главъ. Первая заключаетъ въ себѣ объясненія исторического хода настоящаго дѣла, вторая — новое письмо къ Костомарову, дополненіе къ диспуту. Оказывается, что, отправляя первое письмо Костомарову, ученые и художественные заслуги котораго онъ охотно признавалъ, Погодинъ въ сущности не задавался серьезною цѣлью публично поспорить съ ученымъ сотрудникомъ «Современника». Это было ничто иное, какъ шутка, заявляетъ Погодинъ. А Костомаровъ, не понявший шутки, юмористического тона въ его письмѣ, принялъ вызовъ въ серьезъ. Погодинъ обрисовываетъ ту атмосферу, при которой приходилось бороться съ противникомъ, котораго онъ шутя вызвалъ на споръ и который заставилъ его въ шумной залѣ говорить о предметахъ, имѣющихъ высокое научное значеніе...¹⁾ Такими неискренними фразами Погодинъ думалъ свалить съ ногъ храбрыхъ воиновъ «Свистка», выводившихъ его изъ терпѣнія. Захваченный скандаломъ, по натурѣ склонной къ бьющей въ глаза игрѣ словами, онъ самъ усугубилъ скандалъ своимъ до очевидности фальшивымъ заявлениемъ. Это странное заключительное слово въ печати было должнымъ образомъ опѣнено Костомаровыи въ 5-ї книжкѣ «Современника» 1860 г., причемъ Костомаровъ и на этотъ разъ не сдѣлалъ ни одной без tactности, не смотря на то, что задорная замѣтка его противника могла произвести на него самое удручающее впечатлѣніе. Его «Послѣднее слово г. Погодину» дышетъ настоящею порядочностью, сдержано по тону, скромно, хотя и рѣшительно, по содержанію. Человѣкъ науки, онъ до послѣдней минуты не позволялъ себѣ прибѣгнуть къ средствамъ, которыя могли бы компрометировать его увѣренность въ собственной правотѣ. Уважая своихъ соперниковъ по специальности, какихъ бы взглядовъ они ни держались, онъ не могъ потерять душевное равновѣсіе въ спорѣ, въ которомъ самолюбіе не должно было играть ни какой роли. Но наиболѣе типичные сотрудники «Современника» отвѣтили на замѣтку Погодина настоящимъ залпомъ полемическихъ издѣвательствъ и глумленія. Выступилъ самъ Чернышевскій, истинный вождь журнала. Онъ рѣшился въ словахъ. Для него въ этомъ дѣлѣ не было и неѣть никакихъ сомнѣній. Ученые труды г. Погодина, заявляетъ онъ на первой же страницѣ своей статейки, не имѣютъ ровно никакого ученаго значенія. Но самъ Погодинъ думаетъ, что его репутація имѣть серьезныя достоинства, а когда человѣкъ, не имѣющій никакихъ заслугъ, «считаетъ себя имѣющимъ заслуги, онъ становится несносенъ тщеславiemъ и наглостью». Въ сущности Погодинъ только забавникъ, и г. Костомарову

¹⁾ „Русская Бесѣда“ 1860 г. № 1. «О публичномъ диспутѣ въ залѣ с.-петербургскаго университета касательно происхожденія Руси». Отчетъ московскимъ друзьямъ, стр. 133—139.

не следовало принимать его вызова. Когда Костомаровъ рѣшился выйти на споръ, Чернышевскій убѣжалъ его отказаться отъ всякаго состязанія. Онъ говорилъ ему: человѣку, пользующемуся уваженіемъ публики, неудобно связываться съ Погодинымъ. «Вы компрометируете себя, и Погодинъ принудить васъ къ объясненіямъ, очень непріятнымъ для человѣка, не любящаго полемики даже и приличной». Приводя свои фразы, Чернышевскій заявляетъ: «Я смягчаю для печати выраженія, которыхъ употреблялъ тогда. Читатель можетъ дополнить ихъ воображеніемъ». Костомаровъ цѣнитъ Погодина за ученость, но Чернышевскій не согласенъ цѣнить «бездарное труженичество». Правда, онъ не такой знатокъ, по собственному сознанію, въ вопросахъ русской исторіи, чтобы вдаваться въ оценку различныхъ мнѣній, къ ней относящихся, но убѣженіе, которое защищалъ Погодинъ, не принадлежитъ къ числу трудныхъ и понятныхъ только специалисту. Если бы онъ былъ на мѣстѣ Костомарова, онъ оборвалъ бы, во всякомъ случаѣ, споръ съ Погодинымъ следующими словами: «Милостивый государь, сказалъ бы онъ ему, спорить мнѣ съ вами обѣ историческихъ вопросахъ такъ же неумѣстно и неприлично, какъ неумѣстно и неприлично было бы какому нибудь ориенталисту спорить со мною о синтаксическихъ правилахъ сіамского языка. Я принужденъ кончить диспутъ». Костомаровъ, по мягкости натуры и изъза разныхъ ученыхъ приличий, быть можетъ, сочтетъ эти радикальные сужденія несправедливыми, но Чернышевскій въ этомъ случаѣ ему уступить не можетъ: Погодинъ несомнѣнно ученая бездарность, поддерживаемая имъ теоріей о варяго-руссахъ отжила окончательно свой вѣкъ¹⁾.

А «Свистокъ» заливался надъ Погодинымъ дикимъ, торжествующимъ смѣхомъ.

Пусть Чернышевскій говорить что хѣчетъ,
И Костомаровъ пусть тебя разить.
Пусть надъ тобой ученыхъ судъ грохочетъ,
Пусть ими будешь ты и презрѣнъ, и забыть...
Не унывай! Прочь Несторъ, прочь норманы,
Прочь жалкій паралель Европы и Руси!
Владѣнія „Свистка“ обильны и пространны,
Тебѣ въ нихъ мѣсто есть, свой трудъ туда пеши.
Ты о „Свисткѣ“ писалъ съ презрѣніемъ величавымъ,
Въ памѣбрѣнья его жестоко оскорбить,
Но онъ давно простила рѣчамъ твоимъ неправымъ:
Онъ такъ высокъ, что можетъ все простить.
Иди же къ намъ! Въ „Свисткѣ“ мы памятникъ построимъ,
Всѣмъ шуткамъ, шалостямъ и подвигамъ твоимъ,
Ученость дряхлую мы свистомъ успоконимъ
И слухъ твой ласковымъ романсомъ уладимъ²⁾.

¹⁾ «Современникъ», 1860 г. № 5. «Замѣчаніе на послѣднее слово г-ну Погодину» Н. Чернышевскаго, стр. 84—88.

²⁾ Ibidem, «Свистокъ» № 5, стр. 40, «М. П. Погодину отъ рыцарей Свистопляски».

А вопросъ о происхождениі варяго-русовъ считается неразрѣшенымъ и по настоящее время и, судя по новѣйшимъ сочиненіямъ исторического характера, догадка Костомарова не принадлежитъ въ наукѣ. Три главныхъ возврѣнія на этотъ предметъ борются еще до сихъ поръ между собою и, несмотря на талантъ людей, работающихъ на поприщѣ русской исторіи, вопросъ остается пока не выясненнымъ. Одни защищаютъ происхождение варяговъ изъ Скандинавіи, другіе выводятъ ихъ съ славянскаго поморья, третыи видѣть въ нихъ сбродную дружину—вотъ что читаемъ мы на эту тему въ «Русской исторіи» К. Бестужева-Рюминна¹⁾. Наиболѣе авторитетныя силы нашей научной среды, говорить молодой, весьма дѣльный ученый С. Ф. Платоновъ, всѣ держатся возврѣнія той норманской школы, которая основана еще въ XVIII в. Байеромъ и совершилась въ трудахъ Шлецера, Погодина, Круга, Куника, Васильевскаго. Но рядомъ съ учениемъ господствующимъ, читаемъ мы въ его лекціяхъ по русской исторіи, давно существовали и другія, изъ которыхъ большую пользу для дѣла принесла, такъ называемая, славянская школа. Что же касается до иныхъ точекъ зрѣнія на разбираемый вопросъ, замѣчаетъ профессоръ, то о нихъ можно упомянуть лишь для полноты обзора: Костомаровъ одно время настаивалъ на литовскомъ происхождениі Руси, Щегловъ — на происхождениі финскомъ²⁾...

Разсмотримъ еще одинъ эпизодъ въ дѣятельности «Свистка», быть можетъ, самый наглядный и простой, какъ иллюстрація удалой, но въ сущности растѣвающей политики, которая практиковалась въ фельетонномъ отдѣлѣ «Современника». Если въ случаѣ съ протестомъ противъ Зотова можно было имѣть еще какія-нибудь комическія черты: два Милеанта и три Хомякова, если въ исторіи Костомарова съ Погодинымъ еще можно было рѣшиться поднять на смѣхъ заявленіе московского ученаго, что русское общество созрѣло для публичныхъ споровъ по вопросамъ науки, то въ настоящемъ случаѣ самый снисходительный критикъ фельетонного отдѣла «Современника» не найдетъ никакихъ толковыхъ объясненій и оправданій. Просто свисталось, и трудно было, разъ увлекшись, удержаться отъ усвоенныхъ пріемовъ въ обсужденіи именно либеральныхъ явлений въ жизни русского общества. Надо было выдѣлиться изъ общаго хора русской журналистики, и неожиданный свистъ именно тамъ, где этого всего менѣе можно было ожидать, долженъ былъ производить ошеломляющее впечатлѣніе. Если освистывается дружный протестъ противъ писателя, унизвившаго печатное слово до степени презрѣннаго орудія личныхъ оскорблений, если ошкваръ ученый споръ двухъ талантливыхъ людей, если расхлестанъ, можно сказать, съ такимъ необычайнымъ размахомъ русскій дѣятель Пироговъ, если Монталамберъ и Кавуръ, подъ сатирическимъ перомъ Добролюбова,

¹⁾ К. Бестужевъ-Рюминъ. «Русская Исторія», I, глава II, стр. 89.

²⁾ Лекціи по русской исторіи, курсъ I, 1891 и 1892 гг. С. Ф. Платонова. стр. 159—160.

вдругъ обратились въ какихъ-то водевильныхъ шутовъ, отчего-же не окаррикатурить людей съ болѣе скромною репутацией? Но именно тутъ-то видна абсурдность такого безусловнаго, ничѣмъ не сдержаннаго отрицанья. Нельзя смыться, не рискуя вызвать справедливое негодованіе, надъ скромными тружениками, когда они прибѣгаютъ къ гласности, какъ къ орудію самозащиты въ борьбѣ съ условіями жизни. Неприлично издѣваться тамъ, гдѣ должно быть выражено опредѣленное прямое сочувствіе... Вотъ этотъ случай, о которомъ мы говоримъ. Въ пятой книгѣ «Русской Бесѣды» 1859 г. появилась небольшая статейка Павла Якушкина, подъ названіемъ «Проницательность и усердіе губернскій полиції» — письмо къ редактору этого журнала, рисующее въ самыхъ трогательныхъ и правдивыхъ выраженіяхъ, проникнутыхъ простодушною незлобивостью, грубый и произвольный актъ насилия, совершенный псковскою полиціею надъ этимъ въ высшей степени симпатичнымъ работникомъ на поприщѣ русской этнографіи. Отправившись въ Псковъ, по порученію «Русской Бесѣды», гдѣ онъ печаталъ свои этнографическія впечатленія, Якушкинъ былъ вдругъ арестованъ полицейскою властью безъ всякой причины, задержанъ нѣсколько дней при полицейской части, и за тѣмъ, безъ всякой проверки и должныхъ законныхъ объясненій ареста, выпущенъ на свободу. Печатая этотъ возмущающій душу разсказъ Якушкина, редакція отъ себя сдѣлала нѣсколько рѣзкихъ и дѣльныхъ замѣчаній съ цѣлью привлечь вниманіе общества, печати и компетентныхъ властей къ этому прискорбному, но характеристическому случаю¹⁾). Таковъ простой фактъ, не подлежащий никакимъ перетолкованіямъ. Человѣкъ публично протестовалъ противъ совершенного надъ нимъ насилия, и публицисты всѣхъ сортовъ и всѣхъ партій, понимающіе свой долгъ передъ обществомъ, должны были дать этому протесту ходъ и распространеніе. Когда человѣкъ негодуетъ противъ произвола цѣлаго учрежденія, неприлично оставаться равнодушнымъ и позорно выкидывать какіе-то гайерскіе фортели. А между тѣмъ такъ поступилъ Добролюбовъ. Перепечатывая статейку Якушкина, онъ посмѣивается надъ русской гласностью и рядомъ комическихъ воскликаній глумится надъ пострадавшимъ. «Мы не могли безъ особеннаго восхищенія, иронизируетъ онъ, читать мастерскаго очерка г. Якушкина!.. Какая смѣлость!.. Какое благородство выраженій!.. Какое достоинство тона!.. Простому полицейскому случаю придана форма вполнѣ литературная и при томъ чисто народная. Отрадно читать подобное описание. Сердце каждого русскаго, истинно-любящаго литературу своего отечества, должно опуштать радостный трепетъ при чтеніи статьи Якушкина. Она служить яснымъ доказательствомъ того, какъ велики прогрессы, до которыхъ дошли мы въ жизни и литературѣ вслѣдствіе широкаго развитія гласности»...²⁾.

¹⁾ «Русская бесѣда» 1859 г. V, стр. 107—108.

²⁾ «Сочиненія Добролюбова» т. IV, стр. 366.

Надъ чѣмъ хототаль Добролюбовъ? Надъ принципами гласности?
Надъ Якушкинъ?

Якушинъ — оригинальная, свѣтлая личность, вызывавшая восторженное сочувствіе во всѣхъ слояхъ русскаго общества. Одѣтый въ полумѣщанскій, полукрестьянскій костюмъ, который рѣзаль глаза и останавливалъ вниманіе проходящихъ, въ очкахъ, Якушинъ обходилъ села и деревни, сдружался съ крестьянствомъ, любовно присматриваясь къ его быту, любовно занося на страницы своей тетради пѣсни, сказки, преданія, типические разговоры. Путь его въ сущности былъ очень нелегокъ. Взваливъ на плечи лубочный коробъ, набитый оfenскимъ товаромъ на крестьянскую руку, торговецъ Якушинъ по грязи и бездорожицѣ, присаживаясь на облучекъ встрѣчной и попутной телѣжки, бодро и весело шелъ къ намѣченной цѣли. Охотнѣе всего онъ забирался въ глушь, въ дикіе проселки, где кипѣла жизнь первобытная, мало изученная, жизнь, по которой хорошо прослѣдить народное міровоззрѣніе, народныя горести и печали. Захаживалъ онъ и въ кабакъ, где народъ проводитъ часы отдыха — и повсюду онъ являлся, по свидѣтельству человѣка, хорошо его знавшаго, талантливѣйшаго русскаго писателя, С. Максимова, работникомъ, ходатаемъ и заступникомъ простого русскаго человѣка. Якушинъ, говорить Максимовъ, болѣль случайностями задержки въ историческомъ поступательномъ движеніи русскаго народа, но куда-бы онъ ни являлся, онъ повсюду вносилъ какой-то свѣжій воздухъ, прирожденную и возлѣянную незлобивость характера, умѣвшую забывать огорченія и оскорблѣнія¹⁾). Это было одно изъ самыхъ свѣтлыхъ явлений въ тогдашней русской жизни. Общество проснулось, русская жизнь, выражаясь словами Курочкина, начинала въ разныхъ точкахъ и съ разныхъ сторонъ оттаивать, ледяной покровъ официального застоя и мундирнаго однообразія давалъ трещины по всѣмъ направленіямъ. Обычное вынужденное безмолвіе и приниженнная оцѣпѣвѣлость стали нарушаться «сначала неяснымъ гуломъ недовольства, потомъ болѣе смѣлымъ говоромъ критического обсужденія, и еще далѣе молодымъ, порывистымъ выраженіемъ горячихъ надеждъ на будущее». Начинался обновляющій перестрой всего общественнаго склада. Слышались небывалыя слова и рѣчи. Въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи стали появляться какіе-то необыкновенные коллежскіе провинціальные и губернскіе секретари, «которые, состоя по прежнему въ разныхъ вѣдомствахъ и департаментахъ, уже не удовлетворялись исполненіемъ своихъ чиновничихъ обязанностей, задумывались о приложеніи своихъ силъ къ общественной дѣятельности». Новыя птицы пробовали первые взмахи своихъ едва наростиавшихъ крыльевъ...

Якушинъ былъ однимъ изъ типичныхъ явлений новой эпохи. Надъ чѣмъ же и надъ кѣмъ свистѣлъ Добролюбовъ?²⁾.

¹⁾ Сочиненія П. И. Якушина. Издание В. Л. Михневича 1884 г. «Біографический очеркъ», С. В. Максимова, стр. X.

²⁾ Ibidem, «Товарищеская воспоминанія» Н. С. Курочкина, стр. XXXIII—XXXIV.

Мы разсмотрели важнейшие заметки «Свистка»—материалъ, не устарѣвшій по своей пикантности до настоящаго времени. Рядъ грубыхъ и безактныхъ ошибокъ на публицистической почвѣ—вотъ краткое резюме этой дѣятельности Добролюбова. Нельзя найти никакихъ оправданій для этихъ разгульныхъ фельетонныхъ сатирическихъ, въ которыхъ попирались и люди, и принципы. Если бы по крайней мѣрѣ дѣятели «Свистка» были какими-либо пылкими мечтателями, не умѣющими считаться съ положеніемъ вещей, мы сказали бы: неосновательно, безактно, но понятно, быть можетъ даже извинительно—ради идеального порыва къ лучшему и совершенійшему. Но, будучи по крови и по убѣжденіямъ настоящими реалистами, презирая всякую мечту, какъ нѣчто бесплодное и даже вредное, какъ можно было решиться выступать на поприще общественной публицистики безъ достаточной подготовки, безъ внимательнаго, пристальнаго изученія текущей жизни? Нападки Добролюбова всегда фальшивы, бездоказательны и, по истеченіи въ сущности немногихъ лѣтъ, производить впечатлѣніе какого-то легкомысленного юмористического жонглерства пустыми, хотя и «радикальными» словами. Онъ не былъ правъ въ исторіи съ протестомъ. Онъ былъ скandalно несправедливъ въ своемъ столкновеніи съ Широговымъ. Онъ былъ несостоятеленъ въ своихъ стихотворныхъ и прозаическихъ нападкахъ на диспутъ Погодина и Костомарова. Онъ былъ написанъ въ характеристикахъ Монталамбера и Кавура. Онъ былъ непростительно опрометчивъ въ своихъ немногихъ строкахъ, посвященныхъ Якушкину. Въ чемъ же заслуги «Свистка»? Что писалось въ немъ хорошаго, талантливаго не по формѣ, а по красотѣ внутренней мысли, по силѣ убѣжденія? Дѣятельность Конрада Липленшвагера бойка, задорна, но совершенно бесплодна. Писанія другихъ прозаическихъ и стихотворныхъ лицедѣевъ «Свистка», подъ которыми скрывался Добролюбовъ, тоже не имѣть никакихъ заслугъ. Наконецъ, и въ своихъ пересмѣшкахъ эстетическихъ произведеній русской поэзіи, сатира «Современника», ошибочная и разнужденная въ оценкѣ явлений общественной жизни, шла тоже по ложному пути. Лирическія стихотворенія Аполлона Капелькина едва ли могли воспитать въ обществѣ правильное критическое отношеніе къ творчеству, къ искусству. Остальные стихотворные сатиры, подписанныя другими именами, только дополняютъ и усугубляютъ всю ту сутолоку понятій и стремленій, которая царила въ этомъ отдѣлѣ журнала.

Въ Добролюбовѣ была склонность къ стихамъ, хотя настоящимъ поэтическимъ талантомъ онъ не обладалъ. Въ его лирическихъ произведеніяхъ много личной правды, можно подмѣтить любопытныя черточки его человѣческаго характера, но чувствуется недостатокъ музыкальныхъ звуковъ и общаго поэтическаго напѣва. Онъ не обладалъ никакими красками, и лирическій стихъ его, въ противоположность иногда остроумному, иногда ловкому, хотя и подражательному, сатирическому стиху, подчасъ страдаетъ какою-то вялостью, безспиріемъ угнетенной сантиментальности. Не смотря на настоящій умъ, Добролюбовъ иногда утрировалъ выраженія своихъ

чувствъ и настроеній. Пріученный глядѣть на вещи подъ искусственнымъ, тенденціознымъ угломъ зрѣнія, быть можетъ чуть-чуть самодовольный въ оцѣнкѣ своей публицистической дѣятельности, онъ самъ, почти сходя въ могилу, произнесъ судъ надъ своей короткой и неполной жизнью въ слѣдующихъ, хорошо всѣмъ извѣстныхъ строкахъ:

Милый другъ, я умираю,
Оттого, что былъ я честенъ,
Но за то родному краю
Вѣрно буду я извѣстенъ.
Милый другъ, я умираю,
Но спокоенъ я душою...
И тебя благословляю:
Шествуй тою же стезею.

Послѣдними произведеніями Добролюбова были: оправдательная статья по поводу исторіи съ Пироговымъ и чисто публицистическая статья, напечатанная въ августовской книжкѣ «Современника» 1860 г. въ качествѣ очереднаго «Внутренняго Обозрѣнія».

Предъ нами прошла вся дѣятельность Добролюбова. Какъ преемникъ Бѣлинскаго, онъ не внесъ въ русскую литературу ни одного новаго эстетического или литературнаго принципа, который могъ бы двинуть впередъ русское творчество. Ошибки послѣдняго периода дѣятельности Бѣлинскаго доведены имъ до очень широкихъ размѣровъ и въ его критическихъ статьяхъ скристаллизовались въ цѣлую публицистическую систему, совсѣмъ не пригодную для оцѣнки художественныхъ произведеній. Въ лицѣ Добролюбова русская критика, какъ таковая, сдѣлала шагъ назадъ по сравненію съ критикой Бѣлинскаго, ибо, вставъ на почву чистѣйшаго реализма, даже безъ всякой примѣси психологического или философскаго интереса, Добролюбовъ принципіально отодвинулъ на задній планъ ея истинныя литературныя задачи и цѣли. Органъ критического сознанія общества атрофировался быстро и рѣшительно. Журнальная рецензія, съ бойкими жизненными намеками, становилась орудіемъ, дѣйствовавшимъ, быть можетъ, въ какой-нибудь степени на вѣнчаний ходь вещей въ странѣ, но не производившимъ никакого вліянія на жизнь и развитіе искусства и литературы. Критика все болѣе и болѣе замѣнялась обсужденіемъ постороннихъ ей вопросовъ и становилась замаскированнымъ средствомъ для воспитанія общественного мнѣнія на почвѣ гражданственной. Просвѣтительные задачи, подъемъ научно-философского развитія общества уходили все дальше и дальше и, такимъ образомъ, терялась почва для настоящаго, глубокаго прогресса. Наконецъ, «Спинтокъ» пріучалъ общество къ безцеремонности и разнузданности въ отношеніи къ серьезнѣйшимъ явленіямъ жизни и готовилъ блестящій триумфъ критической дѣятельности третьаго критика русской литературы — Писарева и его современныхъ оруженоносцевъ и эпигоновъ.

А. Волынскій.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

I.

Что дѣлаютъ теперь во французской палатѣ? Тамъ совершилось два любопытныхъ дѣла. Когда въ казну свалилось 67 миллионовъ, благодаря конверсіи, не знали, что дѣлать съ ними. Радикалы и соціалисты потребовали, устами Жореса, уменьшить на эту сумму поземельный налогъ. По этому случаю они раскрыли познанку нынѣшней блестящей Франціи; и ихъ горячо поддержали многія газеты и лучшіе экономисты. Хозяйственное положеніе страны начинаетъ напоминать времена предъ 1789 г. Такія лукавыя мѣры, какъ земледѣльческіе спандикаты 1884 г., послужили только въ пользу крупныхъ владѣльцевъ и хлѣбныхъ торговцевъ: благодаря имъ, во Франціи завелись свои аграріи, эти пьявицы крестьянства. А тутъ рядъ неурожаевъ—и пошла работа кулаковъ-скунщиківъ. Обнищалый крестьянинъ должаетъ и, когда приходитъ срокъ уплаты, оставляетъ заимодавцу однѣ развалины: рубятъ и продаютъ деревья, даже свои усадьбы. Недоѣмки ростутъ. Лишенные имущества сельчане стремятся въ города. Развиваются бродяжничество и нищенство. Правительство, ничто же сумняшеся, хватало бродягъ, пока не переполнились тюрьмы. А тѣмъ временемъ росло крупновладѣніе: теперь изъ 50 миллионовъ гектаровъ пашенной земли только 7 принадлежать мужикамъ: остальные—въ рукахъ помѣщиківъ, которые сдають землю въ аренду или вовсе не обрабатываютъ ея, т. е. заводится фермерство, отъ которого Англія не знаетъ теперь, какъ избавиться.

Послѣ такой картины, которую министръ земледѣлія созерцалъ молча, палата устыдилась: большинствомъ болѣе ста голосовъ, она приняла предложеніе Жореса по частямъ. Но при голосовкѣ предложенія Жореса въ цѣломъ, оно провалилось. Вместо того, назначили 5 миллионовъ изъ 67 на перестройку Бурбонскаго дворца.

А за остальные миллионы взялись, къ довершенню скандала, новоявленные аграріи, протекціонисты г-на Мелина, которыми кишитъ Бурбонскій дворецъ. Года три тому назадъ, имъ удалось разрушить торговые договоры и поднять хлѣбную пошлину на 5 фр. съ гектолитра. Теперь

они потребовали 12 фр., чтобъ помочь мужику, у котораго они уже почти отняли пашни. Казалось, эта наглая нелѣпость осуждена заранѣе. Въ иѣменскомъ рейхстагѣ, гдѣ тогда-жъ разминался этотъ самый вопросъ, доказано, что цѣны на хлѣбъ зависятъ не столько отъ тарифовъ и даже урожаевъ, сколько отъ рынка и биржи, т. е. отъ спекуляціи кулаковъ и аграріевъ. Противъ гг. Мелиновъ появились убийственные документы. На вопросъ о послѣдствіяхъ разрыва торговыхъ договоровъ торговая палата Реймса отвѣчала, что они «гибельны». Съверо-востокъ Франціи теряетъ свои вѣковые рынки; лопаются шерстяныя фабрики, гдѣ кормились сотни тысячъ рабочихъ. То же говорила о югѣ Франціи марсельская дума, которая прямо протестовала противъ хлѣбныхъ пошлинъ. Первые экономисты возмущены продѣлками протекціонистовъ. Леруа-Болье и Пасси доказываютъ, что въ послѣдніе три года вывозъ Франціи сократился на полмилліарда; и если возвысить пошлину на хлѣбъ только до 8 фр., то крестьянской семье придется истратить въ годъ до 150 фр. на одинъ хлѣбъ, т. е. внести эту контрибуцію въ карманы аграріевъ. Даже лучшіе органы оппортунизма возстали: *Temps* заявилъ, что «ретроградная политика, ведущая Францію къ одиночеству», есть «повѣтряе безумія» и путь къ воскрешенію коммуны.

Наконецъ, всѣ стали выдвигать политическую сторону дѣла, особенно въ виду русско-германского договора. Въ палатѣ и въ журналахъ заговорили: «Это — неслыханное безразсудство! Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ не останется и слѣда отъ тулонскаго опьяненія. Мы допустили Германію похитить у насъ швейцарскій рынокъ, а скоро лишимся и русскаго». Кончилось тѣмъ, что само министерство умоляло аграріевъ удовольствоваться 7-ю фр. Эту пошлину и приняла палата, а за нею и сенатъ.

II.

Германія представляла, за послѣдніе мѣсяцы, весьма поучительный предметъ для наблюденій соціолога надъ паталогіей современныхъ обществъ. Тамъ шла все та-же солидная, но бесплодная работа надъ разрѣшеніемъ такихъ допотопныхъ вопросовъ: какъ-бы пахать тамъ, гдѣ не сѣяли; и какъ-бы извлечь миллионы оттуда, гдѣ нѣть гроша? Отсюда война «на всѣ фронты» — только не съ вѣшними, а съ внутренними врагами, съ собственными подданными. Вчера воевали съ соціалистами и клерикалами, съ помощью юнкеровъ, сегодня борются съ юнкерами, съ обратнымъ союзомъ. Дѣло почти невѣроятное. Оказывается, напримѣръ, что «новый курсъ», сознавшись, что нѣть лишнихъ денегъ на флотъ, ёдетъ теперь уже по сухому пути. И ёдетъ онъ на такой тройкѣ, какія водились только въ 17 и 18 вѣкахъ, въ эпоху «государственныхъ тайнъ» и *Staatsraison'a*, недоступнаго «ограниченному разумѣнію подданныхъ».

Такъ какъ въ Пруссіи теперь все дѣло въ презрѣніи металѣ, изображающемъ собою «патріотизмъ», то вотъ уже четыре мѣсяца, какъ въ

корню стонть министръ финансовъ, а на пристяжкѣ новый магъ—его товарищъ да имперскій канцлеръ. Старый магъ и чародѣй финансовъ—все онъ же, «геніальный» Микель. Онъ теперь немножко смущенъ. Его угнетаетъ прошлое. Давно-ли онъ разводилъ такой либерализмъ, какъ подоходный налогъ? А теперь выступилъ съ такими налогами, что всѣ партіи рвутъ его на части въ рейхстагѣ, да еще ехидно спрашиваютъ: отчего это онъ противится введенію подоходнаго налога въ имперіи? Микель открепивается отъ этого грѣха. А тутъ Бебель раскрылъ еще болѣе ужасные грѣхи юности—благовѣйную переписку Микеля съ Марксомъ и Энгельсомъ. Министру пришлось признаться въ своемъ грѣхѣ; но теперь онъ убѣдился «въ ложности соціалистическихъ учений» и готовить книгу на этотъ счетъ. Теперь онъ взялъ къ себѣ на подмогу новаго товарища, въ замѣнъ Мальтцана, который опротивилъ всѣмъ изобрѣтеніемъ пресловутыхъ трехъ *B.* Этимъ товарищемъ оказался Позадовскій, силезскій полякъ, но протестантъ и аграрій, готовый сѣсть своего товарища.

На такой-то тройкѣ появился, въ рейхстагѣ, въ сумрачный ноябрьскій день, «новый курсъ», сопровождаемый недовольствомъ всѣхъ партій и всего народа. Какъ известно, рейхстагъ былъ созданъ для разрѣшенія новыхъ налоговъ въ пользу военной «реформы». И эти налоги все рос-туть: правительство потребовало еще $5\frac{1}{2}$ милл. марокъ на постоянный экзерциръ-плацъ, т. е. на превращеніе плодородной земли въ бесплодную; а недостачу хлѣба съ этой полосы приходилось возмѣщать покупкой заграницей, такъ что предвидѣлось убытка народу на 14 милл. Но не успѣлъ открыться рейхстагъ, какъ Германія, въ особенности же Берлинъ, переполнилась сходками всякихъ партій, гдѣ всѣ заговорили единодушно и горячо противъ новыхъ косвенныхъ налоговъ. Каприви, испытывая въ чужомъ пиру похмѣлье, пустилъ впередъ симпатичные народу торговыя договоры,—на этотъ разъ съ Румыніей, Сербіей и Испаніей. Произошли чудеса. Вся нація обрадовалась этимъ орудіямъ мира, тѣмъ болѣе, что за ними видѣлось и прекращеніе таможенной войны съ Россіей. За нихъ стояли разнообразныя, даже враждебныя другъ другу партіи—и соціаль-демократы, и національ-либералы, и прогрессисты. Противъ нихъ выступила зло и открыто только кучка аграріевъ, съ антисемитами въ резервѣ и съ такими допотопными, своеокрыстынми доводами изъ «старо-prusскихъ преданій», что ихъ ничего не стоило разбить. Раздались на весь міръ убѣдительная и колкая рѣчь Рихтера, жгучее слово Бебеля, наставительная лекція Бенингсена, твердые заявленія министровъ, даже уклончивыя объясненія поляковъ—чистокровныхъ аграріевъ. Въ особенности краснорѣчивъ и интересенъ былъ самъ Каприви. Онъ горячо отстаивалъ интересы несчастнаго потребителя и крестьянинъ отъ «рака земледѣлія», т. е. отъ вождѣній аграріевъ. Онъ безпощадно разоблачалъ «демагогический образъ дѣйствій» прокутившихся юнкеровъ, алчность и деспотизмъ Бисмарка. Видно было, что передъ лицомъ міра идетъ смертельный бой между свободою и протекціонизмомъ, между ми-

ромъ и войной. Еще замѣтно было, что горить, быть можетъ и менѣе сознательно, борьба между гегемоніей ревнивой, консервативной, властительной и шовинистской Пруссіи, съ одной стороны, и мирной, жаждущей свободы и независимости Германіей — съ другой.

Борьба двухъ началъ обострялась съ каждымъ днемъ. Въ рейхстагѣ давно не было такого оживленія. Выступилъ противъ канцлера мира самъ «желѣзный канцлеръ»: Гербертъ Бисмаркъ привезъ изъ Фридрихсруэ произведеніе знакомаго пера. Онъ уличалъ правительство въ потворствѣ соціалистамъ и анархистамъ! А свѣтила краснорѣчія либеральныхъ толковъ громили всѣ пережитки средневѣковщины, въ лицѣ аграріевъ и ихъ приспѣшниковъ.

Но каково же было творцу мирной эры видѣть, какъ его усиленія подрываются тѣмъ самымъ «новымъ курсомъ», за который онъ расپинается! Вильгельму II невыносимо, что онъ — владыка только во время войны: онъ давно мечталъ распоряжаться войсками имперіи и въ мирную пору. Это вожделѣніе, вмѣстѣ съ гибельнымъ для Швабіи налогомъ на вино, привело къ великому скандалу въ фатерландѣ: 9-го декабря, вюртембергскій министръ, Мозерь, засѣдавшій въ союзномъ совѣтѣ, внезапно покинулъ Берлинъ и объявилъ, что больше не вернется. А это могло подействовать на Баварію, Гессенъ, Саксонію и даже на правовѣрный Баденъ, гдѣ уже подняла голову «баденская демократія» пріятеля Евгенія Рихтера, Зигля, — партія, возстающая противъ «Молоха» (prusского милитаризма).

Но самое тяжкое испытаніе предстояло Каприви въ самомъ рейхстагѣ. Ему пришлось послѣдовать примѣру Бисмарка, мнѣявшаго союзы съ партіями, какъ туфли. Онъ вдругъ увидѣлъ, что судьба договоровъ зависитъ отъ партіи центра, а эти опытные молодцы политики *do ut des* (подачка за подачку) тотчасъ поняли свое положеніе и воспользовались имъ. Они съ самого начала заявили себя противниками договоровъ; а въ первый же «Швериновъ день»¹⁾ выступили съ 20 биллями, во главѣ которыхъ стояло возвращеніе іезуитовъ и затѣмъ... кое-что въ пользу рабочихъ, чтобы закрѣпить за собой сельскихъ овечекъ *Bauernbund'a*. Нужно замѣтить, что законъ противъ іезуитовъ, которымъ открылся *Kulturkampf*, былъ изданъ въ 1872 г., тотчасъ послѣ объявленія догмата о папской непогрѣшаемости, возмутившаго всѣхъ противъ заносчивости Пія IX. Онъ былъ очень тяжель для патеровъ: германскій отдѣлъ ихъ ордена былъ однимъ изъ самыхъ цвѣтушихъ. Теперь вожаки центра заявили: «Въ Германіи терпять анархистовъ, а изгоняютъ іезуитовъ, которые борются съ разрушительными ученіями». А эти ученія оказались такими идеалистичными, что вывезли іезуитовъ, хотя и съ трудомъ: за центръ стали

¹⁾ *Die Schwerinstage* — по имени давнишняго министра-либерала, Шверина, который предложилъ рейхстагу назначить одинъ день въ недѣлю для частныхъ, партійныхъ биллей. Была выбрана среда для *Schwerinsanträge*.

социаллисты и прогрессисты, какъ противники «всякихъ исключительныхъ законовъ».

Какъ только совершилось такое знаменательное событие, все пошло какъ по маслу. Черезъ двѣ недѣли, 14-го декабря, рейхстагъ принялъ всѣ три «маленькихъ» договора, хотя и большинствомъ всего 24 голосовъ.

III.

Всльдѣ затѣмъ выступилъ на сцену договоръ—русскій договоръ,—и снова началось знаменитое германское «столпотвореніе», тѣмъ болѣе, что это дѣло сплеталось съ нѣоконченнымъ финансовымъ вопросомъ.

Русскій договоръ имѣть міровое значеніе не потому только, что онъ связываетъ на десять лѣтъ двѣ могущественнѣйшія военные державы. Его великій экономический смыслъ очевиденъ. И онъ ясенъ для всякаго, кто не скованъ теоретическими педантствомъ и не подкупленъ соблазнами своеокрыстныхъ партій. Печальная исторія вездѣ и всегда одна и та же: что мы сейчасъ говорили про французскихъ Мелиновъ, то же самое приходится повторить про германскихъ аграріевъ, которые и ссылались на Мелина. Вездѣ охотники нажимаютъ насчетъ народа прикрываются его интересами. Вездѣ ихъ алчность неутолима: они все требуютъ надбавокъ въ тарифахъ, не замѣчая, какъ наивныя дѣти, что этимъ они сами прямо доказываютъ ложность своихъ спасительныхъ мѣръ. 15 лѣтъ тому назадъ, въ 1879 г., Германія покинула путь свободной торговли: чистокровный юнкеръ и крупный землевладѣлецъ, Бисмаркъ, обложилъ привозный хлѣбъ пошлиной въ 1 марку на центнеръ, а въ 1887 г. понадобилось уже 5 марокъ. Въ то же время вообще возвышали пошлины на предметы питания, подъ видомъ санитарныхъ и тому подобныхъ цѣлей. Нигдѣ не было такого чудовищного тарифа: и все это, конечно, въ пользу народа, который платилъ всѣ эти пошлины, а аграріи наживались.

Въ 1893 г. Россія объявила таможенную войну противъ безобразій германского тарифа, направленного преимущественно противъ ея земледѣлія: она потребовала пониженій, подобныхъ австро-германскому договору. Получивъ отказъ, она подняла пошлины на производенія нѣмецкой промышленности огуломъ на 25% противъ своего, и безъ того высокаго тарифа, 1891 г. Германія отвѣчала 50%, Россія надбавила еще 50%...

Теперь аграріи пустили въ ходъ всѣ обычныя средства паразитовъ народа—ложь, клевету, запугиванія, наускиванія. Ихъ клубы, гдѣ числилось до 160,000 членовъ, обратились въ собранія якобинцевъ. Только-что заведенные сельскохозяйственные палаты обратились въ «юнкерские парламенты», по словамъ Рихтера: онѣ мечтаютъ объ упроченії разваливающагося допотопнаго майората, т. е. объ окончательной гибели мелкаго владѣнія, тогда какъ именно теперь, въ виду бѣгства мужиковъ въ города, сокращеніе

крупновладѣнія — единственное средство спасти пустѣющее село. Аграріи распускали слухи, будто южная государства Германіи прямо взбунтуются, если пройдеть русский договоръ, и грозили, что армія развалится, такъ какъ ихъ соколки, офицеры, выйдутъ въ отставку. Они наводнили страну дерзкими, тревожными листками, где поносили Каприви и увѣряли, что онъ уже подалъ въ отставку. Они готовили формальную революцію, разсчитывая захватить власть: ихъ было множество среди провинціальныхъ ландратовъ; они господствовали въ прусскомъ ландратѣ: ихъ главарями оказались не только оба Бисмарка, но и Эйленбургъ, и самъ «геній» и «соціалистъ» Микель.

Съ каждымъ днемъ аграріи веселѣли: казалось, ихъ дѣло выиграно; и они доходили до предѣловъ нагости. Гербертъ Бисмаркъ всюду, даже въ рейхстагѣ, носился съ своими поплѣньками, но злыми и откровенными рѣчами. Старая лиса въ Фридрихсруѣ собиралась явиться въ рейхстагѣ, а покуда подкапывалась подъ договоръ въ своихъ затхлыхъ газеткахъ. Ветхая деньми *Kreuzzzeitung* воопила, что правительство превращается въ демагога, забывая правило — «власть, а не большинство»: оно «подвергаетъ опасности монархическія чувства и имперское единство». Наконецъ, аграріи осмѣялись прямо объявить въ рейхстагѣ, что «правительственная колесница расплатилась» и необходимо обратиться за помощью къ «сокровищу» Германіи.

IV.

Дѣло кончилось тѣмъ, чѣмъ кончается всякая ложь. Аграріи только разоблачились во всей своей наготѣ. Подобно англійскимъ лордамъ, они приблизили эру погибели юнкерскаго господства въ несчастной Германіи. Они возстановили противъ себя всю націю. Ея истинныя чувства и выгоды проявлялись съ каждымъ днемъ сильнѣе. Вся печать, за исключеніемъ кучки ретроградныхъ газетъ, доказывала цифрами и документами какъ обнищала Германія, благодаря юнкерству и связанной съ нимъ воен, щинѣ. За послѣднія 15 лѣтъ военные расходы поглотили 1.630 милл. марокъ, доходя иногда до 318 милл. въ годъ; изъ нихъ тяжелыми займами покрыто 1.334 милл. И въ Германіи, въ этомъ убѣжищѣ науки, начали экономничать насчетъ университетовъ и музеевъ! Новый юмористической листокъ, *Lüstige Blätter*, выпустилъ къ Рождеству яркую картинку. Жирнаго льва (черты военного министра) въ клѣткѣ кормятъ кровавымъ мясомъ («новые налоги»). Позади еле держится на ногахъ тощая фигура (черты министра просвѣщенія), жаждно поглядывающая на кормъ. Подъ картинкой подпись: «Завистливое просвѣщеніе: о, ты, счастливый звѣрь!»

Печать объясняла, какъ пала нѣмецкая промышленность во всѣхъ своихъ отрасляхъ: покупаютъ все меньше и все подешевле. Фабрики и магазины пустѣютъ. Печати вторили торговые палаты, клубы и общества промышленниковъ, купцовъ и ремесленниковъ. Всѣ доказывали един-

гласно, что таможенная война губить все производство страны, а также ее судоходство. Заговорить и тот пашенный мужикъ, «ради котораго» поднялись аграріи. Извозчики плачутся на недостатокъ овса и бросаютъ свой промыселъ. Сельчане бѣгутъ въ города отъ тягости налоговъ и недостатка земли. Здѣсь они образуютъ массу безработныхъ. Въ Берлинѣ безработные стали ходить по улицамъ съ криками: «работы или пищи!» 18-го января ихъ было 50,000, и произошли схватки съ полиціей. Соціалисты устраиваютъ изъ нихъ множество сходокъ. И рейхстагъ сталъ обсуждать ихъ бѣдственное положеніе, какъ «послѣдствіе промышленного застоя». Либкнехтъ показалъ, что вездѣ господствуетъ нужда, вызывающая анархизмъ, который питаетъ реакцію: въ Америкѣ 2 милл. безработныхъ, въ Англіи—1 милл.; во Франціи, Бельгіи и Италии голодовки. А государство смотрѣть на народъ только, какъ на дойную корову или стрегомую овцу. Въ отвѣтъ на эту печальную рѣчъ, министръ Бѣттихеръ призналъ нужду, считая ее, впрочемъ, пустякомъ, «обыкновеннымъ явлѣніемъ».

Въ то же время допекали со всѣхъ сторонъ Микеля. Со всѣхъ концовъ летѣли протесты противъ его «гениального» обиранія народа путемъ новыхъ налоговъ: ихъ уже болѣе 1 милл.; они составили 80 томовъ, по 1,200 страницъ въ каждомъ. Капризи представилъ въ рейхстагъ всю эту прелесть; а купцы зазвали Микеля къ себѣ на банкетъ, и поговорили съ нимъ такъ откровенно, что онъ воскликнулъ сквозь слезы: «страдальцы нуждаются въ утѣшении». Въ концѣ января въ рейхстагѣ произошла «гекатамба» налоговъ Микеля: всѣ спроважены въ бездонную бочку, имеющую коммісіей. И финансовый «гений» Германіи сталъ посмѣшищемъ юмористическихъ листковъ.

Чѣмъ ближе подходило 10-е февраля, тѣмъ болѣе заваливали Капризи просьбами объ ускореніи русского договора. Купцы, промышленники, рабочіе, крестьяне собирались на громадныя сходки съ тою же цѣлью. Во всѣхъ углахъ Германіи появилась масса брошюръ на ту-же тему. И дѣло между уполномоченными Россіи и Германіи закипѣло. 10 февраля договоръ былъ подписанъ; 19-го онъ былъ принятъ единогласно союзнымъ совѣтомъ; 26-го начались пренія о немъ въ рейхстагѣ, которыхъ длились цѣлую неделю.

Прежде всего аграріи набросились на договоръ—и совсѣмъ оплошили. Въ ихъ рѣчахъ не было ничего, кроме дерзостей и циничнаго шовинизма. Они вовсе неумно обвиняли правительство въ союзѣ съ соціалистами и чуть не съ анархистами. Они старались поднять низменныя чувства толпы. «Мы отказываемся отъ своихъ правъ въ пользу сосѣда. Бисмаркъ находилъ выгоднымъ, передъ прибытиемъ въ Берлинъ Русскаго Монарха, закрыть двери имперскаго банка для русскихъ бумагъ... Россія держитъ 150 эскадроновъ кавалеріи на западной границѣ для вторженія въ Германію. И мы покорно преклоняемся, принимая ея хлѣбъ, въ которомъ мы не нуждаемся» и т. д. Защитники договора фактами опровергали фантазіи аграріевъ. Если Россія мало уступила, то и за это спа-

сибо: она столько навредила Германіи, за послѣдніе 20 л., своими тарифами, что въ министерствѣ скопилось 120 томовъ, подъ заглавiemъ: «Вредъ, нанесенный нѣмецкой промышленности русскою торговой политикой». Разсужденія аграрievъ годны только для «доброго старого времени». Теперь-же, при договорахъ съ другими государствами, пошлины на русскій хлѣбъ не имѣютъ смысла: онъ придется въ Германію черезъ другія страны въ видѣ муки. Рихтеръ цѣлый часъ громилъ аграрievъ Ѣдкими сарказмами, среди смѣха лѣвой и негодующихъ возгласовъ правой. Но важнѣе всего были столь-же искреннія слова Кауриви, рѣчь котораго и за предѣлами Германіи называли «мастерскою и величественною». Благородныя слова имперского канцлера были направлены именно противъ шовинизма аграрievъ, которые стремятся къ «отчужденію и озлобленію людей», къ сооруженію «китайской стѣны» между сосѣдями: эти господа поссорили дома промышленность съ сельскимъ хозяйствомъ и развили вражду между потребителями и производителями, а теперь готовы бросить Россію въ объятія панславизма, т. е. отвлечь ее отъ культурнаго общенія съ Европой. Кауриви радовался, что этимъ «мостомъ между двуми великими націями» на десять лѣтъ обеспечивается миръ, и Германія доказываетъ всѣмъ, что «она сыта». Онъ заявилъ, что Австрія съ Италіей также выразили свою радость.

Рѣшительный тонъ Кауриви ошеломилъ аграрievъ. Они, а также поляки, стали говорить уклончиво, болѣе сдержанно. Микель подалъ въ отставку. Начинаютъ отступать и многие члены аграрныхъ клубовъ. Принятіе договора считается обеспеченнымъ: за него большинство и въ комиссіи рейхстага, куда онъ переданъ 1-го марта. Нѣмцы ликуютъ. Кауриви сталъ опять популяренъ, какъ въ началѣ своего канцлерства.

А. Трачевскій.

Комиссія при Спб. Комитете Грамотности для помощи нуждающимся ученикамъ народныхъ школъ.

Два года назадъ, въ январѣ 1892 г., во время голода общее собраніе Спб. Комитета Грамотности избрало Комиссію для помощи учащимся въ народныхъ школахъ неурожайныхъ мѣстностей. Въ первые 1 годъ 9 мѣсяцевъ до октября 1893 г. Комиссія подъ предсѣдательствомъ Я. Г. Гуревича собрала пожертвованіями и другими способами почти 27,000 руб. и изъ нихъ издержала около 25,000 руб. на кормленіе учащихся въ школахъ большей части неурожайныхъ губерній. Съ урожаемъ 1893 года голодное бѣдствіе кончилось. Но въ народныхъ школахъ, конечно, имѣется часть учениковъ, сильно нуждающаяся, именно сироты, дѣти бѣднѣйшей части крестьянъ и т. п. Притомъ въ 1893 г., рядомъ съ удовлетворительнымъ урожаемъ въ большинствѣ губерній, послѣдовалъ плохой урожай въ нѣкоторыхъ, преимущественно сѣверныхъ губерніяхъ: Новгородской, С.-Петербургской, Олонецкой, части Тверской, Тобольской и др. Общее собраніе Комитета Грамотности въ октябрѣ въ 1893 г. нашло, что, какъ существуютъ при среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ общества помоши нуждающимся ученикамъ, такъ и даже гораздо болѣе необходимы подобныя-же учрежденія для народныхъ школъ, и потому продолжило дѣятельность Комиссіи на 1893 — 94 учебный годъ.

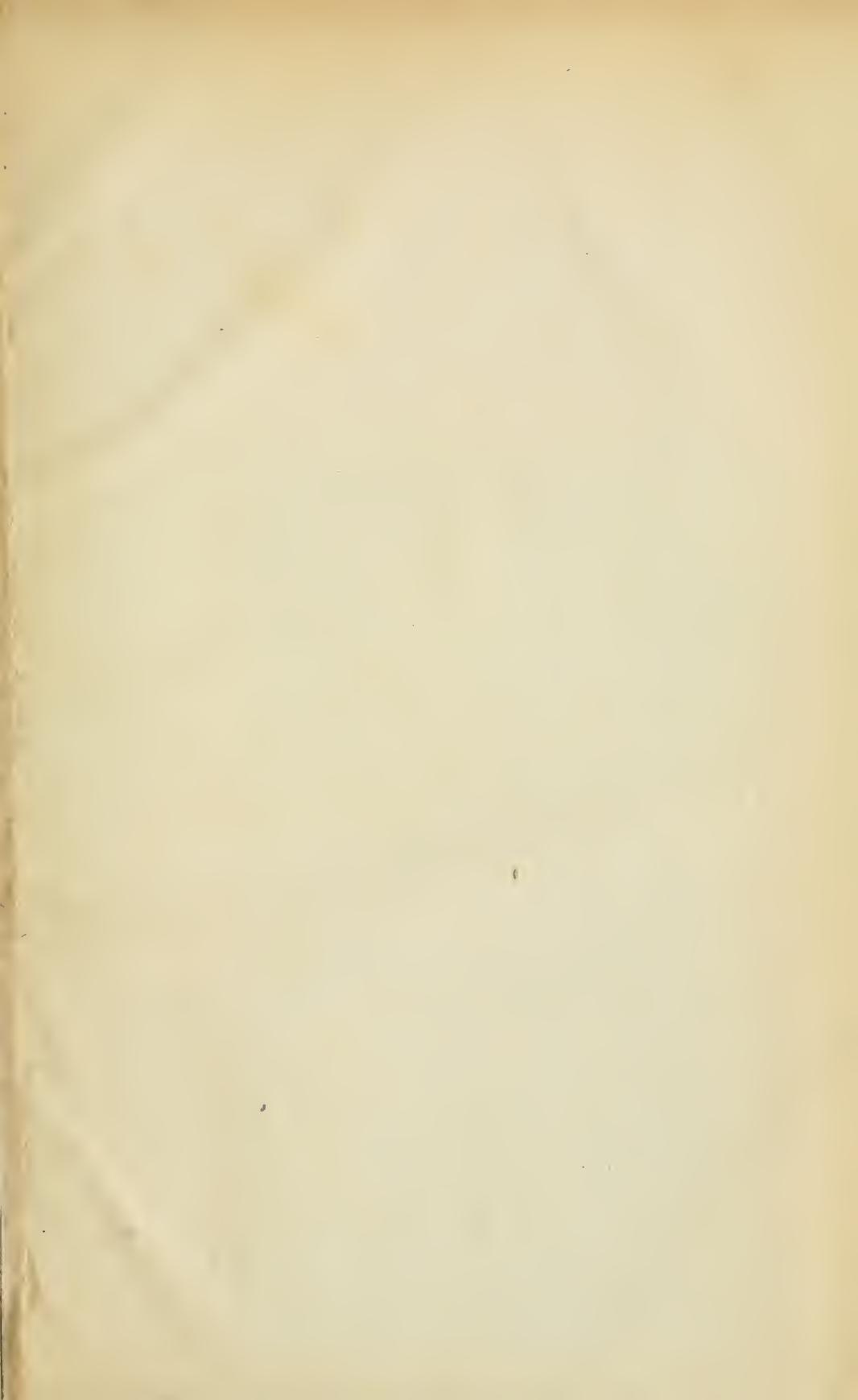
Изъ Новгородской губ. пишутъ Комиссіи, что неурожай въ 1893 г. былъ изъ ряда вонъ, крестьяне уже съ начала зимы покупаютъ хлѣбъ, во многихъ школахъ почти половина учениковъ не ходить въ школы, потому что принуждена собирать милостыню. Изъ Нижегородской губ. пишутъ, что въ нѣкоторыхъ ея углахъ, разоренныхъ предыдущими неурожаями и недоимками, болѣзнь и смертность дѣтей увеличились. Во всѣхъ этихъ губерніяхъ ученики, приходящіе изъ дальнихъ деревень на цѣлую недѣлю, пытаются всю недѣлю однимъ сухимъ хлѣбомъ.

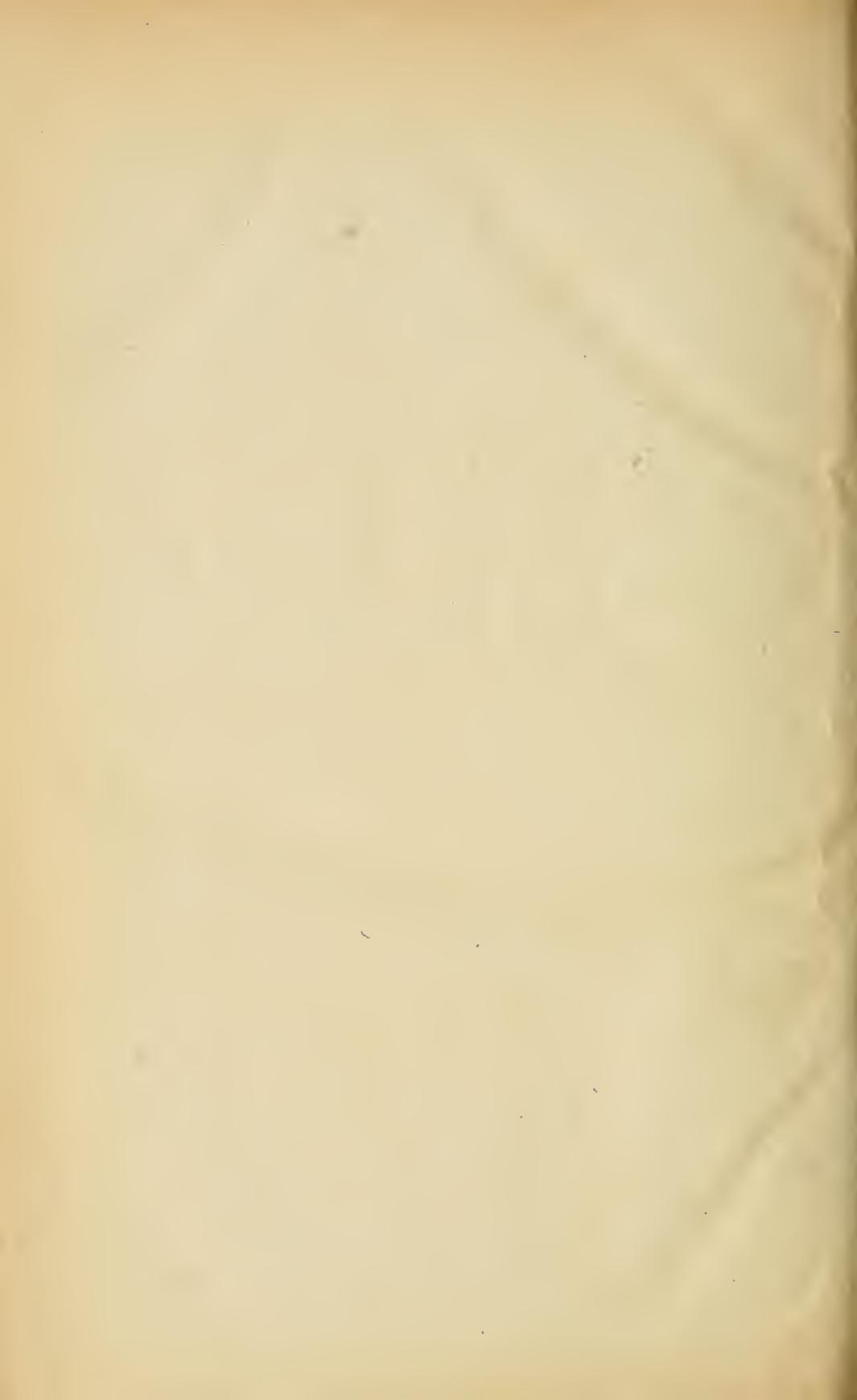
Такъ какъ мѣстный неурожай 1893 года не былъ такой полный, какъ неурожай 1891 и 1892 годовъ, то Комиссія, соблюдая экономію при ея малыхъ средствахъ, даетъ въ нынѣшнемъ году не на полное продовольствіе цѣлыхъ школъ, какъ въ первые 2 года, но лишь на бѣднѣйшихъ

учениковъ и притомъ или на горячую пищу (ши, кашу, картошку, чай), или на ржаную муку, изъ которой въ школахъ печется хлѣбъ, что составляє на каждого ученика въ нынѣшнемъ учебномъ году, до мая мѣсяца . . . 30 коп. до 1 р. 50 к. въ мѣсяцъ, смотря по мѣстной нуждѣ. Уже въ . . . ящее время Комиссія кормить 423 ученика въ 38-ми народныхъ школахъ (31 земской и 7 министерскихъ) уѣздовъ Лужскаго, Гдовскаго, Шлиссельбургскаго, Бѣлозерскаго, Кирилловскаго, Устюженскаго и Рязанскаго. Всего ею ассигновано на эти 38 школъ до конца учебнаго года 745 руб.

Комиссія надѣется, что общество поддержить ея дѣло своими пожертвованіями также, какъ и въ предыдущіе два бѣдственныхыхъ года, такъ какъ коріеніе бѣднѣйшихъ учениковъ уменьшаетъ болѣзни и смертность слабыхъ дѣтей, который иначе принуждены въ морозъ цѣлые мѣсяцы собирать милостыню и на цѣлые мѣсяцы прерываютъ свое школьнное ученіе, и безъ того слишкомъ кратковременное.

Пожертвованія единовременныя и ежемѣсячныя принимаютъ: предѣдатель Комиссіи Б. Э. Кетрицъ (Баскова ул., 14), казначей ея Ю. В. Керножицкая (Б. Московская, 9) и члены Н. А. Окуневъ (Преображенская ул., 42) и А. М. Ону (Б. Конюшенная, 1).

AP
50
S57
1894
no. 3

Sievernyi viestnik

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

